

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗИТЕЛИ

Москва. Издательство "Травда"

1989

к 1129.5-1.3

Составление, вступительная статья, вводные тексты и комментарии
Т. Г. Ивановой

Иллюстрация
М. Ф. Петрова

Р $\frac{4702010000-1795}{080(02)-89}$ 1795-89

Сказители

Фольклор принято считать искусством коллективным, безавторским. Против такого определения действительно не возразишь: мы не можем назвать имени того древнего русича, который первый рассказал сказки «Аленький цветочек» и «Иван-царевич и серый волк»; мы не знаем, в чем творческом воображении родились былины о бое Ильи Муромца со своим сыном или же «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича на его жене». Названные сюжеты и возникли-то не на славянской почве. Былина о бое Ильи с сыном у многих читателей вызовет ассоциации с персидской поэмой «Шахнаме» великого Фирдоуси (эпизод встречи Рустема с Сохрабом), а сюжет о Добрыне и Алеше заставит вспомнить древнегреческую историю об Одиссее и Пенелопе. Ну, а сказки? Они одинаковы у многих народов. Еще в Древнем Египте можно было услышать рассказ о том, как герой, чтобы добыть себе невесту, должен был на своем коне допрыгнуть до окна красавицы, сидящей высоко над землей¹.

Но означает ли все сказанное, что Илья Муромец — это не русский богатырь, а Иванушка-дурачок — иностранец, случайно забредший в русский фольклор? Конечно, нет! И былины, и сказки, и песни, и плачи — все это произведения чисто русские, самобытные, выражающие наш национальный характер, русское понимание добра и зла, нравственности и морали, долга, дружбы, любви. Сюжеты «перехожих повестей» (этим термином великий русский филолог Ф. И. Буслав обозначил явление аналогий многих повествований в мировом фольклоре и литературе) кочуют от народа к народу, из одного века в другой. Однако в каждой этнической среде они получают свою национальную окраску, позволяющую безошибочно отличить русского богатыря от восточного батыра или западного рыцаря.

«Перехожие повести» и в Скандинавии, и во Франции, и на Востоке, и на Руси рассказывались представителями своих народов — сказителями, скальдами, трубадурами, ашугами, жившими среди своего этноса и выражавшими самосознание своего рода-племени.

Русский фольклор богат и разнообразен. Пословицы и былины, сказки и свадебные плачи, загадки и духовные стихи, хороводные песни и заговоры, календарная поэзия и частушки — все эти жанры составляют сокровищницу духовной жизни нашего народа. Мы можем говорить о разном «удельном весе» коллективного и индивидуального начал в каждом из перечисленных жанров. Колядки и винограда — святочные песни благопожелания, которые должны были обеспечить будущий урожай, — обязательно исполнялись группами молодежи, детей или взрослых членов общины. Вне коллектива девушек немислим был летний хоровод. Свадебная песенная поэзия — как лирические, так и величальные песни — также звучала в исполнении хоров подружек невесты. Во всех указанных жанрах личность как бы растворялась в общине, она становилась частицей деревенского коллектива. Хоровое исполнение различного рода обрядовых и необрядовых песен не предполагало слушателей. Песни пелись для себя, для коллектива, который не был разделен на зрителей и исполнителей.

Однако существовали в русской устной поэзии и другие жанры, где личность, сказитель, мастер выступал на первый план. Моножанром были сказки. Былины и баллады в их классическом севернорусском варианте пелись также одним лицом. Как правило, причитания звучали в устах одной плачеи. При исполнении народного эпоса, сказок и причетий коллектив уже делился на привычных для современной жизни «слушателей» и «артистов».

¹ Сказки и повести Древнего Египта. — Л., 1979. С. 78—83.

Слово «сказитель» в народе почти не употребляется. Оно введено в науку учеными. Крестьяне знатоков былин называли «сказителями» или «старинщиками» (от слова «старина» — народное название несенных эпических произведений), любителей сказок — «сказочниками» (а ранее — «бахарями»); исполнительницы причитаний звались «плачехами», «стиховодницами». В фольклористике всех этих мастеров устной поэзии принято называть емким словом «сказитель».

Именно сказитель в фольклорной традиции является тем центром, где органично смыкается коллективное и индивидуальное начало, присущее всякому искусству. Сказитель поет и рассказывает то, что было сочинено задолго до него, создано его народом, отшлифовано коллективом, но он исполняет устно-поэтическое произведение один, не в хоре, сказитель выступает как личность, в чем-то противопоставленная коллективу. Он повествует что-либо своим слушателям, и коллектив его слушает.

Надо сказать, что отнюдь не каждый сказочник или былинщик, отнюдь не всякая женщина, умеющая причитывать, может называться сказителем. Есть у этого слова еще одна грань. Сказитель — это мастер, знаток устного слова, выдающийся исполнитель, ценный и уважаемый своей общиной.

Собиратели отмечали исключительность знатоков фольклора в общей крестьянской среде. Видный собиратель севернорусского фольклора Н. Е. Ончуков писал в начале нашего столетия: «Это своя, часто даже неграмотная, но все же интеллигенция деревни, недипломированная школьными бумагами, как это в классах выше крестьянского, а настоящая, выделяющаяся естественным путем со своим умственным качеством или задаткам иногда очень больших художественных дарований. Это умственная аристократия деревни»¹.

Знание сказок или былин, умение красиво обставить свадебный обряд или же по-настоящему художественно выразить горе по поводу смерти близкого человека высоко ценились русским крестьянством. Часто это знание помогало сказителям в жизни. Даровитая плачеха специально приглашалась на богатые свадьбы и получала за это определенное вознаграждение. Сказочника охотно пускали в дом переночевать, надеясь услышать от него новую сказочку.

Интересный случай произошел с сибирским сказочником Н. Н. Мурашовым. Измученный долгой дорогой, он попросился на ночлег в один дом, обещая хозяйину рассказать сказку. «Хозяин дал Мурашову постель (подник и подушку), — пишет собиратель А. Гуревич, — и приготовился слушать сказки человечика. Усталый Мурашов, борясь со сном, пытался, как мог, удовлетворить художественные запросы своего хозяина. «Спать хочется, намаялся. Маленько скажу да усну». Хозяин вынул (забрал. — Т. И.) подушку..., вынул подник: «...Как барина положил, а ты не хочешь сказывать!» Так и не рассказал Мурашов своих обещанных сказок. Усталый заснул. Кончилось это, правда, миролюбиво... «А хошь, так я скажу тебе», — предложил Мурашов утром хозяину. «Мне сейчас на работу идти надо», — ответил ему хозяин»².

Особый почет был сказителям на промыслах. В северных районах страны осенью и зимой на несколько недель и даже месяцев мужчины отправлялись на Белое море на лов морского зверя, на озера, богатые ценной рыбой, или же на лесозаготовки. Световой день, позволяющий вести работы, в это время года был короток. Времени свободного оставалось много. И, собравшись в промысловых избушках, люди ждали встречи со сказкой или былиной. «Вот тут-то и выступают на сцену, — пишет Н. Е. Ончуков, — сказочники и старинщики, которых, говорили мне, нарочно старается всеми мерами залучить в артель составляющий ее староста. В хорошем старинщике на осеновьях (осенняя пора ловли рыбы. — Т. И.) такая потребность, что старинщики пользуются некоторыми преимуществами в совершенно равноправной артели... Старинщику, например, не поручают особенно трудную часть работы, и они делают в артели то, что обыкновенно исполняют малолетние и подростки...; при разделе добычи старинщику, особенно удачливому

¹ Ончуков Н. Е. Сказки и сказочники на Севере // Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1909. С. XLVIII

² Гуревич А. О сказках и сказочниках Восточной Сибири // Русские сказки Восточной Сибири. Сборник А. Гуревича. Иркутск, 1939. С. X—XI.

своими стараниями артели, возможно что дается и до некоторой степени лучшая часть добычи»¹.

Знаменитый знаток былин Т. Г. Рябинин в молодости бывал на рыбных промыслах на Ладоге. Здесь в свободные минуты вокруг него собирались любители послушать старины. Его охотно подменяли на дежурстве у лодки, лишь бы Рябинин сказывал свои былины. «Если бы ты к нам пошел, Трофим Григорьевич.., мы бы на тебя работали; лишь бы ты нам сказывал, а мы тебя все бы слушали»², — говорили сказителю рыболовы.

О таком же отношении к сказке на промыслах и лесозаготовках вспоминает сказочник М. О. Дмитриев: «Вот придешь, понешь, поешь, — спать-то ведь надоест. Вот и сказываешь. Один сказку хорошу сказал, другой, чтобы лучше. Так, как соревнование. Чьи сказки скажутся лучше, — того больше и просят, тому и уважение было»³.

Подобное отношение к сказочникам отмечали собиратели и в Сибири. «Раньше рассказывали сказки на охоте. Сказочника уважали. На почете был, не давали ему ни заряды делать, ни дрова готовить. После ужина кто пули льет, кто заряды делает, а он рассказывает. Быть может, и охотник плохой, а сказки рассказывает, его берут и поровну делят пай»⁴.

Возникает вопрос: является ли почет, оказываемый сказителям, лишь данью уважения их таланту? Не стоит ли за почтительным отношением к исполнителям былин и сказок каких-то древних языческих представлений?

Ученые установили, что в давние времена существовала религиозно-магическая функция сказок, которые «должны были воздействовать в желательном направлении на лесных духов»⁵. Сказки (и былины) рассказывались, как правило, вечером, то есть в то время, когда особенно активно, по мнению язычества, проявляют себя лешие, водяные, домовые, банники — все те духи, от которых зависит удача в охоте и рыбной ловле, хорошая и бесперебойная работа мельницы, благополучие домашнего скота.

В промысловой избушке некогда мастера сказок вели свои повествования, чтобы отвлечь внимание лесных духов от охраны зверей. Лесной божок незримо приходит к охотничьему костру, внимательно слушает людские повествования, забывает о своих зверях, — те и попадают в силки. Так рассуждали некогда охотники.

На мельнице сказки когда-то рассказывались для водяного, чтобы он не сердился, что человек использует для своих нужд воды его реки.

Магическая функция, без сомнения, была присуща и песенному эпосу. Во многих районах старины пелись весной во время великого поста, в период, когда люди, готовясь к пахоте, стремились заручиться поддержкой мира предков. Отдельные сюжеты былин исполнялись в функции коляд и виноградий — магических песен святочного периода. В святки человек также стремился войти в контакт с потусторонним миром, чтобы обеспечить себе урожай в новом году⁶. На промыслах пение былин, вероятно, также предполагало воздействие на лесных духов.

Таковы языческие магические функции сказок и былин. И естественно, что в предании древнего русича сказитель был связан с миром предков. Возможно, что когда-то сказитель почитался как жрец или волхв; в XIX — начале XX в.

¹ Ончуков П. Е. Печорские былины. СПб., 1904. С. XXIII—XXIV.

² Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. — М., 1909. Т. I. С. LXXXVIII.

³ Сенькина Т. И. Проявление архаических элементов в функциях русской сказки Карелии // Фольклористика Карелии. — Петрозаводск, 1986. С. 102.

⁴ Матвеева Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая. — Новосибирск, 1976. С. 37—38.

⁵ Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. — Л., 1934. С. 216.

⁶ Новичкова Т. А. Функциональное своеобразие былин и проблема их историзма // Русская литература. 1983. № 3. С. 129—142.

он порой считался колдуном. Т. И. Сенькина, исследовательница русской сказки в Карелии, приводит интересные сведения об известном сказочнике 1930-х гг. И. Ф. Мишкине. Односельчане верили, что он знаясь с «лесным» (лешим)¹. Колдуном звали сказочника из Воронежской губернии С. И. Растригина. Брат Е. И. Сороковикова-Магая, выдающегося русского сказочника, И. И. Сороковиков, сам сказочник и знаток народной медицины, почитался земляками за колдуна. О самом Магае тоже ходили слухи, что там, где жил Магай, «ночью не проезжали люди: лошади сами распыргались, дуги летели в стороны»².

Однако приписывание сказителям колдовских чар — это рудименты сознания Древней Руси. Для деревни XIX века более актуальным было уважение к сказителям как художественно одаренным мастерам, знатокам фольклора, если хотите — «артистам».

Сказки и старицы при всех реликтовых отголосках древних магических функций, в них заложенных, — это все-таки произведения развлекательные. Именно так смотрели на них в России XIX века. Их цели и рассказывали в часы досуга, чтобы скоротать время, получить эстетическое наслаждение. Совсем другое место в жизни деревни занимала причеть. Плачи были тесно связаны с обрядовой стороной быта крестьян. Ни одна свадьба, ни одни похороны, ни одни проводы рекрутов не обходились без голошений. Девочки-подростки специально учились причитывать, чтобы не осрамиться перед земляками, когда придет их черед выходить замуж. Даже если невеста шла замуж по любви и охоте, она все равно по обряду должна была оплакать свою девичью жизнь. Осуждалось, когда невеста не умела голосить. Горе — смерть или рекрутство — также русские женщины выражали в причети. Искусство причитания, пожалуй, было более обыденным, чем знание сказок или былин. Голосить, повторяем, обязана была уметь каждая женщина на Руси. Но, как и в любом деле, здесь также выделялись особые мастера, знаменитые в своей округе. Такие стиховодницы часто приглашались на свадьбы, чтобы вести весь обряд и помогать невесте.

Фигура народного певца как личности исключительной в крестьянской среде отнюдь не сразу попала в поле зрения фольклористов. Долгое время собиратели записывали былины и сказки, не интересуясь ни биографией исполнителя, ни его именем. Так, в классическом собрании песенного эпоса П. В. Киреевского мы почти не обнаружим имен сказителей. Нет их и в первом научном сказочном сборнике А. Н. Афанасьева. Знаменитое былинное собрание П. Н. Рыбникова в его первом издании (1861—1867 гг.) не дает нам биографий старинщиков. И только в 1873 году в русской науке появилось издание, в котором сказитель был поставлен в центр внимания, — это сборник «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга. Материал здесь был расположен не по сюжетам, как это делалось раньше, а по исполнителям. Собиратель предварил былины каждого сказителя его биографией и характеристикой. В начале XX века точно по такому же принципу издал свои «Северные сказки» Н. Е. Ончуков.

Отечественная фольклористика за более чем полуторасотлетний путь своего развития успела накопить довольно обширные сведения о лучших русских мастерах устной поэзии. Благодаря труду ученых наша культура знает выдающуюся олонекскую вопленицу И. А. Федосову. Собиратели не прошли мимо блестящей династии кижских сказителей Рябиновых. Читателю хорошо знакомо имя «пинужской бабушки» М. Д. Кривополеновой. В. Щеголенок, Ф. П. Господарев, Е. И. Сороковиков-Магай, М. М. Коргуев, А. К. Барышникова, А. Н. Королькова — это те люди, кем по праву может гордиться русская культура.

Все перечисленные народные сказители не только талантливые мастера народно-поэтического творчества, но и интересные, полные достоинства, мудрости и доброты люди. Каждый из них по-настоящему является личностью с большой буквы. Любопытен случай, происшедший с былинчиком Т. Г. Рябиным. Кто-то из чиновников потребовал от Рябина за какое-то дело взятку. Рябинин не дал. Однажды тот чиновник проезжал через деревню Середку, где жил Рябинин, увидел строптивого крестьянина и бросился к нему с кулаками. Сказитель спокойно

¹ Сенькина Т. И. Проявление архаических элементов в функциях русской сказки Карелии... С. 105—106.

² Матвеева Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая... С. 61.

отстранил его прочь от себя и заметил суровым голосом: «Ты, ваше благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должён не оставался»¹. Такое же достоинство мы находим и в сказочнике Ф. П. Господареве, чья угроза подпалить помещицын хозяйство заставила отступить разошедшегося барина.

Удивительная мудрость обнаруживается в И. А. Федосовой: неграмотная, она на заработанные ею концертами деньги строит в родной северной деревне школу, причем еще просит учителя: «Ты девочек, девочек больше учи»². И. А. Федосова живо вникает во все нужды своей деревни. Став знаменитой, она хлопочет о лесном участке для Кузарандского общества.

Поразительной добротой обладала другая русская сказительница — М. Д. Кривополенова. Она умела расположить к себе и простых крестьян, и образованных интеллигентных людей. О. Э. Озаровская, много общавшаяся с былинницей, рассказывает: «В Екатеринодаре, в скромной комнатке, несколько человек после бабушкиного выступления за самоварчиком засиделись. Земляк бабушкин отыскался, жадно слушает потрясающую горькую повесть бабушкиной молодости. Земляк в золотых очках... А поутру в бабушкиной комнате застаю: земляк в золотых очках к бабушкиной груди припал и всхлипывает: рассказал, как любимая над его молодостью надругалась, а бабушка голову гладит, утешает, как малого...»³.

Видимо, поистине «гений и злодейство — две вещи несовместные». Настоящий талант всегда дается человеку с высокими душевными качествами.

Каждый из сказителей — это яркая индивидуальность. Индивидуальность и в человеческом, личностном плане, и в творческом. Настоящий мастер долго накапливает свой устно-поэтический репертуар, отличающий его от другого, пусть также выдающегося знатока фольклора. Годами шлифуются сказочные и былинные формулы, рождаются рифмы и приговорки.

Русская сказочная традиция знает исполнителей эпиков, реалистов, балагуров, шутников. Одни сказители предпочитают длинную («долгую») волшебную-фантастическую или богатырскую сказку, строго соблюдают трюичность повторяющихся эпизодов, богато расцвечивают свою речь сказочными формулами. В нашем сборнике таковым сказочником является помор М. М. Коргуев. Другие предпочитают своеобразный сказочный «реализм», вводят в сказку несвойственный ей психологизм героев, смело пользуются новой, недавно вошедшей в их обиход лексикой. Эти черты присущи сибирскому сказочнику Е. И. Сорокикову. Третьи в классической богатырской сказке сумеют подчеркнуть социальные мотивы и тем самым выразить свое отношение к народным угнетателям. Примером такого рода сказителя может считаться русский сказочник, белорус по крови, царским правительством заброшенный в Олонецкую губернию Ф. П. Господарев. Есть сказочники, которые те же волшебные сюжеты расскажут лаконично, динамично, строя все повествование на диалогах героев и «играя» словом и рифмой. Такова воронежская Куприяниха. Сказочник-балагур, например, псковский мужик Ерофей Семенович длинной фантастической сказке предпочтет короткий анекдот.

То же разнообразие типов сказителей мы встречаем и среди старинщиков. Бережное отношение к классическим героическим былинам у одного соседствует с предпочтением старин озорного содержания у другого сказителя. Спокойная эпичность строгого знатока былин уживается с сатирической трактовкой тех же сюжетов другим исполнителем.

Фольклорное произведение живет в своих вариантах. Один текст может быть лучше, другой — хуже, один более артистичный, художественный, другой менее яркий. Все зависит от сказителя, от его мастерства и таланта. Два сказителя предлагают своим слушателям разные версии одного и того же произведения, акцентируют внимание на разных деталях, используют свой особый набор ярких формул. Словом, былина или сказка на один и тот же сюжет в устах двух талантливых сказителей становится двумя разными произведениями.

¹ Рыбников П. Н. Заметка собирателя. С. LXXIX.

² Чистов К. В. Народная поэгсса И. А. Федосова: Очерк жизни и творчества. — Петрозаводск, 1955. С. 361.

³ Озаровская О. Э. Бабушкины старины. — 2-е изд. — М., 1922. С. 11—12.

В нашем сборнике иллюстрацией этого положения может стать былина «Илья Муромец и Идолище», данная в вариантах кижского сказителя Т. Г. Рябинина и пинежанки М. Д. Кривополеновой.

В былине Т. Г. Рябинина действие происходит в Киеве. Идолище поганое приезжает в стольный Киев-град и требует себе поединщика. На бой с ним вызывается ехать Илья Муромец: ведь ему на бою смерть не писана. Выехав на битву, Илья сделал ошибку: не взял с собой палицы булатной, поэтому, повстречав калику Иванище, он угрозами заставляет того отдать ему клюку в девяносто пудов. Под видом калики Илья Муромец является к Идолищу поганому. Идолище расширяет его, сколь велик русский богатырь Илья Муромец. Тот отвечает: «Столь велик Илья, как и я». Далее идут расспросы о том, сколько Илья ест и пьет. Илья Муромец насмехается над Идолищем, намекая тому, что его ждет судьба «коровы едучей», которая лопнула, так как много шила-ела. Идолище, рассердившись, метает в героя кинжалнице булатное, но богатырь, увернувшись, убивает врага шляпой земли греческой.

Этот же сюжет у М. Д. Кривополеновой звучит совершенно иначе. Чудище поганое захватывает Царь-град, полонит царя Константина Атаульевича и его жену княгиню Апраксею. Весть об этом доходит до Ильи Муромца, живущего в Киеве. Он отправляется на выручку. По дороге встречает калику, с которым меняется платьем, причем калика добровольно идет на обмен. В образе калики Илья Муромец приходит к Чудищу. Здесь происходят уже знакомые нам расспросы Чудища об Илье Муромце (каков он, сколько хлеба ест). Идолище хвастает, что он легко Илью Муромца побьет («На долонь посажу, другой рыхлопну — у его только и мокро пойдет»). Илья-калика «шляпкой воскресной» побивает Чудище поганое. Слуги змеища хватают Илью Муромца и заковывают его в железа немецкие, однако, собравшись с силами, герой разрывает цепи, освобождает Константина Атаульевича и княгиню Апраксею, возвращается к тому месту, где он оставил калику, меняется с ним платьем и уезжает домой.

Как видим, в этих двух текстах значительные несовпадения: Киев — Царь-град; Владимир — Константин Атаульевич; угроза Киеву и вызов поединщика со стороны Идолища — захват Царь-града, пленение царя и царицы; встреча с каликой и отобрание у него клюки вместо боевой палицы — добровольный обмен платьем и т. д. Устное бытование в рамках традиции одного и того же сюжета рождает многочисленные его редакции. И в создании различных версий важную роль на всех этапах жизни эпоса играли сказители.

Один из «кирпичиков», который составляет живописное полотно старин, — это так называемые типические места, клише, переходящие из одного сюжета в другой. Примером такого типического места может служить мотив седлания богатырем своего коня. Т. Г. Рябинин и его преемники для своих былин выработали следующую формулу:

И шел он, Ермак, на широкий двор,
Седлал добра коня богатырского,
Заседывал коня, улаживал,
Подклял он потничек шелковенький,
Поклял на потничек седельшко черкасское.
Подтянул подпружки шелковые,
Полагал стремяночки железа булатного,
Пряжечки полагал чиста золота,
Не для красы, Ермак, для ужожества,
А для ради укрепы богатырския:
Подпруги шелковые тянутся, — они не рвутся,
Стремяночки железа булатного гнутся, — они не ломаются,
Пряжечки красна золота они мокнут, — не ржавеют.
(«Илья, Ермак и Калин-царь».)

Ту же формулу мы найдем и в другой былине Т. Г. Рябинина — «Добрыня и Василий Казимиров». Здесь певец употребляет те же образы «подпруженек шелковеньких», «стремяночек железа булатного», «пряжечек красна золота». Это идеали-

зированной картина конского снаряжения. В реальности она существовать не могла: шелковый потник под седло никто не клал — слишком нежный это материал, и подпруги шелковыми тоже быть не могли.

Эпизод седлания коня мы найдем и в былине «Илья Муромец и Чудище поганое» пинежской сказительницы М. Д. Кривополеновой:

Пошел Илья на конюшен двор,
И берет как своёго добра коня,
Добра коня со семи цепей;
Накладывает уздичу тасмянную;
Уздат во удилица булатные;
Накладывал тут ведь войлуцёк,
На войлуцёк он седельшко;
Подпрягал он двенадцать подпруженек,
Ишша две подпруги подпрягаючи
Не ради басы,— да ради крепости,
Не спииб бы богатыря доброй конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поле.

Здесь обращают на себя внимание символические цифры. Конь Ильи Муромца прикован «на семи цепях», богатырь подпрягает «двенадцать подпруженек». Такое описание седлания коня, конечно, не отвечает действительности. Цифры «семь» и «двенадцать» (как и «три», и «девять», и «сорок») в фольклоре играют особую роль, магическую, и, как правило, свидетельствуют или о принадлежности предмета «иному» миру или же служат для его идеализации.

Ту же многокрасочность и вариативность мы видим и в сказочной традиции. В нашем сборнике представлены две сказки на один и тот же волшебнo-фантастический сюжет — «Солдатские сыны» Ф. П. Господарева и «Иван Водыч и Михаил Водыч» А. К. Барышниковой.

Сказка Ф. П. Господарева «Солдатские сыны» длинная, подробная, рассчитанная на рассказывание в долгий зимний вечер. Такие сказки на промыслах сказитель порой не успевал пересказать за один раз, и продолжение аудитория слушала уже на другой день. Повествование А. К. Барышниковой (Куприянихи) чуть ли не в три раза короче, но это не схематичный скучный пересказ сюжета, а полнокровный, художественно-выразительный рассказ. Ф. П. Господарев в своей волшебнo-фантастической сказке дает массу реалистических деталей, сказитель заостряет, а точнее сказать, вводит в сказку, казалось бы, несвойственные ей, но тем не менее в его талантливом изложении органично вплетающиеся в ткань сказочной фантастики, социальные мотивы. Братья-богатыри у Ф. П. Господарева — сыновья мужика, который «весной оженился, а осенью помещик сдал его за богатого мужика в службу», то есть вне очереди. В школе «старостовы, сотниковы» отцовские дети дразнят их «бавструками», что также отражало реальное горькое положение солдатских детей в крепостной России. Учитель детей бьет, и это действительность деревни XIX века. Возмужав, братья вступают в конфликт с помещиком, «толстобрюхим чертом», и, только припугнув его как следует и обеспечив матери безбедное существование, они отправляются на подвиги, которые предписаны им сказочной традицией.

У Куприянихи мы не найдем тех социально-обличительных выпадов, которые мы отметили у Ф. П. Господарева. У нее братья-герои согласно сказочному канону рождаются чудесным образом: девицей престарелых лет от выпитых двух сладких пузырьков. Описание их детства в изложении А. К. Барышниковой укладывается в трех предложениях: «Те дети быстро выросли, в шесть недель. Как по двадцать лет им стало, те дети охотой норовят заняться. Пошли, заказали себе ружья одинаковы, через несколько минут получили ружья, пошли на охоту». И далее по всему тексту сказки там, где Ф. П. Господарев дает подробные описания с диалогами героев, Куприяниха обходится одной-двумя фразами. Так, например, приехав к столбу, близ которого две дороги, сулящие богатство и смерть, у Куприянихи братья просто «поконалися. Михаил Водычу досталось — «Богатому быть», а Иван Водычу досталось — «Смерти быть». Ф. П. Господарев же в данной ситуации рисует целую сцену, психологически тонко разработанную: «Они стали и прочитали и говорят сами с собою: «Какие же мы есть богатыри, что мы вдвоем

ездим вместе, — придется нам разделиться. Одному ехать в правую, другому в левую, и сделать такой договор, что если вот такого числа не сойдемся где-нибудь, то должен воротиться на это место, на котором мы разъехавши, и ехать тем следом, куда он поехал. Ну, и вот как мы теперь? Кто же из нас поедет по правую, кто по левую?» Роман говорит: «А давай кинем жеребий, то обиждаться не будем друг на друга». — «А как же жеребия мы кинем здесь?» — «А вот стоит куст ореховый. Слезем с коней, выломим себе вичку и станем мериться: чья рука будет наверху, то ехать в правую сторону». Роман выскакивает, ломает вичку, подносит Ивану, и стали мериться. Иванова рука оказалась наверху. «Вот тебе, брат Иван, ехать в правую сторону, а я поеду в левую. Проездим месяц, то если я не буду, то ты ворочайся, ищи меня, а если тебя не будет — я вернуся на это место и поеду искать тебя».

«Иван Водыч и Михаил Водыч» А. К. Барышниковой, как и другие ее произведения, привлекает читателей своим стилем. Главное украшение ее сказок — рифмованная речь: «Уж шесть дверей прогрызла охота, ногами бьет, зубами скребет, голосом ревет»; «Взял он у нее поясочек и бросил его в огонечек»; «Охота окружила Михаила Водыча и ревет, а Иван Водыч до двора идет». Выразительны, полны лукавства и юмора и концовки сказок Курпирянихи: «И дал царь обоим зятьям по государству, разделил их. Вот когда они делилися и женилися, я там была, мед пила, по губам текло, а в рот не попало. А живут хорошо, письма мне шлют, только они до меня не доходят».

Наконец, еще одна важная особенность фольклорных произведений: они отнюдь не являются в устах сказителя чем-то застывшим, закаменевшим, раз и навсегда выученным. Талантливый мастер при исполнении былины или сказки каждый раз вносит в текст нечто новое, преобразуя и изменяя его, расцвечивая новыми деталями и красками.

Читатель может наглядно видеть это на примере двух записей сказки «Буй-волк» и «Буй-волк и Иван-царевич» сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая. В записи 1925 года Царь-девица, коварная жена Федора-царевича, желая погубить брата своего мужа, посылает Ивана-царевича искать себе невесту, которая, по слухам, является людоедкой. Герой находит ее в лесной избушке. В варианте 1938 года Иван-царевич сам находит себе невесту на встречном корабле. В первом тексте жена Федора-царевича дает ему задание достать вепря-кабана, сорокопегу кобылу и меч-кладенец от Буй-волка и, только когда Иван-царевич отправляется в долгое путешествие к Буй-волку, делает своего мужа пастухом. Царский чин Федору возвращает Буй-волк. Во второй записи в самом начале сказки Иван-царевич, вернувшись из поездки за невестой, находит своего брата пастухом. Герой проучает коварную жену своего брата, заставляет ее смириться и возвращает Федору-царевичу царское достоинство; тогда, желая все-таки избавиться от нелюбимого мужа, Царь-девица дает ему трудные задания, которые выполняет Иван-царевич. В тексте 1925 года Царь-девице помогает девка Чернявка; в поздней записи этого образа нет, и т. д.

Сказитель явился тем звеном, которое соединило народную культуру и культуру образованных классов. Русская фольклористика, открыв для себя исполнительца устной поэзии и поразившись мощи этого феномена крестьянской культуры, поспешила поделиться этим открытием со всей интеллигентной Россией. С 1870-х годов в Петербург, Москву и другие города Российской империи стали регулярно приглашаться наиболее выдающиеся мастера устной поэзии. Концерты старинников с огромным успехом проходили в различных ученых обществах, учебных заведениях и частных домах. Сказителей слушали многие известные деятели русской культуры: В. В. Стасов, И. Е. Репин, Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, С. Коненков, А. В. Луначарский и др. И знакомство их с творчеством крестьянских певцов не осталось бесследным. И. Е. Репин рисует выступление И. Т. Рябина в Русском литературном обществе; С. Коненков вырезает из дерева скульптуру «Вещая старушка» (М. Д. Кривополенова); Н. А. Римский-Корсаков включает рябинские напевы в свой «Сборник русских народных песен»; М. П. Мусоргский использует их в своей музыкальной драме «Борис Годунов». Словом, народные сказители внесли весомый вклад в культуру русского народа, за который мы, потомки, должны быть им благодарны.

Кирша Данилов

Середина XVIII века

Если бы Кирша Данилов был нашим современником, то мы могли бы обращаться к нему по имени и отчеству — Кирилл Данилович и наверняка знали бы его фамилию. Но жил первый из известных русских сказителей в середине XVIII века, и не имел он дворянского звания, гарантировавшего уважительного величия по «отечеству». На титульном листе рукописи, где он бережно и любовно собрал свои песни, значилось скупое и по тем временам достаточно пренебрежительно: Кирша Данилов (то есть сын Данылы). Однако в историю русской культуры эти два слова — Кирша Данилов — вошли не как высокомерное прозвание крепостником своего холопа, а как высокое и гордое имя талантливого народного сказителя, первого в ряду «звезд» русских хранителей устно-поэтического слова. И именно поэтому за сборником его песен, названном издателями «Древние российские стихотворения», утвердилось другое название, краткое и чеканное, — «Сборник Кирши Данилова».

О Кирше Данилове известно мало, а точнее — достоверно ничего не известно. В 1804 году в Москве вышла книга «Древние русские стихотворения», редактором которой был скромный чиновник почтового ведомства А. Ф. Якубович. Это была публикация рукописи 1780-х годов, содержащей былины, исторические, скоморошья, шуточные и лирические песни. В первом издании имя Кирши Данилова упомянуто не было. И лишь во втором издании (1818 г.), подготовленном блестящим начинающим филологом К. Ф. Калайдовичем, говорилось: «Сочинитель, или вернее, собиратель древних стихотворений... был некто Кирша... Данилов, вероятно, казак, ибо он нередко воспевает подвиги сего храброго войска с особенным восторгом. Имя его было поставле-

но на первом, теперь уже потерянном листе «Древних стихотворений». Казаком считал Киршу Данилова и В. Г. Белинский: «Разумеется, смешно и нелепо было бы почитать Киршу Данилова сочинителем древних стихотворений... Все эти стихотворения неоспоримо древние. Начались они, вероятно, во времена татарщины, если не раньше... Потом каждый век и каждый певун или сказочник изменял их по-своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то переиначивая старые. Но сильнейшему изменению они подверглись, вероятно, во времена единодержавия в России. И поэтому отнюдь неудивительно, что удалой казак Кирша Данилов, гуляка праздный, не оставил их совершенно в том виде, как услышал от других. И он имел на это полное право: он был поэт в душе...» И далее, говоря о песне «Ох, в горе жить — некручинну быть», великий критик, отмечая ее глубину, «размашистость тоски» и «грустную иронию», продолжал: «Кирша является истинным поэтом русским, какой только возможен был на Руси до века Екатерины».

Однако существует другая гипотеза, согласно которой Кирша Данилов был не казаком, а рабочим уральских заводов Демидова. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в XVIII веке рукопись принадлежала Прокопию Акинфиевичу Демидову. Сказитель о себе и одном из своих приятелей помянул в шуточной песне:

А и не жаль мне-ка битого, грабленного,
А и того ли Ивана Сутырина,
Только жаль доброго молодца похмельного
А того ли Кирилы Даниловича.
У похмельного доброго молодца буйна голова болит.

Имена мастеровых Кирилла Данилова и Ивана Сутырина, стоящие рядом, исследователи обнаружили в документах, относящихся к Нижнетагильскому заводу. Но те ли это Кирилл и Иван, о ком поется в песне? Или совпадение случайно? Нам остается только гадать на этот счет.

И, наконец, не исключено, что Кирша Данилов был одним из последних русских скоморохов. Скоморохи — «веселые люди», глумники, гудошники, скрыпчонники, вожаки медведей, кукольные — были обязательной принадлежностью древних народных игрищ и гульбищ. Без них не обходились ни зимние, ни летние празднества. Они были желанны и на крестьянском гулянье, и в боярских хоромаш. Во время больших христианских праздников, таких как рождество или троица, скоморохи становились центром подлинно народных увеселений и обрядов. Своим веселым языческим искусством они звали людей из церквей на городскую площадь и деревенский луг. Неудивительно, что церковники всегда враждебно относились к «веселым людям». Гонения на скоморохов особенно усилились после указа 1648 года царя Алексея Михайловича. Многим из народных артистов пришлось

уйти на Север, на Урал, в Сибирь. Там, в глуши, вдали от царских воевод, продолжало жить их искрометное, веселое и язвительное, не слишком почтительное к власти имущим искусство.

Скоморошья тема прослеживается во многих произведениях «Сборника Кирши Данилова». Прославляет остроумных скоморохов песня «Гость Терентище». Заявляют о себе скоморохи — «веселые молодцы» в исторической песне о Михаиле Скопине:

То старина, то и деянье
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, *веселым молодцам*, на потешенье...

Та же концовка завершает и классическую былину «Дюк Степанович». Скоромным весельем и непочтением к сильным мира сего пронизаны многие песни «Древних российских стихотворений». Все эти и другие особенности сборника позволяют ученым смотреть на Киршу Данилова как на наследника великой традиции скоморошества на Руси.

Но кто бы он ни был, наш первый русский сказитель — казак, мастеровой или скоморох, — прежде всего Кирша Данилов был большим поэтом, истинно народным хранителем родникового устного слова. В сборнике рядом с классической монументальной былиной соседствует озорная скоморошина; строгий духовный стих сменяется нескромной шуточной песенкой; после исторической песни о Петре I или Ермаке следует трагическая баллада с ее вымышленными героями. Репертуар сказителя разнообразен и многогранен, как сама жизнь народа. Лукавый юмор и острая сатира, гордость за историю своего народа и боль и гнев обездоленных, горькая тоска и тонкая лирика — все отразилось в творчестве народного сказителя Кирши Данилова.

Литература: Горелов А. А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор: Материалы и исследования. — М. — Л., 1962. Т. 7. С. 293—312.

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

По саду, саду, по зеленому,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютого на змея;
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и синя моря сколыбалось
Для-ради рожденья богатырского,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы — по чащицам,
А волки, медведи — по ельникам,
Соболи, куницы — по островам,
А и будет Вольх в полтора часа,
Вольх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясай в поесья шелковыя,—
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатныя,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку — палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».
А и будет Вольх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Вольху в наук пошла;

Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошло.
А и будет Вольх десяти годов,
Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом;
Ко другой-то мудрости учился он, Вольх, —
Обвертоваться серым волком;
Ко третьей-то мудрости учился Вольх —
Обвертоваться гнедым туром — золотыя рога.
А и будет Вольх во двенадцать лет,
Стал себе Вольх он дружину прибирать,
Дружину прибирал в три годы;
Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейской царь нарежается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Вольх он догадлив был:
Со всею дружиною хорáброю
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, — так Вольх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал-скакал по темным по лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатыя,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Вольх поил-кормил дружину хорáброю,
Обувал-одевал добрых молодцов,
Носили они шубы соболиныя,
Переменные шубы-то барсовыя.
Дружина спит, — так Вольх не спит:
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинушку хорáброю,
А все у него были ества переменныя,
Переменные ества сахáрныя.
А стал он, Вольх, вражду чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!

Не много не мало вас — семь тысячей,
А и есть ли у вас, братцы, таков человек,
Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Поведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Как бы лист со травю пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нету у нас такого молодца,
Опричь тебя, Вольха Всеславьевича.
А тут таковой Всеславьевич
Он обвернулся гнедым туром — золотыя рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первую скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на палаты белокаменны,
На те на палаты царския,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящето.
А и буйныя ветры по насту тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит.
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славной Индейской царь!
Изволишь ты нарежаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь:
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе царю сопротивничек».
А втапоры Вольх он догадлив был:
Сидючи на окошке косящето,
Он те-то де речи повыслушал,
Он обвернулся горностаем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повѣнимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обвернется Вольх ясным соколом,
Взвился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,

Полетел ко своей ко дружине хоробря.
Дружина спит,— так Вольх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
«Гой еси вы, дружина хоробрая,
Не время спать — пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому!»
И пришли они ко стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железныя,
Крюки-засовы все медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезено,
А и только в вырезу мурашú пройти.
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасныя,
А и как нам будет стена пройти?»
Молоды Вольх он догадлив был:
Сам обвернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли они стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,
В славном царстве Индейским,
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на сéмена,
Оставьте только вы по выбору
Не много не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы!»
А и ходят его дружина по царству Индейскому,
А и рубят старого, малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А сам он Вольх во палаты пошел,
Во те во палаты царския,
Ко тому царю ко Индейскому.
Двери были у палат железныя,
Крюки-пробой по булату злачены,
Говорит тут Вольх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железныя —
Изломал все пробой булатныя.

Он берет царя за белы руки,
А славного царя Индейского,
Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Вольх таково слово:
«А и вас-то царей не бьют, не казнят».
Ухватя его, ударил о кирпичетой пол,
Росшиб его в крохи говенныя.
И тут Вольх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и те его дружина хоробрыя
И на тех девицах переженилися.
А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посадския,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

В стольном городе во Киеве,
У славного сударь-князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятой год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушкам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатъевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкий двор,
На ее высокия терема.
А у молоды Марины Игнатъевны,
У ее на хорошем высоком терему
Сидят тут два сизыя голубя
Над тем окошечком косящетым,
Цалуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыни за беду стало:
Будто над ним насмежаются.
Стреляет в сизых голубей,
А спела ведь тетивка у туга лука,

Взвывала да пошла каленá стрелá.
По грехам над Добрынею учинилася:
Левая нога его поскользнула,
Права рука угрогнула:
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящетое,
Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряныя.
Расшиб он зеркало стекольчатое.
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медяные всплеснулись.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это невежа на двор заходил?
А кто это невежа в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряныя.
Расшиб зеркало стекольчатое?»
И втапоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячия молодецкия,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,
Разжигает дрова полящетым огнем
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у мóлода Добрынюшки Никитьевича!»
А и божья крепко, вражья-то лепко.
Взяла Добрыню пуще вострого ножа
А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
По его по сердцу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснетсá,
Он белого света дожидаетсá.
По его-то щаски великая
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку вострую,
Пошел Добрыня к заутрени,
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокого терема послушает.
А у мóлоды Марины вечеренка была,

А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкия,
Все тут были жены молодецкия.
Вшел он, Добрыня, во высок терем,—
Которыя девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.
Втапоры Добрыня не во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел,
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчета,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось,
Взбежал на крылечка на красная,
А двери у терема железныя,
Заперлася Марина Игнатъевна.
А ударил он во двери железныя,
Недоладом из пяты он вышиб вон
И взбежал он на сени косящеты.
Бросилась Марина Игнатъевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, засельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое!»
А бросится Змеиша Горынчиша,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб.
А и сам тут Змей почал бранити его, больно пеняти:
«Не хощу я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичем,
Называю те детиною деревенщиною и засельщиною,
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое!»
Ему тут-тко, Добрыне, за беду стало
И за великую досаду показалось;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебе, Змея,
Изрублю я в мелкия части пирожныя,
Разбросаю далече по чистом полю?»
А и тут Змей Горынич,
Хвост поджав, да и вон побежал,
Взяла его страсть, так зачал срать,
А кольышки метал, по три пуда срал.
Бегучи, он, Змей, заклинается:

«Не дай бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливея».
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно
В одной рубашке без пояса,
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежда, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить,
А еще — хошь, я Добрыню обверну гнедым туром?»
Обвернула его, Добрыню, гнедым туром,
Пустила его далече во чисто поля,
А где-то ходят девять туров,
А девять туров, девять братиников,
Что Добрыня им будет десятой тур,
Всем атаман золотыя рога!
Безвестна, не стала богатыря,
Молода Добрыня Никитьевича,
Во стольном в городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцев
По нашему-то сибирскому словет полгода.
У великого князя вечеринка была,
А сидели на пиру честныя вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,
Честна вдова Афимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая;
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладныя.
Неоткуль взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилася с дитятеми княженецкими,
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется:
«Гой еси вы, княгини-боярыни!
Во стольном во городе во Киеве
А и нет меня хитрея-мудрея,
А и я-де обвернула девять молодцов,
Сильных-могучих богатырей гнедыми турами,
А и ноне я-де опустила десятого молодца,
Добрыня Никитьевича,
Он всем атаман золотые рога!»
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зеленá вина,
Подносила любимой своей кумушке,

И сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича,
Извела его Марина Игнатьевна,
А и ноне на пиру похваляется».
Проговорит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышала,
А слышала речи ее похваленя!»
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:
«А и сука, ты..., еретница..!
Я-де тебе хитрея и мудреня,
Сижу я на пиру не хвастаю,
А и хошь ли, я тебя сукой оберну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина,
Много за собой псов водить!»
А и женское дело прелестивое,
Прелестивое-перепадчивое.
Обвернулася Маринка косаточкой,
Полетела далече во чисто поле,
А где-то ходят девять туров,
Девять братеников,
Добрыня-то ходит десятой тур.
А села она на Добрыню на правой рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чистое поле наскучило,
И зыбучия болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, жениться?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?» —
«А право, возьму, ей-богу, возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат!»
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула его добрым молодцом
По-старому, по-прежнему,
Как бы сильным-могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею,
Они в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчалися.

Повел он ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина раскорякою,
Пришли они ко Марине на высóк терём,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа.
Некому у ты помолитися,
Не за что стенам поклонитися,
А и, чай, моя вострая сабля заржавела».
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу... безбожницу:
Он первое ученье — ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчиша!»
А второе ученье — ноги ей отсек:
«А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчишем!»
А третье ученье — губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А эти-де мне губы не надобны,
Целовали они Змея Горынчиша!»
Четвертое ученье — голову ей отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретическия!»

ДОБРЫНЯ КУПАЛСЯ — ЗМЕЙ УНЕС

Доселева Рязань она селом слыла,
А ныне Рязань слывет городом,
А жил во Рязани тут богатой гость,
А гостя-то звали Никитою.
Живучи-то Никита состарелся,
Состарелся, переставился.
После веку его долгого
Осталось житье-бытье, богачество,
Осталось его матера жена
Амелфа Тимофеевна,
Осталась чадо милая,
Как молоды Добрынюшка Никитич млад.
А и будет Добрыня семи годов,
Присадила его матушка грамоте учиться,

А грамота Никите в наук пошла,
Присадила его матушка пером писать.
А будет Добрынюшка во двенадцать лет,
Изволил Добрыня погулять молодец
Со своею дружиною хоробраю
Во те жары петровския.
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня, матушка, купатися,
Купатися на Сафат-реку!»
Она, вдова многоразумная,
Добрыне матушка наказывала,
Тихонько ему благословение дает:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
А молоды Добрыня Никитич млад!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на реку,
В Израе-реке станешь купатися —
Израй-река быстрая.
А быстрая она, сердитая:
Не плавай, Добрыня, за первую струю,
Не плавай ты, Никитич, за другу струю».
Добрыня-то матушки не слушался,
Надевал на себя шляпу земли греческой,
Над собой он, Добрыня, невзгоды не ведает,
Пришел он, Добрыня, на Израй на реку,
Говорил он дружинишке хоробряя:
«А и гой еси вы, молодцы удалыя!
Не мне вода греть, не тешити ее».
А все молодцы разболочались
И тут Добрыня Никитич млад.
Никто молодцы не смеет, никто нейдет,
А молоды Добрынюшка Никитич млад,
Перекрестясь, Добрынюшка в Израй-реку пошел,
А поплыл Добрынюшка за первую струю,—
Захотелось молодцу и за другую струю;
А две-то струи сам переплыл,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры белокаменны.
Неоткуль взялось тут лютой зверь.
Налетел на Добрынюшку Никитича,
А сам говорит-то Горынчица,
А сам он, Змей, приговаривает:
«А стары люди пророчили,
Что быть Змею убитому
От молода Добрынюшки Никитича,
А ныне Добрыня у меня сам в руках!»
Молился Добрыня Никитич млад:
«А и гой еси, Змеиша Горынчица!
Не честь-хвала молодецкая

На нагое тело напущаешься!»
И тут Змей Горынчиша мимо его пролетел,
А стали его ноги резвья,
А молоды Добрынюшки Никитьевича,
А грабится он ко желту песку,
А выбежал доброй молодец,
А молоды Добрынюшка Никитич млад,
Нагреб он шляпу песку желтого,
Налетел на его Змей Горынчиша,
А хочет Добрыню огнем спалить,
Огнем спалить, хоботом ушибить,
На то-то Добрынюшка не робок был:
Бросает шляпу земли греческой
Со темя пески желтыми
Ко лютому Змею Горынчишу, —
Глаза запорошил и два хобота ушиб.
Упал Змей Горынчиша
Во ту во матушку во Израй-реку.
Когда ли Змей исправляется,
Во то время и во тот же час
Схватал Добрыня дубину тут, убил до смерти.
А вытащил Змея на берег его,
Повесил на осину на кляплюю:
Сушися ты, Змей Горынчиша,
На той-то осине на кляпल्या.
А поплыл Добрынюшка
По славной матушке по Израй-реке,
А заплыл в пещеры белокаменны,
Где жил Змей Горынчиша,
Застал в гнезде его малых детушек,
А всех прибил, пополам перервал.
Нашел в пещерах белокаменных
У лютого Змеиша Горынчиша
Нашел он много злата-серебра,
Нашел в палатах у Змеиша
Свою он любимую тетушку,
Тое-то Марью Дивовну,
Выводит из пещеры белокаменны
И собрал злата-серебра.
Пошел ко матушке родимыя своей,
А матушки дома не годилося:
Сидит у князя Владимира.
Пришел-де он во хоромы свои,
И спрятал он свою тетушку,
И пошел ко князю явиться.
Владимир-князь запечалился,
Сидит он, ничего свету не видит,
Пришел Добрынюшка к великому князю Владимиру,

Он Спасову образу молится,
Владимиру-князю поклоняется,
Скочил Владимир на резвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Целовал его во уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за белы руки,
Целовала его во уста сахарныя.
И тут с Добрынею разговор пошел,
А стали у Добрыни выпрашивати,
А где побывал, где ночевал.
Говорил Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь-дядюшка,
Князь Владимир, солнце киевско!
А был я в пещерах белокаменных
У лютого Змеиша Горынчиша,
А все породу змеиную его я убил
И детей всех погубил,
Родимую тетушку повыручил!»
А скоро послы побежали по ее,
Ведут родимую его тетушку,
Привели ко князю во светлу гридню, —
Владимир-князь светел-радошен,
Пошла-то у них пир-радость великая
А для-ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя Марыи Дивовны.

ДОБРЫНЯ ЧУДЬ ПОКОРИЛ

В стольном городе в Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимира
Было пиrowание — почестной пир,
Было столование — почестной стол
На многие князи и бояра
И на русския могучия богатыри.
А и будет день в половина дня,
И будет стол во полустоле,
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридни похаживает,
Черны кудри расчесовает,
Таковы слова поговаривает:
«Есть ли в Киеве такой человек
Из сильных-могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальнюю,
А и дальну службу заочную,
Кто бы съездил в орды немирныя
И очистил дороги прямоезжия

До моего тестя любимого,
До грозна короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
А и тех черкас пятигорских,
И тех калмыков с татарами,
Чукши все бы и аlyторы?»
Втапоры большой за меньшого хоронится,
А от меньшого ему, князю, ответу нет.
Из того было стола княженецкого,
Из той скамьи богатырские
Выступается удал доброй молодец,
Молоды Добрыня Никитич млад:
«Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
Ласково солнцо Владимир-князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
Быть перед князем невольником.
Я сослужу службу дальнюю,
Службу дальнюю заочную,
Съезжу я в орды немирныя,
Очищу дороги прямоезжия
До твоего тестя любимого,
До грозна короля Этмануила Этмануиловича,
А и вырублю чудь белоглазую,
Прекрочу сорочину долгополую,
А и тех черкес пятигорских
И тех калмыков с татарами,
Чукши все и аlyторы!»
Втапоры Владимир-князь
Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,
И турей рог меду сладкого в полтретья ведра,
Подавали Добрыне Никитичу,
Принимает он, Добрыня, единой рукой,
Выпивает молодец единым духом
И турей рог меду сладкого.
И пошел он, Добрыня Никитич млад,
С княженецкого двора
Ко своей сударыне-матушке
Просить благословение великое:
«Благослови меня, матушка,
Матера вдова Афимья Александровна,
Ехать в дальны орды немирныя,
Дай мне благословения на шесть лет,
Еще в запас на двенадцать лет!»
Говорила ему матушка:
«На кого покидаешь молодую жену,
Молоду Настасью Никулишну?
Зачем же ты, дитетка, и брал за себя?»

Что не прошли твои дни свадебные,
Не успел ты отпраздновати радости своей,
Да перед князем расхвастался в поход итить?»
Говорил ей Добрынюшка Никитьевич:
«А ты гой еси, моя сударыня-матушка,
Честна вдова Афимья Александровна!
Что же мне делать и как же быть?
Из чего же нас, богатырей, князю и жаловати?»
И дает ему матушка свое благословение великое
На те годы уреченныя.
Прощается Добрыня Никитич млад
С молодой женой, с душой Настасьей Никулишной.
Сам молодой жене наказывает:
«Жди меня, Настасья, шесть лет,
А если бо не дождешься в шесть лет,
То жди меня в двенадцать лет.
Коли пройдет двенадцать лет,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названого,
За молода Алешу Поповича!»
И поехал Добрыня Никитич млад
В славныя орды немирныя.
А и ездит Добрыня неделю в них,
В тех ордах немирных,
А и ездит уже другую,
Рубит чудь белоглазую
И тое сорочину долгополую,
А и тех черкас пятигорских,
А и тех калмык с татарами,
И чукши все и алюторы,—
Всяким языкам спуску нет.
Очистил дорогу прямоезжую
До его-то тестя любимого,
До грозного короля Этмануила Этмануиловича.
А втапоры Настасьи шесть лет прошло,
И немало время замешкавши,
Прошло ей, Никулишне, все сполна двенадцать лет,
А никто уже на Настасьи не сватается,
Просватался Владимир-князь стольной киевской
А за молода Алешуньку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко венцу повезли.
Втапоры Добрыня едет в Киев-град,
Старые люди переговаривают:
«Знать-де полетка соколиная,
Видеть и поездка молодецкая —
Что быть Добрыни Никитичу!»
И проехал молодец на вдовей двор,

Приехал к ней среди двора,
Скочил Добрыня со добра коня,
Привязал к дубову столбу,
Ко тому кольцу булатному.
Матушка его старехунька,—
Некому Добрынюшку встретити.
Проходил Добрыня во светлу гридню,
Он Спасову образу молится,
Матушке своей кланяется:
«А ты здравствуй, сударыня-матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
В доме ли женишка моя?»
Втапору его матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой еси мое чадо милая,
А твоя ли жена замуж пошла
За молода Алешу Поповича,
Ныне они у венца стоят».
И походит он, Добрыня Никитич млад,
Ко великому князю появиться.
Втапору Владимир-князь
С тою свадьбою приехал от церкви
На свой княженецкой двор,
Пошли во светлы гридни,
Садилися за убраныя столы.
Приходил же тут Добрыня Никитич млад,
Он молится Спасову образу,
Кланяется князю Владимиру и княгине Апраксевне,
На все четыре стороны:
«Здравствуй ты, осударь Владимир-князь
Со душою княгинею Апраксевною!
Сослужил я, Добрыня, тебе, князю, службу заочную,
Съездил в дальны орды немирныя
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимого,
До грозного короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую
И тех черкас пятигорских,
А и тех калмыков с татарами,
Чукши все и алюторы!»
Втапору за то князь похвалил:
«Исполать тебе, доброй молодец,
Что служишь князю верою и правдою!»
Говорил тут Добрыня Никитич млад:
«Гой еси, сударь мой дядюшка,
Ласково солнце Владимир-князь!
Не диво Алеше Поповичу,

Диво князю Владимиру —
Хочет у жива мужа жену отнять!»
Втапоры Настасья засовалася,
Хочет прямо скочить, избесчестить столы.
Говорил Добрыня Никитич млад:
«А и ты, душка Настасья Никулишна!
Прямо не скачи — не бесчести столы,
Будет пора — кругом обойдешь!»
Взял за руку ее и вывел из-за убранных столов,
Поклонился князю Владимиру
Да и молоду Алеше Поповичу,
Говорил таково слово:
«Гой еси, мой названой брат,
Алеша Попович млад!
Здравствуй женивши, да не с ким спать!»

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова,
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусалиму,
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единой круг,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крепкую,
Выбирали большего атамана
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молоды Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
«А итить нам, братцы, дорога не ближняя —
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыни помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленную ризой утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Али кто пустится на женской блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает,—
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».
И в том-то ведь заповедь подписана,

Белыя рученьки исприложены:
Атаман Касьян сын Михайлович,
Податаманья — брат его родной
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики в Ерусалим-град.
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Чэреги,
На его потешных на островах
У великого князя Владимира
А и вышли они из раменья,
Встречу им-то Владимир-князь:
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уток,
Лисиц, зайцов всех поганивает.
Пригодилось ему ехати поблизости,
Завидели его калики тут переходя,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом —
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окорачился,
А богатыри с коней попадали.
А Спирия стал постыривать,
Сёма стал пересёмовать,
Едва пробудится Владимир-князь,
Рассмотрил удалых добрых молодцов,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,
Прошают у него святую милостиню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковой Владимир-князь:
«Гой вы еси, калики переходя!
Хлебы с нами завозныя,
А и денег со мною не годилося,
А и ежду я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уток,
Изволите вы идти во Киев-град
Ко душе княгине Апраксевне.
Честна роду дочь королевична
Напоит-накормит вас, добрых молодцов,

Наделит вам в дорогу злата-серебра».
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,
Среди двора княженецкого,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом,—
С теремов верхи поваялися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.
Становилися во единой круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарищами
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Касьян не послушался,
Проходил во гридню во светлую,
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна
Поджав ручки, будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными сенными девушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее,
От лица его молодецкого,
Как бы от солнучка от красного,
Лучи стоят великия.
Убирались тут все добры молодцы,
А и те калики перехожия
За те столы убранья.
А и стольники-чашники
Поворачивают, пошевеливают
Своих они приспешников,
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя.
А и те калики перехожия
Сидят за столами убраными,

Убирают яства сахарныя,
А и те видь питья медвяныя,
И сидят они время час-другой,
Во третьем часу подымались,
Подымавши, они богу молятся,
За хлеб, за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чалникам.
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксевны,
Наделила б на дорогу златом-серебром,
Сходить бы во град Иерусалим,
А у молодой княгини Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алешуньку Поповича
Атамана их уговаривати
И всех калик перехожих,
Чтоб не идти бы им сего дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксевне
На долгиа вечера посидети,
Забавныя речи побайти,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказал он Алеше Поповичу,
Не идет на долгиа вечера
К молодой княгине Апраксевне
Забавныя речи байти.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешуньку Поповича
Прорезать бы его суму рыта бархата,
Запехать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алеша-то догадлив был:
Распорол суму рыта бархата,
Запехал чарочку серебряну
И зашивал ее гладехонько,
Что познать было не можно-то.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора,
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики не оглянутся.
И верст десяток отошли они
От стольного города Киева,
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.

Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алеши вежество нерожденое,
Он стал с каликами вздорити,
Обличает ворами-разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по миру по крещеному,
Кого окрадите, своим зовете,
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!»
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешинька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольной Киев-град,
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовет Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
За Касьяном Михайловичем.
Втапору Добрынюшка не послушался,
Скоро поехал во чисто поле,
У Добрыни вежество рожденое и ученое,
Настиг он калик во чистом поле,
Скочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович,
Не наведи на гнев князя Владимира,
Прикажи обыскать калики перехожая,
Нет ли промежу вас глупого?»
Молоды Касьян сын Михайлович
Становил калик во единой круг
И велел он друг друга обыскавать
От малого до старого,
От старого и до больша́ лица,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Нигде та чарочка не явилася —
У млада Касьяна пригодилася.
Брат его, молоды Михайла Михайлович,
Принимался за заповедь великую,
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича,
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшке Никитичу,
И с ним написан виноватой тут

Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики — в Ерусалим-град.
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватого назначено —
Молода Касьяна сына Михайлова,
А с того время-часу захворала она скорбью
недоброю:

Слегла княгиня в великое во огнище.
Ходили калики в Ерусалим-град,
Вперед шли три месяца.
А и будут в граде Ерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленною ризою утиралися,
А все-то молодцы отправили;
Служили обедни с молебнами
За свое здоровье молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву
И ко ласкову князю Владимиру
И идут назад уже месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою
Его, молода Касьяна Михайловича.
Голосок наносит помалехоньку,
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подалися малехонько
И увидели молода Касьяна сын Михайловича:
Он ручкой машет, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родный брат его
Михайла Михайлович,
Пришли все они, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А они-то к ручке приложилися,
С ним поцеловалися
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,

Как ясён сокол из тепла гнезда.
А все они, молодцы, дивуются,
На его лицо молодецкое,
Не могут зрить добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкия до самого пояса.
И стоял Касьян не мало число, —
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохуньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них,
Посылает легкого молодчика
Доложитья князю Владимиру:
«Прикажет ли ийти нам пообедати?»
Владимир князь пригодился в доме,
Послал он своих клюшников-ларешников
Побить челом и поклонитися им-то, каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники-ларешники
Пришли они к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкой двор,
Среди двора княженецкого
Поздравствовал ему Владимир-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взял его за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молоды Касьян Михайлович
Спросил князя Владимира
Про молоду княгиню Апраксевну:
«Гой еси, сударь Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?»
Владимир-князь едва речи выговорил:
«Мы-де уже неделю-другу не ходим к ней».
Молоды Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальню к ней,
А и князь идет свой нос зажал,
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакого духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящетые,
Втапоры княгиня прощалася,

Что нанесла речь напрасную.
Молоды Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксевну,—
Не стало у ней того духу-пропасти,
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую,
Захотелось ей, и пострада она:
Лежала в страму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимиру во светлу гридню,
Помолился Спасу образу
Со своими каликами перехожими
И сажалися за убранные столы,
Стали пить-есть, потешатися,
Как будет день в половина дня,
А и те калики напивалися,
Напивалися и наедалися,
Владимир-князь убивается,
А калики-то в путь наряжаются.
Просит их тут Владимир-князь
Пожить-побыть тот денек у себя.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха как из пропасти,
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тут же к ним к столу пришла
С няньками, с мамками
И с санными красными девицами
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда, без сорому,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает
По тем яствам сахарным,
Крестом ограждает и благословляет,
Пьют-едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрел и число показал,
Что много мы, братцы, пьем-едим, прохлаждаемся,
Уже третьей день в доходе идет,
И пора нам, братцы, в путь идти.
Вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимиру
С молодой княгиней Апраксевной
За хлеб, за соль его,

И прощаются калики с князем Владимиром
И с молодою княгинею Апраксевною.
Собрались они и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.

ИВАН ГОСТИНОЙ СЫН

В стольном в городе во Киеве,
У славного князя Владимира
Было пиროванья — почестной пир,
Было столованья — почестной стол
На многи князи-бóяра
И на русския могучия богáтыри
И гости богатыя.
Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире,
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и бóяра
И все русския могучия богáтыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на три ста жеребцов,
На три ста жеребцов и на три жеребца похваленые:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И которой полонен Воронко во Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,—
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяносто-то мерных верст
Промеж обедней и заутренею?»
Как бы большой за меньшого хоронится,
От меньшого ему тут, князю, ответу нету.
Из того стола княженецкого
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын,
И скочил на свое место богатырское
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь, ласковой Владимир-князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
А и быть перед князем невольником!
Я похваюсь на три ста жеребцов
И на три жеребца похваленые:
А сив жеребец да кологрив жеребец
Да третей жеребец — полонян Воронко,

Да которой полонян во Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,—
Ехать дорога не ближняя
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяносто-то мерных верст
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониныя,
Что выметывать раздолья широкия.
А бьюсь я, Иван, о велик заклад:
Не о сте рублях, не о тысячу —
О своей буйной голове!»
За князя Владимира держат поруки крепкия
Все тут князи и бôяра,
Тута-де гости-корабельщики:
Закладу они за князя кладут на сто тысячей,
А никто-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка черниговский,
А и он-то за Ивана поруку держит,
Те он поруки крепкия,
Крепкия на сто тысячей.
Подписался молоды Иван Гостиной сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Походил он на конюшну белодубову,
Ко своему доброму коню,
К бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечко,
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь, не ведаешь,
А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою, добрым конем,
Бился с князем о велик заклад,
А не о сте рублях, не о тысячу,—
Бился с ним о сте тысячей,
Захвастался на три ста жеребцовъ,
А на три жеребца похваленя:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И третей жеребец — полонян Воронко,—
Бегати-скакать на добрых на конях,
Из Киева скакать до Чернигова
Промежу обедни, заутрени,
Ускоки давать кониныя,
Что выметывать раздолья широкия».
Провещется ему доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:

«Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся:
Сива жеребца — того не боюсь,
Кологрива жеребца — того не блюдусь,
В задор войду — у Воронка уйду.
Только меня води по три зарй,
Медвяною сытою пой,
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочныя
И те часы урочныя,
Придет от князя грозен посол
По тебя-то, Ивана Гостиного,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях,
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную,
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей.
Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передом ходить,
Копытами за шубу посапывати
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасовати, —
Князи-бояра подивуются,
И ты будешь жив — шубу наживешь,
А не будешь жив — будто нашивал.
По-сказаному и по-писаному
От великого князя посол пришел,
А зовет-то Ивана на княженецкой двор.
Скоро-де Иван наряжается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубы цена три тысячи,
А пуговики вольящетыя в пять тысячей
И повел он коня за шелков поводок.
Он будет-де Иван среди двора княженецкого,
Стал его бурко передом ходить,
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны побрасовати, —
Князи и бояра дивуются,
Купецкия люди засмотрелися.
Зрявкает бурко по-туриному,
Он шип пустил по-змеиному,
Три ста жеребцов испужались,
С княженецкого двора разбежались,
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец — тот и голову сломил,

Полонян Воронко в Золоту орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-то и бояра испужалися,
Все тут люди купецкия
Окорачь они по́ двору напозлалися.
А Владимир-князь со княгинею печален стал,
По подполью напозлалися.
Кричит сам в окошечко косящетое:
«Гой еси ты, Иван Гостиной сын,
Уведи ты уродья со двора долой —
Прóсты поруки крепкия,
Записи все изодранья!»
Втапоры владыка черниговской
У великого князя на почестном пиру
Велел захватить три корабля на быстром Непру́,
Велел похватить карабли
С теми товары заморскими,—
А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут.

ВЫСОТА ЛИ, ВЫСОТА ПОДНЕБЕСНАЯ

Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота окян-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Непровския,
Чуден крест Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкия,
Высокия горы Сорочинския,
Темны леса Брынския,
Черны грязи Смоленския,
А и быстрыя реки понизовския.
При царе Давыде Евсеевиче,
При старце Макарье Захарьевиче,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельям — родильницы,
Чернецы по дорогам — разбойницы,
Сын с отцом на суд идет,
Брат на брата с боем идет,
Брат сестру за себя емлет.
Из далеча чиста поля
Выскакал тут, выбегал
Суровец-богатырь Суздалец,
Богатого гостя, заморёнин сын.
Он бегаёт-скачет по чисту полю,
Спрашивает себе сопотивника,
Себе сильна-могуча богатыря
Побиться, подрачься, поратиться,

Силы богатырски протведати,
А могучи плечи приоправити.
Он бегал-скакал по чисту полю,
Хоботы метал по темным лесам —
Не нашел он в поле сопровитника.
И поехал ко городу Покидошу,
И приезжал ко городу Покидошу.
Во славном городе Покидоше
У князя Михаила Ефимонтьевича,
У него князя почестной пир.
А и тут молодцу пригодилося,
Приходил на княжнецкой двор,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Великому князю поклоняются.
А князь Михайла Ефимонтьевич
Наливал чару зелена вина в полтора ведра,
Подает ему, доброму молодцу,
А и сам говорил таково слово:
«Как, молодец, именем зовут,
Как величать по изотчеству?»
Стал молодец он рассказовати:
«Князь де Михайла Ефимонтьевич,
А меня зовут, добра молодца,
Суровец-богатырь Суздалец,
Богатого гостя, заморенин сын».
А и тут князю то слово полюбилося,
Посадил его за столы убранья,
В ту скамью богатырскую
Хлеба с солью кушати
И довольно пити, прохладжидатися.

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЕВИЧ

А и деялося в орде,
Переделялось в Большой:
На стуле золоте,
На рытом бархоте,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.

Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, —
Его дома не случилось.
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синяя.
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царския невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу.
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем. узда, дорога —
Царское жалованье,
Государево величество,
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,

Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старую,
Тверью богатую,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич,
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацеди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старую,
Тверью богатую,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи!»
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старую,
Тверью богатую,
Двумя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи,
И втепоры млад Щелкан
Он судьёю насел
В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А немного он судьёю сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старья,
Мужики-то богатя,
Мужики посадския
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,

Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли они честныя подарки
Злата-серебра и скатного земчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича, —
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втепоры млад Щелкан
Зачванился он, загорденился,
И они с ним раздорили.
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

МИХАЙЛА СКОПИН

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году восьмой тысячи
А и деялось-учинилося,
Кругом сильна царства Московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила сорочина долгополая,
И те черкасы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши с аlyюторами;
Как были припасы многие:
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские —
А нельзя ни пройти, ни проехать
Ни конному, ни пешему
И ни соколом вон вылетети
А из сильна царства Московского
И великого государства Российского.
А Скопин-князь Михайла Васильевич,
Он правитель царству Московскому,
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли святорусския,
Что ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал воевода московской князь,
Скопин-князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,

Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчат стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в ней перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлосу.
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат,
А ты свицкий король Карлус!
А и смилуйся-смилосердися,
Смилосердися, покажи милость:
А и дай мне силы на подмочь,
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы пятигорския,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чукши с аlyюторами,
И не можем мы с ними управиться.
Я закладоваю три города русския».
А с ярлыками послал скоро почтаря,
Своего любимого шурина,
А того Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в Полувецкой орде
У честна короля, честного Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу,
Среди двора королевского
Скочил почтарь со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Сумы похватил, сам во палаты идет.
Ни за чём почтарь не замешкался,
Приходит во палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ярлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатывает,
Распечатал, сам просматривает,
И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено —
От любимого брата названого,
Скопина-князя Михайла Васильевича:
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русския».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,

Отправляет силы со трех земель:
А и первыя силы — то свицкия,
А другия силы — саксонския,
А и третия силы — школьския,
Того ратного люду ученого
А не много, и не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Нов-город,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешонько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царские:
А на знаменье было написано
Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —
Они вырубили чудь белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекростили черкас пятигорских,
А немного дралися, скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малороссия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с алюторами.
А кому будет божья помочь —
Скопину-князю Михайлу Васильевичу:
Он очистил царство Московское
И велико государство Российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литургию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина-князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир.
И велику славу до веку поют
Скопину-князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы
У того ли было князя Воротынского
Крестили младого князевича,

А Скопин-князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Княженецкой стол во полустоле,
Как пьяненьки тут расхвастались:
Сильны хвастает силою,
Богатой хвастает богатством,
Скопин-князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большого хмелю он похваляется:
«А вы, глупой народ, неразумныя!
А все вы похваляетесь безделицей.
Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалитися.
Что очистил царство Московское
И велико государство Российское,
Еще ли мне славу поют до́ веку
От старого до малого,
А от малого до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддернули зелья лютого,
Подсыпали в стакан, в меды сладкия,
Подавали куме его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину-князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово,
Услышал во утробе неловко добре:
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты меня, змея подколодная!»
Голова с плеч покатилася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он сажился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке.
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милая,
Скопин-князь Михайла Васильевич!

Я тебе приказовала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому,
А и ты меня не послушался.
Лишила тебя свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!»
Он к вечеру, Скопин, и преставился.
То старина, то и деянье
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перенíманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потéшенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед зелена вина;
Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

КНЯЗЬ РОМАН ЖЕНУ ТЕРЯЛ

А князь Роман жену терял,
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку во Смородину.
Слетались птицы разные,
Сбегались звери дубравныя;
Откуль взялся млад сизой орел,
Унес он рученьку белую,
А праву руку с золотым перстнем.
Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
Ты где девал мою матушку?»
Ответ держит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
«Ты гой еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мыться,
А мыться и белиться,
А в цветно платье наряжаться».
Кидалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,
А сенные красны девушки!
Пойдем-то со мной на высокие теремы
Смотреть мою сударыню-матушку,

Каково она моется, белится,
А в цветно платье наряжается». Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки-мамками,
Ходила она по всем высокоем теремам,
Не могла-то найти своей матушки.
Опять приступила к батюшке:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
А где ты девал мою матушку?
Не могли мы сыскать в высокиех теремах».
Проговорит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
«А и гой еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна,
Со своими няньками-мамками,
Со санными красными девицами
Ушла твоя матушка родимая,
Ушла во зеленой сад,
Во вишенье, в орешенье!»
Пошла ведь тут молода княжна
Со няньками-мамками во зеленой сад,
Весь повигуляли, никого не нашли в зеленом саду,
Лишь только в зеленом саду увидели,
Увидели новую диковинку:
Неоткуль взялся млад сизой орел,
В когтях несет руку белую,
А и белу руку с золотым перстнем;
Уронил он, орел, белу руку,
Белу руку с золотым перстнем
Во тот ли зеленой сад.
А втапоры нянюшки-мамушки
Подхватили они рученьку белую,
Подавали они молодой княжне,
Молодой душе Анне Романовне.
А втапоры Анна Романовна
Увидела она белу руку,
Опáзновала она хорош золот перстень
Ее родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Как белая лебедушка скрикнула,
Закричала тут молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки-мамушки
А санныя красныя девушки!
Бегите вы скоро на быстру реку,
На быстру реку Смородину,
А что тамо птицы слетаются,
Дубравныя звери сбегаются?»
Бросалися нянюшки-мамушки

А сенная красная девушки:
Покрай реки Смородины
Дубравные звери кости делят,
Сороки, вороны кишки тащат.
А ходит тут в зеленом саду
Молода душа Анна Романовна,
А носит она руку белую,
А белу руку с золотым перстнем,
А только ведь нянюшки
Нашли они пусту голову,
Сбирали они с пустою головой
А все тут кости и ребрушки,
Хоронили они и пусту голову
Со темя костями, со ребрушки
И ту белу руку с золотым перстнем.

ПРО ГОСТЯ ТЕРЕНТИША

В стольном Нове-городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатой гость,
А по имени Терентиша.
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по земчуженке;
Ворота были вальящетыя,
Вереи хрустальные,
Подворотина — рыбий зуб.
Среди двора гридня стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица-то валженная,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на сѣреди кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголове лежит,
На зголове — молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
А пониже ея пупечка,

Да повыше коленечка,
Между ног, килди-милди.
Говорила молода жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
И по имену Терентиша,
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублей,
Ты поди дохтуров добывай,
Волхи-то спрашивати».
А втапоры Терентиша
Он жены своей слушался,
И жену-то во любви держал.
Он взял золоты ея ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублей
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентиша,
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Встречу Терентишу веселыя скоморохи.
Скоморохи — люди вежливыя,
Скоморохи очестливыя,
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствую, богатой гость,
И по имену Терентиша!
Доселева те слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентиша,
А и бродишь по чисту полю.
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентиша:
«Ай вы гой, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентей, зашел,
И не конь-то богатого завез,
Завела нужда-бедность...
У меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна,
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
Пониже ея пупечка,
Что повыше коленечка,
Между ног, килди-милди.

А кто бы-де недугам пособил.
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей
Без едынья денежки».
Веселыя молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулись,
А сами усмехнулись:
«Ай ты гой еси, Терентиша,
Ты нам что за труды заплатишь?» —
«Вот вам даю сто рублей!»
Повели его, Терентиша,
По славному Нову-городу,
Завели его, Терентиша,
Во тот во темной ряд,
А купили шелковой мех,
Дали два гроша мешок;
Пошли они во червленой ряд,
Да купили червленой вяз,
А и дубину ременчетую —
Половина свинцу налита,
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентиша
Во тот шелковой мех,
Мехоноша за плеча взял.
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет?»
Говорят веселыя молодцы:
«А и гой еси, молодая жена,
Авдотья Ивановна,
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатого
И по имени Терентиша!»
И она спохватилася за то:
«Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Где его видели,
А где про его слышали?»
Отвечают веселыя молодцы:
«Мы его слышали,
Сами доподлинно видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по себе его лежит,

И вороны в жопу клюют».
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселыя скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатого,
Про старого ... сына,
И по имени Терентиша,
Во дому бы его век не видать!»
Веселыя скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели они песенку:
«Слушай, шелковой мех,
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентей-гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентиша,
Про старого ... сына:
«Во дому бы тебя век не видать!»
Шевелись, шелковой мех,
Мехоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентиша,
Лечить молодую жену!
Бери червленной вяз,
Ты дубину ременчетую,
Походи-ка, Терентиша,
По своей светлой гридни
И по сѣреди кирпицетой
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
А перине ко пуховыя,
А лечи-ка ты, Терентиша,
А лечи-ка ты молодую жену
Авдотью Ивановну!»
Вставал же Терентиша,
Ухватил червленной вяз,
А дубину ременчетую —
Половина свинцу налита.
Походил он, Терентиша,
По своей светлой гридне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей.
Он стал молодую жену лечить.

Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нея сшиб.
Посмотрит Терентиша
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую, —
А недуг-от пошевеливается
Под одеялом соболиным.
Он-то, Терентиша,
Недуга-то вон погнал,
Что дубиною ременчею,
А недуг-от непутем в окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На карачках ползает,
Едва от окна отполз.
Он оставил, недужиша,
Кафтан хрушетой камки,
Камзол баберековой,
А и денег пятьсот рублей.
Втапоры Терентиша
Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

ИЗ МОНАСТЫРЯ БОГОЛЮБОВА СТАРЕЦ ИГРЕНИЩО

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренища,
Игренища-Кологренища,
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел-то старец под окошечко
К человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за ворота за широкия,
Посмотрит старец Игренища-Кологренища
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он Игренища

Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не матаются,
И не рад-то старец Игренища
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя,
А и рад-то девушке-черनावушке.
Ухватил он девушку-черनावушку,
Ухватил он, посадил в мешок,
Со тою-то редькою горькою.
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он старец по монастырю,
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросалися ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы росол пошел.
А и тут ребята десятильниковы,
Они тут со старцем заздорили.
А и молится старец Игренища,
А Игренища-Кологренища:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидеть — не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбков монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить, да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-то во тетивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со теми подковами немецкими».
А и тут ему ребята свободу дают,
И ушел он, старец Игренища,
А Игренища-Кологренища
Во убогия он свои во келейки.
А по утру раненько-ранешонько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежу обедни, заутрени
Пришли они, ребята десятильниковы,
Ходят они по монастырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренища,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:

«Вы-то, ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Всем рассказал им подробно все:
А четверть пройдет — другой приди,
А всем рассказал, по часам рассказал.
Монастырски часы были верные,
А который побыстрее их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренищу.
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Поминать старца Игренища.
И по тем часам монастырским
А и четверть прошла — другой пришел.
А втапору старец Игренища
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детину, донага,
Полтараста ударов ему в спину влепил.
А и тех-то часов монастырских
Верно та их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренища,
Игренища-Кологренища,
А скоро удобрил и в келью взял,
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другою подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется;
А другому наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря;
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить, да не износить».

ЧУРИЛЬЯ-ИГУМЕНЬЯ

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей;
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона

И по малому певчему, по дьячку;
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван пономарь,
А горазд-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чурилья к заутрени:
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхняя,
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмежаются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девей староста!
А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмежаются.
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красныя девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь.
Промежу собой, девицы, усмежаетесь?»
Ответ держут черницы, души красныя девицы:
«А и Федор-дьяк, девей староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмежаемся:
У нас нету дьяка-запевальщика,
А и молоды Стафиды Давыдьевны,
А Иванушки-пономаря zde же нет».
А сказал он, девей староста,
А сказал Чурилье-игуменья:
«То девицы поют, мешаются,
Промежу собой, девицы, усмежаются:
Нет у них дьяка-запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты, Федор-дьяк, девей староста!
А скоро ты побегу по монастырю,
Скоро обойди триста келей,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можется,
Али стоит она перед богом молится?»
А Федор-дьяк заскакал, забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келей,

Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело танцы водить,
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени иди!»
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя,
И другой — медку сладкого,
И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зелена вина,
Другой — меду сладкого
И скажи Чурилье-игумень,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».
А и тот-то Федор, девей староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игумень,
Что той де старице, Стафиде Давыдьевне,
Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-то Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келей
И доехала ко Стафиды кельицы,
И взяла с собою питья добрыя,
И стала ее лечить-поить.

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по поддавочью,
А и синее море — в лохани вода.
А у белого города, у жорнова,
А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечныя,
Знамена поставлены помельныя,
Востры сабли — кокошники,

А и тяжкия палицы — шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о яшном мушнике,
А и билися-дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащшую.
А и на ту-то на драку — великой бой
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болестью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды — то пуговики,
Сливныя коросты — то петельки.
А втапоры старик на полатех лежал,
Силу-ту смечал, во штаны насрал;
А старая баба умом молода,
Села срать, — сама песни поет.
А слепыя бегут — спинаючи глядят;
Безголовыя бегут — они песни поют,
Бездырья бегут — попердывают,
Безносыя бегут — понюхивают,
Безрукой втапоры клеть покрал,
А нагому безрукой за пазуху наклал,
Безязыкого, того на пытку ведут,
А повешены слушают,
А и резаной — тот в лес убежал.
А на ту же на драку — великой бой
Выбегали тут три могучие богатыри:
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
У другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит
С репою, со печенкою.
А и среди синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут крековист дуб,
А на том на сыром дубу крековостом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила,
И дете она свела — сивиньких поросяточок,
Поросяточок полосатиньких.
По дубу они все разбегалися,
А в воду они глядят — притонути хотят,
В поле глядят — убежати хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,

А и серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Они на небо глядят — улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит.
А и черт ли видал, что медведь летал,
Бурую корову в когтях носил.
В ступе-де курица обьягнилася,
Под шестком-то корова яйцо снесла.
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

ОХ, В ГОРЕ ЖИТЬ — НЕКРУЧИННУ БЫТЬ

А и горя, горе-гореваньица!
А в горе жить — некручинну быть,
Нагому ходить — не стыдиться,
А и денег нету — перед деньгами,
Появилась гривна — перед злыми дни,
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему — богатому,
Не отрастить дерева сухопарого,
Не откормить коня сухопарого,
Не утешити дитя без матери,
Не кроить атласу без мастера.
А горя, горе-гореваньица!
А и лыком горе подпоясолось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я от горя — в темны леса,
А горя — прежде век зашел;
А я от горя — в почестной пир,
А горя зашел — впереди сидит;
А я от горя — на царев кабак,
А горя встречает — уж пива тащит.
Как я наг-то стал — насмеялся он.

Ерофей Семенович

Середина XIX века

Читатели второго номера «Отечественных записок» за 1864 год нашли в журнале статью, подписанную скромным инициалом «М». За этой литерой скрылся известный историк М. И. Семевский. Его очерк «Сказочник Ерофей» явился первым литературным портретом русского сказителя. Впервые под пером М. И. Семевского фигура носителя фольклора получила права гражданства в русской науке и журналистике.

Ерофей Семенович, Ерёха по-уличному, был крестьянином деревни Плутаны Опочецкого уезда Псковской губернии. По названию деревни и, вероятно, за лукавый нрав его прозвали Ерёха Плутанский. До 1861 года он был крепостным. «Много помещиков владело его крепостной душой, еще больше управляющих да старост гоняли его на работы да кормили колотушками», — писал М. И. Семевский.

Известно о сказочнике Ерофее немного — только то, что сказал о нем собиратель. Из очерка вырисовывается характер незлобивый, легкий, говорливый, немного лукавый, скорый на яркое словцо и поговорку.

Воспитал Ерофей своего племянника, сына умершего брата, брошенного, по сути дела, его матерью. «Вырастил, выкормил, оженил, все хозяйство ему поручил, — рассказывал сказочник. — А вот он уже раз пять меня побил, поблагодарил да в три шеи к дому не раз проводил. А за что? Есть приговорка: тяни кобылью голову с грязи — на кобыле проедешь, а человека вытянешь — на тебе проедет!»

В 1864 году, когда М. И. Семевский встретился с Ерёхой Плутанским, тому было уже 65 лет. Из духовной консистории ему была выдана книжка на сбор подаяния в пользу местной приходской церкви. «Лучшего сборщика трудно найти: Ерофей Се-

менович умен. Он знает, что пред кем «развести». Одному бо: жественное, другому веселое, третьему сказку да присловицу. И сыплются гривеннички, пяточки да трешнички к нему в кружку. А не все и в кружку, выпадает и ему за труды».

Ерофей Семенович, по всей видимости, принадлежал к типу сказочников-балагуров, шутников и балясников. Длинные эпические повествования ему не свойственны. Короткие побасенки, анекдоты, динамичный диалог — вот стихия этого сказочника. Зыбка и неуловима в его рассказе грань между собственно сказкой и обыденной речью. Рассказал Ерофей сказку о «Правде и Кривде», а в конце прибавил от себя: «Знаю я, Ерофей, что теперь Кривду жалуют. А пред останочным концом Правда воскресётся, на небеса вознесётся, а Кривда погинет на веки вечные. А у того Правды-швеца.., как разбогател он, был в гостях Ерофей Плутанский...» И вот уже сам сказочник стал как бы героем народной сказки.

Сказки Ерофея отличаются острым социальным содержанием. Объектом едкой сатиры сказителя становятся и праведник-трудник, и староста, и барин. На всех произведениях Ерофея Семеновича лежит печать времени, в которое он жил, — отражение быта дореформенной крепостной России.

СКАЗКА

Был у барина мужик, Фома богатый. У него было двести колод пчел. Вон барин со старостой толкует: «А что, староста, отобрать у того Фомы пчелы все?» Староста говорит: «Надо вино пригнать. Как без вины пчел отобрать?» — «Какую ж вино мы, — говорит, — пригоним?» — «А во какую: сделаюсь я болён, а он пущай везет меня в пекло. Он пекло не найдет. По эвтой причине всех пчел отберешь».

Барин и говорит: «Хома, а Хома, приезжай в село, староста болён. Свези ты его, брат, во тьму во кромешную, в пекло. А ежели пекло не найдешь, старосту назад привезешь, за эвту причину всех пчел отберу».

Найдет — не найдет, везет Фома старосту в пекло. Вот он и день везет — пекло не найти, и другой везет — пекло не найти, и на третий — едет он лединкой, и на левый бочок — видит он стёжку. Стёжкой той и поехал. И с полверсты не проехал — видит, идут втроих. «Хома, — говорят, — кого везешь?» — «Старосту в пекло». — «Подавай его сюды, давно его ждем». — «Братцы ж, дайте мне расписку, барин не поверит». — «А во сейчас дадим и расписку, и вези ты барина в пекло, и барину место есть».

Приехал Хома домой. Барин и спрашивает: «Хома, а Хома, куда ж ты старосту дел?» — «Куды дел, ты ж в пекло посылал, а я в пекло и свез». — «Может, ты, плут, разбойник, его убил либо задавил?» — «Извольте, барин, во и расписка дадена, и велено тебя немешкатно везти, и тебе там место есть». — «Ну, Хома, — говорит барин. — Хотел я у тебя двести колод пчел взять. Вот тебе двести рублей денег, и живи ты вольно и шапку мне не правь, только, пожалуйста, в пекло не вози».

СКАЗКА

Спрашивал барин мужичка: «Мужичок, мужичок, кая трава лучше?» — «Да осока лучше». — «А кая хуже?» — «Да осока хуже». — «Я тебя за это слово накажу». — «Погоди, поколь расскажу: осока ранее всех вырастет — она лучше всех; а как постарется — она хуже всех». Оно правда есть».

«А кого, — говорит, — в вотчине лучше нет?» — «Да лучше старосты нет». — «А кого, — говорит, — хуже нет?» — «Да хуже старосты нет». — «Я тебя мудрей накажу!» — «А погоди, поколь расскажу. Староста, коль в старостах сидит, хошь негож, так хорош; а как сменят, так и все тюкать станут».

СКАЗКА

Спорился заяц с лисицей — о быке, чей бык. «Я тогда родился, — говорит заяц, — как свет зацедился. Мой бык!» А лисица говорит: «Мне до свету семь лет. Мой бык!» А медведь вышел с болота: «Мне, — говорит, — пять лет, а вам до быка дела нет».

Вот тут и спорь с дужим-то!

СКАЗКА

Мужик, вот такой же как Ерѣха Плутанский, пришел березу сечь. А на березе на ту пору, надо быть, был святой. «Не секи», — говорит. «А каким ты меня чином пожалуешь?» — «Будь ты староста, женка будет старостихой».

Пришел мужик к бабе: «Я староста, ты старостиха». А баба говорит: «Поди ссеки, что это за чин, что ты староста, а я старостиха! Ведь барина бояться надо. А вот то чин, кабы я барыня, а ты бы барин — то чин».

Пришел мужик сечь. «Не секи меня, — говорит береза. — Пусть баба — барыня, а ты — барин!»

Вернулся он к женке: «Женка, а женка! Ноне ты барыня, я барин». «Что то за чин, — говорит женка. — Все царя будем бояться. А вот я хочу быть царицей, а ты был бы царем. Так то чин. Поди ссеки березу».

Сказал мужик бабьи речи березе, стал ее сечь! «Будь же ты медведь, а жена медведицей!»

И до сих пор у Опочки ходит медведь с медведицей. Так вот оно что: бабьему хвосту нет посту. За большим чином погонишься — малый упустишь.

СКАЗКА

Два швеца заработали по триста рублей денег и заспорились дорогой. Один говорит: «Правда лучше!» Другой говорит: «Кривда лучше!» «Пойдем, — говорят, — до встречного. Ежели правду похвалит, то все шестьсот рублей правде; если кривду похвалит, то все шестьсот рублей кривде».

Навстречу старик. «Дедушка, а дедушка, что лучше — правда аль кривда?» — «Может ли быть в нонешние года правда лучше! Что больше покривишь, то больше проживешь».

Заложились до второго встречного: коли правду похвалит, с кривды платье долой и деньги назад.

Попался солдат. «Ненадобны дела, неспособны слова, чтоб правда была лучше кривды. В нонешние года что больше покривишь, то больше проживешь».

С правды платье долой, правда голая осталась. Вот заложились в третий раз. Пойдем до третьего встречного. Ежели третий встречник кривду похвалит, правде глаза долбать. А правда говорит: «Хошь глаза долби, все ж правда лучше».

Навстречу поп. «Что, батька, лучше: правда аль кривда?» — «Может ли быть в нонешние года правда лучше! Пустые разговоры, последние слова, ненадобные дела! Кто больше покривит, тот больше наживет».

Кривда правде глаза выколола. Осталася правда голая, босая, слепая. Побрела туда, сама не ведая куда. Слепому, куда не наставил, — все прямая дорога. Пришла правда к озеру. Как-то в озеро не попала, прямо к челну. «Лягу-ка под челн. Не придет ли кто к челну, не выпрошу ль, ради Христа, рубашонки, грешное тело приодеть».

Ан ночью, к полночи: буль, буль, буль. Кто-то с озера. И много с озера к челну собралось. Один и говорит: «Как я сегодня славно душу соблазнил! Заложилась два швеца. Один говорит: правда лучше. Другой — кривда. Во все заклады я кривде помог. Все шестьсот рублей ей достались, кривда с правды одёжу сняла, кривда правде глаза выдолбала. Осталася правда голая, босая, слепая, ни на что не способная, никуда не годная». Тут его старшой похвалил, по головке подрачил: «Это ты молодец, хорошо скомандовал».

А другой говорит: «В эвтакой деревне от отца осталася три сына. Живут богато, именино. Не знают в хлебе меры, в деньгах счету. Отцовых денег лежачих не знают, и брат в брате не денег желают, а правды пытаются. И большие братеники грешат, что у малого деньги, а и у малого нет, а закопаны у отца деньги в землю, и сделана кобелю будка на деньгах. Уехавши эти братеники в дорогу. И приедут с дороги. Приехавши, коней выпрягут, приберут, сядут завтракать. Станет малый брат хлеб резать. И прежде отрежет себе, и женке своей, и детям своим. А больший брат и возьмет нож и скажет: «Ты отцовы деньги завладал, так и хлеб-соль будто твоя? Будто мы казаки у тебя?» И возьмет он с сердцов брата малого ножом цапнет и зарежет». Вот и этого старшой атаман еще мудрей похвалил, по головке подрачил: «Молодец! Хорошо скомандовал. Вот эти три раба все будет наши».

Ну и стали опять промеж себя разговаривать: будет-де назавтрие наутрие роса. Кто какой бы болезнью не болён, будет от этой раны исцелен. И у кого глаз нет, даст бог глаза — и будет видеть, как видал еще паче того. *(Ведь это кажинный год три росы выпадает, что от всякой болезни исцеляют. Да в тую росу попадет только праведный, а грешному не попасть.)*

Запел подутрие петух. Это соблазненники и бух, бух все в озеро. Вот правда погодил час, погодил два. Высунул руку из-под челна. Росичка нападает. Он по глазам потер, а дале еще погодил, челн поднял. Свет заходит, он стал зорьку видеть, он еще потер глаза. Пора солнышку всходить. Он и вылез из-под челна, да и вымылся как следует, и стал видеть, как видал, еще паче того. Только голый осталася.

Вот и пошел. Стоит баня. Он — в баню, да за каменку. Не пойдет ли кто за водой, не выпрошу ль рубашонки и свитиренки. Идет молодлица. Он и говорит: «Матынька, принеси мне, для бога, рубашонку или свитиренку, грешное тело прикрыть, голому ни-

куда нельзя идти». Принесла ему молодница рубашонку, принесла ему и свитиренку.

Вот он оделся и пошел в ту деревню, и потрафил прямо в тот дом, где уехали братеники в дорогу, что об отцовых деньгах спорятся. Приехали они с дороги, лошадей повыпрягли, прибрали, сели завтракать. Что за правду спорился, и того с собой посадили. И как сказано было, так и есть: отрезал малый хлеба себе, и своей жене, и своим детям. Большой брат сгреб нож. «Ах ты, мошеник, мало что отцовы деньги завладал, будто и вся хлеб-соль твоя, будто мы казаки у тебя!» И хотел большой брат ножом цапнуть брата малого. Правда — хватя за руку, да и удержал: «Завтракайте, братцы! По божьему поведению, по Христову повелению я ваши дела разберу. Вашего отца деньги верно укажу».

Стали завтракать честно; хорошо, без споров да пустых разговоров. Как отзавтракали, он и привел к тому месту: «Вот копайте, братцы, тут вашего отца деньги». Стали копать и выкопали котел золота и говорят: «Бери ты, братец, себе все деньги. Коли бы не ты, так все бы мы погибли. Ты нас отвел». — «Братцы, — он говорит, — не мои деньги, вашего отца. Не могу взять». — «Бери, братец. Коли б не ты, не то, что отцовы деньги нам достались, а и свои бы потерялись, людям бы попались. Нам и этих денег некуда девать, что при нас».

Вот они ему дали половину денег и самого лучшего коня. Он и едет домой. Идет кривда: «Где ты, братец, все это взял?» Он ему все как было и рассказал. «На, братец, тебе твои шестьсот назад, что мне давал, выдолбай мне глаза да сведи меня туда. Я и себе вот денег привезу». — «Я не буду тебе глаза долбать. Будет от бога грех». — «Какой тебе будет грех? Когда б ты налепом долбал, а то я сам прошу, тебе греха не будет».

Глазы-то правда долбать не стал, а свел кривду под челн. Вот и лег он под челн. А к полночи слышно с озера — буль, буль, буль. И много их к челну собралось. Атаман и взялся за того: «Что ты мне говорил, правда-де осталась и голая, и босая, и слепая, никуда не годная, ни на что не способная. Ты говорил: «Кривда богатей живет. А на то место правда лучше, богатей и здоровей прежнего живет». Во, и взял того железным прутьем атаман наказывать: «Ты не обманывай!»

Взялся за другого: «Говорил ты в этой деревне брат брата за-режет и все три рабы наши будут. А не то, что зарезать, так у них никаких пустых разговоров не было. Ты не обманывай меня». Вот атаман и этого еще мочней железным прутьем наказал.

Вот они промеж себя и начали разговаривать: «Как же у нас были все дела хорошо скомандованы, а вышло не так? Да не был ли кто под челном, нет ли кого и теперь?» Подняли челн, нашли Кривду, взяли его, да дули-дули железным прутьем, да в озеро и вкинули!

Знаю я, Ерофей, что теперь Кривду жалуют. А пред останочным концом правда воскресётся, на небеса вознесётся, а Кривда погинет на веки вечные. А у того правды-швеца, что был под чел-

ном да умывался росой, как разбогател он, был в гостях Ерѣха Плутанский. Я там был, пиво пил, по усам текло, да во рту духу не было. Вот мне дали пирог, я и торк за порог. Вот мне дали конец, я и шмыг под крылец. Дали мне синь кафтан, я оделся, думал: булынька. Иду лесом, а ворона кричит: «Хорош пирог, хорош пирог!» Я думал: положи пирог, положи пирог. Взял да и положил. Ворона кричит: «Синь кафтан, синь кафтан!» Я думал: скинь кафтан, скинь кафтан. Я взял да и скинул. И ничего за труды не досталось: та же серая свита осталась.

СКАЗКА

Тридцать три года спасѣнник в пустыне спасался. «Господи! — говорит. — Есть ли такой кто праведник на свете, как я?» А господь бог прогласил: «В этакой деревне праведник праведнее тебя, и знает он всю божью планиду, и ведаёт, когда на небесах обедня и утренняя, и про свою смерть знает. Сходи ты к нему на благословение и спроси, как он богу молится. Коли он тебя благословит, через трое суток ты спасешься».

Ну вот он и пошел к этому мужичку. Приходит, а мужик землю пашет. «Бог помочь, старичок! А что я к тебе пришел. Тридцать три года богу молился, да пред богом сказал: «Господи, есть ли где такой праведник и трудник, как я?» А господь прогласил, что ты праведник лучше меня, всю божью планиду знаешь и ведаешь, когда на небесах обедня и утренняя». — «Ведаю». — «И про свою смерть знаешь?» — «Знаю». — «Так как ты богу молишься, поучи меня». — «А я богу мало молю: инший день раза три поклонюсь, инший день — два поклона, а инший и ни разу не поклонюсь». — «Так чем ты богу угодил, что всю божью планиду знаешь и про свою смерть знаешь?» — «А мне от роду полтораста лет, как стал жить. И ни с кем я не бранивался, и каждому норовил паче себя, и людям лучшее, а себе оставляю худшее. И у нас деревня большая: пойду я в поле и вижу в поле, чьи разъедены кладки или помяты бабки, — и не мой скот разъел, и не мои кладки, не мои бабки. И вижу, что будут через эти объедеши хлопоты. И я эти объедеши обберу и в гумно ввезу в свое, а своих столько ж цельных постановлю — вот и хлопот нет! И пойду коло стороды, вижу: чья изгорода повалилась, и никому не скажу, а взявши сам огорожу. Опять хлопот нет. А мое дело не справно, так я найму, дойму, а свое дело выправлю. И я всякого христианина кормлю, и себе оставляю худшее, а людям лучшее. Нищих, убогих, голых да босых одеваю, обуваю. На худой поры — лошадей запрягаю, нищих провожаю, эти богу угождаю, через это всю божью планиду знаю». *(А теперь кто босых да голых одевают — и нет тех людей!)*

«Благослови ты меня», — стал просить спасѣнник. Вот мужик его благословил. Пришел спасѣнник к себе в келью, три дня помолится, преставился и спасся. А мужик и никуда не ходил. Жил себе дома — и спасся.

Т. Г. Рябинин

Н. Г. Рябинин-Андреев

И. Т. Рябинин

П. И. Рябинин-Андреев

Сказители Рябищины

В русской фольклористике, пожалуй, нет другого имени, которое было бы окружено таким почетом и уважением, как Рябинины. Несколько поколений этой славной династии стали гордостью отечественной культуры.

Экскурсанты, побывавшие в знаменитых на весь мир Кижях, наверняка помнят скромную деревянную мемориальную доску около Преображенской церкви, надпись на которой гласит, что на Кижском погосте был похоронен русский былинец Т. Г. Рябинин. Увы, время оказалось безжалостно: оно сровняло могильный холмик с землей. И мы не можем сейчас положить цветы на последнее место успокоения того, кто сам являлся редкостным цветком среди хранителей устно-поэтического слова нашего народа.

В мае 1860 года, путешествуя по Олонецкому краю по казенной надобности, петрозаводский чиновник, ссыльный студент П. Н. Рыбников впервые от старика Леонтия Богданова услышал былину. На вопрос о том, кто в округе считается лучшим певцом, Леонтий указал на Трофима Григорьевича Рябинина (1791—1885). Произошло знакомство собирателя со сказителем. Т. Г. Рябинин, «старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седою бородой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность», — так описывал П. Н. Рыбников свое впечатление от сказителя.

Т. Г. Рябинин родился в 1791 году в деревне Гарницы близ Кижей. Он рано остался круглым сиротой и кормился за счет общины родной деревни. Подростком пошел в дом к бедному одинокому старику Илье Елустафьеву, который славился как боль-

шой знаток былин. Илья и был первым учителем Т. Г. Рябинина на былинном поприще. В 1812 году Трофим поступил в работники к своему дяде И. И. Андрееву, также любившему старины. Слушал и перенимал былины Рябинин и от других любителей народного эпоса. После женитьбы Трофим перешел в дом тестя приаком в кижскую деревню Серёдка.

Трудно и долго он становился на ноги, обзаводился своим собственным крепким хозяйством. Занимался хлебопашеством. «Раз сорок» приходилось для заработка ходить на Ладогу на рыбный промысел. В конце концов он стал исправным домохозяином. И сознание того, что он сам всего добился в жизни, наложило на его характер свой отпечаток. П. Н. Рыбников отметил его спокойствие, неторопливость, достоинство, «уважение к самому себе и другим».

В 1860 году П. Н. Рыбников записал от Т. Г. Рябинина свыше двух десятков старин — произведений, ставших классикой русского фольклора: «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ссора с князем Владимиром», «Илья и Калин-царь», «Вольга и Микула» и другие.

Летом 1871 года по следам П. Н. Рыбникова проехал известный славист А. Ф. Гильфердинг. Он сделал повторные записи. И ему же принадлежит идея пригласить Трофима Григорьевича в Петербург для выступления в Русском географическом обществе (РГО), бывшим одним из этнографических центров страны.

Т. Г. Рябинин прибыл в столицу в конце ноября 1871 года. Это не было первым его знакомством с Петербургом. До 1871 года по крайней мере дважды сказителю приходилось здесь бывать с ладожской рыбой. Олонецкий край вопреки распространенному мнению в XIX веке отнюдь не был глухим уголком земли, оторванным от всего мира. Олончане не раз по своим делам навдывались не только в Петрозаводск, но и в обе столицы империи.

3 декабря состоялось публичное выступление былинщика в РГО. Заседание было обставлено торжественно. Т. Г. Рябинина слушали президент Академии наук мореплаватель Ф. П. Литке, известный критик В. В. Стасов, видный фольклорист и литературовед О. Ф. Миллер, президент РГО великий князь Константин Николаевич. Тогда же, вероятно, М. П. Мусоргский записал мелодии двух былин Т. Г. Рябинина («Вольга и Микула» и «Добрыня и Василий Казимирович»). «Нет сомнения, — писала петербургская газета «Русский мир», — что слушание былин из уст самого сказителя — случай редкий и весьма интересный, который, вероятно, и привлек в заседание громадную публику, большая часть которой за неимением мест стояла». Выступление Т. Г. Рябинина в РГО и Славянском благотворительном обществе заложило основу хорошей традиции приглашать выдающихся сказителей в города и знакомить образованную публику с их творчеством.

У Т. Г. Рябинина было четверо сыновей, двое из которых «умерли на службе» в армии. Двое других — Иван и Гаври-

да — жили вместе с отцом. Отцовский талант и любовь к былинам перенял Иван Трофимович (1844—1908). До 1886 года имя И. Т. Рябинина не было известно интеллигентной России. Первые, кто записывал его старины, были экспедиционеры РГО филолог Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. Тексты И. Т. Рябинина вошли в их сборник «Песни русского народа» (Спб., 1894).

В 1893 году о Иване Трофимовиче, как когда-то о его отце, заговорили петербургские газеты. Петрозаводский учитель П. Т. Виноградов разыскал его и по согласованию с Русским географическим обществом привез в столицу. В январе 1893 года состоялось не менее десяти выступлений сказителя перед различными аудиториями: в РГО, на заседании Русского литературного общества, на квартире у академика Я. К. Грота, у председателя песенной комиссии РГО Т. И. Филиппова, в учебных заведениях и т. д. Зимой 1894 года столь же успешно прошли «гастроли» сказителя в Москве. Е. Ляцкий так описывает И. Т. Рябинина: «Небольшого роста, одетый в поддевку старинного покроя., с тихой вдумчивой речью и неторопливыми движениями, он производит впечатление спокойного и рассудительного человека. Принадлежа к приверженцам «старой веры», Иван Трофимович ревниво оберегает ее догматы: он вина не пьет, не курит, строго блюдет все посты, во время которых питается только капустой да квасом, и является в дом, куда его приглашают петь, не иначе, как со своим стаканом в кармане. Если прибавить к этому, что дома наш певец счастливый семьянин, а в поле и на рыбном промысле — неутомимый работник, то станет понятной та умильная простота и душевная уравновешенность, которые сказываются сразу, при первом знакомстве с ним, и невольно вызывают симпатию и внимание к его невзрачной, худощавой фигуре».

В Москве фрагменты былин И. Т. Рябинина были записаны на фонограф — звукозаписывающий аппарат, прообраз современного магнитофона. Это была первая фонозапись русского фольклора. На основе нотных расшифровок былинных напевов композитор А. С. Аренский впоследствии создал свой знаменитый фортепианный концерт «Фантазия на темы былин Рябинина».

Пение былин перед образованной публикой было для И. Т. Рябинина довольно выгодным в материальном отношении делом: организаторы его концертов постарались дать ему хороший заработок. И все-таки вскоре, оторванный от обычной крестьянской обстановки, он стал томиться: «А уеду я домой от вас, — больно скучно ужо, вот соберусь и уеду! Прах их побери — деньги!»

И уехал. И до 1902 года образованная Россия опять ничего не слышала о былиннике И. Т. Рябинине. А в 1902 году опять-таки по инициативе П. Т. Виноградова состоялась длительная трехмесячная поездка сказителя по российским и зарубежным городам.

Концерты И. Т. Рябинина начались в марте в столице: Русское географическое общество, Соляной городок, Мраморный

дворец, где былинщик пел перед президентом Академии наук великим князем Константином Константиновичем, квартира генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова — вот места, где довелось исполнять свои старины И. Т. Рябинину. И, наконец, 24 марта сказитель пел в знаменитом Малахитовом зале Зимнего дворца для Николая II и его семьи.

Для царской фамилии присутствие при пении крестьянского сказителя не было только удовлетворением определенного любопытства, но и политическим жестом. Император всероссийский демонстрировал обществу свое понимание значимости русской народной культуры. Формула «самодержавие, православие, народность», выдвинутая в 1832 году графом С. С. Уваровым, продолжала оставаться краеугольным камнем внутренней политики царствующего дома в начале XX века. Самодержец российский не упускал возможности показать свое радение о народе в лице олонецкого крестьянина И. Т. Рябинина. Отсюда и пожалованная сказителю золотая медаль, и часы с изображением государственного герба.

Из Петербурга И. Т. Рябинин и П. Т. Виноградов выехали в Киев. Это были первые «гастроли» севернорусского былинщика в городе, который является эпическим центром русского народа. И громадное идейно-художественное значение былинного Киева И. Т. Рябинин отлично понимал. Он говорил: «Вот я много покою о стольном Киеве, а сам-то Киев никогда и не видал. Очень бы хотелось побывать в Киеве».

На одном из киевских вечеров присутствовал гастролировавший там Ф. И. Шаляпин, «с большим вниманием, — как сообщила местная газета «Киевлянин», — слушавший русского рапсода». Ф. И. Шаляпина на концерт И. Т. Рябинина привело не простое любопытство, а профессиональные интересы. Одной из любимых его опер была народная музыкальная драма М. П. Мусоргского «Борис Годунов». В этой опере в последней сцене (под Кромами) композитор использовал мелодию былины «Вольга и Микула», слышанной им в 1871 году от Т. Г. Рябинина. Это тот самый напев, о котором В. В. Стасов с восхищением писал Л. Н. Толстому: «Мусоргский употребил один великолепный — вот уж подлинно — архивеликолепный — мотив его (Т. Г. Рябинина. — Т. И.) в своего «Бориса Годунова». Это у него поют иноки Варлаам и Мисаил (помните, по Пушкину и Карамзину), когда идут поднимать народ против Бориса. Я Вам скажу, это такой мотив, что просто ума помраченье! И как выходит на сцене, — немножко с оркестром, который чуть-чуть то там, то сям притронет! Кабы Вы все это знали, кабы Вы все это слышали!» Таким образом, Ф. И. Шаляпин был уже косвенно знаком с рябининским музыкальным творчеством и даже сам пел партию Варлаама. Весьма знаменательно, что накануне выступления И. Т. Рябинина Ф. И. Шаляпин участвовал как раз в спектакле «Борис Годунов», где исполнял заглавную роль; а через два дня ему предстояло

петь Варлаама: в сборном спектакле давалась сцена «В корчме». Великому певцу, без сомнения, было интересно услышать, как звучит рябининский напев в подлинном фольклорном исполнении. Так на концерте в Киеве встретились два начала, цементирующие русскую культуру, — народное и профессиональное.

Затем состоялись столь же успешные выступления сказителя в Одессе, откуда И. Т. Рябинин отправился в Константинополь, где он пел у русского посла. Потом были Болгария, Сербия, Вена, Прага, Варшава. За границей Иван Трофимович был поражен тем, что здесь его «разумеют» и «старинки его хвалят». Искусством русского былинщика восхищались болгарский писатель Иван Вазов и поэт Дмитрий Каравелов, крупнейший славист академик Ватрослав Ягич, будущий президент Сербской Академии наук А. Белич.

Гастроли И. Т. Рябины прошли с триумфом. Сказитель, усталый и довольный, возвратился в родные Гарницы и... оказался опять надолго забытым наукой и обществом.

Со смертью Ивана Трофимовича рябининская эпическая традиция не прервалась. Преемником сказителя стал его пасынок Иван Герасимович Андреев (1873—1926). В историю фольклористики он вошел как Рябинин-Андреев. И по праву: ведь былины, которые он пел, вели свою «родословную» от Т. Г. Рябинина. Фольклористы встретились с И. Г. Рябининым-Андреевым в 1921 году, когда ему было уже 48 лет. В 1920—1921 гг. в Институте слова, который занимался изучением живой речи, возникла дискуссия об особенностях исполнения былин. Решено было пригласить послушать И. Т. Рябинина. За ним в Гарницы поехала одна из сотрудниц Института, А. И. Смирнова, но оказалось, что Иван Трофимович уже давно скончался. По счастью, выяснилось, что былины поет его пасынок. Его-то и привезла А. И. Смирнова в Петроград. А ведь встреча ученых с И. Г. Рябининым-Андреевым могла бы произойти намного раньше! В течение нескольких лет (1896—1899 и 1906—1914) он жил под Петербургом, в Колпине, и был рабочим знаменитого Ижорского завода. Рабочий — сказитель былин. Это уникальный случай в отечественной фольклористике.

Последним из былинщиков в семье Рябининых-Андреевых стал средний сын Ивана Герасимовича Петр (1905—1953). В отличие от своих старших родственников он с самого начала был окружен вниманием ученых и общественности. Его былины публиковались в фундаментальном классическом сборнике А. М. Астаховой «Былины Севера» (Л., 1951). В 1940 году вышла отдельная книга «Былины П. И. Рябинина-Андреева». Сказитель много раз выступал в Петрозаводске, Ленинграде и других городах страны; был награжден орденом «Знак Почета»; принят в члены Союза писателей СССР. В общем, типичная судьба советского сказителя, которому выпало счастье быть замеченным наукой.

В историю русской фольклористики Рябиныны вошли как былилинцики. Однако, без сомнения, они знали и другие произведения устной поэзии. К сожалению, от старших Рябининых записывались только старины, сказки же прошли мимо внимания собирателей. Больше повезло П. И. Рябину-Андрееву. Мы имеем несколько образцов его сказочного творчества.

Ряд сюжетов был зафиксирован также от Михаила Кириковича Рябина. Михаил Кирикович является правнуком Трофима Григорьевича, внуком его второго сына Гаврилы. Магия словосочетания «Рябинин-Андреев» сказалась и на этом представителе знаменитой династии. В фольклористику он, не являющийся Андреевым, вошел как М. К. Рябинин-Андреев.

Литература: Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины.— М., 1895; Виноградов П. Т. Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка.— Томск, 1906; Чистов К. В. Рябиныны // Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания.— Петрозаводск, 1980. С. 33—109.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Старый казак Илья Муромец
Поехал на добром коне
Мимо Чернигов-град.
Под Черниговом силушки черным-черно,
Черным-черно, как черна ворона.
Припустил он коня богатырского
На эту силушку великую,
Стал конем топтать и копьём колоть,
Потоптал и поколол силу в скором времени,
И подъехал он ко городу ко Чернигову.
Приходят мужики к нему черниговцы,
Отворяют ему ворота в Чернигов-град
И зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит им Илья таковы слова:
«Ай же вы, мужики черниговцы!
Нейду я к вам в Чернигов воеводою.
А скажите-ка мне дорогу прямоезжую,
Прямоезжую дорогу в стольно Киев-град».
Говорили ему мужички черниговцы:
«Ай же, удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Прямоезжею дорожкой в Киев пятьсот верст,
Окольную дорожку — цела тысяча.
Прямоезжая дороженька заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
Серый зверь тут не прорыскивает,
Черный ворон не пролетывает.
Как у тоя у Грязи у Черныя,
У тоя у березы у покляпяя,
У славного креста у Леванидова,
У славенькой у речки у Смородинки,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Сидит Соловей во сыром дубу,
Свищет Соловей он по-соловьему,
Воскричит-то он, злодей, по-звериному:
Темны лесушки к земле преклоняются,
Все травы-муравы уклетают,
Лазуревы цветочки отсыхают,
Что есть людюшек, все мертвы лежат».

Илья Муромец спускал коня он богатырского,
Поехал по дорожке прямоезжия,
Брал он в руку плеточку шелковеньку,
Бил коня он по тучной бедры,
Вынуждал коня скакать во всю силушку великую.
Пошел его добрый конь богатырский
С горы на гору перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелки реченьки, озера между ног спускать.
Подбегает он ко Грязи той ко Черныя,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славенькой речке ко Смородинке.
Как засвищет Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Засвистал-то Соловей по-соловьему,
Воскричал злодей разбойник по-звериному:
Темны лесушки к земле поклонилися,
Что есть людюшек, мертвы лежат,
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Он бил коня по тучной бедры,
Бил коня, сам выговаривал:
«Ай же ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты идти не хошь, али нести не можь?
Не слышал ты, видно, посвисту соловьего,
И не слышал ты покрику звериного,
И не видал, видно, ударов богатырских,
Что ты, собака, на корзне потыкаешься!»
Становил коня он богатырского,
Свой тугий лук разрывчатый отстегивал
От правого от стремечка булатного,
Накладывал-то стрелочку каленую,
И натягивал тетивочку шелковеньку,
Спускал-то он в Соловья во разбойника,
Вышиб ему правое око со косицею,
Пал-то Соловей на сыру землю.
Старый казак Илья Муромец
Пристягнул его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремечку булатному.
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Ко этому ко гнездышку к соловьему.
И со этого со гнездышка соловьего
Усмотрела его больша дочь Невеюшка,
Говорит Невея таково слово:
«Едет наш батюшка раздольицем чистым полем,
И сидит он на добром коне богатырском,
И везет он мужичища деревенщину,
Ко стремени булатному прикована».
Посмотрела его друга дочь Ненилушка,

Говорит Ненила таковы слова:
«Едет наш батюшка раздольцем чистым полем,
И сидит он на добром коне богатырском,
И везет он мужичища деревенщину,
Ко стремени булатному прикована».
Посмотрела Пелька, его третья дочь,
Говорила Пелька таковы слова:
«Едет мужичище деревенщина
Раздольцем чистым полем,
И везет-то государя батюшку
К стремени булатному прикована:
Ему выбито право око со косицею.
Ай же, мужевья наши любимые!
Хватайте-тко рогатины зверинья,
Бежите-ка в раздольце чисто поле,
Побейте мужичища деревенщину!»
Эти зятевья соловьиные
Похватили рогатины зверинья.
Выбегали во раздольце чисто поле,
Они хотят бить мужичища деревенщину.
Воскричал Соловей им во всю голову:
«Ай же, зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины зверинья,
Вы ведите-тко богатыря святорусского
Во мое во гнездышко соловьее,
Кормите ествушкой сахарною,
Пойте его питьицем медвяным,
Дарите ему дары драгоценные».

.....
Не поехал в гнездышко соловьее,
А поехал он ко городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру.
Приехал он ко князю на широкий двор,
Становил он коня посеред двора,
Шел он в палатку белокаменну.
А Владимир князь вышел со божьей церкви,
От той от обеденки христовския.
Садился он за столики дубовые,
За тья за скамеечки окольные,
Ести ествушек сахарниих,
Пити питьицев медвяниих.
Илья Муромец сшел в палатку белокаменну;
Он крест кладет по-писаному,
Поклон-то ведет по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владимиру в особину,
И всем его князьям подколенным.
Стал Владимир князь выспрашивать:

«Ты откулешный, дородний добрый молодец,
Тебя как, молодца, именем назвать,
Звеличать удалого по отечеству?»
Говорил ему Илья таковы слова:
«Есть я из города из Муромля,
Со славного с села Карачарова,
Именем меня Ильей зовут,
Илья Муромец сын Иванович».
Стал Владимир повыспрашивать:
«А давно ли ты выехал из Муромля,
Ты которою дорожкой ехал в стольно Киев-град?»
Говорил ему Илья таковы слова:
«Стоял-то я заутрену во Муромле,
Поспевал-то к обеденьке в стольно Киев-град.
Дело мое дороженькой замешкалось:
Ехал я дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею мимо славен Чернигов-град,
Мимо славную реченьку Смородинку».
Говорил Владимир таковы слова:
«Во глазах, мужик, ты посмехаешься,
Во глазах, мужик, ты подлыгаешься:
Под городом Черниговом стоит силушка неверная,
У речки у Смородинки Соловей-разбойник
Одихмантьев сын.

Свищет-то Соловей по-соловьему,
Кричит злодей разбойник по-звериному».
Говорил Илья таковы слова:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе,
И прикован он ко правому ко стремечку к булатному».
Тут Владимир-князь стольно-киевский,
Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бежал он на широкий двор,
Подходит он к Соловью к разбойнику,
Говорил он Соловью таковы слова:
«Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,
Воскричи-тко ты, злодей, по-звериному!»
Говорил Соловей князю Владимиру:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Я сегодня не у вас ведь обедаю,
Не вас я хочу и слушати,
А обедаю у старого казака Ильи Муромца,
И его хочу я слушати».
Говорил Владимир Илье Муромцу:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать по-соловьему,

Прикажи-тко воскричать по-звериному!»
 Говорит Илья Соловью разбойнику:
 «Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
 Воскричи-ка, Соловей, по-звериному!»
 Говорил Соловей Илье Муромцу:
 «Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
 Мои раночки кровавы запечатались,
 И не ходят уста мои сахарныя:
 Не могу я засвистать по-соловьему,
 И не могу я воскричать по-звериному».
 Говорил Илья князю Владимиру:
 «Владимир, князь стольно-киевский!
 Наливай-ка ты чару зелена вина,
 Не малую стопу — полтора ведра,
 И разводи-тко медами стоялыми,
 Подноси-тко ты к Соловью ко разбойнику:
 Тут уста его сахарныя расходятся,
 И он засвищет нам по-соловьему,
 Воскричит он нам по-звериному».
 Владимир-князь стольно-киевский
 Скорешенько шел в палату белокаменну,
 Наливает-то он чару зелена вина,
 И не малую стопу — полтора ведра,
 Разводил-то медами стоялыми,
 Подносил-то к Соловью ко разбойнику.
 Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
 Принимал он эту чару одной рукой,
 Испивал эту чару за единый дух».
 Говорил ему Илья Муромец:
 «Засвищи-тко ты, Соловей, столько вполсвиста
соловьего,
 Закричи-тко столько в полкрика звериного».
 Как засвистал Соловей по-соловьему,
 Закричал злодей он по-звериному:
 От этого от посвиста соловьего,
 От этого от покрика звериного
 Очень велик шум пошел.
 Темные леса к земле поклонилися,
 На теремах маковки покривились,
 Околенки хрустальныя порассыпались,
 Что есть людюшек, все мертвы лежат,
 А Владимир-князь стольно-киевский
 Стоит — куньей шубонькой укрывается.
 Илье Муромцу это дело не слюбилось.
 Садился-то Илья на добра коня,
 Ехал Илья в раздолъице чисто поле,
 Срубил Соловью буйну голову,
 Рубил ему головку, выговаривал:

«Полно-тко тебе слезить отцев-матерей,
Полно-тко вдовить жен молодых,
Полно спущать сиротать малых детушек!»
Тут Соловью и славу поют.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Приезжал Идолище поганое в стольно Киев-град,
Со грозою со страхом со великим.
Ко-тому ко князю ко Владимиру,
И становился он на княженецкий двор,
Посылал посла ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланник ко Владимиру,
И говорил посланник таковы слова:
«Ты, Владимир-князь стольно-киевский!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка с силушкой великою,
Чтобы мог он с Идолищем поправиться».
Тут Владимир-князь ужახнулся,
Приужахнулся да и закручинился.
Говорит Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мне-ка смерть не написана,
Поеду я в раздольице чисто поле,
И убью-то я Идолища поганого».
Обул Илья лапóтики шелковые,
Подсумок одел он черна бархата,
На головушку надел шляпку земли греческой,
И пошел он ко Идолищу к поганому.
И сделал он ошибочку немалую:
Не взял с собой палицу булатная,
И не взял он с собой сабли вострая.
Идет-то дороженькой — пораздумался:
«Хошь иду-то я к Идолищу поганому,
Ежели будет не пора мне-ка не времечко,
И с чем мне с Идолищем будет поправиться?»
На тую пору на то времечко,
Идет ему встречу каличище Иванище,
Несет в руках клюху девяноста пуд.
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мне клюхи на времечко,
Сходить мне к Идолищу к поганому».
Не дает ему каличище Иванище,

Не дает ему клюхи своей богатырской.
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Сделаем мы бой рукопашечный:
Мне на бою ведь смерть не написана,
Я тебя убью, мне клюха и достанется».
Рассердился каличище Иванище,
Сдынул эту клюху выше головы,
Спустил он клюху во сыру землю,
Пошел каличище — завёрывал.
Илья Муромец едва достал клюху из сырой земли.
И пришел он во палату белокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришел к нему и проздравствовал.
Говорил ему Идолище поганое:
«Ай же ты, калика перехожая!
Как велик у вас богатырь Илья Муромец?»
Говорит ему Илья таковы слова:
«Столь велик Илья, как и я».
Говорит ему Идолище поганое:
«По многу ли Илья ваш хлеба ест,
По многу ли Илья ваш пива пьет?»
Говорит Илья таковы слова:
«По стольку Илья ест, как и я,
По стольку пьет Илья, как и я».
Говорит ему Идолище поганое:
«Экой ваш богатырь Илья!
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю».
Говорил ему Илья таковы слова:
«У нашего Ильи Муромца батюшка был крестьянин,
У ёго была корова едучая:
Она много пила-ела и лопнула».
Это Идолищу не слюбилося:
Схватил свое кинжалище булатное,
И махнул он в калику перехожую
Со всея со силушки великия.
И пристранился Илья Муромец в сторонушку
малешенько,
Пролетел его мимо-то булатный нож,
Пролетел он на вонную сторону с простеночком.
У Ильи разгорелось сердце богатырское,
Схватил с головушки шляпку земли греческой,
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище на полы.
Тут ему Идолищу славу поют.

ИЛЬЯ, ЕРМАК И КАЛИН-ЦАРЬ

Отсылал татарин туриц на святую Русь,
Отсылал он туриц и наказывал:
«Поезжайте-ка, турицы, на святую Русь,
И ко славному ко городу ко Киеву,
Что-нибудь вы там да проповедайте,
Что деется на матушке святой Руси».
И съехались турицы на святую Русь,
И приехали турицы в стольно Киев-град,
Хоть отдалі-то турицы поганые
Посмотрели на князя на Владимира,
И приехали к татарину поганому.
Стал татарин у них спрашивать:
«Где же вы, мои турицы, были-побыли,
Что же вы, мои турицы, видели?»
Говорят ему турицы таковы слова:
«То мы побыли на матушке святой Руси,
Во славном во городе во Киеве,
То мы видели во городе во Киеве,
Как со матушки с божьей церкви
Шла девица душа красная,
На руках книгу несла во-евангелье.
Причитаячись она да слезно плакала».
Говорил татарин таковы слова:
«Ай вы глупые турицы, неразумные!
Не девица тут шла душа красная,
А тут шла мать пресвятая богородица,
На руках книгу несла во-евангелье:
Она ведала над Киевом невзгодушку,
Ту она и слезно плакала».
Снаряжается царь Калин со своею силушкой великою,
Посылает он посла в стольно Киев-град,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру;
Посылал посла, ему наказывал:
«Поезжай-ка ты, посол, в стольно Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру на широкий двор,
И спуцай-ка ты коня на посыльный двор,
Сам пойді в палату белокаменну.
Креста не клади по-писаному,
Поклонов не веди по-ученому,
И не бей челом на все стороны,
Ни самому-то князю Владимиру,
Ни его князьям подколенным,
И полагай-то ты грамоту посыльную на золот стул,
И пословесно князю выговаривай:
Очистил бы он улицы стрелецкие,
И все большие двory княженецкие,

Чтобы было где стоять царю Калину
Со своею силушкой великою».
Приезжал посол в стольно Киев-град,
Ко князю Владимиру на широкий двор,
Спускает коня на посыльный двор,
Сам идет в палату белокаменну.
На пятау он дверь поразмахивал,
Креста он не клал по-писаному,
И не вел поклонов по-ученому,
Ни самому-то князю Владимиру,
И ни его князьям подколенным,
Полагал он грамоту посыльную на золот стул,
И пословечно он, собака, выговаривал:
«Ты, Владимир, князь стольно-киевский!
Приочиисти-тко улицы стрелецкие,
И все дворы княжецецкие,
Чтобы было где жить царю Калину
Со своею силушкой великою».
Поскорешенько посол поворот держал,
Садился он скорехонько на добра коня,
И он поехал по раздольицу чисту полю.
А Владимир-князь в палатах княжецецких
Он сидит да приужахнулся;
Говорит Владимир таковы слова:
«Как на почестный пир-пированьице
Съезжаются многие русские могучие богатыри
Ко славному ко князю ко Владимиру;
Как теперь ведают на Киеве невзгодушку,
Так не едут они ко князю ко Владимиру,
Сидят в своих палатах белокаменных,
Во комнатах во богатырских!»
На пятау тут двери растворилися,
Приходит молодец в палату белокаменну,
Крест он кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на три на четыре на сторонки поклоняется,
Самому князю Владимиру в особину,
И всем его князьям подколенным.
Сам он пословечно выговаривает:
«Ласковый Владимир, князь стольно-киевский!
Послан я из за́ставы Московской!
У русских у могучиих богатырей
Есть подогнано литвы много поганяя
Ко славному ко городу ко Киеву.
Так ты накладывай первы мисы чиста серебра,
Другия мисы красна золота,
Третьи мисы скатна жемчуга,
Отошли-тко эти мисы во чисто поле

Ко тому татарину поганому,
Чтобы дал нам поры-времени на три месяца
Очистить улицы стрелецкие
И все великие дворы княженецкие».
Тут Владимир князь стольно-киевский
Шел скорешенько на погреба глубокие,
Накладывал первы мисы чиста серебра,
А другия мисы красна золота,
А третьи мисы скатна жемчуга.
И повез тихий Дунаюшка Иванович
Эти мисы ко татарину поганому.
Дал-то им татарин поры-времени,
Поры-времени дал на три месяца
Приочистить улицы стрелецкия
И все великие дворы княженецкие.
В тую порушку в то времечко
Ко славному ко князю ко Владимиру
Приходит еще молодец в палату белокаменну,
На пятау он двери поразмахивает,
Крест он кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все три-четыре на сторонки поклоняется,
Самому князю Владимиру в особину
И всем его князьям подколенным.
Сам он пословечно выговаривает:
«Дядюшка Владимир, князь стольно-киевский!
Дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать мне-ка силушки поганого».
Говорил ему Владимир, князь стольно-киевский:
«Ай же ты, любимый мой племничек,
Молодой Ермак Тимофеевич!
Не дам тебе прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганого.
Ты, Ермак, младешенек,
Младешенек, Ермак, глупешенек.
Молодой Ермак, ты лет двенадцати,
На добром коне-то ты не езживал,
В кованом седле ты не сиживал,
Да и палицы в руках не держивал,
Ты не знаешь спонаровки богатырския,
Тебя побьет литва поганая.
И не будет-то у нас богатыря,
То нам не на кого будет понадеяться».
Говорит Ермак, поклоняется:
«Ай же ты, дядюшка мой родный,
Владимир, князь стольно-киевский!

Когда не дашь мне прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганого,
Так дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть только на силушку поганую».
Дал ему дядюшка прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть на силушку поганую.
Шел он во свою палату белокаменну,
Одевал-то одежицу забранную;
И шел он, Ермак, на широкий двор,
Седлал добра коня богатырского,
Заседывал коня, улаживал,
Подкладывал он потничек шелковенький,
Покладал на потничек седельшко черкасское,
Подтянул подпружики шелковыя,
Полагал стремяночки железа булатного,
Пряжечки полагал чиста золота,
Не для красы, Ермак, для угожества,
А для-ради укрепы богатырския:
Подпруги шелковые тянутся,— они не рвутся,
Стремяночки железа булатного гнутся,— они не ломаются,
Пряжечки красна золота они мокнут,— не ржавеют.
Садился Ермак на добра коня,
Берет с собой палицу булатную,
Берет вострое копьё он муржамецкое.
Он повыехал в раздольице чисто поле,
Посмотрел на силушку поганого:
Нагнано-то силушки черным-черно,
Черным-черно, как черного ворона.
И не может пропекать красное солнышко
Между паром лошадиным и человеческим.
Вёшним долгим денечком
Серому зверю вокруг не обрыскати,
Меженным долгим денечком
Черну ворону этой силы не обгрятти,
Осенним долгим денечком
Серой птице вокруг не облететь.
Посмотрел Ермак на силушку великую,
Его сердце богатырско не ужахнулось.
Он зовет себе бога на́ помочь,
Въехал-то он в силушку великую,
Стал он эту силушку конем топтать,
Конем топтать, копьём колоть.
Бьет он эту силушку, как траву косит,
И бился целья суточки,

Не едаючись и не пиваючись,
И добру коню отдуху не даваючись.
А в нем силушка велика не уменьшилась,
И в нем сердце богатырско не ужаснулось.
В двадцать четыре часика положенных
Побил он эту силушку великую:
Этой силы стало в поле мало ставиться.
На той Московской на заставе,
На славной на Скат-горе на высокоя,
Стояло двенадцать богатырей без единого.
Говорил тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же, братица мои крестовые,
Славные богатыри святорусские!
Мы стоим на славной Московской на заставе,
Думаем мы думушку великую,
Как нам приступить к этой силушке поганого.
А молодой Ермак Тимофеевич
Бьется он целыя суточки,
Не едаючись и не пиваючись,
И добру коню отдуху не даваючись.
Поезжай-ка ты, Алешенька Попович, во чисто поле,
Наложит-тко храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Окрепит-тко его силушку великую,
Говорит-тко ты ему таковы слова:
«Ты, Ермак, позавтракал,
Оставь-ка нам пообедати».
Выехал Алеша Попович в чисто поле
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучия:
Он первые храпы пооборвал.
Налагал Алешенька Попович храпы другие:
Он другие храпы пооборвал.
Налагал Алеша храпы третии:
Он и третьи храпы пооборвал.
Поскорешенько Алеша поворот держал,
Приезжал на Скат-гору высокую,
Говорил Алеша таковы слова:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Хоть-то был я во раздолъице чистом поле,
То я не мог приунять богатыря святорусского,
И не мог укротить его силушки великия:
Он трои храпы мои пооборвал».
Говорил Илья Муромец таковы слова:
«Поезжай-ка ты, Добрынюшка Микитинец,
Поскорешенько в раздолъице чисто поле,
Наложит-тко храпы крепкие

На него на плечики могучия,
Окрепи-тко его силушку великую,
Говори-тко ему таковы слова:
«Ты, Ермак, позавтракал,
Оставь-ка нам пообедати».
Выезжал Добрыня во чисто поле,
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучия:
Он первые храпы пооборвал.
Налагал Добрыня храпы другие:
Он другие храпы пооборвал.
И налагал Добрыня храпы третьи:
Он и третьи храпы пооборвал.
Поскорешенько Добрыня поворот держал,
Приезжал на Скат-гору высокую,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Хоть-то был я во раздольице чистом поле,
То не мог я приунять богатыря святорусского,
И не мог укротить его силушки великия:
Он трои храпы мои пооборвал».
Тут старый казак Илья Муромец
Сам скорешенько садился на добра коня,
Он ехал скоро-наскоро в раздольице чисто поле,
Подъехал к богатырю святорусскому,
Наложил он свои храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Прижимал его к своему ретивому сердечушку,
Говорил он ему таковы слова:
«Ай же, млад Ермак Тимофеевич!
Ты, Ермак, позавтракал,
Оставь-ка нам пообедати,
Прикроти-тко свою силушку великую».
Тут молодой Ермак Тимофеевич,
Со этиих побоев со великих,
Со этиих с ударов со тяжельных,
Кровь-то в нем была очень младая,
Тут молодой Ермак он преставился.
Тут старый казак Илья Муромец
Ехал он на Скат-гору высокую,
Брал свою дружинушку хоробрую,
Двенадцать богатырей без единого,
Сам-то Илья во двенадцатых.
Поехали раздольицем чистым полем:
От них Литва поганая в побег пошла.
Тут они спрятали татарина поганого.
Этот-то татарин поганый

Даает им заповедь великую,
И пишет с ними заповедь он крепкую:
Будет платить дани-выходы
Князю Владимиру искон до веку.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ДОЧЬ

На славной на Московской на заставе
Стояло двенадцать богатырей без единого.
По них, по славной Московской заставе,
Пехотою никто не прохаживал,
На добром коне никто не проезживал,
Серый зверь не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
Проехала поленичица удалая,
Конь под нею, как сильна гора,
Поленица на коне, как сenna копна,
И надета на головушку у ней шапочка пушистая,
Пушистая шапочка и завесиная:
Спереду-то не видать лица румяного,
И сзади не видно шеи белая.
Она ехала, собака, насмеялася,
Не сказала божьей помочи богатырям,
Проехала в раздольице в чисто поле,
Стала по-соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника:
«Ежели Владимир-князь стольно-киевский,
Не даст он мне поединщика,
Супротив меня да супротивника,
Самого-то я Владимира под меч склоню,
Под меч склоню да голову срублю,
Черных мужичков-то всех повырублю,
Божьи церкви все на дым спущу».
Стоят богатыри пораздумались.
Говорит-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы, братыца мои крестовые,
Дружинушка добрая, хоробрая!
Стоим мы на славной Московской на заставе;
По той ли по славной Московской заставе
Пехотою никто не прохаживал,
На добром коне никто не проезживал,
Серый зверь не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
Проехала поленичица удалая,
Ехала, собака, в глазах насмеялася,

Не сказала божьей помочи богатырям.
 На головке у ней шапочка пушистая,
 Пушистая у ней шапочка и завесистая:
 Спереду-то не видать лица румяного,
 И сзади не видно шеи белыя.
 Ездит-то она по раздольицу чисту полю,
 Посвистывает она по-соловьему,
 Покрикивает она во всю голову,
 Выкликает она поединщика,
 Супротив себя да супротивника.
 Кого же нам послать в раздольице в чисто поле
 Поотведати-то силы у поганого?»
 «Послать молода Алешеньку Поповича».
 Пovyехал Алеша во чисто поле,
 Посмотрел на поленицу (из)-за сыра дуба,
 То не смей он к поленице и подъехати;
 Поскорешенько Алеша поворот держал,
 Говорил-то Алеша таковы слова:
 «Ай же братыца мои крестовые!
 Хоть был-то я в раздольице чистом поле,
 Посмотрел на поленицу (из)-за сыра дуба,
 И не смей я к поленице и подъехати,
 И не смел-то ея силушки отведати».
 «Послать молода Добрынюшку Никитинца».
 Пovyехал Добрыня во чисто поле,
 Подъехал к поленице ко удалыя,
 То не смей у ней он силушки отведати,
 Поскорешеньку Добрыня поворот держал,
 И приехал он на Скат-гору высокую,
 И говорил-то Добрыня таковы слова:
 «Хоть был-то я в раздольице чистом поле,
 Посмотрел на поленицу на удалую:
 На правой-то руке сидит соловей,
 На левой-то руке жавроленочек.
 Не смел я к поленичице подъехати,
 Не смел я у ней силушки отведати».
 Говорил старый казак Илья Муромец:
 «А на бою-то мне-ка смерть не писана:
 Поеду я в раздольице чисто поле,
 Поотведаю я силы у поганого».
 Садится-то Илья на добра коня,
 Поезжает он со Скат-горы высокоя.
 Говорил ему Добрынюшка Никитинец:
 «Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
 Поезжаешь ты в раздольице чисто поле,
 На этии побои на смертныя,
 На этии удары на тяжелые:
 Нам куда велишь идти да куда ехати?»

Говорил-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же братица мои крестовые!
Поезжайте-тко на гору Сорочинскую,
Посмотрите-тко на драку богатырскую:
Когда надо мною будет безвременье,
Поспешайте-то, братица, ко мне на выруку».

Он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он под гору Сорочинскую,
Сходил там с добра коня богатырского,
И вошел-то он на гору Сорочинскую,
Посмотрел на поленичище удалое:
Ездит поленица по чисту полю,
Ездит поленица в поле, тешится,
Шутит она шуточку немалую,—
Кидает она палицу булатную
Под эту под облаку ходячую,
Подъезжает-то она на добром коне,
Подхватит эту паличку одной рукой,
То как лебединым перышком поигрывает.
И не велика эта палица булатная,
Весом-то она да девяноста пуд.
У старого казака Ильи Муромца
Его сердце богатырское приужахнулось.
Сходил он с горы Сорочинския,
Приходил он к добром коню богатырскому,
Пал-то он на бедра лошадиная,
И говорил-то он таковы слова:
«Ай же ты, мой бурушко косматенькой!
Послужи-тко ты мне верою и правдою,
Послужи-тко по-старому и по-прежнему,
Чтоб не побил бы нас поганый во чистом поле,
Не срубил бы он моей буйной головушки,
Не распластал бы моей он груди белыя,
Хоть на бою мне смерть не писана,
Переступит сила через велик закон».

Садился-то Илья на добра коня.
Он ехал раздольицем чистым полем
И наехал поленичищу удалую,
Он подъехал к поленице со бела лица.
Становили они коней богатырских,
Они сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударити во палицы булатныя.
Разъехались с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во палицы булатныя,
Они друг друга били нежалухою
И со вся силы богатырския,

И били они друг друга по белым грудям,
Как под ними были доспехи очень крепкие:
У них палицы в руках-то погибалися,
По маковкам отломилися;
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
Они друг друга не били, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
Они сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копыя муржамецкия,
Как разъехалися с раздольица чиста поля,
Приударили во копыя муржамецкия,
Они друг друга били по белой груди,
По белой груди били нежалухою
И со всея силы богатырския;
Под ними доспехи были очень крепкие:
У них копыя в руках погибалися,
По маковкам копыя отломилися;
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
Они друг друга не били, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских
И сходили со добрых коней на матушку сыру землю:
Надо биться молодцам им боем-рукопашкою
И отведать надо силушки великой.
Эта поленичица удалая,
Она была зла-догадлива,
Подходила ко богатырю могучему,
Старому казаку Илье Муромцу,
Подхватила-то его на косу бедра,
И сдынула выше головы,
И ступила на белую грудь,
И берет свою рогатину звериную,
Заносила руку правую выше головы
И спустить хотела ниже пояса.
Тут по божьему повелению
Рука правая в плечи застоялася,
В очах у ней свет помущается;
Она стала у богатыря выпрашивать:
«Ты скажи-то мне, богатырь, святорусский!
Как-то молодца по имени зовут,
Звеличают удалого по отечеству?»
На бою-то Илье смерть не написана.
Разгорелось его сердце богатырское:
Как отмахнет свою руку правую,
И сшиб он поленицу со белой груди.

Он скорешенько скочил да на резвы ноги,
Схватил-то поленицу за желты кудри,
Сдынул он поленицу выше головы,
Спустил-то на матушку сыру землю,
Ступил он поленице на белы груди,
Берет свой нож булатный во белы руки,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается;
Стал у поленицы выпрашивати:
«Скажи-ка мне, поленица, попроведай-ка,
Ты с коёй земли да ты с коёй Литвы,
Как поленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила поленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга новодревняя!
Тебе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатное!
Есть бы была я на твоей белой груди,
Пластала бы я твои груди белыя,
Доставала бы твое сердце со печенью,
И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени».
Берет свой нож булатный во белы руки,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается,
Стал у поленицы выпрашивати:
«Скажи-ка мне, поленица, попроведай-ка,
Ты с коёй земли да ты с коёй Литвы,
Как поленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила поленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга новодревняя!
Тебе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатное!
Есть бы была я на твоей белой груди,
Пластала бы я твои груди белыя,
Доставала бы твое сердце со печенью,
И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени».
Берет свой нож булатный во белы руки,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.

Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается,
Стал у поленицы выспрашивати:
«Скажи-ка мне, поленица, попроведай-ка,
Ты с коей земли да ты с коей Литвы,
Как поленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила поленица и заплакала:
«Ай же, удаленький дородный добрый молодец!
Есть-то я из темной орды, хороброй Литвы,
Есть-то я вдовина дочь;
У меня была матушка калачница,
Калачи пекла, поторговывала,
Тем меня и воспитывала;
И я возросла до полного до возраста,
Имею силу великую в могучих плечах.
Избирала я коня богатырского,
И послала меня матушка
На славну на святую Русь
Проповедати про батюшка».
Старый казак Илья Муромец
Скорешенько соскочил со белых со грудей,
Берет ю за ручушки за белыя
И за нея за перстни за злаченные,
Становил-то ю да на резвы ноги,
Целовал он ю во уста во сахарныя,
И говорил он с ней таковы слова:
«Жил я в хороброй Литве
По три году поры-времени,
Выхаживал дани-выходы от князя Владимира,
И жил я у твоей родителя у матушки,
Спал я на кровати на тесовыя,
На той на перинке на пуховой,
У нея у самой на правой на ручке».
И называл ю дочерью себе любимую.
Они сели на добрых коней богатырских
И поехали по славну по раздольицу чисту полю
И в раздольице чистом поле разъехались.
Старый казак Илья Муромец
После бою, после драки великия
Пораздернул шатер беленький полотняный,
Лег он спать да прохлаждатися.
А поленица-то удалая,
Она ездит во чистом поле,
Сама она да и пораздумалась:
«Хоть я ездила на матушку святую Русь,
То я сделала насмешку на святой Руси:
Он называл мою-то матку б..,

А меня-то назвал вы...й.
А поеду я ко городу ко Киеву,
И наеду я богатыря в чистом поле,
Убью-то я богатыря в чистом поле,
Не спущу этой насмешки на святой Руси».
Подъезжает к шатру беленькому полотняну,
Бьет она рогатиной звериной по белу шатру,
Со всяя со силы богатырския.
Отлетел-то шатер беленькой в чисто поле:
Спит Илья Муромец, высыпается,
Не прохватится ото сна богатырского.
Ревет-то его добрый конь, бурушко косматенький,
Бьет во матушку во сыру землю
Правою ногою переднею:
Мать сыра земля продрогивает,
Илья Муромец он спит, не прохватится,
Над собой невзгодушки не ведает.
Эта поленичища удалая
Бьет рогатиной звериною по его белой груди:
У Ильи-то чуден крест на вороте,
Не малый крест — полтора пуда.
Пробудился он от звона от крестового,
Скинул свои очи ясныя:
Стоит поленичища на добром коне
Над верхом, как сильна гора,
И бьет его рогатиной звериной по белой груди.
Отмахнул свою он руку правую,
Он отшиб коня-то от белой груди;
Скорешенько скочил Илья на резвы ноги,
Схватил он поленицу за желты кудри,
Сдынул он поленицу выше головы,
Спустил он поленицу о сыру землю,
Спустил он поленицу, выговаривал:
«Не твой-то кус да не тебе-то есть,
И не тебе убить Илью Муромца!»
Ступил он поленице на леву ногу,
И подернул поленицу за праву ногу,
Он ю надвое порóзорвал.
Первую частиночку рубил он на мелки куски,
И рыл он по раздольицу чисту полю,
Кормил эту частиночку серым волкам;
А другую частиночку рубил он на мелкий куски,
Рыл он по раздольицу чисту полю,
Кормил он частиночку черным воронам.
Тут поленице и славу поют.

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВ

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир-пированьице
На многих князей, на бояр,
На русских могучиих богатырей.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Все на пиру порасхвастались:
Богатырь хвастает силушкой великою,
Иный хвастает добрым конем,
Иный хвастает бесцетной золотой казной,
А разумный хвастает родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.
Сам Владимир-князь по горенке похаживает,
Пословечно государин выговаривает:
«Красное солнышко на вечере,
Хорош честен пир идет на веселе,
И все добры молодцы порасхвастались;
А мне, князю Владимиру, чем будет похвастати?
Кого послать, братцы, из вас повыехать
Во дальняя во земли в Сорочинския
К королю-то Бутеяну Бутеянову:
Отнести-то надоть дани-выходы
За старые годы и за нынешни,
И за все времена за досюлешны,
Исполна государю за двенадцать лет,
Двенадцать лебедей и двенадцать креченей,
И отвезти еще грамоту повинную?»
Все богатыри за столиком утихнули,
Приутихнули да приумолкнули,
Приумолкнули все, затулялися,
Большая тулица — за среднюю,
А средняя тулица — за меньшую,
А от меньшей тулицы ответов нет.
Из-за этих за столичков дубовых,
Из-за этих скамеечек окольных
Вышел старый Пермил сын Иванович,
Понизешенько он князю поклоняется:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Бласлови мне-ка, государин, словцо вымолвить!
Знаю я, кого послать повыехать
Во этия во земли во дальняя,
Во этия во земли Сорочинския
К королю-то Бутеяну Бутенову
Отнести дани и выходы
За старые годы и за нынешни,
И за все времена за досюлешны,

Исполна государю за двенадцать лет,
И еще отвезти грамоту повинную:
Послать молода Васильюшка Казими́рова».
Владимир князь стольно-киевский,
Берет он чару во белы руки,
Наливает он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Подносил к Васильюшку Казимирову.
Молодой Васильюшка Казимирович,
К делу он идет,— не ужахнется:
Он скорешенько вставал-то на резвы ноги,
Принимал эту чарочку в белы руки,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенько сам князю поклоняется:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Везу я дани-выходы:
Столько дай-ка мне во товарищах
Моего-то братца крестового,
Молода Добрынюшку Микитинца».
Владимир-князь стольно-киевский,
Наливал он чару зелена вина,
Немалую стопу — полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Подносил к Добрынюшку Никитинцу.
Молодой Добрынюшка Никитинец,
К делу он идет,— не ужахнется:
Он скорешенько вставал-то на резвы ноги,
Принимал эту чарочку в белы руки,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенько сам князю поклоняется:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах с Васильюшком Казимировым,
И везу я дани-выходы:
Столько дай-ка нам еще ты во товарищах
Моего-то братца крестового,
Молода Иванушка Дубровица,—
Ему, Иванушку, коней седлать,
Ему, Иванушку, расседлывать,
Ему плети подавать и плети принимать».
Владимир-князь стольно-киевский
Наливает чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Подносил Иванушку Дубровицу.
Молодой Иванушка Дубрович,

К делу он идет, — не ужаснется:
Он скорешенько вставал-то на резвы ноги,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенько он князю поклоняется:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах к Васильюшку Казиминову
И к молодцу Добрынюшку Микитинцу».
Становились они на резвы ноги,
И говорил Васильюшка Казимиров:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Поди-тко ты на погреба глубокие,
Неси-тко ты дары драгоценные:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И еще носи ты грамоту повинную».
Владимир-князь стольно-киевский
Скорешенько пошел на погреба глубокие,
Принес он дары драгоценные:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И еще принес он грамоту повинную.
Брал-то дары Васильюшко под пазушку.
И они господу богу помолилися,
На все стороны низко поклонилися,
Самому Владимиру в особину,
И выходили из палаты белокаменной
На славный стольно Киев-град.
И они думали думушку с общая:
Надо идти в свои палаты белокаменны,
Седлать-то коней богатырских
И одевать себе одёжицы дорожня,
Хоть дорожня одёжицы, — драгоценныя.
Они сделали сговор промежду собой,
Где съехаться в раздольице чистом поле,
На тех на дороженьках крестовых
У славного у сыра дуба у Невина,
У того у камня у Латыря.
Пошли они в палаты белокаменны.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Как вшел в свои палаты белокаменны
Ко своей родителю ко матушке,
К честной вдове Офимье Александровне,
Говорил-то ей Добрыня таковы слова:
«Свет ты государыня, родна моя матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Ты несчастного породила Добрынюшку!
Лучше бы ты породила Добрынюшку
Белым камешком горячиим,
Ты бы выстала на Скат-гору высокоую,

Ты бы бросила в Киян-море глубокое:
Там лежал бы этот камешек век по веку,
Век по веку без шевелимости.
Нет, так бы породила Добрынюшку
На гору Сарачинскую деревинкою,
Не для красы, не для убожества,
А для-ради приезда богатырского:
Ко этому бы ко деревцу
Съезжались русские могучие богатыри,
И стояла бы эта деревиночка век по веку,
Век по веку без шевелимости.
Еще нет, так бы Добрынюшку породила
Во славную во матушку Непру-реку,
Во Непру-реку да гоголинкою:
Стояла бы там эта гоголиночка век по веку,
Век по веку без шевелимости».
Говорила честна вдова и заплакала:
«Ай же ты, свет мое чадо милое,
Молодой Добрынюшка Никитинец!
Есть бы знала над тобою невзгодушку,
Тебя возрастом бы Добрынюшку породила
Во старого казака в Илью Муромца;
А силушкой Добрынюшку породила
Во славного Самсона во богатыря;
Тебя бы смелостью Добрынюшку породила
Во смелого богатыря Алешеньку Поповича;
Красотою бы породила Добрынюшку
Во славного во князя во Владимира».
Стоит Добрынюшка и поклоняется:
«Свет ты государыня, родная моя матушка,
Честная вдова Офимья Александровна!
Дай-ка мне прощеньице с благословеньцем
На тые на веки нерушимые».
Сидит она — горько заплакала
И дала ему прощеньице с благословеньцем
На тые на веки нерушимые.
Пошел Добрынюшка Никитинец,
Одел себе одежицу дорожную,
Хоть дорожную одежицу, — драгоценную,
И брал с собой одежицы запасныя,
Не маленькою одежицы он брал — на двенадцать лет
Сшел-то Добрынюшка на широкий двор,
Стал добра коня Добрынюшка заседлывать,
Стал заседлывать да стал улаживать.
Под седельшко черкасское
Полагал потничек он шелковенький,
И полагал-то он седельшко черкасское,
Черкасское седельшко не держаное:

Обсажено тое седельшко есть камешком,
Дорогим камешком самоцветным,
Самоцветным камешком обзолоченным;
Он подпруженьки подтягивал шелковеньки,
Стремяночки полагал железа он булатного,
Пряжечки-то полагал красна золота,
Все не для красы, для убожества,—
А для-ради крепости богатырския:
Подпруженьки шелковеньки тянутся,— так они не
рвутся,

Булат-железо гнется-то — не ломится,
Пряжечки красна золота они мокнут — не ржавеют.
Садится тут Добрыня на добра коня,
Хотит ехати Добрыня с широка двора.
Говорит его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты, моя любезная семеюшка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Ты чего сидишь во тереме, в златом верху?
Али над собой невзгодушки не ведаешь?
Закатается-то наше красное солнышко
За эти за лесушки за темные
И за тыя за горы за высокия:
Съезжает-то Добрыня с широка двора.
Поди-ка ты скоренько на широкий двор,
Зайди-ка ты к Добрыне с бела личика,
Подойди к нему ко правому ко стремечку булатному,
Говори-ка ты Добрыне не с упадкою:
«Куда, Добрыня, едешь, куда путь держишь,
Скоро ль ждаты нам велишь, когда сожидать,
Когда велишь в окошечко посматривать?»
Молодая Настасья Микулична
Скорешенько бежала на широкий двор
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
Зашла она к Добрынюшке с бела личика,
Подошла к его ко правому ко стремечку булатному
И говорила-то ему да не с упадкою:
«Свет ты моя любимая сдержавушка,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
Далече ли едешь, куда путь держишь?
Скоро ль ждаты нам велишь, когда сожидать,
Ты когда велишь в окошечко посматривать?»
Говорит-то ей Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, любимая семеюшка,
Молода Настасья Микулична!
Когда ты стала у меня выпрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:

Перво шесть годов поры-времени — то жди за меня,
Друго шесть годы поры-времени — подожди за себя,
Исполнится того времени двенадцать лет,
Тогда прибежит мой богатырский конь
На ваш ли на вдовиный двор,
Ты в тую пору-времечко
Сходи-тко в мой зеленый сад,
Посмотри на мое сахарное на деревцо:
Налетит тогда голубь со голубушкою,
И будут голубь со голубушкою погуркивать:
Побит-то Добрынюшка в чистом поле,
Поотрублена его буйна головушка
И пораспластнаны Добрынины груди белыя.
Так в тую пору-времечко
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Не ходи-тко только замуж за богатыря,
За смелого Олешеньку Поповича,
За того за бабьего насмешника:
Олешенька Попович мне названный брат».
Только видели молодца на коне сядучись,
А не видели со двора его поедучись.
Со двора-то он поехал не воротами,
То он с города-то ехал не дорожкой,
Ехал через стены городовыя.
Как он повыехал в раздольице чисто поле,
Похотел он испытать добра коня богатырского,
Поотведать его силушки великия:
Брал он плеточку шелкову во праву руку,
Бил-то он плеткою по тучной бедры
Изо всяя силушки великия,
Давал ему удары он тяжелые, —
Пошел его добрый конь чистым полем,
Стал он по раздольицу поскакивать,
С горы на гору он перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелкия озера-реченьки промеж ног спущал.
Так не молния тут по чисту полю промолвила,
Проехал-то Добрыня на добром коне.
Подъехал он к сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко камени ко Латырю,
Наехал-то своих братыцев крестовых,
Дружинушку хоробрую.
Они съехались молодцы, поздоровкались,
Становили добрых коней богатырских,
Сходили молодцы с добрых коней,
Погуляли они по полю пехотою,
Они думушку-то думали за общая,
Они звали себе бога на помочь

И, во-вторых, еще пречисту богородицу.
Садилась молодцы-то на добрых коней,
Брали они верный план во ясны очи
И поехали раздольищем чистым полем.
В день едут по красному по солнышку,
В ночь едут по светлому по месяцу.
Времечко-то идет день за день,
День за день, как трава растет,
Год за год, как вода текет,
Прошло-то поры-времечка по три году.
Съехали во орды-то во дальняя,
Во этую во землю в Сорочинскую,
Во тья места во неверныя.
Приехали к королю Бутеяну на широк двор,
Соскочили молодцы они с добрых коней.
Молодой Васильюшка Казимиров
Отстегнул свое копые мурзамецкое
От правого от стремени булатного,
Спустил копые во матушку сыру землю вострым концом,
Он пристегивал добрых коней и привязывал,
А никого он к коням не приказывал,
Да и не спущал он коней на посылен двор.
Брал он даровья под пазушку,
Сам пошел в палаты белокаменны
Со своей дружинишкой хороброю;
Пришел он в палату белокаменну,
На пятау он двери поразмахивал,
Ступил он своей ножкой правою во эту палату
белокаменну,

Ступил он со всея со силы богатырския:
Все столики в палате сворохнулись,
Все околени хрустальны порассыпались,
Все татаровья друг на друга оглянулись.
Как вошли они в палату белокаменну,
Они господу богу помолилися.
Крест-от клали по-писаному,
Вели они поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклонялися,
Самому-то королю в особину,
И всем его князьям подколанным,
Полагали они дани-выходы на золот стол
К королю-то Бутеяну Бутеянову:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И положили еще грамоту повинную.
Король Бутеян Бутеянович
Принимает эти дани за двенадцать лет
И принимает грамоту повинную,
И относит на погребя глубокие;

И садит он богатырей с собою за единый стол,
То не ествшкой кормит их сахарною,
Да и не пьтицем поит он их медвяным,
Говорил им король таковы слова:
«Ай же вы, удаленьки дородни добры молодцы,
Богатыри вы святорусские!
Кто из вас горазд играть в шашки-шахматы,
Во славны во велеи во немецкия?»
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ай же король Бутеян Бутеянович!
Я не знал твоей утехи королевския
И не знал твоей ухватки богатырския,—
А у нас все игроки дома оставлены;
Столько мы надеемся на спаса и пресвятую богородицу,
Во-третьих, на младого Добрынюшку Микитинца».
Приносили к ним доску шашечну.
Молодой Добрынюшка садился за золот стол,
Стал играть с королем в шашки-шахматы,
Во славны во велеи во немецкия.
Со тоя он великия горячности
На той дощечке на шашечной
Просмотрел ступень шашечный,—
Король обыграл Добрынюшка Микитинца первый раз,
И говорит Добрынюшка Микитинец:
«Ай же братыца мои крестовые, дружинюшка хоробрая!
Не бывать-то нам святой Руси,
Не видать-то нам свету белого:
Проиграл я свои головушки молодецкия
Во славныя во шашки во шахматы
И во эти во велеи во немецкия!»
Сыграл Добрынюшка-то другой раз,
Другой-то раз короля пообыграл,
Сыграли они и третий раз,
Третий раз он короля пообыграл.
Это дело королю не слюбилося,
Не слюбилося это дело, не в любви пришло.
Говорил ему король таковы слова:
«Вы удаленьки дородни добры молодцы,
Богатыри вы святорусские!
Кто из вас горазд стрелять из луку из каленого,
Прострелить бы стрелочка каленая
По тому острею по ножовому,
Чтобы прокатилася стрелочка каленая
На две стороны весом равна
И попала бы в колечико серебряно».
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ай же король Бутеян Бутеянович!
Я не знал твоей утехи королевския

И не знал твоей ухватки богатырския, —
А у нас все стрелки дома оставлены;
Столько есть надеюшка на спаса и на пресвятую
богородицу,

Во-третьих на младого Добрынюшка Микитинца.
Говорил король Бутеян Бутеянович:

«Ай же вы, слуги мои верные, богатыри могучие!

Подите-ка на погреба глубокие,
Несите-тко мой тугий лук разрывчатый».

Идут туда три богатыря могучиих

И несут тугий лук разрывчатый,

Подносят к Добрынюшку Микитинцу.

Молодой Добрынюшка Микитинец

Принимает этот лук одной рукой,

Одной рукой, рукой правою;

Стал Добрынюшка он стрелочки накладывать,

Стал Добрынюшка тетивочки натягивать,

Стал тугий лук разрывчатый покрякивать,

Шелковыя тетивочки полопывать.

Он порозорвал этот лук и весь повыломал,

И королю говорил не с упадкою,

И говорил Добрыня таковы слова:

«Дрянное лученышко пометное:

Не с чего богатырю святорусскому повыстрелить!»

Этот король Бутеян Бутеянович

Послал дружинишку хоробрую на погреба глубокие,

Десять сильных богатырей,

Принести самолучший тугий лук,

Что было с чего богатырю святорусскому

повыстрелить.

Идут десять могучиих богатырей на погреба глубокие,

На носилочках несут королевский лук,

Подошли к молодцу Добрынюшку Микитинцу.

Молодой Добрынюшка Микитинец

Принимает этот лук одной рукой,

Одной рукой, ручкой правою;

Стал Добрынюшка он стрелочки накладывать,

Стал Добрынюшка тетивочки натягивать,

Стал королевский тугий лук покрякивать,

Шелковыя тетивочки полопывать.

Он порозорвал этот лук и весь повыломал,

И королю говорил не с упадкою,

И говорил Добрыня таковы слова:

«Дрянное лученышко пометное:

Не с чего богатырю святорусскому повыстрелить!

Ай же мой братец крестовый,

Молодой Иванушка Дубрович!

Поди-тко скоренько на широк двор

К моему коню ко богатырскому,
Подойди ко правому ко стремечку к булатному,
Отстегни-ка мой тугий лук разрывчатый
От правого от стремечка булатного,
Завозное лученышко, дорожное».
Шел Иванушка на широкий двор.
Подошел к доброму коню богатырскому,
И ко правому ко стремечку к булатному,
Отстегнул он тугий лук разрывчатый.
Положил его под правую под пазушку,
Пошел он во палату белокаменну.
У молода Добрынюшка Микитинца
В тот тугий лук разрывчатый в тупой конец
Введены были гусельшка яровчаты.
Как зыграл Иванушка Дубрович в гусельшка яровчаты,
Все тут игроки приумолкнули,
Все скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белоем не видано.
Приносил-то тугий лук разрывчатый,
Подавал Добрынюшке Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Брал свой тугий лук разрывчатый,
И скорешенько становился на резвы ноги,
И становился супротив ножа булатного,
И наложил он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
И спустил он тетивочку шелковеньку
Во этую во стрелочку каленую;
Прокатилась эта стрелочка каленая по острю по
ножовому
На две стороны весом равна,
Пролетела прямо в колечико серебряно.
И сделал он три выстрела,
И не сделал ни великой, ни малой ошибочки:
И во все три выстрела
Пропустил он стрелочку каленую
По тому острю по ножовому в колечико серебряно.
Стал стрелять король Бутеян Бутеянович
В тое колечико серебряно
И по тому острю по ножовому:
Первый раз стрелил,— через перестрелил,
Другой раз стрелил,— недострелил,
А третий раз стрелил,— и попасть не мог.
Королю это дело не слюбилося,
Не слюбилося это дело, не в любви идет.
Говорит король таковы слова:
«Ай же вы, богатыри святорусские!

Кто из вас горазд бороться об одной ручке?
Подите-ка на мой широкий двор
С моими могучими богатырями поборотися».
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ай же король Бутеян Бутеянович!
Я не знал твоей утехи королевския
И не знал твоей ухватки богатырския,—
А у нас все борцы дома оставлены;
Столько есть надеюшка на спаса и пресвятую
богородицу,

Во-третьих, на младого Добрынюшку Микитинца.
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Пошел он на широкий двор
С татарами погаными боротися;
А король Бутеян-то Бутеянович,
Да Васильюшка Казимиров с Иванушкой Дубровичем
Пошли на балконы королевские
Смотреть на борьбу богатырскую.
Вышел Добрыня на широкий двор,
Посмотрел как на татаровой поганых,
Стоят татаровья престрашные,
Престрашные татаровья, преужасные:
Во плечах у них так велика сажень,
Между глазами велика пядень,
На плечах головушки как пивной котел.
У Добрыни сердечушко ужახнулось,
Стал Добрыня он по двору похаживать,
Стал он ручушек к сердечушку пошибывать,
Говорил Добрыня громким голосом,
Громким голосом он, во всю голову:
«Ай же братица мои крестовые, дружинюшка
хоробрая!

Не бывать-то нам на святой Руси,
Не видать-то нам свету белого:
Побьют-то нас татаровья поганые!»
Пошли к Добрынюшке татаровья,
Стал Добрынюшка татаровой отпихивать,
Стал он татаровой оттолыкивать:
По двое их, по трое стало по двору кататися,
Пошло к Добрынюшке целыми десятками,
Добрынюшка видит, — есть дело немалое,
Схватил он татарина за ноги,
Стал он татаринoм помахивать,
Стал он татаровой поколачивать:
Как отворились-то ворота на широк двор,
Пошло оттуда силушки черным-черно,
Черным-черно, как черна ворона.
Воскричил тут Добрыня громким голосом,

Громким голосом кричал он, во всю голову:
«Ай же братьница мои крестовые!
Поспевайте ко мне, братьница, на выручку!»
Молодой Иванушка Дубрович,
Он скорешенько бежал на широкий двор:
Во тоя в великой во горячности
Схватил он в руки железну ось,
Стал он железной осью помахивати,
И стал он татаровой поколачивать.
Вышли они на темну орду,
Силушки стали бить, как трава косить,
Бились молодцы целы суточки
И не едаючись они, не пиваючись.
Прошло-то поры-времечки двадцать четыре часику,
Силушки ведь в них не уменьшилось,
Сердце богатырские не утихнуло,
А в орды силы стало мало ставиться.
Говорил король Бутеян Бутеянович:
«Ай же ты, богатырь святорусский,
Молодой Васильюшка Казимирович!
Уйми своих богатырей святорусских.
Оставь мне-ка силы на посемена
И возьми-ка дани-выходы за двенадцать лет:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И возьми-тко еще грамоту повинную.
А буду платить дани князю Владимиру испокон до веку».
Молодой Васильюшка Казимирович,
Скорешенько он шел на широкий двор,
Садился на коня на богатырского,
Проехал он по этой по темной орды,
Наехал богатыря святорусского
Молода Добрынюшка Микитинца,
Налагал он храпы крепкие
На его на плечики могучия,
И говорил Васильюшка Казимирович:
«Остановись-ка, Добрынюшка Микитинец!
Ужбó ведь ты позавтракал:
Оставь мне-ка пообедати!»
Молодой Добрынюшка Микитинец
Послушает Васильюшка Казимилова,
Остановил свою силушку могучую,
Покинул татарина в сторону.
Тут Васильюшка Казимирович
Подъехал к Иванушку Дубровичу,
Наложил он храпы крепкие
На его на плечики могучия,
Становил Иванушка Дубровича,
И говорил Васильюшка Казимирович:

«Ты, Иванушка, позавтракал:
Оставь-ка мне пообедати,
Укrotи свою силушку великую,
Установи свое сердце богатырское,
Оставь поганому силы на посемена!»
Иванушка Дубрович Васильюшка послушает,
Бросил он ось железную в сторону.
И идут они к королю в палату белокаменну,
И берут они дани-выходы за двенадцать лет:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И взяли грамоту повинную,
Что платить князю-то Владимиру
Дани-выходы отныне и до веку.
Говорил король таковы слова:
«Садитесь-ка со мною за единый стол,
Станем мы есть ествушки сахарныя,
Испивать мы питьицев медвяных».
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ты глупый король, Бутеян Бутеянович!
Не учувствовал молодецв приедучись!
А не ужаловать ти молодецв поедучись!»
Взяли они дани под пазушки,
Выходили молодецв на широк двор,
И садились на добрых коней богатырских,
И поехали по славному раздольицу чисту полю.
Они едут-то на матушку святую Русь,
Брали они верный план во ясны очи:
В день едут по красному по солнышку,
В ночь едут по светлomu по месяцу.
Времечко-то идет день за день:
День за день, как трава растет,
Год за год, как вода текет,—
Прошло то поры-времечка по три году.
И приехали к дорожкам ко крестовым,
Ко славному сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко каменю ко Латырю.
Тут молодецв они разъехались:
Васильюшка Казимиров поехал ко Царю-граду,
Иванушка Дубрович к Иеросалиму,
А Добрынюшка Микитинец к стольну Киеву.
И молодой Добрынюшка Микитинец
Со дальния пути со дороженьки
Похотел он раздернуть шатер беленький полотняный
И лечи он спать да прохладатися.
Он насыпал пшены лишь белояровой
Добру коню богатырскому,
Лег в шатер беленький полотняный,
Лег спать, да не поспел уснуть;

А на тую пору-времечко
На этот сырой дуб прилетит голубь со голубушкой,
И голубь со голубушкой стали они прогуркивать:
«Молодой Добрынюшка Микитинец!
Спишь ты да прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Твоя-то молода жена Настасья Микулична
Замуж идет за славного богатыря,
За того Олешеньку Поповича».
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Он скорешенько скочил тут на резвы ноги,
От добра коня от богатырского
Стряхнул тут пшеницу белоярову,
Сдернул свой шатер беленький полотняный,
Он скорешенько седлал добра коня,
Садился тут Добрыня на добра коня,
Ехал по чисту полю по раздольицу широкому,
Ехал на добром коне нежалухою,
Не жалел он добра коня богатырского:
Скакал его-то конь богатырский
Во всю-то пору лошадиную.
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Приехал он на свой на широкий двор,
Он скорешенько сходил со добра коня,
Он оставил коня по двору похаживать,
Сам он шел в палату белокаменную
Во свою во комнату во богатырскую.
Пришел к своей ко родителю-матушке,
Ко честной вдове Офимье Александровны,
Понизешенько он ей поклоняется:
«Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
Я приехал со раздольица чиста поля;
Вчера мы с Добрынюшкой в чистом поле разъехались:
Добрынюшка поехал ко Царю-граду,
Меня послал ко стольну Киеву;
Поклон послал Добрынюшка Микитинец,
Велел к тебе заехать на широкий двор,
Сходить тебе велел на погреба глубокие,
Подать велел лапотники шелковые,
Подать велел платье скоморовчато
И подать велел гусельника яровчаты;
Сходить велел он мне-ка-ва на почестный пир
Ко славному ко князю ко Владимиру,
И ко смелому к Олешеньке Поповичу,
И к молоды Настасьи Микуличной».
Говорила честна вдова, сама заплакала:
«Ай же ты, мужик-деревенщина!
Во глазах ты, мужик, насмехаешься,

И во глазах ты, собака, подлыгаешься:
Есть бы была эта славушка на святой Руси,
Что есть-то жив Добрынюшка Микитинец,
Да он ездит по раздольицу чисту полю,
Не дошло б тебе, мужику, насмехатися
Над моим двором над вдовиным.
Во глазах собаке подлыгаться».
Он опять говорит ей, поклоняется:
«Вчера мы с Добрынюшкой в чистом поле

разъехались:

Добрынюшка поехал ко Царю-граду,
Меня послал ко стольну Киеву;
Поклон послал Добрынюшка Микитинец,
Велел к тебе заехать на широкий двор,
Сходить тебе велел на погреб глубокие,
Подать велел лапотники шелковые,
Подать велел платице скоморовчато
И подать велел гусельшка яровчаты;
Сходить велел мне-ка-ва на почестный пир
Ко славному ко князю ко Владимиру,
И ко смелому к Олешеньке Поповичу,
И к молоды Настасьи Микуличной».
Говорила честна вдова таковы слова:
«Ай же ты, мужик-деревенщина!
Во глазах ты, мужик, насмехаешься,
И во глазах ты, собака, подлыгаешься:
Есть бы была эта славушка на святой Руси,
Что есть-то жив Добрынюшка Микитинец,
Да он ездит по раздольицу чисту полю,
Не дошло б тебе, мужику, насмехатися
Над моим двором над вдовиным,
Во глазах собаке подлыгаться».
Третий раз говорит он, поклоняется:
«Честная вдова Офимья Александровна!
Мы вместе с Добрынюшкой грамоты училися,
Платица носили с одного плеча,
И хлеба мы с Добрынюшкой кушали по-однакому.
Вчера мы с Добрынюшкой разъехались:
Добрынюшка поехал ко Царю-граду,
Меня послал ко стольну Киеву,
Поклон послал Добрынюшка Микитинец,
Велел к тебе заехать на широкий двор,
Сходить тебе велел на погреб глубокие,
Подать велел лапотники шелковые,
Подать велел платице скоморовчато
И подать велел гусельшка яровчаты;
Сходить велел он мне-ка-ва на почестный пир
Ко славному ко князю ко Владимиру,

И ко смелому к Олешеньке Поповичу,
И к молоды Настасьи Микуличной».
Сидит она и пораздумалась:
«Не прознал мужик-деревенщина
Святым духом, сам собой, про лапотики шелковые,
И про платьице скоморовчато, и про гусельшка
яровчаты!»

Брала она золоты ключики,
Шла-то на погреба глубокие,
Принесла ему лапотики шелковые,
И платьице скоморовчато, и гусельшка яровчаты.
Как обул Добрынюшка лапотики шелковые,
Как и тут было;
Как надел на себя платьице скоморовчато,
Как и тут было.
Тут пошел Добрынюшка Микитинец
Ко князю ко Владимиру на почестен пир,
Пошел в палату белокаменну,
Не спрашивал ни придверников, ни приворотников,
И никаких сторожев строгих могучих,
И вшел прямо в палату белокаменну на почестен пир,
И садился близко печку близ кирпичную,
И сыграл он в гусельшка яровчаты:
Выигрывал хорошенько из Царя-града,
А из Царя-града до Иеросалима,
Из Иеросалима ко той земле Сорочинския.
На пиру игроки все приумолкнули,
Все скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано
И на белоем игры не видано.
Князю Владимиру игра весьма слюбилася,
Стал Владимир-князь на резвы ножки,
Наливал-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
И разводил он медами стоялыми,
Подносил к молодой скоморошине.
Молода скоморошина скорешенько ставал
он на резвы ноги,

Брал он эту чарочку в белы руки,
Выпивал он эту чарочку одним духом,
И садился близко печку кирпичную;
И выиграл он в гусельшка яровчаты:
Выигрывал хорошенько из Царя-града,
А из Царя-града до Иеросалима,
А из Иеросалима ко той земле Сорочинской.
На пиру игроки все приумолкнули,
Все скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,

На белом не видано.
Князю Владимиру игра весьма слюбилася,
И говорит он князю Олешеньке Поповичу:
«Олешенька Попович! Ставай-ка на резвы ноги,
Наливай-ка чару зелена вина,
Подноси-тко к молодой скоморошине».
Олешенька Попович ставал на резвы ноги,
Наливал-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медами стоялыми,
Подносил к молодой скоморошине.
Молодая скоморошина скорешенько ставает
на резвы ноги,

Берет эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
И садился он близко печку кирпичную;
И выиграл он в гусельшка яровчаты:
Выигрывал хорошенько из Царя-града,
А из Царя-града до Иеросалима,
Из Иеросалима ко той земле Сорочинской.
На пиру игроки все приумолкнули,
Все скоморохи прислухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белом не видано.

Князю Владимиру игра весьма слюбилася,
И говорил Владимир таковы слова:
«Ай же Настасьюшка Микулична!
Наливай-ка чару зелена вина
И подноси-тко к молодой скоморошине».
Молода Настасья Микулична
Скорешенько ставала на резвы ножки,
Наливала она чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводила медами стоялыми,
Подносила к молодой скоморошине.
Молода скоморошина скорешенько ставает
на резвы ноги,

Берет эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,—
На ногах стоит скоморох — не пошатнется,
И говорит скоморох — не мешается.
Видит князь Владимир, что дело есть немалое,
Подходит к молодой скоморошине,
И зовет его он за единой стол:
«Садись-ка с нами ты за единый стол,
Перво тебе местечко подле меня,
А другое местечко подле князя Олешеньки Поповича,
А третье местечко избрай-ка себе по любви».

Говорил молодой скоморошина:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Место не по любви мне подле тебя,
И не любо мне место подле князя Олешеньки
Поповича,

А любо мне место напротив молодой княгини
Настасьи Микуличной».

Засадился скоморошина за единый стол,
Напротив молодой княгини Настасьи Микуличной,
И говорил он князю Владимиру:

«Владимир-князь стольно-киевский!

Выпил я чарочку от князя от Владимира;
Позволь мне-ка налить чарочку зелена вина
И поднести князю Владимиру?»

Позволил Владимир-князь стольно-киевский.

Наливал скоморошина чарочку зелена вина

И подносил-то князю Владимиру;

Принимал Владимир чарочку одной рукой,

Выпивал чарочку одним духом.

Говорил молодой скоморошина:

«И выпил я чарочку от князя Олешеньки Поповича,

Позволь мне-ка налить еще чарочку зелена вина

И поднести князю Олешеньке Поповичу».

Позволил ему Владимир-князь стольно-киевский.

Наливал скоморошина чарочку зелена вина

И подносил князю Олешеньке Поповичу;

Принимал Олешенька чарочку одной рукой,

Выпивал чарочку одним духом.

Говорил молодой скоморошина:

«Поднес я чарочку князю Владимиру,

И поднес я чарочку князю Олешеньке Поповичу;

А позволь-ка мне налить чарочку зелена вина,

Поднести молодой княгине Настасье Микуличной?»

Позволил ему Владимир-князь стольно-киевский.

Наливал скоморошина чарочку зелена вина,

Разводил медами стоялыми,

И подносил Настасье Микуличной,

И в тую чарочку спустил обручный злачен перстень,

Которым перстнем они обручались

С молодой Настасьею Микуличной.

Настасья Микулична скорешенько ставала

на резвы ножки,

Принимала эту чарочку одной рукой

И стала пить эта чарочка зелена вина.

Говорил тут молодой скоморошина:

«Если хошь добра, так пей до дна,

А не хошь добра, так не пей до дна!»

Настасья Микулична, она была женщина не глупая,

Испила эту чарочку до донышка,—
К ея ко устам ко сахарниим
Прикатился ея злачен перстень.
Как возьмет она на правую на ручушку,
Со тыя со чарочки злачен перстень повытряхнет
И усмотрела свой обручный злачен перстень,
Которым перстнем обручалася
С молодым Добрынюшком Микитинцем.
Как она тяпнула чарочкой о золот стол,
Оперлася в него плечика могучия,
И скочила-то она через золот стол,
И берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченые,
И целовала его во уста сахарния,
И называла-то любимую сдержавушкой,
Говорила она речь ему умильную:
«Ай же свет моя любимая сдержавушка!
Молодой Добрынюшка Микитинец!
У баб волос долог, а ум коротенький:
Я не послушала твоего наказу богатырского,
Сделала я дело не повелено,
Побоялась я князя Владимира.
Стал ко мне Владимир похаживать,
Стал меня замуж за Олешеньку посватывать,
И стал мне-ка Владимир-князь пограживать:
«Ежели не пойдешь замуж за Олешеньку Поповича,
Так не столько во городе во Киеве,
Не будет тебе места и за Киевом».
Побоялась я угрозы княженецкия,
Пошла замуж за богатыря Олешеньку Поповича».
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Он скорешенько скочил тут на резвы ноги,
Схватил он Олешеньку за желты кудри,
Стукнул Олешу о кирпичен мост:
Стал Олешенька по мосту погалзывать.
Говорил Добрыня князю Владимиру:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Свою жену-то..,,
А чужую жену замуж даешь?
Муж в лес по дрова, а жена замуж пошла!»
Стал Владимир-князь Добрыню уговаривать,
Стал Добрынюшка униматися,
Тут молодой Добрынюшка Микитинец
С молодой Настасьюшкой Микуличной
Пошел в свои палаты белокаменны,
Ко своей родителю ко матушке,
Ко честной вдове Офимье Александровне.
Пришел, матушке поклон принес:

«Прости меня, родитель-матушка,
Что не признался я тебе, приедучись с раздольца
чиста поля,

Ушел-то я без толку на почестен пир».
Тут честная вдова Офимья Александровна
Скорешенько ставала на резвы ноги,
Брала его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченные,
И целовала его во уста его во сахарния,
Прижимала его к ретивому сердечушку
И прикладывала ко белому ко личушку.
Молода Настасья дочь Микулична
Скорешенько снимала с него одежицы дорожня
И одевала-то одежицу драгоценную, что налучшую.
Честная вдова Офимья Александровна
Посылала скоро конюхов любимых на широкий двор
Убрать добра коня Добрынина,
Насыпать-то ему пшены белояровой,
Наливать-то ему свежей ключевой воды.
Тут молодой Добрынюшка Микитинец
С тоя с пути со дороженьки
На покой улегся с молодой Настасьей Микуличной.
Честная вдова Офимья Александровна,
Завела она хорош почестен пир
Своему сыну любимому,
Молоду Добрынюшке Микитинцу:
Стали править за шесть годов годин да именин,
Стали они есть ествушку сахарною.
Испивать стали питьцев медвяных,
Стали они жить да быть, долго здравствовать.

ДУНАЙ-СВАТ

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир-пированье
На многих князей, на бояр,
На русских могучиих богатырей.
Стал по горнице Владимир-князь похаживать,
Пословечно стал он выговаривать:
«Все есть добры молодцы поженены,
Все-то красны девушки замуж даны,
Столько я один хожу холост, не жененый.
То вы знаете ль мне, братцы, супротивницу,
Чтобы лицушком-то была супротив меня,
Очушки-то у ей ясных соколов,

Бровушки-то у ей черных соболей,
Походочка была бы лани белыя,
Белыя лани напольския,
Напольския лани златорогия,
Чтобы было мне с кем жить да быть,
Жить да быть, век коротати,
И вам, молодцам, было бы кому поклоняться».
Все молодцы за столом умолкнули,
Приумолкнули все, затулялися,
Большая тулица — за среднюю,
Средняя тулица — за меньшую,
От меньшей тулицы ответу нет.
(Из)-за тех за столиков дубовых,
Из-за тех скамеечек окольных
Вышел старый Пермил сын Иванович,
Понизешенько он князю поклоняется:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Знаю я тебе княгиню-супротивницу:
Лицушком-то она супротив тебя,
Очушки-то у ней ясных соколов,
Бровушки-то у ней черных соболей,
Походочка у ней лани белыя,
Белыя лани напольския,
Напольския лани златорогия:
Будет с кем тебе, князю, жить да быть,
Жить да быть, век коротати,
И нам молодцам будет кому поклоняться.
Во той есть славной Литве,
У того есть у короля Литовского
Дочь прекрасная Опракса королевична.
Сидит она во тереме в златом верху,
На ню красное солнышко не опекает,
Буйные ветрушки не овевают,
Многие люди не обгальятся».
Говорил Владимир таковы слова:
«Ай же ты, Пермил сын Иванович!
Кого мне-ка послать посвататься
За меня за князя за Владимира
На прекрасной на Опраксе королевичне?»
Говорил Пермил таковы слова:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Я про то знаю, кого послать посвататься
За тебя, за князя за Владимира,
На прекрасной на Опраксе королевичне:
Послать тихия Дунаюшка Иванова.
Он, Дунаюшка, во послах бывал,
Он, Дунай, много земель знавал,
Он, Дунаюшка, говорить горазд:

Ему, Дунаюшку, и посвататься».
Владимир-князь стольно-киевский,
Наливает-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносил-то он ко тихому Дунаюшку Иванову.
Тихий Дунаюшка Иванович,
К делу он идет — не ужахнетя,
Принимает эту чарочку одной ручкой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
Сам говорит таковы слова:

— «Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я за добрым делом, за сватовством,
Посвататься за тебя, за князя за Владимира,
На прекрасной на Опраксе королевичне,
Столько дай мне во товарищах
Моего-то братца крестового,
Молода Васильюшка Казимирова».
Владимир-князь стольно-киевский,
Наливает он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносил к Васильишку Казимирову.
Молодой Васильюшка Казимиров,
К делу он идет — не ужахнетя,
Принимает эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
Сам говорит таковы слова:

«Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах с Дунаюшкой,
Только дай нам еще в товарищах
Василья паробка заморского:
Ему, Васильюшку, коней седлать,
Ему, Васильюшку, расседлывать,
Плети подавать, плети принимать».
Владимир-князь стольно-киевский,
Наливал он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносил к Василью паробку заморскому.
Васильюшка паробка заморский,
К делу он идет — не ужахнетя,
Принимает эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
Сам говорит таковы слова:

«Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах к Васильюшку Казимирову
И к тихия Дунаюшку Ивановичу».
Они шли в свои палаты белокаменны,
Седлали добрых коней богатырских,
Садилась на добрых коней, поехали

Во славную во эту в хоробру Литву.
Приехали к королю на широкий двор,
Становили коней посередь двора.
Тихий Дунаюшка Иванович
Со своей дружинишкой хороброей
Шел он во палату белокаменну,
На пяту он дверь-то поразмахивал,
Крест он клал по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то королю в особину,
И всем его князьям подколенным.
Стал король у них выпрашивать:
«Вы отколешны, удаленьки дородни добры
молодцы?»

Говорил Дунай таковы слова:
«Есть мы со славной матушки со святой Руси
От ласкова князя от Владимира».
Король садит-то их за столики дубовые,
За тья за скамейки за окольныя,
Кормил-то их ествушкой сахарнею,
Поил-то их питьищем медвянным.
Наливает-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Поднес к тихому Дунаюшку Иванову.
Тихий Дунаюшка Иванович,
Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Берет он эту чарочку одной рукой,
Он за этой чарочкой посватался
За того за князя за Владимира
На прекрасной на Опраксе королевичне.
Говорил ему король таковы слова:
«Глупый Владимир стольно-киевский,
Он не знай, кого послать ко мне посвататься,
Из крестьян ко мне крестьянина богатого,
Из бояр мне-ка боярина хорошего,
Из богатырей богатыря могучего.
Он послал ко мне холопину дворянскую!
Ай же вы, мои слуги верные!
Вы берите-тко Дунаюшка за ручушки за белыя,
За него за перстни за злаченые,
Ведите-тко на погреба глубокие
За него за речи неумильныя».
Тихий Дунаюшка Иванович,
Видит он: дело есть немалое,
Скорешенько он скочит через золот стул,
Схватил он татарина за ноги,
Стал он татаринном помахивать,

Стал он татар поколачивать.
Король по застолью бегаёт,
Куньей шубой укрывается:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
Садись-ка со мной за единый стол,
Сделаем с тобой мы сватовство
За того за князя за Владимира
На моей-то дочери любимыя,
На прекрасныя Опраксе королевичне».
Говорил Дунай таковы слова:
«Не учествовал молодцев приедучись,
То не ужаловать ти молодцев уедучись:
Я в честь возьму Опраксу за князя за Владимира,
А не в честь Опраксу за товарища,
За того возьму за паробка любимого».
Пошел тихий Дунаюшка по терему,
Стал он замочиков отщалкивать,
Стал он дверцы выставливать,
Пришел-то он в терем, во златы верхи,
Ко прекрасныя Опраксе королевичне.
Прекрасная Опракса королевична
Ходит по терему, злату верху,
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
У ней русая коса пораспущена.
Говорил ей Дунай таковы слова:
«Ай же ты, Опракса королевична!
Идешь ли ты замуж за князя за Владимира?»
Говорила она таковы слова:
«Три года я господу молился,
Чтоб попасть мне замуж за князя за Владимира».
Тихий Дунаюшка Иванович
Берет ю за ручушки за белыя,
За нея за перстни за злаченныя,
Целовал ю в уста во сахарныя
За нея за речи за умильныя.
Приводил ю на широкий двор.
Они сели на добрых коней, поехали
По славу по раздольицу чисту полю.
Говорит ему Опракса королевична:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
Есть у меня сестрица родимая,
Молода Настасья королевична.
Она ездит в чистом поле поленицею,
Имеет в плечах силушку великую,
Ежели наедет вас в раздольце чистом поле,
С ней не делайте противности великия».
Раздернули шатры белые в чистом поле,

Становили добрых коней богатырских,
Насыпали им пшены белояровой.
Наехала Настасья королевична
Из того раздолыца чиста поля,
Накатилася за ними, как сильна гора.
Тихий Дунаюшка Иванович
Поздравствовал Настасью королевичну
И говорил ей таковы слова:
«Ай же ты, Настасья королевична!
Идет твоя сестрица родимая,
Прекрасная Опракса королевична,
За славного за князя за Владимира.
А ты пойди-тко замуж за меня,
За тихия Дунаюшка Ивановича».
Пошла она за тихия Дунаюшка Ивановича.
Приехали они в стольно Киев-град,
Ко князю ко Владимиру на шйрок двор,
Их встречает князь Владимир стольно-киевский
И ведет их во палаты белокаменны.
Накормил-то их ествушкой сахарною,
Напоил-то их питыцем медвяным.
Сходил с ними во матушку в божью церкви,
Принимали-то они златы венцы,
Выходили со матушки с божьей церкви,
Пришли они в палаты белокаменны.
Владимир-князь стольно-киевский,
Заводил он почестен пир-пированьице
На всех на князей, на бояр,
На русских могучих на богатырей
И на всю поленицу удалую.
Стали испивать хмельных напитков.
Тихий Дунаюшка Иванович
Пьет напитки да похваляется:
«Достал-то я княгиню про князя про Владимира,
Достал княгиню про тихия Дунаюшка Ивановича».
Говорит ему Настасья королевична:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
Не хвастай своею храбростью великою:
На твою-то молодецкую головушку
Я кладу свое колечико серебряно,
Три раз из лука калену стрелочку повыстрелю,
Пропущу-то скрозь колечико серебряно,
И не сроню-то я колечика с головушки».
Тихий Дунаюшка Иванович
Скорешенько ставал на резвы ноги,
И выходил с ней Дунай в чисто поле,
Полагал себе колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую.

Молода Настасья королевична,
Три раз она прострелила в колечико серебряно,
Пропустила стрелочку каленую
И не сбила колечика с головушки.
Тихий Дунаюшка Иванович
Становил Настасью королевичну,
Полагал ей колечико серебряно на головушку,
Берет свой тугий лук разрывчатый в белы руки,
Налагал-то он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку.
Тут Настасья королевична молилася:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
У меня с тобой есть во чреве чадо посеяно,
Принесу тебе я сына любимого:
По коленца ножки в серебре,
По локоточки рученьки в золоте,
На головушке по косицам будут звезды частыя.
За глупыя слова мои за женския
Копай ты в матушку сыру землю меня по пояс,
Бей-ко ты меня по нагу телу
За мои за речи неумильныя».
Говорил Дунай таковы слова:
«Все это отвертки есть женския!»
Спустил как он стрелочку каленую,
Да во самое во темечко,
Убил он Настасью королевичну,
Убил он, сам пораздумался:
«Пораспластать мне было ей чрево женское, —
Есть ли у меня что с ней посеяно?»
Как распластал ей чрево женское,
Так с ней во чреве чадо посеяно:
По коленца ножки в серебре,
По локоточки рученьки в золоте,
На головушке по косицам звезды частыя.
Тут Дунаюшка и раздумался:
«Что я сделал! Две головушки бесповинных!»
Брал в руки саблю вострую,
И пал-то он на саблю вострую,
Сам говорил таковы слова:
«Где пала Настасьяина головушка
И где протекла Настасья-река,
И тут протечи-тко Дунай-река».
Из-под этого с-под местечка
Протекали две реченьки быстрых,
И на две струечки они расходилися,
И еще они вместе сходилися.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да й переставился.
Оставался ёго да й чадо милое,
Молодой Вольга да Святославгович.
Стал Вольга растеть-матереть,
Похотелося Вольге да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить ему во синиих морях,
Птичкой-соколом летать да под оболоки,
Рыскать волком во чистых полях.
Уходили-то все рыбушки в глубокия моря,
Улетали-то все птички под оболоки,
Убегали-то все звери во тёмны леса.
Стал Вольга растеть-матереть,
Его-то был родный дядюшка
Ласков князь-то Владимир стольне-киевской.
Жаловал ёго тремя городами,
Тремя городами всё крестьяновскими:
Первый город Гуровец,
Другой город Ореховец,
Третий город Крестьяновец.
Молодой Вольга Святославгович
Собирал себе дружинушку хоробрую —
Тридцать молодцов да й без единого,
Сам еще Вольга да й во тридцатых.
Садилсь на добрых коней, поехали
По этим городам да за получкою.
Молодой Вольга да й Святославгович
Й он повыехал в раздолье в чисто полё
Со своей дружинушкой хороброю.
А и едут по раздольицу чисту полю,
И слышали они тут в поле ратая:
Орет в поле ратай, понукиваёт,
Сошка у ратая поскрипываёт,
Омёшики по камешкам почиркивают.
Ехали они, добры молодцы,
Целой день они с утра й до вечера,
Не наехали в чистом поле ратая:
Орет в поле ратай, понукиваёт,
Сошка у ратая поскрипываёт,
Омёшики по камешкам почиркивают.
Ехали они, добры молодцы,
Другой день с утра й до вечера
И не наехали в чистом поле ратая.
Орет в поле ратай, понукиваёт,
Сошка у ратая поскрипываёт,
Омёшики по камешкам почиркивают.

Ехали они, добры молодцы,
Третий день с утра й до пабедья
Й принаехали в чистом поле ратая:
Орет тут ратай, понукиваёт,
Кобылка у ратая соловая,
Сошка-та у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Каменья-коренья вывертываёт,
А и крупныя он каменья все в борозду валит,
С краю в край уедет — другого не видать.
Говорит Вольга таковы слова:
«Бог тебе помочь, оратаюшко,
Орать и пахать и крестьяновати
Й на своей кобылке на соловоёй,
Из краю в край бороздки помётывати!»
Й говорил оратай-оратаюшко:
«А поди-тко ты, Вольга да Святославгович,
А и надобна мне божья помочь орать,
Орать, и пахать, и крестьяновать
На своей кобылке на соловоёй,
С краю в край бороздки помётывати.
А далече ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своей дружиною хороброей?»
Говорил Вольга да Святославгович:
«Ай же, оратай-оратаюшко,
А и еду в города я за получкою:
В первый город Гуровец,
А во второй город Ореховец,
А и в третий город Крестьяновец».
А говорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга да Святославгович,
А недавно был я в городе третьего дня
На своей кобылке на соловоёй,
А привез отгуль я соли два меха,
Соли два меха привез по сороку пуд
На своей кобылке на соловоёй;
А живут мужички там все мошеннички,
Просят они грошев поддорожных,
А при мне была шалыга поддорожная:
А у нас с шалыгой с поддорожноёй
Кой стоя стоит, — тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, — тот и лежа лежит,
А кто лежа лежит, — той и встать невмочь!»
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
А поедем-ка со мною во товарищах
А во эти города да за получкою!»
Этой оратай-оратаюшко

Скоро гужики шелковые повыстегнет
И кобылку из сошки повывернет.
Садилась на добрых коней, поехали,
Отъехали от сошки кленовой,
Говорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга да Святославгович,
Хошь оставил я сошку в бороздочке
Не гля-ради прохожего й проезжего,
А гля-ради мужика да деревенщины.
Есть у нас мужик да деревенщина,
Прозывается шалыга поддорожная,
То он сошку с земельки повыдернет,
А из сошки он омешики повыколнет,
А и бросит мою сошку за ракивов куст.
А пошли-тко ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земельку повыдернули,
А и бросили бы сошку за ракивов куст».
Молодой Вольга да Святославгович
Посылает он туда своей дружинушки
И два, три, четыре добрых молодцев,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земельку вытряхнули.
А и бросили бы сошку за ракивов куст.
А идут-то туда его дружинушка
И подходят ко сошке кленовой:
Они сошку за обжи кружком вертят,
А и сошки от земли поднять нельзя,
И не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки вытряхнуть,
А и бросить эту сошку за ракивов куст.
Молодой Вольга да Святославгович
Посылает он туда своей дружинушки
А и целым еще десяточком,
Чтобы сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельку вытряхнуть,
А и бросить ту сошку за ракивов куст.
А идут-то туда ёго дружинушка
И подходят ко сошки ко кленовой
Они сошку за обжи кружком вертят,
А и сошки от земли поднять нельзя,
И не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки вытряхнуть,
А и бросить этой сошки за ракивов куст.
И молодой Вольга Святославгович
И посылает он туда свою дружинушку,
А и тридцать молодцев и без единого.
Едут-то туда его дружинушка,

И все тридцать молотцев да без единого,
И подходят они к сошке кленовой,
И сошку за обжи кружком вертят,
А и сошки от земли поднять нельзя,
И не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
А и бросить этой сошки за ракивов куст.
И говорит оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга да Святославгович
А не мудрая дружинушка хоробрая твоя:
А не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить этой сошки за ракивов куст!»
А и этот оратай-оратаюшко
И он подъехал на кобылке соловой,
А ко этой ко сошке кленовой,
Брал-то он сошку одной рукой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил эту сошку он одной рукой,
Бросил эту сошку за ракивов куст.
Садилась на добрых коней, поехали
А по славному раздольицу чисту полю.
А у ратая кобылка-то в рысь пошла,
А Вольгин-то конь поскакивает, —
А и стал Вольга ему покрикивати,
И колпачиком он стал помахивати:
«Стой-ка, постой ты, оратаюшко!»
Становился тут оратай-оратаюшко,
Говорил Вольга да Святославгович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Этая кобылка да коньком бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали».
И говорил оратай-оратаюшко:
«Глупый ты, Вольга да Святославгович!
Брал я кобылку с-под маточки,
А с-под маточки кобылку брал жеребчиком,
И заплатил за кобылку пятьсот рублей».
Говорил Вольга да Святославгович:
«Ой же ты, оратай-оратаюшко,
А и как же тебя именём зовут,
А и как же взвеличают по отчеству?»
Говорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославгович!
А я ржи напашу и во скирды складу,
И домой выволочу, и дома выколочу,
А и драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю и мужичков напою,
Тогда станут мужички меня покликивати:
«Ты молодой Микулушка Селянинов!»

БОЯРИН ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Как из той Индеюшки богатой,
Да из той Галичии с проклятой,
Из того со славна й Волны-города
Да й справляется да й снаряжается
А на тую ль матушку святую Русь
Молодой боярин Дюк Степанович
Посмотреть на славный стольный Киев-град,
А на ласкового на князя на Владимира,
А на сильниих могучиих богатырей,
Да й на славных поляниц-та й разудалых.
Говорит тут Дюку й родная матушка:
«Ай же свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Хоть справляешься ты, снаряжаешься
А на тую ль матушку святую Русь,—
Не бывать тебе да й на святой Руси,
Не видать тебе да й града Киева,
Не видать тебе князя Владимира,
Сильниих могучиих богатырей
Да й славных поляниц-та й разудалых».
Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушки своей не слушался.
Одевал свою одёжу й драгоценную,
А манишечки-рубашечки шелкóвые,
А сапоженки на ноженки сафьянные,
Окол носу-носу — яйцо кати,
Окол пята-пята — воробей лети,
Одел шапку на головку й соболиную,
На себя надел кунью й шубоньку,
Да й берет свой тугой лук разрывчатой,
А набрал он много й стрелочек каленных,
Да й берет свою он саблю вострую,
Свое й острое копье да й муржамецкое.
Выходил молодец тут на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Да й берет тут молодец добра коня,
Он берет коня за поводы шелковые,
Выводил коня да й на широкий двор,
Становил коня да й посреди двора,
Стал добра коня молодец засёдлывать,
Он засёдлывал коня да й закольчуживал.
Говорит тут Дюку родная й матушка:
«Ай же свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Как поедешь ты в раздолъице чистом поле,
А на тую ль матушку святую Русь,

Да й во славном раздольице чистом поле
Есть три за́ставы там три великие:
Первая за́става — ведь змеи поклевучие,
Друга за́става — львы-звери поедучие,
Третья за́става — есть горушки толкучие,
Они сходятся вместе́ й расходятся.
Ты подъедешь к этим заставам великим,
Ты бери-ка в руки плеточку шелковую,
А ты бей коня да й по крутой бедры,
Ты давай удары все тяжелые.
Первый раз ты бей коня между ушей,
Другой раз ты между ноги между задние,
Чтобы добрый конь твой богатырский
По чисту́ полю раздольцу поскакивал.
Ты проедешь эти за́ставы великие,
А ты выедешь на матушку святую Русь,
А ты будешь во городе во Киеве
Да й у ласкового князя й у Владимира,
Так охочь ты упиваться в зелено́ вино,
Так не хвастай-ка ты своим художеством
Ты супротив князя-та й Владимира,
Супротив сильных могучиих богатырей,
Супротив поляниц-та й разудалых».
Молодой боярин Дюк Степанович
Да й садился молодец тут на добра коня,
Столько видели сядучись,
Со двора его й не видели поедучись;
Со двора он ехал не воротами,
А он с города ехал не дорогою,
Его добрый конь да й богатырский
Проскакал он через стены городовые,
Через башни проскакал он трехугольные,
А не молния в чистом поле промолвила,
Так проехал боярин Дюк Степанович.
Выезжал он в раздольице чисто поле,
Подъезжал он к этим заставам великим,
А ко тем змеям поклевучиим,
А ко львам-зверям да поедучиим,
А ведь к этим горушкам толкучиим.
Он берет тут в руки плеточку й шелковую,
А он бил коня да й по тучной бедры,
Он давал удары все тяжелые,
Первый раз он бил коня между ушей,
Другой раз он между ноги между задние.
Его добрый конь тут богатырский
По чисту полю раздолью стал поскакивать,
Он проехал эти за́ставы великие,

Он тут выехал в раздольце в чисто поле,
А на тую ль матушку святую Русь.
Приезжал во славный стольный Киев-град,
Заезжал ко князю й на широкий двор,
Становил коня да й богатырского,
Выходил на матушку й сыру землю.
А Владимира дома не случилось,
Он ушел во матушку й божью церковь,
А он господу богу помолится,
Ко чудным крестам да й приложится.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он пошел во матушку й божью церковь,
Приходил во матушку й божью церковь,
Он снимает кивер со головушки,
А он крест кладет да й по-писаному,
А поклоны ведет да й по-ученому,
На две, три, четыре сторонки поклоняется,
А он князю Владимиру й в особинно,
Его всем князьям да й подколенным.
По праву руку князь Владимира
А стоял Добрынюшка Микитинец,
По леву руку князя Владимира
А стоял Чурилушка-та Плёнкович.
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Ты откулешной, дородний добрый молодец,
Из коёй земли да из коёй орды,
Ты какого же есть роду-племени,
Ты какого отца да ты есть матери,
Как же тебя да именём зовут,
Удалого звеличают по отечеству?»
Говорил боярин Дюк Степанович:
«Ты, Владимир-князь да й стольне-киевский,
А ведь есть я с Индеюшки богатой,
А и с той Галичии с проклятой,
И с того ль со славна Волын-города
Молодой боярин Дюк Степанович».
Говорил Чурилушка тут Плёнкович:
«Ты, Владимир-князь да й стольне-киевский,
Поговорушки тут есть не Дюковы,
Поворотушки тут есть не Дюковы,
Тут должна быть холопиной дворянская».
Это й дело Дюку не слюбилося,
Не слюбилося да й не в любви пришло.
Они господу тут богу помолилися,
Ко чудным крестам да й приложилися,
Да й пошли в палаты белокаменны
А ко ласковому князю й ко Владимиру.
Они шли мосточиком кирпичным,

Молодой боярин Дюк Степанович
Стал Владимиру й загодочек отгадывать,
Говорил тут он да й таковы слова:
«Ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
Что же в Киеве у вас все не по-нашему:
У вас построены й мосточки кирпичные,
А ведь столбики поставлены еловые,
А порученьки положены сосновые,
У вас медное гвоздѣ да й приущиплется,
А ведь цвѣтно платье призабрызжется.
Как в моѣй Индеюшке богатой
У моѣй родители у матушки
А построены мосточки калиновы,
А ведь столбики поставлены серебряны,
А ведь грядочки положены орленые,
А ведь насланы сукна гармузинные,
А ведь медное гвоздѣ да й не ущиплется,
А ведь цветно платье не забрызжется».
Тут Владимир к этой речи да й не примется.
Приходили в палату белокаменну,
Проходили во горенку столовую,
Да й садились за столички дубовые,
Да й за тья ль скамеечки окольные.
Принесли ему калачиков тут пшениных.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он берет калачик во белы руки,
А он корочку ту всё на круг кусал,
А середочку да й кобелям бросал,
Все й Владимиру загодочки отгадывал,
Говорил боярин таковы слова:
«Ты, Владимир-князь стольно-киевский,
Что же в Киеве у вас все не по-нашему:
У вас сделаны бочечки сосновые,
А обручики набиваны еловые,
А мешалочки положены сосновые,
У вас налита студѣнна ключева вода,
Да и тут у вас и калачи месят;
А у вас печеньки построены кирпичные,
У вас дровца топятся еловые,
А помелушки повязаны сосновые,
Да и тут у вас да й калачи пекут,—
А калачики да й ваши призадохнулись.
Как в моѣй Индеюшке богатой
У моѣй родители у матушки
А построены ведь бочечки серебряны,
А обручики набиты золоченые,
А мешалочки положены дубовые,
Да ведь налита студенна́ ключѣвая вода,

А ведь тут у нас и калачи мясят.
Да й построены печки муравленные,
У нас дровца топятся дубовые,
А помелушки повязаны шелковые,
А ведь насланы бумага листы гербовые,
Да ведь тут у нас и калачи пекут,—
А калачики у нас и не задохнутся,
А калачик съешь — по другоме душа горит».
Он Владимиру загодочки отгадывал,
Подносили ему тут зелена вина.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он берет-то й чарочку во белы руки,
Он всю чарочку й по горенке повывплескивал,
Сам Владимиру загодочки отгадывал.
Говорит боярин таковы слова:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Что же в Киеве у вас все не по-нашему:
У вас построены бочечки дубовые,
А обручики набиваны железные,
А положена туда да й зелено вино,
А положена й на погребы глубокие,—
Ваша й водочка-винцо ведь призадохнулось.
Как в моёй Индеюшке богатой
У моёй родители у матушки
А построены бочечки серебряны,
А обручики набиты золоченые,
Да й положено туда да й зелено вино,
А повешено на цепи-та й на медные,
А на тыя на погребы глубокие,—
Наша водочка-винцо да й не задохнется,
А ведь чарку выпьешь — по другой душа горит».
Он Владимиру загодочки отгадывал.
Говорит тут Чурилушка-та Плёнкович:
«Ай что же ты, холопина дворянская,
Что расхвастал ты имением-богачеством,
А ударил-ка со мной ты во велик заклад,
Во велик заклад да ты не в малыи,
Чтоб проездить нам на конях богатырских
Не мало поры-времени — по три году,
А сменять нам одежицу драгоценную
Кажный день да й с нова-наново,
С нова-наново да чтоб не лучшую».
Говорит тут боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Чурилушка-та Плёнкович,
Тебе просто со мной биться во велик заклад,
Ты живешь во городе во Киеве
У того ль у князя у Владимира,
Кладовые-ты есть да цветна платыца».

Молодой тут боярин Дюк Степанович
А сядился он да на ременчат стул,
А писал он письма й скорописчаты
А своей ли да й родной матушке,
А писал он в письмах скорописчатых:
«Ай же свет моя ты родна й матушка,
А ты выручи меня с беды великой,
А пошли-ка ты одёжу драгоценной,
Что хватило бы одёжи мне на три году
Одевать одёжу драгоценную
Кажный день да й с нова-наново».
Запечатал письма й скорописчаты,
Скоро шел по горенке столовой,
Выходил тут молодец да на широкий двор,
Положил он письма под седёлышко,
Говорил коню он таковы слова:
«Ты беги, мой конь, в Индеюшку богатую
А к моёй родители ко матушке,
Привези ты мне одёжу драгоценную».
Он берет коня за поводы шелковые,
Выводил коня он за широкий двор,
Да й спускал коня во чисто поле.
Его добрый конь да й богатырский
Побежал в Индеюшку й богатую,
Пробежал он по раздольицу чисту полю,
Через эти все заставы великие,
Прибежал в Индеюшку богатую,
Забегал он на славный на широкий двор,
Увидали тут коня да й слуги верные,
Они бежат в палаты белокаменны
Да й во тую ль горницу столовую,
Да й ко той ко Дюковой ко матушке,
Говорят они да й таковы слова:
«Ай же свет честна вдова Настасья да Васильевна!
Прибежал ведь Дюков конь да из чиста поля,
Из чиста поля на наш широкий двор».
Так тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом да й во всю й голову:
«Ай же свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты сложил там, наверно, буйну головушку,
А на той ли матушке святой Руси».
Поскореньку выходила на широкий двор,
Приказала добра коня рассёдлывать.
Они стали добра коня рассёдлывать,
Они сняли седёлышко й черкальское,
Отгуль выпали письма скорописчаты.
Свет честна вдова Настасья да й Васильевна

А брала она письма й во белы руки,
А брала она письма й распечатала,
Прочитала письма скорописчаты,
Да й брала она тут золоты ключи,
Она вышла на погребы глубокие,
А брала одёжу й драгоценную
Не на мало й поры-времени — на три году,
Приносила она к тому добру коню,
Положила й на седёлышко черкальское,
Выводила коня да й за широкий двор,
Да й спускала в раздолыице чисто полё.
Побежал тут добрый конь да й по чисту полю,
Пробежал он к этим застамам великиим,
Пробежал он заставы великие,
На славу на матушку да на святую Русь.
Прибежал во славный стольне Киев-град,
Забежал ко князю на широкий двор.
Молодой боярин Дюк Степанович,
Он стретал тут своего добра коня,
Он берет свою одёжу драгоценную,
Он тут бился со Чурилушкой в велик заклад,
А в велик заклад еще й не в малыи,
Не на мало поры-времени — на три году,
А проездить на конях богатырских,
А сменять одёжу с нова-наново.
Молодой боярин Дюк Степанович
Они с тем Чурилой Плёнковым,
Они ездят по городу по Киеву,
Каждый день с утра до вечера,
А проездили молодцы по год поры,
А проездили молодцы й по два году,
Да й проездили молодцы й по три году.
Теперь надоть им идти да й во божью церкву
Одевать одёжу драгоценную
А ко той христовскойе заутренной.
Молодой Чурилушка тут Плёнкович
Одевал свою одёжу драгоценную,
А сапоженьки на ноженьки сафьянные,
На себя одел он кунью й шубоньку,
Перва строчка строчёна красным золотом,
Друга строчка строчёна чистым серебром,
Третья строчка строчёна скатным жемчугом,
А ведь в тыя петелки шелковые
Было вплетено по красной по девушке.
А во тыи пуговики серебряны
Было влито по доброму по молодцу.
Как застёгнутся — они обоймутся,
А расстёгнутся — дак поцелуются.

На головку шапка й соболиная.
Молодой боярин Дюк Степанович
Одевал свою одёжу й драгоценную,
А сапоженьки на ноженьки сафьянные,
На себя одел он кунью й шубоньку.
Перва строчка й строчена красна золота,
Друга строчка й строчена чиста серебра,
Третья строчка й строчена скатна жемчугу,
А во тыи ль петелки шелковые
Было вплетено по красной по девушке,
А во тыи пуговики серебряны
Было влито по доброму по молодцу,
Как застёгнутся — они обоймутся,
А расстёгнутся — дак поцелуются.
На головку одел шапочку семи шелков,
Во лбу введен был светёл месяц,
По косицам были звезды частые,
На головушке шелом как будто жар горит.
Тут удалые дородни добры молодцы
А пошли молодцы да й во божью церковь,
А ко той христовской ко заутреней,
Приходили молодцы да й во божью церковь.
По праву руку князя Владимира
Становился Чурилушка тут Плёнкович,
По леву руку князя Владимира
Становился боярин Дюк Степанович.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Посмотрел на правую сторонушку,
Увидал Чурилушку он Плёнкова,
Говорил он таковы слова:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Прозакладал буйную головушку».
Говорил Спермеч тут сын Иванович:
«Ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
Посмотри-ка на леву ты сторонушку,
Молодой Чурилушка ведь Плёнкович
Прозакладал свою буйную й головушку».
Молодой Чурилушка тут Плёнкович
Стал он плеточкой по пуговкам поваживать,
Так тут стали пуговики посвистывать.
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал тут плеточкой по пуговкам поваживать,
Засвистали пуговики по-соловьиному,
Заревели пуговики да й по-звериному,
Чёрнет народ тут все и попадали.
Говорит тут князь Владимир стольне-киевский:
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,
Перестань ты водить плеткой по белой груди,

Полно валить-то тебе черннты».
Тут удалые дородни добры молодцы,
Они господу й богу помолилися,
Ко чудным крестам да й приложилися,
Да й пошли в палаты белокаменны
А ко ласковому князю й ко Владимиру.
Приходили в палату белокаменну
Да й во тую ль горницу столовую,
Да й садились все за столики дубовые,
Да за тые за скамеечки окольные,
Они ели ествушка сахарные,
Они пили питьвица й медвяные.
Говорил Чурилушка тут Плёнкович:
«Ай же ты, холопина дворянская,
А ударим-ка со мной-то в велик заклад,
В велик заклад еще й не в малои:
Нам разъехаться на конях богатырских,
А скочить через славную Пучай-реку».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Чурилушка ты Плёнкович,
Тебе просто со мной биться во велик заклад,
А велик заклад да и не в малои —
Твой-то добрый конь ведь богатырский
А стоит во городе во Киеве,
Он ведь зоблет пшеницу белоярову,
А моя-то кляченка заезжена,
А й заезжена да и дорожная».
Молодой боярин Дюк Степанович,
Он скореньку ставал тут на резви ноги,
Да й прошел по горенке столовой
Через ту й палату белокаменну,
Выходил молодец да на широкий двор,
Заходил он к своему добру коню,
Он тут пал на бедра й лошадиные,
Говорил коню да й таковы слова:
«Ты, мой сивушко да й ты мой бурушко,
Ты, мой маленький да й ты косматенькой,
А ты выручь-ка меня с беды великой:
Мне-ка биться с Чурилой во велик заклад,
А в велик заклад еще й не малои —
Нам разъехаться на конях богатырских,
Да й скочить через славную й Пучай-реку».
Его добрый конь да й богатырский
Взлепетал языком человеческим:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
А ведь конь казака Ильи Муромца,
Тот ведь конь да мне-ко старший брат,
А Чурилин конь да мне-ко меньший брат».

Какова пора, какое ль времечко,
Не поддамся я ведь брату большему,
А не то поддамся брату меньшему».
Молодой боярин Дюк Степанович
Скоро й шел в палату белокаменну,
Проходил он во горницу столовую,
Он тут бился со Чурилушкой в велик заклад,
А в велик заклад да й не в малыи,
Что й разъехаться на конях богатырских
Да й скочить через славную Пучай-реку.
Тут удалые дородни добры молодцы,
Выходили молодцы тут на широкий двор,
А садились да на коней богатырских,
Да й поехали ко славной Пучай-реке,
А за нима едут могучие богатыри
Посмотреть на замашки богатырские.
Тут удалые дородни добры молодцы
Припустили своих коней богатырских
Да й скочили через славную й Пучай-реку.
Молодой боярин Дюк Степанович,
Он скочил через славную Пучай-реку.
Молодой Чурилушка-то Плёнкович
Посреди реки с конем обрушился.
Молодой боярин Дюк Степанович
Посмотрел, что нет его й товарища,
Поскореньку молодец тут поворот держал,
Да й скочил через славную Пучай-реку,
Да й схватил Чурилу за златы кудри,
Он тут вытащил Чурилу на крут на берег,
Говорил Чуриле таковы слова:
«Ай же ты, Чурилушка да й Плёнкович!
А не надо тебе биться во велик заклад,
Во велик заклад да и не в малои.
А ходил бы ты по Киеву за б...»
Тут удалые дородни добры молодцы
Приезжали ко князю й ко Владимиру,
Говорит тут Чурилушка-то Плёнкович:
«Ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
А пошли-ка ты еще й оценщиков
А в тую ль в Индеюшку богатую
А описывать Дюково имение,
А имение его да все богатство».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
А пошли ты могучиих богатырей
А описывать имение й богатство
И мою бесчетну й золоту казну,
Не посылай-ка богатыря Олешеньки,

А того ль Олеши Поповича:
Он роду есть ведь-то поповского,
А поповского роду он задорного,
Он увидит бессчетну золоту казну,
Так ведь там ему да й голова сложить».
Тут Владимир-князь стольне-киевский
Снаряжал туда еще й оценщиков
Да й двенадцать могучиих богатырей.
Тут удалые дородни добры й молодцы
Да й садились на коней богатырских,
Да й поехали в Индеюшку богатую.
Они едут раздольцем чистым полем,
Они въехали на гору на высокую,
Посмотрели на Индеюшку богатую,
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,
Прозакладал свою буйную й головушку,
А горит твоя Индеюшка й богатая».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец,
Не горит моя Индеюшка богатая,
А в моёй Индеюшке богатой
А ведь крыши все, дома да й золоченые».
Тут удалые й дородни добры молодцы
Приезжали в Индеюшку богатую,
Заезжали к Дюку й на широкий двор,
Становили добрых коней богатырских,
Выходили на матушку сыру землю.
У того ль у Дюка у Степанова
А на том на славном широком дворе
А ведь посланы все сукна гармозинные.
Тут удалые дородни добры молодцы
А пошли они в палаты белокаменны,
Проходили во горенку столовую,
Они крест кладут да й по-писаному,
А поклон ведут да й по-ученому,
На две, три, четыре сторонки поклоняются,
Говорят молодцы да й таковы слова:
«Здравствуй, свет честна вдова Настасья да й Васильевна,
Дюковая еще й матушка».
Говорит она им таковы слова:
«А не Дюкова я есть ведь матушка,
А я Дюкова есть полемойница».
Проходили тут дородни добры молодцы
А во другую во горенку столовую,
Низко бьют челом да поклоняются:
«Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты Васильевна,

Дюковая еще й матушка».

Говорит она им таковы слова:

«Я не Дюковая еще й матушка:

А Дюкова да й судомойница».

Тут удалые дородни добры молодцы,

Проходили молодцы да й в третьюю горенку,

Они бьют челом да й поклоняются:

«Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты Васильевна

Еще й Дюковая ты ведь матушка».

Говорит боярин Дюк Степанович:

«Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты Васильевна

Этая моя да родна й матушка!

Вот приехали могучие богатыри

Из того ль из города из Киева

А от ласкового князя от Владимира

А описывать наше имение й богатство,

А бессчетну нашу й золоту казну.

А бери-ка ты да золоты ключи,

Ты сходи на погребы глубокие,

Отопри-ка погребы глубокие,

Покажи дородним добрым молодцам

А наше имение й богатство,

А ведь нашу бессчетну золоту казну».

Тут брала она да й золоты ключи,

Отмыкала она погребы глубокие.

Тут удалые дородни добры молодцы

А смотрели имение й богатство

Да и всю бессчетну золоту казну.

Говорит Дунаюшка Иванович:

«Ай же мои братицы крестовые,

Вы богатыри да святорусские,

Вы пишемте-ка й письма скорописчаты

А тому ли князю да Владимиру —

Пусть ведь Киев-град продаст да й на бумагу-то,

А Чернигов-град продаст да й на чернила-то,

А пускай тогда описывает Дюково имение».

Тут удалые дородни добры молодцы

Проходили й в горенку й столовую,

Да й садились за столочки дубовые,

Да й за тья скамеечки окольные,

Они ели ествушки сахарные,

Они пили питьвица медвяные:

А ведь чарочку повыпьешь — по другой-то душа горит,

А ведь дру́гу й выпьешь — третьей хочется.

Тут удалы дородни добры й молодцы

Наедались да й они досыти,

Напивались да й они допьяна.

Да й тем былиночка й покончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли города из Муромля,
Из того села да Карочирова
Отправляется дородний добрый молодец,
А ведь старый казак да Илья Муромец.
Он заутрену тую христовскую
А стоял во городе во Муромле,
А хотел попасть к обедне в стольный Киев-град.
Брал у батюшки, у матушки прощеньице,
А прощеньице, благословеньице,
Кладывал он заповедь великую:
Не съезжаться, не слетаться во чистом поле
Да не делать боя-драки кроволития.
Одевает одежицу опальную,
А опальную одежду все военную,
Брал с собою он да саблю острую,
Свое длинное копье да муржамецкое,
Да берет свой тугий лук разрывчатый,
Да набрал он много стрелочек каленых,
Брал с собою палицу булатнию,
А которая весом девяносто пуд.
Выходил Илья да на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Брал коня за повода шелковые,
А он малого Бурушка косматого.
Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Скоро-наскоро седлал да закольчуживал.
На коня подкладывает войлучек,
А на войлучек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седельшко черкальское,
Да которое седелко изукрашено,
Разноцветным камением усажено,
Драгоценными шелками изупивано
Да червонным золотом обивано.
Заседлал тут молодец добра коня,
И поехал молодец из широка двора,
С широка двора в раздольице чисто полё.
Его путь-дорожка в поле призамешкалась:
Он не мог попасть ко городу ко Киеву,
А попал ко городу Чернигову.
Усмотрел под городом Черниговым —
Нагнано там силушки черным-черно,
А черным-черно, как черна ворона.
Хочут черных мужичков да всех повырубить,
Да во том ли во городе Чернигове,
Хочут церкви божия на дым пустить.

Разгорелось сердце у богатыря,
А у старого казака Ильи Муромца,
Нарушал он заповедь великую,
Да просил себе он бога на помощь
Да пречисту пресвятую богородицу.
Припускал коня он богатырского
А на тую ли рать-силу великую,
Стал он силу с крайчика потаптывать,
Стал копьём колоть да из лука стрелять,
Из лука стрелять, рубить он саблей острою,
Протоптал он всех татаровей поганных.
Отворялися ворота во Чернигов-град,
Выходят мужички-черниговцы,
Они низко ему да поклоняются,
Говорят дородню добру молодцу:
«Ай же ты, дородний добрый молодец,
А иди-ко к нам ты воеводою».
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ай же вы, мужички-черниговцы!
Не пойду я к вам ведь воеводою,
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую дорожку во стольный Киев-град».
Говорят ему мужички-черниговцы:
«Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Замуравела дорожка ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородине,
Как у той ли грязи Черной,
Как у той ли березоньки покляпой,
У того креста да Леонидова
Сидит Соловей-разбойник Дихмантьев сын,
Сидит Соловей на семи дубах,
На семи дубах, на девяти суках.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит собака по-звериному,
Зашипит проклятый по-змеиному,—
Так все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Мелки лесушки к землям приклоняются,
А что есть людей вблизи,— так все мертвы лежат.
Прямоезжею дорожкой — пятьсот всех верст,
А окольную дорожкой — цела тысяча».
Так тут старый казак Илья Муромец
А просил себе он бога на помощь,
Припускал коня он богатырского
А по той ли дорожке прямоезжей,
Прямоезжей дорожкой в стольный Киев-град.

Подъезжал ко реченьке Смородине,
Да ко той ли грязи, грязи Черной,
Да ко той ли березоньке покляпоей,
Ко тому кресту Леонидову.
Как завидел его Соловей-разбойничек,
Засвистел Соловей по-соловьиному,
Зашипел проклятый по-змеиному,
Закричал собака по-звериному,—
Так все травушки-муравы уплетались,
Все лазуревы цветочки отсыпалися,
Мелки лесушки к землям да приклонялися,
А что есть людей вблизи,— так все мертвы лежат.
А у старого казака Ильи Муромца
А конь на корзни да спотыкается.
Так тут старый казак Илья Муромец,
Брал он в руки плеточку шелковую,
А он бил коня да по тучным бедрам,
По тучным бедрам, меж ноги задние,
А ведь сам коню да приговаривал:
«Ах ты, волчья сыть, ты травяной мешок!
Не слышал, что ль, посвисту соловьего,
Не слышал, что ль, покрику звериного
Не слышал, что ль, пошипу змеиного,
Ты везти не можь али идти не хошь?»
Отстегнул свой тугой лук разрывчатый,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил он стрелочку каленую,
А ведь сам он стрелке приговаривал:
«Ты просвистни, моя стрелочка каленая,
По тому острёю по ножевому,
Попади-ка в Соловья-разбойника,
А спусти-ка его да из сыра дуба,
Из сыра дуба на матушку сыру землю».
Сам спускал тетивочку шелковую,
А во тую ли стрелочку каленую.
Тут просвистнула стрелочка каленая
Да й попала в Соловья-разбойника,
Да й спустила Соловья с сыра дуба,
Из сыра дуба на матушку сыру землю.
Так тут старый казак Илья Муромец
Подъезжал он к Соловью близехонько,
Захватил он Соловья за желты кудри,
Заковал он ему да ножки резвые,
Завязал он Соловью да ручки белые,
Привязал ко стремени булатному,
Сам поехал дорожкой прямоезжейей,
Прямоезжейей дорожкой в стольный Киев-град.
Так тут старому казаку Илье Муромцу

Случилось ехать мимо соловьиного гнздышка.
А у этого Соловья-разбойника
Было три дочери любимые.
Посмотрела в окошечко тут старша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добром коне,
А везет мужика да деревенщину,
У правого стремени прикована».
Посмотрела в окошечко тут средня дочь:
«Наш-то батюшка сидит да на добром коне,
А везет мужика да деревенщину,
А у правого стремени прикована».
Посмотрела в окошечко тут младша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Ай, сестрицы мои да вы родимые!
А ведь окушком вы есть тупешеньки,
Умом-разумом вы есть глупешеньки,—
А сидит мужик да деревенщина,
А сидит мужик да на добром коне,
Наш-то батюшка у стремени прикованный.
Ай же мужевья наши любимые!
А берите-тка рогатинья звериные,
Да бегите поскореньку во чисто поле,
А убейте мужика да деревенщину».
Эти ли мужевья любимые
А брали рогатинья звериные,
Поскореньку выбегали во чисто полё.
Как завидел их Соловей-разбойничек,
Закричал тут Соловей да громким голосом:
«Ай же вы, зятевья мои любимые!
А бросайте с рук рогатинья звериные,
Подбегайте к добру молодцу близешенько,
Да берите-тко за рученьки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Да ведите-тко его в соловье гнздышко,
Да кормите его ествушкой сахарной,
Да попойте его питьицем медвяным,
Да дарите ему дары драгоценные».
Этия ли зятевья любимые
Побросали с рук рогатинья звериные,
Подбегали к добру молодцу близешенько;
Хочут брать его за рученьки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Провести его в соловье гнздышко.
Так тут старый казак Илья Муромец
Выдернул свою он саблю острую,
Отрубил у них да буйны головы.
Половину роет он серым волкам,

А вторую половину черным воронам.
А ведь сам себе да приговаривал:
«А не вам бы кус да и не вам поесть,
А не вам побить казака Илью Муромца».
Сам поехал дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Приезжал ко князю на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменные,
На пятау он двери поразмахивал,
А он низко всем да поклоняется,
А князю Владимиру в особину,
Его всем князьям да подколанным.
А Владимир-князь да стольно-киевской
Только что пришел от поздней от обеденки,
Садятся за столички дубовые.
Говорит Владимир таковы слова:
«Ты откудашний, дородний добрый молодец?
Ты с какой земли да из какой орды,
Ты какого отца да ты есть матери?
Ты какого будешь род-племени,
А ведь как тебя да именем зовуть,
Удалого звеличают по отчеству?
А по имечку тебе ведь можно место дать,
По отчеству тебя пожаловать».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Есть я из города из Муромля,
Из того села да Карочирова,
Илья Муромец да сын Иванович.
А приехал я да во стольный Киев-град,
Послужить тебе я верой-правдою,
Защищать я буду веру православною».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:
«Ай же, старый казак ты, Илья Муромец,
Ты какой дорожкой ехал в стольный Киев-град,
Прямоезжею или окольною?»
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же князь Владимир стольно-киевской,
А ведь ехал я из города из Муромля
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град».
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Во глазах, мужик, ты насмехаешься —
Где тебе проехать дорожкой прямоезжей:
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Замуравела дорожка ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородине,
Как у той ли грязи, грязи Черной,
Как у той ли березоньки покляпоей,

У того креста да Леонидова
Сидит Соловей-разбойник Дихмантьев сын.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит собака по-звериному,
Зашипит проклятый по-змеиному,
Так все травушки-муравы ушлетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Мелки лесушки к землям да приклоняются,
А что есть людей вблизи, — так все мертвы лежат».
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ай же князь Владимир да стольно-киевской,
А ведь Соловей-разбойник на твоём дворе,
На твоём дворе да на моем коне,
А у правого стремени прикованный».
Так тут князь Владимир стольно-киевской
Со своими князьями да боярами
Выходили поскореньку на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Как увидели Соловья-разбойника,
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Дихмантьев сын,
Засвищи-ка, Соловей, по-соловьиному,
Закричи, собака, по-звериному,
Зашипни, проклятый, по-змеиному».
Говорит ему Соловей-разбойничек:
«Ай же князь Владимир стольно-киевской,
Не у тя сегодня я ведь ел и пил,
Не тебя я буду слушаться».
Говорит ему казак Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын,
Засвищи-ка, Соловей, во полсвиста,
Закричи-ка, Соловей, во полкрика,
Зашипни-ка, Соловей, во полшипа».
Говорит ему Соловей-разбойничек:
«Ай же старый казак Илья Муромец,
Запечатались мои кровавы раночки,
А налейте вы мне чару зелена вина».
Так тут налили чару зелена вина,
Да не малую стопу — на полтора ведра.
Так тут Соловей-разбойничек Дихмантьев сын
Выпил эту чару зелена вина, —
Чуял свою скорую кончинушку,
Закричал Соловей во полный крик,
Засвистал Соловей во полный свист,
Зашипел проклятый во полный шип.
Так все травушки-муравы уплетались,
Все лазуревы цветочки отсыпались,
Мелки лесушки к землям приклонялись,
А что есть людей вблизи, — так все мертвы лежат.

А у князя с теремов высоких
Все хрустальные стеклышки посыпались,
А Владимир-князь да стольно-киевской,
А он по двору да в круги бегаёт,
Куньей шубкою да укрывается.
Говорит казак да Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойник Дихмантьев сын,
Что ты мѳего наказа не послушался?
Я велел свистеть тебе во полсвиста,
Я велел тебе кричать во полкрика,
Я велел тебе шипеть во полшипа».
Говорит ему Соловей-разбойничек:
«Ай же старый казак Илья Муромец,
А ведь чуял я скорую кончинушку,
Оттого свистал во полный свист,
Оттого кричал во полный крик,
Оттого шипел во полный шип».
Так тут старый казак Илья Муромец
Брал Сѳловья за белы руки
И повел на поле Куликово,
Положил на плаху на дубовую,
Отрубил ему да буйну голову,
Половину роет он серым волкам,
А вторую половину черным воронам.
Так ведь с той поры да с того времени
А не стало Сѳловья-разбойника
А на славной матушке святой Руси.
Да ведь тем былиночка покончилась.

КАК БЫЛО У ВДОВКИ У РАСПАШЕНЬКИ ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ, ОДНА ДОЧЬ

Как было у вдовки у распашеньки
Девять сыновей да одинока дочь.
Девять сыновей да во разбой пошли,
Во разбой пошли да во разбойнички,
Во денные ночные подорожнички.
Одиноку дочь замуж выдала
А за то ль за славно за синѳ море,
За того ль купца, купца заморского.
«Уж я год там жила, — не подумала,
А на дрѳгой год чадо рѳдила,
А на третий годик стосковалася
Я у свѳкрушка да у свѳкровушки,
Я у свѳкрушка да подавалася,
А ведь с мужем мы да сговорилися.

Как тут сели мы да в малу лодочку,
Еще муж-то мой сел во веселушки,
А ведь я, млада, да во правильщицки,
Чадо милое да ко белым грудям.
Как ведь сели мы да тут поехали.
Как проехали мы до средї моря,—
Как с-под той ли западной сторонушки
Налетела тучка, тучка черная,
Тучка черная, сама бурливая,
А бурливая да сердитая.
Понесло тут нас да по синю морю,
Понесло тут нас к крутому берегу,
Ко желтым пескам, ко мелким камешкам.
Как напали тут на нас разбойнички,
А денные ночные подорожнички,
Они мужа моего пристрелили,
Чадо милое да в воду бросили,
А меня младую во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили.
А ведь все разбойнички да спать легли,
А один разбойничек он спать не лег,
Он пред образом да богу молится,
Богу молится, в грехах прощается,
А он горько так слезами уливается.
Тут разбойничек да стал братьев будить:
«А вставайте-тко, братцы родимые,
А вставайте, что мы понаделали?
А ведь зятя-то да мы пристрелили,
А племянничка да в воду бросили,
А родну сестру да во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили».
Как вставали все братья-разбойнички,
А перед образом да богу молятся,
Богу молятся, в грехах прощаются,
А родной сестры да поклоняются:
«Ты прости, прости, сестра родимая,
А прости ты нас, что мы наделали:
Мужа твоего да мы пристрелили,
А племянничка да в воду бросили,
А тебя младу мы во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили».
Говорит сестра да горько плакала:
«А мне мужа жаль, что вы застрелили,
А мне пуще жаль чадо милое,
Чадо милое да в воду брошено,
А мне жаль себя, что обесчестили,
Обесчестили да не разбойнички,
Обесчестили да братья родные».
Так ведь с той поры да с того времени
Былину поют да на святой Руси,—
Молодым людям на смех да на диво,
А престарелым на потешенье.

ПРО ИВАНА-ПАСТУШКА

Жил-был в некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил-был Иван-пастушок. Вот он пас коров в одном селенье, ну и, гоня коров, нашел в лесу речку, бежавшую с озера. Связал себе мережку и поставил в эту речку. Ходит день, ходит второй, ходит третий к этой мережке — и все никого достать не может.

Вот на иное утро встает рано, подходит к мережке, поднял мережку — а в ней щучка. Достал щучку, снял с мережки, поднял на гору. Вот эта щучка и говорит: «Вот что, Иван-пастушок, я, говорит, не рыбинка, не щучка, а красная девушка. Если возьмешь меня замуж, так сейчас я повернусь девицей и буду твоей молодой».

Иван-пастушок согласился. Вот эта щучка повернулась девицей и стала Ивановой молодой. Вот они пришли домой, живут да красуются, даже все люди дивуются.

Вот помер царь, а у царя остался наследник царствовать холостой. Вот этот наследник похоронил отца, созвал всех князей, бояр, купцов богатых, ну вот, начали обсуждать, где ему невесту найти. Они мечтали-промышляли и за морями, за горами, за дальними землями — нигде нет, не найти ему невесты, подобрать не могут. Вот один купец и говорит: «Я бы, говорит, знал бы невесту, только не девушка, а молодушка. Вот у нас, говорит, есть пастушок Иван, у него есть красавица жена: ни в сказке сказать, ни пером написать, настолько красивая». Вот этот царь и говорит: «Давайте, говорит, братцы, такую ему службу наложим, чтобы от него невесту увести». Ну вот, придумали думу: «А если ему дать такое задание: пускай он срубит весь лес за одну ночь, весь вывалит, вспашет, посеет пшеницу, выжнет, вымолотит, и чтобы завтра мука поспела к обедне на просвиры — отца поминать. А если, говорят, он этого не сделает, то мы от него жену отберем и за царя выдадим замуж».

Вот призывают Ивана-пастушка, вот царь и говорит: «Вот что, Иван-пастушок, я тебе даю службу: срубить лес, вывалить его, запахать, посеять пшеницу, выжать, вымолотить, высушить и смолоть, чтобы мука поспела к обедне на просвиры — мне отца поминать. А если этого ты не сделаешь, то тогда от тебя жену возьму за себя замуж».

Вот Иван отказываться не смел и пошел, закручинился. Приходит домой невесел. Жена его и спрашивает: «Что ты, Ванюшка, невесел, что головушку повесил?»

Вот Иван и говорит: «Как же мне не кручиниться, как же мне не печалиться, вот дал царь мне службу: срубить лес, вывалить, пшеницу вспахать, чтоб она за ночь созрела, выжать, вымолотить, высушить, смолоть на муку и чтобы мука на просвиры завтра к обедне поспела — отца ему поминать».

Вот жена ему и говорит: «Не кручинься, Ванюшка, не печалься, это не служба, а службишка. Ложись, говорит, спать, а утро вечера мудренее».

Вот Иван лег спать. Солнце за лес село. Вот его жена вышла на улицу, созвала сорок царей, сорок королей и нечистой силы видимо-невидимо (больша ста). Вот она и говорит: «Вот что, цари, да вот что, короли, я, говорит, вас выручала, и вы меня выручайте. Вот, говорит, задана служба от царя моему Ивану: срубить лес, вывалить, вспахать пшеницу, чтоб за ночь созрела, вымолотить, высушить и на муку смолоть, чтобы мука к обедне поспела на просвиры — отца поминать».

Вот цари, короли закричали: «Сделаем, сделаем, к утру будет готово!»

Вот пришло утро, встает Иван и спрашивает свою жену: «Ну как, красавица, мука готова?» — «Готова, Иван, все для тебя сделано».

Вот Иван взял муку, понес к царю. Пришел и говорит: «Вот, царь-батюшка, мука готова».

Вот царь опять созвал всех князей, бояр, купцов, проверил — и действительно: нива срублена, вывалена и пшеница вспахана. Вот опять придумывают: «Какую же ему службу дать? Надо придумать такую службу, чтобы сделать не смог».

Вот царь и говорит: «Я задам ему службу: от моего дома и до самой церкви мост сделать, чтобы были поставлены столбики точеные, перила золоченые, лесенки чтоб были серебряные и ковры разостланы бархатные, чтоб мне утром идти в церковь отца поминать, так мост был (бы) готовый».

Вот призвали Ивана, и стал (царь) говорить: «Вот что, Иван-пастушок, я тебе задаю службу, чтоб была к утру сделана: от моего дома и до церкви чтоб был мост построенный, поставлены чтобы столбы точеные, перила золоченые, лесенки серебряные, ковры постланы бархатные, чтоб мне утром в церковь идти по новому мосту отца поминать».

Вот Иван отказать не отказался, а пошел опять и запечалился. Приходит домой, сел, закручинился, головушку повесил. Вот жена и спрашивает: «Чего ты, Ванюшка, запечалился, закручинился, чего головушку повесил?»

Вот Иван и говорит: «Как же мне не кручиниться, как не печалиться, когда царь такую службу на меня наложил. Вот мне, говорит, царь велел от его дома и до церкви мост построить, чтоб были поставлены столбики точеные, перила золоченые, лесенки серебряны, протянуты ковры бархатны, чтоб (можно) было царю идти в церковь, царя (отца) поминать по новому мосту».

Вот говорит жена Вани-пастушка: «Это не служба, а службишка. Ложись спать, а утро вечера мудренее».

Вот Иван лег спать. Выходит она на крыльцо, созывает сорок царей, сорок королей и нечистой силы видимо-невидимо (больша ста).

Вот пришло утро, встает царь и сам себе не верит: от его дома

и до самой церкви построен новый мост, какой был заказан — такой и сделан.

Вот встает Иван, помылся, жена ему и говорит: «Ваня, вставай, иди к царю, сдавай работу — мост готовый».

Иван встал, оделся и пошел. Приходит к царю и говорит: «Вот, царь-батюшка, я сослужил тебе службу, построил тебе мост».

Вот царь созывает опять всех князей, бояр, купцов. Вот собрались князья, бояра, все крупные торговцы, купцы, дворяне и справные крестьяне, стали думу думать, какую дать службу, чтобы Иван не мог сделать. Вот царь и говорит: «Я дам ему службу, что ему не выполнить. Пускай сходит на тот свет, спросит у моего отца, как мне жить, где жениться».

Вот призывает Ивана царь, говорит: «Вот что, Иван-пастушок, сходи на тот свет, спроси у моего отца, как мне жить и где жениться. И пусть отец тебе на руки золотыми буквами напишет, что действительно ты был».

Вот Иван закручинился и пошел. Приходит домой невесел, сел и головушку повесил. Опять жена его спрашивает: «Чего, Ванюшка, запечалился, чего, Ванюшка, закручинился, что ты, Ванюшка, невесел, что головушку повесил?»

Вот Иван и говорит: «Как же мне не кручиниться, как же мне не печалиться? Царь вот службу задал, велел сходить на тот свет, спросит у отца, как ему жить, где ему невесту найти; велел, чтобы отец золотыми буквами на руки написал, чтобы знал, что (я) был».

Вот жена и говорит: «Не кручинься, Ванюшка, не печалься, это не служба, а службишка. Ложись спать, утро вечера мудренее».

Вот Иван лег спать. Село солнце за лес. Вот она выходит на крыльцо, вызвала сорок царей, сорок королей и нечистой силы видимо-невидимо (больше ста). Вот она и говорит: «Вот что, цари да короли, я вам службу служила, так и вы мне сослужите, принесите-ка мне волшебный клубочек и проложите дорожку на тот свет».

Вот ей дали клубочек и говорят: «Мы это сделаем».

Вот она утром встала ранешенько, разбудила Ивана-пастушка, попрощались, она проводила его на крыльцо и говорит: «Вот, Иван, куда клубочек покатится — и ты за ним вслед пойдешь, и тебе будет дорога открыта».

Вот спустила клубочек, клубочек покатился, Иван пошел. Шел, шел, в кустах клубочек потерялся, пришли ворота. Иван подошел, ворота открылись, и пошел дальше. Скоро сказка скажется, да не скоро сделается.

Вот Иван шел, шел, попадают ему навстречу две женщины, из озера в озеро воду переливают. Вот они его и спрашивают: «Куда, Иван-пастушок, пошел?» Иван говорит: «Пошел я на тот свет к царю узнать, где евоному сыну жениться и где невесту взять». — «Спроси, говорят, там, Иван, про нас, долго ли нам из озера в озеро воду переливать». — «Ладно, говорит, спрошу».

Вот идет Иван дальше. Попадаются ему навстречу два мужчины, с места на место камня перерывают. Вот и спрашивают Ивана: «Куда, Иван, пошел?» Вот Иван-пастушок и говорит: «Вот, говорит, пошел я на тот свет к царю-богу узнать про его сына, где ему жениться, где ему жену взять». Вот они и говорят: «Вот что, Иван-пастушок, узнай-ка там про нас, долго ли нам с места на место камня перерывать». — «Ладно, говорит, хорошо, узнаю».

Идет Иван дальше. Шел, шел, пришел мост, на мосту лежит кит-рыба. Вот кит-рыба и спрашивает: «Куда пошел, пастушок?» — «Пошел я, говорит, на тот свет к царю-богу узнать, где его сыну жениться и где ему невесту взять». — «Узнай, говорит, про меня, Иван-пастушок, там по пути у царя-бога, долго ли мне на мосту лежать?» — «Ладно, говорит, ладно, узнаю».

Пошел дальше Иван. Вот шел, шел, пришли ворота. Старичок у ворот ходит, вот спрашивает: «Далече ли, Иван-пастушок, пошел?» — «Пошел, говорит, я на тот свет спросить у господ бога, у царевого отца узнать, где царю жениться и где невесту взять». — «Это можно», — старичок говорит.

Вот открыл ворота, Иван смотрит — вертится огненное колесо, а на колесе царь-отец сидит. Вот старичок и говорит: «Колесо, стань!» Колесо стало. Вот Иван-пастушок и говорит: «Ты ли, говорит, нашего царя отец будешь?» — «Да, я, говорит, буду». — «Так вот, говорит, он велел мне узнать, как ему жить, где ему жениться и где невесту взять». — «Вот что, говорит, Иван-пастушок, сойдемь домой, так скажи ему: вот в таком-то месте пускай сын поднимет все деньги и раздаст нищей братии, а то я мучаюсь из-за этих денег». — «Ну, ладно, говорит, скажу».

Повернулся и пошел. Вышел за ворота и опомнился: «Так мне царь не поверит: велел золотыми буквами на руки написать». Повернулся обратно, подходит к воротам и стучит. Вот дедушка ворота открыл и говорит: «Чего тебе, Иван-пастушок?» — «Да вот, говорит, я был и позабылся. (Обращается к богу.) Царь велел, чтобы ты мне золотыми буквами на руки написал, а я пошел и позабыл». Вот старичок говорит: «Колесо, стань!» Колесо остановилось. «Ну-ка, говорит, отец, напиши Ивану-пастушку на руки золотыми буквами, где ему деньги взять и кому раздать и где ему жениться и где невесту взять».

Вот написал золотыми буквами царь Ивану-пастушку на руки и сказал: «Теперь поверят, что ты был на том свете».

Ну, Иван попрощался, пошел и говорит: «Я, говорит, опять забыл спросить про Кит-рыбу». Повернулся обратно и пошел. Подходит к воротам и говорит: «Вот что, говорит, господи, я шел сюда, на мосту лежала кит-рыба и велела спросить, долго ли ей еще лежать аль коротко». Вот бог и говорит: «А когда шло судно с богомольцами в монастырь, она его проглотила. Так вот, пока она его изо рта не выпустит, так все время будет на мосту лежать. Когда ты, говорит, к рыбе-киту подойдешь, так влезь на большое дерево, а потом и крикни, чтоб она судно выпустила изо рта, а то,

если ты так ей скажешь, будет прибыль воды в это время, и тебя может утопить». — «Ну, ладно, говорит».

Вот Иван попрощался и пошел. Пошел и раздумался, что позабыл спросить про двух мужиков, долго ли они будут перерывать камни с места не место. Повернулся обратно и пошел.

Приходит к воротам и говорит: «О господи, я позабылся, забыл спросить. На дороге мне попали встречу два мужика, с места на место камня перерывали. Так велели спросить, долго ли им камни перерывать». Вот он, господь, и говорит: «Они жили на белом свете, были кладовщиками да много воровали, так им не будет прощения, пускай по-старому с места на место камни перерывают».

Ну, Иван попрощался и пошел. Отошел немножко и говорит: «Эх, говорит, я забыл: попали мне две женщины встречу, из озера в озеро воду переливают, и велели спросить, долго ли еще им переливать аль коротко». Вот господь и говорит: «Они жили на белом свете, молоком торговали, в молоко воду вливали, так не будет им прощения, так и скажи».

Иван попрощался, раскланялся и пошел.

Вот Иван идет, подходит к кит-рыбе. Вот кит-рыба и спрашивает: «Ну что, Иван-пастушок, был на том свете?» — «Да, говорит, был». — «Господа бога видел?» — «Да, говорит, видел».

Сам влез на большое дерево и говорит: «Вот что, кит-рыба, когда, говорит, шло судно с богомольцами (богу молиться), ты зачем его проглотила? Так вот, говорит, выпусти это судно из утробы, тогда ты пойдешь в море и жив будешь».

Вот вода поднялась, кит-рыба выпустила судно изо рта с богомольцами. Судно поплыло с богомольцами в одну сторону, а кит-рыба сплеснула и поплыла в другую сторону. Вода ушла, Иван опустил с дерева и пошел дальше.

Вот идет, попадают навстречу два мужика, с места на место камни перенашивают, вот они и говорят: «Вот что, Иван-пастушок, был на том свете?» — «Был». — «Господа бога видел?» — «Да, видел». — «Что он сказал?» — «А вот он что сказал: вы жили на белом свете, были кладовщиками да много с огородов брюквы да картошки воровали, так не будет вам прощения».

И пошел дальше.

Вот попадают навстречу две женщины, увидели Ивана и говорят: «Ну что, Иван-пастушок, господа бога видел?» — «Видел». — «Что он тебе про нас сказал?» — «А вот что сказал: что вы жили на белом свете, молоком торговали, в молоко воду кладывали да людей опутывали, так не будет вам прощения».

И сам пошел дальше.

Вот шел, шел, до последних ворот дошел. Ворота открылись, Иван прошел, и ворота закрылись. А с-под ворот клубок покатился. Вот Иван за клубочком и пошел, к своему домику пришел. Дай, думает, зайду домой, погляжу, есть ли жена или у царя увезена. Постучался в дверь, жена вышла, Ивана запустила и у Ивана про все расспросила: где Иван побывал да чего повидал. А Иван

взял да все жене и рассказал. Вот жена ему и говорит: «Как тебя царь отправил, так за мной в карете подъехали, а я от них птицей подвернулась, под небеса улетела и в руки не сдалась. Днями летала, а ночами спала. Ну, теперь иди к царю и покажи свою руку, что ты у царя-отца был. Пусть эту грамотку прочитают и про всё узнают».

Вот Иван-пастушок к царю пошел.

Пришел к царю, царь и спрашивает: «Ну, что, Иван, был на том свете?» — «Да, говорит, был». — «Отца видел?» — «Да, говорит, видел». — «Ну, что тебе отец сказал?» — «А вот что, говорит, мне отец сказал: в таком-то месте велел взять деньги и велел раздать по нищей братии. А как жить и где жениться, так вот велел тебе прочитать (руку показывает)».

Царь прочитал — и в обморок упал. (Потом) перед Иваном извинился и с Иваном распростился. На второй день сходил, вынес деньги, заказал молебен, молебен отслужил и все деньги нищей братии раздал. Иван пришел домой и стал жить со своей красивой женой. Стали жить да поживать да добра наживать.

ПРО СВЯТОГО ГОЛУБЯ

Жил-был в одном приходе поп. Приход был маленький, доходишка было мало, попу худо жилось. А у попа был работник Ванька. Вот однажды поп и говорит за ужином: «А вот что, говорит, Ванюха, поймай назавтра мне голубя».

Ванька на другой день поставил пасть, насыпал овса. Прилетели голуби, пасть сдернул, одного голубя снял с-под пасти, остальных выпустил. Пришел домой, в корзинку клал да под лавку и бросил. Это дело было в субботу, попу на заботу. Приход был небольшой. Поп во время вечерни объявил населению: «Вот что, говорит, граждане, завтра во время обедни появление Иисуса Христа будет в виде голубином».

Вот заутреню поп рано отслужил, пришел домой, чайку попил и сразу обедню служить. А Ваньке было вечером сказано: «Ты, Ваня, завтра между заутреней и обедней возьми голубя, залезь выше райских дверей, за большие образа, там и сиди. А я как во время молебны выйду среди церкви, как только третий раз пропою: «Господи, пошли нам духа святого в виде голубином!» — так ты оттуда спусти голубя, пусть по церкви летает. Народ поверит, чаще ходить в церковь будет, нам больше с тобой дохода будет. Только никому не говори».

Вот заутреня кончилась, он (Ванька) схватил голубя в пазуху, а у голубя у кошки голова отъедена. Ванька попу не сказал, второго имать некогда, да с мертвым голубем в церковь и пошел. Пришел в церковь, залез выше райских дверей, за образа, и сидит. Вот публика собирается в церковь, все покупают свечи, на блюдо деньги кладут. Вот обедня отошла, поп начинает молебен служить. Выходит посредине церкви — в одной руке крест, в другой

кадило. Раскрыл райские двери и произнес: «Господи, пошли нам духа святого в виде голубином!» А Ванька оттуда и говорит: «Кошки голову отъели».

А поп не слышит, поп второй раз: «Господи, пошли нам духа святого в виде голубином!» Ванька опять и говорит: «Кошки голову отъели».

Поп и третий раз: «Господи, пошли нам духа святого в виде голубином!» А Ванька оттуда как швырнет голубя. «На, говорит, распротак твою мать, говорят, что кошки голову отъели!»

Народ попа кто за голову, кто за волосы, кто за полы да в три шеи с церкви выставили. Церковь закрыли, ключи от попа отобрали, на второй день сход собрали да попа прогнали.

КАК МУЖИК В РАЙ ХОДИЛ

В некотором царстве, в некотором государстве, в Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Толвуйской волости раз случилось такое дело. Пришел весенний Микола, а травы нет, не выросла. «Как же быть? — закричали мужики-крестьяне. — Мы всегда надеялись на Миколу, он должен был с травой прийти, а тут наковось».

Вот собрались мужики на сход, судили, рядили и решили идти к богу жаловаться на Миколу. Стали заставлять попа писать к богу, а поп и говорит: «Что вы, православные? Да разве подобает нам, грешным, жаловаться на святого Миколу-чудотворца?»

Но крестьяне заставили попа написать прошение и направили церковного старосту с прошением к самому богу Саваофу. Шел, шел староста, думает: «Как подняться на небо?» Видит — журавли летят. Сел он на журавля и полетел на небо. Приходит староста к канцелярии бога, видит — апостол Петр швейцаром у ворот стоит. Расспросил апостол Петр старосту, открыл двери и пропустил в канцелярию. Зашел староста в небесную канцелярию, смотрит — сам Саваоф сидит за большим столом, такой угрюмый, вроде как сердитый или с похмелья, голову держит, задумался. Кирилл да Мефодий писарями служат, сидят неподалеку. Мария Магдалина машинисткой работает. Архангел Михаил у дверей стоит, курьером служит. Перекрестился староста, поклонился низко и не успел сказать «здравствуйте», как Мефодий к нему подбежал и спрашивает: «В чем дело, мужичок, что хорошего на земле есть?» — «Да вот, — говорит староста, — послали меня толвуйские мужики к богу с жалобой: Микола травы не дал, скота кормить нечем».

Взял Мефодий жалобу, повертел, повертел в руках да и подал богу. «Вот, — говорит Мефодий, — тут толвуйские мужики на Миколу жалуются». — «А чего мне суешь, — говорит бог, — ведь ты знаешь, что я неграмотный. Ты азбуку издал, ты и читай».

Прочитал Мефодий прошение до точки. Как стукнет бог кулаком по столу, ажно Мария Магдалина привскочила. Архангел Ми-

хаил с испугу к столу подбежал, апостол Петр ворота открыл, ста- роста на пол сел. «Позвать,— кричит бог,— Миколу-чудотворца!»

Архангел Михаил побежал искать. Вот приходит Никола-чу- дотворец и спрашивает: «В чем дело?» — «Как в чем дело! — горя- чится бог.— Вот толвуйские мужики жалуются, что ты травы не дал, скота кормить нечем. Ведь ты должен с травой быть, право- славные христиане на тебя надеются, а ты их подвел, а этим веру в себя, в нас обостряешь. Мужики и совсем нам верить не будут» и так попы жалуются: доходу мало». — «А мне что,— говорит Ми- кола,— разве я виноват? Почему Георгий-победоносец ручейков не пропустил? Откуда я траву возьму, когда ручьев не было?»

Повернулся и пошел к Варваре-великомученице пивко допи- вать. «Позвать мне Георгия-победоносца!» — снова закричал бог. Вот прискакал Георгий-победоносец на белом коне да прямо в канцелярию и захал. «Что случилось, святой боже?» — спраши- вает Георгий. А бог ему и говорит: «Как же это случилось? Поче- му ты ручьев не пропустил в свое время? Из-за тебя Микола не мог травы дать». — «А мне что,— говорит Георгий,— разве я вино- ват? Ведь ключами-то заведует Алексей, человек божий. Он не отомкнул их, воды не дал, откуда же я ручейки возьму?»

Еще пуще вскипел бог. Обеими кулаками по столу стучит, аж- но другие столы затряслись. Мария Магдалина взамен «Приказ по раю» напечатала «Проказ по раю». «Где Алексей, человек божий? Сейчас подать его сюда!»

Архангел Михаил чуть с крыльца не упал, побежал за Алексе- ем, да еле его нашел: Алексей вечером пьян был и ключи поте- рял, ходит ищет. «Ступай скорее к богу!» — кричит ему архангел Михаил.

Вот приходит Алексей, человек божий, к богу да взамен «В чем дело?» говорит: «Есть ли пивко?» Так все и рассмеялись, даже бог улыбнулся, но своему человеку строго не сказал, а про- сто спросил: «Почему это ты воды не отомкнул?» — «Я,— отвечает Алексей,— открывал воду, да неоткуда ей течь было. Василий-ка-пельник ни одной капли не капнул. А вода-то от капельника дол- жна начинаться».

Опять разгневался бог и потребовал Василия-капельника, да- же ногой топнул. Приходит Василий-капельник, «мамы» выгово- рить не может: всю ночь пьянствовал с Миколой-чудотворцем, с Алексеем, человеком божиим, у Варвары-великомученицы. За- метил бог, что пьян он, да и говорит: «Так ты что же это? Сам нализался, а людям даже воды не капнул?» — «А мне-то что? — от- вечает Василий-капельник.— Разве я виноват? Ты сам оплошал: к самому главному делу бабу допустил. Авдотья-плющица всему виновата, надо было ей плющить гораже (сильней), а она и сов- сем не плющила. Откуда же я капать стал бы? Только зря каните- лите».

Тут еще пуще бог рассердился и потребовал Авдотью-плющи- ху. Является Авдотья-плющица. Бог обеими ногами на нее зато- пал, кулаками застучал: «Это что же ты, такая-сякая, делаешь?»

А-а-а? Вам только компанию устраивать с Варварой-великомученицей. Все апостолы и пророки дело забыли, к вам похаживают да пивко пьют. Это ты все дело испортила!» А Авдотья баба бойкая: «Да ты что, — говорит, — на меня окрысился? Разве я виновата! — Да как пошла «писать» — богу жарко стало. — Сам, — говорит она, — порядков не знаешь, хоть и устанавливал их. Дождем да снегом заведует Илья-пророк. Его и спрашивай. И нечего упрекать нас с Варварой апостолами. Нередко и сам заходишь. А у девицы Марии и сплошь ночуешь, так что все одинаковы. А без дела никогда меня не тревожь: у меня дети маленькие дома».

Посидел бог, подумал и послал за Ильей-пророком. Слышит староста — гром загремел. Вот приходит Илья-пророк в канцелярию. «Сами вы виноваты, отче наш, — сказал Илья-пророк. — Ведь лето по вашему распоряжению дождливое было, где же мне на осеннего Егорья снегу взять?» — «А почему ты в сенокос дождь лил?» — спросил бог. «Да как же, ведь ты сам сказал мне, что дождь лить надо, когда косят». — «Дурак! — сказал бог. — Ведь я тебе говорил, «когда просят», а ты льешь, когда косят». — «Э-э-э, брат! — отвечает Илья. — А это и может быть. Я, видишь ли, стар и глуховат стал, вот и перепутал».

Видит бог, что больше винить некого, а с Ильи что возьмешь? Взял прошение в руки, повертел, повертел да и говорит Мефодию: «Напиши резолюцию от моего имени: «Аставить без последствий».

Написал Мефодий резолюцию, бог взамен расписки крест поставил и подал обратно старосте.

Пошел староста обратно в Толвую. Приходит к толвуйским мужикам и подает прошение обратно с резолюцией. Прочитали мужики, покачали головами да с тех пор и не стали на Миколу надеяться больше.

Ирина Андреевна Федосова

1831-1899

Судьба этой женщины, неграмотной крестьянки из Олонецкой губернии, удивительна и необычна. История тесно связала ее скромное имя с именами выдающихся деятелей русской культуры — Н. А. Некрасова и А. М. Горького, Н. А. Римского-Корсакова и Ф. И. Шаляпина, Т. И. Филиппова и В. Ф. Миллера.

Со школьных лет мы проникаемся драматической судьбой русской крестьянки Матрены Тимофеевны, героини некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо». После первого же знакомства с этим произведением в память врезаются гневные слова матери, проклинающей уездных чиновников, которые надругались над телом ее погибшего сына Демущки:

Злодеи! палачи!
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!

А ведь эти строки являются переложением стихов из «Плача о старосте» олонецкой стиховодницы Ирины Федосовой. Почти вся глава «Крестьянка» из «Кому на Руси жить хорошо» — пожа-

луй, самая драматическая часть поэмы — построена на мотивах, почерпнутых Н. А. Некрасовым из причитаний И. А. Федосовой.

Встречается современный читатель с образом вопленицы Ирины Федосовой и обращаясь к книгам М. Горького. Писатель посвятил ей два очерка («С всероссийской выставки» и «На выставке»). Поместил М. Горький «кривобокую старушку» и на страницах своего романа-хроники «Жизнь Клим Самгина». Самгин, с его опустошенной холодной душой, слушает выступление Федосовой в Нижнем Новгороде в концертном зале Художественно-промышленной выставки. Его впечатление от пения олонечкой сказительницы оказалось столь велико, что он «почувствовал, что никогда еще не был таким хорошим, умным и почти до слез несчастным, как в этот странный час, в рядах людей, до немоты очарованных старой милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и напоказ». Встреча с И. Федосовой хоть на миг, но очищает себялюбивую душу Самгина. Такова сила ее искусства.

Творчество И. А. Федосовой сыграло определенную роль не только в судьбе литературных героев, но и в жизни реальных людей, причем людей, ставших гордостью нашей культуры. В 1895 году молодой певец императорской оперы Федор Иванович Шаляпин слушает сказительницу в доме важного государственного чиновника, страстного любителя народного пения, организатора собиранья фольклора Тертия Ивановича Филиппова. «Она вызвала у меня незабываемое впечатление,— вспоминал Ф. И. Шаляпин позднее.— Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно «сказывала» эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о его «поездочках молодецких», о матери его, о любви. Передо мной воочью совершалось воскресение сказки, и сама Федосова была чудесна как сказка». 1895—1896 годы были для Ф. И. Шаляпина временем мучительных поисков своего неповторимого пути в искусстве. Именно тогда он отказывается от изящного бельканто и все более начинает ощущать ценность естественной народной манеры пения. Встреча с И. А. Федосовой, без сомнения, помогла ему осознать всю эстетическую значимость фольклорного исполнительства.

Ирина Андреевна Федосова родилась в 1831 году в Толвуйской волости Олонечкой губернии. Большая крестьянская семья, работа с детских лет, ранняя известность в своей местности как «правительницы свадеб», замужество (девятнадцатилетней девушкой вышла замуж за шестидесятилетнего вдовца), тринадцать лет если не счастливой, то спокойной жизни с уважающим ее мужем, вдовство, второе замужество и унижительное положение младшей невестки в семье нового мужа — таков жизненный путь И. А. Фе-

Федосовой до 1865 года. Обычная, ничем не примечательная судьба русской женщины.

В 1865 году Ирина Андреевна уговаривает своего мужа Якова Ивановича Федосова переехать из деревни Кузаранда в Петрозаводск. Здесь они живут самостоятельно, вдали от сварливого деверя и его жены. И здесь-то происходит счастливая не только для Федосовой, но и для всей русской культуры встреча сказительницы с фольклористами. В 1865—1866 годах с Федосовой познакомился П. Н. Рыбников, а с февраля 1867 года с ней стал работать преподаватель Олонецкой духовной семинарии Е. В. Барсов. За несколько месяцев он записал от нее былины, духовные стихи, похоронные и рекрутские причитания, свадебный обряд, песни, пословицы — всего около 30 000 стихов (объем больше «Илиады»). В 1872 году имя И. А. Федосовой становится известным всей культурной России: Е. В. Барсов публикует первый том «Причитаний северного края», включающий в себя похоронную причеть И. А. Федосовой. В 1882 году выходит в свет второй том (рекрутские причитания), а в 1885 году — свадебные вопли. Эти книги открыли интеллигентной России не только великую народную поэтессу И. А. Федосову, но целый жанр — причитания. До публикаций Е. В. Барсова «вои», «плачи», «голошения» практически не были известны науке.

Неграмотная олонецкая крестьянка становится знаменитостью. О ее плачах-поэмах с восхищением говорят в научных кругах. «Причитания северного края» рецензируют академики Л. Н. Майков и А. Н. Веселовский, известный журналист Н. К. Михайловский, английский популяризатор русской литературы В. Рольстон. А сама «знаменитость» в это время нищенствует у себя на родине. В 1884 году умер муж Ирины Андреевны, и ей пришлось вернуться в Кузаранду в дом деверя. «Не сладка была жизнь у деверя,— писал в 1896 году с ее слов Е. В. Барсов,— хлеб добывала она корзиной (то есть собирала милостыню.— Т. И.) и обедала и ужинала за своим столом. Большуха (жена деверя.— Т. И.) не давала ей даже воды: «Принеси-де на своих плечах, а мы тебе не кормильцы и не поильцы».

В 1886 году происходит «чудо»: Ольга Христофоровна Агренева-Славянская, жена известного певца и руководителя этнографического хора Д. А. Агренева-Славянского, наслышавшись о И. А. Федосовой, вызывает ее в свое тверское имение Кольцово. Больше года прожила здесь сказительница. И в результате в свет вышло трехтомное «Описание русской крестьянской свадьбы» — свадебный обряд, записанный О. Х. Агреновой-Славянской от И. А. Федосовой.

Затем опять несколько лет нищенской жизни в Кузаранде. 1894 год вновь воскресил для образованной России имя И. А. Федосовой. Учитель Петрозаводской гимназии П. Т. Виноградов разыскал сказительницу и по приглашению Русского географического общества в январе 1895 года привез ее в Петербург. Нача-

лась серия блистательных публичных выступлений вопленицы в различных аудиториях столицы. Она поет свои былины и плачи перед публикой Соляного городка (среди ее слушателей был Н. А. Римский-Корсаков, сделавший несколько нотных записей ее произведений), выступает на заседании Академии наук (здесь ее награждают серебряной медалью). Слушают Федосову члены Русского географического общества и Археологического института. Приглашают сказительницу и в частные дома. Так, она пела у графа Шереметева и печально известного К. А. Победоносцева. Тогда же, в начале 1895 года, И. А. Федосова принимает радужное приглашение Т. И. Филиппова и поселяется на несколько лет в его доме в Петербурге.

В декабре 1895 года вместе с П. Т. Виноградовым И. А. Федосова выезжает в Москву. Здесь ее искусством восхищается известный фольклорист академик В. Ф. Миллер. Ю. И. Блок записывает фрагменты произведений сказительницы на восковые валики фонографа. Время сохранило для нас голос вопленицы. Сегодня мы можем услышать его в Фонограмархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Летом 1896 года в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская художественно-промышленная выставка. И. А. Федосова была приглашена сюда для выступлений в концертном зале. Здесь-то и услышал сказительницу и восхитился ее пением молодой М. Горький. Затем были выступления в Казани, потом опять Нижний Новгород, возвращение в Петербург.

Еще три года прожила сказительница в доме Т. И. Филиппова. Весной 1899 года она почувствовала себя плохо и настояла, чтобы ее отправили на родину. Как ни покойно было ей в богатом доме Т. И. Филиппова, она знала твердо: умирать надо на родине, родная земля должна была принять ее прах. Скончалась И. А. Федосова 10 июля 1899 года в Кузаранде. Похоронена на кладбище при кузарандской приходской церкви.

Литература: Ч и с т о в К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. — Петрозаводск, 1955.

РАССКАЗ ФЕДОСОВОЙ О СЕБЕ

Родители мои — Андрей Ефимович да Елена Петровна — были прожиточные и степенные; мать — бойкая, на 22 души пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула; отец рьяной — буде прокричал, а сердцов не было; был еще брат да две сестры, а в них толку мало; я ж была сурова, по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла и убирала; севца не наймут, а класца наймут; 8-ми год знала, на каку полосу сколько сеять; 6-ти год на ухож лошадь гоняла и с ухोजа домой пригоняла; раз лошадь сплеснулась — я пала; с тех пор до теперь хрома. Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна, где что слышала, пришла домой, все рассказала, будто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила, на прядиму беседу отец не спущал, а раз в неделю молча уходила; приду — место сделают у свитца, шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчиной, грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди знать и к себе приглашать — свадьбы играть и мертвым честь отдавать.

С малолетства любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж, а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: «Кроме Иришки некому».

На беседах дала себя знать, бывало, там свадьбой играли, и я занарок причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смеет. Писарь волостной был сродник невесте, пристал ко мне и говорит: «Согласись, мы уговорим отца, не выдаем тебя в брань да в ругательство».

Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло, стали звать на другую свадьбу, отец и говорит: «Не для чего ее приглашать: ведь не знает она ничего». — «Как не знает? По зиме у суседки причитала». Отец возгорчился: «Кто, скаже, позволил?» — «Писарь Петр Кондратьевич, — отвечала мать, — да голова Алексей Андреевич». — «Ну, когда эдакие лица просят, так пусть, для меня как хочет, дело ейное».

Замуж вышла 19-ти лет; женихи все боялись, что не пойду, да и я того не думала и в уме не держала, чтобы замуж идти: сама казну наживу да голову свою кормлю. Перво — сватали за холостого, парня молодого, — родители не отдали. После многие позывали, да сама не хотела — будь хоть позолоченный — не пойду.

Тут люди стали дивоваться, а я замуж собираться, пал на сердце немолодой вдовец — знать, судьбина пришла. Дело было так: приехал сосед с дочерью в гости, у нас в деревне была «беседа игри-мая». Старик-гость сидит да толкует с отцом, а я говорю отцу: «Спусти на беседу». — «Куды? — говорит. — Можно и дома, греха-то тут на душу». Гость спрашивает, чтобы отпустил: «Она, скаже, такая разумная да к людям подходитьная — отпустить можно». — «Не спущу, — отвечал отец, — лучше не говорите».

Замолчала я, села прясль и в ум взяла: «Не поеду за сеном, не пошлешь ни за что».

Смотрел, смотрел отец: «Что, скаже, груба сидишь? Ступай на беседу, коли охота такая привязалась!»

Я просто-запросто, в сарафане-костычь, в фартучке, прялицу в руки — и на беседу: Место сделали, приехавшая гостья и подзывает: «Сядь-ко ты подле меня, есть поговорить. Девко! Думаешь ли замуж?» — «Нет жениха», — говорю я. «Жених есть, да не смеет звать — не пойдешь». — «Для чего, — отвечаю, — завету нету, прилюбится, и ум отступится; судьба есть, так пойду. Какой такой?» — «Удoveц — ужели не запомнишь? Петр Трифонович». — «Какой такой «пестрый воскрес», какое у его семейство?» — «Сын да дочка, сын женатой, да у сына двое детей». — «Фатеру знаю, а жениха не знаю». — «Девко, можно идти, участочек хороший, а ты бойкая, сам он год шестидесяти». — «Ну, это дело терпящее, ночью с ангелом подумаю, а утром скажу; отцу не докладайте».

С беседы пришла до первых петухов, не ем, не пью, мать заметила: «Что ты, скаже, сдеяла? Сурова ты. Что ты, голубонько, кручинишься?» Легла спать — не спится, а думается: в девушках сидеть али замуж идти?

«Ну-ко, беседница, — утром рано подымал отец, — на ригач вставай — молотить». Встала, дело делаю, а сама не своя. Повела думу невестке, хозяйке братовой: «Баба, скажу, замуж зовут». — «Ну что, говорит, ведь ты не пойдешь». — «Нет, — отвечаю, — можно. Как сваты приедут, Ермиловна, ты скажи им, где я, там я посмотрю жениха».

С овина отпорядничалась, случились повозники в Толвую — на Горки. Я подавалась родителям, спустили, и я в гости съехала; отсюда на свадьбу позвали в Заозеро к Мустовом. Женихи приехали к отцу, их повестили, куды я отправилась; приехали они на Горки, где я в гостях, и здесь не застали, вслед за мной — в Заозеро. Сижу я там и пою со слезами, обидуюсь, как слышу вдруг в горнице самовары готовят, большухи уху варят. К крыльцу три мужика на двух лошадях подъехали; гляжу — один знакомый, другого не узнала даже; в умах нету, что женихи наехали. Богу помолились, по фатеры похаживают. Один из них, Петр Андреевич, и говорит: «В тебе нуждаются, ты далеко заехала, мы за делом были у вас — сватать. Ну, как слышно, есть в Кузаранде свадебка? Ведь дело заговельное». — «Бог ли понесет, с воли да в под-

неволье», — ответила я. «Нет уж, как хошь, надо идти; мы такую даль ехали». — «А где же жених?» — спросила я. «А вот он по фатеры похаживает», — сказал Петр Андреевич. «Я неволи не лисица: не объемом, не обцарапаю; пусть сам заговорит, не 17 лет».

Жених сел подле меня и говорит: «Идешь ли замуж?» — «Не знаю, идтить ли». — «Иди, — говорит, — не обижу», — стал подбивать и подговаривать. «Век так ласкает ваш брат».

Со свадьбы отправилась я в Толвую, где в гостях, скоренько разделась, поужинала, приехал и жених; сижу я за прялкой; он подсел и говорит: «Умеешь бойко прясть». — «Еще бы, — говорю, — не в лесах родилась, не пням богу молилась. Ну, что ты, — говорю, — берешь меня, я человек молодой, ты матёрой; мне поважено по свадьбам ходить да игры водить; вы люди — матёры, варить не будете: какое будет житье — бесы в лесе насмеются. Да и мне неохота выходить. Выйдешь, замужье — не хомут, не спихнешь: не мило, да взглядывай; не любя свекровка, — звать ее матушкой; худо мое мужишко — веди его чином». Жених на это заметил: «Не крепка жена умом, не закрепишь тыном». — «Ну, когда так, — порешила я, — пойду. Что будет хоть худо, хоть хорошо, а ты помни: дом вести — не бородой трясти; жену, детей кормить — не разиней ходить. Теперь поезжайте на родину скорее, а то смотрите — мужики за бревнами уедут; дело затянется — долго ждатель».

Они отправились, а мы легли спать; не спится мне: к худу ли али к добру тянет; сон на глаза нейдет. На улице стало на свет похоже, сестра печку затопила; гляжу — брат приехал за мной, я сплю — не сплю, сестрия будит: вставай, брат приехал. Встала, поздоровалась. «Тебя, — говорит, — сватают». — «За кого?» — спрашиваю, будто сейчас и слышу, не знаю жениха. «Не пойду, — говорю, — здесь останусь; бог с ним, кто такой там приехал». — «Поедем, — говорит, — не велено оставить».

Оделась, поехала. Дома народу много, женихи в большом углу; я глаза перекрестила, поклонилась — была ветряная мельница; там отец с има займется, а я и не гляжу на женихов. В печке все стопилось, я колыбы расклепала. Гляди, жених, — я знаю шить и кроить, и коровушек доить, и порядню водить. Тут наладила пойво — и в умах нету, что в избе женихи, порядничаю. Они позвали родителя в сени: пойдём, дескать, есть поговорить. Сошли — поговорили. Отец с матушкой меня — в особый покой.

«Что, дочь, — говорят, — женихов приказала? Идешь ли замуж?» — «Как хотите, — отвечала я, — на воле вашей, вы кормили-поили, дочь я ваша и воля ваша».

Отец поразмыслил и объявил женихам: «На хлеб на соль милости просим, а по это дело не по что».

Народу в избе множество — деревнище большое; сродники стали подговаривать, тут и я говорю: «Что ж, родители, куда вода полилась, туда и лейся; пойду, что господь даст; худо ли, хорошо ли будет, ни на кого не посудьячу».

Мать завывала и говорит: «Что ты, дитятко, что ты оставляешь, покидаешь нас, на тебя вся надежда». — «На меня, — отвечаю, — надежда какая? От девок невелики города стоят; остается у вас сын, еще дочь, невестка; мы, девушки, — зяблые семена, ненадежные детушки».

Родитель-отец взял свечу затопил, по рукам ударили, я заплакала, пошло угощение; зазвала я девушек, в гости поехали, — со звоном, с колокольчиками, а там — песни, игры, танцы. Матушка ужасно жалела, соседи сракались: «Что ходила по свадьбам да находила, двадцатилетняя девушка да идет за шестидесятилетнего старика; не станет жить-любить старичонка, удовщице ведь он да посиделище».

13 лет жила я за ним, и хорошо было жить; он меня любил, да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля идти, куда хочешь. Помер он в самое рождество. Все жалел меня, покойная головушка. «Не пожить тебе так, выйдешь замуж, — говорил он, — набьешься ты, напатаешься».

Вдовой жила от рождества до Филиппова заговенья. Была копейченка моя и его — в одно место клали... Сначала жила и в умах не было закон переступить. Тут стали звать за Якова Ивановича с Кузаранды. «Пойду ли, — говорила, — что вы? Жених ли Федосов?»

Пришел его брат сватать — отперлась. Затем старушка дядина ко мне-кова по вечеру, стали беседовать. «Поди, — говорит, — за Якова».

Подумала-подумала и согласилась. В тот же вечер жених с братом ко мне: кофеем напоила, посоветовала, слово дала. На другой день я состою с постели — а он с зятем уж тут; на стол закуску, водку, самовар поставила, по рукам ударила, жениху подарила рубашку, зятю полотенце. Животы прибрала, а потом и к венцу. Немного причитала; от венца встретили родные, провели в горницу, отстоловали порядком. Дядина да деверь бранить стали, всю зиму бранили, повидала всего; Яков мой такой нехлопотной, а они базыковаты, обижали меня всячески. По весны Яков отправился к Соловкам, а я все плакала да тосковала. Все крестьянство у их вела; весной скотину пасти отпускали, и я сойду, бывало, сяду в лесе на деревинку или на камышок и начну плакать:

Не кокошица в сыром бору кокует,
Это я, бедна кручинная, тоскую:
На катушем да сижу я синем камышке,
Проливаю горьки слезы во быстру реку...

Плачу, плачу, затем и песню спою с горя:

Во тумане красно солнышко,
Оно во тумане:
Во печали красна девушка,
Во большой заботе.

Взвещевало мое сердце,
Взвещевало зло-ретиво,
Мне-ка не сказало:
Сердце слышало велику над собой невзгоду,
Что вконец моя головушка,
Верно, погибает...

ПЛАЧ О СТАРОСТЕ

ВОПИТ СТАРОСТИХА

Спаси, господи, спорядных суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленную!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городской
От этих мировых да злых посредников.
Теперь все прошло у вас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую, —
Не творит да тут Иисусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;
Вопотай у недоростков он выведывает,
Уже нет ли где корыстного делишечка.
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной.
Он затопает ногами во дубовой пол,
Он захлопает руками о кленовой стул,
Он в походню по покоям запохаживает,
Точно вехорь во чистом поле полётывает,
Быдто зверь да во темном лесу покрикивает;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживает,
Сговорит ему посредник таково слово:
«Что на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!

Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Всё для этих властей да страховитых,
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скорёнько постучается
Он у этих суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровешенько:
«Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму́ стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду!
Сами сходите, крестьяна, признаете,
Со каким да он приехал со известием,
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?»
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинаят.
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он зглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете всё повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
Мужичоночки дробят да все поглядывают —
Ужель морюшко синё да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да всё о праведных,
Уже так на мужика станет срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыми ногами призатопает,
Как на стойлы конь копытом призастукает,
Станет староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во младую головушку,
Суровства ты во ретивое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко:
Едины да все у бога люди созданы;

На крестьян ты с кулаками не насакаивай,
 Знай сиди да ты за столиком дубовым,
 Удержи да свои белы эти рученьки,
 Не ломай-ко ты перстни свои злаченные;
 Не честь-хвала тебе да молодецкая
 Наступать да на крестьян ведь православных!
 Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
 Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
 Хоть спесив да ты, начальник, — приусядешься!
 Окол ночи мужики да поисправятся,
 Наживут да золоту казну бессчетную!»
 Сговорит да тут посредник таково слово:
 «Да вы счастливы, крестьяна деревенские,
 Что ведь староста у вас да преразумной!»
 Как уедет тут судья да страховитая,
 Сговорят да тут крестьяна таково слово:
 «Мироеды мировы эти посредники,
 Разорители крестьянам православным;
 В темном лесе быдто звери-то съедучие,
 В чистом поле быдто змеи-то клеучие;
 Как наедут ведь холодные-голодные,
 Они рады мужичонка во котле варить,
 Они рады ведь живого во землю вкопать,
 Они так-то ведь нам ими изъезжаются,
 До подошвы они всех да разоряют!
 Слава богу-то теперь да слава господу!
 Буря-падара теперь да уходилася,
 Сине морюшко теперь да приутихло —
 Нонь уехала судья неправосудная,
 Укатилася съедуба мироедная!
 Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
 Ноньку с радости теперь да со весельица,
 Настоялися ведь мы да надрожалися,
 Без креста-то мы ему да всё накланялися,
 Без Исусовой молитвы намолилися!..»
 Как сберутся в божью церковь посвященную
 О владычном они да этом праздничке,
 И прослужат там обеденку воскресную,
 И как выйдут на крылечико церковное,
 И как сглянут во подлётную сторонушку,
 Тут защемит их ретливое сердечушко,
 Сговорят они ведь есть да таково слово:
 «Где ведь жалобно-то солнце пропекает,
 Там ведь прежняя родима наша сторона,
 Наша славна сторона Новгородская!
 Когда Новгород ведь был не разореной
 И ко суду были крестьяна не приведены,
 Были людюшки тогды да не штукавые,

Не штукавы они были — запростейшие;
Как судьи да в тую пору не молодые,
Пожиты да мужики были почетные,
Настойливы они да правосудливы,
Были добры у них кони иноходные,
Были славны корабли да мореходные.
Буде что да в прежни времена случалось,
Соберется три крестьянина хоть стоящих —
Промеж дү-другом они да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по-божьему,
По этим ли законам праведливым.
Тыи времечка прошли да не выдаючи,
Тыи годы скоротались не слыхаючи!
Наступили бусурманы превеликие,
Разорили они славный Новгород!
Все тут придались в подсиверну сторонушку
На званы острова да эти Кижские,
Во славное во обчество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинные,
Заприметье того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синём море волна да порасходится,
Будут земские все избы испражнятися,
Скрозекозные судьи да присылалися;
Все изменятся пустыни богомольные,
Разорятся все часовенки спасенные!»
Кругом-около ребята обстолпилися,
Как на этих стариков да оглядилися,
Ихних речей недоросточки приослухались;
Кои умны недоросточки, приметные,
Они этыи слова тут принимали
Об досюльных законах постояльных,
Об досюльном житье новгородском.
Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася!
Тут вспомнят-то ведь малы недоросточки:
«Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано!»

Тут мы думали с надежной головушкой:
«Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накопилася станичушка детиня!»
Говорила я надежной головушке:
«Да ты съезди-ко на малой этой лодочке,
Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,

Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седельшко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черный быдто ворон приналётыват,—
Мировой этот посредник так наезживал!
Деревенские ребята испугались,
По своим домам они да разбежались!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном лесу!
Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася,—
Да куда ж мою надежу одевают?
Я спросила у спорядовых суседушек.
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горюша, не спугалася.
На спокой да легли добры эти людюшки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил господних божьи денечка,
На четыре он на летних эти ноченьки,
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердечны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,
Я глядеть да на детины горючи слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Что обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собранном;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася.
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий-смеретушка стретала!

.....
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,—
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,

Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платице,
Как безумице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жену неумную
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слёзы детей малых!

.

ПЛАЧ О ПИСАРЕ

ВОПИТ КУМА

Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало нонь стены да городской,
Приукрылся писарёчек хитромудрой,
Он во матушку сыру землю!
Вкупе все да мы крестьяна сухогуем:
Буде проклято велико это горюшко,
Буде проклята злодийная незгодушка.
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свете человеку не родится;
Много страсти-то теперь да много ужастя,
Как больше того великих пригрозушек;
Наезжают-то судьи да страховитые,
Разоряют-то крестьянски они жирушки
До последней-то они да лопотиночки.
Не дай, господи, на сем да на бёлом свете
Со досадой этим горюшком возитися:
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ — люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилося.
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейные,
Они дү-друга, люди, не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося;
Но тут было горюшку не местечко:
Во осине горькой листьѣ расшумелося,
Того злое это горе устрашилося;
На высоки эти щели горе бросилося,
Но и тут было горюшку не местечко:

С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя изо гор да объявилось;
Уже тут злое горюшко кидалось,
В окиян сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалось;
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась;
Прошло времечка с того да не со много,
В окиян-море ловцы вдруг пригодились,
Пошили они маленьки кораблики,
Повязали они неводы шелковые,
Проволоки они клали-то пеньковые,
Они плутивца тут клали все дубовые.
Чего на слыхе-то век было не слыхано,
Чего на виду-то век было не видано,
Как в досюльны времена да в прежни годушки
В окиян-море ловцы да не бывали.
Изловили тут свежу они рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек:
Точно хвост да как у рыбы — лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная.
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой,
Пораздумались ловцы да добры молодцы:
По приметам эта рыба да как щучина.
Поскорешеньку ко бережку кидались,
На дубовой доске рыбу пластали.
Распололи как уловну свежу рыбоньку:
Много-множество песку у ей приглотано,
Были сглонуты ключи да золоченые.
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
Во деревенку свою да во селение,
Всем суседям рассказалися,
Показали им ключи да золоченые.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко божиим церквам,—
По церковным замкам ключи не ладятся.
По улечкам пошли они рядовым,
По купцам пошли они торговым,—
И по лавочкам ключи не пригодились.
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы,
По тюрьмам пошли заключевнымим:
В подземельные норы ключ поладился,
Где сидело это горюшко великое.
Потихошеньку замок хоть отмыкали,—
Без молитовки, знать, двери отворяли.
Не успели тут ловцы добры молодцы
Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,

Черным вороном в чисто поле слетело.
На чистом поле горюшко садилось,
И само тут злодийно восхвалялося,
Что тоска буде крестьянам неудольная:
Подъедать стало удалых добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных мужних молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек.
Уже так да это горе расплодилось,
По чисту полю горюшко катилось,
Стужей-инеем оно да там садилось,
Над зеленыим лугом становилось,
Частым дождиком оно да рассыпалось.
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эти хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людюшках.

К ПИСАРЮ:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна,
Может, станешь у престола у господнего,
Ты пороссажи владыке свету истинному,
Ты про обчество крестьян да православных.
Много-множество е в мире согрешения,
Как больше того е в мире огорченья.
Хоть повыстанем по утрышку ранешенько,—
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил господь ловцов да на киян-море,
Изловили они рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое.
Зло несносное, велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами злодийно черным вороном.
Возлетат оно злодийно, само радуется:
«На белом свете я распоселилося,
До этых крестьян я доступно,
Не начаются обиды — накачаются,
Не надияются досады — принавидятся».
Как со этого горя со великого
Бедны людюшки, как море, колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушенные.

Вся досюльщина куда да подевалася,
Вся отчевщина у их нонь придержалася,
Не стоят теперь стоги перегодные,
Не насыпаны анбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимних у их санок самокатных,
Нет довольных, беззаботных у их хлебушков.
Ты порóсскажи, крестовой милой кумушко,
Ты порóсскажи владыке многомилостивому,
Что неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят они да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
Точно лед как во синем море.
Никуды от их, злодиев, не укроешься,
Во темных лесах найдут они дремучих,
Все доищутся в горах они высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле,
Во конец они крестьян всех разоряют.
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все купцы да ведь московские
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

ПЛАЧ О РЕКРУТЕ ЖЕНАТОМ

ЖЕНА ДЕРЖИТ МЛАДЕНЦА ТРЕХНЕДЕЛЬНОГО,
А В РУКАХ ВЕДЕТ ДВУХГОДОВОГО И ВОПИТ:

Мне пойти было, кручинной головушке,
Мне по сѹхому, горющице, по дѣревцу,
По высокому, победной, мне по терему,
Мне ко милой надежной сдержавушке.
Ведь дивуют мне-ка добры столько людюшки
И вси приближни спорядовые суседушки:
И что я óтдали стою, бедна, чужаюся,
И все своей да я надежной головушки,
И я со малыми детьми да забавляюся,
И видно, в божией-то я церкви не стояла,
И на главѣ златых венцов я не держала,
И, знать, господнего креста не целовала;
И, знать, головушка моя да бескручинная,
И утробушка моя да беспечальная.
И кабы знали многи добрые людюшки,
Как что диется в моем да ретливом сердцѣ.
И я не люлечку, горющица, качаю,—
Я горючими слезами обливаюся;
И я не с малым младенцем утешаюся,
И я великой кручиной убиваюся.

Как сегодняшним господним Божиим денечком,
И у меня, да победной у головушки,
Потерялся белой свет да со ясных очей,
Ум тот, разум во головушке мешается.
И порастроньтесь-ко, народ да люди добрые,
И вы приближны спорядовые суседушки!
И мне пройти, бедной, кручинной головушке,
И мне ко милой надежной сдержавушке
И не со златом ведь иду да я не с серебром,
И не со скатным перебранным иду жемчугом;
Я иду, бедна, с злодийной обидушкой,
И я с несносной злодийной тоскичушкой.
Я несую-веду сердечных малых детушек,
Я к своей милой надежной сдержавушке:
«И ты возьми, бедной, на белые на рученьки,
И ты сердечных рожонных малых детушек,
И приложи да ко ретливому сердечушку,
И ты к печальному ко блёклому ко личушку,
И припоследи ноньку ты до поры-времени».
И как что сдидется, надежная головушка,
И на кого, сирот несчастных, пооставишь нас?
И кто возростит-то несчастных наших детушек?
И кто ведь призрит-то сирот да бесприютных?
И горевать будет победной мне головушке,
И сиротать будет несчастным нашим детушкам,
И коковать будет победной мне кокошице,
И во обиде жить несчастным дитям малым.
И без тебя, да без надежной головушки,
И без великого родительска желаньяца,
Хоть повозрастут сердечны мои детушки,
И по фатерушке бедны станут похаживать,
И на меня, бедну горюшицу, поглядывать.
И ты послушай, свет надежная головушка!
Хоть останутся там братьяца родимые,
И не надия мне, победной головушке,
И не приберёгушка сердечным нашим детушкам.
И хоть желанны живут дядюшки — не батюшки,
И хоть спащливые ведь дяденьки — не матушки.
И будут детушки сиротны — самовольные,
И все солдатские они да безунёмные.
И все я думала, печальная головушка:
И как до этого учётна долга годышка,
И я жила, бедна горюша, радовалася,
И что во доброй во крестьянской живу жирушке
И за разумной надежной головушкой.
И не начаялась я, горюша, не надиялась,
И над собой да я великой незгодушки,
И я разлукушки с надежной сдержавушкой

И расставаньица со малыми сердечными со детушкам.
И мои думушки теперечко несчастные,
И горьки мысли столько женски неталанные.
Не по думушкам моим да дело ставится,
И не по розмыслам моим да все сбывается.
И пошли годышки теперь да все бедовые,
И времена пошли теперь да потрусливые,
И как часты пошли наборы государевы,
И запасной да этой силой забирают,
И все по выбору бурлаков выбирают
И во злодийну эту службу государеву.
И матерей да с сыновьями разлучают,
И молодым женам с мужьями расставатися.
И как что диется над милой, надежной

сдержавушкой,

И у меня, да у печальной у головушки,
И не порой да моя молодость прокатится,
И во горях скоро головушка состарится —
Да как рöstячи сиротных малых детушек,
Во сиротской несчастной во жирушке,
И во великой во злодийной во обидушке.
И вы послушайте, суседи спорядовые,
И не дивуйте мне, печальной головушке,
И что частешенько к надёже не подхаживаю,
И я у правого плеча да не усиживаю.
И говорит да мне надёжная головушка,
И без народу говорит да людей добрых,
И уговариват победну потихошеньку,
И уласкат меня, горюшу, полегошеньку:
«И не тоскуй, бедна жена, семья любимая,
И не пролей, бедна горюша, горючий слезы;
И как расплачешься, победна, разгорюешься,
И как бедно мое сердечко растоскуется.
И не придай же ты назолушки к молодецкому

сердечушку,

И к моей зяблоей несчастной утробушке.
И кабы знала ты, несчастна молодá жена,
И как долит да все несносная обидушка
И как меня да ведь несчастна добра молодца;
И столько глядячи на несчастных моих детушек,
И смотрячи да на несчастны твои слезушки,
И у меня, да у несчастна добра молодца,
И уныват да все ретливое сердечушко,
И перетрескала победная утробушка;
И тебя жаль бедной, несчастной молодой жены,
И мне сиротных несчастных своих детушек».
И говорит еще надежна мне головушка,
И ублаждат меня, любимую семейшку:

«И буде господи владыко не помилует
И от злодийной да от службы государевой,
И, может, даст господь талану да мне участи,
И мне-ка жить-служить во службе государевой,
И я возьму тебя, жену, семью любимую,
И со сердечными возьму да я со детушкам,
И век мы пойдем-то, горюша, коротать с тобой;
И будем вмiстях мы, победные, таскаться,
И воспитать да мы сердечных станем детушек».
И еще слушайте, народ да люди добрые!
И как со милой со надежной со головушкой
И мы не сном да темну ночку коротаемся,
И мы горючими слезами обливаемся
И столько думаем, победы, думу крепкую:
И тут он возьмет-то сердечных своих детушек,
И с горя на свои несчастны белы рученьки,
И прилагает он ко блекому ко личушку,
И прижимает ко ретливому сердечушку.
И малы детушки всю ночь не успокоятся,
И на белых руках они не спотешаются,
И у младенчиков утроба разжигается,
И ретливó сердце ведь кровью обливается,
Что родитель в путь-дорожку отправляется,
И во злодийну эту службу снаряжается.

К МУЖУ-РЕКРУТУ:

И ты послушай, свет надежная головушка,
И мы повыщем свет желанных родителей,
И мы корить будем сердечушко покорное,
И мы головушку клонить будем поклонную,
И мы приклоним-то младенца тринедельного,
И мы во резвые родителям во ноженьки:
И не спашнутся ль они да не сжалуются ли,
И по тебя, да тепло-красно мое солнышко,
И по обидных сиротных своих внучаток.
И, может, взыщут-то названо себе дитятко,
И они наймут-то бурлакушка все вольна-то,
И слободят тебя, бурлацкую головушку,
И от злодийной от службы государевой.
И буде, нет вкруте его да не находится,
И так бы съехали ко городу Петровскому,
И там нашли бы-то судей неправосудных,
И задарили б золотой казной бессчетной,
И чтоб тебя, мою надежную головушку,
И все не приняли б во службу государеву.

ПАДАЕТ РОДИТЕЛЯМ В НОГИ И ПРОДОЛЖАЕТ:

И уж вы слушайте, желанны свет-родители!
И вы не спомните-тко зла да нашей лихости!
И пожалийте сирот малых наших детушек
И мою милую надежную сдержавушку.
И почитать буду я вас, да богоданных родителей,
И устилать буду пухову вам перинушку,
И утоплю да теплы парны про вас баенки.
И столько вы, да свет желанные родители,
И сберегите-тко вы красное мое солнышко
И мою милую надежную сдержавушку
И от злодийной этой службы государевой.
И знаю и ведаю, кокоша горегорькая,
И у вас добрая крестьянская ведь жирушка,
И все довольны беззаботны е ведь хлебушки,
И у вас есть да золота казна бессчетная.
И вы отпúстите победну как головушку
И во злодийну эту службу государеву.
И дивовать да будут добры столько людюшки,
И попрекать да вас спорядные суседушки,
И что спустили вы во службу государеву
И сердечное рожоно свое дитятко,
И обсиротили ветляну вы нештушку,
И со стадушком ведь вы да со детиным,
И поразгневали рожоно ваше дитятко,
И вы на веки-то его да нерушимые.
И вы глядите-тко, желанны свет-родители,
И на свое да вы рожоно мило дитятко,
И на мою да вы надежную головушку!
Уж он держит-то бессчастных своих детушек,
И на своих носит бессчастных белых рученьках,
И по фатерушке надёженька похаживат,
И малым детушкам в горях да выговариват:
«Ой, бессчастные вы дети, неталанные!
Уже в ком искать велико вам желаньице?
От кого да ждть прелестных словечушек?
И от дедушки, знать, вам да не желаньице,
И от бабушки ведь вам да нераденьице.

К БРАТЬЯМ МУЖА:

И покорю, бедна́, сердечушко покорное,
И я победную головушку поклонную,
Я ко милым светам-братцам богоданным,
И при тебе корюсь, надежная головушка,
И при собранных корюсь да сродичах-сродничках,
И при всих да при спорядных суседушках:

И не спокиньте-тко победную головушку,
И не обидьте-тко сердечных малых детушек.
И хоть я съеду, бедна, к городу Петровскому
И со своей милой надежной сдержавушкой,
И поостанутся сиротны наши детушки,
И во своем да тепловитом они гнездышке,
И малёшеньки ведь детушки, глупешеньки.
И как не ведают несчастны сиротиночки,
Как про эту про великую незгодушку,
Что разлукушка с родителем со батюшкой
И расставањице с великим желаньицем.
И не спокиньте-тко сирот вы бесприютных,
И да вы грубым словечком не грубите-тко,
И от дубова вы стола не откажите-тко.

МУЖ-РЕКРУТ К БРАТЬЯМ:

Уж вы слушайте-тко, братьица родимые,
И хоть я сойду-то во службу государеву,
Не нанемщицек иду да не охотничек,
И не забравши золотой казны бессчетной,
И не запрóдавши бурлацкую головушку.
Я за вас иду ведь, братьицев родимых,
И так вспомните-тко, братьица родимые,
И не обидьте сироту да молодú жену
И все послí меня, несчастна дóбра мóлодца.
И приголубьте-тко сердечных моих детушек,
И воспитайте их до полного до возрасту,
И не спустите-тко по миру их крещеному.

ОН ЖЕ К ЖЕНЕ:

И ты послушай же, несчастна молода жена!
Уж как ростячи сердечных малых детушек
И без своей да без надежной сдержавушки,
И много-множество кручинушки наскопится,
И во твою да во победную головушку.
И как живучи без надежной сдержавушки,
И не по силушке крестьянская работушка,
И не по розмыслу великая заботушка,
И приходит буде разлívня красна вёснушка,
Как повытают снежечки со чистá поля,
И повынесет ледочки из синя моря,
И распечет да тепло-красно когда солнышко,
И ты возьми да сирот малых своих детушек,
И ты ко славному ко кру́тому ко бережку,
Да ты сядешь на катучей белой камешек,
И будешь горьки, бедна, слёзы проливать,

И малых детушек к сердечку прижимать.
И тут повыскажешь великую кручинушку
Уж ты этому катучу белу камешку,
И руті слезушки, горюша, во синё море,
Что не знали бы ведь добры эти людюшки,
Где была бедна горюша, с детьми плакала
И рассказала ж где великую кручинушку —
И не прознали б светы-братцы богоданные.
И до своей любі, горющица, наплачешься,
И ты печальным сердечком принатенишься.
И ты глядять будешь, горюша, на синё море,
И ты наглядывать, горюша, черных кáраблей,
И ты спроведывать, горюша, у матросушков,
И про свою да про надежную сдержавушку,
И про несчастного солдатушка походного.
И ты послушай-ко, любимая семеюшка!
И оставляю я сиротным малым детушкам,
Я родительско свое да все желаньице,
И со правóй руки оставляю я злачён перстень,
И от сердечка опояску новгородскую,
Им на память свое цветно это платьице.
И как тебе, бедной несчастной молодой жене,
И с ног сапоженьки свои да я козловые.
И ты держи, бедна горюша, с осторожностью,
И ты гляди, бедна горюша, точно нá мужа,
И тебе навеки останется обуточка
И на великое тебе да погляженьице.
И как придет да ведь владычный божий праздничек,
И ты возьмешь, бедна несчастна, мое платьице
И молодецкую спорядную покрутушку,
Ты со стопочки сапоженьки козловые.
И как светы брáтьица по праздничкам разóйдутся,
И как сестрицы по гульбищечкам разъедутся,
И единá да ты с дитями поостанешься,
И кладешь платьице на стол да на дубовой,
И малых детушек на несчастны возьмешь рученьки,
И ты по цветну будешь платьицу подрачивать,
И станешь малым дитя́м да выговаривать:

Еще слушай же, сиротна молода жена!
И как во эту со́йду службу государеву,
И ты пиши мне скорописчатые грамотки,
И ты уписывай сиротское живленьице
И о своих да о несчастных малых детушках.
И буду нá вести, несчастной доброй молодец,
И я не в дальней безызвестной сторонушке,
И не за славным я за синиим за морюшком,
И я к тебе буду, несчастна молода жена,

И я писать же скорописчатые грамотки,
И присылать да я сиротным малым детушкам,
И буду низкой я поклон да челобитьица,
И все родительско ведь им благословленьице,
И в собину да челобитное поклоньице,
И тебе, милой семье своей любимой.

ЖЕНА К МУЖУ-РЕКРУТУ:

И ты послушай-ко, надежная сдержавушка!
И не ласкай меня, победну, не ублаживай,
И мне-ка так, бедной горющице, тошнёшенько
И порасстаться с тобой, красно мое солнышко,
И с дорогой милой скаченой жемчужинкой;
И моя трескает несчастная утробушка,
И уныват мое ретливое сердечушко,
И столько глядячи на милую сдержавушку.
И хоть меня да ты, победну, принимаешь,
И сам горючи свои слезы проливаешь,
И вопотай да от несчастной головушки,
Что не видла б я, горюша, молодецких слез.
И ты послушай же, миженско мое солнышко!
И не жалий меня, печальной головушки,
И со кручинушки смерётушка не придет,
И со тоски у мня душа с грудей не выйдет.
Хоть текут горючи слезы, — не жемчужные,
И мое лицо, у несчастной, — не бумажное.
И мне-ка жаль-тошнё, победной головушке,
И тебя умной жаль надежной сдержавушки.
И когда преж сего до этой поры-времечки,
И до студёной холодной этой зимушки,
И у тебя, да у скаченой у жемчужинки,
И красота в лицу была, как красно солнышко,
И белота была у света — снежку белого,
И были умные учливы разговорюшки.
Вдруг как сделалась великая незгодушка,
И объявляли лист-бумаженьку гербовую,
И прочитали как указы государевы,
И объявили злодей службу завоенную.
И как со той поры у нас да с того времечки,
И со мирской сходки, наш свет, да со собраньица,
И когда съездил ты на обчество собраное,
И получил да когда жеребья дубовые,
И как приехал в дом, крестьянску свою жирушку,
И становил да ты ступистую лошадушку,
И ты у этого крылечика перёного,
И я повышла все, печальная головушка,
И тебя стретить, свет, на широкой на уличке,

И на крылечике тебя да на перёном,
Чтоб ведь сдять с тобой доброе здоровьице,
И все порóспросить ведь милую семеюшку:
И ты со радостью ль приехал, со весельцем?
И я сглянула как, кручинная головушка,
И на тебя, да тепло-красно мое солнышко,
И на твое да молодецко бело личушко.
И я увидела, печальная головушка,
Что сменилося бурлацко твое личушко,
И помутились молодецки твои очушки,
И на головушке кудерки развеялися:
И уж ты пьян не пьян, мой светушко, шатаешься,
И говоришь — с тоски победной ты мешаешься,
И воспроговоришь ты мне-ка таково слово:
«И ты послушай-ко, жена бедна несчастная,
Я не с радости иду да не с весельица,
Со злодийной великой тоскичушки;
И меня обчеством, жена, да выбирали,
И на гербовой лист-бумаженьку писали».
И буде, верите, народ да люди добрые,
И да мне-кова, печальной головушке;
И подломилися тут резвы мои ноженьки,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И закатился тут катучий белый камешек,
И на моем да на несчастном сердечушке.
И на сердці студит зима у мня студёная,
И ум тот, разум во головушке мешается,
И белой свет да со ясных очей теряется,
И как не носят с горя резвы мои ноженьки,
И не глядят на свет победны мои очушки,
И с горя рученьки несчастны примахалися.
И как со этой поры да столько времечки
И он, милая надежная сдержавушка,
И он не кушал столько ествушек сахарных,
И не испивал да ведь он питьецев медвяных.
И хотя ж сядем мы за стол да хлеба кушать,
И порасплачемся, победны, растоскуемся.
И хоть сидим да со сердечным со детушкам,
И я держу в руках младенца тринедельного,
И мы на дү-друга, несчастные, поглядаем,
И мы на малого младенца-то посматриваем,
И сговорю, бедна горюша, таково слово
Я своей милой надежной сдержавушке:
«Я куды, бедна, с младенцем поостануся,
И уж я как, бедна-победна, воспитаюся».
И мы великой тут кручиной напитаемся,
И мы горючими слезами напиваемся.
И хоть повыдем с-за стола да с-за дубового,

И уж мы сядем на бросову белу лавочку,
И тут мы схватимся с надежной головушкой,
И да я сдѣну тут несчастны свои рученьки
И на несчастны на могучи его плечушка,
И на печальну молодецкую головушку,
И стану жалобно-уныло причитать.
И как у мѡей у надежной сдержавушки
И растоскуется ретливое сердечушко,
И распечалится несчастная утробушка.
И унимать станет победну, уговаривать,
И он меня, да ведь кокошу горегорькую:
«Ты послушай-ко, победна молода жена,
И ты не влѣдайся в великую кручинушку.
И как послаи меня, несчастна добра молодца,
И поостанутся сердечны тебе детушки,
И на роздий тебе великой тоскичушки».
И уж как мне-кова, печальной головушке,
И не на радость мне-ка детушки великую,—
И на злодийную великую кручинушку.
И как что сдиется, надежная головушка,
И над тобой, да тепло-красно мое солнышко,
И по горѣм да наб пойти мне-ка, по пѡзорам,
И со сердечными со малыми со детушкам.
И кабы знала я, горюша, про то ведала,
Что без тебя жить, без надежной сдержавушки,
И провожать да мни несчастну свою молодость,
И я в божией-то ведь церкви да не стояла бы,
И я закону бы ведь е не принимала бы,
И я со волюшкой, горюша, не распалась бы,
И со младым сыном с тобой я не спозналась бы.
И лучше жѣла бы во красных еще девушках
И у своих да свет желанных родителей.
И, знать, судьба да у горющицы несчастная,
И написалась мне-ка жизнь да неталанная.
И буде прокля эта служба государева!
И разлучат да многих добрых столько людюшек,
И как бурлакушков ведь е да с молодой женой.
И ведь жива эта разлука пуще мертвоей.
И три дни клубышком, горюшица, каталася:
Так тошнѡ-болнѡ ретливому сердечушку
И порасстаться мне со красным тобой солнышком.
И еще слушай же, надежная сдержавушка!
И как что сдиется, сдовольной белой светушко,
И тебя вѡзьмут как во службу государеву,
И не оставь меня, печальной головушки,
И светам-братыцам, несчастну, на обидушку
И малых детушек своих на поруганнице.
И ты придай да ума-разума в головушку,

И как ведь жить буде победной мне головушке
И без тебя, да тепло-красно мое солнышко.
И как по этой разливной красной вёснушке
И будут пахари на чистых на поляшках
И севчй да на распашистых полосушках,
И пойдут сча́сливы жены́ да все таланные,
Как со своими со надежными головушкам,
И все по трудной по крестьянской работушке.
Уж как я, бедна несчастная головушка,
Я ходить буду по хоромному строеньицу,
Из окошечка в окошечко поглядывать
И на прогульну буду уличку посматривать.
И унывать буде несчастное сердечушко
И разрывать да буде зяблую утробушку.
И с горя брошусь я, печальная головушка,
И ко несчастным сиротным малым детушкам,
И с тоски вóзьму их на белые на рученьки,
И сговорю, бедна кручинная, словечушко:
«И вы пойдёте, сироты да милы детушки,
И вы на трудную крестьянску на работушку,
И вместо свóего родителя вы батюшка».
И малы детушки несчастны как малёшеньки
И они разумом ведь детушки глупёшеньки
И точно белочки в глаза ко мне поглядывают.
И не толкуют-то несчастну разговаривать.
У меня ж тут, у победной у головушки,
И мое рвуци рвет ретливое сердечушко
И столько глядяци на малых этих детушек!
И без тебя, да как миженско красно солнышко,
И все без милоей надежной сдержавушки
И мне пойти да на крестьянскую работушку,
И поставить наб сердечных малых детушек,
И принести покор богоданной надо матушке:
«И ты останься-ко с несчастными со детушкам,
И не обидь да ты сирот-то горегорькихи.
И так печальные обидны мои детушки
И все без свóего родителя без батюшка».
И хоть повыду я в раздолье во чистó поле,
И спомяну да тебя, красно мое на́ золоте,
И на этих я полях да хлебородных,
И на этих я лужках да сенокосных,
Где ходила я с надежной головушкой,
И я по трудной по крестьянской работушке,
И с веселá да красно лето провожала,
И за гульбищечко дорожку коротала!
Где мы думали ведь крепку с тобой думушку,
И говорили где затайные словечушка,
И на котором мы сидели белом камешке,

И под которой под сахарной деревиночкой,
И к деревиночке приду я потоскую,
И на катучем белом камешке поплачу.
И возжидать буду, печальная головушка,
И тебя, милую любимую семеюшку,
И прокоротаю, победна, день до вечера,
И до заката тепло-красного я солнышка.
И по домам да все суседы убираются,
И со чиста поля они да разъезжаются,
А я ждать буду надёжную головушку:
«И появись хоть, тепло-красно мое солнышко,
И мне впотай, бедной горюше, потихошеньку,
И приобрадуй-ко ретливое сердечушко.
Хоть в солдатском появись да мне-ка платьице,
Хоть с оружицем приди да завоенным
И с пистолетиком приди да зарукавным,
Не убоюсь, бедна горюша, не сполохаюсь,
И я ни беглого солдата, ни походного,
И с тобой сдию, бедна, доброе здоровьице,
И тут пороскажу велику всю кручинушку,
И про своих да про несчастных малых детушек.
И тут мы дү-другу, победы, порасскажемся,
И посидим, бедны печальны, посоветуем».
Всё раздумаюсь победным умом-разумом,
И я несчастными мыслями неталанными.
И теперь годышки ведь е, да все не прежние,
И времена пошли теперь, да не досюльные.
И нонь не уйдешь ты, солдат, да не деваешься,
И на родимой сторонке не покажешься.
И отец-матушка теперь да отпираются,
И столько род-племя теперь да отрекается.
И ты послушай-ко, надёжная головушка,
И как признаю я, горюша горегорькая,
Не откажусь я ведь, семья твоя любимая,
И от своей да от законной от сдержавушки,
И от тебя, да тепло-красно мое солнышко.
И нонь сегодняшним господним божиим денечком
И во тумане печет красно теперь солнышко,
И во печали златокрылой ты ясен сокол,
И во тоски. моя надежда, во кручинушке.
И у меня, да у несчастной у головушки,
И разболела все несчастна буйна голова,
И разгорелось победно ретливо сердце,
И нынь раздумаюсь победным своим разумом:
И день ко вечеру теперь да коротается,
И час к часочуку теперь да придвигается,
И молода жена с надёжой расстается.
И как меня, да ведь печальную головушку,
И все долит тоска-кручина неудольная,
И без смолы моя утроба раскипляется,
И вси дубовые мостинки подгибаются.

И посудьячу я, кручинная головушка,
 И на тебя, да богоданна моя матушка!
 И, знать, не все равны сердечны тебе детушки,
 И не до всих равно великое желаньице.
 И как моя милая надежная сдержавушка
 И, знать, не дитятко тебе да не рожное.
 И на мою да ты любимую семеюшку
 И быдто на звира, родитель, ты поглядываешь.
 И, знать, на радости ведь ты да на весельице,
 И отряжашь да ты сердечно свое дитятко,
 Ты ко праздничку ль его да ко владычному,
 Аль в сердечное в любимое гостбище,
 Аль в веселу путь широкою дороженьку,
 Аль в бурлакушки, родитель, его вольные,
 Аль по эту золоту казну довольную?
 Знать, что при моей надежной сдержавушке,
 И видно, на поле у вас да не родилося,
 И точно, на дворе у вас да не плодилосья,
 И золота казна у вас, знать, не скопилася,
 И разорилася, знать, крестьянска ваша жирушка.
 И ты послушай, богоданна моя матушка!
 И послы мбей ведь надежной сдержавушки,
 Послы твоего сердечного ведь дитятка,
 И видно, улочки содержите радовые,
 И будут лавочки у вас, верно, торговые,
 И будут знать да многи добры вас ведь людюшки,
 И поклонятся суседи спорядовые.
 И как что сдиется над моей да над законной
сдержавушкой,
 И как тебе, да богоданной моей матушке,
 Не залучить да себе вечна поминаньица,
 И вековечно тебе будет проклинаньице.
 И буду гнев держать, печальная головушка,
 И на тебя, да богоданна моя матушка!
 Не пожалела что сердечно свое дитятко
 И моей милой любимой семеюшки.
 И знаю-ведаю, кокоша горегорькая,
 И как расстанусь я с надёжной головушкой,
 И как жить буду, горющица победная,
 И всё у вас, да богоданна моя матушка,
 Я не трудничкой ведь буду, не работничкой,
 Я не легкой буду слыть да переменушкой,
 И я не скорым, победна, послушаньицем.

И подойду да я с злодийным бeссчастьцем,
 Уж я взад да ко любимой семеюшке.
 И наложу да я бeссчастьны свои рученьки
 И на его да я победную головушку,
 И при послéди-то теперь да поры-времечки.
 И поглядите-тко, народ да люди добрые,
 И как ликуюсь я с надёжной головушкой.
 И не ликуемся победны мы — тоскуемся.
 И ушибат да нас злодийная тоскичушка
 С тепло-красным миженским моим солнышком.
 И от меня да нонь надёжа удаляется,
 И он за горушки, надёжа, за высокие,
 И он за темные леса да за дремучие,
 И далеко-то он за мхи да зыбучие,
 И он за круглые за малые озерышка,
 И за синее за славно за Онегушко.
 И жаль тошнёшенько, победной мне головушке,
 И порасстаться мне с любимой семеюшкой,
 И отпущать да во злодей службу государеву
 Мою милую надёжную сдержавушку.
 И лучше на свете была бы я не рожена
 И родителю на свет да не попуцена:
 И не в пору мне-ка разлукушка, не вовремя
 Расставаться с тепло-красным мне-ка солнышком
 И спознаваться со великиим бeссчастьцем:
 И как жива́ эта разлука пуце мертвой.
 И породила как родитель меня матушка,
 И не участью-таланом наделяла,
 И, зная, злодийным бeссчастьем награждала,
 И как на мою да на судимую сторонушку,
 И впереди меня, победной головушки,
 И приотправили желанные родители
 Уж как это зло великое бeссчастьце.
 И на моей, зная, на судимой сторонешке,
 Уж на этом на крылечике перёном,
 Кругом-около злодийно обступало,
 Всим беремечком за меня да захватилося.
 И как до этого учётна долга годышка
 И до этой до студёной холодной зимы
 Я жила, бедна горюша, веселилася,
 И со надёжинькой жила да ликовалася,
 Я не верила ведь добрым того людюшкам,
 Что бывает-то великая кручинушка.
 Уж как сегодняшним учётным-то годышком
 Вдруг ведь сделалась великая незгодушка
 И мни разлукушка с надёжной сдержавушкой.

И вперелом пришла велика мне кручинушка,
И мать сыра земля подо мной да подгибается,
И от горючих слез следочки заплываются,
И ум тот, разум во все стороны кидается,
И все несчастны горьки мысли разбегаются.
И я не знаю-то, горюшица, не ведаю,
И не могу да ума-разума применитися,
И уже где да мни кручину разгуляти,
И уже где да мни головку взвеселити,
И мни куды да ведь от горя подеватися?
И как сегодняшним господним божиим дёнечком
Я пойду, бедна, во ўличку рядовую,
И с горя зайдю я во лавочку торговую,
И я куплю да там оружие завоенное,
И с тоски стрелю я в несчастное сердечушко,
И с горя жизнь, бедна-победна, прикороваю.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
Воспокинуть-то сердечных надо детушек.
И тут сама того, победна, я сполохаюсь:
И материнское ведь сердце — не звериное,
И детиная тоска — не угасимая.
И лучше пойду я с великою кручинушки
И в тёмны лесушка, горюша я, дремучие,
И со обидушки во мхи да я дыбучие,
И пораздию там великую кручинушку
И со сердечными со малыми со детушкам.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
И хоть во этых темных лесах дремучиих
И там от ветрышка хоть дёревца шатаются,
И до сырой земли дрёма да приклоняются,
И хоть шумят эти листочки зелёные,
И поют да там ведь птички жалобнёшенько.
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится:
И во мхах да ведь вси звери поразвоются,
Они господу владыке поразжалются.
И я раздумаюсь победным своим разумом,
И также я, бедна горюша, растоскуюся.
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится.
И мне куды с горя, горюше, подеватися?
И стать на горушке ведь мне да на высокие
И выше лесушка глядеть да по поднебесью?
Идут облачка они да потихошеньку,
И во тумане печет красно это солнышко,
И во печали я, горюша, во досадушке —
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится,

И красным солнышком оно да не согрется.
И мне пойти с горя ко синему ко морюшку,
И мне ко синему ко славному Онегушку?
И буйны ветры в чистом поле развеваются,
И на синём море вода да сколыбается,
И со желтым песком вода да помутилася,
И круто бьет теперь волна да непомерная,
И она бьет круто во крутой этот бережок,
И по камешкам волна да рассыпается —
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится.
И у меня тоска-кручина порасходится,
И на моем да на победном сердечушке,
И на несчастной на зяблоей утробушке.
И постою, бедна, у синя славно морюшка,
И тут раздумаюсь несчастным своим разумом:
И на роду мне-ка, горюше, знать, уписано,
И на делу мне-ка, горюше, доставалось
Уж как это зло великое несчастие —
И сиротать бедной кручинной мне головушке,
И унывать ходить ко синю славному морюшку.
И тут я спомню тепло-красно тебя солнышко,
И как волна да в синем море расшаталася,
И также ты, может, надёжная головушка,
И ты на карабле в синем море шатаешься,
И бури-падары, надёженька, пугаешься.
И тут сердечушко мое да разгорается,
Уж как стоячи на крутом красном берегу,
Уж как глядячи на сине славно морюшко,
И на эту погоду непомерную,
И на эту волну да страховитую.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
Уж как бедным солдатам мореходным
И плотно каменно ретливо наб сердечушко
Да им ездить в синем славно этом морюшке,
И как на этих на черных больших караблях.
И как в тую пору, горюша, в тое времечко
И стану господу владыку я упрашивать,
И все святителю Миколу я молитися:
И укротись, да сине славно это морюшко,
И успокойся-тко, ретливое сердечушко!
Ой, тошным да мне, горюшице, тошнёшенько!
И мне куды с горя, горюше, подеватися?
И впереди меня кручина не укатится,
И позади меня обида не останется,
И посторонь она, злодейна, не отшатнется.

И послушайте, народ да люди добрые,
 И вы приближные суседы спорядовые!
 И как сегодняшним господним Божиим денечком,
 И было утрошь с позаранному по утрышку,
 И все до раннеей зари да спорыданьца,
 И до уныла соловьица воспеваньца,
 И у меня, да у печальной у головушки,
 И не приклонена в сон буйна была голова,
 И во всю тёмну ночь сердце не успокоилось.
 И как на этой на тесовой на кроваточке,
 И на унылой на пуховой на перинушке,
 И на печальном на складном сголовице,
 И хоть я со своей надежной сдержавушкой,
 И всю мы темну ночь, победные, подумали,
 И всю осенну ночь, бесчастные, проплакали.
 И у меня, да у кокоши горегорькой,
 И не спокоелось победно ретливо сердце,
 И разгорелась моя зяблая утробушка,
 И говорило тепло-красно мне-ка солнышко
 И моя умная надежная сдержавушка:
 «Уже слушай-ко, несчастна молода жена!
 И не давай тоски ретливому сердечушку.
 И, может, господи владыко-свет помилует
 И как меня, да златокрыла ясна сокола,
 И от проклятой этой службы государевой,
 И от злодийных полков да новобранных».
 И отвечаю я, победная горюшица:
 «И не жалей меня кручинной ты головушки,
 И не ласкай меня прелестными словечушкам,
 И не надюся победна я головушка,
 Что воротишься от города Петровского
 И ты на свою родимую сторонушку,
 И ты во свой да дом, крестьянскую во жирушку,
 И большаком да ведь по дому настоятелем,
 И управителем крестьянской да ты жирушки.
 И мне-ко жаль, тошно, сдвольной белой светушко,
 И мое чувствует победно ретливо сердце,
 Как злодийную великую незгодушку,
 Что разлука с тобой, красное мое на золоте».
 И спомятую я, кручинна все головушка,
 И как жила да я с законной державушкой,
 И как ходила с ним к владычным Божиим
 праздничкам,
 И завсегда была, горюна, веселёшенька,
 И за стеной жила, горюша, городовойо.
 И было честь-место ведь нам да во большом углу,

И была хлеб-соль да ведь нам за дубовым столом,
И на нас добрые-то люди любовались,
И как глядели на нас род-полемя любимое,
И примечали-то судьи да правосудные,
И с нами сдियाли ведь доброе здоровьице.
И черны вороны с чиста поля не граяли,
И лиходеи про горящицу не баяли.
И как посла своей любимой семеюшки,
И своей милой скаченой жемчужинки,
И отменю, бедна, владычны божии празднички,
И я заброшу-то бесщастно цветно платьице
И бесщастную любимую покрутушку.
И как что сдиется над красным моим солнышком,
Я к огню придам тесовую кроваточку,
И я бесщастную пуховую перинушку.
И кабы знали многи добры про то людюшки:
И у меня, да у печальной у головушки,
И как огнем горит ретливое сердечушко
И как смолой кипит бесщастная утробушка.
И жаль тошнёшенько свечи да нетоплёной,
И дорогой своей вербы да золоченой,
И мни сахарной жаль изюмной ягодиночки,
И я бы век да с ним, горяша, не рассталася,
И я с своим да то великиим желаньицем
И со своим да то великиим доброумьицем.
И кабы не было сердечных у мня детушек, —
И той бы не было великой заботушки.
И я пойду да нонь, печальная головушка,
И я будить свою надёжную сдержавушку:
«Ты повыстань-ко, любимая семеюшка,
Ты со этой со тесовой кроваточки,
И ты с бесщастной со пуховой перинушки».
И пораздумаюсь бесщастным своим разумом:
И он последнюю-то спал да теперь ноченьку
И во своем доме, крестьянской во жирушке,
И на моих да на бесщастных белых рученьках.
И, знать, не в крепкой сон головушка приклонена,
И нынь по раннему теперечко по утрышку
И буйной головы мой свет да не подымет
И от великой кручины непомерной.
И ушибат его тоскичушка несносная,
И жаль расстаться со родимой ему стороной,
И пооставить-то ему да молоду жену,
И как меня, бедну горящицу бесщастную,
И со сиротными со малыми со детушкам.

Да ты слушай, свет любимая семеюшка!
 И как послы тебя, надежной сдержавушки,
 И поостанусь я, печальная головушка,
 И не вдовой да буду слыть — женой не мужнеей,
 И я несчастною солдаткой горегорькою.
 И сироты будут солдатски мои детушки,
 И не обуты будут резвы у их ноженьки,
 И не одеты их несчастны будут плечушки,
 И приотпихнут-то желанны столько дядюшки
 И от стола да их, несчастных, от дубового.
 И приоткажут-то меня, бедну горящицу,
 И все от доброй от крестьянской меня жирушки.
 И тут студеноей холодной этой зимушкой
 И отпущу да я сердечных своих детушек.
 И между дворами, горяша я, шататися
 И по подоконью их, бедна, столыпатися.
 И кладу на руку победным бурлаченочко
 И на несчастные на плечушки шубёночку.
 И отпущу да как победна их головушка,
 И удолять станет великая кручинушка.
 И прогляжу, бедна, в косевчато окошечко
 И на несчастных на малых на детушек.
 И пораздумаюсь несчастным своим разумом,
 И столько пустят ли их добрые там людюшки,
 И во хоромное их пустят ли строеньице,
 И обогреют ли несчастно ретливо сердце
 И сирот малых моих да бесприютных;
 И хоть их, оббранят, несчастных, обругают,
 И у меня ж, да у победной у горящицы,
 И на три ряд моя утроба перетрескает.
 И хоть дождусь бедна кручинна я головушка,
 И со пути идут несчастны мои детушки,
 И со дороженьки они да все холодные.
 И хоть там придут в дом, хоромное строеньице,
 И они сядут-то о дверной бедной уголок,
 И растоскуются, несчастны, порасплачутся,
 И говорить станут победной мне головушке:
 «Что позябли крепко резвы наши ноженьки,
 Что дрожит наше ретливое сердечушко».
 И так с кусочками я буду разбиратися,
 И слезами я, горяша, обливатися,
 И прижимать стану к несчастной утробушке
 И я своих милых несчастных своих детушек,
 И причитать буду, горящица, я причетью:
 «Ой, несчастные сердечны мои детушки!
 И бесталанна бедна мать да горегорькая!

И как бы при́ доме родитель был бы батюшко,
И доро́га́ была, надёжная сдержавушка,
И не сирóтали б вы горькие сироточки,
И не зябли бы от снежку да ножки резвые,
И от морозушку утроба бы не трескала,
И от ветрышка лицо не подвевало бы,
И нас великая тоска не удоляла бы.»
И как свезут да тебя, красно мое солнышко,
И ко злодийному ко городу Петровскому,
И, буде, возьмут там во службу государеву,
И обмундёрят вас в мундеры сукон серых —
И не в милое солдатско это платьце,
И вам повыдадут оружица военные.
И тут схожу да я во уличку рядовую,
И там возьму да я бумаженьку гербовую,
И повзыщу да писарев там хитромудрых,
И тут спишу твое солдатско бело личушко,
И на портрет твою покруту нелюбимую,
Я мундер спишу, горюша, сукон серых,
И твои ясные спишу да бедна очушки,
И тут солдатское спишу да нареченьце.
И я свезу этот портрет да все бумаженьку,
И на свою да на родиму я сторонушку,
На погляженьце сердечным своим детушкам,
И им на память-то родителя ведь батюшка.
И станут детушки по комнате похаживать
И бесщастну меня матушку выпрашивать:
«И ты послушай-ко, родитель наша матушка,
И уже где наше великое желаньце
И где родитель-от ведь наш да где е батюшко?»
И у меня ж тут, у печальной у головушки,
И тут великая обида порасходится,
И я схожу да в мелкорубленую клеточку,
И я во светлую схожу да с горя светлицу,
И отомкну с горя ларцы да окованные,
Я повыну тут портрет да бело личушко
И принесу да ко сердечным малым детушкам:
«И вы глядите, бедны дети, памятите-тко,
И как на свóего родителя на батюшка;
И тут великое сердечное вам желаньце,
И како́ да на родителе е платьце,
И как сокручен-то бесщастной, обмундерен,
И как подтянуто солдатское сердечушко,
И призастигнуты тут пуговки фрунтовые,
И тут повыданы оружица пудовые:
И столько тут его участки деревенские,
У вашего родителя у батюшка!»
И как в поход его бесщастна снаряжала,

И он подал мне-ка портрет да лицо белое
И наказал мне-ка, горяше, уговаривал:
«И тут надюшка с сердечными со детушкам,
И тут сердечное велико вам желаньице,
И тут великое ведь вам да доброумьице.
И оставляю я победной молодой жене,
Я до возрасту несчастной до детиного,
И тут довольны беззаботны тебе хлебушки
Со сердечными роженными со детушкам.
И тут обуточка ведь вам да и надеточка,
И тебе тут, бедной, любимые подарочки,
И тут владычные тебе да божи прайднички.
И тебе тут, бедной горяше, угощеньице,
И на великое тебе да погляженьице.
И ты весь день держи на белых своих рученьках,
И да ты в ночь клади к ретливому сердечушку,
И да ты под утро ко белому ко личушку,
И ты портрет клади да бело мое личушко.
И наликуешься, горяша, натоскуешься,
И ты горячими слезами приобольешься,
И не забудешь ты несчастна добра молодца,
И свою милую надёжную сдержавушку».
И хоть я приняла, победная головушка,
И я портрет да это бело его личушко,
И тут я пала ведь, горяша, о сыру землю,
И я не видла тут, горяша, свету белого.
И да я клубышком, горяшица, каталася,
И я червышком, победная, свивалася.
И я не знала-то, победная головушка,
И как с сырой земли, горяша, подымалася,
И как с надёженькой, победна, расставалася.
И сговорила тут единое словечушко:
«И лучше мать сыра земля да расступилась бы,
И уж бы я туды, победна, приукрылась бы,
И тут утробышка моя не обмерла бы,
И тут сердечушко мое не разрывалось бы.
И моя милая надежная головушка,
И тепло-красное миженско мое солнышко,
И он тут белыми-то ручками помахивал,
И он головушкой ведь мне да все показывал,
И он на память мне словечушка наказывал.
И как жива эта разлука пуце мертвой,
И я бы лучше ведь, кокоша горегорькая,
И отпустила б его в матушку сыру землю,
И чем во эту в злодий службу государеву.
Я бы знала ведь, печальная головушка,
Где положена законная сдержавушка,
И я б поставила там крест животворящий,

Я бы по́часту, горюшица, учащивала,
Я бы по́долгу, горюшица, усеживала
И с соболезными с сердечными со детушкам
И у своей да у надёжной у сдержавушки,
И я у сво́его миженска красна солнышка.

К СОСЕДЯМ И РОДНЫМ:

Поглядите-тко, народ да люди добрые,
И вы милые суседи спорядовые,
И вси сродичи вы теперь да мои сроднички!
И какова эта разлукушка великая,
И мне со милоею с надежной сдержавушкой.
Охти мни, мне-ка, горюшице, тошнёшенько!
И столько третей хоть учётной долгой годышек,
И я жила да за моей милой любимой семеюшкой,
И была умная скаченная жемчужинка,
Все разумная надежная головушка.
Я ведь пьяного, горюша, не видала,
Я хмельного у ворот да не встречала,
И я грубного словечка не слыживала,
И я страсти ведь обиды не принимывала.
И я богатого суседа не боялася,
И маломощной суседке не корилася.
Мне-ка уличка ходить была — широкая,
И путь-дороженька была мне-ка — торнёшенька.
Мне поклон да был от добрых от людюшек,
И мне почет да был от мужниих от женушек,
И столько на три, знать, учётных малых годышка
И мни талану-то ведь было столько участи.
И как жила я за любимой семеюшкой,
И как в гостях, бедна горюшица, гостила,
И быдто сыр в масле, горюшица, каталася,
И как скачен жемчуг, горюша, рассыпалася.
И три годышка прошли да не выдаются,
И, знать, талан да мою участь-то великую
И добры людюшки талан да приоббаяли,
И черны вороны ведь участь приоббаяли,
И деревенские собаки приоббаяли.
И столько мне-кова, кручинной головушке,
И супротів мне-ка любимой семеюшки,
И не прибрать да мне, горюшице, ведь не видать,
И не из милых суседей спорядовых,
И не в роду мне-ка, горюшице, не в племени,
И мни не возрастом, горюшице, не волосом,
И не по бѣлу молодецкому по личушку,
И не по желтым завивным кудерышкам,
И не учливой цвяковитой поговорюшкой.

И нигде нету-то ведь талоей талиночки,
И ни в ком нету мне великого желаньица.
И как моя да свет любимая семеюшка
И как во эту службу со́йдет государеву
И во несчастные солдатушки походные,
И их там вышлют на сраженьице великое,
И воевать да со злодием неприятелем,
И походить станут солдатушки несчастные,
И понесут да они ружья завоенные,
Что оружица ведь их да были б справлены,
И поскорёшеньку у их да занаряжены.
И тут ведь крест кладут солдаты по-писаному,
И исповёдь дают попу — отцу духовному,
И они выйдут во раздольице в чисто поле
И тут поклонятся на все на три сторонушки,
И сговорят бедны солдатушки несчастные:
«И ты прости да нас, Русия подселенная,
И ты прости да нас, сесветное живленьице,
И ты, родимая, прости да нас, сторонушка,
Издали да вы простите, бедны жenuшки,
И сироты́ бедны простите, малы детушки!»
И столько невесто ведь, светы, невестешенко,
И все кому да буде на́ бою божья милость,
И кого господи владыко-свет помилует,
И он на стра́сти, на сражении на великомое,
И кто живой да со войны-то ворочается.
И не могу да знать, кокоша горегорькая,
И столько судит ли владыка мне-ка милосливой,
Что видать милу надёжную головушку,
И тепло-красное видать ли мне-ка солнышко.
И все нигде да нету талоей талиночки,
И ни в ком нету мни великого желаньица.

К МУЖУ-РЕКРУТУ:

И ты послушай, свет надёжная головушка,
И как послі да тебя, красно мое солнышко,
И поостануся, горюша молодёшенька,
И на словах да я, несчастна, суровёшенька,
И на речах да я, победнушка, спесивая.
И ты придай да ума-разума в головушку
И размысленьица в несчастно ретливо́ сердце.
Уж как в нынешни года да в это времечко,
Буде как мне-ка, горюше, сохранятся
И без тебя да без надежной головушки.
И пройдет слóвечко про бедну ведь несносное,
И попусту́ да в поле ветрышки навиются,
И понапрасну черны вороны нагראются,

И добры люди про несчастную набаются.
И скажут: «Вольная солдатка самовольная,
И уже так эта солдатка сбаловалася
И прозабыла, знать, надёжную головушку
И тепло-красное миженско свое солнышко».
И еще слушай ты, любимая семеюшка,
И сожалею я, горюша горегорькая,
И все тебя столько, скаченную жемчужинку.
И хоть ты будешь там во службе государевой,
И, может, буде тебе вольна столько волюшка
И слободная пора да тебе времечко,
И напиши да скорописчатую грамотку,
И ты ко мне пиши, к кручинной головешке,
И в кою пору на сраженьице собираетесь,
И когда воины в поли будут съезжатися,
И когда вороны в чистом поле слетатися.
И упиши да мне, надежная головушка,
И в тую пору я, горюша, в тое времечко
И заложу свою любимую покрутушку,
И наживу да золотой казны бесчетной,
И я куплю свечи, горюшица, рублёвые,
И пелены кладу, горюшица, шелковые
Я пречистой пресвятой да богородице.
Я возьму своих сердечных малых детушек,
И тут мы сходим-то к попу — отцу духовному,
И мы попросим-то служителя церковного,
И мы во эту божью церковь посвященную.
И буду господу владыке я молитися,
И чтоб господи владыко-свет помиловал,
И тебя, милую надёжную головушку,
И от злодиев бы тебя да неприятелей,
И на войне тебя, надежу, на сраженьице,
И не дал господи смерётушки напрасной бы.
И чтоб синее-то море укротилося,
И уж как эта война да уходилась бы,
И возвратился бы, надежная головушка,
И ты с злодийной бы со службы государевой
И на одну хоть на гостину бы неделюшку,
И засмотрел своих сиротных малых детушек
И сироту меня, горюшу бесприютную.

К БРАТЬЯМ РОДНЫМ: ПАДАЕТ В НОГИ И ПРОСИТ:

И вы послушайте, сродичи милы сроднички,
И вы милы светушки-братцы родимые,
Да что я скажу, кручинная головушка.
И сиротать будут сердечны мои детушки,
И вы господа-то бога хоть побойтесь-ко,

И не заприте-тко новых сеней решетчатых,
И не задвиньте-тко стекольчатых околенок,
И не пугайтесь, светы-братцы, не чужайтесь-ко,
И допустите-тко сердечных моих детушек
И уж вы в дом да во крестьянскую во жирушку.
Хоть хлебом-солью вы несчастных не кормите-тко,
И со пути да их дорожки обогрейте-тко,
И обогрейте-тко у несчастных ретливó сердце,
И прихраните-тко от темной их от ночки,
И приголубьте-тко несчастных моих детушек,
И взвеселите мою зяблую утробушку.
И не убойтесь-ко великого несчастия
И вы злодийного велика бесталаньца.

К МУЖУ-РЕКРУТУ:

И ты послушай-ко, любимая семеюшка!
И как послí тебя, надёжной сдержавушки,
И разорится дом, крестьянска наша жирушка,
И разрешетится хоромное строеньце.
И уж как мне-кова, кручинной головушке,
И тосковать буде, горящице, век по веку
И столько рóстячи сердечных малых детушек.
И без тебя, да без надёжной сдержавушки,
И наб головушка держать да мни поклонная,
И мни сердечушко держать да ведь покорное,
И всим ведь милым спорядовым суседушкам,
И не обидели б сердечных моих детушек.
И хоть там придут-то сердечны малы детушки,
И со широкой придут они со улички,
И порасплачутся несчастны, поразжалятся,
И мни, победной несчастной родной матушке,
И что суседи-то ведь их да напинаются.
И говорить стану, кручинная головушка:
«Ой, несчастные вы дети, неталанные!
И уж вы жалобы ведь мни не приносите-тко.
И знаю-ведаю кручинна я головушка,
И мое так ноет ретливое сердечушко
И на вас глядячи, сердечных малых детушек.
И вы послушайте, несчастны, неталанные!
И как вы пойдете на шíроку на уличку,—
И там вам уличка ходить да не широкая,
И путь-дороженька несчастным не торнёшенька,
И вам без спацлива родителя без батюшка.
И был бы спацливой родитель да ваш батюшко,
И вы бы по миру, дети, да не таскались,
И меж дворами вы, несчастны, не шатались,
И добры людюшки ведь вас да не пихали бы,

И нам довольны беззаботны были б хлебушки,
И за своим да мы сидели б дубовым столом,
И вы обутые ведь были бы, одетые.
И мы бы ростили детей да красовались:
И столько бог судил талану да вам участи,
И столько слывете, сердечны мои детушки,
И вы на уличке, победные, — дурливые,
И во избы, да милы дети, — хлопотливые,
И неумные вы дети — самовольные.
И как на вас, мои сердечны милы детушки,
И среди да тепла красного хоть летьшка
И жалко-жалобно печет да красно солнышко,
И посторонь печет на добрых оно людюшек,
И не на нас да на печальных головушек.
И не светит нын на горюшицу светёл месяц.
Уж как жить буде печальной мни головушке
И без своей да без надежной сдержавушки?
И уж как зла эта великая обидушка,
И круг меня злодий она да обвивается,
И за сердечушко злодий она хватается,
И с того ум-разум в головушке мешается.
И мни-ка гди, бедной горюше, взвеселитися
И пораздять где великая кручинушка?
И хотя ж приду я во светлую во светлицу,
Я сгляну да ведь, победная головушка,
И на пустылюю тесовую кроваточку
И на унылую пуховую перинушку.
Я сгляну еще, печальная головушка,
Я по стопочкам сгляну да по точеным,
Я по стенишкам сгляну да по лицевым.
И нет на стопочках ведь цветна его платьица,
И молодецкой снарядной нет покрутушки.
И с горя нё мила крестьянска эта жирушка,
И мне-ка нё любя пустыла эта светлица.
И без своей да без надежной сдержавушки
И как пустым везде теперечко пустёшенько.
И тут ведь совьется великая тоскичушка
И на моем да на бессчастном сердечушке,
И на моей да все на зяблоей утробушке.
И нын раздумаюсь бессчастливым своим разумом:
И мне-ка гди, бедной горюше, взвеселитися
И пораздять где великая кручинушка?
И с горя брошуся, печальная головушка,
И я во двор с горя к любимой скотинушке.
И во дворы тут у любимой скотинушки,
И не раздиешь тут великой кручинушки, —
И тут сердечушко мое не взвеселяется,
И тут обидушка моя да не уходится,

И еще пуще тут тоска да разгорается.
И нынь раздумаюсь победным своим разумом,
И мни-ка где, бедной горюше, взвеселитися
И пораздять где великая кручинушка?
И брошусь с горя я на широкую на уличку,
И со досады на крылечико перёное,
И тут подумаю победным умом-разумом,
Что на уличке кручина приуходится
И на крылечике обида приостанется.
Погляжу на все на три-четыре на сторонушки,
И выше лесушку сгляну я по поднебесью,
И откуль идут да эти облачки ходячие,
И откуль ветрышки-то веют полегощеньку?
Из подлетной ли то веют со сторонушки,
И скоро ль идут эти облачки ходячие,
Издали да из подзападной сторонушки.
И в коей стороне сраженье подымается,
И гди война-то ведь теперь да начинается,—
И тут сердечушко мое не взвеселяется,
И буйна голова моя да сокрушается,
И еще пуще тут обида разгорается.
И я сгляну еще, печальная головушка,
И я на милых спорядовых соседушек,
И как с мужьями-то они ходят, красуются.
И сквозь туман гляжу, горюша, сквозь обидушку,
И во слезах, бедна горюша, во великих,
И не могу признать ведь с горя добрых людюшек,
И со обидушки спорядных соседушек,
И призаплачу я несчастны свои очушки,
И приотру свое победно бело личушко.
И нынь раздумаюсь несчастным своим разумом:
И мни-ка гди, бедной горюше, взвеселитися,
И пораздять где великая кручинушка?
И взад пойду да я с крылечика перёного,
И ворочусь да в дом, крестьянску я во жирушку,
И я сгляну да на сердечных своих детушек.
И малы детушки кругом-около обхаживают
И на меня, бедну горюшу, посматривают,
И они с глупости меня да разговаривают,
И воскликают-то несчастну они матушку:
«Гди была ж, наша родитель, родна матушка?
Что заплакала ведь ясны свои очушки?
И ты на радости ль, родитель, на весельице?»
И с горя сгрустнусь на сердечных своих детушек,
И отошлю их от несчастных своих рученок:
«И вы отстаньте-тко, несчастны малы детушки.
И от меня, да от печальной от головушки,
И уже так мне-ка, горюшице, тошнёненько.

И я ведь вспомнила, печальная головушка,
И я ведь вашего родителя-то батюшка
И свою милую любимую семеюшку.
И кабы знали вы, сердечны милы детушки,
И про мое да про бесщастно расставаньице,
И про горючее про слезно обливаньице.
И поосталась от надежной как головушки,
Я со стадушком осталась со детиниим.
И не на радость вы мне, дети, на весельице, —
И да вы на́ тоску, горюше, на великую». —
И стговорят еще бесщастны малы детушки,
Все выспрашивают печальную головушку:
«И ты скажи да нам, родитель наша матушка,
И куды шел да все родитель родной батюшко?
От в охотну ль шел бурлацкую работушку?»
И лучше детушки того не говорили
И сердечушко мое да не знобили бы.
И мне-ка так, бедной горющице, тошнёшенько:
Как отпущена надежная головушка
И во злодийну грозну службу государеву.
И как бы не было роженных вас ведь детушек,
И по походушкам с надежей я скиталась бы,
И мы бы за-обче с надёжей горевали бы.
И кои счастливы ведь матери таланные —
И не живут да ведь сердечны у их детушки.
И как по моему велику бесталаньицу —
И уж вы на́ горе, дети, да зародилися.
И как у вас да без родителя без батюшка,
И бесщастны будут ножки необутые,
И бессталанны будут плеча неодетые.
И, знать, для вас, да для бесщастных головушек,
И видно, на́ поле теперечко не родится,
И недорост да все довольным этим хлебушкам.
И как раздумаюсь победным умом-разумом,
И не убавится обидушки — прибавится.
И мне куды, бедной горюше, подеватися?
И наживать да где довольны эти хлебушки?
И мни задаться хоть крестьянину богатому,
И мне во летны хоть, горюше, во работнички,
И мне во зимние, горюше, во коровнички.
И столько рбстить вас, сердечных милых детушек,
И меня грусть возьмет, великая обидушка.
И когда преж сего до этой поры-времечки
И при своей жила надежной сдержавушке,
И я заботушки в головушке не ймала,
И я богатому суседу не корилася,
И в чистом поле буйна ветра не слыхала я,
И я не знала все, печальная головушка,

И как шатаются в темном лесе деревиночки,
Что расшумятся ль зеленые листочки.
И нонь узнала я, горюшица, провела:
И буйны ветрышки теперь да развеаются,
И приминяюсь я, победная горюшица,
И я ко этой ко шатучей деревиночке,
И как ко этюей ко горькой я осиночке.
И также я, бедна кручинная головушка,
И все без своей без надежной сдержавушки
И без своей милой любимой семеюшки.
И точно деревцо в лесах быдто шатучее.
И приминилася, победна я головушка,
Я к подсушной в темном лесе деревиночке.
И как ведь деревцо в лесах-то подсыхает,
И так сердечушко мое да сокрушается,
И как зеленые листочки расшумляются,
И так злодийная кручинушка расходится
И на моей да все на зяблоей утробушке.
И нынь раздумаюсь несчастным своим разумом:
И мне-ка гди, бедной горюше, взвеселиться,
И пораздять где великая кручинушка?
И мне к суседушкам идти ли спорядовым?
И на раздий идти великой мне обидушки?
И когда преж сего до этой поры-временчки,
И была при́ доме надёжна как головушка,
И вси милы спорядовые суседушки,
И не боялися меня, не опасалися,
И они на́ речи с горюшицей ставалися,
И в разговор они с победнушкой сдавалися,
И они думали ведь крепку со мной думушку.
И теперь нонече отрекнулися ведь добры эти
людушки,
И откачнулись честны мужни молоды́ жены
И от меня, да от печальной от головушки,
И убоялися великого несчастыца
И уж как этого злодийна бесталаньница,
И на стретушку со мной да не стретаются.
И со мной на́ речи, с победнушкой, не ставятся,
И в разговоры со мной, победной, не сдаваются.
И я не знаю-то, горюшица, не ведаю,
И как жить теперь на сем да на белом свете
И мни без милой любимой семеюшки,
И без своей да без надежной сдержавушки
И наб смиреннице держать да все со кротостью,
И наб по уличке ходить, бедной, тихошенько,
И буйна голова носить надо низёшенько,
И наб сердечушко держать да все покорное
И мне-ка милым спорядовым суседушкам.

И чтобы буйны эти ветры не навиялись,
И понапрасну добры люди не набаялись,
Что ведь вольная солдатка самовальная
И молодёшенька осталась суровёшенька.
И у меня тут, у печальной у головушки,
И на три ряд мое сердечко прирастрескает,
И на четыре ряд утроба перелопает.
И нынь раздумаюсь несчастным своим разумом,
И мни-ка гди, бедной горюше, взвеселится
И пораздять где великая кручинушка:
И мне у светушков ли братцев богоданных
И во своем доме, крестьянской во жирушке?
И хотя ж умны светы-братцы богоданные,
И столько вовремя они да порасходятся,
И на меня, бедну горюшу, порозруются,
И станут искоса ведь братица поглядывать,
И станут изрыхла победной поговаривать.
И у меня жа, да у печальной у головушки,
И с ихних слов да у горюши невеселых
И призакатится катучий белый камешек
И на мое да на несчастное сердечушко.
И пораздумаюсь несчастным своим разумом:
И мне-ка где, бедной горюше, взвеселится
И пораздять где великая кручинушка?
И знаю-ведаю, кокоша горегорькая,
И нигде нету-то ведь такой талиночки,
И ни в ком нету-то великого желаньица.
Ой не дай же, боже господи,
И на сем да на белом свете
И поостаться от надежных головушек
И несчастным женам да молодёшеньким!
Я пойду да в божью церковь посвященную,
И помолюсь да я богу от желаньица,
И я владыке помолюсь да со усердием.
И уж я ставлю там свечи да все рублевые,
И я кладу да пелены-то ведь шелковые,
И я пречистой пресвятой да богородице,
Чтобы господи владыко-свет помиловал,
И пресвятая мать богородица заступилась,
И утолили бы печаль неутолимую,
И угасили бы тоску неугасимую
И на моем да на несчастном ретливом сердце
И все на зяблой на несчастной утробушке.
И тут головушка моя да взвеселяется,
И кручинушка моя да утишается,
И тут злодий эта обида поуходится.
И пораздумаюсь несчастным умом-разумом:
И для чего ж да божии церкви-то ведь строятся?

И для чего ж да попы, отцы духовные, ведь ставятся?
Уж как божии-то церкви — для моления,
И гля наших душ грешных спасенья,
И как попы, отцы духовные, — для служенья.
И чтобы мы попам-отцам покаялися,
И мы во божии бы церкви да ходили,
И мы попов, отцов духовных, бы просили,
И мы молебники за дру-друга служили бы.
И мы живем да точно гуси заблудящие,
И как за наше, знать, велико прегрешение
И понапрасное живет да кроволитье,
И от злодией-то теперь да неприятелей,
И от наших живет да христианушков.

К НАРОДУ: СУСЕДКА, У КОТОРОЙ МУЖ В СОЛДАТАХ:

Вы послушайте, народ да люди добрые,
И вси приближни спорядовые суседушки,
И да что я скажу, победная головушка!
И как была да в эвтом городе Петровском,
И расставалась как с любимой семеюшкой:
И как жива эта разлука пуще мертвой,
И расставанье с солдатом новобраным,
Со своей милой надежной сдержавушкой.
И не опомнюсь я, горюша, не опамятусь,
И как простилась, победна, порассталась.
И тут ведь обмерло ретливое сердечушко,
И тут я пала ведь, горюша, о сыру землю.
И спамячу его ласковые словечушка,
И он наказывал, победну уговаривал:
«И ты живи, бедна горюша молода жена,
И ты со мѳима-то братьицам родимым;
И да ты расти-ко сердечных малых детушек,
И работай да ты крестьянскую работушку,
И ты не впадайся в веселые гульбищечка,
И отмени, бедна, владычни божии празднички.
И хотя ж пойдешь ты, печальная головушка,
И по владычным, горюшица, по праздничкам,
И не убавишь ты кручинушки — прибавишься.
И ведь род-племя теперечко отступится,
И сродчи-сроднички ведь нынѳ да приотреknутся,
И от тебя вси, от победной от головушки,
И все по-прежнему не будет ведь почтеньица
И все любимого тебе да угощеньица».
И тут я в ум взошла, кручинная головушка,
И тут повыстала от матушки сырой земли.
И голова да у горюшицы скружилась,
И тут смахнула я несчастны свои рученьки

И крепко зажала ретливое сердечушко:
«Уже ой да мне-ка, светушки, тошнёшенько,
И мне-ка жаль-тошно, надежной головушки,
И потеряла белой свет да из ясных очей».
И тут не видла я, кокоша горегорькая,
И во кою пошли солдатушки сторонушку,
И как в котору путь широку дороженьку.
И я в горях, бедна горюшица, не знала,
И во слезах да я, победна, не видала.
И пригодилися ведь добры да тут людушки,
И сговорили мне, кручинной головушке:
«И ты одумайся, горюша, причувствуйся,
И да ты погляди в подзападну сторонушку,
И ты на тую путь широку дороженьку,
И как идут бедны солдатушки походные,
И погляди сзадй, кручинна ты головушка,
И на плечах да ведь ранцы у них потряхают».
И тут головушкой идут бедны покачивают,
И нет солдатушкам ведь вольной этой волюшки,
Им сглянуть да на путь широкую дороженьку,
И на несчастных сглянуть да молодых жен.
И не посмиют они взад обворотитися,
И не посмиют снять ведь киверов солдатских
И со несчастной со солдатской буйной головы.
И уныват да их бурлацкое сердечушко,
И обмират да их солдатская утробушка,
И им ведь жаль-тошно родимой своей стороны,
И потощнее жаль сердечных малых детушек,
И на уме держать несчастных молодых жен.
И как идут да там победные солдатушки,
И как не видят в слезах широкой дороженьки,
И во кручинушках не видят свету белого.
И они так идут, несчастные, тоскуют.
И тут бы не несли солдатиков ножки резвые,
И позади у их идут да провожатели
И говорят да все солдатушкам походным:
«И вы идите-тко, солдатушки, не мешкайте,
И ускоряйте путь широку дороженьку,
И расставайтесь вы скорей да с молодым женам,
И вы прощайтесь-ко теперь да с своей стороной».
И уж как этих солдатушков походных
И удолять станет великая кручинушка.
И хоть не пьяны — путем идут все шатаются,
И не глядят да на свет ясны у них очушки.
И тут остались мы, несчастны молоды жоны,
И на пути да мы остались на дороженьке,
И на прогулушке на широкой на улочке,
И по сырой земле победные катаемся,

И слезно плачем мы, горюши, причитаем.
И столько невесто на сем да на белом свете,
И столько судит ли владыко многомилостлив
И увидеть да нам, надежным головушкам,
И уж как этих солдатушков несчастных.
И да им дальняя путь широка дороженька,
И далеко бедны солдаты отсылаются,
И на синё море они да отправляются.
И потеряшечку, горюши, потеряли мы,
И оброночку, горюши, обронили ведь:
Потеряшечку, горюши, во пятьсот рублей,
И мы оброночку, победы, в целу тысячу.
И не дай господи на сем да на белом свете,
И не радию я, несчастная головушка,
И столько многим я, горюша, людям добрым
И уж как этого злодийна расставаньица
И что горючими слезами обливаньица.
И нам не дали-то судьи неправосудные
И расставаться столько времечки на два часа,
И постоять да нам, победным, подумать,
И посоветовать с любимыми семейкам.
И как лучиночку скорёшенько сломили,
И так в поход бедных солдатом снарядили.

К ДЕТЯМ:

И вы послушайте, несчастны малы детушки!
И как отпущен-то родитель да ваш батюшко,
И он в дальнюю в путь широку дороженьку,
И он в злодийну эту службу государеву.
И не дожидаться вам, сердечным малым детушкам,
И не гостюшком его да не любимым,
И не видать да вам сердечных гостинечек,
И вам на праздничек сердечных подарочек,
И не приедет-то родитель да ваш батюшко
И во свой дом, да он крестьянскую во жирушку.
И укатилось миженско ваше солнышко,
И за горушки оно да за высокие,
И за мхи да оно, красное, дыбучие,
И за лесушка оно да за дремучие,
И не будет вам великого желаньица
И не ласковых прелестных словечушек,
И подорожит ваше ретливое сердечушко,
И позябёт да ваша зяблая утробушка.
Ой, несчастны вы дети неталанные!
И не дай господи на сем да на белом свете
И воспитатися несчастным малым детушкам
И без своего родителя без батюшка!

Вы послушайте, народ да люди добрые,
 И вси милые суседи спорядовые!
 Я бы знала ведь, горюша, про то ведала,
 Что разлукушка со красным придет солнышком
 И что возьмут да ведь надёжную головушку
 И во злодийную во службу государеву.
 И я работушки б, горюша, не работала
 И все смотрела б на надёжную головушку,
 И ему впрямь точно печально в бело личушко,
 И ему в точь, бедна горюша, во ясны очи.
 И наглядилась бы, победная головушка,
 И все на память на скачену бы жемчужинку.
 И нынь схватилась я, несчастная головушка,
 И круг надеженьки горюша не ухаживала,
 И по молодой я головушке не глаживала.
 И уж как нынь да ведь победной мне горюшице
 И будет три поля кручины изнасяети,
 И сине морюшко горючих слез наполнится.
 И мне-ка ростячи сердечных малых детушек
 И провозать буде несчастна горька молодость.
 Нет от ветрышка ведь мне да заборонушки,
 Нет от добрых людей да мне заступушки.
 И буйны ветрышки ведь виют полегоньку,
 И говорят да судят люди потихошеньку
 И про меня да про печальную головушку.
 И пораздумаюсь несчастным умом-разумом:
 И приходить станут владычны божии празднички,
 И как пойдут да многи добры эти людюшки
 И мои милы спорядовые суседушки
 И ко владычному господню божию праздничку,
 И уж как я, бедна кручинная головушка,
 И по фатерушке ведь буду тут похаживать,
 Из окна в окно, несчастная, поглядывать,
 И на прогулушку на широкую на уличку,
 И все на эту почтову ямску дороженьку.
 И унывать станет ретливое сердечушко,
 Уж как глядячи на добрых на людюшек
 И как на счастливых на жен да на талантливых.
 И тут пойду да я, несчастная головушка,
 И я во светлую пойду да с горя светлицу,
 И с тоски брошусь я к ларцам да окованным,
 И отомкну ларцы с кручины окованные,
 И с горя выну это цветно столько платьице
 И со досадушки любимую покрутушку,
 И уж я брошу да тут цветно это платьице,
 И я на столике, горюша, на дубовые,

И я стульица, бeссчaстнa, нa клeнoвыe,
И сгoвoрю дa тyт oбиднa я гoрyщицa:
«И нaликyйся-ткo, бeссчaстнa гoлoвyшкa,
И дoбрoумься, сирoтa дa бeсприyтнaя!
И yжe тyт твoи влaдычны бoжии прaздники,
И yжe тyт твoе гyляньe сo вeсeльцeм!»
И я вoзьмy дa этo цвeтнo eгo плaтыцe
И нa бeссчaстныe вoзьмy дa бeлыe рyчeньки,
И я прижмy дa кo рeтливoмy сeрдeчyшкy,
И прилoжy дa я к бeссчaстнy бeлy личyшкy,
И стaнy дyмaти, бeссчaстнa, дyмy крeпкyю
И нaд eгo дa нaд лyбимoey пoкpyтyшкoй.
И вoскликaть стaнy пoбeднa я гoрyщицa:
«И ты приди-приди, нaдeжнaя гoлoвyшкa,
И нa свoю дa нa рoдимyю стoрoнyшкy,
И нa сeгoднaшний гoспoдeнь бoжий дeнeчeк,
И стoлькo нa этoт влaдычный бoжий прaздничeк
Всe пoвынyтa лyбимaя пoкpyтyшкa».
И кaк yвижy я, пeчaльнaя гoлoвyшкa,
Пyтeм идyчи ширoкoй я дoрoжeнькoй,
И хoть сoлдaтyшкoм, гoрyщицa, пoхoдным,
И хoть в сoлдaтскиx мyндeрaх сyкoн сeрых,
И я бы стрeтилa нa ширoкoй нa уличкe,
И я приoтпeрлa б нoвыe сeни рeшeтчaты,
И с им бы сдиялa вeдь дoбрoe здoрoвьeцe,
И пoдхвaтилa бы пoд прaвyю пoд рyчeнькy,
И прoвoдилa бы вo свeтлyю вo свeтлицy,
И я сoлдaтскyю oдeжy вeдь сбросилa бы,
И к сaхaрным yстaм тyт припaдaлa бы.
И тyт бeссчaстнa гoлoвa дa вzwесeлилaсь бы,
И тyт сeрдeчyшкo мoe дa вzwрaдoвaлoсь бы.
И хoть сoлдaтyшкoм, мoй свeт, ты нe пoкaжeшься,
И ты пoхoдным с чистa пoля нe явишься,
И стoлькo слyшaй, свeт нaдeжнaя гoлoвyшкa:
«И прилeти хoть пeрeлeтнoй мaлoй птичeнькoй,
И хoть с чистa пoля лeти дa чeрным вoрoнoм,
И сo синя мoрy лeти дa бeлым лeбeдeм,
И бeлoй лeбeдь, ты сaдишь дa нa крылeчyшкo,
И чeрнoй вoрoн, ты сaдишь дa нa oкoшeчкo».
И примeчaть стaнy, гoрyщицa, вoспрaшивaть,
Уж кaк этy пeрeлeтнy мaлy птичyшкy,
И стaнy спрaшивaть, гoрyщицa, вывeдывaть:
«И чeрнoй вoрoн — нe сoлдaт ли ты пoхoднoй?
И бeлoй лeбeдь — нe нaдeжнa ль ты гoлoвyшкa?»
И нe yбoйтeсь-кo мeня дa рaсскaжитeсь.
И, виднo, нeт тoгo нa свeтe дa нe вoдится,
И бeз спрoсь в дoмe сoлдaты нe oбъявлятся.
И кaк бeз спрoсу-тo oни дa гoсyдaрeвa,

И все без отпуску они царя великого.
Хоть на руках держу, горюша, цветно платьице,
И я любимую держу да ведь покрутушку,
И я милой ведь надежной сдержавушки,
И тут кручинушка моя да не уходится,
И тут сердечушко мое не успокоится.
Ой, раздумалась несчастным своим разумом,
И проводила я господень божий праздничек,
И я со этой со великой обидушкой.
И тут злодийная обидушка расходится,
И тут великая кручина разгоряется:
И куды класть эту любимую покрутушку,
И куды деть да это цветное платьице?
И я повынесу, горюша, во чисто поле,
И я придам к огню любимую покрутушку,
И что я сдумала несчастным своим разумом.
И не в спокойе ведь несчастно ретливо сердце,
И во напасти во горях да во великих,
И во досады во кручины во злодийнойей.
И ум-то разум во головушке мешается,
И я не знаю же, горюшица, не ведаю,
И как день да идет, темна эта ноченька,
И провожаю как христово воскресеньице,
И владычные господни божи празднички.
И столько думаю победным своим разумом:
И где прознала бы горюша, я прослышала,
И про свою да я надежную головушку,
И туды птиченькой, горюша, я слетела бы,
И я бы клубушком, несчастная, скатилась,
И добралась бы я, горюша, я проведалась,
И до своей да я любимой семеюшки,
И я бы бросила сердечных своих детушек.
И откачнулась бедна с горя, отшатилась бы,
И от своей да от родимой сторонышки —
И тут сердечушко мое не унывало бы,
И да живучи в сиротской мне-ка жирушке.
И у меня ж, да у печальной у головушки,
И каждый день кровью сердечко обливается —
И столько глядячи на сердечных малых детушек.
И наскитаюсь я с детьми, нашатаюся,
И бедна по миру, горюша, по крещеному.
И надивуются добрые эти людюшки,
И принабаются спорядные суседушки:
«И что ведь вольная солдатка самовольная,
И что ленивая она да не станливая,
И светам-братцам богоданным непокорная».
И принаслышусь я, горюша, пустословьица,
И худа слава про горюшу как река бежит,

И пустословье про бeссчаcтнy как ручей течет,
И все напрасничка про беднy как порог шумит.
И с этой грусти я, горюша, со досадушки
И со злодийного, горюша, пустословица
Хоть куды, бедна горюша, я девалась бы.
И в быстрой реченьке ведь я да утонула бы,
И в темных лесах, горюша, заблудилась бы,
И во мхах да я дыбучих провалилась бы.
И столько нет да того на свете не водится,
И что жива эта могилушка не рóдится.
И не дай господи на сем да на белом свете
И столько жить да без надежной головушки!
И лучше на свете была бы я не рóжена,
И со бeссчаcтьицем в купели не окупана,
И с бeсталаньицем на свет да не попущена.
И из роду мне-ка, горющице, из племени,
И, видно, на делу бeссчаcтье приделалось.
И, видно, на роду злодейно доставалось.
И спородила как родитель меня матушка
И, знать, исусовой молитвы не творила,
И принимала как на бeлы свои рученьки,
И с благословленьицем креста она не клала,
И приносила как в хоромное строеньице,
И не в большой угол на стульице ложила,
И на кирпичну жарку печь да положила.

К РОДИТЕЛЯМ:

И вы простите-тко, желанные родители!
И попеняю вам, победная головушка,
И посудьячу на судьбу свою несчастную.
И как вы рóстили меня, да вы родители,
И до урочных венчальных до годышков,
И вы прибрали мне судимую сторонушку,
И по уму себе прибрали вы по разуму,
И поневолили бeссчаcтнy головушку,
И меня выдали в замужье молодёшеньку,
И не дали воли, желанны мне родители,
И с полным возрастом, горюше, мне сраняться,
И с родом-племенем, победнушке, спознаться,
И с вольной волюшкой вы мне да нагуляться.
И меня, мóлоду горющицу, неволили
И по велику зду заботу обзаботили.
И вы окинулись, желанные родители,
И на удалого дородня добра мóлодца,
И что не пьяница ведь он да не пропоица,
И вы на ихнее хоромное стороеньице,
И вы на ихные поля да хлебородные.

И меня с волюшкой ведь вы да разлучили
И злым великим бессчастьем наделили;
Уж я тем гневна, победная головушка,
И я на вас, светы желанные родители,
И что не дали мне вы воли столько вольной
И ума-разума в головушку набратися.
И я схвачусь, бедна кручинна как головушка,
И я за милых схвачусь да поровечничков.
И вси во девушках они еще красуются,
И с дорогой волей они еще ликуются.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
И молодых да дён горюша не выдаю-ся,
И я хорошество, горющица, не знаю-ся.
И пошла мблода в великую заботушку.
И мне пустылое хоромное строеньице,
И мне не по уму крестьянска эта жирушка.
И в том не гневаюсь, печальна я головушка,
И на свое да тепло красное на солнышко:
И была умная любимая семеюшка,
И много разума во буйной было головы,
И было розмыслу в ретливом сердечушке.
И я судьячу на судьбу свою бессчастную:
И не дай же того боже, не дай господи,
И молодёшенькой горюше оставатися,
И не в годах да ведь победной сиротать,
И столько жить да без надежной головушки,
И во проклятой во несчастной горькой жирушке.
И лучше б тлен пришел на цветно мое платьице,—
И мне не жаль-тошно победной бы головушке,
И мне не цветного снарядного бы платьица.
Аль пожар бы на хоромное строеньице,—
И мне бы даром все печальной головушке.
И ретливо сердце мое не унывало бы,
И все при доме была мила бы головушка.
И хоть бы мор бы на любимую скотинушку,
И недород да был довольным этим хлебушкам,—
И все удаля была в доме бы головушка.
И тут тоскичушка меня да не долила бы,
И все кручинушка меня да не крушила бы,
И помалехоньку ведь мы бы да исправились,
И на житье добро ведь мы бы все наладились.
И хоть на синём море горюше бы, на камешке,
И хоть на луды бы горюше на подводной,
И столько вмисте бы с надежной головушкой.
И хоть среди грязи горюше на погибели б,
И во напастях бы горюше во великих,—
И столько со своей скаченой жить жемчужинкой.
Уж как нын да я, кручинная головушка,

И перед добрыми людьми я отрешенная
И от мужних честных жен да отлишенная.
И когда преж сего до этой поры-времечки
И за своей жила надежной сдержавушкой,
И ходила как к владычным божиим праздничкам,
И на ряду да я со добрыми со людюшкам,
И во любимой во снарядной во покрутушке,
И со мной знались многи добры эти людюшки,
И со мной дияли ведь доброе здоровьице.
Уж как сегодним учётным долгим годышком,
Хоть была при доме надежная головушка,
И хоть я с им да ведь ходила к божиим праздничкам
И перед этой все великой кручинушкой,
И цветно платьице ко мне не прилегало,
И мое белое лицо не сукрашалось,
И сердечушко мое не взвеселялось.
И так тоска да на середечушке ведь сходится,
И так утробушка моя да разобидится.
Я не знала все, горюшица, не ведала,
И отчего ж моя головушка кручинится,
И перед чим мое сердечко разгорается.
И хоть приду да ко владычному я праздничку,
И рядом ставилась с женами да я с мужними,
И со сторон глядели добры столько людюшки,
И мои милы спорядовые суседушки
И говорили про печальную головушку:
«Что у нашей у спорядной у суседушки,
Как у этых владычных божиих праздничков,
И ю¹ покрутушка теперь не сукрашает,
И цветно платьице на ней не расцветает,
И кровь-румянец во белом лице мешается.
И что груба стоит суседушка, не весела,
И при обидушке она что при великойей;
И кажись, в доброй во крестьянской живёт жирушке
И за умной за надежной головушкой.
И есть по разуму да цветно, кажись, платьице».
И между ду-другом суседки разговаривают,
И как одна мила спорядная суседушка,
И на посылочках она была легошенька,
И на словечушках была да суровёшенька,
И сговорит она спорядным суседушкам:
«Я схожу спрошу спорядную суседушку,
Что не весела она да при кручинушке;
И мы стоим да все суседушки дивуемся,
И что в любви живешь с надежей во согласьице».
И подошла мила суседка суровёшенька,

¹ Ю — т. е. её. — *Прим. сост.*

И спросила тут меня да потихошеньку,
И сговорила мне, горюше, таково слово:
«Извини, прости, спорядная суседушка,
И что спрошу да я, печальная головушка!
И кажись, летний-то владычный божий праздничек,
И как мужних жен лицо да разгорается,
И как от солнышка ведь платье отцветает,
И веселым стоят они да веселёшеньки.
И когда преж сего до этой поры-времечки
И весела была всегда да хорошоохонько.
И ты скажи впотай, спорядна нам суседушка,
И кажись, что ведь грубая стоишь да невеселая,
И ты во добром ли теперь да во здоровьице?
И по согласью ли со надёжной ты головушкой?
И по совету ль во любимой семеюшке?
Что поблекло твое бело это личушко?
И на слезах да твои ясны эти очушки,
И цветно платье на тебе не расцветает,
И не по-старому теперь да не по-прежнему?»
И усмехнулась я, горюша, приответила:
«И во любви живу с надёжной я головушкой,
И за совет да во любимой семеюшке,
И я в добром ведь е да во здоровьице.
И что вам кажется, спорядным суседушкам,
И я не знаю, все кручинная головушка,
Перед чим ноет ретливое сердечушко,
Я во всем живу, горюша, удовольствию».
Я с суседушкой, горюшица, пробаяла,
Все не знала про великую незгодушку.
И унывало все ретливое сердечушко,
И знать, что ведало да злу эту незгодушку.
И хоть сходила я с надёжной головушкой,
Среди да тепла красного хоть летушка,
Хоть по трудной по крестьянской по работушке,
И пекло жалобно хоть красно это солнышко,
И сердечушко мое не согревалось,
И красным летушком ведь я не взвеселялася.
И я не знала все, горюшица, не ведала
И про злодийную велику про незгодушку.
И столько ведало ретливое сердечушко —
И поведало печальной мне головушке.
И приходить стала студёна холоднá зима,
И добры людюшки тут стали спроговаривать:
И будут скоро-то наборы государевы,
И выбирать станут удалых добрых молодцев.
И тут ведь у меня, печальной у головушки,
И тут ведь срезало ретливое сердечушко,
И подломилися несчастны ножки резвые,

И приужахнулась ведь зяблая утробушка,
И применилась тут несчастна я победнушка.
И тут вспомнила владычной этот праздничек,
И что сказали спорядовые суседушки
И перед этой великою незгодушкой.
Я стояла тут, горяша, словно вкопана,
И мое чувствовало победно ретливо сердце,
И про напасть да про великую незгодушку,
И что разлушка со красным будет солнышком,
И со своей милой надежной головушкой,
И принаступят что ведь судьи неправосудные,
И нападут да на нас власти безмилосердные.
И все мою да ведь любимую семьеюшку,
И что напишут на гербовой лист-бумаженьку,
И что назначат-то во службу государеву
И да мою милую скаченую жемчужинку.
И тут раздумалась несчастным своим разумом:
«И мы не спустим тепло красное мое солнышко,
И мы со доброго хоромного строеньица,
И со прокладной крестьянской этой жирушки.
И мы распрóдаим любиму всю скотинушку,
И призаложим вси луга да сенокосные.
И я отдам свою любимую покрутушку,
И уж я славному купцу да все богатому,
И я возьму да золотой казны по надобью,
И мы повыкупим надёжную головушку
И от злодийной этой службы государевой».
И как по моему великому несчастью,
И по злодийному велику бесталанницу
И как купцов в доме теперь да не случилось,
И цветным платицем надёженьки не выручить,
Золотой казной добра коня не выкупить.
Видно, сужено надёжной быть головушке,
И все во этой быть во службе государевой,
И порасстаться мне, печальной победнушке,
И со удалой бурлацкой головушкой!

К БРАТЬЯМ БОГОДАНЫМ:

И столько гнев несу, печальная головушка,
И я на светушков на братцев богоданных,
И пожалели что крестьянской они жирушки,
И все порóспродать любимой скотинушки,—
Не пожалели ж светушкá-брatца родимого.
И не страшусь скажу, печальная головушка:
«И вы, злодии светы-братница родимые,
И отпустили тепло красное мое солнышко
И во злодийную во службу государеву,

И обсиrotили победную головушку
И со болезными сердечными со детушкам.
И вы розгневали светца-братца ведь родимого
И мою милую надёжную головушку.
И вы ликуйтесь теперь, братцы богоданные:
И ваша жирушка теперь не разорилася,
И во дворы у вас скотина устоялася,
И золота казна у вас не придержалася.
И, знать, стоять да вам во улличках рядовых,
И, знать, сидеть да вам во лавочках торговых.
Вы имеете товар, знать, разноличной.
И будут знать да вас ведь добры эти людюшки,
И поклоняться вам суседи спорядовые!
И стрит¹ вас господи, владыко многомилостливой,
И впереди да пресвятая мать богородица,
И на втором они ведь вас да на пришествии!

К СУСЕДЯМ:

И кабы знали вы, народ да люди добрые,
И про мою злодей великую обидушку!
И я иссохла-то, несчастна, на резвých ногах,
Истомилася, победна, по божийм дням
Без своей милой любимой семеюшки,
Уж я глядячи на сердечных своих детушек.
И без ветра да я, горюша, пошаталася
И со белым светом, победна, порассталася,
И я не знаю в горях добрых-то людюшек
И не примечу свое род-племя любимое.
И отрекнулася от роду я от племени,
И от своей да я природы именитой,
И со своим да я великим несчастием,
И во злодийном проклятом бесталаннице.
И горегорькая несчастна моя молодость,
И мне-ка жизнь, бедной горющице, — сиротская
И без своей да без надежной мне головушки.
И мне куды, бедной горюше, подеватися?
И я от бережка, горюша, откачулася,
И ко друтому, несчастна, не прикачулася.
И я быв загнутой упалой серой заюшко,
И со дитями-то, горюша, горносталюшко,
Как под этим под катучим белым кашком.
И у меня, да у победной у горющицы,
И без угару болит буйная головушка,
Ой, в несчастном горегорьком живленице.
И мне-ко, рóстячи сиротных малых детушек,

¹ Встретит. — Прим. сост.

И нет почёту-то от братцев богоданных
И краснословья от невестушек-голубушек,
И приборёгушки сердечным нету детушкам.
И у стола да мои детушки едучие,
И во фатере мои діти хлопотливые,
И быв на ўличке сердечные дурливые.
И как пойдут мои сердечны бедны детушки
И во фатере по дубовой мостиночке,
И станут йскоса ведь дядюшки поглядывать,
И станут изрыхла ведь дяйны поговаривать.
И подойдут да глупы малы эти детушки,
И хоть ко этому столу да ко дубовому,
И к хлебу-соли-то они да дару божьему.
И возгорчатся тут спацливы эти дяденьки
И на несчастных сердечных моих детушек.
Их подёрнут-то за белые за рученьки,
Их отпёхнут от стола да от дубового,
И глупых щёлкнут их во буйную головушку,
Их подёрнут-то за желтые волосушки,
И от стола пойдут деті, как подарёные,
И от дубового пойдут да со обидушкой,
И как ко мни идут, горюше, с горючми слезми.
И надо каменну ретливу быть сердечушку:
И возьму детушек за белы я за рученьки,
И во слезах скажу, печальная голувушка,
Я сердечным несчастным малым детушкам:
«Уж вы, глупы мои діти неразумные,
И вы сидели бы, несчастны, в дверном уголку,
И вы бы на этой брусовой белой лавочке,
И вы бы на грех-от к столу не подходили бы
И на обидушку к дубову не садились бы.»
Как спесивые свирипы эти дяденьки
И покоряют все победную головушку:
Что нет пахаря на чистом у тя полюшке,
И сенокосца на луговых нет на поженках,
И воскормителя ведь нет в доме родителя,
И нет надиюшки в доме у нас великой,
И тепло-красного миженска нету солнышка.
И я сама, бедна кручинная головушка,
И боячі хожу по хоромному строеньицу,
И я со страхом по дубовым мостиночкам,
И все не чувствуют ведь братцы богоданные,
И не в понятии ветляные нештушки,
И за кого ж служит надежная головушка,
И он во этой грозной службе государевой.
И не за мир да ведь он служит-то крещеной,
Не заменил да он суседа спорядового
И заменил да светов-братыцев родимых.

И хоть бы господа-то бога побоялися,
И хоть бы добрых людей да постыдились —
И обижать меня, победную головушку,
И отсылать да от стола ведь от дубового
Уж как этых несчастных малых детушек.
Уж я так бедна, горюша, приобижена.
И можно знать-ведать ветляным нештушкам
И про меня, да про несчастную головушку.
И хоть я сойду на крестьянскую работушку,
Я по утрышку, горюша, ведь ранешенько,
И не жалею я, победна, своей силушки,
И не своих да я, несчастна, белых рученок,
И все на этой на крестьянской я работушке.
И не поглядаю, горюша, я победная,
И выше лесушка ведь я да по поднебесью,
И не гляжу, бедна, на красно это солнышко,
И я не мешкаю часов да все минутных.
И все я думаю, победная головушка:
Я бы прячучи работушку припрятала,
Я заботушкой крестьянску бы сработала.
И все я мыслю-то несчастной своей мыслюю,
И я сама себя, горюша, не жалею ведь:
И может, в честь дойду я братцам богоданным,
И в доброумице невестушкам-голубушкам.
И хоть меня, бедну горюшу, ненавидели бы,
И хоть бы детушек моих да не обидели,
И от дубового стола да не отдёрнули,
И во обидную головушку не щелкнули.
И, знать, работушкой добротушки мне не видать,
И малым детушкам краснословица ведь не слышать.
Я приду да со работушки позднёненько,
И как мои бедны сиротны малы детушки,
И они спят да малы дѣти голоднёненьки,
И на полу бедны дѣти да на дубовом.
И им не устлана пуховая перинушка,
И как не убрано им складнее сголовице,
И по-хорошему дѣти да не уложены
И соболиным одеялом не укрываны.
И они спят, бедны несчастны, на голых досках,
И белы рученьки у их да пораскиданы,
И белы ноженьки у их да поразметаны.
И не ведают сердечны малы детушки
И меня стретить-то на широкой на уличке,
И рассказать мне-ка, горюше, поразжалиться,
Что ведь голодны сердечны они детушки.
Я ступлю да во хоромное строеньице,
Я сгляну да тут во дверной этот уголок
И на несчастных сердечных своих детушек:

И малы детушки ведь спят да призаплакавши.
И тут подломятся несчастны резвы ноженьки
И у меня, да у победной у головушки.
И тут сердечушко мое да заобидится,
И буйна голова моя да закручинится,
И ушибать станет тоска неугасимая,
И утолять станет кручинушка великая,
И текут слезы у горюши из ясных очей.
И хоть трудным приду, горюшица, труднёшенька,
И хоть усталая приду да опристалая,
Хоть на работушке ведь я да притрудилася,
И хоть женску свою силу придержала всю,
И белы рученьки, горюша, примахала ведь,
И не посмею же, печальная головушка,
И на удох сесть на брусовую на лавочку,
И устлать детушкам пуховую постелюшку,
И убрать детушек победных, укуволить.
И тут спрошусь да у ветляных нештушек:
«И во дворе ль да вся любимая скотинушка?»
И приответят хоть ветляные нештушки
И мне-ка с грубости победной, не с весельица:
«И вся любимая скотинушка призабрана,
И вечерняя стряпня у нас состряпана».
Я спрошусь еще, победная головушка,
И доложусь да у ветляных нештушек:
«И накрывать ли мне на стол да на дубовой,
Мне ведь ладить ли то ужина вечерняя?
Вы дозволите ль, ветляные нештушки?
И вы допустите ль к столу да ко дубовому?»
Хотя ж искоса они да ведь поглядяют,
Изрыхла со мной, ветляны, спроговаривают:
«И видно, голодна пришла да ты ведь холодна,
И ты спешишь все ко столу да ко дубовому,
Ты торопишься на спокойну темну ноченьку».
И тут пойду, бедна горюша, заобижусь,
И наклоню свою несчастну буйну голову,
И утоплю очи, горюша, о дубовой пол,
И причитаю тут, горюша, потихошеньку,
И горьки слезушки рушу да помалёшеньку.
И с горя сойду в мелко рубленную клеточку,
И с тоски сяду на тесовую кроваточку,
Я сшибать стану несчастны белы рученьки,
Я к несчастному, горюша, ретливу сердцу —
И подожду с горя я зяблюю утробушку,
И с тоски стану я, горюша, причитать,
И проливать стану, обидна, горючий слезы.
Спамячу да тепло-красное свое солнышко
И свою милую надежную головушку,

И спамятую я великое желаньице.
И не забуду во всю летну эту ноченьку.
И быв кокоша во сыром бору кокует,
И также летну эту ночь я протоскую.
И я раздумаюсь победным своим разумом:
И хоть я в горюшке, победна,— на своёй воле,
И хоть в обидушке, горюша,— в своей стороны.
И, может, милая любимая семеюшка
Уж летной, может, день да на страженьице,
И, может, в темную он ночь да на сторожьнице,
И на часах стоит ведь он да на всеночных
И все не имаёт покою темной ноченькой
И под неволюшкой во службе государевой:
И я того, бедна горюша, соболезную,
И жаль-тошнёшенько надёжной мне головушке.
И умом думаю, победным своим разумом:
Нету в живности надёжной, знать, головушки,
И нету весточки, горюше, мне ни грамотки,
И не могу да знать победна я головушка:
«Аль ученьице ему было мученьице,
И пришла да ему скорая смерётушка
Со тяжельих солдатских побоюшков.
Аль в сраженьице его да заразили,
И оружьицем его да застрелили,
Аль вострым копьём ведь грудь да прокололи,
И сердечушко ль его там кровью запечаталось».
И пораздумаюсь победным своим разумом:
И далеко да свет надёженька повыслана,
И он во дальнюю сторонку не в знакомую,
И во другую да он землю не в бывалую,
И за горушки, мой свет, да за высокие,
И за темны леса, надеженька, дремучие,
И он за синие за славные за морюшка,
И за круглые за малые озерышка.
И, может, птиченька туды да не пролетывает,
И, может, червышек туды да не проплывает.
И не могу да знать, печальная головушка,
И, может, нет да ему вольной столько волюшки,
И повзыскать там писаречков хитромудрых,
Что писать бы скорописчатую грамотку.
Еще в ум возьму победна я головушка:
И, может, прибраи бы слободну пору-времечко,
И повзыскал бы писаречка хитромудрого,
И не пригодилось золотой казны по надобью —
И чтоб нанять да писаречка хитромудрого.
И нашелся писаречек хитромудрый,
И не случилось лист-бумаженьки гербовые,
И там не на чем писать да скорописчатой грамотки

О несчастном о солдатском живленьице
И горегорьком ему да походееньице.
Уж как я же ведь, кручинная головушка,
И кабы знала я, горюша, про то ведала,
И он в какой земле, надёжа, во какой орды,
И он в какой орды да в каком городе,
И почастьшеньку я писемка писала бы.
И заложила бы я цветно свое платьице,
И я богатому б суседу спорядовому,
И я бы взяла золотой казны бессчётной,
И я сходила бы во уличку рядовую,
И обошла бы я вси лавочки торговые,
И накупила бы я бумаженьки гербовые,
И я бы нашла писаречика разумного,
Я разумна писаречка хитромудрого,
Хитроумна молодца новгородского,
И написала бы письмо да я умеючи:
Уписала бы, горюша, горючми слезми,
И запечатала письмо бы я кручинушкой.
И рассказала б я, победная головушка,
И про свою да жизнь несчастну про сиротскую,
И про своих милых несчастных этих детушек,
И каково да е от дядюшек желаньице,
И от дяденек ведь им да краснословице.
И как тебя, да мою милую сдержавушку,
И во злодийну эту службу провожали
И много всячины они да засуляли,
И они господа в поруку нам давали,
И не обидят что солдатку горегорькую,
И беречь будут-то сердечных твоих детушек.
И как на службу-то тебя да проводили,
И в один год они тут все да позабыли.
И без тебя, да без надежной головушки,
И часто спят да малы детушки без ужины.
И не обутые они да не одетые.
И у стола да слывят детушки едучие,
И во избе да твои дети хлопотливые.
И я сама, слыву победная головушка,
И от твоих да светов-братьицев родимых —
И я не трудничкой слыву да не работничкой,
И я не скорым слыву да послушаньицем.
И от невестушек слыву да я голубушек,
И слововольной солдаткой самовольной.
И все ответ да е от братцев богоданных
И уж как мне-кова, кручинной головушке:
«И ты не дольщица теперь да не участница,
И все крестьянской ведь ты да нашей жирушки».
И приотказана несчастна я головушка

И от доброго хоромного строеньица,
И от любимой ведь я да от скотинушки.
И как болезные сердечны наши детушки
И от дубового стола да приотпехнуты,
И в буйну голову они да принащелканы,
И в желты волосы они да принадлеваны.
И как обидят-то несчастных наших детушек,
И у меня ж тут, у победной у головушки,
И на три ряд мое сердечко прирастрескает,
И на четыре ряд утробы перелопает.
И теперь-нонече, несчастная головушка,
Я во дверном, горюша, живу уголку
И на дверной, горюша, сижу лавочке,
И по конец стола сижу да я дубового.
И без тебя, да без надежной сдержавушки,
И со сердечными роженными со детушкам,
И нам еденице, победным, — сухарики,
И нам питемьице, несчастным, — холоднá вода,
И закатился-то катучий синий камешек
На моем да на несчастном ретливом сердце —
И всё на зяблую победную утробушку.
И застудила-то теперь да холодна вода!
И во слезах да я не вижу света белого
И во обидушке, горюша, красна солнышка.
И я не знаю-то, горюша, проживаю как,
И быдто птиченька, горюша, заблудящая,
И одиноко в лесах деревце шатучее.
И быдто вёшная вода да разливается,
И так тоска у мя, победной, разгоряется.
И сытой выточки, горюша, не едала
И крепка сну, бедна горюша, не сыпала.
И мне в осенну ночь кручина наб высказывать
И надо писарю ведь в летной день выписывать.
И у меня, да у несчастной у головушки,
Уж ведь три поля кручинушки насяно.
И три озерышка горючих слез наронено.
Охти, мне, мне-ка, горющице, тошнёшенько!
И не дай боже ведь того да не дай господи
И оставаться без надежных головушек,
И возрастать да ведь сиротных малых детушек,
И приголубить-то сердечных столько некому,
И огрубить-то, досадить да детей есть кому.
И буйны ветрышки на детушек навеются,
И спорядные суседки поразжалются
И нынь мне, да все кручинной головушке:
«Самовольны твои детушки безумные,
И на широкой на уличке дерливые,
И что солдатские дети да хлопотливые».

И тут я сгрустнуса, печальная головушка,
И уж я на своих сердечных своих детушек:
«И мне-ка дал господь, владыка многомилостливой,
И мне-ка на тоску детей да на заботушку,
И да мне на грехи детей да на остудушку».
И я раздумаюсь несчастным своим разумом:
И куды класть-девать сердечных своих детушек?
И во работнички ль отдать — дети малёшеньки,
И в пастухи ли то отдать — дети глупёшеньки.
Приклоню лучше несчастну буйну голову
И я ко светушкам ко братцам богоданным,
И покорию свое ретливое сердечушко
И я ко милым ко ветляным невестушкам,
Чтоб меня, бедну горяшу, не спокинули
И не спустили бы несчастных моих детушек
И да их по миру-то, бедных, шататися
И по подоконью, победных, столыпатися.

К БРАТЬЯМ БОГОДАНЫМ:

И вы послушайте-тко, братцы богоданные!
И моя мила как любимая сдержавушка
И походил да как во службу государеву,
Не разорил вашей крестьянской он ведь жирушки
И не распродал ведь любимой скотинушки,
И он оставил-то наследство своим детушкам.
Уже так мне-ка, горящице, тошнёшенько,
И как вы детушек моих да приобидите,
И да вы грубным словечком приогрубите.
И кабы знали светы-братцы да вы ведали,
И каково да жить во службе государевой.
И отдалі да кажет служба хорошоохонька,
И как служить да ведь солдатам трудно-тяжело.
И туды светушки вы братцы не сдавалися
И от приемной палаты удалялися —
И пожалели бы солдата горегорького
И своего да светушка-братца родимого.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
И по присутствиям, горяша, находилася
И во приемной палаты настоялася,
И ретливо сердце мое да надрожалося.
И насмотрелася, кручинная головушка,
На несчастных молодцев да неталаннных,
На несчастных рекрутов да на молодых.
И не глядели бы победы ясны очушки,
И лучше б на свете бурлакушки не рожены
И во приемну бы палатушку не вожены.
И в один час да куды все у их девается,

И красота с лица у их да потерялася,
И вольна волюшка у их да миновалася.
И как повыстанут по утрышку ранёшенько,
И не с радости они да обуваются,
И не с вёсела они да умываются,
И не по разуму во платье одеваются.
И не дай господи на сем да на белом свете
И как служить да в грозной службе государевой!
Их повыведут на широкую на улицу
И порасставят среди двора да белого
И во шариночку солдат новобраных:
И да вы стойте-тко, солдатушки, прямешенько
И говорите-тко, солдаты, веселёшенько.
И как начальник кругом-около похаживат,
Уж он вострым тесаком идёт-позваниват,
И новобраным солдатам выговариват:
«С руки на руку оружие перекидывайте,
И выше буйной головы ружье сдымайте-тко».
И отдали да командир стоит поглядает:
«Что солдатушки? Стоят ли — не шатаются ль?
Что оружьяца у их? Да не мешаются ли?»
И как у этих солдат новобраных,
И у их накрепко сердечушко подтянуто,
И у их наплотно ремни да призастигнуты.
И много видела печальна я головушка
И все на двух да на учетных неделюшках.
И как была я в славном городе Петровском,
И нагледелась на солдат новобраных.
И у меня там, да у победной у головушки,
И перетрескало ретливое сердечушко,
Столько глядичи на красное на солнышко.
И не дай боже ведь того да не дай господи
Глядеть-смотреть да на несчастных солдатушков:
И горька жизнь да ведь солдатска подневольная,
И подневольна эта жизнь да подначальная.
И как не выйдешь-то, солдат да новобраной,
И без спросу-то на широкую на улицу,
И не поглянешь-то, солдат да новобраной,
И без доклада во косевчато окошечко.
И столько нет да им, солдатам, воли вольной
И не на владычной-то господень божий праздничек,
И не на светлое христово воскресеньеце.
И на отдых да ведь солдатушкам — ученице,
И на утехушку солдатам — сабли вострые,
И им на праздничек — оружия завоенные.

И вы послушайте-тко, братьицы родимые,
 И мои милы соколочки златокрылые!
 И пораздумаюсь бесщастным умом-разумом:
 Как у меня, да у печальной у головушки,
 И не пустыла хоть родима моя родинка,
 И на приезды е ведь братьица родимые,
 И на стретаньце ветляные нештушки,
 И угостят меня, горющицу, по-прежнему.
 И как дождусь да я владычна божия праздничка
 И все на вашей на прогульной на уличке,
 И соезжаться станут добры эти людюшки,
 И прибираться будет род-племя любимое,
 И соберу да я сердечных своих детушек,
 И я пойду, бедна кручинная головушка,
 И на свою да на родимую на родинку.
 И не оденусь хоть во цветно я во платьеце,
 И не по-прежнему в любимую покрутушку,
 И сиротой иду, горюша, бесприютной,
 Уж я как вам да светушкам-братцам родимым.
 И хоть увидите вы, братьица родимые,
 И меня идучи по чистому по полюшку
 И подходя ж да ко крылечику перёному.
 И не убойтесь, светы-братьица родимые,
 Уж как мбего великого бесщастьица,
 И не полохайтесь, невестушки-голубушки,
 Да вы мбего проклята бесталаньца.
 И вы не стретёте-тко хоть на широкон на уличке,
 И не заприте-тко новых сеней решетчатых,
 И не задвиньте-тко стекольчатых околенок.
 И уж вы добрых людей да постыдитесь-ко.
 И вы пустите в дом, крестьянску свою жирушку,
 И до своей да до брусонвой до лавочки
 И со сердечными со малыми со детушкам.
 И я не голодна приду, бедна, не холодна,
 И не гля хлеба приду соли наеданьца,
 И не гля сладких приду да упиваньцей.
 Я приду, бедна кручинная головушка,
 И на совет приду на крепкую на думушку,
 И на роздий приду великоней кручинушки.
 И когда преж сего да этой поры-времечки
 И я ходила на родиму как на родинку,
 И тут сердечушко мое да взвеселялось.
 И как желанны были братьица родимые,
 И как спацливые ветляные нештуточки,
 И меня стретили на широкон на уличке,
 И принимали за любиму меня гостьицу,

И со мной сдियाли ведь доброе здоровьице,
И проводили ведь во светлую во свѣтлицу,
И все садили ко столу да ко дубовому,
И все на стульица садили на кленовые.
И теперь-нонь приду, кручинная головушка,
И во печальном обидном приду платьице,
И не в радости приду да не в весельице,
И не во радости ведь праздник провожать буду.
И посижу да на родимой я на родинке,
Я под милым косевчатым окошечком
И прогляжу в слезах на широкую на ўличку.
И хоть там приду я, печальная головушка,
И к вам ведь, милы светушки-братцы родимые.
И хоть с обидушкой приду, бедна, с кручинушкой —
И со несчастными сердечными со детушкам,
И хоть вы примите за гостыицу любимую,
И вы за милую сестрицу за родимую,
И ваша жирушка с того не оскудает,
Что вы призрите солдатку горегорькую,
И вы солдатских сиротных этих детушек,
И не подивуют вам ведь добры того людюшки,
И не посудят спорядовые суседушки.
И говорить да будут добры того людюшки:
«И знать, разумны светушки-братцы родимые
И не чужаются сестрицы горегорькой.
Но по-прежнему горюицу стретают,
Но по-старому горюшу провожают».

ПАДАЕТ В НОГИ БРАТЬЯМ И ПРОДОЛЖАЕТ:

И вы глядите-тко, народ да люди добрые,
И вы окольны спорядовые суседушки,
И на несчастную солдатку горегорькую.
И быдто травынька к земле да нагибается,
И сирота-то мать-солдатка поклоняется
И своим да светушкам-братцам родимым
И как со малой вышины да до сырой земли.
И все не малые-то червышки свиваются,
И как солдатски бедны дети покоряются,
И ко своим да ко спацливым они дядюшкам.

К БРАТЬЯМ:

И столько слушайте, скаченые жемчужинки,
И мои милы светушки-братцы родимые
И дороги да соколочки златокрылые!
И когда преж сего да этой поры-времечки
И было вложено великое желаньице

И до меня да несчастной до горюшицы.
И теперь-нонь да сирота я бесприютная,
И нигде нету да ведь талоей талиночки,
И ни в ком нету мне великого желаньица.
И как послаи своей надежной головушки
И воспokinут светы-братцы богоданные,
И приоткажут от крестьянской меня жирушки,
И не кормители сердечным моим детушкам.
Я корюсь еще, скачены вам жемчужинки:
И возьмите-тко печальную головушку,
И вы к себе да на родиму меня родинку,
И меня в дом, бедну горюшицу, подворницей,
И вы во двор меня, горюшицу, коровницей,
И вы во летные, горюшу, во работнички,
И вы во зимние, горюшу, водонощички
И со обидными сердечными со детушкам.
И вы послушайте-тко, братьица родимые,
И я пойду хоть со родимой своей родинки
И вознесу да вам спасибо с благодарностию
И за великое ведь ваше за желаньице,
И за сердечное за ваше за раденьице.
И не смею я, печальная головушка,
И к себе звать да вас в любимое гостибище
И на владычный вас господень божий праздничек.
И столько нё своя ведь вольна е ведь волюшка
И да вас стретить, светушкóв-братцев родимых,
И на прогулушке на шíрокой на ўличке,
И да вас звать-честить в хоромное строеньице.
И наб спроситься мне у братцев богоданных
И доложиться у невестушек-голубушек.
И столько слушайте, светушкí-братцы родимые
И дороги да соколочки златокрылые!
И хоть в сиротской я победной буду жирушке
И во солдатском, горюша, положеньице,
И вы зайдите-тко, скаченные жемчужинки,
И засмотрите-тко печальную головушку
Во победном несчастном живленьице,
И вы моих да ведь сердечных малых детушек.

БРАТЯ ЖАЛЕЮТ, УНИМАЮТ ОТ СЛЕЗ,
ЛАСКАЮТ И УГОВАРИВАЮТ; ОНА ОТВЕЧАЕТ:

Дай волю те, теплы-красны мои солнышки
И мои милы светушкí-братцы родимые!
И не жалеите-тко печальной головечки.
Кабы знали, светушкí, да про то ведали,
И как долит тоска великая, кручинушка,
И унывает да как ретливое сердечушко.

И охти мне, мне-ка, горющице, тошнёшенько!
И мне-ка жаль-тошно надёжной сдержавушки.
И не жалейте, светушки-братцы родимые,
И вы меня, бедну кручинную головушку,
И со кручинушки смерётушка не придет,
И со тоскичушки душа с грудей не выйдет.
И мое личушко теперь да не бумажное,
И текут слезы у горюши — не скачен жемчуг.
Уж как жила да я, печальная головушка,
И я за умной за надёжной сдержавушкой,
И как пчела в меду, горющица, купалася,
Уж я так жила, победна, взвеселялася.
И не начаялась, горюша, не надиялась,
Что расстануся с надёжной со головушкой,
Я со этим со великим желаныцем,
Со сердечным великим краснословицем,
И на сдвленьице ведь добрым было людускам,
И был он изо ста, мой светушко, из тысячи,
И красота была в лице да красна солнышка,
И его личушко-то было снежку белого.
И было много ума-разума в головушке,
И много розмыслу в ретливом сердечушке.
И как посла своей надёжной сдержавушки
И надо жить бедной горющице умеючи.
И при кручинушке горюше быть — не плакать.
И хоть тоскую я, горющица, стоною.
И говорят да столько добры того людуски:
«И все не жаль да ей надёжной головушки,
Она зря да рўтит горьки столько слезушки».
И не радела бы, победная головушка,
Я ведь добрым, горюша, столько людускам,
И молодым женам с мужьями расставатися
И отправлять да им надежных головушек
И во злодийную эту службу государеву.

К БОГОДАННОЙ МАТЕРИ:

И мне пойти бедной кручинной головушке,
И со печальными сердечными со детушкам,
И повзыскать да богоданну свою матушку,
И малым детушкам желанну эту бабушку,
И мне поклон воздать ведь ей да до сырой земли —
И сжаловалась до болезных бы до внучаток
И до моих да до сердечных бедных детушек.
И как гляжу-смотрю, кручинная головушка,
И на свою да богоданну гляжу матушку:
И что сидит да богоданна моя матушка,
И на бросовой сидит да белой лавочке,

И под печальным косевчатым окошечком,
И под туманной стекольчатой околенькой,
И что сидит да чужих басен приослухавши,
И у молодушек она да разговорушек,
И, зная, у девушек веселых она песенок.
И прозабыла, зная, сердечно свое дитятко.
И пораздумаюсь печальным своим разумом:
«И не задумавши сидит да закручинивши,
И закручинивши она да припечаливши,
И буйна голова у ей да ведь приклонена,
Ясны очушки в дубовой пол утуплены».
И не поставь во гнев, богоданна моя матушка,
И ты за грубость-то теперь да за великую.
И попеняю же при добрых тебе людюшках,
Я порóскажу при добрых суседушках,
И не жалела что сердечно свое дитятко
И мою милую надёжную сдержавушку.
И ты послушай, богоданна моя матушка:
И хоть была да ты во городе Петровском,
И отдали да ты, родитель, удалялася
И от сердечного болезного от дитятка.
И ты не дождалась во городе Петровском,
И ты не видла ведь солдата новобраного,
И сокрутили как победных в ученице,
И срядили как несчастных в походе в ученице.
И расскажу ж да богоданной тебе матушке:
И как с надежей я, горюша, расставалася
И со сердечным рожоным твоим дитятком;
И он челом да бил, надежа, низко кланялся,
И вкупы всим да он ведь сродичам, милым сродничкам,
И всим приближным спорядовым суседушкам,
И в собинú тебе поклон да челобитьце.
И он просил еще родительско прощеньце,
И он прощеньце просил с благословленьцем,
И навеки-то просил да нерушимые.
И он еще просил, родитель, все наказывал:
И пусть помолится родитель родна матушка,
И она господу владыке от желаньица,
И обо мни, да о солдатике несчастном,
И чтоб дал господи мни доброе здорovieце
И мне-ка службу-то, солдату, не тяжелую.
И на ученице ведь быть да мне понятному,
И сохранил бы меня господи, помиловал
И на страженъице меня да на великом,
И от оружьяца меня бы завоенного,
И от копьев-штыков меня да все от вострых.
И он еще просил родитель тебя матушку,
И он с солдатскими просил да горючми слезми:

«И малых милых сердечных моих детушек
И ты носила бы на белых своих рученьках
И уласкала бы сирот да бесприютных,
И словно милое рожоно свое дитяtko.
И ты послушай, богоданна моя матушка:
И кажись, вси равны сердечны тебе детушки,
И не равно ж твое великое желаньице.
И не попустишь ты, родитель наша матушка,
Не умильное складное причитаньице
И по сердечном болезном своем дитяtkе,
И по бесщастном солдате новобраном.
И, верно, у сердца, родитель, не носила
И трудно-тяжело его не спородила,
И ты желанья да его не попустила.
Уж как спáхнулся, печальная головушка,
И за свою милую надёжную сдержавушку,
И все долит тоска великая, кручинушка.
И ты послушай, богоданна еще матушка,
И как любимые таланны твои детушки,
И во своем они хоромном строеньице,
И они на своей на вольной на волюшке,
И все на радости они да на весельице.
И как моя бедна надёжная головушка,
И каждой день да он на службе государевой,
На часах да он с оружием завоенным,
И с пистолетами ведь он да зарукавными.
И завсегда ж моя надёжа под неволюшкой,
И под великой надёжа под заботушкой,
И отрешенной от родимой своей родинки,
И отрекнувши от любимой семьеюшки,
И отменивши от сердечных своих детушек.
Как спамячу да я надёжную головушку,
И рвучи-рвет мое бесщастное сердечушко,
И треском трескает бесщастная утробушка.
И светы-братьица мои да как разъедутся,
И по любимым гостибищам разойдутся
И о владычных господних о праздничках,
И столько я да тут, кручинная головушка,
И по хоромному строеньицу похаживаю,
И по мостиночкам я детушек поваживаю.
И я ношу, бедна, младенца на белых руках,
И причитаю я, горюша, день до вечера,
И проклинаю я судьбу да все бесщастную:
«И ты судьба ли моя, участь бесщастная!
И горька молодость моя да неталанная!»
И тут пойду с горя во нову да я горенку,
И ко бурлацкому снаряжному я платьицу,
И в руки возьму тут сапоженьки козловые,

И на белы́ груди жилеточку шелковую
И прилагаю я ко блёклому ко личушку,
И прижимаю ко ретливому сердечушку.
И тут кручинушка моя да не уходится,
И сердечушко мое не взвеселяется.
И с горя кинуся к ларцам я окованным,
И отмыкаю я замочки шелкотурные.
И тут я вóзму лист-бумаженьку гербовую,
И я портрет да его бело это личушко.
И я на стенушку кладу да на вечовую,
И я на стопочку кладу да на точеную,
И отходя ж да я портрету поклоняюся.
И тут еще больше тоска у мня расходится,
И еще пуще тут обида разгоряется.
И снова брошусь я к ларцам да окованным
И с тоски вóзму его желтые кудерышка,
И во несчастные возьму да я во рученьки,
И прижимаю я ко белому ко личушку,
И я никак, бедна, ведь тут не взвеселяюся
И все великою тоской да ушибаюся,
И во слезах да целой день я прокорóтаю.
И тут гляжу да на путь шíроку дороженьку,
И как идут да спорядовые суседушки
И от владычного господня божия праздничка,
И на их цветное-то платье расцветает,
И у их белое лицо да разгоряется.
И у меня ж, да у победной у головушки,
И на владычной-то господень божий праздничек
И призаплаканы победны ясны очушки,
И приутерто ведь поблёлло мое личушко.
И с горя выйду на крылечико перёное.
И со кручины на прогульную на уличку,
И со обиды на путь шíроку дороженьку.
И на допрос возьму спорядных суседушек:
«И вы были у владычного у праздничка,
И вы не видели ль, суседушки, не слышали ль,
И уже нет ли где солдатушка прохожего
Как со этой грозной службы государевой,
И нет ли весточки горюше да ведь грамотки?»
И все я думаю победным своим разумом:
И возрадуют печальную головушку,
И взвеселят, может, ретливое сердечушко.
И приотвитают тут спорядные суседушки:
«И прости-извини, солдатка горегорькая,
Мы прохожего солдата не видали,
Письма-грамотки ведь мы да не слышали».
И тут пойду, бедна горюша, заобидуюсь.
И тут нигде моя кручина не отвязется,

И от меня тоска злодийна не останется,
И с горя брошусь я во чистое во полюшко,
И со тоски я на зелёную дубровушку,
И тут я сяду на катучий белой камешек,
И тут повыскажу великую обидушку,
И ручу слёзуски, горюша, во сыру землю,
Что не знали бы ведь дѳбры эти людуски,
Не спроведала любима бы семеюшка
И мои милы светы-братцы богоданные,
И не видели б ветляные нешутушки,
И слезно плачучи, горюша, причитаючи,
Я приду да хоть со чистого со полюшка.
И как у праздничка, несчастна, побывала,
Я великую кручину рассказала.
И этот камешек с чиста поля не скатится,
И кручина в дѳбры люди не расскажется,
И не в укор будет от братцев богоданных,
И не в присловье от невестушек-голубушек,
И с горя брошусь я, несчастная головушка,
Я ко милой спорядной суседушке,
И ко этой ведь вдове благочесливой,
Приду-сяду на бросову я на лавочку,
Уж я сдию с ей ведь доброе здоровьице
И спроговѳрю единое словечушко:
«И хоть нас нѳ одна родитель спородила
И одним учатью-таланом наделила.
И ты послушай, спорядовая суседушка,
Уж ты вдовушка, победная головушка,
И пораздием мы великую кручинушку,
И знаю-ведаю, кокоша горегорькая,
И у тебя, да у спорядной у суседушки,
И хоть отпущена надёжная сдержавушка
И не в злодийну у тя службу государеву,
И все во матушку ведь он да во сыру землю,
И хоть во погребѳ отпущен во глубокие.
И столько знашь-ведашь, спорядная суседушка,
Где обложена могилушка умершая.
И почасть ходишь в любимо во гостибище.
И на владычный ты господень божий праздничек
Да ведь сходишь на могилушку умершую,
И потоскуешь ты, горюша, горекуешь,
И знаешь-ведаешь ты вечно поминаньице.
У меня ж как, у победной у головушки,
И далеко моя надёженька отпущена
И во злодийну он во службу государеву,
И не могу да знать, горюша горегорькая,
Уже в живности ль надёжная головушка,
И нет ни весточки горющице, ни грамотки,

И нету низкого поклона-челобитица.
Уж я лучше бы, несчастная кокошица,
И во сыру землю его да опустила бы
И до божьей церкви, горюша, проводила бы.
Я поставила бы крест животворящий,
Я на этой бы могилы на умершей.
Я бы почаству, горюшица, учащивала,
Я бы подолгу, горюшица, усеживала
И на владычный бы господень божий праздничек,
И на светло бы христово воскресеньице,
И все у свѳей бы надёжной сдержавушки».
Я еще спрошу, печальная головушка,
И у тебя, бедна вдова благочесливая:
«И также рѳстишь ты сердечных своих детушек,
И ты придай мни ума-разума в головушку
И размысленьица в ретливое сердечушко.
И также молода ведь ты же оставалася.
И как жить да мни, победной головушке!»
И тут ответ держит спорядная суседушка:
«И ты послушай, моя милая суседушка,
И ты несчастная солдатка горегорькая!
И без красного миженска тебе солнышка
И отложить да наб владычни эти празднички,
И наб забросить все любимые покрутушка.
И у своих да светов-братцев богоданных
И безответной быть, горюше, наб работницей,
И наб на лавочке, горюше, не посиживать,
И надо почаству в окошко не поглядывать,
И наб на улличке с суседкой не постаивать.
И как растить-то сиротных этих детушек,
И надо плеточкой, горюше, обвиватися,
И надо ласково, горюше, обходитися
И все ко светушкам ко братцам богоданным».

К БРАТЬЯМ БОГОДАНЫМ:

Уж вы слушайте-тко, братцы богоданные
И мои милые скаченые жемчужинки!
И столько в том прошу вас, красны мои солнышки,
И когда сядем мы за стол да хлеба кушать,
И вы йскоса ведь тут да не смотрели бы,
И вы с лихости ведь мне не говорили бы,
И на праздничек меня да не слезили бы.
И хоть моих да вы сердечных малых детушек,
И хоть бы нѳ взяли на белые там на рученьки
И все погладили по буйной бы головушке.
И тут сердечушко мое да взвеселилось бы:
И родны дядюшки до их да сжаловалися,

И что погладили по молодой по головушке.
И я еще прошу, скачены вас жемчужинки!
И хоть там придете вы, братцы богоданные,
И от владычного господня божия праздничка,
И вы подберите сердечных моих детушек,
И принесите-тко любимые гостинечки.
И хоть не яблочков прошу да я садовых,
И хоть по пряничку бы детушкам грошовому.
И пойдут детушки от вас да взвеселяются.
И как придут они во дверной ко мни уголок
И к бесталанным моим да белым рученькам,
И станут радовать победную головушку,
И нарекать станут бессчастну меня матушку:
«И сжаловались желанны о нас дядюшки,
И столько сдобрились спащливы эти дядюшки».
Уж как я, да сирота тут бесприютная,
И возьму детушек на белы свои рученьки,
И я прижму да их к ретливому сердечушку,
И порасплачусь я, победна, разгорююся:
«Ой же, глупы малы дити неразумные,
И вы на радости теперь да на весельице
И за любимые сердечные гостинечки».
И вознесу да тут, победная головушка,
Я спасибо светам-братцам с благодарностию,
И что не обошли сердечных моих детушек.
И сама да тут, победна, растоскуюся,
И растоскуюся, победна, порасплачуся,
И стоворю да тут сердечным своим детушкам:
«И кабы счастливы вы были да таланные,
И был бы при доме родитель-то ваш батюшко,
И наше милое любимо краснословице,
И завсегда ж были любимы бы гостинечки
И вам сердечные любимы бы подарочки.
И он держал всегда на белых бы на рученьках,
И ублаждал бы он сиротных да вас детушек».
И теперь-нонече сироты малы детушки,
И как упалые загнаны серы заюшки.
И хоть вы по избе, бедны дети, похаживаете,
Точно белочки на дядюшек поглядываете
И от их ласкова словечка дожидаетесь.
У меня, да у победной у головушки,
И без огня ж мое сердечко разгоряется
И все без лютой смолы да раскипляется—
И на вас смотрячи, обидны мои детушки.
И на четыре ряд утроба перетрескала,
И да вас ростячи, сиротных малых детушек.
И не надуюсь я, печальная головушка,
И когда выращу сиротных да вас детушек,

И я избуду от великой заботушки
И позабуду всю великую кручинушку.
Ой, раздумаюсь несчастным своим разумом:
И хоть повыращу до полного до возрасту,
И не убавится кручинушки прибавится
И на моем бедном ретливом сердечушке.
И лучше мать сыра земля да расступилась бы,
И я с горя да от вас, детушки, укрылась бы,
И все не ржавело б победно ретливо сердце
И все по вас да по болезных своих детушках
И в собину да по надежной бы головушке!
Уж как рóstячи сердечных да вас детушек,
И ведь головушка моя да все состарится,
И не порой да моя молодость прокатится,
И как придержится несчастна моя силушка,
И примашутся победны белы рученьки,
И белой свет да со ясных очей стеряется,
И меня то страшит, печальную головушку:
И кто обует мои резвы эти ноженьки,
И кто оденет-то несчастны мои плечушки,
И кто воскормит-то пристаршую головушку?

К СУСЕДАМ:

Вы глядите-тко, народ да люди добрые,
И вы, милы спорядовые суседушки,
И на несчастных солдатских на детушек!
И не в господской живу да бедна жирушке,
И я в несчастном победном живленьице,
И детям горькое сиротско пропитаньице.
Как без своего родителя без батюшка
И не цветы падут с сиротских малых детушек!
И возрастать станут солдатски малы детушки,
И воскликать будут несчастну меня матушку,
И станут спрашивать победную головушку
Про спацивого родителя про батюшка
И про сердечное великое желаньице.
И отвечать буду, победная головушка,
И во слезах да я солдатским своим детушкам:
«И вы послушайте, несчастны малы детушки!
Я не знаю же, победнушка, не ведаю.
И я вдавни да ведь с надёжей расставалася.
Я в горях годов, победнушка, не знала.
И в сиротах-слезах, горюша, прозабыла,
И как которой же учетный идет годышек
И как без своей без надежной головушки,
И глупы малы вы, дити, да поостались.
И вы родителя, несчастны, не видали,

И вы с того мала в несчастном живленьице
И во великой во злодийной обидушке.
И вы не знаете, сердечны бедны детушки,
И что како ж живет родительско желаньице.
И вы глядите-тко на милых поровечников,
И кои счастливы ведь е да все таланные,
И у их при доме родители желанные,
И тыи убраны дити да хорошохоныко
И на уличке играют веселешенько.
И тыи детушки суседские улажены.
У их буйны головушки заглажены,
И им по ноженькам сапоженьки ушиваны.
И я гляжу-смотрю, победная головушка,
И все на вас да я солдатских малых детушек:
И хоть вы выдете на широкую на уличку,
И отрешенны вы от малых поровечничков,
И отрекнувши от детей да вы отечских,
И ваши головы ведь е да не заглажены,
И вы, сиротны мои дети, не улажены,
И по резвым ногам сапожки не ушиваны.
И не посмиете, несчастны мои детушки,
И подойти да к своим малым поровечникам:
Отдали от их бедны дети постаивают,
И со сторон бедны несчастные поглядывают.
И тыи детушки над вами наругаются,
Что солдатские вы дети самовольные,
И у меня ж, да у печальной у головушки,
Да тут сходится тоска неугасимая
И на моем злом на ретливом сердечушке,
Что отрешенны вы, сердечны мои детушки,
И не веселы на широкой на уличке,
И обижают вас ребята все отечские.
И хоть я выйду тут на широкую на уличку
И сговорю дитям ведь малое словечушко:
«Вы обидные сердечны мои детушки!
И отдали да вы стоите при обидушке,
И на слезах вы при великой кручинушке,
И что не примут вас любимы поровечники,
И они в пай играть ведь вас не привечают.
И вы подите-тко, сердечны мои детушки,
И вы ко своему хоромному строеньицу,
И вы ко этому крылечу переному,
И под свои да под косевчаты окошечка,
И тут играйте-тко, сердечны мои детушки».
Не дай боже ведь того да боже господи,
Как на сем да на белом свете
И сирот растить-то несчастных малых детушек.
И у меня ж, да у победной у головушки,

И всякой день моя утроба перетрескает,
Уж как глядячи на солдатских на детушек.
От добрых людей они, дети, отменные,
И на уличке они да отрешенные,
И от отечских детей да отломилися.

И ПОРАЗДУМАЮСЬ ДЕВÓЧЬИМ СВОИМ РАЗУМОМ

И пораздумаюсь девóчьим своим разумом:
И куда класть буде бажона дорогá воля?
И я возьму да свою вольну эту волюшку,
И во девóчьи во белы свои рученьки,
И во перстнй да свою волю бриллиантовы,
И во свои кольца возьму да золоченые,
И прижму волюшку к ретливому сердечушку
И русу косыньку ко белому ко личушку,
И сговорю столько едино таково слово:
И дорога ж моя бесценна воля вольная!
И воля красное миженьско мое солнышко!
И воля дённый ты теперь да белый светушко,
И воля сладкое было да уяданьице,
И воля долгое было да усыпаньице!
И будто сыр в масле ведь волюшка каталась;
И как пчела да воля во меду купалась,
И белой сахар как по блюду рассыпается.
И куда класть да мни бажона дорога воля?
И кладу волюшку в ларцы да окованные,
И замкну волюшку замочком щелкотурным,
И я в ларцы буду ходить да потихошеньку,
И отмыкать буду замочки с осторожностью.
И все не место тут ведь волюшке, не местечко,
И все дознается остудник млад отецкий сын,
И он до моей дорогой да воли вольной!
И я снесу лучше во мало устороньице,
И я спущу волю на луг там на зелёной,
И на травоньку спущу да на шелковую,
И на цветы спущу я волю, на лазуревы!
И я сама пойду, душа да красна девушка,
И я во свой да дом, крестьянску пойду жирушку,
И пооставлю дорогу волю бажоную,
И на пути да на дорожке приодумаюсь,
И не стонет ли то матушка сыра земля,
И не вянет ли под волей шелкова трава,
И не плачет ли бажона дорога воля?
И ворочусь да возьму вольну свою волюшку,
И во свои возьму я белые во рученьки,

И я спущу да дорогу волю бажоную,
И я на чужую, на дальнюю сторонушку
И накажу да дорогой воле бажоной:
«И ты не стой, да моя вольна эта волюшка,
И ты у быстрых-то рек за перебродами,
И у озерышек не стой за перевозами,
И на яма́х да не стой, воля, за подводами,
И у харчевен-то не стой да за обедами!
И ты постой, да столько вольна моя волюшка,
И ты во божиих церквах да за молебнам
И у духовных отцов да за молитвам!»
И пораздумаюсь, невольна, умом-разумом:
И я неладно-то, невольница, ведь сдумала,
И я нехорошо про волюшку уладила!
И как на ту пору ведь буде времечко,
И как поедет тут остудник млад отецкий сын
И от богатого суседа спорядового,
И он с извозом-то во Питерску дороженьку,
И сусежет да тут ведь вольну мою волюшку
И на пути да на широкой на дороженьке!
Я спущу лучше бажону дорогу волю
И в сине морюшко уловной белой рыбонькой!
И не проведает остудник млад отецкий сын,
И все не взять да буде вольной ему волюшки!
И случилось слышать невольной красной девушке,
И мне про этого млада сына отецкого:
Есть пошиты малогребны малы лодочки,
И е повязаны ведь невода шелковые,
И он изловит дорогу да вольну волюшку,
И он на синеем на славном на Онегушке!
И пораздумаюсь, невольна, своим разумом:
Я спущу да дорогу волю бажоную,
Я по крутому спущу да ю по бережку,
Я по тихиим спущу волю по заводям,
Я по частым спущу волю по затрестям,
И водоплавной спущу да серой утушкой,
И в острова да спущу волю не в бывалые,
И в берега да спущу волю незнакомые!
И не проведает остудник млад отецкий сын,
И не допустит он до вольной моей волюшки!
И мне сказали люди добрые, пробаяли,
И что охоч ходить остудничек захаживать,
И за охотой-то у синего Онегушка
И он стрелять охоч гусей да серых лебедей,
И подстрелит мою бажону дорогу волю.
И тут неладно, бедна девушка, я сдумала,
И я нехорошо про волюшку уладила;
И я возьму тут дорогу да вольну волюшку,
И я кладу волю в пустыню богомольную,

И я в обитель положу да во спасенную,
И где в пустыне красны девушки спасаются!
И пораздумаюсь, невольна, своим разумом:
И все неладно я про волюшку уладила,
И нонько годышки пошли да все бедовые,
И разоряются пустыни богомольные,
И красны девушки оттоль да разъезжаются,
И тут не место дорогой да вольной волюшке!
И я спущу да ю к Макарью на желты пески
И в приберёгушку вдовы благочестливой!
И пораздумаюсь невольным своим разумом:
И там не место дорогой да вольной волюшке,
И не сдержат да ю вдове благочестливой!
И я кладу да дорогу волю бажоную,
И я престаршей желанной кладу матушке,
И я под праву положу да ю под рученьку!
И пораздумаюсь невольным своим разумом:
И тут не место моей волюшке, не местечко,
И еще матушка моя да все старёшенька,
И носит поясок она да все слабешенько
И потеряет дорогу волю бажоную!
И с волей выйду на крылечко я перёное,
И спущу волю выше лесу по поднебесью,
И вровень с облачком пуцу волю ходячим,
И к красну солнышку спущу да во беседушку,
И к светлу месяцу спущу да в приберёгушку,
И я к луны спущу, к звездам да подвосточным,
И не прознает-то остудник млад отецкий сын!
И тут раздумаюсь, невольна красна девушка,
И что неладно я про волюшку уладила:
И выше лесу моя воля не подойметя,
И она с облачком ходячим не сравняется,
И с красным солнышком она да не разбаётся,
И как у месяца она не сохраняется!
И я возьму волю во белы свои рученьки
И во почестен посажу да во большой угол,
И я под милое косевчато окошечко,
И я под эту под стекольчату околенку,
И обсажу волю скатным я жемчугом,
И обовью волю чистым я серебром,
И обовью волю красным я золотом!
И как на ту пору теперь да тое времечко
И прилетали ведь две птиченьки заморские,
И как садились на косевчато окошечко,
И они тоненьким носочком колотили,
И они жалким голосочком говорили,
И они девушке ведь мне-ка взвещевали
И моему сердцу назолушки давали:
«И не садись же ты, душа да красна девушка,

И убирать да свою вольну эту волюшку,
И ты не трать да ведь, девица, скатна жемчужка,
И ты не порти, красавица, чиста серебра,
И ты не рви, наша голубка, красна золота,
И уже так да столько е,— то не минуется!
И ты недолго с своей волей покрасуешься,
И буде садочек ведь твой да полонёной,
И буде род-племя твое да покорёное,
И буде волюшка твоя да во неволюшке,
И, красна девушка, ты будешь во заботушке,
И во маетной сколотной будешь жирушке!»
И тут возьму да дорогу я свою волюшку,
И брошу волю я, горюша, о дубовой пол,
И стопчу волю я, несчастна, черным башмачком!
И тут раздумаюсь, невольна, своим разумом:
И не красна сидеть без вольной мне-ка волюшки,
И подивуют многи добры эти людюшки,
И надоела что же воля, напрокучила!
И подыму волю с полу да со дубового,
И положу волю на стопочку точеную,
И я на лавочку кладу да на брусовую!
И до приезду-то младу сыну отецкому,
И до злодией-то рассказов-сватов больших,
И пусть сидит да дорога воля бажоная
И все под милым косевчатым окошечком,
И по-прежнему она да по-досюльнему
И за девочьим сидит да рукодельницею,
И вышивает пуццай узоры хитромудрые,
И пусть повышьет тонко бело полотенышко,
И поспешит да к тепло парной этой баенке!

**УЖ Я ЧТО ЖЕ СИЖУ, ДЕВУШКА,
ОДУМАЛАСЬ,**

ПЕРЕД ОБРЯДОВОЙ ПРЕДСВАДЕБНОЙ БАНЕЙ НЕВЕСТА ПРИЧИТАЕТ:

Уж я что же сижу, девушка, одумалась,
И сижу на этой брусовой же лавочке,
И я под милым косевчатым окошечком,
И под туманной стекольчатой околенькой,
И чужих басенок, лебедушко, ослухалась,
И я у девушек ли есть да жалких песенок,
И у молодухек ли есть да тихих басенок,
И у старых ли старух да все молитовок,
И али малых младенцев слезно плачучи?
И прозабыла я, душа да красна девица,
И что я в этой великой неволюшке
И во злодийной проклятой во заботушке.

И на допрос возьму, невольна красна девица,
И эту баенку ведь я да нонь истопщицку
И ключевой да холодной воды износщицку:
И не утай, скажи, советна дружна подружка,
И столько мне, да подневольной красной девушке:
И про меня ль да парна баенка истоплена,
И про мою ль да волю водушка изношена?
Я прослышала, невольна красна девушка,
И назвалась да ты ведь баенной истопщицкой
И добивалася желанным родителям
И ты ведь этой ключевой воды износщицкой.
И столько слышала, победная головушка,
И ты ведь делаешь измену воли вольнойей,
И ты топила теплу парну хоть ведь баенку,
И проезжал да все остудник млад отецкий сын
И мимо эту тепло парную ведь баенку;
И ты ведь скуп взяла с млада сына отецкого,
И на головушку ты — розову косыночку,
И на резвы ногы — башмачики козловые,
И по башмачикам чулочки вязёные;
И ты послушай же, совет да дружна подружка:
И ты ведь штофу-то взяла, скажут, на штофничек,
И парчи да ты взяла-то на парчевничек,
И много злата ты брала да много серебра,
И много скатного взяла да ты ведь жемчужку,
И много красного брала да ты ведь золота;
Изменила, скажут, вольную мою волюшку
И допустила ты млада сына отецкого,
И ты ко этой тепло парной-то баенке;
И ты со первого ведь тазу золоченого
И допустила измыть бело его личушко
И впереди да моей вольной этой волюшки.

БАЕННАЯ ИСТОПНИЦА ОТВЕЧАЕТ:

И ты послушай, подневольна красна девушка,
И ты послушай, свет советна дружна подружка:
И чстью-совестью тебе да открываюся,
И я при всих тебе при добрых при людюшках,
И я при ближних спорядных суседушках,
И при твоих светах желанных родителей.
И вдруг сготовила хоть парну я-то баенку,
И как на ту пору, советна, на то времечко
И пролегла же да путь широкa дороженька
И мимо эту теплу парну эту баенку;
И зазвонили колокольца питенбургские,
И зазвенела тут сбруя да золоченая,
И загремело тут копыто лошадиное;
И точно курева со чистого со полюшка,

Ископытъ да так летела лошадиная,
И рассыпалися снежечики перистые,
И раскатилися новы саночки дубовые,
И принаехал-то остудник млад отецкой сын.
Пораскроюся, обидна красна девушка:
И против баенки остудник становился,
И скоро слез да он ведь с саночек дубовых,
И скинул шапочку с кудёр да он ведь желтых;
И уж он поблизку, остудник, подвигался,
И да он понизку, остудник, поклоняется,
И уж честь да воздал баенной истопщицке
И холодной да ключевой воды износщицке,
И на доспрос да взял обидну красну девушку:
«И ты скажи, да столько баенна истопщицка,
И ты скажи, да ключевой воды износщицка:
И про кого ж да парна баенка истоплена?»
«И я топила эту теплу парну баенку
И про спащливого желанного про дядюшку,
И про спащливых желанных про дяденек».
И сговорил да тут остудник млад отецкой сын
И понизёшеньку еще да поклоняется,
И уж он брал меня за правую за рученьку,
И уласкал да меня, белую лебедушку,
И уговаривал обидну красну девушку:
«И ты скажи да мни, дородну добру молодцу:
И про кого ж да парна баенка истоплена,
И про кого ж да ключева вода изношена?
И не утай скажи ты, красна душа девица,
И чистым сердцем ты, девица, открывайся-тко».
И ты послушай, друг-совет да мила подружка,
И я стояла тут, обидна, не дрожала,
И отвечала я, печальна, не боялася:
«И ты не славного купца сын питенбургского,
И что выпрашивашь про парну у меня баенку,
Иль добираешься до вольной ты до волюшки?»
И тут сулил еще, остудник, мне засуливал,
И много чистого сулил да хотя ж серебра,
И уж он красного давал да мне-ка золота,
И он на ноженьки — башмачики козловые,
И он чулочки сулил еще шелковые;
И уж он скатного давал да мне-ка жемчужку,
И отвечала я, совет да дружна подружка:
«И мне не надобно, душе да красной девушке,
И мне ни злата от тебя, да ведь ни серебра;
И твоим серебром, девице, не тыны тынить,
И скатным жемчужком, девице, не сады садить,
И красным золотом, девице, мне не кровли крыть,
И от башмачиков твоих да ножки кривятся,
И от чулочиков твоих да ножки копшатся».

И на словечушках ему не подавалась,
И на подарочки его да не окинулась,
И прочь подале на сажень да приотдвинулась.
И подходит да стал остудник млад отецкий сын
И захватил меня, девицу, за право плечо,
И он прижал меня, девицу, к ретиву сердцу:
«И не чужайся столько, белая лебедушка,
И не пугайся-ко ты, баенна истопщицка;
И ты возьми же от меня, да добра молодца,
И ты ведь штоф возьми себе да все на штофничек,
И гулевой парчи возьми на душегреечку».
И я стояла тут, советна, не боялася,
И говорила я, девица, не смешалася:
«И мне не надобно-то, душе да красной девушке,
И мне штофу да от тебя-то все на штофничек,
И гулевой парчи не надо душегреечке;
И подивуются мне-ка добры многи подрушки,
И посрекаются спорядные суседушки:
И вдруг украсила бажону дорогу волю
И во снаряжное девочье цветно платьице
И точно девушка она как не безматерна,
И точно волюшка у ей как не безбратняя;
И будет гневаться советна дружна подружка;
И на меня да на обидну красну девушку,
И что сменила дорогу да вольну волюшку».
И ты послушай же, совет да дружна по́дружка,
И на это я, девица, не окинулась,
И от остуды прочь подале я отдвинулась.
И как еще того остудник млад отецкой сын,
И как подскакиват, остудник, будто заюшко,
И подлетат ко мни, остудник, соловеушком;
И говорит еще, остудник, уговариват,
И на словах да меня, девушку, обманыват:
«И я еще дарю тебя, да красну девушку,
И я белилами дарю да каргопольскими;
И я зеркало подарю новгородское
И часто-рыбий подарю да тебе грёбешок!»
И ты послушай же, совет да дружна по́дружка:
И не сменяла дорогой да твоей волюшки
И я на это на великое неволище,
И не на ласковы прелестные словечушка,
И на его да на любимые подарочки.
И я стояла тут, советна, не боялася,
И отвечала я, девица, несмешалася:
«И как от ваших мыльев да лицо портится,
И от белил-румян девичье лицо перхаёт,
И от хрустальных зеркал да глаза косятся,
И все от грёбешка головушка не гладится».
И уж так да от его тут удалялася,

И я остудничку ему да отвечала:
«И я роду да есть девица не поповского,
И глаза-то у меня да не завидливы,
И не годится мне, душе да красной девушке,
И много взять от вас любимых подарочков;
И буде бог судит советной моей поддружке
И за тобой быть, за младым сыном отецкиим,
И стане гневаться на белую лебедушку,
Изменила что ведь ейну вольну волюшку,
И проклинать буде меня, да красну девушку.
И все на стритушку она ко мне не стритится,
И не сдие со мной доброго здоровьица,
И не воздаст мне-ка поклона-челобитьица».
И я удумала младу сыну отецкому,
И я ответила, душа да красна девушка:
«У нас нет да все девицы на выдавание,
И нету воли у суседки на продавание;
И я не властна столько этой красной девушкой
И не барышничка баженой ейной волюшкой».
И ты послушай же, советна мила поддружка,
И я ответила младу сыну отецкому:
«Я топила теплу парну эту баенку,
И не про род-племя топила я любимое,
И я топила про родильницу тяжелую
И про малого младенца некрещеного!»
И отступился тут остудник млад отецкой сын,
И он плевать да стал на матушку сыру землю:
«Уж ты хитрая-то, баенна истопщица,
Ты лукава ж, ключевой воды износничка!»
И ты послушай, свет-совет да дружна поддружка,
И ты пожалуй в теплу парну ко мни баенку,
И ты умыть да свое бело это личенько,
И ты упарить-то девоче тело нежное;
И хоть не первое, голубушко, последнее
И во своей да дорогой же воле вольной.
И ты просись да у желанных свет-родителей,
И ты во эту теплу парную во баенку;
И ты проси, да столько белая лебедушка,
И у родителя проси да свет у батюшки,
И во-первых проси прощенья с благословеньцем
И по прогулушке пройти тебе по улочке,
И во-вторых да проси, белая лебедушка,
И впереди проси себе да передовщичков,
И позади себе проси да позадовщичков,
И светушков-братцов проси себе любимых,
И сберегли да дорогу бы волю вольную;
И у родителя проси да свет у матушки,
И себе милых советных дружных поддружек,
И ты с собой да в тепло парную во баенку,

И что умыли бы лебедушку белешенько
И учесали бы головушку гладешенько;
И ты проси да у родителя у матушки,
И проси крепких себе да караульчиков.
И не бессудь да того, белая лебедушка,
И ты меня, да все обидну красну девушку;
И уж как идучи до парны тебе баенки,
И протекла да столько быстра эта реченька,
И с гор ведь ринулись там мелки эти ручейки;
И как твои да светлы-братыца родимые,
И через реченьку мосты они мостили,
И частоколы-то они да становили,
И чтобы, девушка, ты шла не пошатилась
И чтобы волюшка в реку не укатилась.
И ты послушай же, совет да дружна по́дружка,
И хоть я, девушка, живу-расту кручинная,
И без своей я родителя без матушки,
И я без мила соколочка златокрылого,
И я без светушка без братца без родимого;
И не настроено обидной красной девушке,
И мне хоть девочьей снарядной покрутушки;
И хоть по ноженькам башмачки не ушиваны,
И не окинулась, совет да дружна по́дружка,
И я на этого на чужого чужанничка,
И я на этого млада сына отецкого.
И ты послушай же, совет да мила по́дружка,
И не с подману зову, белая лебедушка,
И я тебя да в теплу парную во баенку.

Мария Дмитриевна Кривополенова

1843 - 1924

изнь М. Д. Кривополеновой в чем-то схожа с судьбой И. А. Федосовой — те же тяготы в первой половине жизни и неожиданная всероссийская известность в старости.

Родилась М. Д. Кривополенова в глухой пинежской деревне Усть-Ежуге. Двадцати четырех лет вышла замуж в соседнюю Шотогорку. Здесь по мужу ее прозвали Тихоновкой, а за малый рост — Махоней. В семейной жизни она была несчастлива: муж пил, проворовался, был в арестантской роте. Подолгу ей приходилось жить с дочерью одной. Жили бедно. На старости лет, оставшись вдовой, М. Д. Кривополенова нищенствовала, собирала «кусочки» по деревням родной Пинеги. Подávalи ей охотно: за хлеб она платила людям своими старинами.

Летом 1900 года произошла встреча сказительницы с собирателем Александром Дмитриевичем Григорьевым. Он записал от нее былины, исторические песни, баллады, скоморошины, духовные стихи. Старины М. Д. Кривополеновой были опубликованы в трехтомном собрании А. Д. Григорьева «Архангельские былины и исторические песни». По признанию самого собирателя, М. Д. Кривополенова была лучшей из встретившихся ему на Пинеге былинщиков. Но для самой сказительницы, ставшей известной в научных кругах, ничего не изменилось. А. Д. Григорьев уехал в Москву, а М. Д. Кривополенова осталась нищенствовать на Пинеге.

Через пятнадцать лет судьба еще раз свела М. Д. Кривополенову с фольклористами. На Пинегу приехала московская эстрадная артистка и собирательница фольклора Ольга Эрастовна Озаровская, которую в М. Д. Кривополеновой привлекло не простое знание былин: она увидела в пинежской нищенке артистку. К 1915 году русская культура уже имела довольно богатую тради-

цию организации концертов народных исполнителей устной поэзии в городах. Поэтому неудивительно, что О. Э. Озаровская решила пригласить М. Д. Кривополенову в Москву.

В сентябре 1915 года московские газеты заговорили о «пинежской бабушке». Она выступает в зале Политехнического музея, на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В Москве М. Д. Кривополенова познакомилась с молодыми, но уже известными фольклористами братьями Б. и Ю. Соколовыми, а также со своим земляком, никому не известным еще в то время Б. В. Шергиным, студентом Строгановского художественного училища, будущим писателем. Выезжают М. Д. Кривополенова и О. Э. Озаровская и в Тверь. В ноябре — декабре состоялись концерты М. Д. Кривополеновой в Петрограде.

В самом конце 1915 года сказительница вернулась на Пинегу, но пробыла на родине недолго. В феврале она одна, без провожатых, приехала к О. Э. Озаровской. Состоялась целая серия ее концертов в частных интеллигентных домах. «Пинежскую бабушку» рисуют художницы Е. В. Гольдингер и Н. Я. Симонович-Ефимова; С. Т. Коненков сделал с нее скульптуру «Вещая старушка».

Весной же 1916 года состоялась поездка О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой по российским городам. Саратов, Харьков, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Таганрог, Екатеринодар, Волгодла, Архангельск приветствовали сказительницу. С. Полтавский, корреспондент газеты «Саратовский вестник», подчеркнул особый артистизм М. Д. Кривополеновой: «Трогательное и подкупающее в пользу исполнительницы впечатление производило то увлечение в мимике и интонациях голоса, с которым она исполняла свои песни. Язвительный тон и переход в суровость речей царя Ивана в былине о Грозном она с большой экспрессией изображала лицом и голосом. При пении веселых скоморошин она положительно сияла, расплываясь в улыбку, лукаво поглядывая на партнершу, г-жу Озаровскую, и помахивала платочком». Коронным номером М. Д. Кривополеновой была ее «Небывальщина», припев которой всегда подхватывали все слушатели.

У интеллигентной публики предреволюционной эпохи встреча с искусством сказительницы невольно рождала сравнение народной культуры с декадансом. Тот же С. Полтавский выступил со статьей «Две культуры», в которой сравнивал впечатления, произведенные на него концертами М. Д. Кривополеновой и «поззо-вечером» Игоря Северянина. М. Д. Кривополенова явилась для автора статьи носителем сельской, черноземной культуры, насчитывающей за собой века существования; Северянин — представитель утонченной, изящной городской культуры, исчисляющейся всего лишь несколькими десятилетиями. «За ее внешними формами, — писал он о городской культуре, — так выразительно отраженными поэзией Северянина, не накопилось еще той огромной суммы «прожитой жизни», какая накопилась за бедными и однообразными внешне формами культуры деревен-

ской. То, что называется «духом» поэзии, создается, несомненно, историей. Черноземная рожь всегда пахнет иначе, чем рожь, выращенная в теплице: сочнее и прянее. В былинах Кривополеновой есть именно эта черноземная сочность, огромный внутренний запас пережитого, истории, эпоса. И что из того, что переданная ею форма народной поэзии примитивна, элементарна; что из того, что музыка напева далека от изощренной сложности современных симфонических поэм? Целые века былинной народной жизни глядят из-за этой первобытной художественной оболочки. И это покоряет вопреки всяким логическим умозаключениям, вопреки всякой критике рассудка».

Летом 1916 года М. Д. Кривополенова вернулась домой со значительной суммой денег и подарками. Ее радостно и небескорыстно встретили в семье зятя (дочь сказительницы к этому времени уже умерла от родов). После того как деньги кончились, зять выгнал старуху из дома, и она опять вынуждена была собирать «кусочки».

После освобождения Севера от белогвардейцев и интервентов в 1920 году в Москве вспомнили о М. Д. Кривополеновой. 16 декабря народный комиссар просвещения А. В. Луначарский направляет на Пинегу телеграмму: «Сказительнице назначают академическую пенсию, а летом 1921 года ее вызывают в Москву для выступления на открытии третьего конгресса III Интернационала. Так сказительница в третий раз приехала в Москву.

М. Д. Кривополенова, пожалуй, самая известная широкому читателю из народных старинщиков. О ней писали Б. В. Шергин, И. Бражнин, В. Личутин, К. П. Гемп. Сказительница стала главной героиней двух повестей — Олега Ларина и Анатолия Рогова. Один из последних творческих замыслов Ф. А. Абрамова был связан с именем Махони.

Литература: Шергин Б. В. Марья Дмитриевна Кривополенова // Шергин Б. В. У Архангельского города. — Архангельск, 1985. С. 72—77; Гемп К. П. Сказ о Беломорье. — Архангельск, 1983. С. 138—140; Личутин В. В. Государственная бабушка // Личутин В. В. Дивись-гора: Очерки, размышления, портреты. — М., 1986. С. 208—215; Бражнин И. Сумка волшебника. — Л., 1978. С. 135—144; Ларин О. И. Махоня // Ларин О. И. Узоры по солнцу. — М., 1976. С. 125—191; Рогов А. Махонька // Дружба народов. 1984, № 5. С. 126—177; Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1922; Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки / Ред. вступ. статья и примечания А. А. Морозова. — Архангельск, 1950.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЧУДИЩЕ ПРОКЛЯТОЕ В ЦАРЕ-ГРАДЕ

Было у нас во Царе-граде
Наехало проклятоё цудище.
Да сам ведь как он семи аршин,
Голова у его да как пивной котел,
А ножища как быть лыжища,
Да руцища да как быть граблища.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у него да ноги резвы же
А тема железами немецкими,
А связали его да руки белы же
А тема опутьями шелковыми;
Княгиню Опраксею в полон взяли.
Во ту-то пору да во то времецко
Перепахнула вестка за реку Москву
Во тот же как ведь Киев-град
К тому жа ведь да к Илье Муровицу:
«Да ой еси ты, Илья Муровиц!
Уж ты знаёшь ли про то ведаёшь?
И нынче у нас во Царё-граде
Наехало проклятое цудище;
А сам как он семи аршин,
Голова его да как пивной котёл,
А ножища как быть лыжища,
А руцища как быть граблища;
У царя Костянтина Атаульевича
Скованы ноги резвы же
Тема же железами немецкими,
А связаны руки белы же
Тема же опутьями шелковыми,
Княгиня Опраксея в полон взята».
Во ту пору во то времецко
Выходит тут да Илья Муровиц,
Молится спасу прецистому
Да божьей-то матери богородице;
Надевает он тут платьё цветноё.
Пошел Илья на конюшен двор
И берет как своёго добра коня,
Добра коня со семи цепей;

Накладывает уздицу тасмянную;
Уздат во уздилища булатные;
Накладывал тут ведь войлуцёк,
На войлуцёк он седёлышко;
Подпрягал он двенадцать подпруженек,
Ишша две подпружки подпрягаючи
Не ради басы,— да ради крепости,
Не сшиб бы богатыря доброй конь,
Не оставил бы богатыря в цистом поле.
Да скоро он скацёт на добра коня;
У ворот воротников не спрашивал,—
Да он машет через стену городóву жа.
Едёт он по цисту полю,—
Во цистом-то поле да курева стоит,
В куревы богатыря не видети.
Да ехал он день до вечера,
А темну-ту ночь до бела свету,
Не ливаючись он, не едаючись,
Добру коню отдоху не даваючись.
Конь-от под им как подпинаться стал.
Бьет он коня и по тучным ребрам:
«Волцья сыть, травяной мешок!
Что тако и подпинаешься,
Надо мной, над богатырем, надсмехаешься?»
А конь скоцил,— за реку перескоцил.
А пришло три дороги широки же,
А не знат Илья, куда ехати.
А во ту пору, во то веремецко
А идёт калика перехожая,
Перехожа калика безымянная.
Говорил как тут да Илья Муровиц:
«Уж ты здравствуёшь, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
Ты куда идешь, ты куда пошел?»
«Я иду ведь тут из Царя-града,
Я пошел ведь тут во Киёв-град».
Говорил как тут да Илья Муровиц:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
Ишша что у вас во Царё-граде?
Ишша все ли у вас там по-старому,
Ишша все ли у вас там по-прежнему?»
Говорил калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:
«Уж ты ой еси, да Илья Муровиц!
А у нас ведь нынь во Царё-граде
Не по-старому, не по-прежнему.
А потухло у нас солнце красное,

А помёркла звезда поднебесная:
Как наехало проклятоё цудище;
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,
А и ножища как быть лыжища,
А и руцища как быть граблища.
У царя Костянтина Атаульевича
Ишша скованы ноги резвые
А тема жа железами немецкими,
Ишша связаны руки белые
А-й тема опутьями шелковыми».
Говорил как тут да Илья Муровиц:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
Ишша платьём с тобой мы поменяемся:
Ты возьми у мян платьё богатырскоё,
А отдай мене платьё калицкоё».
Говорил как калика перехожая:
«Я бы не взял платья богатырского,
Я бы не отдал платья калицкого;
А одно у нас солнышко на небе,
А один у нас могёт богатырь
А ишша тут жа ведь да Илья Муровиц.
А с тобой, с Ильей, дак слова нет».
Они платьём тут поменялися.
Ишше тут же ведь Илья Муровиц
Он ведь скинул платьё богатырскоё,
А одел себе платьё калицкоё
И оставил калике добра коня.
Он ведь сам пошёл тут каликою;
Ишша клюцкой идёт подпирается,—
Ишша клюцка под им изгибается:
«Не по мне эта клюцка и кована,
Ишша мало железа ей кладено,
Ишша сорок пуд во единой фунт».
А идёт как калика по Царю-граду;
А скрыцал как он по-калицкому,
Засвистел как он по-богатырскому,—
А проклятоё тут цудище
Оно цуть сидит на лавици.
Как идёт калика перехожая,
А идёт ведь к цудищу в светлú гриднó.
Он ведь молится спасу прецистому,
Он ведь божьей матери богородице.
А сидит проклятоё цудище,
А сидит оно ведь на лавице;
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,

Ишша ножица как быть лыжица,
 Ишша руцица как быть граблица.
 Ишша сам говорил таково слово:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая!
 Уж ты где ты был, куды ходил?»
 «Уж я был во городе во Киеве
 У стара казака да Илья Муровица».
 Говорит как тут ведь ишше цудище:
 «А каков у вас могут богатырь
 Ишша стар казак да Илья Муровиц?»
 Говорит калика перехожая,
 Перехожа калика безымянная:
 «А таков у нас могут богатырь,
 Ишша стар казак да Илья Муровиц:
 А в один мы день с им родилися,
 А в одной мы школе грамоту училися,
 А и ростом он такой, как я».
 Говорит проклятоё цудище:
 «Ишша много ли он хлеба к выти съест?»
 Говорит калика перехожая:
 «От ковриги краюшку отрушаёт,
 А и той краюшкой трои сутки живет».
 Говорит проклятоё цудище:
 «Ишша я съем по сторублёвому быку к выти жа;
 Я и буду в городе в Киеве,—
 Ишше буду я как баран тусён,
 Как баран тусён, как сокол ясён;
 Ишша тут ведь да Илью Муровица
 На долонь посажу, другой рѡсхлопну,—
 У его только и мокро пойдёт».
 Говорит как калика перехожая,
 Он сьмаёт шляпоцку воскрынцату,
 Он и сгрел змеища по буйной главы.
 Покатилась голова, как пивной котел.
 Тут ведь павелы и улавелы
 Ишше та его сила неверна жа
 И схватили тут да Илью Муровица,
 А сковали его ноги резвы жа
 А-й тема железами немецкими,
 А связали его руки белы жа
 А-й тема опутьями шелковыми.
 Говорил как тут да Илья Муровиц:
 «Уж ты спас, уж ты спас многомилослив,
 Уж ты божья мать богородица!
 Уж вы что на меня эк прогневались?»
 Приломал все железа немецкие,
 Он прирвал опутни шелковые;
 Он ведь стал по силы тут похаживать,

Он ведь стал ведь силу поколачивать,
Он прибил их всех до единого.
Ишша ихны те ведь тулова
Он выкидывает окошечком на улоцку,
Ишша сам он им приговариват:
«А пущай ваши те ведь тулова
А-й серым волкам на розрыватье,
А черным воронам на расклёваньё,
Ишша малым робятам на изрыганье».
У царя Костянтина Атаульевича
Расковал у его ноги резвые,
Развязал у его руки белые;
А княгиню Опраксею назад ведь взял;
Посадил он их тут на царство жа.
А пошел как тут да Илья Муровиц,
А приходит он ко меньшей реки
Ко тому калике перехожае.
Ишша тут жа калика перехожае,
Перехожа калика безымянная
И не может он его конём владать,
А его коня в поводу водить.
Они платьём тут разменялися:
Ишша тот ведь да Илья Муровиц
Он ведь скинул платье калицкое,
Он одел ведь платье богатырское.
Ишша тут они разъезжалися,
Ишша тут они распрощалися;
А Илья поехал домой ведь тут,
А калика пошел, куды надобно.

СОЛОВЕЙ БУДЕМЕРОВИЧ И ЗАПАВА ПУТЕВИСНА

Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого
Тут бежит-выбегаёт тридцать насадов
А и три, и два, и един корабь;
Тут и нос-корма по-змеиному.
У прибегища как ладейного,
У того присталища корабельного
Опускали парусы полотненные,
Ишша те жа якори булатные,
Они ходенки мецут концы на берёг.
А пришел как тут младый Соловей,
Ишша младые Соловей Будемерович.
Он Владимиру-князю подарки берет,—
Он ведь сорок сороков и черных соболей;

Он княгине Опраксеи подарки берет, —
 Пятьдесят аршин хрущатой камки,
 Ишша в золоте камоцка не помнется,
 И не помнется, и не согнется.
 А пошел как тут младый Соловей,
 Он пошел ко городу ко Непрускому.
 Он ведь будя в городе во Непруском,
 Он в гридню идет не с упадками, —
 Отпирает он двери на пята.
 Он идет в гридню да богу молится,
 Он Владимиру-князю поклоняется,
 Он Владимиру-князю подарки дарит, —
 Он ведь сорок сороков и черных соболей;
 Он княгине Опраксеи подарки дарит, —
 Пятьдесят аршин хрущатой камки,
 А и в золоте камоцка не помнется,
 И не помнется и не согнется.
 Ишша князь камоцку развертывал,
 Ишша князь узоры высматривал:
 А хороши узоры заморские.
 «Уж ты ой еси, младый Соловей!
 А и что тебе тако надобно?
 Ишша надобно ли дворы мои,
 А дворы мои всё боярские?»
 Говорил как тут младый Соловей,
 Ишша младый Соловей Будемерович,
 Говорил как он таково слово:
 «А и не надобно мне дворы твои,
 А и дворы твои всё стоялые,
 А-й стоялы дворы твои боярские,
 Уж ты дай мене загон земли
 И во той во улице Жироёвлинской
 Ишша супротив Запавына вишенья».
 Ишша тот жа как Владимёр-князь
 Отдает как Соловью загон земли
 Что во той во улице Жироёвлинской
 Ишша супротив Запавына вишенья.
 Как у Соловья были плотники
 Они шшолканы и прошшолканы:
 Он ведь к утру, к свету построился,
 Он построил тут как три терема
 А и три терема златоверховаты.
 Ишша та Запава Путевисна
 А ставала по утру ранешенько,
 Умывалася водой клюцевою,
 Утиралась полотенцем тоненьким.
 А-й взглянула Запава в своё вишеньё,
 Ишша тут Запава сдивовалася:

«Ишша что така за дикóвинка?
Ишша кто новó построился
И построил тут как три терема
А три терема златоверховаты?
Я пойду ко князю-ту спрашивать».
Ишша та Запава Путевисна
А-й пошла ко князю ведь спрашивать;
А и в гридню идёт не с упадками,—
Отпираёт двери тут на́ пятау;
А и в гридню идёт,— да богу молится,
А Владимиру-князю поклоняется:
«Ты Владимёр-князь стольне-киевской!
Ишша что така за диковина?
Ишша кто такой вновó настроился?»
Говорил как тут Владимёр-князь:
«Уж ты ой еси, Запава Путевисна!
А построился младый Соловей,
Ишша младый Соловей Будемерович;
А пришел как он за синя моря,
Ишша он тут вно́во настроился».
Ишша та Запава Путевисна
Говорит она таково слово:
«Уж ты ой еси, ты Владимёр-князь!
Я пойду ко Соловью насватываться,
Не возьмет ли он в-за себя взамуж?»
Как та Запава Путевисна
А пошла ко Соловью насватываться.
Ко первой термы припала, послушала:
Тут шолцат-молцат, ницего не говорят;
Ишша тут Запава догадалася:
«Ишша тут у Соловья казна стоит».
По второй термы ухом припала, послушала:
Тут шолцат-молцат, ницего не говорят;
Ишша тут Запава догадалася:
«Тут живет Соловьёва тут матушка,
Ишша молит за Соловья здоровице».
По третьей термы ухом припала, послушала:
Тут песни поют и гудки гуднут;
Ишша тут Запава догадалася:
«А-й сидит как тут младый Соловей
А и младый Соловей Будемерович».
Он сидел на стуле ременцатом,
Он грал во гусли во звонцаты.
Ишша тут Запава догадалася:
А в гридню идёт не с упадками,—
Отпирает двери тут на пятау;
А в гридню идёт,— богу не молится.
Говорил как тут младый Соловей:

«Уж ты ой еси, Запава Путевисна!
Ишша что ты, Запава, нынь кретня взяла,
А кретня взяла неизумелая?»
Говорит Запава Путевисна:
«А меня, Запаву, не кретня взяла,
Не кретня взяла неизумелая,—
Я пришла к тебе ведь насватываться;
Не возьмешь ли ты за себя замуж?»
Говорил как тут млáдый Сóловей:
«Уж ты дай ты строку на малой цас,
Мне сходить к государыне к матушке,
Блáсловит ли она меня жонитися
И на той Запавы Путевисны».
Он пошел ведь тут к Соловьёвой матушке,
Он ведь падат матушке в резвы ногй:
«Уж ты ой, государыня матушка!
Бласлови ты меня нынь жонитися
А на той Запавы Путевисны:
Ишша нынь Запава сама пришла».
Говорит ведь тут Соловьёва матушка:
«Тебя бог бласловит, цадо милоё,
А-й тебе на Запавы жонитися».
А-й пошел как тут млáды Сóловей.
Они сватались, тут сосватались,
По рукам они тут ударили,
Слово на слово ведь полóжили;
Они клали заповедь, крѣпкую,
Они клали заповедь на три года ведь
А сходить ведь Сóловью за синѣ морѣ.
Направляли парусы полотняны,
Направляли якори булатные;
Отправлялся тут млáдый Сóловей,
Отправлялся он за синѣ морѣ.
Как во ту пору́, во то времецко
Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого
Выбегаёт прибегищо ладейноё,
А ладейноё корабельноё:
А се три, се два, се един корабь.
У прибегища как ладейного,
У того присталища корабельного
Опускали парусы полотнены,
Опускали якори булатные,
Они хóденки мецут концы на берег.
А пришел как тут ишша шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов.
Он Владимиру-князю подарки берѣт,
Он ведь сорок сороков и церных соболей;

Он княгине Опраксеи подарки берёт,
Пятьдесят аршин хрущатой камки,
Ишша в золоте камоцка не помнется,
И не помнется, и не согнется.
А-й пошел как тут ишша шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов;
И пошел ко городу ко Непрускому.
А и будя во городе во Непруском;
Он в гридню идёт не с упадками,—
Отпираёт он двери на пята.
Он в гридню идёт — богу молится,
Он Владимиру-князю поклоняется;
Он Владимиру-князю подарки дарит,
Он ведь сорок сороков и черных соболей;
Он княгине Опраксеи подарки дарит,
Пятьдесят аршин хрущатой камки.
Ишша князь камоцку развертывал,
Ишша князь узоры высматривал:
А-й хитры-мудры узоры заморские,
Ишша в золоте камоцка не помнется,
И не помнется, и не согнется.
Говорил как тут Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, ишша шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов!
А и что тебе да тако надобно?
Ишша надобно ли двory мои,
А-й двory мои ли боярские?»
Говорил как тут ишша шшап молодой:
«Ишша надо мне и двory твои,
А и двory твои всё стоялые,
А-й стоялы двory твои всё боярские».
Говорил ведь тут ишша шшап молодой:
«Я пойду теперь к Соловьёвой матушке,
Я скажу ведь ей как про Соловья.
Ишша нынь ведь Соловья живаго нет:
Разметало по морю по синему,
По тому жа по полю по цистому;
Мы ведь друг друга не спознали».
Как пошел ведь тут шшап молодой,
Он пошел ведь тут к Соловьёвой матушке
Ишша сказывать ей про Соловья:
«Уж ты здравствуешь, Соловьёва матушка!
Я пришел сказать тебе про Соловья.
Ишша нынь ведь Соловья живаго нет:
Разметало по морю по синему,
По тому жа по полю по цистому;
Мы ведь друг друга не спознали».
Ишша та тут Соловьёва тут матушка

А-й пошла ведь к Запавы отказывать:
«Уж ты ой еси, Запава Путевисна!
Те своя воля: куды хошь поді;
Ишша нынь ведь Соловья живаго нет:
Разметало по морю по синему,
По тому жа по полю цистому».

А пришел ведь нынче и шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов;
Он ведь стал на Запавы тут свататься.
Они сватались, тут сосватались,
По рукам они тут ударили,
А Владимёр-князь у их тысяцким,
А княгиня Опраксёя матушкой.
Повелась у их тут ведь свадьба.
Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого
Выбегало прибегищо ладейноё,
А-й ладейноё, корабельноё:
А се три, се два и един корабь.
У прибегища как ладейного,
У того присталища корабельного
Опускали парусы полóтнены,
Опускали якори булатные,
Они ходенки мецут кóнцы на берег.
А пришел как тут млáдый Соловей,
А и младыи Соловей Будимирович.
Он пошел ко городу ко Непрускому.
Он ведь будя в городе во Непрусском;
Он идёт в гридню не с упадками,—
Отпирает двери он на пяту;
Он в гридню идёт,— да богу молится,
А корми́ници ма́тёнки поклоняется:
«Уж ты здравствуёшь, рóдна ма́тушка!»
«Уж ты здравствуёшь, млады Сóловей,
А и младыи Соловей Будемерович!
А пришел как нынь з-за синя моря,
А пришел как нынь ишша шшап молодой;
А сказал про Соловья: «Живаго нет.
Разметало по морю по синему,
По тому жа по полю по цистому».

Я ходила к Запавы отказывать:
«Ишша нынь, Запава, своя воля
А-й своя воля: куды хошь поді».

А и шшап молодой и Давыд Попов
Он ведь стал на ей тут ведь свататься;
Они сватались, тут ведь сосватались,
По рукам они тут ударились;
А Владимир-князь у их тысяцким,

А княгиня Опракся матушкой;
А ведется у их нынь ведь свадьба». Говорит как тут младый Соловей:
«Уж ты ой, государыня матушка!
Я пойду к им ведь на свадьбу». А пошел как тут младый Соловей,
А-й пошел ведь к им на свадьбу. Он в гридню идёт не с упадками,—
Отпираёт двери он на пятау;
А в гридню идёт,— богу молится,
А Владимиру-князю поклоняется,
Поклоняется со княгинею;
А ишша сам говорил таково слово:
«Уж ты ой еси, ишша шшап молодой!
Ты зацем обманывашь мою матушку,
Ты зацем берешь мою обручницу?»
Его за руку хватил,— так выхватил;
На долонь посадил, другой рсхлопнул.
Ишша тут Запава перепалася,
Ишша цуть она за столом стоит.
Он ведь брал Запаву за белы руки,
А поехали они ко божьей церквй.
А Владимёр-князь у их тысяцким,
А княгиня Опракся матушкой.
А венцами они повенцалися,
А перстнями они поменялися.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАВИЛЫ СО СКОМОРОХАМИ

У цесной вдовы да у Ненилы
А у ней было цядо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати:
Родну матушку хоцё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней вёселые,
Веселые люди не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Уж ты здравствуйёшь, цесна вдова Ненила!
У тя где цядо да нынь Вавило?»
«А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати:
Родну матушку хоцё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдём к Вавилушку на ниву,
Он не идёт ле с нами скоморошить?»

А пошли к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуёшь, цядо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Ишша белая пшоница засевати,
Родна матушка тебе кормити!»
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куды пошли да по дороге?»
«Мы пошли ведь тут да скоморошить,
Мы пошли на йнишшоё царство
Переигрывать царя Собаку
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша доць его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило то цядо Вавило:
«Я ведь песён петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазён.
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
У того ведь цяда у Вавила
А было в руках-то понюгальцё,—
А и стало тут погудальцё;
Ишша были в руках у его да тут ведь вожжи,—
Ишша стали шелковые струнки.
Ишше то цядо да тут Вавило
Видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-те — святые;
Он походит с има да скоморошить.
Он повел их да ведь домой жа.
Ишша тут цесна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити:
Понесла она хлебы-те ржаные,—
А и стали хлебы-те пшоные;
Понесла она куру-тў варёну,—
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печьной столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-те — святые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороге,
На гумне мужик горох молотит.
«Тобе бог помóшь, да ведь крестьянин,

На белó горох да мóлотити!»
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куды пошли да по дороге?»
«Мы пошли на инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша доць его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окол двора да тын жалезной,
А на каждой тут да на тычинке
По целовецей-то сидит головке,
А на трех ведь на тычинках
Ишша нету целовецех-то тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам». —
«Ўж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра нам ведь и сдумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудоцик,
А во звонцятой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудоцик,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами;
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их тут кицигами шибати;
Зашибал, он думат, голубят-то, —
Зашибал да всех своих ребят-то.
«Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Эти люди шли да не простые,
Не простые люди-те — святые,
Ишша я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге,
А настрecu им идё мужик горшками торговати.
«Тобе бог помощь, да те крестьянин,
А-й тебе горшками торговати!»
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куды пошли да по дороге?»
«Мы пошли на инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвету,
Ишша доць его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки

А окол двора да тын жалезной,
А на каждой тут да на тыцинке
По целовецей-то сидит головке,
А на трех-то ведь на тыцинках
Нет целовецих да тут головок;
Тут вашим да быть головкам».
«Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра да нам ведь сдумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудоцик,
А во звонцатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудоцик,
А во звонцатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Полетели куропки с рябами,
Полетели пеструхи с цюхарями,
Полетели марьюхи с косяцами;
Ишша стали мужику-то по оглоблям-то садиться.
Он ведь стал тут их да бити
И во свой ведь воз да класти.
А поехал мужик да в городоцик,
Становился он да во рядоцик
Развязал да он да свой возоцик,—
Полетели куропки с рябами,
Полетели пеструхи с цюхарями,
Полетели марьюхи с косяцами.
Посмотрел во своем-то он возоцку,—
Ишше тут у него одны да церепочки.
«Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-те — святые,
Ишша я ведь им, гот, не молился».
А идут скоморохи по дороге,
Ишша красная да тут девица,
А она бельё да полоскала.
«Уж ты здравствуёшь, красна девица,
На бело холсты да полоскати!»
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куды пошли да по дороге?»
«Мы пошли на инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку
Ишше сына его да Перегуду,
Ишше зятя его да Пересвета,
Ишше доць его да Перекрасу».
Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти

И того царя да вам Собаку
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
А и доць его да Перекрасу».
«Заиграй, Вавило, во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
А у той у красной у девицы
А были у ей холсты-ти ведь холшовы,—
Ишша стали шелковы да атласны.
Говорит как красная девица:
«Тут люди шли да не простые,
Не простые люди-те — святые,
Ишша я ведь им да не молилась».
А идут скоморохи по дороге,
А идут на инишшоё царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,—
Ишша стала вода да прибывати:
Ишша хоцё водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудоцик,
И во звонцятой в переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
И пошли быки-те тут стадами,
А стадами тут да табунами,
Ишша стали воду да упивати:
Ишша стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудоцик,
А во звонцятой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Загорелось инишшоё царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство,
Он привез ведь тут да свою мать».

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО СЫН

Было у нас да во Царё-граде,
Да не было ни дядины, ни вотчины,
Да жил как был прозвитель царь,
Прозвитель-от царь Иван Васильевич.
А была семья его любимая,
Ишша был у его только большо́й сын,
А и большо́й сын Фёдор Иванович.
Говорыл как он таково слово:
«Що по этому мосту по калинову
А много было и хожено,
А много было и езжено,
А горящей крови много пролито».
Ишша тут за беду стало,
А за ту кручинушку великую.
Он крычит-зычит громким голосом:
«Уж вы эх, палацы немилосливы!
Вы берите царица за белы руки,
Вы ведите царица во чисто полё,
Вы ко той ко плахе ко липовой,
Вы рубите его да буйну голову,
Вы на той на плахе на липовой».
Ишша все палацы испужалися,
Ишша все палацы устрашилися.
Как един палац не устрашился,
Тут Скорлютка-вор, Скорлатов сын,
Он берет царица за белы руки,
Он ведет царица во чисто полё,
Он ко той ко плахе ко липовой.
А во ту пору, во то времецько
Перепахнула вестка за реку Москву,
А во тот же во Киёв-град,
А к тому же ведь ко дядюшке,
А к тому же Микиты Родомановицу:
«Уж ты ой еси, наш дядюшка,
Уж ты же Микита Родомановиц!
Уж ты знаёшь ле, про то ведаёшь:
Как помёркло у нас солнцё красное,
А потухла звезда поднебесная,—
Как погиб цариц за рекой Москвой,
А и большо́й-от Фёдор Иванович?»
Ишша тут же ведь как ведь дядюшка,
Ишша тот же Микита Родомановиц,
Он ведь скацёт с постелюшки с мягкою,
Он одел как сапожки на босу ногу,
Он хватил тулуп за един рукав,
Он крычит-зычит зычным голосом:
«Уж вы ой еси, мои конюхи!
Подводите мне и добра́ коня».

Он ведь скоро скацёт на добра коня,
Он ведь гонит тут во всю голову:
«Разодвиньтесь-ка да вы, народ божий!»
Он застал Скорлютку на змахи:
«Ты Скорлютка-вор, ты Скорлатов сын!
Ты не за свой гуж ты примаишься,
А кабы те гужом подавитися».
Он берет царица за белы руки,
Он садил царица на добра коня,
Он сам коня в поводу повел,
Говорил таково слово:
«Ты Скорлютка-вор, ты Скорлатов сын!
Ты поди, Скорлютка, во цисто полё,
А сруби у татарина буйну голову,
Ты приди к царю — на стол клади
Ишша сам говори таково слово:
«Ишша то дело у нас сделано,
Ишша та работушка сроблена».
Он пошел ведь тут во цисто полё,
Он срубил у татарина буйну голову.
Он пришел к царю — саблю на стол кладёт:
«Ты прозвитель царь Иван Васильевиц!
У нас-то ведь дело нынь сделано,
У нас та работушка сроблена».
Зажалел как тут прозвитель царь,
Зажалел как он своего сына,
Ишша большого Фёдора Ивановича.
Ишша сам говорил таково слово:
«А как по воре да по Гагарине
Ишша много есть как жалобных тут,
А по моём по сыне по Фёдоре
Никого-то нету жалобного».
Приходила панихида шестьнедельная,
А прозвитель царь Иван Васильевиц
А походит он поминать сына
А и большого Фёдора Ивановича.
А идет ведь он мимо Киёв-град,
Мимо дядево-то подворьице.
А у дядюшки и за пир такой,
Ишша що тако за весельице.
А скрыцал как тут прозвитель царь,
Он скрыцал ведь тут громким голосом:
«Уж ты ой еси, мой дядюшка!
Ишша що у тя и за пир такой?
Ишша що у тя и за весельице?
Ты не знаешь ле не ведаешь:
А померкло у нас солнце красноё,
А потухла звезда поднебесная —
Как погиб цариц за Москвой-рекой,
Ишша большой-от Фёдор Иванович?»

Как выходит тут его дядюшка,
Ишша тот жа Микита Родомановиц,
Он выходит тут на красно крыльцѣ.
Говорил как тут прозвитель царь:
«Уж ты ой еси, ты мой дядюшка!»
Ишша ткнул копьем во праву ногу:
«Ишша що у тя и за пир такой?
Ишша що у тя за весельицѣ?
Ты не знаѣшь ле не ведаѣшь:
А помёркло у нас солнцѣ красное,
А потухла звезда поднебесная —
А погиб царевиц за Москвой-рекой,
Ишша большой сын Фѣдор Иванович?»
Говорит как тут его дядюшка,
Ишша тот же Микита Родомановиц:
«Уж ты ой еси, мой племянницѣк,
А прозвитель царь Иван Васильевиц!
Уж ты хошь — цем тебя обрадую,
Тебя большим-то сыном Фѣдором,
Ишша Фѣдором тебя Ивановичѣм».
Он выводит царевица на красно крыльцѣ.
Взрадовался тут прозвитель царь:
Он берет тут ведь своего сына,
Он берет его за белы руки,
Он целует в уста во сахарны же,
Ишша сам говорил таково слово:
«Уж ты ой еси, ты мой дядюшка!
Ишша цем тебя буду жаловать?
У тя злата-то, серебра не мене моего».
Они пир срядили, пировать стали.

КОСТРЮК

А во Таулий во городи,
А да во Таулии хорошом-е
А поизволил наш царь-государь
Да царь Иван Васильевиц,
А поизволил жонитися
Да не у нас, не у нас на Руси,
Да не у нас в каменной Москвы,
Да у царя в Большой орды,
Да у его на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны.
Собирался наш царь-государь,
Да собирался с цеснымъ поездом,
Да и оттуль и поход учинил,
Да и оттуль из каменной Москвы.
Ишше здраво стал государь
Да через реки быстрые,

Да через морё синее,
Да через полё цистое
К Кострюку в Большу орду,
К Кострюку сыну Демрюковицу.
Говорил его дядюшка
Да Микита Родомановиц:
«Уж ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
Ишша мы к тебе пришли
Да не с боём, не с дракою;
Да мы пришли к тебе посвататься
Да у тебя на родной сестры
Да на Марье Демрюковны».
Они сватались, сватались
Да слово на слово положилися.
Собирался наш царь-государь
За столы-те за дубовые,
Да за яствы сахарные,
Да за напитки стоялые.
Пировал-жировал государь.
Говорил его дядюшка
Ишше Микита Родомановиц:
«Уж ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
Об цем слово было молвлено?
По рукам ударено?»
А Кострюк поскакивает,
А Кострюк поплясывает.
Он тому не ослышался,
Он выводит родну сестру
Да ино Марью Демрюковну
Да за нашего прозвителия царя
Да за Ивана-го Васильевича,
Да за столы-те за дубовые
Да за напитки стоялые.
А пировал-жировал государь.
А оттуль и поход уцинил,
Да оттуль из Большой орды.
Ишше здраво стал государь
Через полё цистое
Через морё синее,
А через реки быстрые.
Ишше здраво стал государь
Во свою-ту в каменну Москву
Да он ко церкви соборную
Да ко монастырям церковные,
Да они венцами повенчались,
Да перстнями поменялися.
Ишше здраво стал государь
Да во свою-ту каменну Москву
За столы-те за дубовые,

Да за яствы сахарные,
За напитокки стоялые.
Да пировал-жировал государь.
Говорил его шурин тут
Кострюк Демрюков сын:
«Уж ты ой, царь-государь!
У вас есть ли в каменной Москвы,
У вас есть ли таковы борцы
А со мной поборотися,
А с Кострюком поводитися?»
А говорил тут царь-государь,
Да царь Иван Васильевиц:
«А любимой дядюшка!
Уж ты выйди на улоньку,
Да Микита Родомановиц,
Затруби-ко в золотую трубу,
Чтобы чуяли за рекой за Москвой».
Как выходит тут дядюшка
Да Микита Родомановиц,
Затрубил в золотую трубу.
Да учуяли за рекой за Москвой,
А учуяли три братёлка:
А первой брат — Мишенька,
А второй брат — Гришенька,
Да третей брат — Васенька.
Говорил как тут царь-государь:
«А любимой шурин мой!
А у меня питья на столе,
А у меня борцы на дворе,
Когда есть вера — боритесь
Да из дани, из пошрины
Да из накладу великого».
А Кострюк поскакивает,
А Кострюк поплясывает,
А Кострюк через стол скоцил,
А Кострюк питья сплескал.
А говорила как родна сестра
Да ино Марья-то Демрюковна:
«Уж ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
А не ходи ты боротися,
А ты из дани, из пошрины
Да из накладу великого».
А Кострюк поскакивает,
Он тому не ослышится,
Он выходит на улоньку,
На крылецюшко красной,
А о перила облегается.
А говорил как Мишенька:
«Уж ты ой еси, царь-государь!
Мне-ко не с кем боротися».

Говорил как Гришенька:
 «Уж ты ой еси, царь-государь!
 Мне-ко не с кем рѹки патрѹть».
 Да говорил как Васенька:
 «Уж ты ой еси, царь-государь!
 Уж бы рад я боротися,
 С Кострюком бы поводитися,—
 Да я топѣря со царѣва кабака,
 Да болит буйна голова,
 Да шипит ретиво сердцѣ».
 А наливают как цару вина,
 А невелику — четвертинною;
 А подавают Васеньке.
 Да выпивает Васенька:
 «Да спасибо тебе, царь-государь!
 А опохмѣлил бѹину голову, —
 А не окатил ретива сердца,
 А не звеселил добра молодца».
 А наливают вторую царѹ,
 Да невелику — четвертинною;
 А подавают Васеньке.
 А выпивает Васенька:
 «Да спасибо тебе, царь-государь
 Да царь Иван Васильевиц!
 А опохмѣлил буйнѹ голову,
 А окатил ретиво сердцѣ,—
 А не звеселил добра молодца».
 Наливают третью царѹ,
 Да невелику — четвертинною;
 Подавают Васеньке.
 А выпивает Васенька:
 «Да спасибо тебе, царь-государь!
 А опохмелил буйну голову,
 А окатил ретиво сердцѣ,
 Да звеселил добра молодца;
 Уж я рад ныне боротися,
 Да с Кострюком-то поводитися,
 Я из дани, из пошлины,
 Из накладу великого».
 Они стали боротися.
 А в первы Кострюк бросил,
 А вторы Кострюк бросил.
 А как Васенька-то Хроменькой
 Он на ножку-ту справился,
 А за лопоть-ти зграбился,
 Он прирвал лопотьѣ всё.
 А на руках он потрѣхивает,
 До земли не допускивает.
 А ише думали: Кострюк-Демрюк,
 А ино Марфа Демрюковна.
 А она проклиналася,

А она заклиналася:
«Да не дай бог бывати здесь
А у царя в каменной Москвы,
Да не детям бы, не внуцатам,
Да не внуцатам, не павнуцатам».

НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ

Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшина да неслыхальшина:
Ишша сын на матери снопы возил,
Все снопы возил да все конопляны.
Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшинка да неслыхальшинка,
На горе корова белку лаяла
Ноги расширят да глаза выпучит.
Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшинка да неслыхальшинка:
Ишша овца в гнезде яйцо садит,
Ишша курица под осеком траву секет.
Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшинка да неслыхальшинка:
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушкáми, лапками помахиват,
Он черным хвостом тут поправливат.
Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшинка да неслыхальшинка:
По синю морю да жернова пловут.
Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшинка да неслыхальшинка:
Как гулял Гулейко сорок лет за печью,
Ишша выгулял Гулейко ко печьну столбу;
Как увидел Гулейко в лоханке воду:
«А не то ли, братцы, синё морё?»
Как увидел Гулейко — из цашки ложкой шти хлебают:
«А не то ли, братцы, корабли бежат,
Корабли бежат да все гребцы гребут?»
Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшинка да неслыхальшинка.

Филипп Павлович Господарев

1865 — 1938

Сказитель Ф. П. Господарев предстает весьма своеобразной фигурой в истории отечественной фольклористики. Белорус по национальности, он справедливо считается истинно русским сказочником. Крестьянин по происхождению, он являет собой пример сказителя, чье традиционное творчество испытало значительное влияние рабочей среды.

Ф. П. Господарев родился в 1865 году в маленькой тихой деревеньке Забабья Рогачевского уезда Могилевской губернии. Отец его вместе со всей семьей только четыре года как перестал быть крепостным. Большая семья — тринадцать человек — жила бедно. С ранних лет будущий сказитель пас лошадей, косил, пахал. Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, его отдали в ученики к кузнецу. Научившись кузнечному делу, Ф. П. Господарев стал работать у помещика Кузнецова. Кузнецом Филипп Павлович был превосходным, то что называется мастером «золотые руки». Но барину не нравились «дерзкие» речи молотобойца.

Ф. П. Господарев вспоминал следующий случай: «Раз помещик загнал мою лошадь за потраву в загон и вызывает меня к себе в усадьбу. Ну, я, конечно, пришел, и меня позвали в кабинет. Вот помещик и спрашивает: «Твоя лошадь?» — «Моя», — отвечаю. «Раз твоя — плати два рубля штрафа, иначе лошадь не отпущу». Я преспокойно вынимаю ему два рубля. Положил на стол и говорю: «Только, барин, дайте мне две копейки сдачи». Барин на меня эдак косо посмотрел и спрашивает: «А зачем тебе?» А я не утерпел и выпалил: «Как зачем! Мужику нужно табаку купить на копейку, на другую — спичек; закурить — да и вас подпалить!» Барин-то, видно, напугался, аж побледнел в лице. Отдал обратно два рубля да еще пять рублей от себя дал; заговорил помягче: «Что ты, Филипп, выбрось из головы эти мысли».

В 1903 году кончилась работа Ф. П. Господарева у помещика. Летом в Могилевской губернии вспыхнули крестьянские беспорядки. Крестьяне самовольно жали барские поля, захватывали и делили между собой помещичью землю. Выступление крестьян было подавлено, и Ф. П. Господарев среди других «зачинщиков» был заключен в тюрьму. Псков, Петроград, Шлиссельбург, Новая Ладога, Лодейное поле — во всех этих городах довелось побывать Филиппу Павловичу, точнее — в их тюрьмах. По словам сказителя, от Лодейного поля до Олонца он шел с небольшим этапом вместе с Михаилом Ивановичем Калининным. И хотя документально этот факт не подтверждается, надо полагать, что «тюремные университеты» сказались на становлении политического сознания неграмотного крестьянина из глухой могилевской деревни.

До 1906 года Ф. П. Господарев отбывал ссылку в олонечкой деревне Шуя. В 1907 году ему разрешили вместе с приехавшей к нему женой и детьми переехать в Петрозаводск. Здесь с 1907 по 1917 год он работает на Александровском заводе.

Рабочим Ф. П. Господарев запомнился как замечательный силач. Однажды он публично померился силой с приехавшим на гастроли в Петрозаводск профессионалом-борцом и победил его. Прославился он и как сказочник. В перерыве во время перекура вокруг Ф. П. Господарева собирались любители послушать острую задиристую сказочку. «Соберутся мужиков пять — семь около меня, — вспоминал он позднее, — ну и зачнешь им что-нибудь посмешнее да посолонее: о попах да барах много говорил. Рассказывать приходилось с оглядкой. Не ровен час начальство подслушает или кто по начальству донесет — с работы вытурят. Где хлеба тогда для семьи искать? А с голодным брюхом недолго проходишь. В тое время у себя дома сказывал — куда повольней было!»

В 1917 году на заводе случился пожар. Ф. П. Господарев вместе с другими рабочими был уволен. Сказитель приобрел небольшую кузницу и до 1922 года занимался кустарной работой, выполняя разные заказы. С 1922 года Ф. П. Господарев работал кузнецом в артели.

Встреча сказочника с учеными состоялась в феврале 1937 года. За несколько месяцев работы молодой фольклорист Н. В. Новиков записал от Ф. П. Господарева 106 сказок. В марте 1938 года сказитель с успехом выступал в Ленинграде. Скончался Ф. П. Господарев 9 июля 1938 года, похоронен на Зарецком кладбище в Петрозаводске.

Литература: Пулькин В. И. Перун-трава: Повесть о сказочнике Ф. Господареве. — Петрозаводск, 1985.

СОЛДАТСКИЕ СЫНЫ

(Иван и Роман)

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, за номером пятым, в этом доме проклятом, за номером седьмым, где мы сейчас сидим. Это не сказка, это присказка. Сказка будет после обеда, наевшись мягкого хлеба, похлебав кислых щей, чтоб было брюхо толщей...

В одной деревне жил мужичок, по бедноте не было у его ничего; весной он оженился, а осенью помещик сдал его за богатого мужика в службу.

Ну, как он бедняк, его отправили подальше. Денег у его не было письмо домой написать — где он находится; жена его не знала, куда писать.

Прожила она несколько время и родила без его двух сынов. Эти сыны росли не по годам, а просто по часам.

Годов через пять, как она в бедности жила, она пошла к старосте и попросила: «Староста, — говорит, — нельзя бы устроить моих сынов в школу, так что я средства не имею...» (*А раньше учителям платили.*) Староста сказал: «Ну, как-нибудь устроим, эко дело!»

Вот начали ребята ходить в школу. Один звался Иван, а другой — Роман, и они были оба волос в волос, голос в голос, что не разберешь, какой из них Иван, какой Роман.

Проходили они зиму. Проходили они вторую. На третью зиму стали ходить в школу обратным путем. Там богатого отца, старостовы, сотниковы сыны ходят — отцовские дети, а они как бы бавструки были. Их и начали ребята подталкивать: «Эх, вы, бавструки!»

Как выйдут они на прогулку — один пихнет, другой пихнет, а им жалиться некому: и называют их бавструками. (*Незаконно родены.*) Однажды они приходят домой и спрашивают у своей матери: «Мама!» — говорят. — «А что, сынки?» — «Почему нас называют бавструками?» Она отвечает: «Вы не есть бавструки, а ваш отец служит уже шесть лет. (*Раньше служили по двадцать пять лет.*)» Его помещик сдал вне очередь на службу.

Наутро они отправляются в школу.

Вот урок у их прошел, отпустили их погулять на улицу. Ребята обратным путем подталкивают их и называют бавструками. Иван и говорит Роману: «Эй, брат Роман, мы есть солдатские сыны, а не то что бавструки. Они нас бавструками называют. Давай-ка распорядимся мы с ими».

Вот Иван которого ни хватит за руки — руки прочь, хватит за голову — головы нет, так что которые были побойчей, те попали, а послабже — сбежали. Они собрали шапки, приходят к школе. Роман поднимает угол школы, а Иван кладет под угол шапки.

Роман и говорит: «Теперь пойдём до учителя, он тоже напрасно линейкой бил нас».

Пришли к учителю. Учитель сел на колени и начал просить: «Простите меня, наша должность такая». — «Ладно, мы тебя прощаем».

Учителя они не тронули, а сами отправились домой.

Приходят они домой. Мать у их спрашивает: «Вы чего так рано пришли?» — «Да мы так, немножко подкачали». — «Как?» — «Да так: стали называть нас бавструками, ну мы распорядились. Которого ни хватим за руки — руки нету, которого ни хватим за голову — головы нет». — «Что же вы наделали?!» — «Ничего», — отвечают они. — «Теперь нас помещик убьёт». — «Это как придет-ся», — они отвечают.

Мужики собрали сходку: «Что с этими бавструками делать?»

Призвали помещика и позвали ихнюю мать на сходку.

Когда там советовались, начал учитель сказывать, что они большую силу имеют, их не уничтожишь, не уничтожишь никаким образом.

Помещик и надумался, что сделать над ими: «Мы скажем: пущай мать их прорубит прорубь и пустит их под лед».

Это ей помещик и сказывает: «Ты ступай домой, проруби прорубь и пихни своих сынов в воду, а если ты этого не сделаешь, то мы тебя туда впихнем».

Она, бедная, заплакала и пошла домой. Идет и плачет, а они с нетерпением дожидаются своей матери, что там на сходке скажут ей.

Вот встречают мать. Мать плачет. «Ты чего, мать, плачешь?» — «А вот сказал помещик, чтобы я прорубила прорубь и вас пустила под лед». — «Так. Ну, так воротись, мать, назад, и мы пойдём с тобой».

Мать воротилась назад. Идут они троём. Сыны сказывают: «Ты, мать, иди в избу, а мы постоим под окошком, и скажи помещику толстобрюхому: «Толстобрюхий черт, меня сыны прислали сюда». Она так и сделала. Помещик сгорел: «Как ты имеешь право называть меня так?!» — «А как же ты имел право сказать, чтоб я прорубила прорубь и пихнула своих детей. Так они сказали, чтоб завтра к двенадцати часам, за ночь, были сделаны буловы по двадцать пять пудов весом из мягкого железа».

Помещик тут закусил свой язык. А сыны уперлись с улицы в стенку — стенка проломилась, и они вошли в стенку.

Тут помещик стал их просить: «Простите меня, сделаю я вам буловы. К завтрашнему дню будут готовы». — «Ну, смотри, толстобрюхий черт, а то на одну твою ногу станем, а другую разорвём».

Помещик отправился поживей в свое имение, заставил кузнеца выкатывать эти буловы с ручками. Так что помещик не мог до двенадцати часов сделать, то он приехал к солдатским сынам и стал просить хоть на двое суток отложить.

«Ну, ладно, давай. Но чтоб за двое суток готовы были буловы. А ты, толстобрюхий черт, выкати бочку вина на деревню и зарежь трех коров, и делай этим ребятам поминки, которых мы подавали. И это чтобы было сегодня устроено».

Помещик сказал: «Рад стараться, все будет». — «Мы придем проведать». — «Пожалуйста. Не то в деревню, хоть ко мне придите, я и там угощу вас». — «Ну, мы к тебе не согласны идти, мы здесь будем поминать».

Помещик уехал и живо в деревню приставил вина бочку и три коровы привел в живых. Иван и Роман не искали ножей, а целиком сорвали кожи с этих коров и сказали: «Ешьте и поминайте этих ребят, которые называли нас бавструками».

Сами они отправились домой. «Ну, иди и ты, мамаша, на угощенье туда и послуховой, что будут сказывать там».

Мать отправилась. Ну, тут уже худого ничего никто напротив не сказал. Мать угостилась и пришла домой. «Ну, как, мамаша, там?» — «Да все благополучно. Все одобряют вас, никто не ругает». А они сказали: «А-а...»

Прожили три дня, помещик привозит им буловы и говорит: «Нате, молодцы, ваша просьба сделана».

Схватывает Иван буловку свою и говорит: «Легковата! Здесь нет двадцати пяти пудов».

А Роман сказывает: «Должно быть». — «А попробуй-ка ты взять». Роман тоже схватил. «Да, пожалуй что негу». — «Ты что ж делаешь так, толстобрюхий? Тебе сказали по двадцати пяти пудов, а ты по шестнадцати!» — «Нет, вы попробуйте, солдатские сыны. *(Уже солдатскими сынами называет.)* Если не верите, я сам видал, что вешали; даже лишнее есть, чем двадцать пять пудов».

Они стали играть буловами: подбрасывают вверх, ловят и опять кидают. Помещик стоит и боится двинуться.

«Ну, ладно, буловы готовы. Будем верить твоему слову чертовскому. Теперь тебе задачу даем мы. Выкати тоже бочку, сорок ведер, вина на эту деревню, чтоб знали все христиане, что мы пойдем искать своего отца. И смотри, когда угостятся, чтоб нашей матери давал мяса, мягкого хлеба, — чтоб черствого не ела мать, — и прислугу матери. Что ей понадобится, чтобы живчиком было приставлено, а если не будет приставлено, мы вернемся, то тебя и живого не пустим».

Помещик сказал: «С большим удовольствием будет приставлено все, что ей надо. Не то пушай покидает свою деревенскую избу и идет в мою комнату, то будет ей тут прислуга и постоянно поднесут ей всё. Пусть пьет и ест, что ей хочется».

«Ну, смотри теперь, толстобрюхий черт! *(Они добром его не на-*

зывают.) Смотри, как у нас буловы засвистят. Куда буловы засвистят, туда мы пойдем».

Иван был вроде старше.

Роман и рассказывает: «Ну-ка, брат Иван, пусти-ка свой гостинец».

Иван схватил свою булову и пустил — все равно, что с орудий стукнуло, заучило и из виду скрылось.

«Ну, давай теперь я пущу».

Роман схватывает свою булову и пустил, что это заметно, и эта булова пошла кудата...

Они попрощались с матерью и с помещиком, толстобрюхим чертом: «Ну, и до свиданья», — сказали они.

Вот и пошли этим следом, куда буловы полетели.

Шли они, может быть, день, два. Вот входят они в один лес, и смотрят они на вершинах, что когда буловы летели, так сучья отлетели. «Это, — говорят, — наши гостинцы летели».

Проходят они лес, видят поле. На поле стоит большой дом, и обнесено оградой высоко, и ограда как по тюрьмам: что острые штыки тесаны. И видят, что на каждом колу торчат человеческие головы, а два столба стоят, на которых головы нет, и коло столба лежит их две буловы.

«Вот дошли, — говорят, — до конца. Гостинцы наши здесь. Для гостинцев, видишь, и место свободное; наверно, наши головы повесят тут. Делать нечего, надо спросить».

Хватают они свои буловы в руки, добираются до двери. На двери замок был крепкий, двери крепко были закрыты.

Вдруг с той стороны, слышат, открываются двери. Когда дверь открылась, то выходит старуха и говорит: «Эх, солдатские сыны, рано вы пришли. Пусть вам было бы лет по пятнадцать, а вам всего по восемь лет. И вы пошли в такую атаку! Жалко мне вас, то не трогайте своих булов здесь. Поставьте на это место, где они были. Мой сын ожидает вас уже три дня. Ступайте за мной, — сказала старуха, — я знаю, что вы с дороги, вы кушать хотите». — «Да, бабушка, хотим». — «Ну, кушайте поживей, а то скоро придет сын мой, так он вас сгубит».

Она их накормила и видит — сын едет. Она их взяла ударила, одного по голове и другого, и сделала их палками и поставила их за шкап. Открыл сын Змей двери и говорит своей матери: «Мамаша, что, — говорит, — русь-кость пахнет?» Мать отвечает ему: «Ты по Руси летал, нанюхался русской кости, то тебе отдает в избе русской костью». — «Давай поесть».

Старуха дала Змею-сыну кушать. Он покушал и говорит матери: «Коли придут солдатские сыны сюда, то ты их удержи». — «Хорошо, сынок, задержу». — «А, я, — говорит, — полечу». — «Ну, лети», — сказала она.

Змей улетел. Она берет эти палки, ударяет их, и они делаются как и были.

«Слыхали, — говорит, — вы, что сказывал?» — «Да, бабка, — говорят, — слышали». — «Так это сын мой». — «Слышали, бабка». — «Вот теперь я дам вам загадку. Не загадку, а просто службу сослужить мне». — «Мы рады стараться, бабка». — «Ну, ступайте за мной».

Они пошли за бабушкой. Она одному дает лопату, другому топор и ведет их на земляную гору. И на этой горе стоял дуб вершков двадцать толщины, а под этим дубом стоял склеп. В этом склепе за дверьми два богатырских жеребца стояли. *(Они этого не знали, что тут есть.)*

Бабушка привела их, сказала: «Вы этого дуба изрубите, и коренья вытягните, и тогда придите за мной; и поживей старайтесь, чтоб сын не наскóчил».

Роман тюкнул топором — корень сразу слетел. Второй раз тюкнул по другому корню — корень слетел, и топориче улетело. «Что ж мы ломаем, давай попробуем так».

Они подклали свои руки к этому дубу, то дуб пошатнулся. «А давай дубинушку запоем». — «А как же петь?» — «А ты слышал, как мужики запевают дубинушку, когда тяжелый груз тянут?» — «Ох, дубинушка, охни, зеленая сама пойдет...» — «Ура!» Крикнули «ура», хватили — дуб полетел. «Видишь, дубинушка пособила». — «Ну, ты, Роман, бежи к бабушке, а я остатки коренья выдерну».

Роман побёг к бабушке, а бабушка только домой пришла. «Бабушка, да у нас дуб готов!» — «Вот молодцы, ребята, — сказала баба. — Я думала, часа на три вам хватит, а я только дверь отворила, а ты за мной. Ну, пойдем же, бесёдовать некогда», — сказала баба.

Когда пришла бабушка сюда, то Иван уже коренья выдернул и почти землю выкопал до дверей. Она и сказывает: «Вот, солдатские сыны, здесь стоят две лошади богатырей. Они принадлежат вам. Когда двери откроем, жеребец выскочит, то ты крикни: «Стой, пёсье мясо, передо мной; не ты будешь владеть мной, а я тобой».

Они так и сделали. Тогда лошадь остановилась и поклала голову на Ивана солдатского сына. Так взял и Роман свою лошадь. И одела она им богатырскую одежду, и дала им мечи по двадцать пять пудов, и говорит им: «Теперь вы отправляйтесь в дорогу. Когда приедете вы к морю, то пустите своих лошадей погулять на воздухе, и они от вас никуда не уйдут. Ну только спать не ложитесь у моря, а то мой сын будет лететь и увидит коней и вас, и вы будете спавши, вы будете побежоны, а если не будете спать, то он с вами ничего не сделает, не осилит он вас двоих. И вы его живого не пускайте».

Они пустили своих коней и начали играть в мячик, чтоб не заснуть. Немного поиграли в мячик, вдруг является Змей шестиглавый: «Да, старый черт, я собственно слышал, что русь-кость пахла

в избе. А она мне ответила, что по Руси летала и русь-кость нанюхалась, так тебе везде сдастся. Все равно вы от меня не уйдете!»

Братья схватили свои пашки, и явились мигом ихние лошади.

Иван срубил две головы Змею и Роман две, а у Змея уже две нарастает головы опять. Они еще по голове срубили, а у Змея еще выросли три. То одна лошадь поднялась на дыбы и Змею на плечи взвалилась, а другая по боку ударила копытами, и Змей свалился, и лошади притисли Змея ногами. *(Вот лошади!)* Они остатки дорубили головы, и на куски его порубили, и наклали костер дров, и бросили его в огонь. Сами сели на лошадей и уехали.

Ехали они мало-немного. Где остановятся, сами делают шатер себе с холста, лошадей пускают на божью волю. Утром прощаются и лошади к им являются. Седлают лошадей и в путь-дорогу выезжают.

Вот едут дорогой — стоит столб и две дороги лежат. Написано на таблице: «Кто поедет правой стороной, тот будет сыт и богат, а левой стороной — неизвестно, что будет».

Они стали, и прочитали, и говорят сами с собою: «Какие ж мы есть богатыри, что мы вдвоем ездим вместе, — придется нам разделиться. Одному ехать в правую, другому в левую, и сделать такой договор, что если вот такого числа не сойдемся где-нибудь, то должен воротиться на это место, на котором мы разъехавши, и ехать тем следом, куда он поехал. Ну, и вот как мы теперь? Кто же из нас поедет по правую, кто по левую?»

Роман говорит: «А давай кинем жеребий, то обижаться не будем друг на друга». — «А какие жеребия мы кинем здесь?» — «А вот стоит куст ореховый. Слезем с коней, выломим себе вичку и станем мериться: чья рука будет наверху, то ехать в правую сторону».

Роман выскакивает, ломает вичку, подносит Ивану, и стали мериться. Иванова рука оказалась наверху. «Вот тебе, брат Иван, ехать в правую сторону, а я поеду в левую. Проездим месяц, то если я не буду, то ты ворочайся, ищи меня, а если тебя не будет — я вернуся на это место и поеду искать тебя».

Ну, а теперь мы бросим Романа, а возьмемся за Ивана.

Вот Иван мало-немного проехал по правой стороне. Стоит избушка на куриной ножке и к лесу дверями, а к дороге стенами. И он подошел к избушке. Как ни подойдет — избушка вертится, все попадает стенкой, и он крикнул: «Избушка, стань к лесу стенами, а ко мне дверями».

Избушка стала к ему дверями. Он открывает двери, — там сидит мужичок, сам маленький — до потолка, голова в пивной котел, и говорит ему: «Ну, спасибо, Иван солдатский сын, что ты заехал ко мне. Есть у меня для тебя попити, поесть, но жалко, что для лошади нету корма. А второй раз будешь ехать, я приготовлю для лошади твоей».

Иван солдатский сын поблагодарил старикү за то, что он его угостил.

«Ну вот, я даю тебе подарок, Иван солдатский сын. Знаю, что вы с бедного состояния, у вас неоткуда чего взять, то вот тебе мой старый кошелек — нá. Понадобятся тебе деньги, то ты тряхни кошельком, — сколько надо, столько ты и возьмешь. *(Вот кошелечек-то!)* И в другой раз заезжай, не забывай меня».

Иван поблагодарил старикү и поехал дальше.

Приезжает Иван в город *(так, как в Петроград)*, где жил государь. Заезжает в гостиницу. Снимает номер в гостинице *(денег хватит у его!)* и нанимает сарай для лошади. Проживает он день в гостинице этой, ну и второй, может быть, и третий *(там неизвестно уже)*.

Утром просыпается — что-то жалобные флаги вывешены. И он спрашивает у хозяина: «Хозяин, что у вас такое: вывешены траурные флаги?» — «Молчи, молодой человек, это у нас несчастье здесь в городе». — «А что такое?» — «Да царю Змей прислал шестиглавый письмо, чтоб государь прислал свою дочку на поедание Змею, а если государь не пошлет, то он все царство сожжет. Так это и траурные флаги вывешены. А у царя дочка одна».

Иван выслушал его разговор и говорит ему: «Ты, хозяин, засыпь моему коню порцию овса и подай мне порцию еды». — «Сейчас, молодой человек, сей минутой сделается».

Иван покушал и говорит хозяину: «Хозяин, я уеду на охоту». — «Ну, поезжай».

Он отправился на охоту.

Приезжает к морю. А там государева дочь была в бесёдку прикована цепями. Он ей говорит: «Здравствуй, прекрасная царевна!» Она думала, что это Змей такой красивый: «Еще ты называешь меня прекрасной царевной, а приехал меня поёсти!» — «Нет, — говорит, — я не Змей». Скинул шапку, перекрестился: «Я приехал избавить тебя. Избавлю али нет, а все-таки попробую».

Сорвал ей цепи и бросил в море.

Вдруг выходит Змей из моря и говорит ему: «Да, государь милостивый: я требовал одну, а он прислал трое. Будет выпить и закусить». — «Может, закусишь, а может, подавишься!»

Змей засмеялся: «Такого противника у меня нету и близко, а есть в некотором царстве, в другом государстве два солдатских сына, так они еще молоды — им только по девять лет. Так их сюда ворон костей не занесет». — «Ворон костей не заносит, а сам добрый молодец приходит». Он спрашивает: «Ты Иван солдатский сын аль Роман? Так это ты моего дядю ушлёпал?» — «Да, — говорит, — я». — «Это тая, проклятая, вам лошадей дала! Ну, ладно, я все-таки с тобой справлюсь». — «А посмотрим», — он отвечает, духом не падает. «Ну, Иван, что ж — будем биться аль мириться?» Иван отвечает: «Не приехал мириться, а приехал побиться!»

Кому достанется государская дочь: мне али тебе?» — «Давай», — говорит.

Иван как рубнул — три головы слетело со Змея. А Змей как ударил — Иван по колен в землю вшел. Иван срубил еще две головы. Змей его вбил в землю по пояс.

Иван и говорит ему: «О, Змей! Мы бьемся, деремся. Цари и короли бьются, и то одышку делают, а мы с тобой не отдохнем, за какую-то королевну бьемся».

У Змея еще две головы вырастают. «Ну, давай отдохнём». *(Змей надеется, что у его голов прибавится, а Иван надеется, что из земли выберется.)*

Иван выбрался с земли, и стал на крепкой почве, и говорит: «Мы уже отдыхнули».

И опять мечом ткнул его. Остается у Змея одна голова. *(Головы не успели вырасти.)* Змей его ударил, но глубоко в землю не вбил. Змей ему и говорит: «Последняя голова осталась. Хоть ты молод, да умен. *(Змей видит, что обдул Иван.)* Теперь вижу, что я погиб». — Змей уже сознается.

Иван махнул мечом и остатки срубил. Головы кладет под камень, а языки на камень и берет у царевны зарученное кольцо и отправляет ее домой, и она его зовёт на пару стаканов чаю. Он ответил: «Я через месяц приеду, а сейчас мне некогда». Он и еще ей сказал: «Я через месяц приеду и буду жениться на тебе». Она его обняла, поцеловала и сказала: «Проведи меня хоть до городу». А он ответил ей: «Не большая ты есть фрейлина, — можешь идти одна, а мне надо поспеть в другое место».

Она заплакала и пошла, а он сел на своего коня и отправился.

А в тое время водовоз брал воду, всё видал, как он бился со Змеем и куда клал головы и языки.

Он подходит к царевне и говорит ей: «Скажи, что я тебя спас». И она ему говорит: «Как же я могу говорить, что ты меня спас?» — «Как хочешь. Не скажешь, так вот черпаком убью, и в море брошу, и скажу, что Змей съел».

Она думает: «Вот беда: одного сбыла, на другого наскочила».

«Ладно, скажу, что ты меня освободил и Змея шестиглавого убил». — «Сядь на коленах, и поклонись, и ком земли съешь, тогда поверю, что ты это скажешь».

Она это сделала. Он ее под мышку взял и тащит домой.

Когда привел, она и рассказывает, что вот такой-то убил Змея.

Тут ему нашивочкишили и почет дали, и сказал государь: «Зятем будешь моим».

Иван приезжает в свою гостиницу домой и говорит хозяину: «Ты, хозяин, дай мне две порции поесть сразу и дай коню моему порцию овса. Я на трое суток закрываю свою комнату и буду писать письма домой. Чтоб никто не приходил ко мне трое суток, так что я выходить не буду. А лошадь, смотри, корми как следует, каждый день».

А сам пообедал и лёг спать на́ трое суток.

На третьи сутки починается. Опять по церквам звоны пошли, и траурные вывешены флаги, и он у хозяина спрашивает: «Хозяин, это что такое?» — «Молчи, молодой человек. Тот раз шестиглавый Змей требовал царскую дочку, а теперь девятиглавый. В тот раз водовоз Змея шестиглавого убил, так надеется, что, может быть, и этого убьет». — «А дочка, что ж, одна у государя?» — «Одна, одна дочка». — «Дай-ка мне две порции поести скорей и засыпь коню две порции овса!» — «Сейчас, молодой человек». — «Ну-ну-ну, поскорей!»

Поел. «Ну, я отправлюсь на охоту».

Ну, вот и отправился.

Когда он поспешил, то первый раз народ его не видал, а второй раз, когда он ехал в тую гору, в тую бесёдку, шел народ оттудова. Народ упал весь на землю, все сказали: «Поехал Змей!» *(Он шибко ехал, и его признали за Змея.)*

Когда приехал он туда, она прикована была обратным путём. Она и говорит ему: «Вот, милый друг, не повел ты меня до городу, то пришлось мне дать клятву водовозу. Ему уже нашивки нашили». — «А тебе не все равно? Либо был мужик. Ну, вот и жених будет, из бедного станет богатый. Все равно, хочешь за мной, хочешь за им».

Но, так как рассказывать дальше некогда было ей, — что явился Змей и говорит: «Да, государь милостивый, прислал выпить и закусить. Я ждал одну, а он прислал трех». А Иван говорит: «Может быть, и выпивкой подавишься!» Змей усмехнулся: «Это, — говорит, — ты убил брата моего, а меня не убьешь!» — «Посмотрим!»

Иван своего коня не привязал к бесёдке, а только подвязал поводок.

Когда Иван ударил Змея — три головы срубил. А Змей Ивана выше колен в землю вбил. Он второй раз махнул — тоже три головы срубил. Остается у Змея три головы, а две нарастают. То лошадь кинулася на Змея и сбила с ног, а в тое время Иван выскочил из земли, но с ухваткой, срубил две головы. Змей ему и говорит: «Счастлив ты через лошадь. Я погибну, а у меня брат придет на лошади, двенадцатиглавый!»

Все-таки Иван кончил его и сказывает царевне: «Кольцо я у тебя взял, а теперь ты дай водовозу кольцо, как ты клятву дала, и выходи замуж».

А она ему отвечает: «А где ж ты будешь встречаться с двенадцатиглавым Змеем?» *(Она слыхала.)* — «А придется у этой бесёдки встречаться. И ты будешь тут. А где ж ваш водовоз сидит?» — «А вот там на дубе». — «Ну, я заеду, покалякаю с им».

Ну, вот подъезжает к дубу. А царевна осталась тихонько идти.

«Ну-ка, вояка, слазь-ка с дуба! Мы поговорим с тобой». — «Нет, не полезу». — «Ну, скатишься, что горошина!»

Иван слезит с коня. Тряхнул дуба, он и покатился. И он до земли не допустил — на воздухе его схватил и поставил его на ноги, своей плёткой вдарил его тихонько один раз. «Ну, и довольно, будет с тебя. Бери царевну, веди домой и можешь жениться на ней. Я женатый уже, и мне не надо».

Водовоз зарадовался, что попадет кусок товару хорошего. Вот он взял царевну и повёл. Там уже ему стали делать перевязку от кнута.

Иван солдатский сын приехал в свою гостиницу и таким образом рассказывает хозяину: «Поддай мне две порции поесть!» Хозяин подал, и он сказал: «Смотри, на трое суток запираюсь в комнате. Чтоб ко мне никто не приходил. Буду писать письма. А лошади давай такую порцию, как и надо. А я выходить не буду».

И лег спать.

Трое суток спит. На третьи сутки просыпается. Опять по церквам звоны и траурные флаги. Он хозяина и спрашивает: «Что такое, хозяин?» — «Молодой человек, двенадцатиглавый Змей пишет государю, чтоб он прислал свою дочку на поедание. А если государь не пошлёт, то он все царство наше сожжет». — «А во сколько часов?» — «В двенадцать часов ровно, чтобы она была там у моря». — «Так дай-ка мне тройную порцию и лошади моей дай тройную порцию! Дай мне, хозяин, сто рублей денег». — «Ой, помилуйте, молодой человек! Ей-богу, сейчас денег ни копейки нету». — «Так ступай скорей сюда!» Хозяин приходит. «Держи полу!» Хозяин свой халат подымает, подходит к нему. И он вынимает кошелек, начал трясти в его полу.

«Ну, что, будет?» — кричит. — «Прибавь еще немножко». — «Ну, смотри, я буду прибавлять, а если упустишь — все мои». — «Нет, не упусти!»

Он сильнее стал трясти кошельком. У хозяина руки изомлели, а все мало. У хозяина и руки разъехались, и деньги посыпались на пол. Он на хозяина: «Прочь из комнаты!» — «Дай хоть половинки». — «Ну, забирай скорей все!»

Хозяин кряхтит, загребает. «Вот вам полтора ста рублей денег».

Иван берет эти деньги, садится на своего коня, приезжает в магазин: «Дай мне пять пудов пеньки». Ему подают пять пудов пеньки. «Дайте мне бочку смолы». Ему подают бочку смолы. «Дайте ведер в шесть котёл такой». Ему и котел подают. Он это все забирает, садится на своего коня и ф-футь — пошел.

Вот приезжает, становит котел, наливает смолы и начал греть. Когда смола согрелась, он берет седло с лошади, и мочит в смолу пеньку, и обкручивает своего коня пенькой. И он так, что обвертел коня почти на два вершка толщиной кругом. Тогда кладет седло, садится на коня и отправляется к морю. Приезжает сюда. Только управился снять цепи с государственной дочки, тут является Змей двенадцатиглавый и говорит ему: «Ну, вот, Иван солдатский сын! Теперь мы будем биться аль мириться?» — «Не на то

приехали мы, чтоб мириться, а приехали биться!» То Змей ему отвечает: «Мы теперь пустим своих лошадей биться, а потом будем биться сами. Если твоя лошадь побьет мою лошадь — придется мне погибнуть, а если моя лошадь собьет твою — придется тебе погибнуть».

Вот пустили они лошадей. То Змеев конь как хватит этого коня за шкуру, так кусок пеньки летит смоляной. А Иванов конь как Змеева коня хватит — кожи клочок вон. Так что Иванов конь избил Змеева коня. То Змей сказывает Ивану: «Ты хитростями! Твой конь сбил моего коня, а меня ты не собьешь!» А он отвечает: «Если я ухитрился сбить коня, то ухитрюсь сбить и тебя!»

И начали они биться. То когда Иван ударит — три головы слетают; а он его по колен в землю вбил. И он второй раз взмахнул — три головы сбил, Змей его до пояса вбил. Иван махнул третий раз — тоже три головы ему срубил. А у его две головы вырастают. Змей вбил его в землю до рук. То Иван солдатский сын сказывает: «Эх, Змей! Из-за какой-то королевы мы бьемся. Цари-короли дерутся, и то отдышку делают, а мы с тобой не отдохнем. Давай хоть по черпаку воды выпьем».

Ну, вот Змей ответил: «Давай отдохнем!» *(Змей надеялся, что у его головы прибавятся, а когда выпьет воды — сильнее будет.)*

Они стали отдыхать. Иван выбрался с земли, а у Змея выросло две головы. Иван и крикнул на царевну: «Эх, прекрасная царевна! За тебя мы бьемся. Хотя б подала нам по черпаку воды».

И она черпает черпак воды и подносит Ивану солдатскому сыну. Когда Иван выпил, то Змей говорит: «Поддай же мне воды!» Иван отвечает: «У тебя ж не одна голова, а пять. Так пока она пять черпаков принесет, она и устанет. Можно и так обойтись. Теперь давай драться».

Вот опять они начали драться. Когда Иван махнул — отрубил три головы. А у его еще остаются две, Ивана по пояс в землю вбил сразу Змей. Тогда подскакивает лошадь и сбивает Змея с ног. Тут Иван кончил все головы ему. Головы — под камень, языки — на камень и попрощался с царевной. И сказал ей: «Можешь выходить за водовоза замуж, а я женатый». Царевна заплакала, но делать нечего; только сказала: «Жалко, жалко».

Иван отправился в свою гостиницу, а водовоз взял ее и повел домой. Иван приезжает в гостиницу, сказал хозяину: «Поддай мне две порции, и ко мне трое суток никто не ходи! А коня смотри». — «Хорошо, хорошо».

Тут прошло несколько дней, он проснулся и спрашивает: «Ну, что у вас слыхать в городе?» — «А слыхать у нас в городе то, что будто венчается водовоз на государской дочке, и он будет у нас государём». — «Ну, так вот, хозяин. К этому дню, когда он будет венчаться, чтобы ты свою гостиницу!.. Была б духовая музыка, и кто ни придет — на мой счет угощать. И духовая музыка, на мой счет. И чтобы музыка все время играла».

Хозяин знал, что у его такой кошелек и расплатиться есть чем, и нанял музыку. И музыка играла цельные сутки без перестанка.

То когда они поехали к венцу, Иван подъехал и схватил ее на коня и привез в эту гостиницу. То все сплеснули руками и подумали, что Змей схватил государскую дочь в среди города и куда повез неизвестно. Так жених и остался ни при чем.

Тогда государь во всех церквах стал отпевать ее, вывешены были траурные флаги, и все трактиры, магазины на трое суток закрыты были, и не велено в музыку играть. Но в этой гостинице, как нанята была музыка — должна была играть. То государь говорит: «Почему в такой гостинице играет музыка, не закрывается? Моего приказания не слушают?»

Вот посылает он, чтоб была закрыта эта гостиница немедленно. Посылает он человека, то эти посланы приходят заявить, чтобы эта гостиница была закрыта, и видят они государскую дочь здесь. То государь приезжает сам в эту гостиницу. Она и говорит отцу: «Отец, вот мой избавитель, который сбавил меня от Змея». А он отвечает: «Да, теперь ты нашла другого. Тебе просто сказать, что этот тебя сбавил. Почему ты тогда не сказала?»

Велел закрыть эту гостиницу и арестовать этого молодого человека. Арестовали, и одели его в кандалы, и повели его туда, к государю, на допрос. На допросе Иван солдатский сын и говорит: «Пусть же ваш вояка покажет, где лежат змеевы головы. Когда он Змея убил, куда он девал головы?»

И он (*водовоз*) говорит: «Под таким камнем один, под таким камнем другой, под таким камнем третий». (*Он ведь видал.*) «Тогда, — говорит Иван, — пойдите к морю, и пусть он покажет, поднимет камень — покажет».

Вот они приходят туда, водовоз и говорит: «Здесь головы шестиглавого Змея, здесь — девяти, здесь — двенадцатиглавого». (*По языкам видал.*) «Ну, так вот, ты подыми камень и покажи головы. Языки видны тебе, что на камне лежат, а покажи головы».

Он и пошел кругом камня, камень ворочать. Так где же ему повернуть тот камень! Камень не ворошится. А Иван солдатский сын закован в кандалы. «А вот я покажу».

Он подходит к этому камню, где лежат головы шестиглавого Змея, — не руками взял, а взял ногой как свистнул, — камень покатился в море, и кандалы полетели вслед, порвались. А потом подымает все камни, показывает публике. То вся публика сказала: «Действительно, этот освободил, а не водовоз. Водовоза за эти штуки взять, и к конскому хвосту привязать, и пустить в чисто поле». А Иван солдатский сын отвечает публике: «Зачем гонять лошадь зря!» Подхватывает его за пояс и бросает его среди моря. «Вот пусть рыба ест!»

За теми пирогами, которые были приготовлены к той свадьбе, сделали свадьбу. Вот и стал женатый Иван солдатский сын.

Пожил он дня три-четыре со своей женой и говорит ей: «Пойдем-ка прогуляемся, дорогая».

Они вышли на балкон. Стоят на балконе, разговаривают. Иван видит, что вроде кладбища стоит роцца, и спрашивает у ее, у своей жены: «Что такое за лес?» Она ему отвечает: «Это роцца. Называется она Марьиная роцца у нас. В этой Марьиной роцце как кто пойдет, никто не вернется назад. Два полка солдат послали — и то их нету».

Он выходит с балкону и сказал: «Оседлайте мне коня!» И она его спрашивает: «Куда ты поедешь?» — «А поеду прокачусь». — «Только, пожалуйста, не едь в Марьину роццу».

Он как сел, свистнул — прямо в Марьину роццу и полетел. Захотелось ему знать, что такая за Марьиная роцца. Но жена наблюдала и видит, что он отправился в Марьину роццу.

Когда он только уехал в Марьину роццу, тут оказывается лисица ему. Он за этой лисицей погнался. Он ехал, кажется, немного, а он проскочил в другое царство, а лисицы догнать не мог.

Ехал он деревнями, ехал он скалами. *(За этой лисицей все гонялся.)* Вдруг стоит дом. *(Один дом на всем пути стретил.)* То лисица под ворота, а лошадь через ворота проскочила. Он поставил свою лошадь и пошел в дом. Отворяет двери. Тут солдатская оказывается кухня: обед варят. Он спрашивает: «Кто здесь живет?»

Ему никто не отвечает, сделались все камнем. Он отворяет другие двери *(дальше пошел)* и видит — солдатская швейня: одёжу солдатскую шьют.

Когда он спросил, то и они камнями сделались. Он видит третьи двери. Он отворяет третьи двери, не обнаживши своей шашки. Вдруг навстречу бежит старушка *(та самая, которая вела его сюда — волшебница)*. Он спрашивает: «Кто здесь живет?»

И он выхватил шашку. А она махнула на его носовым платком и сделала его камнем. И он теперь стоит.

Проходит время, как они договор сделали с братом.

«Надо теперь вернуться на тую дорогу, на которой я был и распростился с братом».

Ну, вот приезжает Роман на эту дорогу, заворачивает на тот след, куда брат поехал, то конь его быстрее понес. *(Конь знал, что уже брата нету.)*

Заезжает он следом. Стоит избушка на куриной ножке *(тая)* и к лесу дверями, а к дороге стенами. Он заходит к дверям. Избушка покрутилась опять. *(На куриной ножке она крутится, чтоб никто не заходил.)*

Он крикнул: «Встань, избушка, к лесу стенами и ко мне дверями».

Входит, открывает двери. Там сидит маленький человек — ростом под потолок, голова с пивной, с банный котелок. Он и говорит: «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, здравствуй! Ну, спасибо, — дедушка сказывает ему, — что ты мимо не проехал

меня и заехал ко мне. То теперь, — говорит, — есть для лошади корму — я запас, и есть для вас что попити, поесть».

Стали они угощаться. Дедушка это угостил его, и он отправился в дорогу. Дедушка не знал, что это был его брат. (*Они волос в волос были, голос в голос.*) Подарка ему никакого не дал. (*Тому дал кошелёк; вот бы нам такой кошелёк!*) Вот он отправился быстрой.

Приезжает он в этот город, то лошадь везет его прямо на постоянный двор, где он (*Иван*) стоял. То высккивает хозяин и кричит: «Здравствуйте, ваше императорство! Спасибо, что заехали к нам. А мы все думали, что вас и в живых нету». А он отвечает: «Как в живых нету? Вот мы!»

Стал он угощать. Пошел слух, что государь приехал, а не заехал раньше домой, а заехал в гостиницу. И он тут угостился, и садится на коня, и отправляется его следом.

Вдруг его на дороге встречает фрейлина молодая (*жена Ивана*) и бросается ему на шею: «Эх ты, милый друг! Сколько время не было тебя, и ты раньше не заехал домой, а заехал в гостиницу!» Роман отвечает: «Это по привычке».

Вот приехали, и он во дворец. И вот приказал поставить лошадь на место. (*Где стоял братьев конь.*) Коня поставили. Она его повела в комнату, показывает: «Что тебя не было, я и в комнате мало находилась».

Тут они угостились, выпили, закусили. Пошли в комнату, и она к ему повисла на шею кряду. Он и говорит ей: «Ты, — говорит, — сегодня поменьше со мной заигрывай». — «Почему, милый друг?» — «Да так», — говорит.

Вот уже приходит ночь, надо спать. (*Как и нам, грешным людям, знаешь.*) Он и говорит ей: «Знаешь, моя дорогая, что? Ты мне постели постель особенно. Я буду один спать». — «Почему, — говорит, — так?» — «Да так», — говорит. «А что, я для того замуж вышла, чтоб особенно спать?! Все равно не постелю другой постели! Все равно ляжем на одной!» То он ей говорит: «От тебя не открититься... Такая красивая, молодая».

Он берет меч и кладет средине себя. И сказал ей так: «Смотри, я был в таком положении, что я поклялся сам собою, что как приеду домой, то с женой ничего не делать. Там вот лежит в средине меч. Если ты покладешь на меня руку — рука у тебя прочь, а если ногу — нога прочь».

Она легла. Когда он заснул, она берет платок и бросает на его платок; половина на ем, половина у ее в руках. Она не поверила, снимает кофту, и кофту бросила, и юбку тоже прорубила. Она тут ночи не спала, боялась повернуться, чтоб не доткнуться до его меча. И проспала они до утра.

Утром встают, чаю опили. Она и говорит ему: «Я думала, друг, что ты поехал в Марьину рощу и что ты отудова не вернешься». — «Нет. А где же это ваша Марьина роща?» — «А я тебе показывала с балкона, и ты прямо поехал туда. И я следила за тобой с балкону, что вы поехали прямо в Марьину рощу». — «Так по»

кажь-ка мне ее, что за Марьиная роцца». Она вышла на балкон и показывает: «Вот она!» — «Ну, я сейчас поеду в нее», — он отвечает. «Да что ты, милый мой! Туда полк солдат послали, и те не вернулись, а ты поедешь». — «А какой же я есть богатырь, что я буду бояться Марьиной вашей роцци. Я мигом туда полечу».

Сел на коня и уехал прямо в Марьину роццу. Когда он подъехал к Марьиной роцце, является эта самая лисица. Ну, он за этой лисицей гнаться. Лисица этим следом, которым и брата вела. Он пролетел в это царство ее. Стоит дом на поле, кругом камень весь. Лисица под ворота, а лошадь через ворота с ним перескочила. И лошадь подошла к лошади Ивана и стала лизать. А лошадь стоит, как камень, но видно, что лошадь. То лошадь подошла к этому камню и начала нюхать и лизать этот камень, и он видит, что это его брата конь. Он поставил своего коня рядом. Сам обнажил шашку и пошел.

Он первую дверь отворяет — солдаты варят обед. Он спрашивает: «Кто здесь живет?» Они камнем все обратились, не ответили ему ничего.

Он отворяет другую дверь — то солдатская швейня — шьют солдатам одёжу. То он тоже спросил: «Кто здесь живет?» То они камнем обратились.

«Ну, теперь я отворю третьи двери. Спрашивать больше не буду. Кого увижу, сейчас голову сниму!» Отворяет третьи двери и вперёд пускает свою шашку.

Вдруг является к нему старуха. И он, не спрашивая ее, чикнул — срубил ей голову. А у ее в руках носовой платок. Он тогда берет этот платок и стал искать по карманам, что еще есть. Вынимает он другой платок. Взял махнул другим платком, который платок был в руке у этой старухи, — то она сделалась камнем. Он видит, что стоит здесь тоже отмалёванный человек, как и он, только камень. И он махнул этим платком, который был в кармане, — то брат такой стал, как и был, и говорит: «Эх, как я долго спал!»

А тут за дверями крикнули: «Ура! Все, — вот спаситель, спас все царство».

Он глянул в окошко, — где были скалы, тут оказался город. Люди засуетились по всему городу и вот кинулись в этот дом и крикнули: «Ты у нас будешь государём». *(На Романа.)*

И вот он приступил на престол. Тут и брат его был с им же. Тогда они и говорят: «Ну, давай же, брат, поедем ко мне! Я ведь тоже царем». — «Знаю, знаю, — отвечает Роман. — Давай поедем в твое царство».

То Роман дал брату платки своему. «Вот, — говорит, — я какие платки имею!»

Проехали они мало-немного, стали разговаривать про жизнь. Роман усмехнулся и говорит: «Знаешь, брат Иван!» — «А что?» — говорит. «Я сегодня ночь ночевал с твоей женой».

Ивану стало жалко, что тот, может, что сотворил, и думает: «Что же такую насмешку, никто знать не будет и верить никто не будет, что брат был у меня, что брат освободил меня».

Вынимает из кармана платок и махнул на его этим платком. Роман сделался среди дороги камнем, а он быстрее стал ехать домой. Что ни гонит своего коня, дорога не перёдится. Видит, что у его конь смутно идет, — как он его ни подталкивает, конь не несет, не шевелится. Он сам себе подумал: «Эх, какой я есть дурак! Жену-то я могу найти себе, а брата не найду. И он меня освободил, а я такую подлость сделал для его. Вернусь назад, попрошу прощения»:

Когда только он повернул своего коня, ехать к брату назад, то конь полетел, что с ружья пуля, назад. Так что он ехал туда цельный час от брата, а к брату приехал за пять минут. И махнул другим платком, и начал брата просить: «Прости, брат, мне, что я сделал так коло тебя». — «Ну, ладно, — говорит, — пусть так. Придешь домой, то ты узнаешь, как я с ей спал».

Вот они уже приезжают вечером. *(В такое время, как мы с вами сидим, часов в девять-десять.)* И подъезжают к государскому дворцу. Стоят часовые на часах на воротах. Вот Роман подъехал и спрашивает: «Дома ваш молодой государь?» — «Да, был, — говорит, — третьего дня был дома. Его, — говорит, — не было двадцать дней, а третьего дня он приехал и опять уехал». — «А можно туда до жены его добиться?» — «Не знаем, мы не можем тебя туда пропустить». А он говорит: «Вы посмотрите, может, государь ваш здесь? Хорошо вы знаете его?» — «А мы и не видали его, что за государь». *(Где каждый солдат знает государя!)*

Он слышит голос, подходит под ихний голос, Роман и спрашивает: «Ты, — говорит, — служивый, сколько лет служишь?» — «Девять лет, десятый пошел». — «А с какой ты местности?» — «Вот с такой-то». — «А деревню вашу как зовут?» — «А вот так-то, там Пиревичи или Слобода, скажем, Пиревичи». — «А кто ж у тебя дома есть?» — «А теперь не знаю, кто у меня дома есть». — «Да что, — говорит, — ты писем не пишешь?» — «Да простите, писать не на что, нету капиталу». — «А с дому вам пишут? Тебе пишут с дому?» — «Да почти некому с дому писать. Кому?» — «Почему некому писать?» — «А потому некому писать, что я перед службою женился и какой-нибудь месяц пожил с женой. Так не знаю, жива она али помёрши. А девять лет друг другу не писали, и она не знает, где я живу. А мне писать не за что. Так что я уже позабыл». *(Это правильно сказано.)*

Роман и отвечает: «Забывать не надо». А Иван постаивает, помалкивает. Вот Роман подъезжает к ему ближе, берет его за шкуру, и садит его к себе, и говорит: «Ты — отец наш. Теперь поедem в ворота».

Ворота были закрыты. Иван говорит: «Надо открыть ворота. Я сейчас открою». Взял толкнул, ворота полетели со стояками, дорога очищена. Подъезжают они к крыльцу, там уже известь дана.

Она выскочила и бросилась к одному на шею, к другому на шею. И солдат с ими тут. И пошли они все в комнату. Она и говорит: «Для чего солдата ведете?» А Роман отвечает: «Ты этому поклонись в ноги да поцелуешь руки этому солдату».

А Иван все помалкивает да такой смутный. Роман и говорит: «Вот за это слово, что ты сказала, для чего солдата ведем, то поклонись этому солдату низко в ноги, и поцелуй ему руку, и попроси у его прощенья за свое слово».

Она так и сделала: поклонилась, поцеловала в руку. А Роман говорит: «Скажи: отец, прости меня». То солдат говорит: «Ну, я прощаю тебе». — «Ну, ладно, — сказал Роман, — теперь же давай-ка мы угостимся, мы с дороги».

А Иван все помалкивает, Роман командует.

Собрались государь старый (*тесть*), государыня. Вот он стал, Роман, сказывать: «Ну, теперь, голубушка, узнай-ка своего мужа сейчас, которой твой муж есть: я аль этот?» — «Да я не знаю, который муж». — «Ну, вот, если ты не знаешь, который твой муж, так вот расскажи-ка, как третью ночь ты ночевала с мужем». — «Да, действительно, спала на одной постели. Ну он просил меня, чтобы я постлала ему отдельную постель, но я не согласилась отдельно спать и дала ему ответ такой: «Для того я и замуж пошла, чтобы отдельно мне спать?» То он мне сказал: «Ну вот, дорогая моя! Я был в таком месте и поклялся сам собою, что приду домой, я с женой спать не буду». Ну, он все-таки от меня не мог открититься, я легла с им на одну постель. То он встает и берет свою шашку (*али меч — все равно*) и кладет в середину и сказал мне, что если ты покладешь на меня руку, то рука тебе прочь, а если ногу, то и нога прочь. Ну, когда он заснул, то я сделала опыт: взяла бросила платок на его, — половина на ём, а половина у меня в руках. Я второй раз не поверила этому. Взяла свою кофту бросила, и кофта половина у его, половина у меня. Я сняла свою юбку, в которой спала, и бросила на его, — половина у меня в руках, а половина у его. То я цельную ночь не спала и боялась повернуться».

Тогда Иван бросается к Роману в ноги и просит его: «Прости, брат, мне за эту за мою вину». — «Ну, проси отца, что он простит тебе вину». Иван стал просить отца, чтобы он простил ему эту вину. «Ну вот, этот твой муж, который поклонился мне».

Вот они стали здесь подгуливать. Погуляли сутки, отдохнули; другие подгуляли.

Роман и говорит брату своему: «Ну, пусть отец живет у тебя, пока я съезжу домой».

Оседлал коня и махнул в деревню за матерью.

Приезжает он в деревню, заходит в родительскую избушку, а там уже другой бедняк живет в этой избушке. И он и спрашивает: «А где хозяйка?» — «Хозяйка, что ей? Просто жить. И она живет лучшей барыни. Живет она в комнате; кормят ее, поят, что она хочет; денег у ей до пальцев; даже несколько разов приходи-

ла сюда, и как придет, то рублей пять-шесть даст. *(Этому бедняку.)* То и мы за ее богу молимся.— «А у тебя что, избы нету?» — «Да, нету, молодой человек. Изба была у меня, да она сгорела. То мне помещик, наш барин, дал мне эту избу».— «А что он, хозяин ей?» — «Да, что велят, то надо делать»,— он отвечает, бедняк. «Ну, ничего. Я прикажу толстобрюхому, чтобы он сделал тебе новый дом в этом месте и с тремя комнатами».— «Где ж он вас послушает?» — сказал бедняк молодому человеку. «А ты знаешь, кто я?» — «Нет, не знаю».— «А вот в таком-то году что было у вас? Кто в этой избе жил?» — «Да тут жила солдатка, фамилия такая-то, то ее сыны были богатыри и приказали, чтобы помещик ее воспитывал».— «А ты признаешь меня, что я самый и есть?» — «Не могу признать. Так вы тогда были маленькие. Хотя вам помещик по двадцать пять пудов буловы сделал, и вы пошли вслед за ими, я не признаю, что вы, собственно, теперь — какой мужик. А им еще десять лет».— «Нет, самые и есть. Ну, вот, завтрашний день я толстобрюхому велю, чтобы он собрал сходку, и ты приходи туда. А я еду в имение».

Сел и поехал.

Приезжает в имение и спрашивает, где такая-то живет по фамилии... Там придворные сказывают: «В тех комнатах, где барин находится». Он от придворного прямо к комнатам покатил. У крыльца лошадь оставил, а сам пошел в комнату. Увидел барин, что идет человек, такой молодой, красивый, он подходит к ему и спрашивает у его: «Что вам надо, молодой человек, от меня?» — «Я пришел к такой-то женщине, повидать ее!» — «А вот она в тех дверях находится. *(Помещик догадался, знаешь.)* Можете пройти».

Он приходит к матери. Мать по лицу узнала, только не знает который. Она и спрашивает: «Который — Роман аль Иван, сынок?» — «Нет, мамаша, — Роман».— «А где ж Иван?» — «Иван царствует; уже второй месяц пошел, как женился. Заступил государём вот в таком-то месте, а я тоже поступил на престол вот в таком-то месте и приехал за тобой. И отец наш теперь живет у Ивана, а ваш муж».

Старуха *(какая старуха!)* израдовалась, а помещик все в дверях *(стоит)* и слушает.

«Ну, ладно, мамаша, это все хорошо. Ну а как же толстобрюхий черт тебя питал, хорошо?» — «Хорошо, хорошо, сынок. Спасибо ему, барину».— «Ну, какой черт ты ему спасибо говоришь?! Ему глаза выколоть надо! Вишь, богатого не сдал, а бедняка в службу сдал. Ну, ладно, простим ему эту вину, черту этому; другой раз помнить будет. Неохота рук пачкать, заколоть его, так что и так уж скоро содохнет. *(Стар был.)* Ну, я пойду скажу, чтоб коня убрали в конюшню».

Помещик от дверей побёг.

Вот он входит: «Ты, толстобрюхий черт, завели, чтоб коня

убрали в конюшню». — «Вы, может быть, хотите покушать, молодой человек?» — «Да, не мешает».

Он крикнул. Подали ему покушать. Здесь было пиво, коньяку, вина — всего. Потом он и говорит: «Ну, ты, толстобрюхий черт (*он иначе его и не звал*), ты дай известие, чтоб завтра староста собрал сход, чтоб все были на сходке, ни один не отлучился, и скажи им: и ты приедешь, и Роман такой-то приедет, солдатский сын».

А мужик давно уже рассказал крестьянам своим, что приехал такой-то.

Помещик живо велел запрячь лошадь, а сам отправился в деревню. Приехал и на старосту приказывает: «Чтоб завтра была к девяти часам утра сходка, чтоб никуда ни один не отлучился. Я приеду, и Роман приедет».

А сам отправился в имение.

Приезжает, докладает Роману, что это все будет готово. «Ну, так вот же ты, толстобрюхий черт, ты чтоб сорок ведер бочку вина отправил туда, и убил три коровы, и послал туда два котла больших, чтоб было в чем варить. Ну и крупы три пуда пошли, хлеба напеки за ночь пудов семь». (*Хватит с мясом там.*)

Толстобрюхий черт сказал, что это все будет готово; то ему спать некогда было со своими прислугами.

Наутро к девяти часам помещик запрягает три лошади и отправляет в деревню, и сами туда поехали. А мужики уже собравши все.

Роман говорит: «Ну, вот, раньше по кружке выпить, а потом, — говорит, — разожгите костер, поставьте котлы и поставьте человек несколько, чтобы они готовили».

То мужики рады стараться этому случаю. Вот они выпивают и подхваляют и благодарят Романа: «Вот, Роман, молодец, третий раз выпиваем за твое здоровье!» — «Ну, пейте на здоровье».

Потом он приказывает помещику: «Ну, вот тебе последняя загадка, толстобрюхий черт: вот на этом месте, где вот такой бедняк живет, выстроить дом новый, чтоб было три комнаты, четвертая кухня и двор, и дать ему корову и лошадь; и чтоб он ему не служил (*не работал у помещика*), и что он будет жить, что как и ты, дворянин (*помещики раньше дворяне были*). Надо в лес ехать — чтоб его не забирали».

Мужички выпили, поблагодарили, и он мужикам поблагодарил. «Живите спокойно, а я уеду».

Берет мать и отправляется. А помещику сказал: «Смотри ж, толстобрюхий черт, что я сказал тебе, чтоб было сделано этому мужику, а не будет через год сделано, то тогда у живого глаза выколю». — «Сделаю, сделаю, солдатский сын».

Вот Роман приехал в это царство, где его отец и брат, и они здесь погостили. Роман берет отца и мать и отправляется в свое царство и начал царствовать в своем царстве, поживать и бедных людей не обижать. И я проехал, там очень хорошо живется, как у нас сейчас.

Ну, и сказка кончена.

ПРО ГЛУПОГО ОМЕЛЮ

В деревне жил мужик. Было у его три сына: два умных, а третий Омеля-дурак. И он постоянно все на печке лежал. Братьи жены и сказывают: «Омеля, ступай наруби дров, а то замерз-нешь на печке!»

Омеля с печки слазит, с-под лавки берет топор, идет рубить дрова. Нарубит дров, с топором идет в избу. «Там дрова нарублены уже». — «Так ступай, Омеля, принеси!»

Омеля опять ворочается, берет охапку дров, тащит в избу и бросает. «Ты, Омеля, накладывай в печку!»

Омеля и в печку накладывает. Невестка запалит, Омеля на печку отправляется: работа сработана, можно и на печке полежать.

Только Омеля влез на печку, невестка и кричит: «Омеля, ты забрался на печку, а у нас воды нету! Бери ведро, ступай за водой!»

Омеля с печки слазит, ведро берет и за водой идет — из про-руби черпает. Ведро зачерпнул, поставил. Зачерпнул другое, — а там попалась щука, золотая рыбка. Он и говорит: «Вот и хорошо! Воду принесу и щуку принесу, то невестки похвалят, а то все ругали». Золотая рыбка и сказывает: «Омеля, пусти меня в воду! Что хочешь, я все тебе сделаю! Что прикажешь, то будет тебе по твоему прошенью, по щучьему веленью!»

Он и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, идите, ведра, сами домой!»

Ведро и пошли. То невестки смотрят: ведра идут впереди, а Омеля идет позади. Ведро пришли и на лавке стали. Омеля на печку полез опять. Невесткам тут диво какое стало! Они и говорят: «Омеля, у нас дров нету! Запрет бы коня да съездил в лес, привез дров». Омеля и говорит: «Так что ж, поеду».

Берет с-под лавки топор, выходит на двор и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, заворачивайтесь, дровни, и поедем в лес!»

Дровни завернулись, а Омеля кричит: «Открывайте ворота!» *(Невесткам.)* Невестки и говорят: «Что ж ты коня не запрет?» — «Вам сказывается, что ворота только открывай!»

И они открыли ворота. Он и говорит: «По моему прошенью, по щучьему повеленью, катитесь, сани, в боярский лес!»

И сани сами полетели, и Омеля на санях сидит. Приезжает в лес: «По моему прошенью, по щучьему веленью, ты, топор, сам руби, а вы, дрова, сами на санки идите!»

Мигом топор нарубил, дрова сами на санки пришли, сами вь-зались. Омеля и говорит: «Топор, отруби дубинку и клади-ка на воз!» Тут и дубинка явилась. Он и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, идите, санки, домой!»

Санки и понеслись. Когда он ехал по городу, то все видели, что такое проехало, и не узнают. Там дрова сами сбавились, не-вестки сказывают: «Ты бы пошел, Омеля, наколот дров!»

А Омеля пришел к топору и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, иди, топор, руби дрова! А вы, дрова, сами в избу идите, в печку складайтесь и до огня добирайтесь!»

Ну, так это все сделано было. Невестки и говорят: «Ты бы, Омеля, еще раз съездил бы в лес, хороших дров привез! Ишь, ты каких хороших сейчас привез!»

Омеля и говорит: «Ну-ка, ступайте, ворота открывайте». *(Он не тужит.)* Невестки с радости ворота открыли, он и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, кати, санки, в боярский лес!»

Ну, и опять санки понеслись. А дубинка у его с собой. *(Он знал, что этой дубинкой придется отбораниваться верно.)* «По моему прошенью, по щучьему веленью, ты, топор, руби! А вы, дрова, сами на сани идите! А вы, сани, в деревню несите!»

Тут уже боярин поставил стражу: кто такой рубит в его лесу без спросу! Он приезжает. Тут стали его задерживать, Омелю. Он и крикнул: «Ну-ка, дубинка, походи-ка у их по спинке, чтобы они знали, когда глупого Омелю задержали!»

Дубинка и стала ходить по плечам. Те и приезжают и докладывают своему государю, что он нас избил и сам укатил.

Делать нечего, государь посылает министра: «Иди, найди его в той деревне и привези его ко мне, я с им распоряжусь!»

Министер приезжает в эту деревню, где глупый живет Омеля, заходит к старосте и спрашивает: «Кто у вас такой есть, что без спросу в лес ездит и без спросу дрова рубит; и сами сани катятся и дубинка угощает?» — «Так это вот такой-то глупый Омеля!» — «А как же мне его позвать на сходку?» — «Да он, пожалуй, не пойдет! А с глупого нечего взять... А вот позвать его невесток сюда и спросить, как можно обмануть».

Зовут. Невестки идут. Невестки и говорят: «Он любит конфеты и у братьев просит красные сапоги, так вот этим можно его обмануть».

Министер и приходит туда в дом. Он лежит на печке. Министер приходит и говорит: «Это ты, Омеля глупый?» — «Да,— говорит,— я». — «Так вот поедем к боярину!» — «Да мне и здесь хорошо!» — «Да он тебе сулит много конфет, красные сапоги». — «Это неважность,— он отвечает.— Ну, дак что, можно». — «Так слазь с печки, поедем!» — «Так ты поезжай, я догоню!»

Министер и поехал. Он на печке лёжучи: «По моему прошенью, по щучьему веленью, поезжай, печка, со мной!»

Тут стенки затрещали, печка и понеслася... и министра догоняет.

Приезжает к боярину. Боярин спрашивает его: «Как ты смел без спросу ехать в мой лес?» — «А вы что ж, лес ростили? У вас много, а у нас совсем нет. Лес рос по природе, и каждому можно рубить, а то у одного много, а у другого совсем нет!»

Боярин спрашивает: «Я с тобой распоряжуся». — «Ах, ты со мной распорядишься?» Он опять тихонько: «По моему прошенью, по щучьему веленью, неси, печка, меня домой!»

Вот печка и понеслася. То боярин на второй день сам поехал. Когда он приехал, и стал его обманывать: «Поезжай ко мне, я буду тебя конфетами кормить, красные сапоги куплю, красную рубашку, красную шапку; и ты у меня будешь, что господин». *(Ему охота сбыть его.)*

Он и поехал на печке опять к боярину. Боярин действительно это все ему сделал. Омеля и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, катись, печка, домой и стань на свое место, — согревай моих невесток и братов, а я останусь у боярина».

Он и остался. Тут ему понравилась боярская дочь. Он и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, чтоб сплюбила меня боярская дочь!»

Тут боярская дочь полюбила. Дочь рассказывает своему отцу: «Я за Омелю замуж пойду!» — «Дак что ты, он же глупый!» — «Пусть себе глупый». Боярин и говорит ей: «Если ты пойдешь за его замуж, то я забью вас в смоляную бочку и пушу вас на море и плывите!»

Так он и сделал. Он стал Омелю забивать, она и говорит: «Забивай и меня! Пусть я пропаду вместе, а не отстану!» Омеля и говорит: «Мы поплывем». *(Он знает, что долго плыть не будет.)*

Они плывут, она и рассказывает: «Вот, Омеля, ты пропадаешь, и я пропадаю в этой темной смоляной бочке». Он и говорит ей: «Ничего. Где остановится бочка, я попрошу, и дно вывалится, и мы вылезем».

Так вдруг бочка остановилась, он сам себе и говорит тихонько: «По моему прошенью, по щучьему веленью, выброси бочку на берег!» Так бочку на берегу об камни стало бить, и дно выскочило. Он и говорит: «Ну, вылазь, и я вылезу!»

Вылезли они. Она и говорит: «Что ж ты теперь? Мы далеко, не видать ни деревень, ни города, — только лес да море, а больше ничего-то. Нас может зверье съести». — «Не съедят».

Он сейчас и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, сделайся такой дом, как у нашего боярина!» Тут вдруг дом вырос. «Ну, вот и заходи! Вишь, и комнаты такие, как у твоего отца! Теперь и жить можно!» Она ему и говорит: «Жить-то можно, а что ж мы будем кушать?» — «Будет и это, — сказал он. — По моему прошенью, по щучьему веленью, сделай склад! И в этом складе чтоб было все, за что ни хватись!» Он говорит: «Вот, бери-ка ключи, иди в склад, да учись приготавливать!»

Она пошла в склад — глаза разбежались, что всего есть. И она захватила печенье-еденье и булочек, и всего, а коньяку и забыла взять. И приходит. «Да, Омеля, есть у нас всё!» — «А там напитков видала?» — «Видала». — «А что ж ты не взяла?» — «Да я думала, что оно не надо». — «Как не надо? При закуске и выпивка надо!»

Она опять побегла. Тащит уже не одну, а тащит три, — чтоб часто не бегать. Тут Омеля и зажил. А там проезжают корабли и пароходы и видят — какое-то образовалось вроде чудовища. Такой громадный дом, а кто живет в нем — неизвестно. Там приезжают в город и рассказывают друг другу. Дошло дело до боярина. Боярин хотел знать, кто такой живет. Собирается вот такого-то числа. *(Сегодня двадцатое февраля, а поедем пятого.)*

Он (Омеля) говорит: «Твой отец хочет сюда приехать». И говорит тихонько себе: «По моему прошенью, по щучьему веленью, сделать хрустальный мост из моего крыльца до боярского крыльца!»

Тут вдруг и явился мост. Боярин выходит и смотрит: «Это какая новость?!»

Да. И вот он (Омеля) опять: «По моему прошенью, по щучьему веленью, сделай меня умным человеком!» *(Он у щуки просит, чтоб умным человеком сделала!)*

Она его сделала. Он подает по телефону боярину: «Если желаешь, то приезжай посмотреть моего дворца! Да и возьми свою жену, мы поговорим здесь!»

Вот боярин и покати. Приезжает боярин. Он велел дочке спрятаться. Сам выходит, принимает его. Заводит в свой кабинет, начали угощаться. Боярин и рассказывает: «Что вы, один живете?» — «Как один? Я не один. У меня, — говорит, — жена есть!» — «А что ж ее тут нет?» — «А она, — говорит, — бояр не любит!» — «Почему она не любит бояр?» — «Да не знаю, почему не любит. А вы признаете, кто я такой?» — «Нет, молодой человек». — «Ну, так я позову тую, которая бояр не любит».

Он и крикнул: «Иди-ка сюда, боярская дочь!»

Она выходит. Боярин и глаза вылупил, и мать заплакала.

«Что ж ты думал, что мы пропадем?» — он уж, Омеля. — «Ну, прости мне, что я сделал так». — «Волей-неволей надо простить, потому что дочка ваша за мной».

Вот они здесь попиrowали. И я как раз там шел по взморью. Мне дали бутылку коньяку. Я ее выпил, поблагодарил и сказал, что больше не зайду на ваше угощенье, как вы угощаете хорошо.

Но сейчас не знаю, как Омеля живет там. Больше не случилось быть.

ОБ ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил мужик. И было у его два сына. Один был умного таты, богатой хаты, с лица красивоватый. Он хоть пúтом подпоясывался, но храбрым показывался. Он думает, гадает, головой кивает, вдруг видит — на дороге лежит кольцо. Он колечко подымает, на свою грязную руку одевает и головкой поматывает: «Кольцо хорошее! С этим кольцом *(оно блеск дает хорошо)*, если идти к барышням, да в тем-

ном уголке, так оно осветит, какая она есть. Эта штука дельная! Это находка мне хорошая!»

Он с одной руки снимает, на другую перебрасывает. И подумал: «Теперь бы с этим кольцом войти в гостиницу, пожалуй, за его можно было выпить, закусить». А кольцо ему говорит: «А что тебе надобно, то все будет здесь». Он и говорит: «Была бы здесь бесѣдка у нас».

Он сидит уже в бесѣдке, и перед ним стоит стол. Он говорит: «Так стол пустой». Вдруг расстилается скатерѣтка. Тут оказывается чай и сахар. Теплый чай (*как мы сейчас пили*), тут колбаса, тут и ситный, тут выпивка и закуска. Он выпил, закусил, стало ему весело. «Это штука дельная, я теперь поживу!»

Он начал проживать, побольше стал свету видать. Денег ему не надо было. Куда только вздумает, с руки на руку кольцо перебросит, уже и там является.

Он идет дорогой. Несет мужик кота топить. Он и спрашивает: «Куда идешь, мужик, с котом?» — «Да пакостный кот, да я думаю его утопить». Он ему отвечает: «Да, пожалуй, и ты был пакостный! Ну-ка, сам не даеси, да святому принеси,— и сам пакостным будешь. А если б ты кормил его хорошо, то он и пакостным не был. Так вот, отдай мне его. И он у меня пакостный не будет».

Он его взял. «Ну, котик мурыкин! Будем жить-поживать и добро наживать! Все-таки мне охотней с тобой будет жить. А то я все один».

Он его взял, пустил котика своего. Котик вслед идет и песенки поет. Он сымает кольцо и говорит: «Кольцо, надо кота покормить!»

Кольцо сейчас покормило кота, кот и посильней пошел. Идет. Стречает он человека с собакой. Ведет собаку на веревке. «Ты куда идешь, добрый человек?» — «А иду в лес. Собака пакостная, так я ее заведу, согну осину, привяжу веревку. Осина выстанет, и собака задавится». — «Так за что ты ее давишь?» — «За то, что пользы он не дает никакой». — «А на что ж его надо было брать? Все-таки кто идет, он залает?» — «Лает-то он лает. Да там курицы неслися, так он у старухи съел десяток яиц». — «Так за яйца ты его давить пошел?» — «Да, приказу надо слушать нижней половины. То если ее не слушать — сам наверх не попадешь». — «Так почем у вас яйца стоят?» — он спрашивает у мужика. «Да вот, если прохожий идет,— так по копейке дает, а вот у нас есть в деревне Гордей, имеет свою лавочку, как у людей, то он дает по грошу, принимает. Да денег еще не дает, а чтоб товаром брал». — «Ну, так вот, на тебе пять рублей и занеси своей нижней половине. Дай и скажи ей, что я продал собаку, а не задавил».

Он и приходит, мужик, домой, подает ей деньги и говорит: «Вот я продал своего пса за пять рублей». — «Это хорошо,— она сказала,— что ты продал, деньги взял. А разве он там будет жить? Если он вырос здесь, то родина тягнет, как человека, так и животное, то он прибежит сюда, опять будет яйца ѣсти».

А он рассказывает: «Эх ты, старуха! Раз человек купил, то он его не спустит, подержит его месяц какой, так он забудет про родину, если ему там будет хорошо жить». *(Это, бывало, по привычке и барин ездил на бричке. А теперь тот же самый барин ходит пешком да и поглядывает бочком, чтоб не дернул бы в шею обушком. Потому он сам знает, как мужиков драл да с их пользу брал.)*

Ну, а этот, который купил собаку, веревку снял, кольцо велел накормить, напоить, да отправились в ход. Они идут с собакой, кот-мурлыка и сам хозяин. Кот-мурлыка встал к собаке на плечики, — собака несет его. Может быть, они ходили год, два. То эта собака и кот, они очень берегли своего хозяина. *(Не стали пакостные!)*

В одно прекрасное время идет он в город, — не то как в Ленинграде или в Петрозаводском. Стречается он на тротуаре с одной фрейлиной. И она ему понравилась. «Вот и не жалко было б жениться на ей, на такой штуке». Она прошла. Он еще оглянулся назад — и задвóрок хороший. И он думает: «Ну, пройду дальше, спрошу своего кольца, что мне кольцо скажет».

Он снимает кольцо, перебрасывает на другую руку и говорит кольцу: «Я видал таку-то фрейлину, и она мне очень понравилась. Чтоб жениться на ей?» — «Жениться-то можно, но только через три года она тебе измену даст, и будет тебе тяжело жить». Он и подумал: «Может быть, через три года и я помру, а такой штуки опустить нельзя». — «Ну, дак вот, ступай в магазин и скинь деревенскую свитку, одень хоть пиджачок какой серой материи да и отправляйся туда. А я постараюсь».

Он действительно пошел, переменял одёжу и является. А это была княгиня, да и она сама была волшебница. Ну, явственно, она не знала, волшебница, что у его есть такое волшебное кольцо, и она его приняла. И понравился он ей уже, потому что все кольцо командовало. Они поженились, обнялись, поцеловались и спать пошли.

Вот живет он уже недельку, две. И кот и собака тут находятся у его. Он стал замечать, что там повара и лакеи стали собаку пинком попихивать. Он увидал и дал приказ: «Если кто пинком обидит собаку или кота — сам улетит!»

Он прожил три года, как ему кольцо сказало. А она все добиралась, чем он командует. Ну, он все не сознавался, все, знаешь, скрывался, а это забыл, что ему кольцо сказывало: «Три года проживешь и в беду попадешь». Он и сказал: «Что я командую кольцом».

И вклат пальцы ей в рот. Она ему пальцы откусила, кольцо его утащила. Кольцо взяла, а его на второй день в темницу заперла. Остался кот и собака ни при чем, торговать кирпичом.

Вот он сидит в темнице. Никого — ни кота, ни собаки нету, а барыня удрала к другому господину — тот был почище и помолдче уже.

Кот и добрался к своему хозяину в окошко, в темницу, и говорит хозяину: «Ну, пойдём искать хозяйку! Найдём, дак мы здесь будем». *(Кот украдет кольцо у ее.)*

Они и отправились. Приходят они к морю. Кот садится на собаку, собака вдарилась в плыв. Эх, переплыли и попали к хозяйке.

Когда явились они туда, кот и собака, то она увидела кота и собаку. «Это,— говорит,— моего прежнего мужа собака и кот. Надо их взять сюда на кухню, и они обе умные. пусть живут здесь у меня».

То кот постоянно около ее так и вьется, а собака так не будет, все полеживает. Ну вот, когда она ложилась спать, то она кольцо клала все за щёку. То кот видит, что она за щёку кладет, что, знаешь, никак нельзя взять. То он поймал мышонка, его немножко притис, чтоб он был ни мертвый, ни живой,— и отдал собаке его. «Ты,— говорит,— до вечера караул его, а вечером он мне понадобится».

Вечером забирает кот мышонка.

Она ложится спать и кладет кольцо за щёку в рот. То когда она заснула, кот-мурлыга, соскочил тихонько на кровать и сунул этого мышонка в ее рот. Та прохватила,— мышонок в роте, и она начала блевать,— даже забыла, что кольцо за щекой. То кот схватывает кольцо. А двери были закрыты, выскочить ему некуда. И он разогнался шибко, лбом в стекло. Разбил и сам со второго этажа выскочил. Собака была на кухне. Он приходит к дверям и начал кричать. Там слышали. «Как же он попал на улицу? Узнает хозяйка, будет беда нам». Пустили. Ну, а собака уж знала, что он схватил кольцо, собака кинулась к порогу. «Верно, захотела до ветру и собака».

Пустили и собаку. Тут и кот и собака не вернулись, уже убежали. Прибегают они к морю. «Ну, садись, брат, на меня!» Вот и поплыли. Тут поднялся ветер и буря, стали волны бить здорово. Собака и спрашивает: «Ты все-таки наверху сидишь,— далеко берег аль нет?» — «Недалеко!»

И он, когда стал отвечать, кольцо спустил в море, и кольцо потопло. Они выплыли, кот и говорит: «Достали, брат, счастье, да не пришлось подать хозяину в руки. Когда ты спрашивал, тогда я его спустил в море с ответом». — «Ну, вот, это плохо нам». Собака и говорит: «Вот мы теперь от неба оторвались и земли не достали. Теперь как мы будем жить? Туда нам пройти назад — нельзя. Приходится где-нибудь у какого-нибудь мужичка пожить».

Вот они идут. Стоит избушка. В этой избушке живет старушка со стариком. Старик ловит рыбку, старушка чистит да варит, старика подкармливает. Ну, коту хорошо, хоть с рыбы кишки есть. Ну, собаке, когда бросит кусок хлеба, тот все впроголодь живет. Собака и рассказывает: «Тебе хорошо, ты сыт. А мне другой день бросят корку сухую, сгрызу да и так лежу». Кот отвечает:

«Погоди-ка, я буду и тебя подкармливать. Ты постоянно на улице, а я все в избе».

Там что останется у старика и старухи, кот крадет и собаке несет. Прожили они месяца три, четыре, и старик пошел ловить рыбу, и поймал щуку, и начали чистить. У этой щуки оказалось это кольцо. То когда кольцо она показала старику, старуха и рассказывает старику: «Вот, старик, не зря люди говорят, что щука каждого съедает, кольцо и то съела». Старик и говорит: «Да это, старуха, кольцо натягнет денег. Ты его положи в шкаф, а я в воскресенье пойду в город, найду к знакомому часовому мастеру, он, пожалуй, рубля три даст».

Старуха — за кольцо; притащила, в буфет поклала. Но такой буфет, в каком дверей нет. Сама пошла варить рыбу. Кот скочил на буфет, что тут старухи нет, берет кольцо и отправляется к собаке: «Ну, пойдем-ка, брат, некогда спать! Нашего хозяина счастье у меня в зубах».

Они и понесли в этот замок, где был хозяин засажон. Хозяин сидел на третьем этаже, — как в Сокольнической тюрьме (*я сидел на первом, на втором, на третьем этаже, — на всех перебивал*). Он по подводной трубе пробрался, на окошко проскочил и начал кричать. Услыхал его хозяин, открыл форточку и пустил его. Подает хозяину кольцо. Хозяин израдовался. С руки на руку перебросил. «Открыть замок, выпустить всех!» Замок открылся, все закричали: «Ура! Кто такое сбавил нас?»

Сам отправился туда, где жил со своей женой. Жены нет. Он с руки на руку перекинул кольцо: «Представить мне сейчас ее!» Через несколько минут и она тут является. «Ты что же сделала надо мной?» Она стала проситься: «Милый мой, я не знаю, что случилось со мной!» — «Верю, голубка, тебе, что ты изменила мне. Ну дак вот, запереть ее в тот замок, в котором я сидел, на фунт хлеба, на стакан воды! Пусть и она познает, пусть жир спадет немного!»

Так и сделал. А сам женился на другой и начал здесь проживать, добро наживать. И я там был, мед, пиво пил, — в роте не было, по бороде не текло, и пьяный случился. И вот сказал: случится, что и богатый к бедному стучится. Вот теперь и богатые поверили бедным, что правду бедняки сказывали, что и мы будем командовать вами. Так кулаки крылья опустили, а рабочие люди, у их крылья выросли, и теперь они живут и благодуют Ленину и Сталину, что пошла наша жизнь хороша.

КНЯГИНЯ

В некотором царстве, в некотором государстве была княгиня молодая, красивая. Вот она к себе никого не допускала, опрочь горничной и портного.

Портной парень был не промах и думает: «Княгиня хороша, да не совсем». Он купил букет хороших цветов. Надушил его сонными каплями и ароматными и приносит ей подарок. Когда подарок принес, и говорит ей: «Сударыня, я вам принес подарок за то, что вы даёте мне много зарабатывать, так что я могу от вас корчиться. Вот понюхайте».

Она стала нюхать. Запах очень приятный. Она говорит: «Вот цветок, так цветок! Спасибо тебе, портняжка!»

Когда она заснула, у нее была квасница с квасом; он квас выпил, квасницу закрыл, а сам пошел. Она проснулась — и портного нет, и сама не узнала, кто кваспил.

Ну, от квасу княгиня забеременела. Она чувствует сама по себе, что ей надо скоро родить. Она и говорит горничной: «Знаешь ли что, дорогая моя, пособи горю моему». — «Что такое?» — «Да вот, я не знаю, что такое со мной случилось, что мне придется скоро родить, так неохота, чтоб люди знали, а чтобы скрыть этот грех, чтобы никто не знал».

Горничная и говорит: «Так как же скроешь это дело? Шило в мешке не утаишь. Так вот я советую тебе: вели запрягать пару лошадей с каретой, и мы поедем. Где ты освободишься, то мы там ребенка бросим, то тогда и знать никто не будет».

Так они и сделали. Ехали они день, на второй день едут. Въезжают они в огромный лес. Она тут и начала рожать и родила парня. Жалко ей бросить и совестно назад везти. Она пишет записку и кладет к ему на грудь в пеленки и кладет сто рублей денег: «Если кто живого найдет, то прошу, чтоб годовал, а мертвого найдет — за эти деньги похороните его, и он не крещен», — и кладет его под дуб. Сами отправляются назад. Она села. Со слезами поехала в свой город. Ну, вот, она и теперь там живет. Про это ничего не знает.

Мы теперь возьмемся за младенца. Когда он под этим дубом лежал, сюда двенадцать человек разбойников подъезжали, и от этого дуба они каждому маршрут писали: «Ты поезжай туда, ты — туда» — в разные стороны. Когда они ехали туда, то под дубом ничего не было, когда они приехали назад, то здесь оказался младенец. Один слез с коня, развернул пеленки. Смотрит — записка и сто рублей денег. Ну, как он не крещеный, они обратным путем кладут назад эти деньги и записку и отправляются в свою землянку. Приезжают они домой и говорят атаману своему: «Вот, атаман, какое чудо мы видали». — «А какое?» — «Под вашим дубом лежит младенец, сто рублей денег у его и записка, и написано, что живого кто достанет — берите годоват, а мертвого — на эти деньги похороните».

Атаман говорит: «Чего же вы его не взяли с собой? Это же будет природный вояка у нас».

Садится один вёрхом на лошадь, что пуля полетел. Привозит этого младенца живого, и они развернули его. Нагрели воды, помыли, подкормили. Атаман сказывает: «Теперь надо ему дать

имя; хоть он некрещеный, а имя должно у его какое-нибудь быть».

Они и думают: «Какое же ему дать имя?» Атаман говорит: «А дать ему имя такое: как он под дубом лежал, так назовем его — Гронин». (*Громкое имя.*)

Эти уезжают, а парнишка остается с атаманом. То атаман его поит, кормит, то этот парнишка стал что день, то прибывать. Месяца через три стал ходить уже. Все как приедут, не бросаются скорей ужинать, а хватают парнишку, чтоб поддержать его на руках. (*Любили его здорово.*)

Проходит год. Парнишка уже настояще бегаёт.

Ну, а портной этот похвалился сапожнику, что вот так и так: «Когда княгине я купил цветов и надушил сонными каплями и духами и дал понюхать, она заснула — и квасу у ей выпил. Так и ты не прозевай горничной». (*А горничная никого к себе не пускала; кроме сапожника.*)

Так и сапожник сделал, как и портной. То и эта забеременела. Ну, вот когда приходится ей через год родить уже, то горничная рассказывает княгине: «Я вас выручила, так выручьте и меня».

Княгиня велела обратным путем запрячь лошадей, и поехали тою дорогой, которой раньше ехали. Доезжают до того места. Тут и горничная освободилась и родила парнишку. Таким же самым способом пишут записку и кладут пятьдесят рублей денег, и сами вернулись назад.

Там разбойники подъезжают к дубу, а под дубом лежит младенец. Они соскочили с лошадей, развернули, записку прочитали и деньги просчитали — пятьдесят рублей. Заворачивают его в пеленки и подают на лошадь. (*Уже не поезжали спрашивать атамана.*) И вот привозят этого парнишку и рассказывают: «Вот, атаман, мы еще счастье нашли под тем самым дубом и пятьдесят рублей денег, и он некрещеный».

Атаман говорит: «Дадим имя сами». Ну, помыли его, накормили, и атаман говорит: «Выбирайте, какое имя дадим». Один думал такое, другой такое, а третий такое. Атаман и говорит: «Дай-ка я выберу имя!» — «Ну, выбирайте», — говорят. «Так вот, это у нас Гронин, а это будет Воронин».

Ну, эти ребята росли. Гронин уже бегаёт, а этой еще в пеленках. Через год и Воронин заходил. Тут уже атаману весело стало с двумя парнишками этими. Так самое и разбойники, приедут — тешутся над ребятами, что они ребята хорошие. Один подержит, другой подержит.

Ну, вот года три они прожили, то ребята уже стали в рюхи играть, мячик подшибать, то все это им было потешно. Атаман их стал уже грамоте учить. Они уже научились грамоте немного. Прошло, может быть, лет пять. Ребята стали чуть не мужики. Атаман у их заболел. Он был старый. Он и говорит им: «Вы, товарищи, — я чувствую, что я скоро помру, — из своей среды выбери-те атамана себе».

Они пошли и думают: «Ну, кого тут выбрать атамана? Мне не хочется атаманом быть, и второму не хочется, и третьему».

Один говорит: «А знаете, товарищи, давайте выберем Гронина атаманом, а Воронина помощником его». И другой крикнул, третий крикнул: «Можно выбрать, если дозволит только атаман».

Приходят они к атаману и говорят: «Атаман, мы пришли к тебе. Мы выбрали себе атамана и помощника к нему выбрали, если вы дозволите». — «Кого?» — «Гронина атаманом, а Воронина помощником у его будет». Атаман и отвечает им: «Ну, может быть он атаманом».

Записали, что такой-то Гронин стал атаманом. *(Видишь ли, мальчишка стал атаманом!)*

Они напечатали бумажки по деревням, по городам, по помещикам и на столбах наклеили, что теперь у шайки новый атаман, старый помер.

Заступил Гронин атаманом, а Воронин — помощник его.

Стишки каждый читает, но никто не видал ни Гронина, ни Воронина. Гронин и распоряжается как атаман: «Ты поезжай туда, ты сюда, а ты туда».

У их стало очень хорошо, так эта Гронин распоряжается лучше старого атамана. Гронин и сказывает своим: «Вы там будете у помещика, так зайдите к нему, пусть он пару коней нам даст и с седлами, и скажите, что это Гронину и Воронину, и чтоб хорошую лошадь послал. *(Вот спецы!)* А если будет спорить, что не дам лошадей, так вы скажите, что завтра Гронин и Воронин придут пешком за лошадьми, то тогда они тебе брюшину вытряхнут».

Разбойники поехали и заехали к помещику и сказали ему, что сказал Гронин, ихний атаман. Помещик сказал: «Я лошадей не дам». — «Но, не даси, так не обиждайся!»

Потребовали они у помещика триста рублей. Помещик им дал, а сам созвал двадцать пять человек солдат, чтоб захватить Гронина и Воронина, и дождался. *(Были солдаты спрятаны.)* Они являются, Гронин и Воронин, прямо садят к помещику в комнаты. Явились и говорят ему: «Тебе вчера сказывали, чтоб ты дал пару лошадей?» — «Сказывали». — «Так ты почему не послал?» — «А я хотел вас увидеть, что вы такие за храбрые атаманы». Гронин и Воронин: «А такие храбрецы: на одну ногу станем, за другую возьмемся — и разорвем тебя, и бросим на две половины». Помещик немножко испугался и говорит: «Вы так грозно не говорите. Я лучше вас угощу». А Гронин говорит: «А ты что, думаешь — мы голодные? Мы, кажется, не голодные. Мы делаем так: бедных не обиждаем, а с вас, толстобрюхих, так мы последние рубашки берем; у вас не трудом и нажито, то вы делаете над мужиком, что вам захочется, так и командуете; а с нами немного ты пошикаешь, мы скоро распорядимся с вами».

Да, барин подает весть уже солдатам. Являются солдаты. Гронин и говорит: «Ага, вот как! За то ты и смел? Ничего, испугаешься! *(Он не робеет, что солдаты.)* Ну, что же, солдатики, вас такой

черт послал, как и этот черт. И они друг друга держат и помочь дают, а простой мужик все отвечает. Ну, так что же, будете за помещика стоять аль за нас? Если за помещика будете стоять — так выходяте, а за нас будете стоять — так стойте».

Там ихний старшой и крикнул: «Возьмите их!»

Гронин и кинулся к этому старшóму, схватил его за голову и выбросил его за окошко. «Там, — говорит, — кричи». Да и говорит солдатам: «Ну, что, за кого идете?» Один и крикнул: «А ни за кого!» Ну, Гронин: «Раз ни кого, так стойте по местам!.. А ты что, даёшь пару коней нам?» — к помещику. «Даю». — «И сёдла даёшь?» — «Даю». — «Тысячу рублей даси?» — «Дам». — «Ну, вот, смотри, чтоб ты мужиков не обиждал, а если будешь мужиков обижать, мы тебе покажем, почем сотня гребешков! Мы к тебе в гости часто будем приезжать».

Ихние шайки и пошли бушевать, даже по городам пошли грабежи под ихнюю фирму. Они несколько лет пожили. Накопили большое богатство себе, то Гронин и Воронин все согласны были. Гронин рассказывает Воронину: «Знаешь, Воронин, что? Теперь нас все боятся, то пусть наши этим живут. Можно сказать, они как отцы наши. Они нас взрастили, грамоте выучили, на путь наставили, то нам их много обижать нельзя, а возьмем немного денег себе да и удерем отсюда. А они пусть под нашу фирму живут, а мы попробуем пожить другим ремеслом».

Так они и сделали. Оседлали своих лошадей и уехали. Приезжают они в этот город, где родились. *(Они не знают, где они родились.)* Пускают они своих лошадей: куда хотите, туда идите. А сами пошли по городу. Когда они идут по городу, видят — идет один господин, и два идут, тоже в одеже, так ничего себе. Ну, это издали было видать, что этот господин стал раздеваться и отдавать этим двум одежу. Отдал и пошел. А теи пошли вперед и повстречались с мадами и говорят: «Давайте деньги». И эти отдают деньги свои и отдают верхнюю одежу и отправились. А Гронин и Воронин встречаются с этими двумя. Они и говорят: «Давайте деньги нам!» Гронин спрашивает: «За что вам деньги дать?» — «А что, вы не знаете Гронина и Воронина?» *(Они под ихнюю фирму так.)* «Нет, — говорят, — не знаем Гронина и Воронина. Так вы давно действуете этим способом?» — «Да, — говорят, — давно уже». — «А долго будете еще действовать?»

А теи, которые отдали вещи, смотрят на их, что этим будут делать.

«Мы денег не дадим вам». — «Ну, не даешь, так сам увидишь!» Гронин и Воронин скоро расправятся». *(Они уже застрашку дают.)* Гронин отвечает: «А, так вы под нашу фирму играете?»

Одного схватил Гронин, а другого Воронин, и кричат тем: «Идите забирайте свои вещи!» Они пришли. «Что вы отдали им?» Вот тот рассказывает: «Я отдал вот столько-то денег, и вот мое пальто». — «А вы что отдали, мадамы?» — «Да вот тоё, тоё отдали». — «Ну, забирайте свое!»

Они забрали. Подымает Гронин одного, а Воронин другого. — Гронин и сказал: «Теперь фирма Гронина и Воронина существовать не будет». И бросили их об землю, и они разбились. Воронин «Воронина» рубил, Гронин «Гронина» рубил.

«Ну, теперь будем делить ихнее добро на пять частей. А им, собакам, собачья и смерть». То мадамы сказывают: «Нам не надо ихнего богатства, а спасибо вам, что вы мой город оставили, убили Гронина и Воронина. Теперь мы поживем, а то в нашем городе брали живого и мертвого. Так теперь пойдете ко мне во дворец, что вы спасли мой город».

Когда она привела их в свой дворец, а тех велели закопать в яму. Она стала их держать несколько время у себя. Стала их возить по садам, по театрам, этих молодцов. Документов у их не было, ну, как гости у княгини и такие богатыри, что Гронина и Воронина могли уничтожить, то никто до их не добирался. Княгине понравился Гронин, а горничной понравился Воронин, и они стали даже под ручку ходить. Уже княгиня соглашается даже замуж за его выйти, а горничная за Воронина.

Гронин и говорит: «Вот, сударыня, вы не очень старая (*ей лет тридцать, да оденется хорошо, так она красивее еще*), и вы мне предлагаете, чтобы я с вами принял законный брак. Неужели вы себе раньше не могли подобрать такого мужика, как и я?» Она говорит: «Нет, не могла подобрать». — «Так все-таки какая причина да есть?» — «Да вот причина, — я признаюсь тебе как перед богом: лет тому десять назад мне устроили такую штуку, что я сама не могу теперь разобрат».

И вот она рассказала, как ей цветы подарили, она понюхала, заснула и стала беременна. «И вот совестно мне было показать, что я беременна, то мы с горничной запрягли лошадей, и вот в таком-то месте я родила, и под дуб подклала, и записку написала, и сто рублей подклала. Не знаю, мертвый он али живой?»

Он это все выслушал. «А горничная почему в таких годах только вышла замуж?» Вот она отвечает: «Горничная тоже так сделала, и под одного дуба подклали». Он и говорит: «Да они живы оба! Это ж и есть Гронин и Воронин, а ты есть моя мать!»

Тогда мать упала перед ним на колени и стала просить у его прощенья. Ну, дошло до Воронина, и тот от женитьбы отказался.

Они обратным путем также проживают здесь. Ну, все-таки языки были длинные у матерей. Они стали хвалиться, что Гронин и Воронин вроде как не убиты. И дошло до того, что узнали, что Гронин и Воронин эти и есть, то и подбрались к им, и захватили их в тюрьму, и осудили их под расстрел. Ну, как Гронина мать богата да княгиня была, то на место Гронина был расстрелян статуй, при публике поставленный в мешку, а Гронина выпустили. И Гронин с этого города удрал, а Воронина расстреляли.

Тогда Гронин перебрался в другое царство и поступил на корабль капитаном. Он проездил несколько годов капитаном. А ихняя шайка справили себе пароход и ездили по морю, разбивали

корабли, пароходы. *(По водяной части пошли, а сухопутную бросили, как услышали, что Гронин и Воронин убиты.)*

И вот шайка насакивает на его корабль, и стали богатства забирать с его корабля. И признали Гронина, что он капитаном сейчас. Они подходят к нему и говорят: «Ты есть Гронин?» — «Да, Гронин». — «Ну, так что ж, согласен быть у нас атаманом?» Он видит, что попался в руки их, то отвечает: «Могу быть». — «А где ж помощник твой Воронин?» — «Расстрелянный». — «Ну, так ступай на наш пароход, а тут назначай капитана, мы его грабить много не будем».

Они Гронина отправили на пароход, а сами назначили помощника капитана капитаном. Там сколько у них было денег — собрали, публики не обиждали, а сами отправились на свой пароход. Гронин остался у них атаманом, он и сейчас разъезжает...

БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Один раз проезжает Петр Великий у монастыря, видит — вывеска висит. И он прочитал эту вывеску. На этой вывеске записано: «Беззаботный монастырь».

Он и думает: «Как же он беззаботный?» Он заходит в этот монастырь и вызывает старшего игумена: «Почему у вас написано на вывеске, что он беззаботный монастырь?» — «А так, — говорит, — что местность такая была, верно, так и вывеска такая, что беззаботный». — «Ну так вот, я дам вам заботы, чтоб ты через три дня разобрал мою загадку, что я скажу». — «А что?» — «Да вот, — говорит, — оцени, что я стою, и скажи, что я думаю и кто у нас старшой есть? Я буду через три дня ехать, чтоб ты мне ответил. А если не ответишь, то моя меч — твоя голова с плеч».

А здесь как раз водовоз воду выливал да это все и слышал. Игумен задумался — никак не может эту загадку отгадать. И он уже по монахам стал спрашивать, и кого ни встретит, все спрашивает. Водовоз и говорит: «Что ты отец игумен так задумался?» — «А вот что задумался: государь мне дал задачу, что наш монастырь беззаботный, он дал заботу». — «Какую?» — «Да вот, кто у нас старше есть? И что он стоит? И что он думает?» — «Так вот, отец игумен, я тебя избавлю, если послушаешь меня, то дай мне твою одёжу. Когда приедет государь, сам заберись под кровать и сиди, то пушай мне голову рубят, а не тебе».

Государь является через три дня. Игумен выходит. «Ну что, надумался?» — «Надумался, ваше императорство». — «Ну, расскажи». — «Так пойдёмте, — говорит, — со мной».

Вот он приводит, где игумен под кроватью лежит. «Ну, расскажи, кто из нас старше?» — «Да пока старше вас нет». — «А что я стою?» — «А Иуда продал Христа за тридцать серебряников, а вы стоите двадцать девять — поменьше немножко». — «А что я ду-

маю?» — «А вы думаете знаете что?» — «А что?» — «Вы думаете, что с игуменом разговариваете, а вы разговариваете с водовозом, а игумен вон под кроватью сидит».

Игумен вылезает с-под кровати.

«Ну, так вот, пусть же ваш монастырь и будет беззаботный. Игумен же пускай будет водовозом, а ты будь игуменом, что мог ты все отгадать».

Игумен остался водовозом, а водовоз игуменом.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И КУЗНЕЦ

Вот Петр Первый приезжает к кузнецу на лошади: «Подкуй-ка мне коня!» — «Можно», — говорит. «Только сделай подкову хорошую!»

Ну, вот кузнец занялся подкову делать. Сделал подкову и подает ему: «Что, хороша будет эта подкова?» Петр Первый усмехнулся: «Хороша, да не совсем». — «Почему не совсем?» — «Она, — говорит, — слабая». — «Ну, не знаю, — говорит, — что она слабая».

Он берет в руки и разгибает эту подкову. Кузнец видит: «Да, действительно слабая». — Берется работать вторую. «Ну, а это — хороша будет?» Он и говорит: «Да так себе».

И эту разогнул. Он берется третью делать. Третья готова. «Ну, этой, пожалуй, можно подковать».

Кузнец сделал четыре подковы и подковал. Петр Первый и спрашивает: «Сколько тебе за подкову?» — «Четыре рубля».

Он подает ему рубль серебряный. Кузнец взял и сломал этот рубль. «Да у вас и деньги фальшивые!» Он подает ему второй. Он и второй сломал. «Да дайте, — говорит, — мне деньги хорошие».

Петр Первый вынимает двадцать пять рублей и подает ему: «На, не ломай денег, то мы наехали коса на камень. Я подкову взломал, а ты рубли поломал. Видать, что сильней ты меня. Ты знаешь, кто я такой?» — «Нет, не знаю». — «Я Петр Великий, ваш государь. Ну, дак вот, работай, как работал, и сказывай людям, что государь ломал подковы, а я его рубли. Вот мы с им и познакомились».

Петр Первый сел и поехал и сказал: «До свиданья, кузнец, ты хороший молодец!»

И после того его не видал.

ПОМЕЩИК И БЕДНЫЙ МУЖИК

Жил помещик. У этого помещика было три дочки. Старшая очень была грубая. Ну, вот приезжает помещик к помещику и сватывает. Надо старшую отдать, а старшую не берет, потому

что она хороша, хорошо одета, да характера нету. Эти уже вышли замуж, живут, а к ней никто не кидается. Она и живет де-вушкой.

Один мужичок бедный, на лицо был ничего парень, фартовый, только в одном кармане вошь на аркане, а другая на цепу, а кошелька век не бывало. Он и говорит своему отцу: «Знаешь, отец, что я надумал? Своего помещика взять дочку замуж. Пожалуй, он отдаст за меня, потому что никто не сватает ее». — «А пожалуй, ты пойдешь туда да это скажешь, что ты пришел в сваты, так он тебе спину надерет». Он говорит: «Э-э, отец! Спина не берестень, не будет болеть каждый день. Все-таки попробую».

Да и пошел. Приходит: «Здрате, барин!» — «Здравствуй, беднячок! *(Барин знал, что он бедный.)* Чего ж ты пришел?» — «Да, барин, я пришел с хорошей вестью: взять вашу дочку за себя замуж». Барин отвечает: «Бери, если сумеешь с ей жить». *(Вот какая!)* — «Сумею, барин, это дело там не ваше».

А ей охота и самой замуж выйти, да никто не сватает. Барин вызывает дочку и спрашивает у ее: «Пришел в сваты к тебе». А она только ответила: «Ну, дак что? Можно идти». Повернулася и пошла. Он и говорит: «Видишь, какая она: два слова сказала и ушла». Он и говорит: «Ничего, барин, наладится». — «Ну, дак давай, делать свадьбу будем. Свадьба будет на мой счет».

Сделали они свадьбу. Дает тесть ей пару лошадей хороших, дает три коровы, быка и отправляет к зятю.

Когда они приехали домой, молодых кладут спать, как раньше было во деревнях. Он с ей лег спать. Спит, ничего ни он не говорит, ни она. Вдруг петух запел. Петух запел, он и говорит: «Перестань петь, а будешь кричать — и голова с плеч слетит». Петух крикнул второй раз. «Ну, если — говорит, — крикнешь третий раз, то и голова с тебя прочь». Петух крикнул третий раз. Он встает, берет топор и отрубил ему голову. И сам идет к ей и ложится спать.

Тут бык, который тесть ему дал, на сарае: «Му-у-у...» Он и говорит: «До трех раз только ты мукаешь!» Бык второй раз мукнул и в третий. Он берет и быка убивает.

Ну, и живет неделю. Ну, по-деревенски, — нужно на хлебны ехать. *(В деревне пожили, а к тестю надо ехать.)* Он и говорит: «Поедем в гости». Она молчит. Он второй раз: «Поедем в гости». Он: «Ну, до трех раз я тебе говорю!»

Он пошел запрягать коня. Она уже стала одеваться. Тут нечего дожидаться, а то будет что петуху и быку. Сели и поехали. Едут дорогой, встречается стрэта. Жеребец: «И-и-и-и!» Он и говорит: «Еще встретишься, заревешь — долго не проживешь!» Попадает и вторая стрэта. И он отвечает: «До третьего раза это ты». Ну, тут третья стрэта. Жеребец опять заржал. Он слазит с санок,

берет обух — убил жеребца. Он хомут снимает, кладет в санки и говорит ей: «Становися в оглобли!»

И она не становится. Он ей опять: «Что, встанешь аль нет? Третье раза не дожидай!»

Она становится в оглобли и повезла санки. Ну, и он сзду пособляет немножко. Когда подъехали к двору, он сел в санки (*сам уже*) и: «Вези к крыльцу!» Вот она и повезла его к крыльцу.

Вот и встречает гостей. Он вышел с санок и пошел, и она след за им. А тут свойки, сестру смотрят, тоже приехали гостить. «Смотри-ка, Иван Петрович образовал невидимку!»

Стали выпивать, закусывать, гоститься. Свойки и спрашивают: «Ну, как, Иван Петрович, ты живешь с ей?» — «Ничего, — говорит, — лучше не надо, как я живу с ей».

Вот он и говорит: «Вот ваши жены говоруны, а у меня она помалкивает. Я что прикажу, то жена сделает, а ваши не сделают того». Они говорят: «А давай по сто рублей побьемся».

Ну, как у тех деньги есть, а у этого денег нету, то тесть сказал: «Я закладу за тебя».

«Что вы прикажете своим женам сделать? Послушают они или нет, а моя-то послушает». — «А вот, — говорит, — налейте им по стакану простой водки и подозвать, чтобы пушай выпьют».

Средний зовет свою: «Иди-ка, дорогая, сюда!» Она и приходит: «Что такое?» — говорит. «Выпей этот стакан водки». Она и говорит: «Ну, будто я такую гадость пить буду! Хватит мне и хорошей». Завернулася и пошла.

«Ну-ка, свояк, зови свою!» (*Этот все командует, мужик.*) И вторая приходит. И велит муж: «Выпей стакан простой водки!» Тая тоже: «Что ж я такую гадость буду пить?» (*Тож не хочет.*)

Вот он: «Ну, тепер я свою позову, что вы сказывае «Невидимка». Иди-ка, Марья, сюда!» Марья и приходит. Он и говорит: «Выпей этот стакан водки!» Тая простягаёт руку, и берет стакан, и выпивает. «Ну, тепер поставь стакан на место!» Она поставила стакан на место. «Тепер можешь идти».

Свойки и сказали, что мы проиграли. И они выкидают ему двести рублей, и тесть сто рублей выкидает — он обещал: «И я покладу, если проиграют».

Тесть и спрашивает у его: «Ты, наверно, Иван Петрович, не раз ей жбанá давал, что умная такая стала?» Он и говорит: «Нет, не бил, не учил, — она сама научилась».

И сказал, как он петуха убил, как он быка убил, как дорогой жеребца убил и как заставил ее санки везти. То тесть сказал, что все это не беда, это я все тебе верну. Она хоть будет человеком, что ты сумел ей владеть.

Ну, вот, остался он жить-поживать, добро наживать, ребят копить и научил ее на поле ходить.

В одной деревне (деревушка была большая) жил помещик. И он мужиков драл розгами и бил по уху их. Но ему было мало этого, и он надумался: «Погодите, еще вас побью!»

Сделал трактир большой, такой дом в деревне, и объявил, что я даю вина бесплатно, кто ко мне только ни зайдет.

Кто ни идет, все читает: «Хороший барин! Видишь, каждому можно зайти сюда да и выпить». Кто грамотный, кто неграмотный — все заходят сюда. Барину стоила сотка — одна копейка, а мужикам стоило выпивать — семь копеек. «На что же нам семь копеек тратить? Лучше выпьем тут так, дарма».

Заходят мужики-дураки в трактир. Барин спрашивает: «Что, зашли выпить?» — «Да, выпить». Вот подает каждому по сотке и спрашивает у их: «Ну, что, хорошо?» — «Хорошо, барин». — «А!!! Бесплатно хорошо!»

И вот барин начинает плеткой их драть. Теи уже не рады семи копеек. Только пусти, барин.

Там поодиночке стали ходить выпивать. Приходят. «Что, зашли в трактир выпивать?» — «Да, барин, не мешает выпить». — «Так у меня вино бесплатно, только загадка большая». — «Какая?» — «А вот какая загадка — как выпьешь, сам узнаешь». — «Ну, давай». *(А у барина уже плеть наготовлена давно.)*

Барин подает по сотке вина. Они выпивают. «Ну, какое вино?» — «Хорошее, барин». — «А!!! Хорошо бесплатное!» Ну плетью драть. «Дармового не пей и людям скажи: «Дармового выпивал вина, да на плечах плетку имел».

Ну, кто пил да сказывал, что горькое, и того бил, что не пей горькое дармовое. Так что в этот трактир стали люди отклоняться, не стали ходить. Услыхал цыган эту историю. «А дай-ка я пойду к барину!»

Цыган залетает в трактир: «Здравствуй, барин!» — «Здравствуй, цыган! Что, зашел выпить?» — «Да, барин, если милость есть, так дай».

Барин ему наливает сотку вина с-под крана. Подает цыгану. Цыган выпивает. «Ну, как, цыган, хорошо?» — «О, барин, не разобрал!»

Он наливает ему вторую. «Разбери-ка, цыган». Он вторую выпивает. «Барин, дай-ка закусить!» — «Да у меня закуски нету», — барин отвечает. «Ну, как ты, барин, так живешь, что закуски не имеешь? Надо выпить — закусить». — «Я у тебя спрашиваю: без закуски хорошо вино али нет?» — «Да вот бы закусил, разобрал бы, какое у вас вино». — «Ну, так на, выпей третью!» Он и третью выпивает. «Ну, как, цыган, хорошо али нет?» Цыган отвечает: «Ой, барин, без закуски не разберешь». — «Так на, четвертую выпивай!» Цыган и четвертую выпивает. Барин его опять спрашивает: «Ну, как?» — «О, барин, это еще ноль. Наливай пятую». Барин и пятую наливает. «А что, барин, закуски нету?» — спрашивает цыган

опять. «Нету, цыган. Ну, так что, хорошо мое вино?» — «Не сказать — хорошее, не сказать — худое, а без закуски плохо пить. А дай-ка, барин, еще одну сотку — шестую, тогда расскажу тебе правду всю». Барин подает шестую ему. Он выпивает шестую. «Барин, а закусить нету?» — «Да я тебе сказал, что нету!» — «Так придется, барин, мне закусывать чем? Ножик взять да у барина кусок мяса отрезать да закусить».

Барин: «Да как же?» — «Раз трактир держишь, надо закуски иметь!» Он ему наливает еще одну, седьмую. Цыган седьмую выпивает: «Давай же закуски, барин!» — «Да нету».

Барину тут деться некуда уже. «Ну, цыган, я сейчас тебе закуски дам». Вынимает плетку, идет к цыгану. А цыган: «Ого! Барин, мы на погонялке век живем. Когда колья меняем — все выпиваем. А твоя закуска-то ноль. Держи-ка сам эту закуски. У меня, барин, погонялка длиннее твоей плетки, и моя плетка сильней твоей будет. Я похожу по тебе, да будет рубец на спине».

Барин не смеет ударить цыгана. «Я, барин, за одним махом убил семьсот побияхом. А тебе убивать нечего». Барин и думает: «Семьсот побиях убил одним взмахом».

Барин и говорит: «Ты, может, еще хочешь выпить?» — «А давай!» Цыган выпивает еще. Выпил и сказывает: «Ты, барин, хороший. Мужиков поил и плеткой бил. Ты, барин, сколько людей побил?» — «Восемь». — «А чего же ты меня не побьешь?» — «Так ты не говоришь ни горько, ни сладко». — «Так тебе интересно — горько аль сладко? Так давай же померяемся».

А барин говорит: «Мериться нам нечего». — «Ну, так смотри, мужиков не бей, а если будешь бить, дак мы налетим и тебя собьем».

Барин и отказался вина дарма давать, и сказал барин: «Правда, люди сказывают, что цыгане — полевые дворяне, с их взять нечего».

ПРО ЦЫГАНА И ПРО ПОПА

Приходит цыган к батюшке: «Здравствуй, батюшка! Батюшка, не отказал бы в моей просьбе, дал бы мне хоть рублевку денег». Батюшка и говорит ему: «Ты молодой просить теперь. Видишь, рабочее время, ты б поработал, тебя б накормили, напоили и денег приработал». — «Ой, батюшка, да никто не берет нас на работу!» — «А ты косить умеешь?» — «О-о-о! Да мой отец косил, косец хороший когда-то был, а я лучше отца кошу еще». — «Ну, так вот, цыган, приходи завтра ко мне косить. Я тебе заплачу хорошо, когда ты косец хороший». — «Приду, батюшка».

Утром и является цыган к батюшке. Батюшка и говорит работнику: «Иван, бери косы и вот на такую пожню иди косить с цыганом».

Пожня была большая. «Если, — говорит, — не скосите до завтра, утром докосим. Вот тебе хлеба туда на завтрак, вот тебе на обед и после обеда, — накосите там, может быть, захочете».

А этот все во внимание берет. Приходят на пожню. Цыган и говорит: «Это что, вся ваша пожня?» — «Вся». — «Дак мы рано ее скосим».

А там стоял среди пожни дуб. «Давай же обкосим кругом дуба, а то солнце припекет, так и спрятаться нам негде будет».

Вот они обкосили вокруг дуба, чтоб от солнца скрываться. «Ну, давай, браток, позавтракаем!» Сели позавтракать. Позавтракали. Иван и говорит: «Ну, пойдем же косить». А цыган говорит: «О, Иван, после хлеба-соли кто не отдышет, дак того бог за свинью запишет». — «Ну, давай».

Цыган поел хорошо и заснул хорошо. Иван прочинается и будит цыгана: «Вставай, пойдем косить». Цыган встает: «Давай, браток, покурим!» Покурили. «А давай за одним временем пообедаем. Уже время обедать». Они сели, пообедали. «Ну, пойдем косить». — «А что ж, ты не знаешь, что после обеда все люди отдыхают, а мы что — не должны отдыхнуть?»

Они легли отдыхать. Ну, на вольном воздухе, ветры повивают, солнце под дубом не греет здорово, то и спать хорошо. Тут уже солнце повернулося к вечеру ближе. Иван прочинается и цыгана будит: «Давай, цыган, косить!»

Цыган встает, на солнце посмотрел, что солнце сдвигается к вечеру уже. «Давай же мы подзакусим еще, браток, а потом косы на жердь навяжем (*чтобы была длинная*) и сразу скосим. Тут больше не пройдут полчаса, как вся пожня слетит».

Они подзакусили. Работник говорит: «Ну, давай же, будем косы навязывать». — «Фу, да что навязывать, надо отдохнуть после хлеба-соли. А долго ли нам навязать да пройти по пожне туда и оттудова — и пожня скошена будет».

Они легли опять отдыхать. Работник прочинается. Темнеет. Он и говорит: «Что ж мы — дотемна дожили, и пожню не скосили, и знаку никакого не сделали». Цыган и говорит: «Как же не сделали. Вон кругом дуба обкосили». — «Так что же нам батюшка скажет?» — «Хо! Ты только слухай меня — все будет хорошо, и пожня скосится».

Вот и пошли домой. Батюшка дожидает уже, что долго с сенокосу нет. Цыган и говорит работнику: «Когда мы придем к батюшке, то ты скажи, что скосили всё, зато мы поздно и пришли».

Приходят, батюшка и спрашивает: «Ну, как дела?» — «Скосили всю пожню, зато мы долго и были там». — «Вот молодцы! Правда цыган сказывал, что он косец хороший?» Работник отвечает: «Да, барин, хороший косец. Мне уже двадцать пять лет, но такого косца не видал».

Батюшка дал им ужинать. Цыган поужинал: «Ну, батюшка, заплати мне». (*Плату просит.*) Он подает ему полтора рубля денег, как косец хороший и всю пожню скосили. Цыган и говорит: «Ба-

тюшка, я сам сыт, а детки мои там маленькие не евши сидят». — «Да что ж тебе дать?» — «Да дал бы, батюшка, хоть кусочек сала».

Батюшка и повел его в амбар давать сала. Дает ему кусок сала. «Ой, батюшка, дай еще кусочек, у тебя много есть!» Батюшка ему еще кусок дал. Он: «Батюшка, дай кусочек». *(Третий просит.)* Цыган третий кусок получил. «Батюшка, дай еще кусочек». — «Да, что ты, — говорит, — цыган, того не стоит и сенокос твой». — «Да что ты, батюшка, больше не даси?» — «Нет, не дам!» — «Ну, так пожалел кусок сала, чтоб твоя трава вся на пожне встала, чтоб только там не встала, где хлеб-соль лежала!»

Ну, цыган и пошел домой. Наутро батюшка встает. Погода хорошая. «Ну, пойдем, Иван! Бери грабли, подвернем да будем грести сено». *(А Иван знает, что пожня не скошена.)*

Идут они на пожню. Приходят. Трава вся стоит, только под дубом не встала, где хлеб-соль лежала. Батюшка и говорит: «Ах, жалко, что не дал четвертого куса сала! Вот какой волшебник: всю траву поднял, как она и была, гребти нечего».

А Иван думает: «Да она и не кошена».

«Больше я цыганов звать не буду, — батюшка сказал. — С ими плохо коммерцию весть. Ну, и правду люди говорят, что цыган девке не родня, цыгана бойся, что огня. Он лаской просит, кнутом кормит, а сено у мужика на погонялку выносит».

Ну, и вся тут.

МУЗЫКАНТ

В деревне жил мужичок Егорья. И была у его жена красавица. Она недолюбливала его. Как он придет, она делается больной. Она была не больна, а притворялась. Как пошлет Егорья куда, он идет, — она собирает вечеринку, нанимает музыканта, делает пляски. С попом пляшут. То этот музыкант знал, что она прodelывает. Вот она посылает Егорья: «Иди-ка ты за море, за морем нарви травы с камня; принесешь, мы ее сварим, я напьюся и выздоровлю».

Егорий и пошел за море искать своего горя, чтоб женка выздоровела. Идет он и встречает музыканта этого, который играл несколько разов у ее на вечеринке. И поп тут был, и дьякон был. То он и спросил его: «Куда ты идешь, Егорья?» А он говорит: «Я иду за море нарвать травы на камень и сварить, моя жена выпьет, и она поздоровеет, не будет болеть».

А музыкант ему сказывает: «Эх, ты, Егорья! Ты ищешь своего горя, что посылает тебя женка за море. Когда ты за море попадешь? Воротись же ты со мной на сегодняшний вечер, и женка выздоровеет, и здоровой станет, и болеть больше не будет».

Егорья воротился. Зашли к музыканту. «Ну, посиди до вечера».

Егорья сидит. И видит, что женка к этому музыканту бежит. Он взял да и спрятал его. Она прибегла и говорит: «Ты сегодня приди к нам поиграть: вечеринка будет хорошая у нас. Будет вина, будет пива,— поп принесет».

Музыкант и говорит: «Прийти-то я приду, да вот у меня есть такая вещь, что я не могу ее оставить, надо с собой взять. Она будет в тукачѣ соломы, вещь, лежать. Нельзя ее в сенях оставить, надо в избу взять, и придется тукач поставить у порога, то тогда приду играть. Если нельзя тукача́ взять, так и я не пойду».

Она и говорит: «Он не помешает нам, приноси, когда бросить нельзя его здесь». — «Ну, вот я приду, как темнеть станет».

Она и пошла. Музыкант берет этого Егорья и говорит: «Слышал свое горе? Я тебе сказал, что будет женка здорова́».

Увязал Егорья в солому, в тукач, и приносит его в Егорову избу и ставит его к порогу: «Стой, Егорья».

Тут и поп является, начали выпивать и музыканта поить. Попили, поѐли. «Теперь нам поиграй, музыкант», — говорят.

Музыкант занимается играть. Вот он играет на скрипке и припевает:

Ты не знаешь, Егорья,
Своего горя.
И ты пошел за море.
То висит гуж на крюку,
Будет попу, жене и дьяку.

Егорья не высказывает. Он опять заводит другую песню:

Смотри-ка, соломяка,
Как гуляет женка с дьяком.
Бери гуж на крючку,
Давай попу и дьячку.

Выскочил соломяка с соломы, захватил гуж на крючку́ и давай ходить по жене, попу и дьяку́. Дьячку — раз, попу — два, женке — три разá: «Не скачи трепака!»

Егорья отдул попа, дьяка. Ну и поп не стал ходить на вечеринку, да и дьяк не стал ходить, да и женка стала здорова, не стала посылать Егорья за море.

Так музыкант избавил его от попа и дьякона.

Матвей Михайлович Коргуев

1883 - 1943

В большом беломорском селе Кереть (Кемский уезд Архангельской губернии — ныне Карельская АССР) в 1883 году родился М. М. Коргуев. Кереть была богатым селом, жители которого занимались рыбной ловлей, выезжали на промысел морского зверя, держали оленей, некогда добывали в речке, давшей название селу, жемчуг. Достаток царил здесь почти в каждом доме. Но М. М. Коргуева судьба обошла. В семилетнем возрасте он лишился отца и мальчонкой «ходил по миру». В девять лет стал подпаском; в тринадцать нанялся поваром на судно местного купца; затем — рыбаком. Его заветной мечтой было обзавестись собственной рыболовной снастью. Несколько лет упорных трудов и удачных промыслов позволили этой мечте осуществиться. Вскоре он стал опытным рыбаком. Но, кроме рыбацкого дела, довелось М. М. Коргуеву прирабатывать на строительстве Мурманской железной дороги, прокладывая телеграфную линию, валить лес, промысливать на тонях. И везде — в родном селе, на лесозаготовках, на тонях — М. М. Коргуев жадно слушал сказки, которые в длинные зимние вечера в начале века заменяли и радио, и телевизор, и магнитофон. Видимо, уже в молодости он сам становится известным сказочником. Как это было принято в Поморье, М. М. Коргуева нанимают в артели специально для рассказывания сказок, выделяя за это особый пай в промысле.

М. М. Коргуев — сказочник с удивительно разнообразным репертуаром. Богатырская, волшеббно-фантастическая, новеллистическая сказки, лубочная повесть, детская сказочка о животных, анекдот — все разновидности жанра впитал в себя сказитель. И в каждом виде сказки он предстает настоящим артистом, внешне невозмутимым, искусно владеющим всем арсеналом формул, точно чувствующим поэтику сказки, мастерски строящим диалог.

Самыми любимыми произведениями М. М. Коргуева были длинные волшебные-фантастические и богатырские сказки. Хотя сказитель был неграмотен, в его репертуаре много лубочных повестей («Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич», «Портупей-прапорщик» и др.), которые он слышал в чтении или пересказе от других любителей сказок. Память у М. М. Коргуева была блестящей. Прислушав какой-нибудь сюжет один раз, он запоминал его на всю жизнь.

Сказки были любимым, но не единственным жанром, привлекавшим внимание сказителя. По матери он был карелом, владел карельским языком, знал и пел руны. Исполнял М. М. Коргуев и былины.

В жизни сказителя переломными, сделавшими неграмотного помора известным всей стране оказались 1930-е годы. В 1934 году состоялась встреча с фольклористами. Ученые, обследуя поморские села, искали жемчуг русского поэтического слова, и одной из самых крупных жемчужин, обнаруженных ими в Керети, оказался М. М. Коргуев.

На протяжении нескольких лет А. Н. Нечаев записывает от сказителя 115 сказок. В результате этого совместного поистине титанического труда сказочника и собирателя появились на свет две книги «Сказок М. М. Коргуева».

М. М. Коргуев, до 1934 года лишь раз побывавший в большом городе Архангельске, приглашается для выступлений в Петрозаводск, Ленинград, Москву. О нем охотно пишут газеты и журналы. В 1938 году он становится членом Союза писателей СССР; в 1939 году его награждают орденом «Знак Почета». Земляки избирают М. М. Коргуева депутатом Верховного Совета республики.

Включение в водоворот общественной жизни пробудило в Коргуеве тягу к индивидуальному творчеству. В январе 1937 года на вечере народного творчества в Петрозаводске он услышал из уст знаменитого былинщика П. И. Рябина-Андреева «новину» (песенное эпическое произведение на сюжет из советской жизни) о Чапаеве. Так у Коргуева родился замысел создать сказку о легендарном герое гражданской войны.

Скончался М. М. Коргуев в 1943 году. Рассказывают, что в суровые блокадные дни он привез в Ленинград собранные поморами продукты. Документального подтверждения это предание до сих пор не имеет. Но, вероятно, совсем не случайно молва приписывает этот подвиг М. М. Коргуеву: хранители духовного богатства народа остаются в памяти земляков не просто сказочниками и певцами, но людьми, разделяющими с Родиной все ее радости и беды, личностями, наделенными способностью к активной, деятельной доброте.

М. М. Коргуев — второй (после М. Д. Кривополеновой) из русских сказителей, ставший героем художественного произведе-

ния. Его земляк, петрозаводский писатель В. Пулькин, посвятил сказочнику свою повесть «Добрая поветерь».

Литература: Ч и с т о в К. В. Матвей Михайлович Коргуев // Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания.— Петрозаводск, 1980. С. 179—210; Пулькин В. Добрая поветерь: Повесть о сказочнике // Пулькин В. Подаренье.— Петрозаводск, 1984. С. 147—238.

КОЗАРИН

Во городе было во Муромле,
Да во селе было Карачарове,
То у того ли Данила Коромыслова
Зародился сын да Козарин-свет.
Отец с матушкой сына на руки не брали,
И отдали его баушке-задворенке,
Не велели его кормить хлебом крупичатым
И не велели его поить ключевой водой.
А баушка того не слушала,
Кормила сынка хлебом крупичатым,
Поила его ключевой водой.
Стал Козарин-свет ходить по улоцке,
И услышал он таковы слова:
«Не отцов ты есть сын да не материн,
Ты баушкин сын да задворенкин».
Вот приходит он да ко баушке,
И говорит он ей таковы слова:
«По чужим словам, ты есть мне баушка,
А по мне — живешь как будто мать родна,
Уж ты баушка да родимая мать,
Ты спусти меня из Литвы в Литву,
Из Литвы в Литву да прогулятися,
Да в Потай-реченьку да покупатися».
«Уж ты гой еси, да Козарин-свет,
Еще молод ты ехать в эту реченьку.
Эта реченька змеиная,
А змеиная есть реченька, лебединая.
Ты поедешь теперь в этой реченьке,
Как во первую струю нырнешь, — дак только
дым столбом пойдет,
А во вторую струю нырнешь, — ты вынырнешь,
А во третью струю нырнешь, — ты не вынырнешь.
Налетит на тебя да змея лютая,
Змея лютая, змея пещерная,
Она захватит тебя во когти лютые,
И потащит тебя детям на съеденьице».
И умолк Козарин с таковых-то слов,
И прожил еще Козарин два года.
Он ходил с ребятами на поцесной двор,
И там расспрашивал да все разведывал.

У нёго шутка была да нехорошая,
Хоть он пóлюбя шутил, —
Да все смертельнѣе.
Кого шуткой возьмёт за ногу — нога проць,
Кого возьмет за голову — и голова проць.
Имел Козарин силу непомерную.
Остальные дети в укоризну пошли:
«Не отцов ты сын есть да не материн,
Тебя кормит, поит баушка,
А что баушка да ведь задворенка».
Обиделся Козарин и пошел себе домой,
И приходит он к своей баушке,
И говорит ей он да таковы слова:
«По цужим словам, дак ты мне баушка,
А по мне — живешь дак будто мать родна́,
Расскажи-ко ты мне, баушка,
Есть ли у мя кто роду-племени,
Есть ли у мя люди-родители?»
«Я скажу тебе, да Козарин-свет,
Есть у тебя ведь родители,
Отец-от твой да знатной есть,
Он Данило есть да Коромыслов,
А мать у тебя змея лютая».
Услыхал Козарин таковы слова́,
И говорит он ей да таковы слова:
«По людям, ты есть мне баушка,
А по мне — живешь будто мать родна́,
Ты пусти меня в Потай-реценку,
В Потай-реценку да покупатися,
Съездить мне-ка, добру молодцу,
Из Литвы в Литву,
В прокляту Литву да в белокаменну».
Тут и баушка на ответ ёму:
«Уж ты, свет Козарин, да ясён сокол,
Не советую тебе я ездить
Да в Потай-реценке купатися.
Ты еще, сынок-то мой, да молодёшенек,
Тебе от роду всего есть девять лет,
А Потай-реценка змеиная,
А змеиная реценка, лебединая».
Невтерпеж было Козарину,
Говорит он баушке таковы слова́:
«По цужим словам, ты мне баушка,
А по мне — живешь ты как мать родна́,
Ты отправь меня как родного сына есть!»
«Ну, отправлю я тебя, родимой ты мой,
Не родимой ты мой — да возрощенной,
Ну, на тебе, сынок, я даю плёточку.
Как понесет тебя да змея лютая,

Она захватит тебя в когти змеиные,
Понесет сынкам да на съеденьицѣ,
(И она ткнула плёточку ёму под пазуху),
Когда понесет тебя змея лютая,
Ты спомни меня и бей змею да этой плёточкой,
Этой плёточкой по хоботу по правому,
А по правому хоботу да и по левому,
Ударяй ты ей да и приговаривай:
«Вот тебе, змея лютая,
От Козарина первой подароцек».
Она взмолится да и прираскается,
Упадёт она да на сырú землю
И расскажет тебе да и всю правду,
Всю правду расскажет, всю истину».
Благословила баушка сынка своёго,
Хоть не рóдного — да желанного,
И сказала ёму таковы слова:
«Приедешь ты к Потай-реценке,
Будешь ты в Потай-реценке купатися,
И смотри да поглядывай,
Налетит змея поганая, лютая
И захватит тебя в когти во змеиные,
Не забудь тогда, Козарин, мою плёточку,
И спомни свою баушку-кормилицу».
Ну, тогда он поехал.
И приехал прямо к этой реценке.
Раздевается Козарин-свет,
Он во первú струю забрёл — дым столбом пошел;
И в струю нырнул — он вынырнул,
Во вторú струю нырнул — тоже вынырнул,
А во третью струю нырнул — то уж не вынырнул.
Налетела на нёго змея лютая,
Змея лютая, змея пещерная,
Захватила ёго в когти лютые, во змеиные,
Потащила детям на съеденьицѣ,
И спомнил Козарин свою баушку,
Вытащил плёточку из правой пазухи
И начал плёткой этой помахивать,
Отбил у змеи шесть хоботов,
И упала змея на сырú землю
И говорит Козарину таковы слова:
«Уж ты гой еси, ясён сокóл, Козарин-свет,
Ты не бей меня до смерти,
А оставь меня на помин души,
Своих деток покормить да подро́стить их,
А расскажу тебе да всю правду-истину
Про сестру твою да про родимую.
Унесёна она трёмя татарами,
Эти татары-то есть да больши воины,

Они сильны есть да могутные.
И живет она в проклятой Литвы,
В проклятой Литвы да в белокаменной.
А татары будут скоро дел делить,
Дел делить да пай отпаивать.
На перву кисть кладут красна золота,
На втору кисть кладут чиста сѣребра,
На третью кисть кладут ей, красну девушку,
И кому она теперь достанется.
Вот поезжай ты Козарин-свет, да выручай сестру,
Выручай сестру да желанную.
Ты не знаешь, свет, как она жила,
Ты не знаешь, свет, как ты вырос есть».
Да еще ёму змея добавила:
«Когда выручишь ты родиму сестру,
То приедешь ты на свою родину». —
«Ну, отпущу тебя я, змея лютая,
Утащи назад к добру коню,
Дай одеться мне, добру молодцу».
И сказал ей таковы слова:
«Ты оставь привычки-то змеиные,
Ты змеиные да лебединые!
Если будешь ты это делати,
Не прощу тебя за посулочки,
Все за старые да за прежние,
Носить людей себе в пещерушку,
Пожирать их или в плен брать».
Раскаялась змея лютая:
«Слушай ты, ясѣн сокол да Козарин-свет,
Не буду я больше это делати,
Дам тебе клятву я, да клятву верную,
А коль услышишь ты это, да ты и сам меня знашь».
Тогда сел Козарин на добра коня,
И поехал он из Литвы в Литву,
Из Литвы в Литву, в прокляту Литву,
В прокляту Литву, в белокаменну.
Увидал в поле — три шатра стоит,
Три шатра стоит белокаменных.
Подъезжает он к первому шатру,
И скрылся он за ракивов куст,
И услышал он плач да дѣвичий,
Плачет девушка да обливается:
«Заплетѣна моя коса на святой Руси,
Придется мне расплетать в проклятой Литвы,
В проклятой Литвы да в белокаменной».
Вдруг приходит татарин во белой шатѣр,
Говорит девице таковы слова:
«Что ж ты, девушка, плачешь да убиваешься,
Мы назавтра ведь будем дел делить,

Дел делить да пай отпаивать,
На перву кисть кладем красна зóлота,
На втору кисть кладем чиста сéребра,
А на третью кисть тебя, красну девицу.
Если ты мне достанешься, красна девица,
То я возьму тебя за себя замúж».
Тогда не стерпело сердцё богатырское,
Закипела кровь тут могучая,
Приходит он во белóй шатер,
Ударяет татарина этой плёточкой,
От татарина только осталось основаньицё.
Второй татарин заходит во белóй шатер,
А она пуще плачет, убивается.
«Что ты, девушка, плачешь да убиваешься,
Мы назавтра будем дел делить,
Дел делить да пай отпаивать,
На перву кладем кисть красна зóлота,
На втору чиста сéребра,
На третью тебя, красна девушка.
Если ты мне достанешься,
То я возьму тебя в судомойнички».
Опять выходит татарин из белá шатра,
Не стерпело сердцё богатырское,
Ударил Козарин-свет этой плеточкой,
И от татарина только славы поют.
Она пуще плачет, убивается
Да брата своёго Козарина споминает:
«Если бы был брáтелко мой, Козарин-свет,
Не пришлось бы расплетать мне русой косы,
Он бы выручил и помог бы мне».
То приходит тогда старший татарин их
И говорит ей таковы слова:
«Что ты плачешь, девушка, убиваешься
Да какого брата споминаешь ты,
Назавтра будем дел делить,
Дел делить да пай отпаивать,
На перву кисть кладем красна золота,
На втору кисть кладем чиста серебра,
На третью кисть — тебя, красну девушку,
Да раскрасавицу да молодёшеньку.
Если ты мне, красна девица, достанешься,
Отрублю твою я буйну голову,
Рассею тебя по чисту полю,
И развеет тебя по буйну ветру».
Еще пуще плачет слезами горе-горькими.
Не стерпело сердцё богатырское,
И заходит Козарин-свет во белóй шатер,
Увидал татарин, могутной самой:
«Это есть ли твой братец, Козарин-свет?»

Я вот ёго сейчас размечу!»
Берёт Козарин свою плеточку,
Ударил Козарин ёго по плечам,
Упал татарин на сыру землю,
От татарина только славы поют.
Увидала богатыря красна девица,
Стала ёго просить да умаливать:
«Уж ты гой еси, ясён сокол, богатырь незнаемой,
Ты вези меня с проклятой Литвы,
Увези в свое отечество,
И поедем с тобой ко божьей церкви,
Ко божьей церкви да повенчаемся».
Тогда берет Козарин ей из-под белá шатра,
Посадил ей на добра коня,
Приехали они ко божьей церкви,
Говорит тогда красна девица:
«Ты скажи-ко, доброй молодец,
Чей ты есть да откулешной,
Какого роду ты будешь, какой племени?»
Отвечает ей доброй молодец:
«Я есть тебе родной брат,
Ясён сокол да Козарин-свет,
Хотя мать-то моя уж ненавидела,
Отдала меня уж баушке-задворенке,
И воспитывала она как будто мать родна,
И я узнал про тебя у змеи лютой,
У змеи лютой да пещерной,
И поехал тебя да выручати.
Да еще змея мне добавила:
«Когда выручишь-то родимú сестру́,
Приедешь ты на свою родину,
А для тебя маменька уж все приготовила.
Коль она тебя от роду ненавидела,
На воротах стоит змея лютая,
Она бросится на тебя, на света Козарина,
Когда ты привезешь родиму сестру,
Ты ведь скоро с ней-то справишься,
Коли ты меня победил, такову змею.
Но еще, Козарин, тебе говорю:
Твоя маменька да родимая
Оберет змею эту лютую
Да натопит сало змеиное,
Напекёт тебе калациков на том ли на сале
на змеином,
Ты не ешь, Козарин, тех калациков».
И приехал Козарин-свет в свою родину
Да в свою отцовщину,
К своему отцу да ко родимому,
К своей матушке, да ко родимой.

Увидала змея и бросилась на Козарина,
Вытягает Козарин свою плётотку,
И ударил ей змею по хоботу,
И свалилась змея на сырú землю.
Приходит Козарин в ширóки хоромы,
Стрелили молодца со почёстыицём,
Дарили подарками и кормили, поили ёго.
«Ты скажи-ко нам, доброй молодец,
Какого ты есть роду, какой племени?»
Стали поить, кормить и вином угощать,
И нанесли пищи разной.
Нанесла мать калациков заморских,
И говорит ёму таковы́ слова:
«Уж ты пей, доброй молодец, да закусывай
За спасенье да моей доцери».
Когда выпил Козарин, дак и говорит ей таковы́ слова:
«А не пивал я отроду воды ключёвой,
Не едал хлеба крупивчатого,
Не благословлёно мне было отцом-матерью.
Не отцов я был сын да и не материн».
А сестра плакала да обтиралася,
Да и на мать родну да обижалася.
«Я есть-то сын того ли Данилы Коромыслова,
Из города из Муромля, из того ли села Карацарова,
Отец с матушкой меня на руки нё брали
И отдали меня баушке-задворенке.
По цужим словам, она мне баушка,
А по мне — была как будто мать родна́.
Ты изволила меня, да рóдна матушка,
Кормить меня салом змеинным,
Не прощу я тебе за это».
Вынимает он тут свою плётотку
И ударил ей мать по круты́м бедра́м,
И упала мать на́ пол замертво.
Приходит тут отец Коромыслов-свет
И говорит сыну таковы́ слóва:
«Ты послушай, сын да Козарин-свет,
Твоя волюшка теперь хозяйничать,
А уж меня, отца, ты за старо прости».
Ну тогда сказал Козарин-свет:
«Я простил бы и рóдну матушку,
Да за то не простил,
Что кормить стала меня салом змеинным».
Тут она и кончается.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Во городе во Муроме, во селе Карачарове жил-был прожиточный человек. У их не было никого детей. Они жили до глубокой старости и стали у бога просить, чтобы дал им бог какого-нибудь дѣтища, и вот тогда родился у них сын, назвали ёго Ильёй. Он был на родѣх испорчёной и лежал без рук, без ног. Отец-мать ёго плакались: «Вот бог даёт людям дѣтище, при старости опору, а при смерти на помѣн души. А нам дал калику без рук, без ног». И пролёжал Илья ровно тридцать лет.

Раз ушли отец с матерью на полѣ, и приходят к нему две калики перехожие и просят милостинку Христа ради. Он нацинает им говорить: «Ох, калики перехожие, не могу я встать, не могу я встать и вам милостину подать. Вы откройте шкап да возьмите себе, что надо». Потом стал их спрашивать: «А что на Руси делается? Как живет Соловей-разбойник?» Он раньше слышал про Соловья. Отвѣчают калики перехожие: «Да что Соловью жить? Живет он неплохо. Загородил дорожку прямоезжую и царствует тридцать лет, и сидит он на двенадцати дубах. Раньше до Киѣва было езды три дня, а теперь в объезд три года. Сидит Соловей и свищѣт по-соловьему, и лаѣт, собака, по-собацѣму, и кричит, зверь, по-звериному. Но-ко, вставай, Илья, прошел твой срок тридцать лет, подымай-ко свои руки, ноги резвые», — говорят калики перехожие.

Вот Илья нацинает руку подымать, подымается. Стал ногу растягать, растягается: и стал Илеюшко на ноги. Говорит калика перехожая: «Ну-ко, принеси у отца из погрѣба пѣва эту чашку полную». И пошел Илья в глубокой погрѣб, и зацерпнул эту чашку пѣва полную, и приносит эту чашку калике. Калика передает другому калике. А этот передает чашку Илье: «На-ко, пей Илеюшко, эту чашку пѣва, и мы спросим тебя, каково будет?» Когда выпил Илья на один дух, и спросили калики: «Ну, каково, Илеюшко, в себе почувствовал силушки?» Отвѣцат Илья каликам перехожим: «Во мне силушки? Как бы был столб от земли до неба, в том столбе золотѣ кольцо, и я бы за это схватил кольцо, и перевёрнул бы всю землю-матушку». То говорит калика другому: «Церез меру мы силы Илье дали, надо сбавить, а то не будет ёго носить мать сыра земля». Потом сказали Илье Муромцу: «Ну-ко, сходи, Илья Муромец, принеси чашку пѣва из погрѣба». Вот пошел Илья второй раз за пивом. Приносит чашу пѣва и передает калике перехожей. Калика передал второму и дает пить Илье Муромцу: «Ну, пей, Илеюшенька, теперь втору чарочку». Выпил Илеюшко на единый дух. И спросил калика перехожая: «Ну, каково, Илеюшко, чувствуешь в себе силушки?» — «Во мне силушки во половинушку», — отвѣцает Илья Муромец, сын Иванович.

Да, говорит калика опять перехожая: «Ну, Илья Муромец, сын Иванович, тебе смерть не писана во цистѣм поле. Со всема сражайся на бѣлом свѣте, только не сражайся с одним со Святогором с богатырѣм. Святогора-богатыря мать сыра земля не носит,

и он только ездит по крутым борам, скацёт на своём добром коне. Да, потом не сражайся с родом Никулиным. У роду Никулина ангельской волос есть, не победить тебе ёго, и ёму тебя, да еще не сражайся с Иваном Деревенщиной, у нёго тоже есть ангельской волос: он знает про житьё-бытьё и что дется на святой Руси».

Теперь ему еще говорят: «Ну, Илеюшко, твой конь только сейчас родился, на котором ты будешь ездить. Вот ты пойдешь из своёго города, и зайдёшь в одну деревёнку, и стретишь — старик ведёт трех лошадей. Одна лошадь во тысяцу рублей, друга лошадь в две тысячи, а третья лошадь — уже цены нет. Залагай отцовско имущество и откупи эту лошадь, она будет по виду хуже всех. Потом корми эту лошадь один год и уж после этого поезжай куда хошь. Вот и поезжай, поклонись ко гробу господнему, поклонись гробу этому и до тех пор не кровавь своёго меца. И тебе, Илеюшко, когда будет очень трудно, то спомяни нас, тебе будут в цистом поле такие случяи. И когда ты спомнишь нас, в тебе силушка прибавится непомерна: победишь противника в любу порушку».

И разошлись калики перехожие. И пошел Илеюшко на белой двор: подбирать житьё-бытьё отцовское — стал распахивать белой двор. И вдруг идёт ёго отец и мать. Мать и говорит отцу: «Ну-ко, смотри, отец, полюбуйся-ко, смотри, Илеюшко пашет нам белой двор». — «Ох, ты, баба моя женоцка, ты ведь глупа совсем, разве мыслимо, что цёловек лежит без рук, без ног тридцать лет, разве может он пахать наш белой двор?» Она говорит опять ёму: «Да смотри, ведь это Илеюшко пашет наш белой двор». — «Ох, ты, глупая баба, если бы ты не жена мне была, я бы тебе за это голову срубил, где же он может пахать, как такой ослабленной был?»

Когда пришли уже совершенно близко, тогда отец уверился. Вот подошли к нёму рядом, и так сильнё обрадели, и прославили бога. «Ну, родился нам сын, хоть и не в утеху при младости, но будет опорой при старости и после смерти на упокой души». Тогда заговорил им Илья Муромец, сын Ивановиц: «Ну, отец и мать родна, я родился, сын, в младости не утехой был, а лёжал тридцать лет без рук, без ног, и под старость вам не кормилец буду, и при смерти вам не на помин души. — Сразу все рассказал. — А вот теперь пойду я искать себе добра коня, и потом поеду поклонюсь гробу господнему, и прочищу путь-дорогу прямоезжую. Там проеду, где сидит Соловей-разбойник на двенадцати дубах».

И пошел Илеюшко по дороженьке. И видит — идёт старик, и ведёт старик трёх лошадей на базар продать. И вот он спрашивает цену первой лошади: «Сколько стоит, дедушко, первая лошадь?» Отвещает старик: «Тыщу рублей». — «Ну, сколько стоит у тя вторая лошадь?» — «Вторая лошадь моя — две тыщи рублей». — «А сколько стоит третья твоя лошадь, она худенькая?» — «Этой лошади даже и цены нет. Потому она худенькая, что даже и не доросла». — «Ну, продай ее, я подрощу её». — «Коли

хощь купить, доброй молодец, ну, продам её, только стоит она очень дорого». Не считался Илеюшко с денёжками и сказал таково слово: «Но скажи ты мне, дедушко, правду-истину, сколько она будет стоить?» — «Ну, отдам тебе, коли нужно. А отдам тебе за десять тысяч с половиною».

И подает Илеюшко денёжки и берет себе эту лошадку лохматую. И уводит в свой дом и начинает ей кормить целый годик и катать ей в росы. А когда он вырастил ее до возраста до полного, тогда он пришел к отцу, к матери и сказал таковы слова: «Ну, теперь, отец с матушкой, пустите меня, добра молодца Илью Муромца, я поеду ко гробу господнѣму, ко гробу господнѣму поклониться, мне нужно исполнить заповедь каличию, то заказывали калики перехожие». Тогда отец с матерью заплакали: «Ты поедешь дорогой прямоезжею, увидишь там Соловья-разбойника, он убьет тебя и не оставит даже на помину». То сказал Илья Муромец: «То отец ты мой, родна матушка, вы не думайте о мне, добром молодце, мне не писана смерть в чистом поле».

И распростился он с отцом, с матерью. Отец с матушкой прирасплакались. И сажился Илеюшко на добра коня и пустил его в путь-дороженьку. И наехал он на шайку разбойников. Задержала его шайка разбойников и стала его ценить и выпрашивать: «Ты скажи-ко теперь, доброй молодец, кто ты есть да откулешной?» — «А что вы, воры-разбойнички, думаете что с меня взять, с добра молодца?» Оценили они очень дорого. «Доброй конь твой — цены нет; цвет кафтан твой — десять тысяч рублей. И вот, друзья мы, разбойнички, оберем у него цвет кафтан, отнимем у него добра коня, а ему отрубим буйну голову». Сказал им Илья таковы слова: «Уж вы воры-разбойнички, отпустите меня на все на четыре на стороны. Вам не след ссориться с Ильей Муромцем. Я кровать меча не стану до тех пор, пока не приеду во Киев-град поклониться гробу господнѣму». И говорит Илья Муромец еще им, разбойникам, таковы слова: «Отойдите от меня чество, отпустите меня, добра молодца». Но они этого не пытаются, зарядили своё. Тогда Илья Муромец берет стрелоцку каленую и спустил стрелоцку в разбойников, их не оставил и на семена.

Поехал Илья Муромец дальше в путь. Видит: войска громадные стоят; подъезжает к войскам и спрашивает: «Кто эти войска побивает здесь?» Отвечает князь один ему: «Ох, ты есть богатырь незнающий, кабы ты нам помог войска побить, я бы отплатил не знаю чем. А уж привел войска последние, больше нет у меня, и возьмет меня тепереча себе в плен». Тогда отвечает Илья Муромец: «Уж я окровавил мец свой». И спустил стрелу на противника. Как спустил он только, тут смешалась вся земля евонная и его противника.

И поехал Илья Муромец дальше. Тут не спрашивал никакого вознагражденьца, стал спешиться в Киев-град, попасть ему к заутрени, а не к заутрени, то хоть в обѣденки. Так он едет опять путем-дорогою и видит Соловья-разбойника. Сидит он на двенадцати дубах. Засвистал Соловей по-соловьиному, закричал зверь

по-звериному, залаяла собака по-собачьёму — на все двенадцать голосов. Ёго доброй конь на колени пал, заговорил он своёму доброму коню: «Эх, ты, волчья шерсть, травяной мешок, не слышал ты свисту соловьиного иль не слышал ты граю вороньёго? Как грает ворон на святой Руси, так же и Соловей поет». Зарядил он каленú стрелú и спустил Соловью-разбойнику прямо в правой глаз. И упал Соловей на сырú землю.

Подъезжает Илья Муромец, сын Ивановиц, приковал он Соловья ко стременáм, поехал дальше и идет к двору Соловьиному, где сидела жена и сын его. И сын матери и говорит теперь: «Ну, смотри-ко, мама, отец мужика ведет, мужика ведет да деревенщину». Посмотрела мать и сказала сыну: «Нет, сын, не отец мужика ведет, а мужик отца ведет». Не стерпел сын, сказал матери: «Я убью ёго теперечу». — «Нет, сын, уж коль отец не убил, то и тебе не убить, надо просить его с честью, с милостью, чтобы оставил дома ёго в покое. А спустить ёго во двор, да поить, кормить, да просить милостью».

Потом открылись широкие воротá, и запускали Илью Муромца, стречали ёго с поклонами. Заехал Илья Муромец на широкой двор, просила ёго жена Соловья-разбойника: «Ты скажи-ко, доброй молодец, кто ты есть, и оставь Соловья-разбойника дома здесь. И бери с нёго выкуп, какой желаешь себе». То сказал им Илья Муромец: «Не оставлю ёго у вас здесь, свёзу ёго во Киёв-град: почему дорогу загородил прямоезжую».

И повёрнул с широка двора прямо в Киёв-град. Не стерпел сын и сказал: «Подниму воротницу триста пудов и ударю этого добра молодца». Так и сделал — ударил Илью Муромца воротницей. Но Илья Муромец не заметил, не трёснул ёго стальной шипак. И поехал Илья Муромец в путь-дороженьку. Когда выехал, призадумался: «Ну уж не хотел меча я кровавить-то, ну еще спущу каленú стрелу». И спустил на этот двор каленú стрелú, заметало землэй все ёго жительство. И поехал Илья Муромец дальше. Приезжает теперь он во Киёв-град и как раз успел к обедёнке. Вот послушал он обедну всю до конца, а стоял у обедни Владимир Красно Солнышко, всё смотрел на богатыря незнаема и пригласил ёго на почёстной пир. Вот сидел Илья Муромец на почёстном пирú, подавали ёму чару зеленá винá, зеленá винá — полторá ведра. Брал молодец на одну рукú, выпивал молодой на единый дух. Богатыри друг на дружку оглянулись, оглянулись — усмехнулись. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко: «Ну-ко, ты скажи, молодец, ты откулёшной, какого ты роду есть, какой племени да как тебя звать?» — «Меня зовут Илья Муромец, Илья Муромец, сын Ивановиц. Из города я есть из Муромля, из села я есть Карачарова». — «Ты скажи, доброй молодец, какой ты дорогой ехал во Киёв-град, в како время выехал со двора своёго?» — «Ты Владимир есть Красно Солнышко, ехал я дорогой прямоезжею, ехал я три дня».

То не поверил Владимир Красно Солнышко и все князья-бóяры: «Что не может быть, что ты ехал дорогой прямоезжею, той

дорогой тридцать лет никто не ездит». Заговорили богатыри мógучие, Олешенька Поповиц, Самсон Колупаевиц, Добрынюшка Никитинец: «Что врет теперь доброй молодец Илья Муромец, сын Иванович». — «А коль не верите, пойдём на широкий двор, то увидите вы всю правду-истину».

И все пошли на широкий двор, и вышел Владимир Красно Солнышко. Подошел Илья Муромец ко своёму коню, отковал Соловья-разбойника от стрёмён своих и сказал Соловью таковы слова: «Ну, Соловей, пропой вполсвиста по-соловьиному, вполголоса прокричи по-звериному, вполлая пролай по-собачьёму, чтобы убедилась все князья-бояра, узнал Владимир Красно Солнышко, кто ты есть такой». Засвистал Соловей по-соловьиному в полной голос, закричал, зверь, по-звериному и залаял, собака, по-собачьёму в полный голос. Тут пали все князья-бояра назём, упал и Владимир Красно Солнышко со своей Опраксой-королевичной, а богатыри все забегали со страху по двору. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко: «Уж ты есть богатырь Илья Муромец, уж ты уйми Соловья-разбойника, а то попадали мы все на землю, не слышали мы крику соловьиного, а то мы все погинём. Уж теперь верим мы, где ты ехал».

То вынимает Илья Муромец свой мец, отсекает у Соловья голову: «Ну, собака Соловей-разбойник, не послушал меня, закричал на все двенадцать голосов, то убью тебя топереча». И так отрубил у него буйну голову. И приходит снова на почётной пир. Вот тогда Владимир Красно Солнышко поил, кормил и дарить его стал. Подарил ему шубу цветную и поил ёго, добра молодца, вином.

Он пил только, колько хотел. Когда был Илья выпивши, то он волочил шубу по полу да приговаривал: «Кабы мне Калина-царя таскать, как эту шубу, за жёлты кудри, то было бы очень хорошо!» А про это слуги на Илью наврали, что говорил: «Кабы мне таскать Владимира Красно Солнышко за жёлты кудри». То Владимир Красно Солнышко обиделся, призывает Илью Муромца и говорит ему таковы слова: «Уж ты есть богатырь Илья Муромец, уж я это слово тебе не прощу, ты хотел меня таскать за жёлты кудри, посажу я тебя за это в ямушку».

И открыли ёму яму тридцать сажён глубиною и шириною и засыпали жёлтым песком. И Илья Муромец не противился, шел в эту яму без разговорицу. А Опраксия-королевична сделала тунель в подземельё и кормила Илью Муромца все время, пока сидел Илья Муромец в ямушке. И прошло тому тридцать лет, всё сидел Илья Муромец в этой ямушке.

Вот узнал Калин-царь, что уж нет у Владимира богатырей потому что все богатыри разъехали, как посадили Илью Муромца в ямушку, — и пошел на Владимира Красно Солнышко войной, нагонил войска в Киёв-град столько, что не было где котла сварить, а под Киёв-град столько, что не было солнца видно, и еще было с ним несколько богатырей. И остался он под Киёв-градом. Вот Владимир Красно Солнышко и запечалился: «Нет у меня

славного богатыря Илья Муромца, нет у меня Олешеньки Поповица, нет и Добрынюшки Никитица, не знаю, куда они разъехали. Приходит, видно, конец Владимиру Красну Солнышку».

Тогда Опраксия-королевична ёму и говорит: «Слушай ты, Владимир Красно Солнышко, отрой ты в ямушке Илью Муромца, ведь он живой теперь. Попросишь его, Илью Муромца, чтобы он шел в войну с Калин-царем». Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко: «Что ты, баба, волос долог, ум короток, разве может жить человек без пищи, без питья тридцать лет?» Она ёму говорит второй раз: «Уж ты сделай милость, отрой ямочку». То он опять-ей говорит: «Слушай, баба, ты не жена мне была бы, то я велел у тебя голову срубить». То она опять: «Отрой ямочку, а я знаю. Илья еще жив сейчас».

Не стерпел Владимир Красно Солнышко, взял приказал отрыть ямочку и смотрит: стоит Илья у стола и читает святое евангельё, а сам седой уж стал. То стал просить ёго с поклонами: «Уж ты смилуйся, Илья Муромец, помоги, то пришел тут к нам Калин-царь, наступил под Киёв-град, уж ты выйди к нам на помóгу». — «А слушай-ко, Владимир Красно Солнышко, я для тебя не пойду, Владимир Красно Солнышко, ни для тебя, Опраксия-королевична. А я пойду для сирот, для божьих церквей, что сиротушек все повыдавит, а божьи церкви все повыжигёт».

И стал Илеюшко из ямочки, поехал во чисто полё. Выехал в чисто полё, видит: шатер стоит, а в том шатре три брата: Олешенька Поповиц, Самсон Колупаевиц и Добрынюшка Никитиц. «Ставайте вы, братья, поедём на дело ратное, на кровавое побоище, наступил теперь на нас Калин-царь».

Вот ставали богатыри скорёшенько, сажались на добрых коней и приехали во Киёв-град, ко тому ли к Владимиру Красну Солнышку. Тут заговорил Илья Муромец, сын Ивановиц: «Ну, ребята, что поедём теперь к Калину-царю с подарками, попросить ёго, чтобы он дал нам три дня служить молебны с панифидами, а потом мы пойдём на дело ратное, на побоище смёртное».

Тогда сразу он сказал Добрыне Никитичу. Добрыня Никитич отказался: «Я не смею, Илья Муромец, сын Ивановиц». И отказался Самсон Колупаевиц и Олёша Поповиц. Тогда он сказал богатырям: «Ну, тогда дайте, я пойду».

И дает Владимир Красно Солнышко мýсу красна зóлота и вторую мýсу чиста сéребра, чтобы он там дал три дня пропеть молитвы с панифидами, а потом пойдём на дело ратное, на побоище смёртное. И так Илья Муромец отправился под Киёв-град. Приходит он к Калину-царю и говорит: «Ну, Калин-царь, вот я тебе подарок дам от Красна Солнышка: мýсу красна зóлота и чиста сéребра, за то дам, чтоб ты нам дал три дня пропеть молебны с панифидами, а потом мы с тобой станём на дело ратное, на побоище смёртное».

Теперь заговорил Калин-царь: «Нет, доброй молодец, я не дам вам ни одной минуты. Я сюда не гулять пришел, не растешивать вашей милости, не ожидать вашего моленьица, сейчас же

пойдем на дело ратное, на побоище смертное». Тогда заговорил Илья Муромец: «Ах, ты, собака Калин-царь, отойди от нашей святой Руси, а то не оставим тебя и на сѣмена».

То вызывает он татар-богатырей, захватили Илью Муромца, обвязали его шелками богатыми и повели его на плаху убитую. И сам шел Калин-царь. И говорил Илье таковы слова: «Ах, ты, старой богатырь, скажи, кто ты есть, зачем ты выкинул слова дерзновенные. Вот скажешь про себя, отпущу тебя». Да шел, да изредка ему в бороду тросткой потыкивал, да в глаза поплѣвывал. То он сказал, Илья Муромец: «Ах, ты, собака Калин-царь, не скажу я тебе ничего до тех пор, пока не сломите моей буйной головы».

Привели Илью Муромца на плаху убитую, повалили на плаху убитую, и заговорил про себя Илья Муромец: «Верно, пришла смерть неписаная во чистом поле, коли говорили калики, что не будет тебе, Илья Муромец, смерть во чистом поле». Тогда Илье Муромцу силы прибавилось, хватил он в грудь одного татарина, то поднялся выше земли стоячей, выше облака ходячего, схватил одного татарина за ноги, начал им Илеюшко помахивать. Как в ту сторону вернет,— так валит их улками, в другую сторону махнет,— валит переулками. Ну, корепкой татарин, жылковатый, не сорвется. И убил Илья Муромец до одной души, ударил татарина о сыру землю. Осталась от татарина только грязь да вода. И пришел во палаты белокаменны ко тому ко царю-Калину. Захватил его за желты кудри, открыл окно и бросил его на панель из палаты трехэтажные. От Калина-царя только грязь осталась. И пришел Илья к Владимиру Красну Солнышку, и сказал ему таковы слова: «Дал прослужить молебны с панифидами три дня».

Вот прослужили молебны с панифидами и выступили под Киев-град рать-сила великая и все богатыри. А под Киев-градом было силы столько, что солнце не пропекало, не было где котла сварить. Вот бились они целы сутки, и не было ни убыли, ни прибыли, все богатыри и Илья Муромец. Вот на вторые сутки немножко солнце стало пропекаться, заговорили ему богатыри: «Слушай, Илья Муромец, сын Ивановиц, надо отдых сделать нам, добрым молодцам». Добавил Илья Муромец, сын Ивановиц: «До тех пор не будем отдых держать, пока не уьем до одной души».

Опять разъехались добры молодцы, стали силу бить по-старому. Вот и наехала на Добрыню Никитица баба Коломѣнка, и они с ней сразились, ударились копьём долгомерным,— копыя пополам переломались. Ударились мечами,— мечы пополам переломались, ну друг друга с коней сбить не могли. Потом схватились рукопашкою. Возились они шесть часов. Подвернулась у Добрынюшки ноженька, упал Добрыня на сыру землю, и села баба Коломѣнка на белу грудь и спрашивает у Добрыни Никитица: «Ну, скажи-ко ты, доброй молодец, кто ты есть, чьего роду, чьей племени и как тебя звать?» А он отвечает ей таковы слова: «Если я бы лежал у тебя на белой груди, не спрашивал бы ни роду, ни племени, ни отца с матерью, колол бы брюхо до печени».

И вдруг едет Илья Муромец, сын Иванович: «Эй, мужик, грит, под бабой лёжишь?» — «Выручи, Илья Муромец, сын Иванович, видно, пришла Добрынюшке смерть в чистом поле». Отвечает ему Илья Муромец: «Бей бабу по титькам, пихай под жопу, будет баба мягче». И сам проехал дальше. Только и помог.

Постом вспомнил заповедь Ильи Муромца. Стал бить по титькам, пихать под жопу и стал наверх. Потом уж не спрашивал у ней отца с матерью, а колол брюхо до печени и убил ей на смерть. И сел он на добра коня с этого стыда, и поехал по крутой скалы, и видит, что корабль плывет, и бросился со скалы на этот корабль, а тот был не корабль, а просто скала, и убился насмерть со своим конем.

Побили братья все войско и стали ждать Добрыни Никитица, нигде его в войсках не нашли. И вспомнил Илья Муромец, сын Иванович, что он лежал под бабою, нет ли его там. Поехал туда, приезжает, видит, что баба Коломёнка убита. «Ну, ни больше ни меньше, что брат наш поехал куда со стыда». Поехали дальше и видят, что лежит он на скале убитой. И поехали братья в Киев-град к Владимиру Красну Солнышку. Владимир Красно Солнышко очень обрадовался, и сделал почётной пир, и стал спрашивать: «Что где у вас, богатыри, Добрынюшка Никитинец?» То говорит ему Илья Муромец, сын Иванович: «При войны бывают случаи, что кто-нибудь лёжит в чистом поле. Убит Добрынюшка или, вернее, не убит, а со стыда скончался, что лежал под бабой Коломёнкой. Убил он ей, а потом со стыда бросился на скалу, и скончался наш Добрынюшка». Пожалел Владимир Красно Солнышко, да делать нечего.

Вот поил, кормил и хвалился има: «Ну, если не вы бы да Илья Муромец, то не быть бы нам на святой Руси, не оставил нас Калин-царь даже на поминь».

Заговорил ему Илья Муромец, сын Иванович: «Все-таки надо мне идти на святую Русь да посетить свою родину, увидеть отца с матерью, есть ли нет хоть и в живых. А вы, братья мои да товарищи, вы останьтесь у Владимира Красна Солнышка на охрану нашего отечества, до тех пор, пока я приду, не давайте его во обидушку».

И сам распростился с Владимиром Красным Солнышком, и пошел он в путь-дороженьку. Вот он пошел далеко, и подходит он уж к своему селу, к своему селу Карачарову. Приходит он в дом отецкой. Не было уж отца-матери — все они были примёрши. Отдал он дом этот нищим бедным каликам перехожим, роздал деньги всем поровну, сам отправился опять вперед. И вот встретился он с каликою с Иваничем с Деревенщиной, и начал у него он спрашивать: «Ты скажи-ко мне, Иваниче Деревенщина, что у нас на Руси да деется, как живет Владимир Красно Солнышко? Ты ходишь по святой Руси, так знаешь все новости». — «Да, Илья Муромец, сын Иванович, на Руси хорошего нет теперь. Приступил к Владимиру Красну Солнышку Идолице поганое. Владимир Красно Солнышко связан ко дубовому столу за шелков ремень, а с Опраксой-королевичной пьет, ест с одного стола.

И спит он с ней на одной кровати, и держит руки в пазухи и ниже поясу».

Заговорил Илья Муромец: «Ты отдай мне, Иванище, эту свою ключечку». — «Нет, не отдам». Вот Илья Муромец стал у него отнимать, они с ним возились три дня, некоторой некоторого победить не мог. Илья Муромец ключечку не отнял. Рассердился Иванище Деревенщина, бросил клюшку в землю, улетела клюшка в землю сорок сажень, и пошел он дальше, не сказал Илье Муромцу ни одного слова.

Илья Муромец на это не разгневался, начал землю рыть, рыл он ровно три дня и достал эту ключечку. И пошел он с клюшкой пробираться в Киев-град.

Вот, конечно, он пришел теперь уж в Киев-град, под окно Владимира Красна Солнышка, и просит милостину Христа-ради: «Дай, Владимир Красно Солнышко, мне милостину».

Владимир Красно Солнышко, конечно, ничего не знает. Сидел Идолище поганое у окна, услышал каличий крик и позвал калику в избу. Приходит Илья в избу к Идолищу поганому, где сидела с ним Опракса-королевична. Вот когда пришел он к ней, она и спрашивает: «Ну, скажи, калика перехожая, ты много ходишь по святой Руси, ты знаешь, наверно, про Илью Муромца, какой он был богатырь, доброй молодец». — «Знать-то я его знаю, росту был как будто и я». — «Ну скажи теперь, калика перехожая, много ли он пил и ел, как он славился силой непомерною». — «У его выть была аккуратная, ел он всегда по калачику, а пил он всегда по стаканчику». — «Эх, не есть богатырь ваш был Илья Муромец. Вот я есть доброй молодец, — говорит ему Идолище поганое. — Я молодец удалой, вот у меня какая выть: я ем семь печей хлебов, три коровы ем за один обед, три ведра вина выпью, на закуску ем двенадцать гусей, запиваю ведром молока коровьего. Вот эта выть моя умеренна». — «А ты есть доброй молодец, у моего батюшки была корова такая же обжора, как и ты есть, много ела, пила, да и лопнула. Такой же конец и тебе будет, доброй молодец. Не смерть, а уж лопнешь», — сказал ему Илья Муромец.

Не понравилось Идолищу поганому, он схватил кинжал да и бросил в Илью Муромца. Но Илья Муромец увёртист был: отвернулся, конечно, Илья Муромец. Не попало, а ударило в стойку с дверьми, стойка с дверьми провалилась на улицу. Тогда видит он Владимира Красна Солнышка, связанного у ножки столовой, а питался он костями да объедками. «Уж ты слушай-ко, Владимир Красно Солнышко, дай-ко твою каменную палату белу окровавить теперь». Отвечает ему Владимир Красно Солнышко: «Делай, что хошь, калика доброхожая, власть уж не моя сейчас».

А Идолище сидел за столом, смотрел, что говорит калика перехожая. Тогда Илья Муромец, сын Иванищи, ударил его клюшкой. Идолище вылетел на улицу с простенками. И отвязал Владимира Красна Солнышка от столовой ножки. И сказал ему таковы слова: «Вот я есть старой богатырь Илья Муромец, спас тебя, Владимира Красна Солнышка, и живи теперь в спокойе. Послежу я за

тобой теперь. Еще тебе, Владимиру Красну Солнышку, будет много беды да напасти вперед. Ну, где твои богатыри: Олëshенька Поповиц, Самсон Колупаевиц?» — «Мои богатыри испугались, уехали они из царства, не знаю где. Испугались они Идолица поганого». — «А почему мне не надо было, Владимир Красно Солнышко, пугаться, надо было ёго уничтожить со земли». И так обрадовался Владимир Красно Солнышко, посадил за свой стол, угощал только чем было, приказал Опраксе-королевишне: «Кормить, поить да уговаривать, чтоб не ездил Илья Муромец. А уж я тебя, Опраксия-королевична, за то прошу, что жила с Идолицем поганым. Это было дело насильнёе».

Отыскал Илья Муромец своего коня и поехал разыскивать богатырей. Вот он ездил, ездил, наконец, нашел во чистом поле шатер и сказал: «Ну, что же вы, братья-богатыри, так ли охраняете Владимира Красна Солнышка?» Но они сильнё перепугались, что Илья Муромец убьёт, но он ничего не убил, не наказал и сказал: «Ну, теперь поедем к Владимиру Красну Солнышку».

Когда приехали, то Илья Муромец положил Олëshу Поповица на охрану города и дежурить, какие проезжающие богатыри будут. Вот он стоял, все охранял и вдруг приезжает богатырь, такой большой, что Олëshа Поповиц со страху испугался. На правом плече ясной голубь был, на левом ясной сокол, и кричал поединщика. Олëshа Поповиц так перепугался, прибежал сказывать Илье Муромцу. Илья Муромец ёму и говорит: «Почему ж ты не выехал с ним на поединок? Ты бы выехал и скрикнул, если ёго конь падёт на колени, то поезжай смело, уж если не падёт, то не выезжай».

И так он отправил ёго на пробу. Отказаться Олëshенька Поповиц не смел. Когда выехал, скрикнул по-богатырски, ну, конь ёго не почувствовал. Повёрнул и Олëshенька Поповиц, поскакал обратно к городу: «Ну, Илья Муромец, я не смел поехать на нёго. Скрикнул, — конь повернул на меня, и я поехал обратно». — «Ну, ладно, тогда я поеду, старой богатырь Илья Муромец».

Вот и выехал Илья Муромец, сын Ивановиц. Скрикнул, — конь у него и пошатнулся. Съехались они, ударились копыями: копыя пополам переломились, но некоторый некоторого не мог из седла вышибить. Мечами ударились: мечи пополам переломились. Потом схватились рукопашкою, этот богатырь послал с левого плеча голубя матери: «Нашел в поле поединщика, не знаю, справлюсь ли, нет?»

Вот они возились с Ильей Муромцём целые сутки, некоторой некоторого не может победить. Вот он посылает с правого плеча ясна сокола: «Нашел в поле поединщика, мама, ну, не справиться».

Тогда все-таки Илья Муромец ёго свёрнул, берет нож, распорол брюхо до печени, сам сел на коня и уехал. Вот приехал домой, а теперь поставил Самсона Колупаевица: «Вот теперь дежурь город, мало ли кто придёт, скажешь».

Вот в одно прекрасное время приезжает богатырь. Богатырь был Сокольник-раскольник. Конь у богатыря был, как сильная буря; богатырь был, как сильная туча. Богатырем ничем считал, а Красное Солнышко смехом вёл. Вот и приезжает Самсон Колупаевич к Илье Муромцу, рассказал, что видел. Илья и говорит: «Эх вы, богатыри, не смеете выехать на богатырей, какие же вы богатыри, надь опять выехать старому Илье Муромцу».

Когда выехал Илья Муромец на него, скрикнул, — конь на него поворотил. Съехались они, ударили копьём, — копьё переломилось; ударились мечом, — мечи переломились. Никоторой никоторого победить не может. Засмеялся богатырь, схватился с Илей рукопашкою. Возились, возились они целы сутки, — никоторой никоторого победить не может. На вторы сутки подвернулась у Илеюшки ноженька, — богатырь на него. Сидит на груди и спрашивает: «Эх ты, стар богатырь, ну удалый был, ты скажи-ко, как тебя звать, какого роду, какой племени?» Говорит Илья ему на ответ: «Кабы я у тя, доброй молодец, сидел на груди, не спрашивал ни роду, ни племени, колол бы брюхо до печени». А он ёго всё спрашивает: «Ты скажи, скажи, доброй молодец, не убью тебя, побратаемся». А Илья ему ничего не говорит, только так промеж себя сказал: «Верно, пришла Илье смерть неписаная во чистом поле».

Тогда Илье сила прибавилась непомерная. Ударил он в грудь богатыря кулаком, и он поднялся выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и упал о камень, рассыпался на мелкие дребезги. А Илья Муромец стал на добра коня, поехал к Владимиру Красну Солнышку.

Владимир Красно Солнышко обрадел, собрал почестной пир, собрал богатырем на пир. И говорит Илья Муромец: «Ну, Владимир Красно Солнышко, теперь я поеду к брату старшему, к тому ли Святогору богатырю. А вы оставайтесь да царствуйте, помните Илью, да не увидите».

И говорит еще братьям Самсону Колупаевичу да Олеше Поповицу: «А вы, братья, не пугайтесь, не разъезжайтесь, охраняйте Владимира Красна Солнышка».

И так распростился он с Владимиром Красным Солнышком, с братьями, сел на добра коня и поехал. Вот приехал он к крутой горь, начал ставать в гору, конечно, и поднялся; поднялся, увидел — шатер стоит. Заехал к шатру, — конь стоит богатырской, как сильная гора: «Никто больше, как здесь Святогор».

Поставил своего коня, заходит в шатер; заходит, видит — Святогор богатырь спит с женой. Будить он не стал; делать ему нечего, и сам повалился спать. Вдруг стала Святогора-богатыря жена, улыбнулась, вышла из шатра, взяла мешок и спустила в мешок Илью Муромца и коня. И сунула мешок Святогору-богатырю в карман. Когда стал Святогор-богатырь, нужно ему было ехать, говорит жене: «Ну, поедём на третью гору».

Сели на лошадей и поехали. Лошадь поднялась в первую и вторую гору, а на третью и подняться не может. Вот он и говорит ей:

«Ну, что ж ты, волчья шерсть, травяной мешок, раньше скакала с горы на гору, а теперь и поднять не можешь?» Она и заговорила человеческим голосом: «Раньше я носила богатыря и богатырскую жену, а теперь несу двух богатырей, и богатырского коня. Богатырь хоть не супротив тебя, и конь не супротив меня». — «А где же они?» — спрашивает. «А посмотри у себя в кармане».

А Илья спал и ничего не чувал. И вот он сунул, протянул руку в карман, и вытряс Илью с конём, и спросил жену: «А как он мне попал в карман?» — «А я, грит, клала ёго». Взял он жену, конечно, и убил, и стал Илью Муромца спрашивать: «Какого ты роду, какой племени и как звать тебя?» Он ёму и начал: «Я есть Илья Муромец, сын Ивановиц, посмотреть мне тебя захотелось». — «Ну, ладно, коли так пришлось, то побыгь у меня, и будь ты меньшим братом, а я буду старшим, и поедем с горы на горы».

Сели они на коней и поехали. Прискакали на одну гору, и стоит на горы гроб, и был открытой этот гроб. Ну, он был слишком большой. Вот и говорит Святогор-богатырь Илье Муромцу: «Ну-ка, Илья Муромец, применись к гробу, по тебе ли он будет?» Илья Муромец повалился в гроб и не хватают ни руки, ни ноги. «Нет, Святогор-богатырь, этот гроб не по мне. Нас таких войдет десятками в этот гроб».

Потом слез с коня Святогор-богатырь, повалился в гроб. Как повалился, крышка закрылась, и Святогор-богатырь подняться не может. Потом заговорил Святогор-богатырь: «Бей мечом, расколи, я не хочу умирать». Как ударил по гробу, покрылся гроб обручем. То заговорил Святогор-богатырь: «Возьми мой меч да ударь, твой лёгок». Тогда он берет ёго мец, захватил, поднять не может, сам по колено в землю ушел: «Нет, Святогор-богатырь, я твой мец поднять не могу». — «Ну, прислонись ко мне, я силу дам».

Вотдохнул он на нёго, у Ильи силы прибавилось, взял он мец, как ударит им по гробу, то опять сделалась железная полоса. Тогда опять Святогор-богатырь говорит: «Припади еще раз, я опять силы дам, ударь тепереч крышка и рассыплется». — «Нет, я второй раз не припаду, ударить я ударю». — Потом Святогор-богатырь ёму заговорил: «Ну, ударяй, не ударяй, все равно я уже начинаю колеть. Хорошо, что не припал, я бы тебе земляным духом дал, тебе бы тут и живым не быть. А мне уж здесь смерть. Привяжи моего коня ко гробу, им никому не владеть, и мой меч оставь тут».

Потом распростился Илья Муромец с Святогором-богатырем, и тот тут умер, а он поехал вперед. И вот подъезжает он ко второму гробу и сказал: «Ну, наверно, это моя смерть, уж коль умёр Святогор-богатырь, то, наверно, и я умру».

И он сошел с коня, привязал к гробу, зашел в гроб, крышка закрылась, и Илья кончился.

Вот нѣ в котором царстве, нѣ в котором государстве был-жил царь, у нѣго была одна дочь. И вот он ей берѣг, конечно, и не отпустил никуда одну гулять, чтобы она никуда не делась. А потом вдруг приходит пароходик, которых еще не было в царстве. А на этом пароходе был хозяин купец Ниранда. И когда он приплыл к царству, то был такой красивый, что многие ходили, интересовались. И пришлось царской дочери пойти со своимá нянюшками посмотреть этот пароходик. И вот когда она пришла, то этот купец Ниранда и говорит: «Слушай, красавица, зайдите ко мне в пароходик, только одна, я тебе покажу редкости». И вот она, конечно, не знала евонной никакой хитрости и сказала нянечкам: «Ну, подождите минутку, а я пойду посмотрю». И вот только она зашла на пароход, то пароход полетел стрелой в морѣ и скрылся из виду.

Ну, царю это несчастье было очень тяжело, что погибла неизвестно куда дочь.

И вот он привѣз, конечно, ей в свое жительство, а царь стал разыскивать людей таких, богатырей, чтобы где-нибудь ей разыскали. И вот у нѣго в царстве был, конечно, солдат, звали ёго Портупеем. А у нѣго дедушко был волшебной, и он рассказал ему всё, как эту достать царевну: «И вот иди теперь к царю и объяви себе, что «я достану тебе дочь твою, только дай мне корабль и матросов, капитанов и продуктов нá год, и напиши власть, чтобы меня слушались капитаны, куда нужно мне идти, и поставь мне какой-нибудь чин».

Вот когда услышал царь, что называется солдат, то он обрадел, конечно, и говорит: «Ну, а если ты не достанешь, то тогда как?» — «Ну, уж я ручаюсь своей головой, только сделай это мне всё». Тогда, конечно, царь даёт ёму чин — Портупей прапорщик. И в скоро время он срядил корабль, дал матросов и капитанов и дал ёму власть править этими капитанами. И вот, конечно, Портупей прапорщик в скорое время пошел, как обсказал ёму дедушко.

Вот они плыли шесть месяцев. И эти капитаны все соскучились, не знали, куда Портупей прапорщик плывѣт. И потом вдруг образовалась земля, через три месяца они приплыли к берегам. Когда приплыли к берегам, то он берѣт матросов и шлюпку: «Я поеду на гóру». Берѣт он двенадцать матросов и выехал. Выезжает, конечно, на гóру, идут по дороге вперед вместе с матросами. И приходят они в один дом. Когда пришли в дом, то он сказал матросам: «Вот, товарищи, вы идите, охотитесь чего-нибудь, а я сварю сам суп».

Матросы ушли, а он заходит на двор, убил два вола и стал варить. Вот у нѣго уж суп почти готов, он берѣт кусок мяса, попробовал и говорит: «Вот, кабы к этому супу да была вишнѣвка, было бы очень хорошо». И вдруг является к нѣму Не-мал цѣловек с потолком ростом. Когда явился и заговорил: «Здравствуй, Портупей

прапорщик». — «Здравствуй, Не-мал цёловек». — «Дай мне-ка супу и мяса». — «Пожалуйста, только жалко, что нет выпивки». — «Выпивки достанем».

И нанёс Не-мал цёловек выпивки столько, что полно́ прямо, и садятся они за стол и начинают выпивать. И этот Не-мал цёловек сильно напился, а Портупей прапорщик пьёт аккуратно, думает: «Что дальше будет?» И этот Не-мал цёловек свалился лежать. Портупей прапорщик сразу выдумал, отстегивает ёму меч и отрубил ёму голову и раздумался: «Если я отрубил ёму голову, то надо отрубить и ноги, а то он станет на ноги, не знаю, что может со мной сделать».

И взял отрубил ноги. И потом обшарил его все карманы и нашел ключей. И кряду же пошел открывать все помещенья, узнать, где сидит эта царевна. Вот ходил-ходил по евонному под-земелью, добрался до стеклянной двери и видит: сидит красавица, это она как раз и была. Подошел к ней: «Здравствуй, прекрасная царевна!» — «Здравствуй, здравствуй, кто ты такой есть и зачем ты сюда пришел? Придет Не-мал цёловек и тебя убьёт». — «Нет, прекрасная царевна, Не-мал цёловек больше не придет, он уж у меня убитой, а я есть Портупей прапорщик, посланной от твоего батюшка тебя достать. И вот одевайся сейчас и поедем». Она очень обрадела и говорит: «Ну, Портупей прапорщик, коли ты меня достал, то тебе мной и владеть». И даёт ёму перстень свой, обещается выйти за него замуж.

И вот он выходит с ней оттуда, из замку, смотрит — шум такой на кухне, эти матросы разодрались из-за вина, одни говорят: «Не все пейте, оставьте Портупею прапорщику, он придет, потому что убитой Не-мал цёловек».

Он пришел и говорит: «Слушайте, товарищи, вы не деритесь, а пейте, сколько хотите. А вот уберем этого Не-мал цёловек». И он, чтобы не запачкать перстень, положил ёго на окно. Вот они убрали всё и кряду же собрались и пошли на корабль, а этот перстень он забыл. Когда он приехал на корабль, то схватился, у него на руке перстню нет. Он и говорит: «Ну, матросы, везите меня обратно на гóру, возьмём, что я оставил, а вы, капитаны, подождите».

И вот он, конечно, собрал матросов и поехал. Сходил на гóру, взял этот перстень и пришел обратно. И видит, что уж эти капитаны уехали, оставили ёго с матросами. А капитан, когда пошел, то сказал этой красавице: «Если ты не скажешь, что это я тебя спас, то мы тебя в воду бросим». Она сказала: «Хорошо».

И видит Портупей прапорщик: корабль ушел, и он в шлюпке поехал ёго догонять. И пал сильной шторм, и вся команда погибла, только Портупея прапорщика выбросило на гóру. И вот, конечно, ёму было делать нецёго, мокрой, холодной, и он пошел на кухню, где осталось мясо. Пришел, поел, поотдохнул и подумал: «Все равно мне надо куда-нибудь попадать».

И вот, конечно, он пошел. И шел он далеко ли близко, высоко ли низко, и сам не знает, куда он сейчас идёт. И вот вдруг при-

ходит он на какой-то двор, прибегает к нему молодой парень: «Здравствуй, Портупей прапорщик!» — «Здравствуй, здравствуй, молодой парень. Как тебя звать?» — «Меня зовут Ванюша». — «И давно ты здесь живёшь?» — «Я живу у одного полковника очень давно». — «Дак вот, дорогой Ванюша, как бы мне попасть на родину?» — «Слушай, Портупей прапорщик, тебе нужно у меня пожить немного. Вот поживешь у меня шесть месяце́в, охраняй, что я тебе велю, потом я тебе скажу и попадешь». Он сказал: «Ну, ладно, коли так, то буду я и у тебя жить». — «И вот, Портушей прапорщик, не ставай на эту крышу, и там есть два рожка, не труби в них, а то вернётся зверья, и тебя они растерзают».

И вот он прожил два месяца, ёму показалось очень скучно: «И что же Ванюша не велел поиграть в эти рожки, какие они есть?» И вот он вылез на эту крышу и начал играть в рожок. И вдруг бежит полковник и этот Ванюша. Ванюша и кричит: «Портупей прапорщик, не играй, брось, а то пожрут они тебя». И он спустился и пошел прочь. Полковник сказал: «Ну, отправь ёго теперь домой, как он не прожил шесть месяцев у нас». И сам куда-то ушел.

Ванюша ёго призвал и говорит: «Ну, Портупей прапорщик, теперь можешь ехать домой, тебя больше полковник не велел держать». И приносит он ёму саблю ржавую и хорошую одежду. И вывел ёму коня худенького, такого, что чуть на ногах стоит. И заговорил ёму Портупей прапорщик: «Слушай, Ванюша, на что ты мне такую худую саблю дал, случае чего мне и не обернуться будет, и такого худого коня, мне на нём не доехать будет». — «Нет, Портупей прапорщик, я тебе дал саблю не худую, самую хорошую, лучше у нас нет. Ты поедешь дорогой, заедешь в лес, махнешь направо и налево и увидишь, что будет. И этот конь не будет худой, а самой лучший будет, садись на него, только держись крепче, чтобы не выпал». — «Ну, спасибо, Ванюша, если будет так». — «Ну, слушай, Портупей прапорщик, я тебе скажу, только жене всей правды не сказывай, а то будешь несчастной. А уж если какой случай, то приходи ко мне».

И вот он распростился с Ванюшей, сел на коня, конь понёсся как стрела, и у него выпала с головы шляпа. Он и говорит: «Эх, коничок, шляпа выпала». — «Ну, уж теперь делать нечего, пятьсот назад». Он и подумал: «Вот так конь! А я подумал, будет худой!»

И вот он заехал в густой лес, и ёму захотелось испытать эту саблю. Как махнёт рукой, и за несколько вёрст лес поклонился: «Да, это хороша сабля».

И вот в скоро время он приезжает в царство. Ну еще не успел корабль прийти, как уж он был у этого короля. И вот пришел к царю и говорит: «Вот, ваше величество, ваша дочь достата, и везут ей на корабле, ну, а меня оставили, вот по такому случаю, я ездил за кольце́м, и меня оставили».

И вдруг не через долго приходит этот корабль, и этот капитан все время радовался, что женится на царской дочери. Только пришел, как Портупей прапорщик был на корабле, и он кряду ис-

пугался ёго. И все матросы, конечно, сказали, что капитан захотел идти, а тебя оставили. И он у нёго взял ссек голову, а царевну повёл во дворец.

Увидал царь, что объявилась ёго доць, и оценъ обрадел, и сказал: «Ну, выд Портупей прапорщик, теперь тебе надо за спасенье моей дочери?» — «Ваше величество, отдайте ей за меня замуж, она мне обещалась и дала перстень, и я из-за нёго остался на берегу».

И она, конечно, всё это подтвердила, что действительно всё правильно, убил Не-мал цёловека. Ну, конечно, там царь разрешил ёму жениться на дочери.

В это время узнал один король, что у нёго явилась доць и выдана была за Портупей прапорщика, за низкого чина. И он открыл войну на царя, чтобы взять ей силой за себя замуж. И вот когда он открыл войну, эта доць, конечно, согласна выйти за этого короля, ну, ничего не высказывала.

Царь и говорит Портупей прапорщику: «Ну, зять, надо мне помочь в войне». — «Хорошо, батюшко, я помогу, мне никакого войска не надо». И он всегда выезжал один. И вот выезжает Портупей прапорщик и смотрит: войска много. И он вьстал на камень и начал махать шпагой. И эта сила валилась так быстро, что не прошло несколько часов, как войска не стало. И вернулся обратно в царство. Царь ёму очень обрадел и хвалил Портупей прапорщика, зятя своёго. Этот царь, конечно, собрал второй раз войско, еще в два разá больше, и пошел на царя. Тогда Портупей прапорщик опять пошел, стал на камень, войска стали подходить к нёму, и начал саблей махать, и кряду же они клонились, как будто мячики падали на землю, и за несколько часов всё войско было уничтожено.

И вот, конечно, этому королю было делать нечего, уж он не стал последнюю силу губить, а стал писать царевне, чтобы она испытала мужа своёго, что чем он владеет, какие у нёго есть средства. И вот однажды она и стала спрашивать: «Скажи, Портупей прапорщик, как ты можешь столько войска убить, чем ты можешь владеть?» Он, конечно, не знал хитрости жены и возьмёт ей скажет: «У меня есть сабля, и сколько бы ни было войска, все равно я их уничтожу, и она у меня всегда хранится в своей спальне, я ей держу».

И она это дело смекнула, вот сейчас же и приискала наподобие этой сабли, а эту саблю унесла, подменила, и послала эту саблю королю, и сказала: «Приезжай хоть с малым войском, теперь уж он не может вас побить, у нёго сабля отнята».

И этот король как получил саблю и письмо, приехал и объявил царю войну. Тогда король сказал: «Ну, Портупей прапорщик, опять он приехал». — «Хорошо». И вот когда тот выступил, король, он пошел на этот камень и начал махать, и не один цёовек не падёт больше. Он сразу и понял, что это обман от жены, как я ей сказал.

Вот ёго захватили в плен и посадили в темницу, а этот король женился на царевне и увез ей домой. И вот, конечно, он си-

дит теперь в тюрьме и думает: «Ну, вот теперь уж я попал, и сказанят, наверно, меня». Вдруг заходит к нему девушка-чернавка, носила хлеб, хоть и понемногу. Вот он и говорит чернавке: «Слушай, чернавка, выпусти меня из тюрьмы, а как я вернусь обратно, то тебя не забуду или возьму замуж за себя, сделай тако добро». И она тогда сказала: «Ну, ладно, Портупей прапорщик, я тебя отпускаю, оставляю темницу по́лу, а ты бежи, куда знаешь».

И вот так она и сделала, а он в ночную пору выбежал из темницы и давай бежать, где жил этот Ванюша. Конечно, ёму было долго бежать, ну, все-таки добрался, хоть с большим трудом. И вот тогда он пришел к Ванюше, Ванюша на нёго посмотрел и говорит: «Эх, Портупей прапорщик, зачем ты сказал жене правду, уж теперь ты сделался несчастным. Уж теперь и я не знаю, что с тобой сделать. Коня-то я тебе даю того же проехать, а уж саблй-то больше я подобрать такой не могу. Тебе придется другой выход дать, чтобы ты мог обратно у нёго эту саблю достать. И вот ты теперече что сделай. Когда ты приедешь в ёго королевство, а у нёго тут есть неподалёчку озёрко, где он всегда купается. Я тебе даю порошок, и ты обернись голубочком или уточкой, он тебя будет стрелять, саблём махать, и узнает жена, что это явился Портупей прапорщик в другом виде, и захоцет тебя убить. А этот король уже без саблй никуда не ходит. И он всяко будет придумывать, как тебя достать. И разденется нагой и будет плавать за тобой. А ты в то время нырни и вы́стань на том берегу, где это ёго платьё лежит и меч. Ты тогда одевайся-и бери эту саблю, а уж тогда ты будешь правой. И вот бери коня и поезжай».

И вот он теперича поехал оттуда и поблагодарил Ванюшу, что он дал ёму совет.

И вот приезжает уж к этому озёрку и отпустил коня. И увидали, что приехал Портупей прапорщик, и кряду же он стал меры принимать, как ёго сгубить, а уж в эту пору он обернулся уточкой и стал нырять в озеро. И этот король всяко умудрялся ёго, и под видом будто бы он ей обранил и достать никак не может, и взял разделся нагой и поплыл, чтобы ей достать. И вот только отплыл от берега, та уточка нырнула и вы́стала на берегу, где он разделся, и тут же была сабля. И он кряду побежал, захватил саблю в руки. Да. Когда король только пришел на берег, он сразу у ёго отрубил голову и сказнил эту царевну.

Потом пошел на двор разыскивать, где была эта девка-чернавка. Но она была посажена тоже в темницу, в ту, из которой она ёго выпустила. Но он ей ослободил и взял за себя замуж. И, конечно, повенчался и поступил на королевство.

И нача́л жить, и жил до глубокой старости.

АЛЕНЬКОЙ ЦВЕТОЧЕК

Нé в котором царстве, нé в котором государстве жил-был купец, у купца было́ три дочери. И все были они красавицы, но меньшая всех была красивее. А отец всё ходил за границу каждой год за товарами. И вот эти дочеря́ все заказывают ёму по обновке. Старшая дочь заказывает ёму: «Батюшко, привези мне хоть шелку на сарафан». Средняя: «Привези мне-ка батисту хорошего, самого дорогого». А меньшая просит: «Батюшко, привези мне аленькой цветочёк».

Ну, он всё это исполнял, а уж аленькой цветочек найти не мог. Двум старшим исполнил, а где он хранился, этот маленькой цветок, найти не мог. Когда он первой год пришел, то подал старшим дочерям эти подарки, а младша спросила: «Батюшко, а мне-ка привез ли аленькой цветочёк?» Она и заплакала: «Ну, вот, старшим сёстрам привёз по подарку, а мне нет». — «Ну, слушай, дочка, неужели бы я пожалел, не купил для тебя? Ну, ладно, дочка, успокойся, на другой год пойду, приму все меры, а достану».

И стала дожидать. Вот походит на второй год. Дочери опять стали наказывать подарки, там шелку, батисту или еще что, а она опять аленькой цветочек: «Мне больше ничего не надо». И опять пошел купец. Сказал команде: «Вот вы грузите такими-то и такими-то товарами, а я пойду разыскивать для своей дочери».

Старшим купил по обновке по хорошей, а ей пошел разыскивать. Вот он ходил, весь город обошел, у всех спрашивал, все сады обошел, нигде найти не может. Вот пришел на корабль, а там уж всё готово. Что делать? Простой добро́го платить. И так решился идти домой. Приходит он опять же домой и этим дочерям даёт по обновке. Она и говорит: «Ну, что, батюшка, а мне-то привёз?» — «Да нет, дочка, нигде найти не мог, уж я везде искал, спрашивал у всех местных старичков и старушек, где растёт такой, нигде найти не мог». Дочка опять заплакала: «Батюшко, всё-таки ты не можешь меня утешить, что я просила у тебя. Вот там сёстрам привёз, а мне нет». — «Дак ты бы то́ заказала, что и сёстры, уж я бы привёз. Успокойся, дочка, я еще на третий год пойду, постараюсь, может и найду».

Она успокоилась. И вот походит он на третий год. Она кря́ду ёму и даёт наказ: «Батюшко, уж если ты не найдешь, уж не знаю, что со мной и будет. Наверно, ты не ищешь. Этот цветок только меня бы и утешил, иначе я без него жить не могу». — «Уж ладно, дочка, наверно, найду, не уйду до тех пор, пока не найду».

Вот приходит он на третий год в город и говорит капитанам: «Вот вы грузите товары, покупайте в таких-то магазинах, грузите все двенадцать кораблей, а я до тех пор буду в городу́, пока не найду заказ дочери».

Вот он тогда их оставил, а сам пошел. Оставил город и пошел лесной дорогой. Вот идёт и идёт, и всё ёго тянет лесной дорожкой. Идёт по дороге и смотрит: стоит сад. «Вот зайду в этот сад, нет ли чего, посмотрю». Пришел в сад и смотрит, цветов до

чего, не окинешь взглядом. Воздух хорошей, ароматы по всему носит. Вдруг он и увидал: стоит аленькой цветочек. Подошел к этому цветку, и только что он дотронулся, сорвал его, вдруг такой сделался шум, гром, что прямо ужас, и какоё-то налетело чудовище и такоё страшно, что он не знает, что тут и деется. И вот это чудовище заговорило: «Ну вот, дорогой купец, коли ты этот цветочек хочешь взять, то я тебе даю, только отдай мне-ка дочерь. И вдобавок даю кольцо, я ей потешу. Пусть уж она поиграет с ним. И вот теперь на, ей это кольцо отдай. Пусть когда она поиграет, наденет на руку. А теперь и поди».

И так купец берет этот цветок да кольцо и приходит к кораблям, уж они были готовы. И поплыли.

Вот когда пришел он домой, принес и дочерям по обновке, какие они заказывали, уж я не помню, что они заказывали, каждой раз смённые. Отдал он им, а младшая и спрашивает: «Ну, как, батюшко, принес ли мне?» — «Привёз». Вот она очень обрадела, стала с им играть и уж больнё ей хочется узнать, где этот цветок живёт, сходить туда. Несет от этого цветка разными ароматами. И она стала спрашивать отца: «Батюшко, а где этот сад, где ты достал этот аленькой цветок?» — «О, дочка, далёко, за разными морями». — «Вот, батюшко, мне надо этот сад увидеть». Он и подумал: «Дать ей кольцо, она тогда и узнает, что это за сад». Но молчит, не даёт еще. Ну, дальше думает: «Ну как ни быть, надо дочь успокоить, чтобы ей не думалось». — «Ну, дочка, на тебе это кольцо, чтобы ты успокоилась до году. А потом когда этот год будет, я тебя возьму на корабль, увезу в этот сад».

Так, ладно. Вот когда она одела только это кольцо, и в ту же минуту образовалась в этом саду, и до чего ей понравилось. Она и думает: «Да как же я образовалась в этом саду? До чего здесь хорошо!» Духи, растения, дворец стоит, блестит, что облитой золотом! И до чего ей стало весело, что она не знает, что делать. Вот ей так жить хорошо, что она не знает, как время идёт. И тут же аленькой цветочек. Пережила этот день, и зашла во дворец, и пошла в свою спальню. И смотрит, такая убранная хорошая кровать, пуховая кровать, всё ковровоё, зеркала, духи, ну, такое удовольствие! Ее одолел сон, она и заснула. Вот она, конечно, проснулась, пошла к столу. Ну, чего только нет на столе! Играют музыки, весельё, чего бы только она не задумала, у ней всё есть.

И раз она сидит, пьет чай и себе и думает: «Кто же это такой у меня есть благодетель, кто меня так держит? У меня всё здесь есть, чего бы я ни желала, я и дома так не живала, у меня всего хватает. Покажись, хозяин, кто ты есть такой». И вдруг раздался голос: «Слушай, прекрасная Олександра, я бы и показался тебе, но ты меня испугаешься. Я тебя всем тешу, что ты захотела, аленькой цветочек, бери все, что пожелаешь, но показаться я тебе не смею, я уж больнё страшен, ты испугаешься меня». А она ему опять и говорит: «Ну, покажись, хозяин, всё равно, я, быват, тебя и не забоюсь». — «Ну, ладно, потешу я тебя, покажусь, только смотри, не бойся».

И вдруг выплыло такое чудовище страшно, она и в обморок упала. Полежала, пришла в чувство, он и спрашивает: «Ну, что, видела теперь?» — «Ничего, хозяин, это хорошо, что ты оказался, теперь я тебя бояться не буду». — «Ну, вот, и живи, я тебя буду тешить, что ты ни захочешь, всё исполню для тебя, только живи, Санечка».

И вот она после этого пошла в сад, и там ароматы, духи, до чего ей весело! Любуется аленьким цветочком и вспомнила: «Что как бы мне увидеть родных!» Когда она спомнила, что ей хочется повидать родных, он и говорит: «Ну, так что, Санечка, пойди сходи к родным. Только аленького цветочка не бери, а у тебя есть кольцо, только подумай, и будешь здесь. Только не долго живи там, не больше, как неделю, а потом возвращайся домой».

А когда она исчезла из дому, ушла, то прошло несколько лет. Отец с матерью стали очень печаловаться, что у них дочь пропала: «Напрасно я ей дал кольцо. Не иначе как ее какой дух унес». И вот она отправилась домой. Вот она не взяла аленького цветочка, оставила его здесь. Вот она задумала и оказалась дома. Когда она домой пришла, то мать-отец до чего обрадели! «Да что ты, дочка, мы уже тебя несколько лет не видали, соскучились, да как ты живешь, хорошо ли тебе там?»

Долго они ей спрашивали, она все рассказывала: «Жить мне хорошо, до чего там весело, каких веселий нет, духов, цветов, всего! Хозяин кормит меня хорошо, одёжи много, у вас ничего здесь такого нет. И я здесь долго жить не буду, опять же уйду к моему хозяину. И мне хозяин не велел долго жить у вас, а то ёму будет скучно без меня».

И вот, конечно, она прожила, не знаю, сколько у неё там прошло, неделя или больше, и вспомнила про аленькой цветок: «Ой, сколько я прожила, наверно, много. Надо мне полететь домой». Спомнила про аленькой цветок и полетела домой. Когда она только туда явилась, сразу побежала в сад этот, где аленькой цветок. Приходит к этому аленькому цветку, а смотрит, ее хозяин обвил этот аленькой цветок рукой, совершенно мёртвой. Вот она обняла его и стала плакать: «Кто же меня теперь утешать будет, ведь я осталась теперь сиротой! Как же жить буду! Кто станет меня кормить, поить, кто улаждать будет! Не стало тебя, милой хозяин!»

Тогда вдруг такая сделалась страсть, гром, стон, трескоток! Она сильнѣ забоялась, упала в обморок. Когда она только очумела, то смотрит, такой красавец стоит перед ей и приводит ей в чувство. И сад тоже остался, а дворец стал еще лучше, хоть и тот хорошей был. И говорит: «Ну, стань, Санечка моя, я — царевич. Ты обласкала меня и тем спасла. Многие были у меня, да никто не захотел спасти, а ты обласкала и теперь будешь моей женой, знать, нам здесь и судьба. Теперь ты спасла мою жизнь, и пойдем с тобой под венец». Она подала ёму руку и заходит во дворец. А там уже князя, бояра, встречают их слуги, везде полно людей.

Весѣлым пирком, конечно, да за свадебку. Повенчались и стали они жить да быть со своей прекрасной Олександрой.

Нé в котором царстве, нé в котором государстве жил-был крестьянин, конечно, жил он ни богато, ни бедно, а так, средне. И жил он двое со старухой. И вот всё им было жить хорошо, только не было никого детей у них. В одно прекрасно время старуха и говорит: «Слушай, старичок, у нас нет детей и не будет, а я вот слыхала в одном месте, как можно достать детей». — «Ну-ко, говори, бабушка, как можно достать детей, как мы уж стали стары?» — «А вот как: сходи в лес да выруби кусок сóсны и сделай из сóсны пáрня, не живого, конечно, а из сóсны, и вот принеси ёго мне, а я положу в зыбку и буду качать три годú, и вот родится у нас парень. Вот поверь меня, а я слыхала; испытajem».

Вот старик так послушал ей, пошел в лес и сделал, знаешь, из сóсны парня. Принес ей: «Ну, старуха, на, не лень, дак качай три году». — «Уж я постараюсь, буду».

Так. Старик, конечно, работает в поле, а она качает. Сготовит обед и опять качает. Так качает, качает, и вот проходит три года. Дело сделалось к весне, старику надо сеять да пахать,— делать свое дело. Так. Раз старик уехал в полё пахать, а уж сполнилось три года. Вот она качала, вдруг выходит сын и говорит: «Здравствуйте, маменька, вот я родился». Та и обрадела, прямо стал на ноги, вышел из зыбки и заговорил. «Родился-то ты хорошо и заговорил, ну, не знаю, как тебя звать стать». — «Ну, зови меня Иваном Сосновицём».

А она приготовила обед. «Вот обед-то дедушке и готовой, да ты еще не можешь снести, как ты еще малый. А надо мне самой понести дедушке обед». — «Ну, мама, собирай, я понесу, найду, где он в поле работает, пойду по полям, найду». Она собрала ёму все в корзинку: «Ну, неси, если можешь». Указала ёму полосу, куда нести.

Иван Сосновиц и пошел. И вот идет, идет, идет и увидал старичка, который работает. Он ёго узнал, конечно. «Здравствуй, дедушко, мой отец ты будешь». — «Я тебя не знаю, сынок, ты еще мáлой, ты скажи, кто ты есть, тогда я тебя узнаю». И вот он и говорит: «Вот что, дедушко, ведь я есть Иван Сосновиц, мать моя качала меня три года, вот я и вырос. И принес тебе обед». — «Ну, и хорошо, коли ты такой малый и принес мне обед. Ну, садись вместе со мною обедать». — «Нет, я не хочу, а ты дай мне кобылу, я попашу». — «Что ты, что ты, сынок, ты еще малый, не можешь». — «Нет, я попашу». — «Ну, попробуй». И вот старик думает: «Ну, раз просишь, так что же делать, попробуй».

Вот берет сóху и запрягает кобылу, а старик ест. Вот взял сóху и так упер ей в землю, что кобыла тянуть не может. «Нет, слушай, Иван Сосновиц, тебе не пахать на моей кобыле, ты очень упираешь ей в землю, она не может снести твою силу, ты очень сильный. Отпусти ей, пусть она немножко травы пощиплет, и садись со мной обедать. А я после обеда немного отдохну, потом ты сходишь и приведешь ей».

Вот, конечно, он отпустил кобылу травы щипать, а сам сел с ним. Дедушко пообедал и повалился спать. Вот дедушко встал со сна и говорит: «Ну-ко, Иван Сосновиц, сходи, приведи кобылу а после ты пойдёшь к своей матери, а я после приду».

Вот, значит, он пошел за кобылой. Приходит к кобыле, а уж волк — медной лоб съел кобылу у них. И бросился на него: «Съем, мол, тебя». И допустил его близко, схватил его за ноги и бросил назень, да так, что осталось только мокро от него, только земля задрожала вся. И пошел к старику. И пришел к бабушке и говорит: «Ну, отец, волк — медной лоб нашу кобылу съел». — «Ой, Иван Сосновиц, как же он тебя не съел?» — «Нет, он меня не съел, а я его убил, больше уж он ни у кого кобыл есть не будет». — «Ну, пойдём тогда домой».

И пошли. Старик думает: «Нет, это мне тоже не кормилец будет, уж раз волка убил, так порядочной богатырь».

Приходит к своей старухе. Старуха и спрашивает: «Ну, так что прочь, старичок, пришли со сыном?» Старик начал рассказывать про сына и про волка: «Вот принес мне сын обед, и я сел есть. Сел есть, он и говорит: «Дай мне-ка, я буду пахать». И я не мог отказать. Взял он соху, запрёт кобылу и так соху запустил в землю, что еле видно, и кобыла не может идти. Я и сказал: «Отпусти ей, пусть траву щиплет». И вот мы ее отпустили, потом я немножко отдохнул и сказал: «Ну-ко, Иван Сосновиц, походи сходи, приведи кобылу». А в это время он пришел за кобылой, а уж волк — медной лоб у нас кобылу съел. И вот он схватил этого волка за ноги, как ударит этого волка о землю, так вся земля задрожала. Убил этого волка, вот мы и пришли поэтому домой. И слушай, баушка, — потом он ей и говорит, — опять же он нам не кормилец, думали, кормилец, а нет. Наверно, он у нас жить не будет».

Иван Сосновиц это все слышит, что они говорят, хотя стоит недалеко.

И вот они переспали ночь. На другой день Иван Сосновиц и говорит: «Вот, отец, походи-ко в кузницу да скуй мне топор, а я пойду вам дров порубить, у вас дров мало». — «Какой тебе, Иван Сосновиц, надо топор?» — «Да в пятьдесят пудов».

Старик пошел, конечно, в кузницу и заказал кузнецам топор в пятьдесят пудов. Кузнецы сказали: «Мы, конечно, скуем, только пусть сам за ним придёт, мы не можем его принести для твоёго сына».

Вот, конечно, они начали ковать. Он приходит к сыну: «Вот, сынок, сходи сам за топором, они уж куют, но никто принести его не может».

Иван Сосновиц сам пошел в кузницу. Приходит в кузницу. Кузнецы и говорят: «Ну, бери топор, вот он лежит, мы его нести не можем».

Иван Сосновиц берет топор одной рукой и пошел домой. Пришел он домой, конечно, к матери, к отцу и говорит: «Ну, теперь пообедаем, а потом я пойду дров рубить».

Пообедали. Иван Сосновиц пошел дров рубить. Рубил он целый день. Приходит вечером домой и говорит: «Ну, отец, мало же сёгодня я нарубил, только пятьдесят сажен, топор легкой. Пойди завтра, закажи в кузнице топор в сто пудов, а я пойду еще завтра дров рубить». *(Это уж не рубил, а ломал.)*

И старик пошел кряду же в кузницу и заказал топор в сто пудов. И вот кузнецы, конечно, начали ковать. Приходит на другой день, берёт топор, пообедал и пошел в лес. Вот он пошел в лес, порубил до вечера, пришел домой и говорит: «Ну, отец, нарубил-то я мало, только сто сажен, топор легкой. Пойди, закажи завтра в кузнице топор в полтораста пудов».

Старик кряду же пошел, заказал в кузнице топор в полтораста пудов, чтобы к утру был готов. Кузнецы не смеют отказать и к утру опять сковали. Утром стает со сна, пообедал, пошел в кузницу, а из кузницы прямо в лес. Приходит в лес, конечно, и рубит он целый день. Вечером приходит и говорит: «Ну, отец, сёгодня я порядочно порубил, полтораста саженой, да топор легкой, ну, уж вот теперь вам хватит на целый век. Больше я тебя да кузницей затруднять не буду».

И взял эти три топора и стащил в кузницу. Ну, делайте теперь что хотите с топором.

И сам пришел опять обратно домой и говорит на следующий день отцу: «Ну, отец, сходи еще в кузницу, пусть скуют кузнецы мне-ка палицу в триста пудов, такую, чтобы эта палица не гнулась и об камень не ломалась и чтобы через сутки была готова».

И вот старик пошел заказывать. Сам боится. «Хошь бы ты, однако, ушел, уж мне не кормилец».

И вот кузнецы, значит, и куют эту палицу. Куют, и куют, и куют; сутками сготовили, как попало, тоже боятся, какая будёт. Вот приходит он в кузницу на второй день. Приходит в кузницу и говорит: «Ну, вот, Иван Сосновиц, вот тебе палица, бери, а уж мы ей поднять не можем».

Вот когда он взял в руки эту палицу, нагнул только, она вся в дугу согнулась, и сказал: «Если вы мне хорошо не сделаете, то вам плохо будет, я приду завтра к вам».

Так им пригрёзил, что кузнецы сразу взялись за работу. Вот он пережил опять сутки. Приходит в кузницу, взял палицу в руки — не гнется, бросил о камень — сломалась. «Ну, ребята, сделайте так, чтобы она и от камня не сломилась, а тогда я вам заплачу».

Вот уж на третий день приходит, берет эту палицу — не гнется. Поднял кверху, бросил — чуть погнулась. «Ну, ладно, ребята, уж больше я вас тревожить не буду».

Заплóтил кузнецам, уж какой уплаты они отроду не видали, и пришел домой. И вот он, значит, когда пришел домой, и говорит: «Ну, отец, мать, пеките мне теперь подорожнички, а я пойду, куда меня голова несет, так что вы меня больше не увидите». — «Ну, что же делать, пойди, сынок».

На второй же день это все было готово. Распростился с отцом, с матерью, насыпал им денег: «Вот, говорит, вам на старость, а дров у вас есть, живите на здоровье».

И так в путь-дорогу.

И вот пошел. Идёт и идёт со своей палицей. Вдруг пришел он к двум дубам, и стоит между дубам старик. Стоит и в руки тот и другой берет и поколачивает дуб о дуб. Он увидал и заговорил: «Здравствуй, богатырь Дубиня!» — «Здравствуй, здравствуй, доброй человек. Нет, не есть я богатырь Дубиня. Вот Иван Сосновиц волка убил, вся земля дрожала, вот это богатырь!» — «Ну, дак вот я и есть Иван Сосновиц». — «Возьми меня, брат, с собой». — «А куда?» — «Куда голова несет». — «Ну, пойдём».

И вот их стало двое. И вот идут себе. Пришли они к двум горам. Стоит человек между горами и изредка поколачивает, гору о гору поднимает. Вот он и заговорил: «Здравствуй, богатырь Горыня!» — «Здравствуй, здравствуй. Не есть я богатырь Горыня, вот есть богатырь Иван Сосновиц, волка — медного лоба убил, так вся земля дрожала, вот богатырь!» — «Дак я и есть Иван Сосновиц». — «Куда пошел? Возьми меня с собой». — «Пойдём».

Вот пошли дальше. Вот шли-шли, приходят они к реке. Стоит богатырь, на усах людей перевозит. Иван Сосновиц и заговорил: «Здравствуй, богатырь Усыня!» — «Здравствуйте. Нет, не есть я богатырь Усыня. Вот есть Иван Сосновиц, волка — медного лоба убил, вот богатырь!» — «Дак я и есть Иван Сосновиц». — «Возьмите меня с собой». — «Ну, пойдём. А нам нужно попасть через реку». — «Ну, становитесь на ус по одному цёловеку, я вас перевезу».

И так всех перетащил через реку. А потом растянул свой ус: «Вы меня перетащите, и больше здесь перевозу не будёт».

Так и сделали. Вот и пошли они по дороге все вчетвёрóm. И шли, шли, шли они, конечно, так не близко место. Вдруг увидали, стоит дом, кругом ограда, дом большой. Зашли они в этот дом. Зашли в этот дом, а в доме никого нет. Смотрят: столовая, кухня, где приготавлиют кушанья. Иван Сосновиц и говорит: «Вот что, ребята. Во дворе есть волы, надо зарезать пять волов и сжарить. Ну, кто сёгодня будет за повара? Остаься ты, Дубиня, приготвь нам обед, а мы потом придем».

Вот Дубиня сходил на двор, зарезал волов и варит. Сварил, покушал немного, а сам все в окно поглядывает, что как долго товарищев не видать. Всё как будто чего-то боится. Однажды взглянул в окно, смотрит — бежит старик, сам с нокоть, борода с локоть, и сам сорок возов за собой сена тащит. Сейчас притащил, открывает двор; начал воды качать, волов выпускать и считать. Считал, считал — пяти волов по счету не хватает. «Э, говорит, кто тут у меня есть? Не кóрмит, не пойт, а моим интересом пользуется».

И побежал в избушку. Прибежал в кухню, смотрит — сидит Дубиня. Взял ёго за волосы, бил, бил, возил, возил, до того возил, что Дубиня ни с места. Выбежал на улицу, сунул под угол: «Ну, пускай этот угол не гниёт». И убежал.

Этот Дубиня лежал, лежал — опомнился. Опомнился и начинает под углом шевелиться. Вертелся, вертелся да и вышел. Пошел в кухню, смотрит — огонь погас под котлом. Зажег огонь, сам повалился на кровать. Вот приходят братья: «Ну, что, Дубиня, обед готов?» — «Готов». — «Дак вставай есть». — «Не хочу, угорел». — «Ну, не хочу, так не надо».

Вот сели они есть, суп выхлебали, мясо съели. Им показалось мало. Вот Иван Сосновиц и говорит: «Ну, вот, Горыня, ты теперь оставайся, а Дубиня пойдёт с нами. Готовь обед и зарежь сёгодня голов семь, чтобы нам хватило пообедать».

И ушли. Вот, конечно, это Горыня приходит на двор, берет семь голов, зарезал. Вымыл, поставил мясо и варит также. Варит, уже покипело часа три-четыре, мясо стало поспевать. Вынул кусок, поел в ожиданье, а сам все смотрит в окно: «Скоро ли придут товарищи, уже совсем всё готово».

Однажды сглянул в окно, смотрит — бежит старик, сам с коготь, голова с локоть, сорок возов за собой сена тащит. Прибежал во двор, начал опять воды качать и быков считать. Считал, считал — семи не хватает. Не хватает семи, — он и побежал: «Кто такой у меня здесь поселился? Не поит, не кормит, чужим интересом пользуется». Прибежал в избу и давай возить Горыню. Бил, бил, смял, выбежал на улицу, сунул под угол: «Ну, пускай и другой не гниёт».

А сам под тем не смотрит. Этот Горыня опять таким же путем вертелся там под углом, вертелся и вышел. Побежал скорее, огня подложил и свалился на кровать. Вот идут товарищи: «Ставай, Горыня, давай обедать!» — «Не хочу, голова болит, угорел». А вот Дубиня отвечает: «Угарна же здесь изба есть». Ну, сам не говорит, что тоже с ним было, молчит. Теперь они поели это мясо, им показалось мало. Иван Соснович и говорит: «Ну, вот что, Усыня, ты сёгодня останься, зарежь десять волов, чтобы нам поесть честь честью, а мы пойдем».

И вот собрались все трое, ушли. Вот Усыня сейчас идет на двор, зарезал десять быков, поставил варить. Вынул кусок, поел — хороша. «А долго братьев нет», — все поглядывает в окно.

И смотрит из окна — бежит старик, сам с коготь, борода с локоть, сорок возов за собой сена тащит. «Что такое?» Забежал во двор, начал быков считать, опять не хватает, теперь десяти уже. «Что такое у меня творится, каждой день завелось, что быки теряются. Не поит, не кормит, а чужим интересом пользуется».

Забежал в избу, хватил Усыню за усы и давай его таскать. Усыня ничего не может с ним делать. Бил, бил, таскал, выбежал на улицу, сунул под угол: «Ну, пускай и третий угол не гниёт». Усыня подумал: «Ну, наверно, такая же честь и братьям была; оттого, наверно, им и угар был».

И начал также под углом шевелиться. Вышел, пришел в избу, видит — все потухло. Он зажег огня, растопил и свалился на кровать, не может больше. Вдруг слышит, что идут братья. Вот

спрашивает опять Иван Сосновиц: «Ну, суп готов?» — «Готов». — «Так ставай есть». — «Не могу, угорел очень, голова болит».

Ну, сели они есть, поели, мясо все съели. Иван Сосновиц и говорит: «Ну, так вы все подьте, а я останусь, что у вас за угар?» Вот они все собрались, пошли и говорят: «Ну, да ладно, будет же и тебе такая честь, Иван Сосновиц, какая нам была».

А Иван Сосновиц пошел на двор. Пошел на двор и зарезал двенадцать волов. Притащил, намыл, заставил и ходит по комнатам, песни поет. Посмотрел, мясо готово. Вытащил кусок, поел и опять поёт: «Что-то долго братьев нету. Что у них было за угар? Никакого угару нет».

И видит в окно — бежит старик, сам с нокоть, борода с локоть, сорок возов сена за собой тащит. Забежал во двор, начал воды качать, быков поить. А он выходит, попевает песню. Старик считал, считал — не хватает двенадцати. «Что такое? Кто у меня поселился? Не кормит, не поит, а моим интересом пользуется».

Побежал в избу — давай возиться с Иваном Сосновицём. Возились, возились — ничего с Иваном Сосновицём сделать не может. Иван Сосновиц ёму всю бороду обёрвал, осталась только что одна голова. Захватил в обе руки голову эту, взял молоток, гвозди и прибил к стенке, только голова вертится. Вдруг слышит, идут братья. А голову он затащил, прибил в другую избу, только дверь немного полая. Приходят: «Ну, садитесь, ребята, обед готов». Они думают: «Что такое?»

Сам садится с ними есть, а дверь-то полая. Вот они в щелку и видят — голова вертится. «Смотрите, братья, угар-то наш!» Иван Сосновиц услышал: «Ну, что, ребята?» — «Да мы говорим, вон старик, угар-то наш». — «Да вы что мне раньше не сказали?» — «А мы потому не сказали, что кто из нас сильнее будет. Теперь видим, что ты всех сильнее».

А вот старик вертелся, вертелся да со стены и сорвался, и покатился по полу. Они за ним вслед. Иван Соснович за палицу, да за ним, а он катился, катился да в яму. Они и не застали, он и укатился в подземельё, им делать уж нечего. Вот Иван Соснович теперь и говорит: «Знаете что, братьё, этот старик, он справится да на нас пойдет войной. Теперь нам нужно кому-нибудь спуститься да убить ёго там».

Ну, а яма была прямо непомерной глубины. А Иван Соснович говорит: «Ну, теперь пойдём на двор, наделаем ремней, нать нам его убить, а то он на нас пойдет войной, не сделаться тогда нам будет».

Они пошли во двор, зарезали всех волов, которы оставши были. Ремней нарезали и пришли в яму. «Ну, кто пойдет?» Все отказались. Иван Соснович: «Ну, пойду я. Только когда приду обратно, вы меня дожидайтесь». — «Ладно».

Вот ёго спустили в яму. Когда спустили ёго, то аккуратно хватило этих ремней до земли до самой. Он пошел со своей палицей.

Вот шел, шел, шел — стоит домик. Он и заходит в этот домик. Смотрит — сидит девушка красивая и шьет. Как стегнёт, —

так солдат выскочит, как другой раз стегнёт, — так другой выскочит. Он начал у ней спрашивать: «Что, девушка, шьёшь-кропашь, на кого силу сгоняешь?» — «А я сгоняю силу на Ивана Сосновица, так что Иван Сосновиц всю бороду у моего батюшка вытащил, еле прибежал. Так что нужно силу сгонять, а потом на ёго воевать пойдёт». — «А брось-ка, девушка, швейку в печку, я ведь тебя замуж возьму, как обратно пойду».

Она и бросила. Рада, что он сказал. Он поотдохнул, поел, конечно, у ей и пошел дальше. Идёт, идёт и идёт, также приходит в домик. Заходит в домик, также сидит девушка, шьёт, еще красивее той. Как стёг стегнет, — два солдата выскочит, еще стёг стегнет — два выскочат. «Что, девушка, шьёшь, на кого силу сгоняешь?» — «А сгоняю силу на Ивана Сосновица, так что он у моего батюшка всю бороду вытащил, еле домой прибежал. Так что надо силу сгонять, а потом пойдёт воевать на него». — «А он сейчас где?» — «А он еще далёко. Там есть третья девушка, он у ей». — «Брось, девушка, швейку в печку. Я тебя замуж возьму, как домой пойду».

Вот она и бросила швейку. Он у ней отдохнул и дальше пошел. Вот он дальше пошел, приходит он уж к третьей девушке, так те в избе сидит и шьет. Как стёг стегнёт, — так три солдата выскочит, как другой стегнёт, — так опять три. «Что, девушка, шьёшь-кропашь, на кого силу сгоняешь?» — «А сгоняю силу на Ивана Сосновица». Он и говорит: «Слушай, девица, брось-ко швейку в печку, а я тебя замуж возьму».

Она ёго послушала, сама накрыла стол и стала ёго кормить. Ну, эта была всех красивее. Он и стал говорить: «Ведь я иду ёго убивать, этого вашего дедушка». — «Ой, Иван Сосновиц, тебе ёго не убить. Хотя он и кругом утиреблёной, ты у него всю бороду выдрал, он лёжит сейчас в байне ранёной, а мы в это время силу приготавливаем, он нас заставил. Но сейчас тебе ёго не убить». — «А как?» — «Иначе тебе ёго не убить, как если я тебя не научу». — «Ну, так говори, прекрасная девица, научи. Если я не убью ёго, то и мне не выйти отсюда и не вывести вас». И вот как он сейчас лежит в байне, тут на берегу байна. Правда, ты сейчас к нему не ходи. А сейчас иди прямо к нему в сад. И в саду есть небольшая комнатка, а в этой комнатке есть шкапик. Открой дверь, и там стоит две бутылочки на правой руке и две на левой. На правой руке стоит две бутылочки с живой водой, а на левой руке две бутылочки с мертвой. И вот возьми мертвую воду переставь, где жива стояла, а живую, где мёртвая стояла. И живой воды попей немного, много не пей. Когда попьешь, тогда выйди к байне, он лёжит на полку. Он не такой теперь, как ты видел; он такой большой старик лежит на полку, что ты устроишься. И чем ты его будешь бить? Есть ли у тебя что за собой?» — «У меня есть палица в триста пудов». — «Ну, вот и бей ёго, хотя с первого разу ты его и не разбудишь. И вот когда со второго, третьёго, он встанет и скажет: «А, Иван Соснович, ты здесь пришел? Я здесь с тобой разделаюсь». Засвищет на подмогу себе двуглавого змея. И этот

змея выскожит и побежит к этой избушке. Ему нужно будет попить живой воды для укрепления силы, а попьёт мертвой и околует. Вот к чему я велела тебе их переменить. А тогда уж делайся с им что хочешь, он будет свистать войска, а у нас уж войсков не будет, и тогда ты можешь его легко убить. А теперь ты пойдя».

Вот Иван Сосновиц, конечно, это все выслушал и пошел. Пошел кряду в сад. И зашел в комнату. Видит шкапик, открывает, смотрит — на той и на другой стороне по две бутылочки. Вот он живую воду переложил, где мёртвая была, а мертвую переложил, где живая была. Напился живой воды и пошел прочь, спустился к байне. Спустился в байну; открыл дверь, смотрит — старик лежит, и такой большевской, что прямо страшно, и подошел к нему. Подошел к нему и сейчас ударил его палицей. Старик с боку на бок повернулся, ничего ему не сказал. Он ударил его второй раз еще крепче. Старик еще повернулся и ничего не сказал. Вот уж он так ударил третий раз сильно, что с размаху выскочил потолок. Старик вскочил: «А, Иван Сосновиц, ты ко мне пришел? Ну, теперь ты мой! Выйдем-ко на волю». И начал свистать. Засвистал, змей поднялся, бросился в эту комнату, попил мертвой воды вместо живой и околел. Нет никого: ни войсков, ни змея.

Старик и заговорил: «Ну, курвы, обманули. Ну, да ладно, я еще тебе живой в руки не сдамся, сначала повожусь, а потом ты меня убьешь». Вот он, конечно, хотел старик возиться, но Иван Сосновиц ударил палицей по голове, старик и упал на землю. Иван Сосновиц ударил второй раз и размозжил его всего, осталось от него только мокро. Ну, потом пошел к девице: «Ну, вот, девица, я теперь убил этого старика». — «Ну, убил, Иван Сосновиц, теперь пойдём, я согласна с тобой идти».

И вот они собрались. Она ему даёт перстенёк и говорит: «Ну, вот, Иван Соснович, этот перстенёк храни, пока мы не придём в царство». Она была царская дочка. И она и говорит: «Ну, а других как же, возьмешь, что ли?» — «Как же, надо взять. Нас есть еще там три брата, они дожидают нас всех».

Вот он приходит, конечно, к другой и говорит: «Ну, прекрасная королева, пойдём». Та оделась, и пошли. И тая ему ничего не дает. И так к третьей пришли. Приходит к третьей, он тоже сказал: «Ну, одевайся, девица, я всех вас выведу, коли вы сослужили мне службу, преставлю всех я вас на Русь».

Когда они пришли, они и говорят: «Я — царская дочь, я — королевская, я — княжеская». Он и говорит: «Ну, я отдаю вас за братьев, а эту за себя возьму, а одному не достанется».

И вот они приходят к этой яме, где был ремень. Вот и начинает его трясти и говорит: «Ну, давайте, поочередно ставайте, а в последних я. Вас они вызданут».

И вот они начали здымать. Перву княжеску. Они и говорят: «Ах, какая девушка, хорошо!» Вторую выздынули. «Хорошо, коли бы третью достать». Он и говорит: «Ну, царевна, давай теперь ты подымайся». Она и говорит: «Слушай, Иван Соснович, ты сначала выстань сам, а потом подымешь меня, а то они тебя оставят

в яме». — «Ну, что ты, разве они меня оставят?» — «Ну, смотри, спомынешь меня. Их трои и нас трои, а то смотри, сам останешься. Слушай, ты меня выстанешь, а пропадут все твои труды. Ты убил змея, и я тебе не достанусь, останешься ты в яме навеки». — «Нет, они меня вызданут». — «Ну, смотри». И так он все-таки положил ей. «Ну, ставай, прекрасная царевна, подымайся».

И вот когда они вытащили третью и говорят: «Ну, вот, нам теперь всем по одной, если у него еще какая? Если нет, то мы, пожалуй, ёго и не потянем». Спрашивают у девиц. Те говорят: «Мы не знаем». А Усыня и говорит: «Нет, тянуть ёго все-таки надо».

Спустили ремень и стали тянуть. А Дубиня и говорит: «Нет, я буду не женат». Взял ремень, срезал, он и полетел обратно туды. Когда он полетел в яму, то царевна, конечно, им ничего не сказала, а сама подумала: «Говорила я ёму, а теперь все ёго труды пропали».

И так взяли они эти три красавицы и пошли в город. А про эти красавицы знал Кощей Бессмертной. И как узнал, что они пришли до царства, налетел на царство, отобрал этих красавиц, молодцев двоих убил, а третьёго ранил. И сам с красавицами улетел. А это царство все окаменело.

Пока этих оставим, теперь за Ивана Сосновица возьмемся. Ну, вот когда этот Иван Сосновиц пал на землю, пролёжал полсуток без памяти. Потом очнулся: «Ну, где я, черт возьми! Не послушал прекрасной царевны, вот опять в яме. Вот они что со мною сделали, братья. Ну, ладно».

И пошел обратно в подземелье. Потом приходит он к этой избушке. Ну, что, нет никого. Посидел, поел и дальше идет. Пришел уже в третью, ёму захотелось спать. Пóспал, поел, пошел на эту площадь, где убил старика. Потом пошел в сад. Глядит — около этого домика свалился змей, лежит. Ну, что, нет никого. Дальше пошел в чисто поле. Приходит в полё, смотрит — стоит большая сосна, и видит — стадо волов ходит само собой, без пастуха. Большое стадо. Вот он пришел к этой большой сосне, и сел, и слышит — на сосне кричат орловы дети: «Ох, спаси нас, молодец». — «Как я вас спасу, чего вам нужно?» — «Да мы голодные, мать улетела на Русь, долго нет, а мы голодные, подняться не можем». — «Дак вы что, есть хотите?» — «Да, есть». Он схватил вола, притащил, разорвал на мелкие части и дал им. «Ну, спасибо, Иван Сосновиц, а мать прилетит, она уж тебе отомстит, сделает, что тебе нужно. Только ухоронись, когда прилетит, чтобы она тебя самого не сглонула, она ведь большая».

Вот он стоит. Стоял, стоял, стоял, видит — летит какая-то сильная гора. Это птица. Дети и закричали: «Смотри, Иван Сосновиц, это мать летит. Ухоронись за дерево, чтобы она тебя не видала».

И вот он ухитился за дуб, она и прилетает. Вот они начали плакать, говорить: «Вот ты бросила нас, мы чуть не умерли. Вот кабы не добрый человек, мы бы и умерли». — «Да как он

спас?» — «Накормил нас, мы и живые». — «Ну, а где этот цѣловек, кто он есть?» — «А этот цѣловек Иван Сосновиц, остался здесь в подземелье». Вот она и начинает ему говорить: «Здорово, Иван Сосновиц. Ну, так что тебе нать за то, что ты моих детей покормил?» — «Да мне ничего такого не нать, сослужу мне-ка службу, если можешь». — «Ну, какú тебе, Иван Соснович, надо службу сослужить?» — «Вот вынеси меня на Русь отсюда, больше мне ничего и не надо». — «Да на Русь, Иван Сосновиц, лететь далёко, надо большие запасы иметь. А ведь ты, Иван Сосновиц, не легкой, тебя тащить, так надо большой запас иметь». — «Ну, я уж не знаю, какой нать запас; скажи». — «Прежде всего нужно убить сорок волов мне-ка в дорогу. И как полетим, ты мне кидай по полúволу в рот. И потом нужно сорок ведёр воды. Как полвола бросишь, съем, и так ведро воды. А теперь ты убил нашего старика здесь?» — «Убил». — «Вот сходи в евонный домик и принеси живой воды, мне даёшь немного и себе возьми с собой. Вот это все собери, притащи, а уж я буду готова, сослужу тебе службу, как ты спас моих детей».

И вот он пошел в это стадо, зарезал сорок голов, притащил это мясо и пошел в сад. Взял живой воды пузырек с собой и приходит к ней обратно. Она спустилась с этой лесины с большой, и он все привязал ей к крыльям. Сел он, они и полетели. Вот летят, летят, она оглянется, — он ей полвола да ведро воды. Летят, летят, а нужно было перелететь через три моря. И вот он так летел, все кидал. Второе перелетели, вот уж на третье вылетели. У его уж волов стало мало, всего десяток, а лететь нать целое море. Он стал ей поменьше кидать куски. Когда он стал поменьше кидать куски, она стала чаще оборачиваться и садиться стала книзу. Вот стал берег виднеться, а у него уж осталось только полвола. Она и говорит: «Ну, я есть хочу, а то я тебя брошу». Он дал ей последнего полвола и немножко живой воды. Она и приободрилась. Ну, подлетел он немного и говорит: «Есть хочу». А ему бросить больше нечего. Она и говорит: «Ну, Иван Сосновиц, вырезай хоть икры из ног да бросай мне, а то нам не долететь». Он ничё не говоря, икру вырезал да потом и другую, бросил ей. Так они добрались до берега. Когда перебрались через, стала она на землю, а он стать на ноги не может и говорит: «Ну, куда я теперь пойду, как стать на ноги не могу, слушай, орлица». Тогда она и говорит: «Ну, ладно, Иван Сосновиц, коли ты не пожалел уже икр своих, я тебе их обратно вытопню». Вот она и выкашлянула. «Ну, а теперь ты их ставь обратно да смажь живой водой, будешь здоров». Он вставил, смазал и встал. «Ну, а теперь остальную воду дай мне напиться, а то я не долечу. Ведь мне надо было тебя тащить да твою палицу триста пудов. Тебе она больше не понадобится, хотя ты еще много горя примешь дорогой».

И так распростился Иван Сосновиц с птицей, она выпила и полетела вперед.

И вот он идет, идет и идет, смотрит — лежит рать убита. Идет он по этой рати и увидал Горыню убитого. Посмотрел он на

него и пошел дальше. Дальше пошел, идет, смотрит — вторая рать лежит убитая. И вот подошел и видит — лежит Дубиня и тоже убитой. И он идет дальше. И видит — невдалеке виднеется пашище какоё-то, и тоже лежит рать убитая, ну все оно было спалёно. Вот, когда пришел к третьей рати, видит — сидит Усыня на кусту, ноги и руки отрублены и весь израненной, но только живой. Вот он к нёму и подошел. Вот он когда увидел ёго и стал спрашивать: «Ну, здравствуй, богатырь Усыня». — «Здравствуй, здравствуй, Иван Сосновиц, как ты сюда попал?» — «Да как попал! А где же твои братья?» — «Братья мои все убитые, и я в таком же положении». — «Ну, дак где эти красные девицы, которых я достал из подземелья. Скажи, почему вы меня оставили в подземелье, бросили, обратно не выпустили». — «Да слушай, Иван Сосновиц, я-то тут не виноват, я-то просил братьёв, что давай вытянем, а Дубиня как раз резал ремни, потому что ёму не достанется невесты. И, конечно, нам никому-то не досталось». — «А где они теперь есть?» — «А их унес Кощей Бессмёртной, а царство все окаменело. Он убил наши все три рати, прижгал, забрал этих девушек и улетел, и не знаю, где он есть». — «Ну, Усыня, я бы тебе уж не помнил зла, ну, а как у меня нет средств, чтобы тебя поправить, уж извини, я тебя убью, чтобы тебе не мучиться».

Теперь Иван Сосновиц пошел опять вперед. Вдруг видит — идёт два человека с копорулями. Он подошел к ним и спрашивает: «Куда отправились, молодцы?» — «Пошли узнавать к высоким горам, где Кощей Бессмёртного смерть, иначе нам не убить ёго, пошли разыскивать, так что он погубил наше все царство». — «Ну, так возьмите меня в товарищи. Я вам помогу, он мне нужён».

То они пошли дальше. Вот встречаются им, идёт два человека с лопатами, тоже по этому делу. Собирается компания цела. «Вы куды», — он спрашивает. «Мы идем к высоким горам узнать, где Кощей Бессмёртного смерть. Надо стать доставать». — «Возьмите нас». — «Пойдемте».

Идут дальше. Теперь идут, смотрят — идут два бурщика, и третий человек несёт сумочку, взрывчато вещество. И он спрашивает их: «Куда отправились, молодцы?» — «К таким-то таким горам, надо во что бы ни стало убить Кощей Бессмёртного». — «Ну, давайте вместе».

И пошли. Вот они приходят к такой высокой горе, что прямо голову заломить. Этот последний, который был с сумочкой, и говорит: «Вот, ребята, эту всю гору надо разобрать, а там ящичек, в нем смерть Кощей Бессмёртного. И этот ящичек надо еще разбить, а там яйцо, ёго надо раздавить. Ну, у нас силы, наверно, ни у кого не хватит». — «Так вот вы, молодцы, рвите, разрывайте гору, а уж этот ящичек я разобью и вам буду тоже и сейчас помогать».

Вот все принялись за дружно работу. Вот эти бурщики принялись за свою работу — бурить; срывальщик отрывал; копорульщики своими копорулями работали; лопатники лопатами сгребали

ли, а Иван Соснович большие камни руками отрывал. И в три дня они эту всю гору разобрали. И вот добрались до той подошвы, где лежал этот ящичек. Ну, этот ящичек не мог стоять на одном месте, так и вертелся с боку на бок, когда освободился из-под горы. Тогда и говорит бурщик: «Ну, ребята, кто из нас может теперь этот ящичек раздавить, не теряйте времени. Если налетит Кощей Бессмертной (*узнал ведь*), то, как схватит этот ящичек, нам его и не убить будет, он ведь силён».

Потом Иван Сосновиц вытаскивает свою палицу и так размахнул, что ящичек лопнул, и гром пошел по всем лесам, и осталось на этом месте одно мокро. Теперь говорит взрывщик: «Ну, теперь пойдем к Кощею Бессмертному, хотя его нету, он где-то летал. А мы пойдем к нему и возьмём этих девиц, которых он забрал. Хотя это твое дело, Иван Сосновиц, ты все это сделал, ты будешь у нас за старшего, хотя и мы помогали отчасти».

Так они пошли. Он шел наперёд. Вот и приходят они к Кощею Бессмертному в жилище. Иван Соснович пошел разыскивать этих девиц, а они остались смотреть помещенье. И чёго-чёго они только там и не видали, и долго Иван Сосновиц ходил по темному замку, ничего он не видит. Наконец, видит дверь, зашел туда, а там еще хрустальная дверь, а там сидят эти три девушки. А у них играют гусли-самогудки. Когда он пришел только, сразу они его узнали: «Ох, Иван Сосновиц, как ты пришел, ведь Кощей Бессмертной тебя убьёт». — «Нет, не печалуйтесь, красные девицы. Его нет, и я вас пришел, спас последний раз. И пришел я оттуда, где меня оставили братья, и видел я их убитых всех». — «Ну, а теперь, Иван Сосновиц, забирай гусли-самогудки, потому что весь наш город окаменелой. И когда придём туда, заиграй в гусли-самогудки, и весь народ оживёт. У нас будет житьё, и я выйду за тебя. А с остальными красавицами, воля твоя, хошь за кого хошь отдавай, хошь отпускай».

И вот он берет гусли-самогудки и пошел оттуда. И видит — братья роются в золоте и нагребают себе денег. Он и говорит: «Ну, берите себе столько, сколько вам надо, а мне не надо, я и так буду не бедной».

Вышли они все вместе оттуда из Кощеева жилища и подходят к городу, которой окаменелой. Заиграл Иван Сосновиц в гусли, и весь народ очнулся. Все было по-старому, и они сразу зашли в царской дворец с этими девицами, где сидел царь на своём троне.

Когда она пришла в царство своё, и подошла к отцу, и говорит: «Ну, отец, смотри на моего спасителя, он меня первой раз достал из подземелья, ну, его братья там оставили, а уж теперь он достал от Кощей Бессмертного». Тогда сказал этот царь: «Ну, ладно, дочь, коли так, достал он тебя второй раз, то он порядочно истерпел».

Сейчас пошел у них пир, игратья свадьба. Тогда Иван Сосновиц все это обсказал, что с ним случалось, как он родился, с конца

и до конца. После этого царь поставил ёго наследником, а после смерти своей оставил ёму престол.

И стали жить да быть до глубокой старости со своей царевной.

На том она и кончится.

УПРЯМАЯ ЖЕНА

Вот у одного крестьянина была жена. И она была до цёго упряма, что все делала напротив. Если он скажет — так, дак она обязательно другоёко. И все делает напротив. И вот он так к ней привык, что если ёму надо что испечь, ли сварить, или что сошить, или куда ехать, идти, он ей всегда уж говорил: «Ты, жена не пеки, ли там не вари, или не шей, или там, мы туда не пойдем». Одним словом, все, что надо, дак говорил напротив. Так к ней применился. И вот так и жил.

И вот приходит лето, конечно, сенокос, и он ей говорит: «Ты завтра, жена, ницего не стряпай». — «А вот состряпаю!» Уж он знает ей, дак так наоборот все и говорит. И она столько ёму надела, что он уж и смерти ейной рад. И надумал, тако раз дело: «Слушай, жена, не пойдем сёдне косить, день худой». — «А вот дак пойдем», — она ёму говорит.

Вот нацинает собирать с собой, наклал там хлеба, коё камней да коё-цёго и говорит: «Жена, ты не бери этого кошелёя, тяжелой он будет тебе». — «А вот так возьму!»

И взяла этот кошёлё. Пошли. Идут, а надо было переходить рецку по жердоцкам. Он, конечно, с лёгким кошелём перешел и говорит жене: «Пойдешь, ну, смотри по жердям не трясись, а то упадешь в воду». И вот она пошла. «Ну, смотри, жена, не трясись!» — «А вот да потрясусь!» И стала потряхиваться на этих жердях. Он еще предупреждает: «Не трясись!» Она еще пуще стала трястись. И черт ее хватил, оборвалась в воду. Ну, это каменьё и потянуло ей на дно. «Ну, слава богу, теперь я от тебя избавился!»

И пошел против течения, а там косили други сенокосцы. Пришел и спрашивает у этих людей: «Слушайте, товарищи, не видали ли вы моей жены, как она упала, дак не несло ли ей по реке сюда?» — «Да что ты, чудака, разве может цёловека против воды нести?» — «Да как же, она така противница мне всегда была, дак ей, наверно, уж понесло не по теченью, а напротив».

Ну, конечно, этот крестьянин после этого женился на одной вдовке молодой и стал жить по-хорошему.

СОЛОМА, ТЫ, СОЛОМА

Вот жил-был один старик со своей старухой. И он женился немолóдым, а она была молóдая. И вот она такая прихотливая была, всё посылала старика или рыбки хорошей наловить, или птиц настрелять — всё ей было мало. А она зналась с дьяконом.

Раз она говорит старику: «Пойди, старик, или вылови. или купи где-ка мне рыбы сёмги, потому что ты сам знаешь, я молóдая, а ты старой, и вот у молóдых людей всегда бывают разные прихоти».

Старик- пошел исполнять, что ёму говорит жена. Идёт себе в город, и попадаетея ёму старицок настрецу, тянет соломку в керёжи. «Здорово, старичок!» — «Здорово, рыбак. Куда попадаешь, скажи мне, рыбак?» — «Иду я старухины прихоти исполнять, так что она молóдая, а я старой; купить ей нужно сёмги или выловить». — «Слушай, рыбак, у твоей старухи прихотей много, а кошь, я тебе все ейны прихоти покажу?»

Этот старик знал все ейны прихоти. «Ты эти прихоти сам увидашь, только ложись ко мне в керёжку, и я тебя прикрою сололкой, они всё будут у тебя на глазах». Старик, конечно, согласился: «Давай, коли уж ты это всё знаешь». И повалился в керёжку, а старик прикрыл ёго соломой и потащил в то село, откуда был этот рыбак.

Притянул он к этой избушке, в самой ёгоной дом, и просится на квартиру. А там сидел уже дьякон. Старицёк стал проситься: «Спусти меня, хозяйюшка, переночевать». — «Да я уж не знаю, у меня квартира тёсна, куда я тебя спущу?» — «Спусти на одну ночь, хозяйюшка, ненадолго».

Старуха не спускает. Дьякон и говорит: «Да спусти старика, пусть он переночует, может быть, хоть нам чего расскажет: сказку ли, песню споёт. Спусти, пусть переночует». Ну, хозяйка и говорит: «Ну, ладно, дедушко, ноцуй, уж что же сделаешь!»

И вот они его спустили. Он и говорит: «Хозяйюшка, уж раз меня спустила, дак спусти и керёжку мою в избу занести, у меня там ценные вещи тянутся, мало ли что может быть на улице». Ну, и говорит хозяйка: «Ну, что же, уж раз так, тяни в избу, раз ценные вещи там, чтобы ты сумленья не держал».

Ну, вот он керёжку затянул, полóжил в подпорог. «Можно, хозяйюшка, это класть?» — «Можно, ничего». — «Вот, хозяйюшка, я повалюсь на печку, ваше дело путать не буду, только воды дай мне напиться». — «Ну, дак что, ложись, дедушко». Подала воды, и дедушко повалился на печку.

А рыбак когда ложился в керёжку, старик ёму сказал: «Слушай, вот когда я притяну тебя, и меня заставят песен петь. Я и запою, выпью рюмоцку и запою:

Солома, ты, солома,
Посмотри-ко ты, что деется дома!
Да на спице безмён,
Пусть достанется обём.

Это я буду петь до трех раз, а ты уж сам узнаешь, что надо будет делать». Это он предупреждал, когда рыбак валился в керёжу.

И вот старицек повалился на печку, вдруг хозяйка приносит вина, закусок и нацинают пить, угощаться. Когда они подвыпили, завеселели, дьякон говорит: «Слушай, дорогая, давай позовем старика-то, пусть выпьет с нами маленькую с дороги, и что-нибудь, может, старик не споет ли нам; это нам для веселья кстати». Вот, конечно, хозяйка и говорит: «Давай, дедушко, спускайся к нам, выпьешь с нами». — «Да нет, спасибо, дети, я устал да прозяб». — «Вот, вот, с у́стали да с дороги-то и хорошо, спускайся к нам».

Вот старицек, конечно, спустился, сел. Налили ёму стопочку. Выпил. Налили вторую. Старик выпил, закусил, и говорит дьякон: «Слушай, дедушко, а умеешь ли ты песен петь?» — «Я бы, отец дьякон, и спел, дак ведь, может быть, вам не понравится, у меня старинны песни все». — «Ну, спой, ницёго».

Вот он и запел:

Солома, ты, солома,
Посмотри-ко ты, солома, что деется дома!
А на спице безмён,
Да достанется обём.

Старухе и дьякону очень понравилась песня, и они заставляют ёго второй раз петь, а уж сами подгулявшись порядком. Он и второй раз спел. Когда он спел второй раз, они и говорят: «Спой еще, дедушко, раз! Да выпей стопочку и закуси».

Вот он выпил еще стопочку, закусил и третий раз запел:

Солома, ты, солома,
Посмотри-ко ты, солома, что деется дома.
Да на спице безмён,
(указал, где и взять)
Пусть достанется обём.

И вот когда он третий раз спел, из-под соломы выскоцил старик, взял безмен в руки и давай нахаживать. Сперва угостил дьякона так, что тот и домой едва ушел. И потом, конечно, и старухе немало было.

А потом и говорит старичку: «Ну, теперь сядем мы с тобой угощаться». И вот сели они. Трое суток он его угощал и говорит: «Но, спасибо тебе, что ты мне все эти тайны открыл. Вот тебе еще пятьдесят рублей больше, как ты сам знаешь, у меня, у бедного рыбака, нету». Старицек отказывается от денег: «Не надь мне твоих денег. Как ты мой гóдок, дак мне было охота тебе показать, что твоя старуха хочет».

Старички на том распростились, и после этого старуха жила со старичком тихо, спокойно и никуда ёго из дому не отправляла.

КОЗА-НИРЁЗА

Был-жил старик да старушка, а у него была дочь. Имел у себя одну козу. И очень старик эту козу любил, никому не доверял ей кормить, только дочери да сам. Раз он и посылает дочь: «Пойди покорми козу».

И вот дочь погонила ей в лес, поит, кормит целой день, гонит обратно домой. А старичок дожидает у ворот и спрашивает козу: «Коза ты моя, козинька, что сѣдне пила и ела?» — «Твоя дочка прогоняла меня целой денёк, а я съела один только листок». Осерчал старик и говорит: «Ну, старуха, завтра ты иди».

Вот погонила на второй день старуха козу в лес. Пасёт целой день, поит, кормит, а вечером ожидает старик опять козу домой и спрашивает: «Коза ты моя, козинька, что сѣдне пила, ела?» — «Гоняла твоя старушка целой денёк, я только успела схватить один листок». Осерчал старик: «Ну, ладно, завтра сам пойду пасти».

И вот ходит старик сам. Коза целой день ест, пьёт. Так целой день прошел. Обегает старик козу вперёд, ожидает дома навстречу: «Ну, коза ты моя, козинька, что сѣдне пила, ела?» — «Сѣдне побегала целой денёк,хватила один только листок». — «Ну, держи козу, сейчас пойду зарезу. Дай нож!»

Коза видит, что хозяин хочет ей резать, рванулась и бежать. И убежала из виду. Бежала, бежала, прибегает в зайникову избушку, завалилась на печь и лежит. Вдруг зайника прибегает: «Кто, кто в мою избушку зашел?»

— Я, грит, коза-нирѣза,
За три грѣша купленá,
Под бока лупленá,
Топú, топú ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком подмечу!

Зайнко испугался, побежал прочь. Попадает ёму навстречу лиса: «Что, зайнька, плачешь?» — «Не знай кто-то в избу пришел, не могу выгнать». — «Ну, пойдём, я выгоню». Вот пошли они; приходит лиса на порог и закричала: «Поди отсюда прочь!» Отвечает коза:

— Я коза-нирѣза,
За три грѣша купленá,
Под бока лупленá,
Топú, топú ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу
И хвостиком подмечу!

Лиса испугалась, прочь вернулась; и зайнко вслед бежит, плачет. Попадает волк навстречу: «Что вы плачете?» — «Да вот не знай кто-то в избушку зашел, не можем выгнать». — «Ну, пойдём,

я выгоню». И пошли. Вот приходит волчонок и кричит: «Кто в избушке зайнькиной, ступай прочь!»

— Я коза-нирѣза,
За три грѣша купленá,
Под бока лупленá,
Топú, топú ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
И хвостиком подмечу!

И волк опять же испугался, побежал прочь. Попадает им медведь: «Что ты, зайнько, плачешь?» — «Да не знай кто-то зашел в избушку, не могу выгнать». — «Ну пойдем, я тебе помогу». Вот пришел медведь и закричал: «Выходи прочь, кто здесь сидит!» А коза с печки отвечает:

— Я коза-нирѣза,
За три гроша купленá,
Под бока лупленá,
Топú, топú ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком подмечу!

Подумал медведь, испугался и прочь побежал. Вдруг идет петушок навстречу: «Здорово, зайнько, что плачешь?» — «Да вот забрался кто-то в избушку, не могу выгнать». — «Пойдем, я выгоню». И пошли. Идут, петушок вылетел на порог и закричал: «Кто в зайньковой избушке, выходи прочь!» Отвечает коза:

— Я коза-нирѣза,
За три грѣша купленá,
Под бока лупленá,
Топú, топú ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками истопчу,
Хвостиком подмечу!

Петушок нейдет и заговорил:

— А я иду на ногах
В красных сапогáх.
Несу косú,
Твою голову снесú
По саме плéчи.
Полезай с пéчи!

Коза так сильно испугалась, упала с пéчи, разбилась, тут и околела. Петушок да зайнько насилу вытащили ей, а сами стали жить да быть в избушке.

И до сих пор живут.

КАК ТРИ БРАТА ПОШЛИ ПОЛЁСОВАТЬ

Три брата пошли полёсовать и взяли хлеба и горшок или котел, чтобы там что-нибудь сварить. И вот они шли, шли, убили там коё-цёго. Сели поесть и сварили каши. Сварили каши и едят. Потом, когда поели, пошли дальше. Идут и нашли берлог медведя. Старшой и говорит: «Но, вы тут постоите, а я спущусь в берлог. И ёго там привяжу за нóгу, а потом мы вытащим и убьём».

И вот он пошел в берлог. Спустился туды наперед головой, а ноги у нёго торчат вверху. Братья смотрят. И вот как он спустился туды, ётал вязать медведя за ноги, а медведь схватил ёго и отъел ёму голову.

А братья-то всё были вроде как малоумные. Ждали, ждали они старшего брата, дожждаться не могли. Взяли потом и вытащили. Вот когда они его вытащили, один и говорит другому: «Смотри, головы-то у ёго нет». А другой отвечает: «Да хоть была ли у нёго голова-то?» — «Ну, как помнишь, кашу ели, дак борода у ёго тряслась, поэтому была у ёго голова».

Тогда заговорил средний брат: «Ну-ко, я пойду, посмотрю, что за медведь, что гóловы ест». Спустился средний брат таким же путём, как и старшой. Вот младший брат дожидал, дожидал и вытащил ёго. Вытащил и думает: «Что как я в деревню пойду да у мужиков спрошу, были ли хоть у моих братьев гóловы?»

Пришел в деревню и когда рассказал, пошли други охотники и убили медведя.

ПРО ЧАПАЯ

Вот нё в котором царстве, не в котором государстве, а именно в том, в котором мы с тобой живём, жил-был крестьянин, звали ёго Иваном. И у ёго было троё детей. Старшего звали тоже Иваном, среднего Петром, а младшего Василием. Василий Иванович по прозванию Чапаев. Жили они бедно очень, так что своих ловушек не имелось и также не было своих посуды, на которых нужно было выезжать на лов.

И вот крестьянин этот пóжил немного и помер. Осталась вдовка одна с детьми. И вот, когда выросли дети, в это время случилась война. Этих старших сыновей забрали на войну, остался один только младший Василий; и этому тоже приходила очередь идти на войну, потому что всех брали поголовно, кто только был трудоспособен к военному действию, не считались нё со старым и нё с малым. И вот когда очередь дошла до младшего сына, конечно, ёму пришлось идти тоже на войну. Распростился он с матерью и отправился на призыв. Вот идет он себе по деревне, а надо было ёму проходить мимо тетки. Жила тут же недалёко свонная тетка, мáтерина сестра. Он и думает сам себе: «Давай,— думает,— зайду к тетушке, прощусь, может, и не вернусь с войны».

И зашел. «Здравствуй, тётя!» — «Здравствуй, здравствуй, племянник, куда пошел?» — «Да вот, тетушка, на войну надо идти, старшие братья уж воюют, ну и мне приходится». Она ёму и говорит: «Слушай, племянник, вот я даю тебе кольцо, и это кольцо у меня еще от мужа, принес с турецкой войны. И в этом кольце такая волшебная сила, что никакая тебя пуля не возьмет и никакой тебя меч не сечет. Ну, кольцо будет действовать только на суше, а уж на воды такой силы у него не будет, так что остерегайся воды».

И так он пошел дальше. Вот приходит он на призы́в, и стали их обучать военному действию. Когда он выучился к военному действию, то начал участвовать в боях. И так он выучился быстро и так был силен, что уж ёго произвели в офицеры. И никакая пуля ёго не берет. Так. Вот он прослужил на войне три года, и эта война уничтожилась. Приезжает Василий Чапаев домой, и вот у него только была одна мать, братьев убили на войне. Пришлось ему жениться. Мать, конечно, не препятствовала. И вот взял он из своей деревни тоже у одного крестьянина дочь. Сыграли свадьбу, и стал Василий Иванович жить со своей женой. Вот прожили там год или два, родилось у них двое детей.

Так. Да, вот прошло немного времени, и прослышал Василий Иванович, что перешла власть Колчаку и Деникину, настала власть белая. Стали притеснять вольную большевицкую власть и гнать ее от силы орудия. Тут Василию Ивановичу стало очень обидно, что погинет весь трудовой народ, перейдет власть белая. Подумал Василий и размыслил сам: «Нет, лучше я еще раз пойду на войну, а уж не дам погинуть своей родине. А пуля меня все равно не возьмет». Да и говорит своей матери: «Ну, маменька родимая, я еще пойду на войну спасать трудовой народ, защищать власть советскую». Говорит ёму мать со слезами: «Эх, ты сын мой, была ты у меня последняя опора при старости. Было у меня три сына, вернулся только один да опять хочешь идти. Все поклали тама головы, и тебе покласть придется, коль походишь второй раз». — «Ну, мать, все равно пойду, не оставь ты моих малых деточек, если я умру на войне».

Распростился он с матерью и с женой, оседлал своёго воронá коня и поехал в Красную Армию.

Приезжает он в войска советские к красным командирам, поклонился и говорит: «Здравствуйте, красные командиры советские, я хочу служить в Красной Армии, хочу помочь своей родине, прогнать Колчака и Деникина, чтобы освободить трудовой народ». Командиры и говорят: «Здорово, молодец, а кто ты есть такой? Много бывает всяких, натреплют языком, а там глядишь и поминай как звали». — «Нет, командиры, я хочу доказать на деле, а языком трепать не охоч. А есть я вот из такой деревни, по имени Василий Иванович, по прозванью Чапаев». — «Молодец, Василий Иванович, ну, возьмем тебя в Красну Армию, только помоги нам».

Так. И вот наступил бой кровавой. Тогда скочил Чапай на коня и пустился на неприятеля, и начал он бить, как траву косить, колчакóвичей и денíкинцев. И так он сильно их бил, и ме́цём рубил, и копьём колол, приходилось и из нагана бить. Не переставал он бить их ни минуточки. И не прошло даже шесть часов, как всё полё было усеяно войсками. И этот Колчак не удержался и убежал с остальным своим войском.

Тогда вся Красная Армия поверила, и командиры все на деле видели. Вот солдаты и говорят: «Мы с Чапаем пойдём куда хошь в бой и никогда с ним не погинем».

Да, и вот не прошла неделя, как этот Колчак собрал опять войска́, даже в два раза больше, и пошел опять на Красну Армию. Вот пошел опять Чапай на второй бой, скоцил на своёго коня и в самую середину заехал вражеска войска, где стоял сам Колчак на передней линии. И начал так жестоко бить, как и в первой раз. И мечом рубил, и копьём колол, и носился как вихорь. И бил он их целы сутки. И ёго войска́, конечно, тоже помогали. Всё полё засеяли телами, но своих войсков потери было мало. Больше половины колчакóвичей убили, кого в плен взяли, сам Колчак еле-еле успел скрыться.

Вот после боя отдохнули, конечно, поели, попили, и пошел Чапай к Фрунзе. Фрунзе ёму и говорит: «Ну, Чапай, молодой ерой, вот даю тебе армию, иди теперь командиром на другой фронт. Уж Колчак опять войска́ набирает».

Да. Вот пошел Чапай со своим войском к реке Белой. И расположил он свои войска у одной деревни, ну, где белые находятся — не знают. Ну, надо во что ни стало узнать, где штаб Колчака. Вот и говорит Чапай своим войскам: «А что, ребята, кто пойдет со мной на вылазку, узнаем, где енерал Колчак стоит, а потом и все войско поведем за собой».

И вот много, конечно, вызвалось идти с ним, ну, он отобрал там так цёловек пятьдесят или там сто, и поехали. А уж дело к вечеру было. И встречает он по дороге одну там, одним словом, женщину. «Эй, тетка, куда идешь?» — «Да вот иду, командир, проведать мужа своёго в Красну Армию; да сбилась с пути, голодна, иду уж вторы сутки, не знаю, куда и попадаю». — «Ну, иди, тетка, мы тебя накормим».

И приказал Чапаев взять ей с собой и накормить. Вот и идет она с нимá. А эта женщина, она была полячка, обманула Чапая, она была послана от Колчака шпионкой. Ну, он этого ничего не знал.

Да. И вот доехали до одной деревни, как раз деревня на берегу реки Белой стояла. А уж там им мужики и рассказали, где колчакóвичи стоят, тут недалёко за лесом, так верст с десяток будет. Василий Иванович и говорит своим войскам: «Дак вот что, ребята, ночуем здесь, уж ночь нас застала, а наутри пойдём за своимá войсками».

Вот расположил Чапай свои войска и посты, а сами стали на отдых, отдохнуть нать перед боем. Вот заснули, и Василий Ивано-

виц спит, остался только один каравул стоять. А эта полячка не спит, дожидает. Дождалась, как Чапай уснул, и скорей к Колчаку прибежала и обсказала, где войско Чапаево стоит, а что главного войска с ним нету. Колчак, конечно, обрадел и сейчас дает приказ своим енералам поймать Чапая живого или мёртвого. Собрали енералы свои войска и окружили Чапая с трех сторон. Сняли посты и напали на них в ноцную пору, когда спал Василий Иванович крепким сном. Когда приступили белые к ихнему штабу, скочил Чапай со сна, видит себя окруженным и закричал: «Ставай, ребята, измена!»

Скочили чапаевцы — и за оружие. Ну, что, их, может, сотня и была, а колчакóвичей нагнано — тьма! Ну, красные в избах, дак держатся, отстреливают, ну, к себе не подпускают. А уж патронов совсем мало осталось. Вот и дает Чапай такой приказ: «Бежите, ребята, к реке, с суши не прорваться нам будет, а уж за рекой и войска наши близко, опять на Колчака пойдём».

Кинулись чапаевцы плыть через реку, чтобы прорваться через белых. Увидал Колчак, что Василий Иванович с войском бросились в реку. Кричит своим енералам: «Стреляй по реке, а уж если переплывут реку Белую, соберут свои силы, то нам всем живым не быть».

Вот колчакóвичи сейчас пулемет повернули и давай палить. Долго плыл Василий Иванович, а потом ёго в руку ранило, на воде уж кольцо не действовало, дак! Ну, он все равно не переставал плыть. Кругом стреляют, много тогда красных положили, а Колчак всё кричит: «Как мож, добивай Чапая, чтобы он не перебрался; стреляй по нему по одному».

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода ёго голову. Тут Василий Чапаев и преставился. А уж недалёко было от берега. Да, а уж свои войска на помóгу шли. Собрали подкрепленья и ударили на колчакóвичей и денíкинцей, разбили Колчака наголову и прогнали с советской земли.

Прославился Василий свет Иванович, по прозванию Чапаев. И почитают ёго по всей нашей земле. А семье ёго и матери дали пособие, не оставили в обидушку.

И теперь о нем все славится, ну, назад Василий не воротится. На этом она и кончилась.

Егор Иватович
Сороковиков-Магай

1868 - 1948

Тункинский край по праву считается одним из красивейших уголков Сибири. Долина реки Иркут и прилегающие к ней горы — Тункинские гольцы — издавна вызывали восхищение путешественников, сравнивавших здешние места со швейцарскими Альпами.

Со второй половины XVII века в Тунке появились русские люди, постепенно смешались они с местным населением — бурятами, и к середине XIX века, глядя на коренного тункинца, уже трудно было определить, русский он или бурят. Внешний облик в большинстве монгольский. Те, кто осознает себя русским, кроме русского, владеют еще бурятским языком. А буряты свободно говорят на русском. И те и другие знают русскую и бурятскую сказку, русскую песню и бурятский улигер.

В этой-то смешанной этнической среде и родился в селе Талое выдающийся русский сказитель Е. И. Сороковиков. Предки его по отцу были буряты, поэтому помнили в семье сказочника свое второе родовое имя — Магай. Отец сказителя был охотником, музыкантом-скрипачом, знатоком сказок. От него-то и перенял Е. И. Сороковиков свой основной репертуар.

Как сказочник Е. И. Сороковиков сформировался, еще будучи подростком. «Мы вместе с ним пасли коров несколько лет, — вспоминал один из его друзей детства, — и я хорошо помню, как он около огня, где мы варили варево, сидел с палочкой в руках, что-то всегда чертил и спокойно рассказывал о богатырях, которые одолевали моря и океаны, побарывали всех, кто стоял на дороге... Верно, в ту пору я тоже много сказок знал, но рассказывал их с пятое на десятое, а Егор, как большой, умел поведать, что делается в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. К нам часто в поле ребята приходили специально сказки послушать».

Ценили земляки талант Магая и в зрелые годы. «Рассказывать сказки приходилось большую часть на мельнице, в какое время придет молот, как приготовишь хлеб,— пояснял сказитель собирателям.— Приезжаешь на мельницу — даже принимают мешки мне-ка помогать. «Он седне будет рассказывать сказки!» И пускали через очередь. «Смелем тебе, только говори сказки нам!» Вот таким путем много приходилось сказок говорить. Но и на промыслу (на охоте) с товарищами приходилось говорить много. Ночь длинная осеновская. Делать нечего. Начинаешь сказки говорить, и у них настроение повышается».

Отец научил Магая грамоте. Е. И. Сороковиков был одним из немногих грамотных сказителей до революции. Сказочник очень любил читать. У него была своя довольно большая по тем временам для сельского жителя библиотека (книги по сельскому хозяйству, пчеловодству, домашние лечебники, лубочные издания). К 1925 году, когда с Магаем впервые встретились фольклористы, он знал Пушкина, Ершова, читал Владимира Соловьева и даже Фламариона. В советское время, став уже известным сказителем, он прочел Конан Дойла, «Хижину дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, «Князя Серебряного» А. К. Толстого. Прекрасно знал лубочную литературу. Не случайно в его репертуаре мы найдем традиционных для лубка «Еруслана Лазаревича» и «Бову-королевича». Знакомство с книгой наложило отпечаток и на манеру речи, стиль его сказок и лексику.

Добрую память оставил по себе сказочник в народе. «Удивляюсь, что за старик был! — вспоминал один из его земляков.— Веселый старик был, очень веселый. Что за память была! Хороший был старик шибко. Хороший охотник был, на все мастер, столяр, плотник, все-все мог делать. Охотился, через какие Саяны переходил пеший, интересовался шибко охотой». Другой его односельчанин отмечал: «Жил он умно, шибко за работой не гнался. Посеет маленько, столько, чтобы прокормиться, и сена немного покосит. А все по лесу любил бродить. Там всякие ягоды и травы собирает, ходит. Охотиться он не охотился, как его отец, а так просто какая-то страсть у него была ходить в лес. Еще он умел лечить. В травах лекарственных хорошо разбирался».

Сказителя Магая открыл для науки в 1925 году известный советский фольклорист Марк Константинович Азадовский. Затем в 1930-е годы с ним неоднократно работали А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. По инициативе ученых Е. И. Сороковиков выступал со своими сказками в Улан-Удэ, Иркутске, Москве. Он был принят в члены Союза писателей СССР. Незадолго до смерти сказочнику было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Бурятской АССР.

Литература: М а т в е е в а Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая.— Новосибирск, 1976; Мада-сон И. Сказочник из народа // Байкал, 1968, № 3. С. 148—149; Элиасов Л. Чародей сибирской сказки // Байкал, 1968, № 3. С. 147—148.

ЛЮБИТЕЛЬ СКАЗОК

Жил-был один крестьянин. Конечно, много прохожих разного люду бывало у него. Конечно, он так никого, никого не пропустил, чтобы кто-нибудь не рассказал сказку. Однажды приходит прохожий, просится ночевать. Он спрашивает его: «Умеешь сказки сказывать?» — «Что же, уметь не уметь, а ночевать-то ведь надо», — думает на уме прохожий да и говорит: «Умею, очень могу хорошо сказки сказывать».

«Ну, теперь, — думает крестьянин, — ну ладно, значит, все-таки нашелся сказочник».

Невестка ему наказывает: «Накорми сказочника хорошенько». — «Конечно-де, постараюсь накормить». Теперь старик его беспокоит: «Ну ладно, покушал довольно, теперь сказывай сказки». — «Ах нет, дедушка, людьми-то я не буду говорить, а расскажу только одному вам». — «Да где же будешь говорить?» — «Да вот у вас высокие полаты, мы двое залезем — я буду рассказывать, а вы будете слушать».

Старик и правду думает, что им хорошо — я буду лежать, он будет рассказывать, — кончено, так и сделаем, полезем на полаты оба.

Теперь старик, конечно, постелил себе помягче и уложился поудобнее. Теперь сказочник начинает рассказывать ему. Рассказал про Еруслана Лазаревича, про Бову-королевича — старик прямо изумился: наяву ли я, во сне такие сказки слышу.

До того он увлекся слушанием этим, глядит, перед ним что-то нечеловеческое: смотрит, медвежья морда торчит перед ним.

«Что же это такое, — думает, — в тайге я, нет ли, вижу медведя перед собою. Теперь, — думает, — не об сказках, а об спасении своем. Да стал себя осматривать, оглядывать, видит — лапы у него такие же вот медвежьи. Посмотрел лицо свое — тоже самое в шерсти. Смотрит на себя — тоже одежды нет, торчит медвежья шерсть на нем. Теперь он спрашивает своего товарища: «И все-таки раньше я считал себя человеком, а теперь смотрю на тебя, а ты медведь, я медведь — ясно, что мы медведи с тобой — звери, зиму пролежали, теперь приходится уж из берлоги выходить, а как выходить, прежде всего надо осмотреться».

Когда старик стал смотреть, оглядывать все это — видит двух охотников вооруженных. И просто это не охотники, а две его

невестки, конечно, у печки стряпают. Одна с клюкой, а другая с ухватом.

Тогда он спрашивает своего товарища-сказочника, — и уж считает его тоже зверем, — стал толковать, как спастись от охотников. «Давай выскакивать из берлоги, — сказочник говорит ему, — я буду прежде выскакивать». А старик говорит: «Нет, я буду прежде выскакивать». Тогда старику сказочник говорит: «Давай лучше будем скорей вылезать, а то, гляди, убьют, коли сзади останешься».

А как хотел он выскочить из берлоги — да из полатев-то, — и бух на пол. Две невестки, сыновья прибежали, заревели: «Что ты, что ты? Что с тобой случилось?»

А сказочник сидит на полатах, хохочет. Старик схватился: «Убирайся ты к черту! Таких сказочников век не буду пущать ночевать!»

А сказочнику только это и надо было. Давай бог ноги, лишь бы более сказок не рассказывать. С тех пор старик не стал пускать ночевать. Конец.

СКАЗКА

Были хозяйка и дворник. Хозяйка любила сказки слушать. Однажды приходит солдат николаевский. «Солдат, а ты умеешь сказки сказывать?» — «Да, — говорит, — могу. Я только с тем уговором, кто меня перебьет, тот сам досказывает».

Ладно, когда разделся, она стала его просить рассказывать. «Ты прежде напой, тогда сказки сказывать». Напоила, накормила. «Ну, начинай!» — «Ты прежде всего постель постели, чтобы было ловче рассказывать».

Теперь сказочник лег, легла хозяйка, а у дверей лег дворник, ее работник. «Ну, теперь начинай говорить!» Он ей и говорит: «Только не перебивай! Если перебьешь, будешь сама уже рассказывать».

И вот он начал рассказывать: «Не дай бог заходить к такой хозяйке ночевать, которая заставляет все сказки сказывать. Не дай бог заходить к такой хозяйке ночевать, которая заставляет все сказки сказывать...»

И начал это рассказывать. И говорил, и говорил. Хозяйка видит, что это не сказка, — ей надоело: «Что ты! Я тебя запустила сказки сказывать, а ты что это рассказываешь?» Он говорит: «А-а! Перебила! Сама и досказывай!» Она и принялась: «Кто пускает таких прохожих, да они надоедают со своею сказкою...»

Начала эти слова говорить. Работник говорит: «Ты докудова будешь ворчать своими разговорами? Мне спать не дашь!» Вот она и говорит: «Раз ты перебил, вот теперь ты и досказывай!» А сама завернулась в одеяло и давай спать.

А он, работник, говорил до самого утра, а тот уснул.

Не в котором было царстве, не в котором было государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь по прозванию Степанов. У него было два сына, старшего звали Федор, а младшего величали Иван-царевич. Федор стремился к царской жизни, а Иван стремился, наблюдал всю природную жизнь. Недолго пришлось отцу с ними жить, и скончался. Не оставив по себе как подготовленного к царской жизни. И пришлось старшему сыну занять царский престол.

Но не пришлось ему так жить, как холостому. Собрались все князья и бояре, стали ему подыскивать невесту. Нашли в известном государстве прекрасную царевну Феодору. И которая в жизни была ему совсем не по плечу. Об свадьбе мы не будем говорить, станем продолжать ихнюю жизнь, которой стала управлять сама царевна, всемя царскими делами.

А Иван-царевич находился всегда в уединении. Никогда он не участвовал в разных пиршествах и уклонялся от всех собраний. Поэтому царевне казалось это подозрительным, и она стала исходить, как бы погубить его.

Стала предлагать ему невесты. Где-то есть за морями, за реками и за горами, есть там терем, есть находится царевна одинокая. Ни слуг и ни рабов. Никому не известна ее странная жизнь. «Вот бы, Ваня, вам по сердцу». Народный слух ходил, что будто она занималась, эта царевна, людоедством. И она думала, что она его съест. И стала мужа своего, царя, как чтоб непременно снарядил он флот, направил своего брата за невестой.

Вот снарядили флот. Поехал Иван-царевич по синему морю-окияну. Ехал он месяц, и ехал он другой, и ехал он третий, и в четвертый прибыл он на незнакомый остров, где была страшная трупца непроходимая, где с трудом можно было пробираться даже зверю. Взял он трех приближенных солдат и пошел в ту страшную трупцу.

День идет и другой идет, на третий день доходят они — стоит избушка. Ожидали они — думали, что тут какая-нибудь живет старая ведьма в таком глухом лесу. И вот они стали стучать в эту избушку. И оказалось, что вместо старой ведьмы оказалась очень красивая дева. Приветствовала она их как хозяйка. И она сказала имя: «Добро пожаловать, милости просим. Откуда вы такие дальние гости, с чем вы сюда приехали и зачем?»

Стал ей рассказывать Иван-царевич по своей жизни. Что вот, настало ему время жениться, что он слышал от старых людей, где-то есть на незнакомом острове такая-то вот царевна, которая единственно будет ему по душе. Царевна рассмеялась. «Странно, — сказала она, — как это люди знают меня. Я-то вот и есть самая. Ну, только можешь ли ты быть моим женихом? И вот давай сейчас поедем вместе».

Она, значит, открыла свой ковер-самолет. Полетели они выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. «Ничем я не занимаюсь,— сказывала царевна,— пользуюсь тем только, что чем мир божий живет. Как, понравились ли мои занятия вам?» — «Очень даже доволен,— сказал Иван-царевич,— потому я и сам бы мечтал такую же жизнь».

И она сказала, что, значит, будешь ты моим женихом.

Посмотрели они на все диковинки на свете, вернулись они в ту же избушку. А уж тут солдат в живых не было. Остались от них только одни кости. И вот они полетели, где стоял ихний флот. Флот уже их обратно поехал домой, не считая уже в живых Ивана-царевича. А Иван-царевич вступил на ихний флот, на свой корабль. Ну и царевна сказала, что этот флот теперь нас знает. «Теперь мы этот флот превратим его в неизвестную сторону, а сами поедem в твое отцовское государство. Но только чтобы не было эта тайна открытая твоёмu брату и твоей невестке».

Пошел назавтра Иван-царевич (когда по приезде) к брату своему Федору. Приходит, спрашивает, где его брат. Брата его дома не было. Слуги сказали, что он теперь уже не царем. Брат так страшно удивился. «Чем же должен он теперь быть?» — спрашивает у слуг. «Дак ведь он уж теперь свиной пасет. Почему он не ученый политике, вот сама государыня правит всем царством».

Вот приходит он домой. Рассказывает своей царевне с горечью и со слезами. «Вот до чего довел брат себя — пасет свиной». Царевна удивилась, конечно: «Ну ты, Иван-царевич, выручай брата».

Вытащила она сундучок, в сундучке у ей было мыло и полотенце, велела ему она умыться этим мылом и утереться этим полотенцем. Теперь он стал похож как есть на брата.

«Теперь же ты иди в поле, ищи брата, где он пасет свиной. Скажи своему брату, что вот, я пришел тебя, любезный брат, выручать. Зачем допустил своей жене так властвовать над собою, и вот оставайся ты здесь в поле, а я пойду со свиньями во дворец. Заставлю ее, чтобы она опять стала любить тебя».

Конечно, брат пошел, отыскал своего брата, хотя уж физиономия осталась та же на нем, по наряду же своему и внешности он не похож был на царя. Каким-то уж был заброшанным замухрышкой. Брат его отдал почтение как царю и поклонился ему в ноги. Тот с удивлением хватает его: «Что ты, зачем такая почесть? Я ведь теперь не царь. Сам видишь ты, что я теперь свиной пасу седьмой год. Какой же вы это странный человек не знаете?» — «Конечно, я бы не знал, братец мой, которую изведал я от ваших слуг, как ты мог допустить себя, значит, в старое низкое положение?» — «Нельзя было, потому что она такая страшная колдунья. Когда ложиться приходилось с ней в спальне, одна ночь приходилась мне цельной вечностью, когда положит руку на меня, как будто бы я сижу в клетках. И вот она стала меня журить, что ты недостойн царского звания, а уж лучше я тебе дам полегче

службу. Тебе будет попросторнее ходить в поле со свиньями. Я-то и подумал — и вправду будет полегче, а пожить-то надо всякому. Вот моя жисть такая!» — «Нет уж, брат, мне тебя очень жаль. Уж ты теперь оставайся в поле — не ходи, а я пойду вместо тебя я, проучу я ее так, чтобы она видела, не давала над тобой такие разные издевательства».

Брат Федор удивился так сильно: «Да неужель же ты мог быть моим братом, который уже семь лет пропал бесследно? На такое на неизвестное место, где его могла заесть ведьма?» — «Нет, уже, брат, это не ведьма, а это уж настоящая невеста. Так ты смотри, когда будешь жить со своей царицей, никогда не пророни ей слова обо мне».

И потом они вот схватились в объятия два брата, стали обниматься и целовать друг друга.

И потом оставил брата своего в поле. Погнал Иван-царевич свиней, пригоняет он свиней во дворец и командует, как повелитель, над слугами: «Что вы все так это разбросались, ходите? Никто не знает своего места! Довольно слабо я дался вам, так попытал вас, какого направления вы ко мне! Это только жена моя так издевается, нет уж, теперь я — будет! Ради притворства походил. А вот уж теперь если хочет, так я буду отправлять ее свиней пасти. Если только будет любить меня, то и будет моей женой, а то иначе я с ей поступлю».

Слуги все так страшно удивились: «Смотри-ка, и верно не на шутку он высказывает себя так повелительно!»

Все с боязнью поглядели на него. Он никуда даже не угнал свиней, а сам пошел в царские палаты. И заходит прямо в царскую опочивальню. И охает: «Ах, как я сильно устал — надо будет отдохнуть!»

Живо, значит, горничная с удивлением побежала царице в кабинет, что государь пришел в спальню. Царица так страшно удивилась, что бы значило с Федором. Что это, разве он с ума спятил.

Сейчас же оставила все дела, и пошла в спальню, и топнула ногой на него, и заревела на него прямо-таки нечеловеческим голосом: «Что ты, мерзкой, так позволил пожаловать сюда?» Царь Федор садится на спальне: «Что это, государыня, правда или шутите?» — «Кака это шутка! Я сейчас велю вас убрать отсюда». — «Ах, вот что, — царь Федор говорит, — и вправду ты не шутишь!»

И соскакивает он со своей спальни. А эта уже побежала к нему за слугами, а он мгновенно вцапался в ее головные уборы и сорвал с нее, как будто бы с публичной девки. Она не в состоянии была с ним бороться больше. И была у него с собой нагайка, которой он пас свиней, и стал он ее пороть, и до тех пор порол, когда оставилась она без сознания. Без сознания он уложил ее на кровать. И когда она очуствовалась, и увидела коло себя Феодора: «Что же это, Федя, с тобой случилось так?» — «Нет уж, это не

со мной случилось, а с вами. Это я ведь только для притворства сделался пастухом, а на другой раз ты смотри, не вздумай опять такую же штуку проделывать».

Царица стала вся избитая, истрепанная. Стала просить царя Феодора, чтобы он ее простил. «Нет уж, простить-то пока я не прощу вас, а посмотрю, как вы будете вести себя. Тогда уж я буду вам приближенным человеком. А то уж я просто совсем отвыкнул за эти семь лет». Царица с воплем всего его целовала: «Нет уж, теперь я не позволю себе этого». — «Ну, и ладно, — сказал Феодор. — Снарядить сейчас же мне вот карету. Поеду я в поле и подберу там свои безделушки».

Царица строго распорядилась над своими конюхами: «Сейчас же чтобы было все это представлено, карета!»

Тотчас ему подали карету, и он выходит сейчас как не пастух во всем своем царском величии. Пышно он был одет, и усаживали его в карету слуги его. И он поехал в поле, где находился его брат. Когда он приехал к брату, незаметно оставил своих слуг с каретой, а сам пошел в ближний лесок, где его с нетерпением дожидался брат.

«Ну уж, брат, устроил для тебя все как следует. Только будь уж сам поаккуратнее, а то уж будет, пропадет твое дело — останешься навек пастухом. Смотри, ничуть не пророни никогда ей слова об себе и обо мне. Не ставьте себя в слабость как быть царем. Всегда чтоб была она у вас в большом подчинении. Теперь можете идти и садиться в карету и ехать обратно во дворец».

И брат его, значит, попросился, и они поцеловались. Пошел он к назначенному месту, где его стояла карета. Тут слуги его встречают, и подхватывают под руки, и садят с царским почтением, а он им дает такие строгие исполнения: «Будет, довольно, уж потешилась государыня!» И поехали они во дворец.

Царица его встречает у царских врат. Слуги подстилают ковры, по которым сходит царь Феодор в пышные зеркала. Там уже был подготовлен обед, и все стоят там, разнообразная знать. Которые все стояли с низкой покорностью. И он даже принял, не отдав имя поклона. Вот тут уж все-то и подумали: «Натворила теперь, значит, царица, теперь, пожалуй, всем-то нам придется нелегко!»

И после этого стал жить царь Феодор мирной жизнью, а царица так куда тебе стала! Ни в сказке сказать и ни пером описать — все ему представляла живности, а царь был как занят царскими делами, не обращал на это никакие внимания.

Иногда станут прогуливаться вечерней прогулкой, и всегда в одиночку.

Царица стала его подозревать. И у ней была верная служанка по прозвищу девка Чернявка, и она ей наказала, чтоб следить за царем, куда удаляется вечерней прогулкой. Девка Чернявка стала переболакаться в скомороха. И стала всегда на виду у царя. Всегда в незнатное время забавлят царя на пути его. А царю так очень

понравилось. Все ж таки хоть не один. Для людей-то не так будет заметно. И когда он подходил ко братной квартире, уже отсылал ее на проход по улице. Незаметным образом заходил он к брату, и это повторялось несколько раз. И все сопровождал его этот скomorох. А ему это очень нравилось. А когда девка Чернявка являлась обратно к государыне, что вот государь заходит неизвестно в какую квартиру, где нет никакого адресу. Царица стала удивляться, что не явился ли это его брат: она как его помнит, что он был способен на все.

И вот в одно прекрасное время, это уже было как семь часов, в спальне — жили они уже хорошою жизнью, наслаждались, и царица сумела как обойти царя. И стала ему говорить, что же мы живем в государстве, приходится этому всему народу покупать все с купли, продукты эти все и все такое: «Как бы это все приобрести нам. Я слыхала от старых людей, где-то за тридевять морями, за тридесять землями есть ходит вепря-кабан. Носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет, и тогда бы у нас государство было лучше». — «Дак не знаю, — сказал ей царь. — Может, я поищу таких людей». — «Ну, так ты уж, Федя, постарайся».

Царь-то вот тут и сказал, что есть у меня один знакомый человек. Я его спрошу, что, может, он и не согласится ли.

Вот при всей этой любезности он и выдал себя. Вот тут-то царица и сдогадалась, что у него есть брат жив-здоров. Вот она стала настойчиво и любезно просить его. Такие ласки представляла, что едва ли где встретишь, а царю так это и вовсе по сердцу было. Он дал ей честное слово, что я постараюсь.

И вот однажды вечернею прогулкой пошел он туда же, где его жил брат. Ну уж тут-то не было никакого скomorоха ради того, чтобы не было подозрений. Вот он заходит к брату и заводит речь: «Вот бы что, братец, я слыхал у родителя своего, где-то есть за тридевять землями, за тридесять морями, мол, есть ходит вепря-кабан. Носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет. Вот это бы недурно было нам приобрести. Не можешь ли ты, братец, это достать?» А брат его сказал: «Нет уж, братец, я немножко подумаю *(а ведь царь-то не знал, что у него есть царевна. Он думал, что как раньше он жил уединенно, так и теперь)*».

И когда он обращался домой, царица никогда не делала ему этих запросов, чтоб не было подозрений. А когда оставались, Иван-царевич стал говорить своей царевне, что, вот, брату его такого хочется достать: где-то есть вепря-кабан. Носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет, и вот как бы его достать.

Царица немного подумала и сказала, что, пожалуй, это можно: «Попроси у государя годовой паспорт».

Недолго это было, конечно, сделали ему. Представил паспорт.

В одну прекрасную ночь вынимает царица из сундучка ковер-самолет, и садятся они на этот ковер-самолет. «Подымайся, ковер-самолет, выше облаку ходячего, выше лесу стоячего».

Пролетают они на то утро в туё местность, где находится ве-пря-кабан. Носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет.

Царевна вынула платочек носовой и махнула на его платочек. Который (кабан) как будто бы приученой. Сразу пришел, и она сделала ему повеление, чтоб он пришел туда, где ихнее государство. А сами сейчас же на ковер-самолет и обратно домой.

Однажды приходит его брат: «Ну, как, братец мой родимой, придумал или нет, как его достать». — «Чего думать-то — завтра надо его встречать. Назавтра же одевайся как свинопасом и иди в поле; дам я тебе этот платочек, он встретится с тобой, этот кабан, набежит на тебя, хочет даже пожрать тебя. Махни на него этим платочком, и он будет смиренный, как приученный. И ты иди обратно, и он пойдет за тобою. И заходи во дворец, и он будет за тобою. И вот когда он во дворце будет пахать и будет хлеб расти — и ты давай распоряжение этот хлеб жать и убирать. И царица со страху будет в тереме, будет просить тебя, скажет: «Федя, убери этого кабана, поколь он эти все здания не перевернул». И дам я тебе посох, укажи этим посохом кабану, и кабан бесследно уйдет, а вечером являйся ко мне».

Царь приходит домой, просит строгое распоряжение у царицы: «Где же моя пастушеская одежда?» — «А для чего тебе?» — царица спрашивает. «Как же, мне же нельзя, кабан же ведь меня не узнает так».

Где бы они ни взяли, все ж таки слуги отыскали его старую одежду, все ж таки хранилась она где-то. И вот, когда принесли ему одежду, он стал одевать ее и говорит народу: «Ах, ведь это я одеваю ради удовольствия. Могу я владеть всем».

Надевает он котомку, отправляется в поле. Все с удивлением так на это смотрят, что бы это значило.

В поле навстречу идет ему кабан. Носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет. А как скоро увидел царя, он тотчас же хотел его пожрать. А как он вынул носовой платочек, махнул на него, и он как будто бы вкопанный и приученой остановился. И вот обратно пошел Феодор, а кабан за ним. Он не взирая на то, что во дворе так чисто и так убрано, когда уж так заинтересовалась царица, и он пошел по ограде — и вот вепря-кабан не глядит ничего: носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет.

Царь дает строгий приказ хлеб убирать и просит царицу повинаться. А царица-то со страху забежала в терем и с терему просит в трепете Феодора, чтоб он убрал этого кабана: «А то ведь, пожалуй, он и все тут у нас приворотит».

Царь Феодор показал ему посохом, и он пошел в чистое поле. Носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет. А там все же таки за ним убирают хлеб.

День прошел уже к вечеру, а царь Феодор отправился на вечернюю прогулку, а царица не успела опомниться с удивлением, она даже не могла его подозревать.

А он к брату — отдал ему платочек и посох. «Вот дак уж и, братец, у вас платочек и посох очень замечательные». — «Смотри, брат, помалкивай. Ничего, это все нам будет доступно».

И пошел брат домой. Приходит, и зажали они опять по-старому. Живут-поживают, жизнью наслаждаются, конечно.

Царь ничего этого не подозревает, а царица все же таки его выслеживала через девку Чернявку. И стала сумнение иметь: «Однако это брат все проделывает, не сам же он».

Однажды семь часов утра государыня опять-таки с царем так любезно обходится, все ему ласки предоставляет. Куда уж, в восхищении царь, не нарадуется всему этому. «А что же, Федя, я слыхала: правда или нет?» — «Что такое опять?» — «Старые люди говорили, когда я была еще в девицах, где-то есть за тридевять землями, тридесять морями, есть сорокопегая кобыла. На каждой пёжине у ей по сороку жеребцов. Это, знаете, сорокопегая кобыла. На каждой пезине у ей по сороку жеребцов — сорок пезин у ей было, и в каждой пезине табун — целое богатство в государстве».

Она стала его просить, нельзя ли воспользовать ему кобылу как-нибудь. «Ну и что же, — Федор сказал, — это я помогу. Я подумаю, можно ли ее достать».

И однажды он вечернею порою удалился на прогулку, конечно, и опять же к брату, любезным разговором с братом. Он опять же не указывает на царицу, а указывает на своего родителя покойного, где-то вот есть сорокопегая кобыла, и на каждой пезине по сороку жеребцов. «Может быть, это в сказке, а может быть, это правда. Если только правда, не достанешь ли, Ваня, так эту кобылицу?» — «Да где же это, братец, это ведь надо подумать!»

Очень даже благодарен остается брат, что думает. Ну уж думает: «Удовлетворяю-то я все-таки свою царицу».

И вот, значит, уходит брат домой. А Иван-царевич обращается к своей царевне. Рассказывает всю эту историю. Царевна отвечает: «Так, пожалуй, можно. Вот, пожалуй, сегодня же мы и поедем».

И вот она сейчас вынимает свой сундучок, а из сундучка вынимает ковер-самолет, и садятся они на ковер-самолет, поднимаются выше леса стоячего, выше облака ходячего. Тогда полетел ковер-самолет за тридевять морей, за тридесять земель, в чистое поле, в широкое раздолье, — там ходит сорокопегая кобыла, и так, значит, на каждой пезине по сороку жеребцов.

И вот тут-то она дает ему, значит, уздечку тесмённую и отравила его, значит, навстречу кобылице.

И кобылица на него кинулась, свирепо хотела забить его копытом. И он махнул на ее уздечкою тесменною. И он, значит, поймал ее на уздечку тесменную и приехал к царевне.

Царевна вынула чего-то и дала поесть кобылице и сама сейчас же на ковер-самолет. И обратно в путь.

Вечерком приходит к нему брат: «Ну что, как, брат, придумал, как, можно ли кобылицу достать?» — «Да что, брат, завтра же одевайся в свою пастушескую одежду. И на вот тебе ветку зелени и вот эту уздечку. Когда кобылицу ты увидишь в поле, махни на ее этой уздечкой, и она станет как вкопанная. Надевай на ее уздечку и веди в государство, а когда не понравится твоей царице эта кобылица, то вывести ее в улицу и скормить ей эту ветку зелени. Тогда может она удалиться».

И вот приходит брат домой очень так свирепой, и государыня приходит ему в спальню, спрашивает его: «Что, Федя, вы такой печальный?» — «А как мне не печалиться, когда только на словах твои ласки. Опять же заставляешь мне пастушескую лопоть одевать». — «Ну да уже ладно, Федя, теперь как-нибудь поладим».

И Федор-царь ложится спать, так что утром поднялся, еще царица спала. Надиёт он на себя пастушескую лопоть, и пошел он в чистое поле, в широкое раздолье, и увидел он там, на зеленой мураве ходит сорокопегая кобыла, на каждой пажитке по сорок жеребцов. И он стал к ней подходить, и вот она бросилась на него, хотела забить его копытами, и вот он махнул на ее уздечкой теснённой. Которая сейчас же стала, как вкопанная.

Надиёт уздечку, ведет ее во дворец. И все табуны, все жеребцы за ними. Много наделали переполоху в государстве. Жеребцы эти все со страшной свирепостью и перегрызли многих тут извошничьих и ломовых лошадей. От которых не было пощады. А царица с трепетом ревела в тереме: «Пожалуйста, Федя, уברי эту кобылу. Совсем она будет нам не по сердцу».

А он выводит ее за ворота, дает ей пучок зелени. Она уходит в чистое поле, в широкое раздолье, а Федя обратно в спальню. Давай раздеваться, прибрал тут пастушескую одежду, а он с таким большим разеванием говорит: «Ах, как сильно я устал!» А царица тогда уж совсем присмирела.

Вот стали жить да поживать, и все государственные дела шли как следует. Проживши они три года. Царица опять стала так печальна. Стала она толковать со своей девкой Чернявкой, что это не сам Федор работает и все ж таки кто-то есть у него. Девка Чернявка отвечает: «А вот что, государыня, я слыхала от старых людей, за тридцать землями, за тридцать морями, за тридцатым царством есть там где-то богатырь Буй-волк, обвертывается он волком. Мимо его никакой человек не проезживал, и зверь не прорыскивал, и птица не пролетывала. И вот ты вели достать от него меч-кладенец. Хотя его и дома не будет, то меч-кладенец может убить его».

Вот тут царица осталась очень довольной.

В одно прекрасное утро расположением хорошего духу царица стала просить опять царя Феодора: «Вот уж, Федя, нам бы завести-то...» — «Чем опять?» — «Я слыхала от старых людей, что где-то есть за тридцать землями, за тридцать морями, за тридцатым царством, есть там где-то Буй-волк. У него есть меч-кладе-

нец, который без него может рубить. Вот хорошо бы было его достать сюда». — «Вот уж напрасно, нако, государыня, мы затеваем. Не может быть речи об этом. Ну да ладно, все ж таки попробуем».

Царица осталась очень довольной. День проходит, другой и третий. На четвертый день идет царь к брату, не идет уж он вечером, а идет днем, чтобы не было особого подозрения. Брат его встречает, целует, обнимает: «Ну, что, Федя, так призадумался?» — «Дак вот, брат, все охота испытать на свете». — «А чё ж таково?» — «Я слышал прежде от покойного родителя, где-то за тридевять землями, за тридесять морями, за тридесатым царством есть дремучий лес. В этом дремучем лесу находится заколдованный замок, в этом замку проживает Буй-волк богатырь со своей матерью. У него есть меч-кладенец. Не надо никакой страты и ничего — он может сам рубить. Вот как бы его достать!» Брат немного подумал и сказал: «Нет уж, брат. Я могу теперя только подумать и ничего не могу теперя сказать, иди ты теперя домой».

А потом уже Иван-царевич стал беседовать со своей царевною: «Что правда это или люди врут?» Царевна немного подумала: «Да, Иван-царевич, за тридевять землями, за тридесать морями, за тридесатым царством есть дремучий лес. В этом дремучем лесу находится заколдованный замок, в этом замке проживает Буй-волк богатырь со своею матерью. У него есть меч-кладенец. Не надо никакой страты и ничего — он может сам рубить: это правда, так уж это правда. Ну уж только трудно придется тебе. Может быть, придется оставить там тебе буйну голову свою. Пред смертью, может, придется, так умойся, причешись и оставь после смерти перстень свой. Вот этот, чтобы знак был его жизни, чтобы знать, значит, кто был такой».

Он недолго сомневался, велел снарядить флот царю Феодору. С этим флотом поехали два брата. Год едут, другой едут и на третий год достигают край земли — оставляет он флот у берегу, и оставляет он их на три месяца. Если только в три месяца он не вернется, то боле его ждуть некуда. А они дали ему ширинку, и шатер, и обеденный прибор, заморского варенья и сластей для прохладенья, и пошел тогда, куды глаза глядят. Шел он шел, значит, пока хватало его силы, и зашел в дремучий лес. В этом-то дремучем лесу он нашел замок. Замок — сидит старуха. Поздоровался Иван-царевич с этой старухой: «Здравствуй!» — «Здравствуй, мил человек! Откудова ты пожаловал сюда?» — «Да, бабушка, так судьба меня застигла». — «Жалко тебя, милой человек. Буй-волк прилетит скоро, и он может тебя съесть». — «Так что же, бабушка, не придется мне боле с ём говорить?» — «Нет, милой человек, он не любит этого». — «Ты, бабушка, будь настолько добра, заставь за себя бога молить, сохрани меня как-нибудь, сохрани меня как-нибудь на покаяние души моей». — «Ну ладно, милой человек. Я превратю тебя в иголку. Хотя он прилетит, дух-то услышит, искать будет, но все же ему нельзя будет в руки-то лезть чужие».

И вот преобратила она его в иголку. Невзадолгое время прилетает Буй-волк: «Фу, что-то это такое? Видом не видано и слыхом не слыхано. Чтобы такая иностранная кость сама во двор пришла! Дак давай, мать, скорей его сюда! Есть хочу — так больно проголодался». — «Что ты, сыночек, ты ведь летал везде и нахвтался этого духу. Так вот будто тебе и пахнет». — «Ну нет, мать, все же-таки меня не проведешь, а вот давай сейчас же». — «Нет уж, сыночек, я так-то тебе не дам, я дала такое обещание, чтобы сохранить, а уж со временем. Что хотишь, то и делай».

Конечно, мать преобратила его опять в человека.

Вышел Иван-царевич и поздоровался с этим волком: «А, Иван-царевич, зачем же ты сюда пожаловал? Или уж так тебе жисть надоела? А что же тебя заставило сюда прибыть?» — «Да вот видишь ли, я пообещал брату, чтобы достать брату ваш меч-кладенец». — «Ох, какой у тебя брат очень прыткий, без меня меч достать. Никто его не может трогать. Ни зверь и ни птица и никакой богатырь. В любое время может он поражать каждого». — «А вот я пошел наудалую, — Иван-царевич говорит ему. — Авось, может, и удастся счастье». — «Дак на какое же ты счастье надеялся? К чему же ты способен? У тебя есть сила или какая хитрость?» — «Дак вот я только способен в карты играть», — Иван-царевич говорит. «Вон де дак вот что — и я тоже не прочь. Если только ты проиграешь мне, то я должон тебя съесть». — «Ну дак что же. Тогда давайте уж играть в карты».

Сейчас Буй-волк вынимает карты, начинает тасовать. Иван-царевич — нет, говорит, Буй-волк, я ведь сейчас не могу в карты играть. «А зачем же?» — говорит. «Я ведь сильно голодный», — говорит. «Да чо же — тогда мы попросим чо-нибудь покушать. Ну-ка мамаша, давай-ка нам чего-нибудь такого покрепче покушать».

Мать приносит им ши укладны, сухари булатны. И вот садятся они за стол. Иван-царевич ложку, а Буй-волк две иль три. Что он жевал да что, Буй-волк все это съел.

Иван-царевич опять остается голодный. «Ну, тогда время идет. Давай начинать».

Буй-волк растасовал колоду, разделил карты, начали играть. День играют, и другой играют, и третий. Так уже неделя прошла, а все же-таки обыграть никто не может. Иван-царевич сильно утомился, даже уже и спать захотел, начинает дремать. Буй-волк ему говорит: «Что ты делаешь?» — «Извинюсь, — говорит, — думу думаю». — «А какую же думу думаешь?» — «Стоячего лесу больше или лежачего». — «Дак это, брат, я не знаю, не могу сказать». — «А вот еще бы интересно это узнать. Может быть, жив буду, буду другим рассказывать». Тогда Буй-волк ему и говорит: «Ты пока колоду тасуй, а я летаю, узнаю».

Он-то думал скоро это сделать, а пришлось ему целую неделю возиться. А в то время Иван-царевич навалился на стол и спал.

А как прилететь ему — он опять тасует колоду карт. «Ну что, как, брат, узнал?» — «Да, узнал». — «Ну и что же?» — «Да лежачего боле». — «Хорошо, значит, давай играть».

Опять играют неделю, вторую играют — опять начинает Иван-царевич дремать. «А что ты, брат, делаешь?» — «Да не говори, больно задумчивый человек я». — «Дак об чем же вы думали?» — «А вот я думал: женского полку больше или мужского». — «Это, брат, я не знаю». — «Раз уж вы могли лес узнать, дак вы можете и людей узнать, будьте добры, сделайте это, узнайте».

Буй-волк улетел, а Иван-царевич свою ширинку достал, наелся, напился и на стол спать навалился. А как прилететь ему, он опять тасует колоду карт. «Ну что, узнал?» — «Узнал. Женского полку боле». — «Ну, начали опять играть».

Играли, играли, играют неделю, вторую, играют и третью, Иван-царевич начал дремать. «А что же ты, брат, делаешь?» — «Да вот все думаю думаю». — «А какую же думаю думаешь?» — «Которого боле: звезд на небе али травы на земле». Тот сразу отказался, что не знает. А он к нему: «Ну вот, уважьте, Буй-волк, боле я вас не буду уж беспокоить».

И вот он прилетает, и Буй-волк не узнал и травы на земле и звезд на небе. И думает себе: «Но уже что же это я теперь должен сказать Ивану-царевичу? Ведь он меня просмеет. Соврать неудобно. Я ведь не любитель врать».

А когда он вернулся обратно, Иван-царевич спит, не пробудился. Вот тут-то и думает Буй-волк: «Вот теперя ты и мой. Хотя и я не сосчитал — но и ты-то уснул, не проснулся до меня».

И взял колоду карт — давай тасовать. Тасует и чертит на бумаге знаки-цифры: будто бы он и день тасует, и другой, и третий и все будто бы не может Ивана-царевича добудиться, а сам совсем его рукой не трогает. И потом стал Буй-волк будить его. Когда Иван-царевич пробудился, и показывает ему рукопись: «Я старался для тебя, как для человека. Устал, все вот счета сводил — нет уж, видно, придется с тобой порешить сейчас же». Иван-царевич видит себя проигранным, конечно уж. «Что же, значит, дело мое проиграно. Решай, что хотишь». — «Ну давай, идем сейчас же».

И потом он его просит перед смертью своей, чтобы он дал ему умыться. Вынимает он полотенце и обручальное кольцо. Как увидел его Буй-волк — и ахнул: «Оказывается, это мой зять!»

И поймал его в объятия. И стал его целовать. И стал, значит, звать мать к себе. Мать, увидя это, стала очень плакать, обрадовалась своей потерянной дочерё. Задали они такой уж большой пир тогда. На столах уже были не щи укладные и не сухари булатные, а совсем другое дело.

И вот Буй-волк ему и дает меч свой кладенец. Но только Иван-царевич сказал: «Теперя время уже просрочено, и теперя флот мой уже ушел обратно домой». Ну и Буй-волк ему сказал: «Садись за меня и накрепко держись — за шерсть мою держись».

И догнали они флот на половине пути. И опустились на корабль. Где все в страхе и трепете не знали, что делать, и царь Феодор тоже. Но только благодаря тому, что узнал брата своего, успокоился он.

Тогда он уже не Буй-волком был, а каким-то красавцем. Ну потом поехали они в ихнее знакомое государство. Приезжают они туда, отправляют царя Феодора к царице. «А утречком потолкуем мы сами».

Буй-волк и Иван-царевич отправились к царевне. Которая так долго ждала Ивана-царевича живым или мертвым к им. Бросилась она в объятия Буй-волку: «Ах, братец мой родимый, не думала я тебя увидеть. Уехала без ведома вашего. Позавидовала скромности Ивана-царевича. И вот сейчас я вам извиняюсь». (Царевна все это говорит брату.) — «Ну да ладно, покамест будем дело продолжать, об этом поговорим опосля».

Когда переночевали, а назавтра пошли к Феодору-царю. Взяли с собой меч-кладенец. Которы (то есть — царь с царицей) в ожидании его ждали с хлебом с солью.

Царица когда увидела — не успела ахнуть и померла. А царя Феодора оставили — так уж просто, как будто знатного человека, а Иван-царевич женился на сестре Буй-волка и сделался царем. И устроили пир большой, свадьбу. Такой был славный пир, продолжался целную неделю.

Там вино рекой лилось, даже и выпить мне пришлось. Квасу и пива много пил, да только лишь усы замочил, а по усы текло и в рот не попало.

БУЙ-ВОЛК И ИВАН-ЦАРЕВИЧ

За тридевять земель, в тридесятом царстве, в славном могучем государстве жил-был царь. У царя было два сына. Старшего сына звали Федор-царевич, младшего звали Иван-царевич. Вскоре царь помер, остался царствовать Федор-царевич. Задумал жениться Федор-царевич и стал искать себе невесту. Однажды он услышал, что за тридевять землями, за тридевять морями, в тридесятом царстве, в славном девичьем государстве живет прекрасная Царь-девица. Поехал он ее сватать вместе со своим братом Иваном-царевичем. Когда поехали они на кораблях, то приехали они в то царство, в славное девичье государство. Высватал себе Федор-царевич прекрасную Царь-девицу, и поехали в обратный путь.

Когда ехали обратно, на пути повстречались с одним кораблем. Иван-царевич обменялся словами со встречным кораблем, чтобы перейти ему на их корабль. Так перешел он на чужой корабль. На корабле Иван-царевич увидел молодую девицу неописуемой красоты. Стал Иван-царевич сватать ее, она сказала ему: «Я до тех пор замуж не выйду, пока своих родных не увижу».

А кто ее родные, она этого не говорила. Когда хватился Иван-царевич свой корабль, то его не тут-то было. Брат со своею женою уехал в свое царство. Иван-царевич хорошо понял, что брат позавидовал половине его надела и захотел перевести на себя.

Иван-царевич взял красавицу и попросил капитана корабля перевезти на сухой берег. Капитан корабля перевез их на другой берег. Иван-царевич пошел со своей молодой красавицей в свое государство. Вдруг она расстилает свой ковер и велит Ивану-царевичу садиться на ковер, а Иван-царевич думает, что она хочет отдохнуть. Вдруг она проговорила такое слово: «А ну-ка, ковер-самолет, подымайся выше леса стоячего, ниже облака ходячего».

Прилетели они в одну минуту в свое государство. Говорит она Ивану-царевичу, чтобы он никому не открывал, что такая-то красавица живет у него. Иван-царевич привел свою тайну в свою спальню, и никто их не видал. А когда он выходил, то дверь он закрывал на замок, а когда приходил, то всегда брал дверь на крючок. И видит он, у брата старшего Федора-царевича с женой дело не ладится: она всегда его бранила, ругала и впоследствии даже поколачивать стала. Так что Ивану-царевичу стало жалко брата Федора-царевича.

Однажды Царь-девица говорит Федору-царевичу: «Если ты мне не достанешь вепрю-кабана, который носом роет, хвостом боронит, а взади хлеб растет, то заточу я тебя в темницу, и будешь сидеть веки веков».

Федор-царевич испугался, стал искать помощи, и он обратился к брату Ивану-царевичу: «Родимый ты мой брат, не поможешь ли ты моему горю? Жена моя в корень меня заела». — «А за что?» — спрашивает Иван-царевич. Федор-царевич отвечает: «Жена велит мне достать вепрю-кабана, который носом роет, хвостом боронит, а взади хлеб растет». Иван-царевич пообещал помочь своему брату и говорит: «Дай мне время, я прежде подумаю, подаю, а потом тебе скажу».

Приходит Иван-царевич в свою спальню и спрашивает у своей дорогой красавицы: «Что мне делать? Брат мой просит о помощи. Злая жена его в корень заедает, велит ему привести вепрю-кабана, который носом роет, хвостом боронит, а взади хлеб растет. Скажи, моя дорогая, есть ли такой кабан?» Молодая красавица говорит: «Есть». — «А что же, можно его достать?» — «Вполне можно», — проговорила красавица. «Так вот, помоги ты мне его достать. Мне жалко своего брата».

Она вынимает из кармана свой платочек и подает Ивану-царевичу: «Если только придется тебе повстречаться с этим кабаном, то махни на него этим платочком, то он смирнее будет теленка. Куда бы ты ни пошел, он пойдет за тобою».

Пошел Иван-царевич в чистое поле — широкое раздолье. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да дело не скоро делается. День он идет, другой, на третий

день попадается ему вепря-кабан, носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растет. Когда увидел кабан Ивана-царевича и налетел на него, хотел своими клыками засечь, а Иван-царевич встречу махнул платочком, и кабан стал смиреннее теленка. Тогда Иван-царевич пошел передом, а кабан пошел за ним.

Привел Иван-царевич кабана в свое государство. Когда кабан зашел за Иваном-царевичем в царский двор, стал он носом рыть, а хвостом боронить, а взади хлеб стал колоситься. Выскакивает Царь-девица и просит Ивана-царевича, чтобы он его выгнал на улицу, а то он взроет весь дом и ходить нельзя будет.

Вышел Иван-царевич на улицу, а кабан за ним. Махнул по дороге платочком, и кабан ушел в чистое поле — широкое раздолье. А после этого Федор-царевич стал в согласии жить со своей царичею. Прожили они не так долго. Царь-девица опять взбесилась, потому Федор-царевич ей не люб был. Стала она снова бить, кричать на него, и говорит она Федору-царевичу: «Если ты мне не достанешь сорокопегую кобылу, на каждой пежине по сорок жеребцов, на каждого жеребца по сорок кобыл, то я тебя тогда брошу в помойную яму».

Федор-царевич испугался, опять прибегает к своему брату Ивану-царевичу: «Братец ты мой родимый, избавь меня от этой напасти». Иван-царевич пожалел своего брата: «Погоди, братец, я маленько подумаю».

Приходит в свою спальню и говорит своей возлюбленной красавице про жизнь своего брата. Просит Иван-царевич свою красавицу помочь ему выручить брата, чтобы достать сорокопегую кобылицу. Она, не долго думая, вытаскивает уздечку тесменное и говорит: «Когда ты пойдешь и увидишь сорокопегую кобылицу, которая налетит на тебя со злобою, а ты махни этой уздечкой на кобылу. Она станет, как вкопанная, подходи тогда, надевай уздечку, садись на нее и поезжай, и побегут за тобой жеребцы и кобылы».

Взял Иван-царевич уздечку и пошел в чистое поле — широкое раздолье. День идет, другой, а на третий день кобыла бежит, налетела на Ивана-царевича и тут же хотела загрызть его. Он махнул на нее уздечкой тесменной, и она стала как вкопанная. Надел Иван-царевич на нее узду, сел на нее и поехал. Все какие только были жеребцы и кобылы побежали за ней. Приехал он в свое государство, заехал во дворец к брату Федору-царевичу. Федор-царевич со своей Царь-девицею вышел на крыльцо, и жеребцы налетели на них, чуть им головы не оборвали. Они успели заскочить в свои белокаменные палаты. В окно ревет Царь-девица, чтобы выгнали всех, эта забава ей не по душе. Иван-царевич вывел кобылу на улицу, скинул с нее узду, и кобылица ушла со своим табунном в чистое поле — широкое раздолье. Иван-царевич зашел в свою спальню, а жена Федора-царевича сразу присмирела.

Прошло немного времени, как жена Федора-царевича опять начала беспокоить Федора-царевича и стращала его лютою смер-

тью, которою, пожалуй, никто не придумает. «А если достанешь от Буй-волка меч-кладенец, тогда тебя помилую от смерти».

Федор-царевич закручинился, запечалился, горячими слезами заливается. Увидал он своего брата родимого Ивана-царевича и стал ему кланяться и просить, чтобы еще помог ему в его горе. «А какое твое горе?»— спрашивает Иван-царевич. Федор-царевич ему и отвечает: «Опять злая жена заела меня, угрожает лютою смертью, да такой, что никто не придумает, и велит она мне достать от Буй-волка меч-кладенец». А Иван-царевич отвечает такое слово: «Так вот, родимый мой братец, я прежде подумаю и погадаю».

Удалился Иван-царевич в свою спальню и стал говорить своей дорогой красавице: «Вот что, дорогая красавица, есть ли возможность достать от Буй-волка меч-кладенец? Если есть возможность, то скажи, что есть, а если нет, то лучше я пойду сложу свою буйную голову». Говорит ему дорогая красавица: «Что ты, что ты, Иван-царевич, лучше я сложу свою голову, чем ты свою, но помогу я тебе достать меч-кладенец. Иди скажи прежде своему брату Федору, чтобы он флот снарядил и чтобы капитан корабля был под твоим приказанием».

Пошел Иван-царевич доложил своему брату Федору-царевичу о снаряжении флота и послушании Ивану-царевичу капитана корабля. А сам пошел обратно в свою спальню. Когда зашел в спальню, то встречает его красавица девица. В руках держит полотенце и подает Ивану-царевичу именной перстень. «Когда тебе будет предстоять верная смерть, то ты перед смертью умойся и вытрись этим полотенцем».

Поцеловала она Ивана-царевича в сахарные уста, проводила его до дверей, а сама сильно призадумалась.

Вышел Иван-царевич из своего государства и пошел к морю синему. У берега стоял снаряженный флот. Заходит Иван-царевич на корабль, приказывает капитану корабля плыть на восточную сторону.

Плыли они очень долгое время, плыли они год, другой, а на третий год они подъехали к берегу. Берет Иван-царевич шлюпку и двух матросов, и велел он отвезти себя на берег. Когда его отвезли к берегу, Иван-царевич наказал, чтобы во что бы то ни стало ждать его. Пошел он к лесу дремучему. Шел он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, а дело не скоро делается. Вышел он на чистую поляну, а на поляне стоит белокаменный дворец. Подходит ко дворцу, отпирает ворота и заходит во внутрь дворца. Во дворце сидела старуха, старая-престарая, белая как лунь. Поздоровался он со старухой, она тоже поздоровалась с ним, и стала спрашивать старуха: «Откуда и куда путь держишь?» Иван-царевич стал ей откровенно говорить: «Я послан из одного государства и хочу видеть Буй-волка». Она ему и говорит: «Увидеть тебе Буй-волка не на радость, а на горе, он все равно тебя съест. А вот прежде всего нужно смягчить его

сердце. Я оберну тебя иголкой и буду шить сидеть, а Буй-волк, когда прилетит, учует твой дух и станет требовать тебя. Я до тех пор тебя не буду показывать, пока не смягчится его сердце.

Пока обернула она его иголкой, вдруг Буй-волк упал на крыльцо, аж весь двор ходуном заходил. Заходит он в белокаменную палату и сказал таковое слово: «Фу, фу, фу! Русской кости видома не видано, слыхом не слыхано, а теперь русская кость сама во двор пришла».

И говорит старухе: «Давай я есть ее буду». Старуха и говорит ему: «Ты сам по всему свету летал, русского духу нахвтался, да и говоришь, что русская кость сама во двор пришла».

А Буй-волк походил немного и лег отдохнуть, и сердце у него улеглось, и он стал просить у матери поесть. В это время она выпустила Ивана-царевича. «О Иван-царевич,— говорит Буй-волк,— зачем же ты прибыл сюда ко мне?» А Иван-царевич отвечает: «Что ты, Буй-волк, не накормил, не напоил, да вестей спросил?»

Тогда мать стала наставлять на стол щи укладны и сухари булатны. Буй-волк просит Ивана-царевича садиться за стол, и стали они кушать. Иван-царевич только ложку, а Буй-волк две-три хлебнет и в момент, что было и что не было, все съел. Стали они беседовать. Буй-волк и говорит Ивану-царевичу: «Все же, Иван-царевич, я должен тебя съесть, потому у меня здесь предел такой». А Иван-царевич ему и говорит: «Все же ты не должен меня съесть, а вот давай играть в карты. Если ты меня обыграешь, то тогда съесть можешь, а если не обыграешь, то не можешь съесть меня».

Начал за столом Буй-волк карты тасовать и говорит: «Давай сделаем договор, чтобы в карты играть и не дремать, а кто задремлет, тот проиграет».

Сели, начали играть. Играют месяц, другой, а в третий месяц Иван-царевич задремал, а Буй-волк и говорит: «Что ты, Иван-царевич, дремлешь?» — «Нет, не дремлю». — «А что ты поник головою?» — «А я это думушку думал». — «А что же ты задумал, Иван-царевич?» — «Задумал — стоячего леса боле или лежачего?» Тогда Буй-волк и говорит: «А кто же может знать, стоячего боле или лежачего?» Царевич и говорит: «Ты, Буй-волк, здорово летаешь, полетай, посмотри, а я до тебя буду карты тасовать».

Буй-волк живо свернулся, стал, стяхнулся и полетел, а Иван-царевич прилег на диван спать. Буй-волк летал месяц, другой, на третий месяц прилетел Буй-волк, а Иван-царевич до него успел выспаться, сидит и карты тасует. Когда вступил в палаты Буй-волк, Иван-царевич спрашивает его: «Ну как, узнал, какого леса боле, лежачего или стоячего?» — «Да лежачего лесу боле», — ответил Буй-волк.

Мать им опять наставила щи укладны, сухари булатны. Стали есть они. Иван-царевич ложку, а Буй-волк две-три, и все щи съел Буй-волк, а Иван-царевич остался голодом. Опять начали играть

в карты. Играют они месяц, играют другой, играют они третий. Иван-царевич опять задремал, Буй-волк говорит: «Что ты делаешь?» — «Думу думаю», — отвечает Иван-царевич. «А какую думу думаешь?» — «Я думаю, женского пола боле или мужского?» — «А кто может знать это?» — говорит Буй-волк. «Вы здорово летаете, вы и слетайте».

Буй-волк свернулся, стал, стряхнулся и полетел. А Иван-царевич после него лег спать. Летал он месяц, летал другой, а на третий месяц прилетел обратно, а Иван-царевич тасует карты. Прилетает Буй-волк, заходит в палаты, Иван-царевич спрашивает его: «Ну как, узнал мужского пола боле или женского?» — «Да, узнал, — женского больше».

Мать опять наставила на стол сухари булатны, щи укладны. Сели за стол и стали есть. Иван-царевич ложку, а Буй-волк две да три. Все щи съел Буй-волк, а Иван-царевич остался голодом. Сели они опять играть. Играют месяц, играют другой, на третий месяц Иван-царевич задремал сильно и, наконец, уснул. Буй-волк ткнул его под бок: «Что ты, спишь?» Иван-царевич стал извиняться, что уснул. «Можешь теперь меня есть, только дай мне перед смертью последний раз умыться».

Буй-волк показал ему на умывальник, а когда подошел он к умывальнику, скинул самоцветное кольцо своей дорогой красавицы и давай мыться. Когда умылся, вынул полотенце, стал он утираться, и в это время Буй-волк заметил это полотенце и подскочил к нему: «Где ты это взял полотенце?» — «Так это собственное мое». — «Да как же собственное твое, когда это полотенце моей родной сестры».

А когда Буй-волк взглянул на кольцо, то почти совсем на месте он замер. Это кольцо было Буй-волка, он спросил: «Где моя сестра?» А Иван-царевич сказал: «Мы с ней заручились друг друга навечно любить».

Тут Буй-волк схватил его в свои объятия, стал обнимать и целовать: «Значит, по сестре ты мне выходишь родимый зять».

А когда пошел Буй-волк и сказал своей матери о своей сестре, ее дочери, что это родимый наш зять, то старая старуха сразу помолодела, как тридцатилетняя. Буй-волк подошел к столику дубовому, постучал о столик своим показательным пальцем, вдруг ниоткуда взялись разные яства, напитки и наедки, заморские варенья и сласти для прохладения. Посадили Ивана-царевича за стол, стали пить, гулять и веселиться. И вот тут сказал Иван-царевич своему родному шурина, что приехал он от брата по его меч-кладенец, потому братова жена требовала, что хотела. Вот я и приехал.

Буй-волк живо собрался, об землю ударился, и Буй-волком представился, и дал свой меч-кладенец Ивану-царевичу, и велел садиться на себя, то есть на Буй-волка: «Садись да крепче за шерсть держись».

Полетел Буй-волк пылее вихря-урагана, как каленая стрела с туго спущенного лука. Поднялся выше леса стоячего и ниже облака ходячего. Догнали они тот флот, на котором Иван-царевич приехал. Флот, не дождавшись Ивана-царевича, отчалил домой. Вдруг Буй-волк упал на корабль, так, что весь флот задрожал. Все думали, что получилась какая-то катастрофа, а вместо катастрофы оказался Иван-царевич и Буй-волк. Капитан корабля стал извиняться, что он не дождался Ивана-царевича. Иван-царевич простил капитана.

Приехали в царство Федора-царевича, и тайно Буй-волк и Иван-царевич пришли в спальню Ивана-царевича, а сестра увидела своего брата Буй-волка, от радости даже заплакала. Садятся все трое за стол и начинают беседу. Иван-царевич стал спрашивать про своего родного брата Федора-царевича, как он поживает. Красавица девица говорит, что Федор-царевич теперь свиней пасет. Царь-девица загнала его прямо в доску.

Назавтра утром рано Буй-волк и Иван-царевич ушли в поле, где Федор-царевич свиней пасет. Федор-царевич ходил босой, весь оборванный, кругом погоняет свиней, а когда он увидел Ивана-царевича, то он даже своим глазам не верил, а когда подошел и поцеловал своего любимого брата, тогда только поверил Федор-царевич своим глазам и стал рассказывать про свое житье-бытье, как он таскается со своими свиньями по полю.

Буй-волк об землю ударился, и Федором-царевичем представился, и взял кнут, и пошел со свиньями. Когда пригнал он свиней во дворец, то Царь-девица вылетела с нагайкой, и хотела она его стегнуть, а Буй-волк взял ее за шиворот, и пригнул ее к своим ногам, и давай этим кнутом охаживать ее; до тех пор дул, едва живую оставил. Дала она клятву Федору-царевичу почитать и любить всю жизнь. Буй-волк затребовал от нее царское одеяние, и когда он оделся в царское одеяние, то пошел к брату Ивану-царевичу, как будто бы Федор-царевич. А Федор-царевич сидел в спальне у Ивана-царевича. Приходит и говорит Буй-волк Федору-царевичу: «Живи и действуй, имей старшинство над своей женою».

Распрощались все они, и Федор-царевич ушел в свои палаты. Сами вышли на двор. Расстелила прекрасная девица ковер-самолет, сели все трое на него и полетели в Буй-волково царство. Учинили хороший пир. Пир был задан на весь мир. Я там был, мед-пиво пил и огурцами закусил.

ВОЛШЕБНОЕ ПЛАТЬЕ

(хороший охотник)

В одной деревне был хороший охотник. Единственное развлечение у него было — это охота, и он из-за дня в день ходил на охоту. Однажды он собрался и пошел на охоту. Ходил он до ве-

чера. На охоте не мог никого повстречать, стал он думать: «Эко, какая неудача, проходил целый день, а домой надо вернуться пустому».

Он повернул домой и думает себе на уме, что попадет на дороге, то он и будет стрелять. Вдруг он увидел на лесине филина и хотел его застрелить. Когда охотник в него прицелился, то вдруг филин заговорил: «Охотник, не стреляй меня, я тебя научу многому. Если ты меня застрелишь, то тебе не выйти домой во-век».

Охотник остановился стрелять и стал расспрашивать его, почему он не может выйти. А филин говорит ему: «Очень просто, потому что ты хотел меня застрелить. А теперь я тебе скажу: за твой проступок ты должен мне отдать, кого ты не знаешь дома, а то иначе ты не выйдешь из лесу».

Мужик и думает на уме: «Что я не знаю дома? Я все знаю, у меня все наперечет. Ну ладно, не знаю, сколько денег у меня осталось дома, пусть он это возьмет, а другого у меня ничего нет, что бы я не знал».

«Ладно, даю тебе обещание, но только — что я не знаю отдать, — я на это согласен». А филин ему и говорит: «Дойдешь до дома, сам узнаешь».

Для охотника казалось, что он беседовал с филином один день, а на самом деле прошло уже много времени. Филин подает охотнику яйцо и говорит: «Возьми это яйцо и пусти его, оно покатится, и ты за ним пойдешь, а без этого яйца домой не придешь».

Охотник взял яйцо, пустил по траве, яйцо покатилось, и охотник пошел за ним. Яйцо так скоро катилось, что охотник едва поспевал за ним. И вот это яйцо привело его домой, а когда яйцо дошло до дома, то его не стало.

Охотник заходит в свой дом. Жена увидела его, очень обрадовалась, прибежала к нему и всего расцеловала и стала расспрашивать: «Где был, что так долго ходил?» Жена показала на мальчика: «Без тебя родился сын, и сейчас ему уже три года». Охотник сильно удивился: «Я думал, что проходил только один день, а тут, оказывается, три года».

Охотник утаил свою тайну и подумал: «Вот что я не знал, что есть у меня дома, — выходит, что обещал филину своего сына». Охотник страшно задумался, как бы не отдать своего сына. А сын все рос и рос. Когда сын его стал десяти лет, то стал отцу говорить: «Что же ты, папаша, так задумываешься, почему не веселишься. Как посмотрю я на свою родимую мамашу, она бывает всегда веселой и не может нарадоваться мною, а тебя вижу — ты как будто бы не рад мною».

Но отец тайл свою тайну и о том, что он должен отдать своего сына филину, никому не говорил.

Однажды утром садятся они за стол завтракать, и во время этого завтрака прилетает ворон-чародей, садится он напротив

окоп на столбик и начинает сильно каркать. Мать говорит: «Эта вещая птица не к добру прилетела и каркает». А сын говорит: «Это пустое горе, мало ли куда ворон не садится и каркает».

Отец хорошо понял, что значит это карканье. В карканье ворон говорил: «Охотник, охотник, что ты обещал, то должен отдать, не отдашь — самого убьют, а обещанное неволею возьмут».

Когда отец услышал это, он горько сплакал, а почему он плакал: ему жалко было сына отдать.

Сын и говорит отцу: «Что ты, отец, плачешь, открой ты мне свою тайну».

Но охотник все же не говорил. Ворон прилетел уже третий раз, покаркал, и охотнику стало невтерпеж держать тайну, и он наедине рассказал своему сыну: «Когда-то я был на охоте, повстречался я с филином, которого я хотел застрелить, а филин меня предупредил: «Если, охотник, меня застрелишь, то из леса не выйдешь во веки веков». Когда я не стал стрелять в него, он сказал мне: «За то, что ты хотел меня стрелять, ты должен отдать мне то, что ты не знаешь дома». И вот я ему поклялся, чтобы отдать обещанное: не знал, что ты родился, и обещанное будет теперь ты. Была у меня на сердце страшная дума: как бы не отдать тебя. Когда ты стал десяти лет, тогда стал прилетать ворон-чародей и требовать от меня, что было обещано филину. Прилетает ворон в третий раз и стал требовать долг очень строго. «Если не отдашь, — сказал ворон, — то сам будешь убит, а долг возьмем насильно». Тогда я горько сплакал. Когда ты стал спрашивать о причине слез, я таился, а когда ты более настойчиво стал спрашивать, я решил сказать тебе».

Сын выслушал отца внимательно и сказал ему: «Дорогой мой отец, зачем же ты так долго томил себя и ничего не говорил. Что отсулено, то не твое. Поэтому мне надо собираться и уходить от вас».

Сын скрывал все это от матери и стал собираться под предлогом охоты. Отец с матерью благословили своего сына. Он взял ружье и вышел из отцовского дома. Пошел сын куда глаза глядят.

Шел он по чистому полю долгое время, пришел он к дремучему лесу, и долгое время скитался он по этому лесу, ничто ему не попадало. Шел он, шел и подошел, наконец, к каменной стене; стал искать проход через каменную стену, но никак прохода найти не мог. Пойдет он в одну сторону каменной стены — конца нет, пойдет в другую сторону — ей тоже конца нет. Он так сильно утомился, сел на колодинку, сильно призадумался, пригорюнился, и вдруг он увидел дверь в каменной стене. Он сильно обрадовался, что теперь перейдет эту стену. Подходит к двери, отворяет ее и заходит туда, но там никого нет. Идет дальше, отворяет вторую дверь — и там не находит никого. Идет дальше, отворяет третью дверь, заходит вовнутрь и увидел, что сидит старичок, белый как лунь, весь обросший шерстью. Он поздоровался с ним, как

с хозяином. Старичок стал расспрашивать его: «Откудаво идешь, добрый молодец, и куда путь держишь?»

Молодой охотник стал рассказывать о своем приключении, как получилось с его отцом и как отец его пообещал филину. «Отец не выполнял свой долг до десяти лет, а когда стал прилетать черный ворон, чтобы отец отдал сына своего, тогда отец открыл свою тайну. Когда отец мне открыл свою тайну, я решил пойти искать того, кому я был обещан. Пришел я к вот этой каменной стене, провел здесь целую неделю, а прохода найти не мог. Вот нечаянно попалась дверь, по этой двери пришел до тебя». Старик и говорит ему: «Не ищи того, кому ты был обещан, а ты останься у меня, ты научишься тому, что не знают люди».

Молодой охотник остался у него жить. Старик частенько куда-то уходил, велел припирать двери крепче и самому никуда не ходить. Старик однажды куда-то ушел, а молодой охотник остался дома. Вечером старик пришел обратно и спросил молодого охотника: «Ну, как, охотник, никто не приходил сюда?» — «Никуда я не ходил и никого не видал». Старик ушел второй раз, а молодой охотник остался дома. Приходит старик обратно и спрашивает это же самое, а молодой охотник отвечает теми же словами.

Когда старик ушел в третий раз, молодой охотник и думает про себя: «А что же я здесь сижу, как пташка в западне». И решил выйти погулять. Охотник вышел из каменной стены. Пошел на восток, и подошел он к такой прекрасной речке, которая была ни в сказке сказать, ни пером описать. Около речки были знаменитые деревья, которые охотник никогда не видел. Тут же росли разные цветы. Он был очарован ихним благоуханием. Охотник прилег отдохнуть. Вдруг он услышал шум и хлопанье крыльями. Он присел и стал из-за кустов рассматривать и увидел двенадцать голубей, все они об землю ударились, и все красавицами представились. Стали они купаться, и плавать, и брызгать друг друга водою. Стали смеяться и веселиться. В это время молодой охотник подкрался к ихнему одеянию, берет одной красавицы цветное платье и уползает назад в кусты. Красавицы, досыта накупавшись, стали одеваться. Одиннадцать оделись, превратились в голубей и улетели, а двенадцатая осталась. Стала она искать свое цветное платье и горько плакать и говорить: «Если только взял старый человек, то буду звать родным отцом, если взяла старая женщина, буду звать родной матушкой, если взяла девица, буду называть ее родимой сестрою, а если взял молодой паренек, то я ему буду названная невеста».

Молодому охотнику понравились ее слова, и он вышел из кустов. Когда она увидела красивого молодого охотника, от стыда она скраснела и отвернулась. Охотник положил ей цветное платье и отвернулся в свою сторону. Красавица стала одеваться и сказала ему: «Из-за меня тебе придется перенести большие приключения».

Сама оделась, спорхнула и улетела. Охотнику в душу запала ее неопи́санная красота. Он рассуждал сам с собой: «Или идти ее сейчас отыскивать, или идти к старому в каменную стену. Уйти от старика ни честь мне ни хвала, потому я дал ему обещание никуда не отлучаться и он хотел научить тому, о чем люди на земле не знают».

Подошел к каменной стене, припирает за собою двери и ложится спать. Но никак не мог заснуть, и мерещилась ему красавица в глазах. Прожил он с неделю, приходит старик и спрашивает у него — как он живет и куда ходит.

Молодой охотник скрывает свою тайну. А на лице его была заметна тоска и печаль. Старик называет его по имени и не называет его охотником потому, что охотники не знают тоски и печали, и говорит: «Что ты, Алеша, запечалился?» Алеша и говорит старику: «Ах, дедушка, не сказал бы я тебе, да приходится сказать: заедает мое сердце тоска». — «О чем же ты тоскуешь? — спрашивает старик, — о доме, по отцу и матери или о красной девице?»

Алексей начинает рассказывать: «Не разрешал ты мне, дедушка, никуда не ходить, а все-таки я твое заданьице не выполнил. Однажды я сходил на восточную сторону, подошел я к красивой речонке, где леса растут нигде не виданы, пташечки поют нигде не слышаны, цветы цветут ни в каких садах не сажены; был я очарован благоуханием цветов, и прилег я отдохнуть на зеленую траву. Вдруг ниоткуда не возьмись двенадцать голубей, которые об землю ударились и прекрасными девицами представились, стали они плавать и кувыряться в воде. Вот в это время я подкрался и украл у одной красавицы платье, а сам спрятался в кусты. Красавицы досыта накупались и наплавались, стали одеваться. Одиннадцать спорхнули, оделись и улетели, а двенадцатая искала свое платьице, плакала, рыдала и говорила таковое слово: «Если взял старый человек, то будь отец родной, а если пожилая женщина, то назовешься матерью родной, если красная девица, то будешь родимой сестрой, а если будешь молодой паренек, то будешь любимый мой». Вот соблазнили меня эти речи, и я показался ей. Она сказала: «Ты будешь мой любимый друг». Я отдал ей платьице; она надела его, спорхнула и улетела. Я вот пошел сюда с тоскою и печалью. Не могу я вынести этой тоски, хожу день и ночь, как пьяный. Виноват я перед тобою, дедушка, что я не выполнил твои слова. Теперь я хочу просить тебя твоего совета умного, как мне избавиться от той тоски, которая заедает мое сердце ретивое».

Старик выслушал Алексея и сказал ему: «Я тебе наказывал, чтобы ты никуда не ходил, а ты не выдержал свое обещание, данное мне. Я бы многому тебя научил. Ты сам не сумел завладеть этой красавицей, не надо было отдавать платьице, тогда она сама бы пришла сюда. Теперь я дам тебе совет, куда идти, а дальше действуй сам. Нужно быть осторожным и выдержанным. Иди подле

этой стены на запад; пойдешь ты возле нее, покуль тебе не откроется отверстие, а уж тогда сам знаешь, как следует действовать».

Простился Алексей со стариком и вышел из проклятой келии, и пошел он подле этой стены. Шел он долгое время, наконец он увидел отверстие в стене. Прошел он всю каменную стену, пошел по узкому ущелию. Шел он долгое время по этому ущелию. Иногда трудно приходилось ему пройти: преграждал ему путь лес. Изорвал он все на себе, изорвал он свои унты, тужурку и остался почти полунагой. Наконец он выбрался на чистую поляну. На этой поляне стоял волшебный замок. Когда он стал подходить к нему, вдруг выскочил к нему навстречу дворник и принял его к себе в комнату. Стал его расспрашивать, куда он путь держит. Алексей стал ему рассказывать: «Иду куда глаза глядят; нет меня ни роду ни племени; я есть круглый сирота». Дворник посмотрел на Алексея и сказал: «Я тебя поставлю к себе в помощники, и ты никого не будешь слушать, кроме меня».

Алексей устроился на новой квартире и по приказанию дворника выполнял все задания и даже вдвое больше.

В комнате, где жил Алексей, находилась прислуга — молодая девушка. Видимо, она была из роду простого, плохо одетая.

За то, что Алексей делал для дворника вдвое, дворник стал заставлять его делать втрое и еще хуже стал угнетать Алексея. Алексей стал выполнять в шесть раз боле.

Вдруг хозяин поставил дворника по чину ниже Алексея. Теперь уже стал дворнику давать задания Алексей. Дворник, несмотря на то, что стал ниже Алексея, очень злился на него и стал клеветать хозяину на Алексея и говорит на Алексея хозяину: «Какие бы ни были трудны, я выполняю», — сказал как будто бы Алексей.

Хозяин призывает Алексея и сказал ему: «Сегодняшнюю ночь придешь в конюшню, там будут стоять двенадцать кобылиц, и чтобы ты из этих двенадцати кобылиц узнал, которая из них будет всех моложе».

Алексей приходит на кухню, закручинился, запечалился, и молодая девушка спрашивает Алексея: «Что ты, Алексей, закручинился и запечалился?» Алексей, не долго думая, стал этой молодой прислуге рассказывать: «Должно быть, дворник наклеветал на меня, и хозяин наложил на меня тяжелую службу, чтобы я узнал из двенадцати его кобылиц, которая будет всех моложе. И вот я теперь не знаю, что делать. Если я это не выполню, то хозяин меня поставит опять ниже дворника». — «Когда придешь ты в конюшню, — говорит ему девушка, — будешь просматривать кобылиц и будешь трепать своей ладонью по хряслам и когда дойдешь до той кобылицы и ударять будешь своей ладонью по хряслам, то она немного вздрогнет, а ты пройди, как бы не замечая, всех до конца, а потом обернешься и скажешь: «Младшая вон та (которая вздрагивала)».

Алексей пошел к вечеру в конюшню, а хозяин уж давно был в конюшне. Проходя мимо кобылиц, Алексей всех пошлепывал ладонью. Одна кобылица как бы вздрогнула. Алексей проходит до последней, повертывается обратно и показал на туё кобылицу, которая незаметно вздрогнула.

Хозяин удивился и назвал Алексея молодцом. Алексей пришел в свою комнату и лег спать. Назавтра пробуждается, приходит на работу со своим помощником. Алексей проработал немного, его вызвала хозяйка и говорит ему: «Вот, Алексей, я тебя прошу. Есть у меня двенадцать гусей, которую лучше оставить на приплод?» Алексей ей сразу не ответил. «Я лучше ночь просплю, а ночью увижу сон и потом скажу».

Приходит он к себе на кухню, сел, а сам закручинился и запечалился. К нему подошла молодая девушка, спрашивает: «Что ты, Алексей, закручинился, запечалился?» Тогда Алексей начал ей объяснять, что приказала ему хозяйка отгадать, которая из двенадцати гусей будет к приплоду лучше. Прекрасная девушка посоветовала Алексею: «Одна из двенадцати будет захудалая, а одиннадцать из них будут жирные. Покажи на захудалую, она будет самая плодovitая».

Назавтра утром Алексей встает и идет к хозяйке в столовую. Хозяйка ведет его туда, где находились гуси. Когда Алексей зашел туда, то увидел двенадцать гусей, все они клевали зерно. Он обходил всех гусей и заметил среди них одну очень захудалую, на нее он и показал. «Да, действительно, — сказала хозяйка, — как ты показывал на кобылиц, так и на нее показал».

Алексей, выполнив задание, уходит к себе на кухню. На кухне он начал по-прежнему работать. День этот прошел спокойным. Назавтра Алексей встает. Хозяйка заказывает с помощником Алексея, чтобы он пришел к ней.

Алексей пришел к хозяйке. Хозяйка задает ему задание — велит выгнать на болото двенадцать серых уток, а к вечеру велит собрать их полностью, чтобы они не распрытались по камышам. Алексей и говорит хозяйке: «Я пойду домой, возьму что мне надо, а потом приду».

Алексей приходит к себе в кухню. Прекрасная девушка-служанка спрашивает Алексея: «Что ты, Алеша, закручинился, запечалился?» — «Как мне не кручиниться, как мне не печалиться, — хозяйка задала заданьице — выгнать в болото двенадцать серых уток, чтобы эти утки были в сохранности, и вечером всех пригнать домой». — «Да, это уже не службишка, — говорит прекрасная служанка, — а служба. Вот, Алексей, помнишь ты, когда у речки купались мы, двенадцать голубей, а ты у одной украл платье. Одиннадцать улетело, а двенадцатая осталась, и вот двенадцатая, которая ходила и плакала, кто отдаст платье, то она обещала: «Если взял старец, то будет звать его отцом, если старая женщина, то будет мать, если девица, то будет сестрой, а если добрый молодец, то назовется милым другом». Помнишь, когда ты вышел и

отдал платье той красавице, а она надела его и улетела. Эта красавица и есть я сама. Я не могла с тобою долго быть тогда. Я боялась того страшного волшебника, у которого находился ты. Речка была его, она была волшебная и привлекала много красавиц туда. Старик всегда у этой речки подстерегал красавиц. Я боялась, как бы он не застал нас с тобою. Я тебе дала обещание быть твоею женою, а когда я прилетела домой, отстала от своих сестер, то отец за меня за это прогневался, и он дал мне наказание, чтобы я служила на всех. Я была из сестер самая младшая, и всех была лучше, и всех была красивей. Нельзя было мне получить больше этого платья. Отец отобрал его у меня. Нечаянно судьба нас свела с тобою опять увидеться. Я сохраняла свою тайну до удобного времени».

Прекрасная девушка пошла к своему отцу просить свое волшебное платье. Она стала перед ним на колени и умоляла его: «Отец ты мой родной, дорогой, я служила тебе верой и правдой, отдай ты мое дорогое платье».

Отец взял, принес и отдал дорогое платье своей дочери. Когда она принесла платье на кухню, Алексей был там и уже собирался выполнить задание хозяйки. А сама прекрасная девушка тоже должна была идти в числе двенадцати серых уток. Она и говорит Алексею: «Когда ты выгонишь двенадцать уток в болото и среди двенадцати уток будет одна захудалая, ты следи за ней и не отставай от нее, а остальные пусть разбегаются».

Алексей взял прутик и выгнал двенадцать уток в болото к большому озеру. Увидел Алексей одну захудалую утку, она от всех отстает. Алексей которых уток прутиком нахлестал, стали разбегаться, а захудалая утка никуда не убегает и все время идет подле него. Когда уже утки разбежались, то эта захудалая утка об землю ударилась и прекрасной красавицей представилась. Вынимает она какой-то пузырек, прыснула Алексея и себя из этого пузырька, и Алексей стал соколом, а она соколицей. «Полетим мы, — сказала она, — в твою сторону». Полетели. Летят день, летят ночь, а наутро сказала соколица: «Ну, сокол, за нами погоня, и скоро нас нагонят. Давай ударимся о землю; я представлюсь часовой, а ты монахом. Ты стань и читай псалмы. Когда догонит нас страшное крылатое войско, станут спрашивать тебя: «Не видал ли ты беглецов?» И ты скажешь: «Что видел, вчерашний день пролетел сокол с соколихой». Тогда они вернуться к злой мачехе, а мы полетим дальше».

Когда погоня их нагнала, они ударились об землю; она сделалась часовой, а он монахом.

Глава погони прилетел и спрашивает у монаха: «Не видали ли вы, когда пролетала пара соколов?» Монах отвечает: «Да, видели, они пролетели вчера».

Погоня погналась дальше за ними, но догнать их не могла и вернулась обратно.

Монах ударил часовню о землю, часовня сделалась молодой девицей, а монах сделался прекрасным молодцем.

Теперь уже погоня их миновала, но прекрасная девица с молодцем не успокаивалась. «Мать, — говорит девица, — поймет, в чем дело, и пошлет вторую погоню за нами и заставит разбить часовню. Давай будем скрывать свои следы. Никуда не полетим, а то нас могут скоро нагнать».

Ударились они опять о землю. Добрый молодец сделался щукой, а добрая девица сделалась осетром. Упали они обои в большое озеро и уплыли.

От злой мачехи погоня прилетела быстро, стали разыскивать часовню с монахом, но уже на этом месте никого не оказалось. Стала погоня гнаться по следам и выследила их к озеру. Тогда глава погони узнал, что они в озере, тогда они заделались рыбаками и закинули свои невода. Стали тянуть невода во все стороны озера, тогда щуке и осетру делать было нечего. Они из воды вылетели на коргу, встрепенулись на песке. Щука сделалась пастухом, а осетер сделался козю. Сделали они вид, что пастух пасет козу.

Рыбаки, как их ни ловили, но поймать не могли.

Рыбаки сделались охотниками, и стали делать они загоны. Сколько они ни загоняли, но диких коз не оказалось. Оказалась только ручная коза, которая прибежала к своему пастуху. Охотники прибегают к пастуху и спрашивают: «Не видал ли здесь двух коз?» А сгорбленный пастух говорит: «Видал, но теперь, наверно, они далеко». Сколько охотники ни охотились, но таковых они не видали.

Вернулась погоня обратно к той злой мачехе, которая их отравила в поиски.

Пастух и коза ударились об землю и представились в пару голубей и полетели в свою сторону.

Погоня обо всем доложила злой мачехе, что они отыскать никого не могли, видели только сгорбленного пастуха с ручной козой. Злая мачеха осердилась и говорит: «Вот надо было их и вести».

Мачеха не давала покоя своему старику: зачем он отдал платье, которое превратилось в волшебство и увезло все их драгоценности. Вынудила она своего старика, чтобы лететь вместе и разыскать злую дочь его и неверного слугу.

Старик сделался орлом, а злая мачеха орлицею, и полетели они так быстро, что от шума и завывания ихних крыл прекрасная девушка услышала и сказала своему возлюбленному: «Теперь за нами самая злейшая и лютая погоня. Догонит — тогда нам несдобровать».

Два голубя напрягли все силы и улетали все дальше от злой мачехи и ближе к своему дому. И вот красавица говорит своему возлюбленному: «Если мы перелетим красивую волшебную речку, тогда мы с тобою спасены».

Речка эта была заколдована тем старцем, у которого жил Алексей.

Прилетели они к этой речке, а погоня была уже на пятах. Когда два голубя перелетели и ударились об землю, представились красавец с красавицею. А злая мачеха на другой стороне речки ударилась об землю и представилась злой мачехой с отцом. Злая мачеха грозно ей грозила, а молодая красавица кланялась своему отцу и просила благословления на брачный союз. Злая мачеха со своим злым стариком обратно полетели не орлами, а печальными воронами.

Алексей и прекрасная девица ударились об землю, сделались двумя голубями и полетели к его отцу — хорошему охотнику.

Прилетели они на двор, ударились об землю, сын их представился красивым юношей с прекрасной девицей. Зашли они в избу. Увидел Алексей своего отца и мать.

Поклонились они им до земли и просили ихнего благословения на брачный союз. Учинили они хорошую свадьбу, прогуляли на этой свадьбе все друзья и все соседи. Жили они после этой свадьбы до глубокой старости.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛИХОН-БОГАТЫРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею. При старости лет у них родился сын. Его называли Иваном-царевичем. После рождения Ивана-царевича царь вскоре помер.

Иван-царевич рос не по дням, а по часам. Стал он десяти лет. Начал ходить играть с княжескими и боярскими детьми. Любил играть разными забавами, но его забавы каждому были не по сердцу. У кого ногу сломает, у кого руку вывернет, а кому и на смерть голову отвернет.

Стали ходить жаловаться царице, но мать ничего с ним не могла сделать. Изо дня в день он творил много беды, и мать стала ему говорить: «Пора тебе, сынок, выезжать на дела ратные и на побоища смертные, а ты все не бросаешь детские игры».

Слова матери Ивану-царевичу стали неприятными. Иван-царевич пошел к себе на конюшню выбирать коня. Как он ни выбирал, но кони были не по нем. На которого коня положит руку на шею, у коня шея отломится, а если положит ногу на спину, спина ломится надвое. Так выбрать он и не мог. Когда вышел он из конюшни, то ему попала старушка, подол в зубы закусил и здоровается: «Здравствуй, Иван-царевич!» А Иван-царевич сказал ей: «Цыть, старая псовка, я тебя ударю в ухо — даже будет в заде глухо, а если ударю высоко, то посыпится песок, а если на ладонку посажу и пришлепну, то мокренько будет».

А старуха и не подумала, что Иван-царевич будет это говорить. «Я ведь — старуха, могу разуму научить». Иван-царевич оду-

мался и стал с нею разговаривать: «А какому ты, бабушка, разуму научишь меня?» — «А скажи, что тебе потребуется?» — «Так вот, бабушка, мне нужен добрый богатырский конь, а я его не могу выбрать». — «Эко ты, Иван-царевич, давно бы так сказал. Есть конь еще твоего дедушки, за двенадцатью дверями, на двенадцати замках. Если сумеешь его достать, то может он тебе служить верою и правдою».

Иван-царевич вынул из кармана горсть золотых и подал старухе, взяла она и побежала, от радости ног не чуя. Бежит — только вся дрожит и сразу скрылась — убежала.

Иван-царевич пошел к этому подвалу и стал двери ломать, а конь, почуя сильного богатыря, стал цепи рвать. Иван-царевич все двери изломал, а конь все цепи изорвал. Выбежал конь навстречу, стал Ивану-царевичу на плечи передними ногами. Иван-царевич ударил коня по плечу и сказал ему такое слово: «Стой, волчий корм, травяной мешок».

Иван-царевич оседлал его в турецкое седельце, взял он саблю острую и копые долгомерное, и выехал он в чистое поле — широкое раздолье, и наехал он в поле на столб, на котором подпись подписана, подрезь подрезана: «Кто этот столб разобьет, тот немного силою подастся Алихону-богатырю».

Разбежался Иван-царевич на своем лихом коне, ударил этот столб своею острой саблей и разбил столб так, что от него остались одни щепки. После удачи поехал Иван-царевич домой со своей грозною силою. Бежит — земля дрожит: у кого кривые избы — падают, у кого худые печи — разваливаются. Услыхала мать, что бежит на своем лихом коне ее сын, вышла на балкон и стала спрашивать Ивана-царевича: с радостью он прибежал или кого испугался? «С радостью, родимая матушка!» — вскричал Иван-царевич. «С какой же радостью?» — спросила мать. «Я ехал в чистом поле и наехал на столб, у которого подпись подписана, подрезь подрезана: «Кто этот столб разобьет, тот немного силою уступит Алихону-богатырю». Мать тогда и говорит сыну: «Что ты, Иван-царевич, кто помянет про Алихона-богатыря, тот должен быть казнен». Иван-царевич и говорит: «Ничего, матушка, я его не боюсь».

Расседлал своего доброго коня, заводит его в конюшню и насыпает ему белояровую пшеницу, а сам пошел в спальню и заснул богатырским сном. Спит он день, спит другой, а на третий день встает, умывается и в путь-дороженьку собирается. Пошел он в конюшню, выводит своего лихого богатырского коня и поит его ключевою водою. Напоил, оседлал в турецкое седло, берет он саблю вострую и копые долгомерное, выезжает в чистое поле — широкое раздолье.

Доехал до растаней и увидал: стоит столб в два раза толще разбитого. Подпись подписана, подрезь подрезана: «Кто этот столб разобьет, тот с Алихоном-богатырем сравняется».

Разбежался Иван-царевич на своем верном богатырском коне, ударил этот столб так, что остались от него одни щепки. Поехал домой Иван-царевич. Бежит — только земля дрожит, из ушей у коня пламя пышет, из ноздрей дым столбом идет, у кого худые избы — падают, и кривые печи — распадаются. Мать услышала, что едет ее сын на славном богатырском коне, выбежала на балкон и увидела Ивана-царевича: «Что ты, Иван-царевич, с радостью или кого испугался?» — «С радостью», — отвечает Иван-царевич. «С какой же?»

Иван-царевич стал ей рассказывать: в чистом поле стоял столб в два раза толще вчерашнего. Подпись подписана, подрезь подрезана: «Кто этот столб разобьет, тот поравняется с Алихоним-богатырем». Мать и говорит Ивану-царевичу: «Что ты, Иван-царевич, кто про Алихона-богатыря расскажет, того казнят». — «Ничего, матушка, я его не боюсь».

Слезает с своего доброго коня, расседлал, ведет в конюшню, насыпает ему белояровую пшеницу, а сам идет в спальню, ложится и засыпает богатырским сном. Проспал он три дня, на четвертый день встает, умывается и в путь-дороженьку собирается. Идет в конюшню, выводит лихого богатырского коня, поит ключевой водой, седлает его в седлище турецкое, берет саблю вострую и копье долгомерное, садится на богатырского коня, выезжает в чистое поле — широкое раздолье. И опять видит — стоит на растани столб в два раза толще вчерашнего. Подпись подписана, подрезь подрезана: «Кто этот столб разобьет, тот Алихона-богатыря побьет».

Набежал Иван-царевич на этот столб, разбил его, как и те разбивал, вернулся домой. Мать так же его встретила, как и те разы. «С радостью вернулся или нет?» — стала спрашивать мать. «С радостью, матушка! Наехал я сегодня на столб в чистом поле в два раза толще вчерашнего. Подпись подписана, подрезь подрезана: «Кто этот столб разобьет, тот Алихона-богатыря побьет». И вот разбил я этот столб». Тогда мать и говорит: «Что ты, Иван-царевич, кто помянет Алихона-богатыря, того лютой смерти предадут». — «Ничего, матушка, я его не боюсь».

Расседлал своего доброго коня, увел, поставил его в конюшню, насыпал белояровой пшеницы, пришел в спальню и ложится спать. Проспал Иван-царевич целую неделю. Встает, умылся, причесался, в путь-дороженьку собрался. Вывел из конюшни своего богатырского коня, напоил ключевой водою, оседлал его в седельце турецкое, взял он саблю вострую и крепкий щит, и копье долгомерное, выехал в чистое поле — широкое раздолье, на поле ратное и на побоище смертное. Увидел в чистом поле сильного могучего Алихона-богатыря, у которого гордился сильный богатырский конь и ржал.

Стали съезжаться два могучих богатыря, столкнулись долгомерными копьями. Иван-царевич ударил Алихона тупым концом копья прямо в сердце ретивое и вышиб его из седла, и упал Али-

хон на сырую землю, как овсяный сноп. Богатырский конь Ивана-царевича наступил ему на грудь, а Иван-царевич поворачивает свое копыте долгомерное острым концом и ставит ему прямо в ретивое сердце и спрашивает у Алихона-богатыря: «Смерти тебе или живота?» Замолился ему Алихон-богатырь: «Иван-царевич, прежде у нас с тобой брани не было, да и впредь не будет, не дай мне смерти, а дай живота».

Сжалился Иван-царевич, слез с своего коня, привязал его к седлу в торока и привез его домой, посадил в темницу, а сам пошел в свою спальню. А мать все это видела и не выходила и не спрашивала Ивана-царевича. Она затаила свою злобу в сердце своем. После этого Иван-царевич ездил много раз в разные страны, и нигде не нашлось ему равного богатыря.

Когда Иван-царевич ездил, в это время мать брала ключи и ходила в темницу и полюбила крепко Алихона-богатыря. И вот они стали придумывать, как свести Ивана-царевича с белого света. Алихон-богатырь постоянно говорил матери Ивана-царевича: «Надо что-то делать с твоим сыном. Если он еще подрастет и узнает нашу любовь с тобою, то может обоих убить».

А царица любила Алихона-богатыря очень крепко и не хотела изменить его слов.

Однажды начала она спрашивать у Алихона-богатыря, как поступить с ним: «Если отравить — жалко, все-таки он сын мне. Как бы сделать исход иным путем?»

Алихон-богатырь стал ей советовать послать его в лес, чтобы он достал волчонка. Тогда его волки растерзают.

Матери понравился этот совет. Однажды она стала говорить своему сыну Ивану-царевичу: «Я, сынок, очень болею, и вот я видела во сне, как будто бы волчица молоко пила и оздоровела. Не достанешь ли ты мне этого молока?»

Иван-царевич, ничего не говоря, вышел из царских палат, пошел в лес. А когда пришел в лес, вдруг он увидал волчицу с двумя волчонками. Иван-царевич, увидя волчицу, заревел громким голосом: «Стой, волчица, куда я тебя не убил!» Волчица вдруг заговорила человеческим языком: «Что ты, Иван-царевич, не бей меня, а возьми одного сына». А Иван-царевич говорит ей: «Да он пойдет ли за мною?» — «Подой молочка, так он побежит за тобою».

Иван-царевич подоил молочка и пошел, а один волчонок побежал за ним.

Приходит Иван-царевич домой, подает волчицыно молоко своей матери. А царица будто бы пьет, а сама в запазуху льет. Незадолго времени царица опять свидалась с Алихоном-богатырем. Алихон-богатырь спрашивает царицу: «Ходил ли Иван-царевич в лес?» — «Ходил, — говорит царица, — и принес даже молока. Сам остался цел и невредим». — «Так вот что. Ты пошли еще его в лес, — говорит Алихон царице, — чтобы он теперь достал медвежье молоко».

Царица приходит в спальню и стала говорить сыну мягким и жалобным голосом: «Вот, сынок мой, которое я пила молоко волчицыно, оно мне пользы не принесло. Видела я во сне сегодняшнюю ночь: кабы я пила медвежье молоко, то я бы оздоровела. Будь дорогим и уважающим мать свою, сходи ты в лес, может быть, ты принесешь медвежье молоко».

Иван-царевич, ничего не говоря, встает, умылся, причесался и в путь-дороженьку собрался.

Идет в дремучий лес. Вдруг встречается ему медведица с двумя медвежатами, а Иван-царевич крикнул на нее богатырским голосом: «Стой, медведица, пока я тебя не убил!» Медведица заговорила: «Что ты, Иван-царевич, не бей меня, возьми одного сына». — «А он пойдет ли за мною?» — «Подой моего молочка, и он побежит за тобою».

Иван-царевич живо подоил медведицу в кружку и пошел, а медвежонок побежал за ним.

Когда приходит он домой и подает матери кружку молока, а мать взяла, будто бы пьет, а сама в запазуху льет. Иван-царевич уходит в свою спальню, а волчонок и медвежонок играют возле него.

Через некоторое время Алихон-богатырь сделал свидание с царицей и стал ее расспрашивать: ходил ли ее сын за медвежьим молоком. «Да, сходил, и принес он полную кружку молока, а сам остался цел и невредим». Алихон-богатырь, немного подумав, сказал: «Теперь нужно его послать в лес, чтобы он достал львицыно молоко, тогда львы растерзают его».

Мать приходит опять к сыну в спальню и опять стала говорить сыну ласково: «Дорогой мой сынок, Иван-царевич, ничего мне не помогло от медвежьего молока, и вот я сегодняшнюю ночь видела во сне, как бы я пила львицыно молоко и оздоровела. Иди в лес и достань мне этого молока».

Иван-царевич опять же умылся, причесался и в путь-дороженьку собрался. Пошел он в лес дремучий. Зашел он в непроходимую трущобу. Вдруг в трущобе зарычала львица. Иван-царевич крикнул на нее богатырским голосом: «Стой, пока я тебя не убил». Львица и говорит ему: «Не бей меня, Иван-царевич, а возьми одного моего сына». — «А пойдет ли он?» А львица говорит: «Подой моего молочка, и он пойдет за тобою».

Иван-царевич надоил кружку молока и пошел, за ним побежал львенок. Приходит домой, подает кружку матери. Мать взяла кружку, будто бы пьет, а сама в запазуху льет.

Иван-царевич уходит в свою спальню, теперь у него волчонок, медвежонок, львенок, и все они играют подле него.

Царица опять свиделась с Алихоном-богатырем, и он спрашивает ее: «Ну как твой сын, ходил ли он в лес?» — «Да, ходил, — говорит царица, — и принес молока». — «Да львицыно ли это молоко?» — спрашивает Алихон-богатырь. «Да, — говорит царица, — я бы не поверила ему, но он даже львенка привел». Али-

хон сильно удивился и говорит ей: «Ты скажи своему сыну Ивану-царевичу, что эти чертенята, твои звери, мне-ка очень надоели. Когда он скажет: «Куда я их деваю», то ты посоветуй ему, чтобы запереть их в пустой амбар, а когда он исполнит твои слова и запрет их в пустой амбар, тогда скажи сыну своему: «Так вот, мол, дорогой Иван-царевич, ты за разными зверями ходил, наверно от них и вшей накопил, давай-ка я лучше поищу у тебя вшей в голове». Когда будешь искать вшей в голове, увидишь на голове три золотых волоса. Вот в этих-то трех волосках заключается вся сила. Незаметно вырви эти три волоса, тогда он будет обессилен, тогда мы узнаем, что с ним сделать».

Так царица и сделала, как сказал ей Алихон.

Приходит к ней Иван-царевич, она ему и говорит: «Дорогой Иван-царевич, твои черти-звери мне уже надоели, надо их в лес отправить или запереть».

Поскольку Иван-царевич слушал свою мать, так и сделал. Взял троих зверят и запер в пустой амбар, замкнул их крепко-накрепко и приходит в свою спальню. Мать увидела его в окно, что он запер зверей в амбар, то она побеспокоилась скорее прийти к нему, стала говорить: «Дорогой ты мой Иван-царевич, ты все время возишься с этими зверями, и наверно, ты обовшивился от них, дай-ка я лучше поищу у тебя в голове вшей».

Иван-царевич был очень доволен, что мать беспокоится об нем. Он сел на стул, она на другой. Стала мать искать вши. Увидела она на голове три золотых волоска, незаметным образом она их выдрала. Когда выдрала эти три волоса, то Иван-царевич сделался сильно расслабленным и даже не мог стать со стула, а она пошла к темнице, отворила ее, выпустила Алихона-богатыря. Приходит царица с Алихоном к Ивану-царевичу, приносят цепи и заковывают Ивану-царевичу руки и ноги цепями. Повели его в цепях в ту же темницу, в которой сидел Алихон-богатырь. Выколол Алихон Ивану-царевичу глаза и приковал к стене, а сами вышли на двор, заперли Ивана-царевича тремя дверями. Каждая дверь была на крепком замке. Затем царица с Алихоном собрали в своем царстве все драгоценное и уехали в Алихоново царство, а Ивана-царевича оставили до конца его жизни.

Сидел в темнице Иван-царевич много лет, а медвежонок, волчонок и львенок сидели и думали, что придумана какая-то хитрая напасть для ихнего хозяина, и они стали думать: что если им выйти на свободу. Порешили, так и сделали. Попеременно стали грызть они двери. Наконец, удалось прогрызть им эти три крепкие двери и выйти на волю. Побегали по всему царству, поискали Ивана-царевича, но нигде его не было. Вдруг попадает им старая-престарая старушка, они стали у нее спрашивать, что бы значило, куда это все девалось и где сейчас Иван-царевич. Старушка с удивлением стала рассказывать зверям, что Иван-царевич сидит много лет в темнице, посаженный своею матерью и Алихоном-богатырем. Звери сейчас же бросились отыскивать Ивана-ца-

ревича. Прибегают к той двери, где ее даже песком занесло. Звери стали усердно отгребать песок от дверей, а потом стали грызть двери попеременно. Наконец, они прогрызли все двери, зашли туда и стали здороваться с Иваном-царевичем.

Иван-царевич спросил: «Кто вы такие, я вас не знаю и не вижу». А они ему и говорят: «Мы ведь твои дети-звери». А Иван-царевич им говорит: «Если бы вы были мои дети-звери, то я бы здесь не сидел». Звери ему и говорят: «Если бы ты нас не посадил в амбар, мы тебя никогда бы не выдали».

Вся вина пала на Ивана-царевича, что он послушал свою лукавую мать. «Ну, ладно,— сказали звери,— один будет стеречь темницу, а два зверя пойдут искать живую воду».

Медведь остался у темницы, волк и лев пошли искать живую воду. Приходят они на возвышенную сопочку. Волк ложится, как убитый, а лев лежал и ждал, когда прилетит ворон-чародей выклевать глаза у волка. Вдруг прилетает ворон с вороненком, садятся они на волка. Лев стал скрадывать. Старый ворон был хитрее, он спорхнул и улетел, а молодого вороненка схватил лев. Вороненок стал каркать и биться. Старый ворон стал просить льва, чтобы отпустили его сына-вороненка: «Я укажу тебе за это хороший выкуп». Лев и говорит ворону: «Мне ничего твоего не надо, а вот достань-ка ты живой воды».

Ворон живо спорхнул и улетел. Летал он два дня и прилетел обратно и подал льву пузырек. Лев хотел убедиться в чудодейственности воды. Он разорвал вороненка пополам и sprыснул этой водою вороненка, и вороненок спорхнул и полетел. Лев и волк пошли обратно. Пришли к темнице, где их медведь ожидал. Заходят они все трое, дали волку прыскать Ивана-царевича из этого пузырька. А лев и медведь стали грызть цепи. Как только волк sprыснул Ивана-царевичу глаза, и Иван-царевич сразу увидел все, стал благодарить своих детей. Пока лев и медведь не имели надежду перегрызть эти цепи. Иван-царевич приподнялся на ноги, как рванул руками и ногами, так и цепи слетели, как век на нем не бывали. Стал Иван-царевич благодарить своих детей: «Вот вы выполнили для меня большой долг. Я также достигну своей цели и вас пущу на свободу к своим матерям».

Иван-царевич стал показывать им свою голову, на которой они увидели три золотых волоска. Теперь, значит, силы Ивана-царевича восстановлены с помощью живой воды.

Пошел Иван-царевич вместе со зверями в Алихоново царство. Приходят они туда, а Алихон-богатырь с царицею блаженствуют и думают, что Иван-царевич погиб навеки. Как только увидели Ивана-царевича со зверями, то Алихон-богатырь на своем сиденье заколел, как лед. Взял Иван-царевич Алихона-богатыря и мать свою, посадил их на ворота и заставил слуг расстрелять их. А сам женился на Алихоновой сестре. Стал он жить да поживать и добра наживать, а зверям дал свободу. И жил Иван-царевич до глубокой старости.

СЕРЕБРЯНЫЕ ШЕВЯКИ

Ну-с, ладно, начнем. Был один крестьянин в деревне. Очень был беден. Была у него жена, конечно, и одна кобылица. Не особенно ему жилось. Как-то все выходило, куда ни кинь, туда и выходит клин.

В одно прекрасное время он поехал за дровами. Дело было летом. Когда он ехал с дровами обратно домой, увидел, за ним едут какие-то двое. По виду по всему, что приискатели. А он их хорошо раньше знал, что народ это завистливой. Было у него с собой несколько серебряных монет. И вдруг стала кобылица его шевяки ронять, а он тут же и подбросил эти мелкие монеты. Они хорошо заметили это, приискатели, и подъехали за ним на то место и увидели несколько серебряных монет да еще в шевяках. И они подстегнули своих лошадей, стали догонять крестьянина, а он себе едет, напевает песенки. Ни о чем не думает. Сейчас они догоняют его и спрашивают: «Что, мужичок, ты едешь так неосторожно?» Он спрашивает: «В чем же вы заметили мою неосторожность?» — «А зачем серебро-то рассыпал?» — «Да это ничего, — говорит. — Если бы мою кобылицу кормить хорошенько овсом, она бы, пожалуй, серебро одно роняла».

«Вот так-так, — думают, — и кобылица!» И как раз они были оба братья. Вот старший брат и говорит младшему: «А что, брат, давай купим кобылицу, чем нам скитаться с тобой по приискам, жисть убивать, завести такую кобылицу и сидеть дома».

«А что же, мужичок, у тебя кобыла заветная или продажная? Да, значит, ты ее продашь?» — «Пожалуй, продал бы, все равно шибко не кормлю, а эту мелочь надоело собирать». — «А что же бы ты взял за кобылицу?» — «Да тычонку-то надо было бы взять».

Приискатели думают, что это нам наплевать. «Ну так что же, давай по рукам, — запрягай кобылу!» — «Так-то так, а разве я дрова на себе повезу?»

«Ну тогда едем к тебе-ка».

Приезжают мужику на двор, не дали опомниться, посадили, кобылу выпрягли, отсчитали ему тысячу рублей. И повели кобылу. «А ведь мы не спросили его, чем ее кормить-то настоящее-то». — «Конечно, обыкновенно, надо кормить лошадь овсом и сеном, и поить водой досыта, и проезжать почаше, и ставить нужно ее в залу, а то, пожалуй, рассыпет деньги, и не соберете по двору».

Повели кобылу и стали спорить между собою, кому прежде взять. Старший брат говорит: «Я ведь родился-то прежь, поэтому я и должон взять кобылу себе прежь».

Привел домой, стал поить и кормить ее сколь хотел. И прогнал ее сажень сотни две. И завел ее в залу. Запер окна все крепко-накрепко, чтобы кобыла в окно не выскочила. Наутро он наказывает женке своей пораньше разбудить. А наутро жена его рано будит, побежала с голиком заметать деньги.

Забегает в залу — темно, а тут вместо серебра раскатился да чуть не упал, обмарал все свои руки и пошел окна отворять — смотреть, что такое там.

Видит — там не осталось ничего, все в брызгах, даже и стены и потолок. «Вот так-так, — думает, — за тысячу-то рублей удружил!»

«Ну, жена, скорей надо убирать это все, покуль брат не пришел». Живо заставили прислугу убирать и сами давай помогать и покончили все это. Приходит брат...

А он скорее поспешил ему навстречу. С засученными рукавами у рубашки. «Ну что как, брат, много серебра?» — «Ничего, брат, здорово. Везде на подоконнице, везде, брат, серебряны монеты». — «Ну, ну, давай скорее кобылу, я ее кормить буду».

Брат повел кобылу домой, а старшой брат с женою ссориться остались. Жена его так колотит, что на чем свет стоит.

Давай кобылу кормить младший брат: старается, как бы поболее скормить, а она уже не ест — ей и старого довольно.

Наутро получилась у них такая же история. Вот и жена так же принялась его колотить. А он давай бежать к брату: «Ну что, брат, ты зачем мне не сказал, как?» — «А у тебя как?» — «Да как у тебя да так и у меня!» — «Вот так и сволочь мужик!» — «Давай тепере пойдем убьем его, так и так от него не будет нам покою».

Идут они к мужику, а мужик тоже подготовился до них, начинил он бычачий пузырь кровью и уложил этот пузырь жене под пазуху. А сам подготовил бич и вострый нож и велел ругать себя на чем свет стоит.

Те приходят с таким злым настроением два брата, а тут не до их, тоже стоит содом, дым столбом. Жена бегаёт по избе, ругает мужика, что продал такую кобылу, — не дожидаться ни детям, ни внучкам, ни правнучкам такой кобылы теперь.

Да как сосочит мужик со злостью зверя, да как хватить ножом ее под пазуху — и жена тут же и растянулась на полу, и весь пол залила она кровью. Лежит замертво. Мужик глядел-глядел: «На что ты сдумала притворяться?» Да как схватит бич, начинает ее пороть, а как, должно быть, стало ей больно, она вдруг соскакивает. Словно шелковая стала. Забыла и про кобылу и про содом, стала бегать взад и вперед.

«Это что же такое?» — думают приискатели. Даже забыли о своем отомщении. А только стали расспрашивать ямщика, какое чудное свойство имеют ножик и бич. «Да посредством бы этого ножа и бича можно бы хорошо учить жен». Те и думают: «Вот, брат, бы купить. А то, пожалуй, нам жены и так покою не дадут теперь».

Так и порешили. «Не продашь ты этот ножик и бич?» — «Нет, я их вовсе не продам, а только на время с возвращением, да и то за добрые деньги». — «Что же будет стоить, если взять на неделю?» — «На неделю ежели дать, это будет стоить двести рублей».

Ну, порешили они взять по неделе. Отдали деньги, получили ножик и бич и пошли домой. «Кто прежде будет унимать жен?» — «Конечно, я», — говорит старший брат. «Только я тебе надолго не дам, дам только на сегодняшнюю ночь, мне тоже надо поспешить».

Ну так и порешили. Один домой, и другой домой.

Приходит старший брат домой, жена ему встречу — чуть ли не с поленом. А он скорее заскочил в избу да как хватил ее ножом тоже самое под лоджку, она сейчас же и спрокинулась и застыла. Он немного посидел. Берет бич и начинает пороть. Порол ее, порол, только уж боле она не стала. «Вот так-так, выучил на тот свет сразу, — думает. — Раз досталась такая участь, надо уж наделить и младшего брата».

Младший брат подходит поутру: «Ну как, брат, твоя жена?» — «Ну куда! Прямо шелковая стала!» — «Ну а сколько раз ты ее тыкал?» — «А куда же больше, — говорит, — нужно».

Идет младший брат домой и думает: «Уж выучить, так выучить надо порядком». Приходит домой. Тоже жена ухватом ему чуть глаза не выткнула. Он заскакивает в избу, схватывает ножик да как хватит ее по боку — так и повалилась, а он еще ее вдогонку раз. Та свалилася и лежать. А он сидел — давай пороть стал. Сколько ни порол, а она уже не стала. Посмотрел, а она уже заколела.

«Ну, брат, — думает на уме, — чо мы с ём будем делать, чем мы его накажем за всю эту обиду. Наказать его надо, придумать казнь».

Пошел он к брату. «Ну что, брат?» — спрашивает тот. «Конечно, что — сам знаешь!» — «А что теперя мы будем с ним делать?» — «Давай теперя распорядимся над ём».

И вот пошли они к ему. А он это хорошо знал, что они придут. А он как будто бы скоропостижно помер. И велел похоронить себя за избой. Оставил незаметное отверстие для дыхания.

Спрашивают: «Где муж у тебя?» — «Скончался он скоропостижно, я и похоронила уж его». — «А где он похоронен?» — «Да он похоронен за избой».

Пошли братья посмотреть, правда ли это. Видят: правда, свежей холмик. «Давай раскопаем его, посмотрим». Когда раскопали, он еще правда, свежий лежит. Давай они вынимать это мертвое тело и думают себе утопить его хоть бы мертвого, да в последний раз.

Посадили его в тулун, принесли его на реку, а вода уже тогда замерзла. Надо было пролубь раздавливать, а у них с собой не было взято ни пешни, ни кайлы. И они побежали домой. Принести хошь пешню или кого-нибудь.

Пока бегали, за это время проезжал мимо этого места священник. На паре лошадей. Он услышал, кто-то проезжает мимо, стал гаркать: «Спасите, погибаю». Священник сжалился, подъехал

к этому тулуну и так узнал, что это кто-то говорит о спасении. Священник слез с кошевки и стал развязывать тулун.

Видит он — и мужик-то знакомой. «Да, батюшка, вот так и так, маленько пришлось мне, не погиб я». — «А за что же?» — спрашивает священник. «Да уж, батюшка, дай я вам покажу, перво вот меня загребли вот так, как я на тебя буду надевать сейчас тулун». — «Так я понимаю, как вас пехали в тулун». — «Недостаточно, батюшка, этого. Как в тулуне сидеть душно, вы попробуйте».

И все ж таки напялил на его тулун. Ну и что же, священник хотел вылезать, а он все ж таки уверяет его: «Вот погоди, я завяжу, посмотрите, батюшка, как душно сидеть». А когда как крепко завязал: «Ну теперя, батюшка, можете оставаться с богом здесь. А я поеду. Мне нечего делать тут».

И полетел он на кошевке на паре так, что аж шишки воют.

Потом приходят два приискателя, давай долбить пролубь. Когда выдолбили, потащили тулун к пролуби. А священник смекнул, в чем дело, стал просить их: «Оставьте меня, я ведь батюшка!» — «Ах, вот ты из мертвого-то батюшкой заделался!» Ничего не говоря, опустили его в пролубь. И пошли довольные домой. «Ну, — говорят, — закончили теперь его мошенника».

Только стали до дому доходить, а он им настречу на паре катит. «Ох ты, дьявол эдакой! Он откуда же?» Стали его умолять, чтобы он остановился. «Что же ты, брат, как выбрался из пролуби-то?» — «А вот я, когда спустили вы меня в пролубь, и вот я приобрел там в воде сивку и бурку и вот еду сейчас обратно домой». — «А что же, каждому удастся поймать там?» — «Возможно, возможно. Только там реветь надо: «Сивка-бурка, вещь каурка, встань передо мной, как лист перед травой!» — «Так, пожалуйста, ты нас спусти-ка в эту пролубь». — «Так скорей тащите по новому тулуну».

Братья сбегали домой, взяли по новому тулуну, приходят: «Ну, давай, идем скорей!»

Приходят к пролубе, и садят старшего брата в тулун. Он и спрашивает: «Что говорить там?» — «Ты все время вспоминай сивку-бурку».

Что же, вместо сивки-бурки, когда его спустили в пролубь, там только получилось буль-буль-буль.

И так же и второму. Тоже велел спрашивать сивку-бурку. И тоже получилось то же буль-буль-буль.

Конец!

Однажды старый пес лежал на завалине, а по улице бежал волк и спрашивает: «Что ты, старый пес, лежишь тут на завалине?» — «А как мне не лежать? Потому силы отказываются служить мне-ка. Когда был молодой, то хозяин меня уважал и кормил хорошо, а вот когда я стал старый, то меня бросил взброс». Тогда ему волк говорит: «Тогда идем со мной и будем вместе жить».

Пес, не долго думая, поднялся и поплелся за волком. Пришли они в чистое поле. Тут ходил большой табун лошадей. Когда волк их увидел, стал валяться. Когда он повалился, и спрашивает пса: «Ну, как, пес, глаза у меня стали красные или нет?» Пес ему отвечает: «Нет». Тогда он стал валяться второй раз и второй раз стал спрашивать: «Ну, как у меня глаза красные?» Тогда пес сказал ему: «Да, теперь покраснели».

И волк бросился. Свалил молодого жеребца и перегрыз ему лен. «Ну, как думаешь, теперя, можем жить с тобой?» И вот пока ходили — они его ели. Наконец они его закончили.

Теперь старый пес говорит волку: «Пойдем к нам. Тут у меня хозяин сына женит, свадьба, может, тута-ка нам что-нибудь достанется».

Вот в темноте протискались они в избу меж людей, проскочили и залезли под столы. А когда гостей угощал хозяин, в этот момент пес ему лизнул руку. «Ох, ты! Это мой хороший Барбос заявился». И стал расхваливать свою собаку и подавать ему со стола. Даже ему подал стаканчик водки. А пес почти сам не ел, угощал своего гостя и угостил его водочкой, с которой даже забрался хмель ему в голову.

Когда гости подпили, стали песни петь, и волк стал подтягивать. Вдруг тут заревели: «Волк, волк в избе!» А он между людей да и выскочил во двор. А пса-то уж пинками проводили на двор, что он едва ноги потащил.

Теперь что делать псу? Пошел он странствовать один. Вышел из своей деревни, приходит в другую. Идет по улице, видит: на завалине сидит старый кот. «А что ты, котище, долгий хвостище, лежишь?» — «Да не говори, брат, — кот ему отвечает, — когда был молодой, то хозяин меня кормил, когда я мышей ловил. А когда я стал стар, то и перестали в избу пускать». — «Тогда идем со мною, будем питаться как-нибудь».

Кот, не долго думая, собрался за старым псом.

Вот они пошли в чистое поле. Идут, видят — ходит табун. Теперь старый пес давай валяться. Он видел, как волк проделывал. Повалился и спрашивает у кота: «Ну что, кот, стали глаза красные или нет у меня?» — «Нет, даже нисколько».

Пес стал валяться второй раз, и опять спрашивает у кота: «Ну, как? Стали красные у меня глаза?» — «Тоже нет», — говорит ему кот.

Пес удивился. Давай валяться и в третий раз. Повалился в третий раз и спрашивает у кота: «Ну, как? Покраснели глаза у меня?» А кот ему говорит: «Тоже нет». Тогда ему пес говорит: «Эй, ты, старый кот, не понимаешь в чем дело!»

Не стал боле валяться. Бросился он на жеребца и хотел его поймать за лен. А тот обернется, да как лягнет его прямо в лоб. А пес тут же растянулся и ножки протянул.

А кот подскакивает и смотрит на него и говорит пропащему псу: «А вот тепере покраснели у тебя глаза».

САКТАХИ МЭРГЭН

Сактахи Мэргэн был охотником, да такой, что свет не знал таких охотников. Где бы он ни стрелил, то никто от него не уходил.

Однажды он пошел охотиться. Подходит к бурной речке и увидел на другой стороне зверя громадного размера, что отродясь такого не видел. Стал стрелить он в этого зверя своей кремневкой. Когда он стрелял в зверя, то зверь набрасывался на него. Охотник бросал в него свое одеяние. Сначала бросил в него хармай. Зверь разорвал хармай, а в это время охотник заряжал ружье. Что было и не было он скидал в зверя, но седьмым выстрелом он убил зверя. Когда освеживал мясо, то таскал его три дня в свою избу.

Вечером к Сактахи приехал гость. Он признал, что гость очень подозрительный: из какой тайги мог приехать невооруженный гость? Гость действительно оказался Хангаем. Он приехал рассчитаться с Сактахи за то, что он перебил у него всех зверей. Сактахи угостил гостя, наварил ему мяса и чая. Гость просидел допоздна и стал говорить: «Я ночую у тебя».

Сактахи постелил постель из звериных шкур на нарах. Сам себе тоже постелил постель. Балаган был холодный, посередке таяли две головешки, и дым выходил кверху в отверстие. И легли они спать. Но Сактахи оделся звериной шкурой и не спал. Он все время наблюдал из-под шкуры за гостем. Гость поднялся и начал что-то вытаскивать из-за пазухи, как бы белое. Когда он вынул белое, Сактахи как будто тоже пробудился и сел. В это время гость говорит: «Я думал, что ты спишь, а ты еще так лежишь». — «Что-то холодно, надо подложить дров на огонь».

Гость лег спать, а Сактахи подложил дров и тоже лег спать. Сактахи как будто захрапел. Гость живо встает и вытаскивает из-за пазухи белое. Сактахи, увидя это, тоже соскочил. Гость сказал: «Я думал, что ты спишь». — «Что-то холодно, я думал дров положить на огонь».

Гость лег спать, и Сактахи тоже. Слышит Сактахи, что гость захрапел. Он вышел на улицу, взял отрубш чурки и положил на постель вместо себя. Вышел на двор, взял свою кремневку, натя-

нул курок и стал наблюдать в окошечко. Вдруг гость соскакивает, вытаскивает из-за пазухи белое, ткнул в огонь и бросил в звериную шкуру, где лежал Сактахи. Эта чурка со шкурой взорвалась, разбила стену и вылетела на воздух и горит. Гость стал смеяться и бить в ладоши и приговаривать: «Разорил ты меня, убил самого большого зверя льва. Но все же сумел я тебя убить».

В это время Сактахи выстрелил в гостя. Гость в пух и в прах разлетелся, и ничего тут не стало.

Назавтра Сактахи встает, идет охотиться и опять набил много зверей и приходит в свой балаган. Стал варить мясо для ужина, и услышал он на дворе плач и причитание. Он вышел на двор узнать, кто может тут охать и плакать. Сактахи увидел, что одна женщина едет на карем коне, плачет и причитывает: «Сколь я ни говорила своему мужу — не ездь к Сактахи, он убьет тебя. Ты все же не послушал меня и получил смерть от Сактахи». — «Смотри, не ездь здесь, — сказал Сактахи, — а то и тебя убью».

После этого никто здесь не стал проезжать. А Сактахи до самой старости бил помногу зверей.

ПОЧЕМУ ХВОСТ У ЛАСТОЧКИ РАЗДВОЕННЫЙ

Значит, называлась в бурятском преданье ласточка — божье творенье. А овод называют — дьявольское создание.

Вот однажды дьявол послал овода испытать, чья кровь слаще — скотская, звериная, птичья или что бы там ни было на свете.

И вот овод летит, пробует этой всякой крови и не нашел лучше крови человеческой.

Когда он обратился на обратном пути к дьяволу, в то время ласточка находилась в разведке от бога, какие силы уничтожить или оставить навечно маяться калеками.

Встречается ласточка с оводом, вопрос задает по случаю его командировки. Тот отвечает, что «я важный делегат по испытанию разных кровей животных, птиц и людей». — «Ну а что же узнал ты из этих кровей?» — «Да, — говорит, — лучше крови человеческой нет». Ласточка его предупреждает: «Наверно, врешь ты, я тебе не поверю. Если только человеческая кровь лучше, то осталась она, наверно, у тебя на языке». — «Да, — говорит, — я часть крови этой несу показать дьяволу». Ласточка ему и говорит: «Если только вправду слаще, вы дайте мне попробовать, тогда я вам поверю».

Насколько был прост овод: садится ласточке на нос и выпялил свой язык с кровью ласточке.

В знак пробы ласточка откусывает совсем с кровью его язык. Тогда овод остается уже безо всего. Нечем объяснить уже дьяволу, какая кровь вкуснее, — он только летит и жужжит, больше ничего.

Ласточка прилетает, садится, где прилетает, черт выслушивает слова овода, что он будет объяснять дьяволу. Ну и разным жужжанием, разным показанием — и все-таки объяснить не мог.

Дьявол схватился за лук и стрелы и выскочил на двор. В это время ласточка со страху слетела и улетела. Который успел в это время пустить стрелу в нее. Но стрела не угодила в нее, а угодила в хвост, который раздвоился пополам.

Так и до сих пор остался ее хвост.

Анна Куприяновна Барышниковна

1868-1954

Сказочница А. К. Барышниковна родилась в самом центре России в деревне Чуриковой Воронежской губернии. Дед и отец ее были крепостными. Ни они, ни она сама не могли выбиться из нужды. Единственным, чем не обделила их судьба — талантом сказителей. Рассказывал сказки дед Леон, да такие, что не раз по барскому приказу был порот. «Уж очень у него сказки-то были озорные: все про бар да попов». Славился как рассказчик и ее отец Куприян. «Занятны сказки были, — вспоминала Анна Куприяновна. — За свои сказочки мой отец немало подарков получал. Поедет в Воронеж, и там сказывает на постоянных дворах, в трактирах. Везде его привечали, как гостя дорогого. Муку в пекарню привезет, а пекаря рады: «Дядя, — говорят, — Куприян приехал, опять будет сказки сказывать». Когда он сказки говорил, работа тогда лучше спорилась, так что хозяин его на ночную смену оставлял сказывать. За это он нам кренделей возил».

Анна Куприяновна, Куприяниха по-уличному, вышла замуж в село Большая Верейка. Родила десятерых детей, пятерых схоронила, овдовела рано. Жила бедно, тяжело, самой приходилось детей поднимать на ноги. Но сказку, полюбившуюся с детства и перенятую от отца, не забывала. «Праздничек придет, дети соседские играть выбегут, а моим не в чем на улицу показаться: ни одежки, ни обуви, как есть все раздеты да разуты. Зазову я соседских детей к себе в дом, зачну им сказки сказывать, сидят они, слушают, — так и день пройдет».

Сказочницу Куприяниху для науки открыла в 1925 году Н. П. Гринкова. Собирательница была буквально покорена артистизмом сказительницы. А. К. Барышниковна «рассказывает сказки с соблюдением всей «обрядности»; понимает рассказывание как худо-

жественную передачу известного ей сюжета. Все действующие лица сказки говорят особым голосом, всегда отличишь, басит ли это Иван-дурак, говорит ли с чувством, с толком, с расстановкой Иван-царевич или какой-нибудь другой герой». Сказки Куприянихи полны размеренной и рифмованной речи, порой они звучат как раешные стихи, порой почти поются.

В 1930-е годы к А. К. Барышниковой пришла известность. Ее приглашают в Воронеж. Здесь Куприяниха выступает в клубах перед рабочими и студентами. В 1936 году сказительницу пригласили в Москву. «Там меня водили по клубам, театрам, музеям, даже в метро спускалася, диву-дивному дивовалася. Город под землей прекрасный, светит там солнышко ясно», — в рифму, как и свои сказки, вспоминала она о своем сказочном путешествии в столицу. Побывала А. К. Барышникова и в Ленинграде, на памятники дивовалась. «Царица Катерина дюже, видно, здорова была, а с нами, крестьянами, говорят, люто расправлялася». Участвовала сказочница в мае 1939 года в Петрозаводске во всекарельском совещании сказителей. На ее долю достались все те почести и уважение, которыми были окружены народные сказители в 1930-е годы.

Литература: Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи // Художественный фольклор. 1926. Вып. I. С. 81—98; Тонков В. Жизнь и творчество А. К. Барышниковой // Сказки Анны Куприяновны Барышниковой. — Воронеж, 1939. С. 3—19.

ИВАН ВОДЫЧ И МИХАИЛ ВОДЫЧ

У попа была девица престарелых лет. И она позарилась на тех людей, которые приобрели себе детей. «А я, — говорит, — без детей, престарелых лет куда денусь?»

Пошла она раз за водой с двумя ведрами. Вот почерпнула одно ведро и видит — в ведре пузырек. Взяла она этот пузырек выпила — до того он ей показался сладок! Черпает правую рукою другое ведро, смотрит — и там пузырек. Выпила она другой пузырек — и тот также сладкий. И вдруг она себе чувствует, что она затяжелела. В животе дети растут не по часам, а по минутам. Сорок часов прошло, и она родила двух мальчиков. Окрестили тех детей, одного Михаил Водыч, другого Иван Водыч назвали.

Те дети быстро выросли, в шесть недель. Как по двадцать лет им стало, те дети охотой норовят заняться. Пошли, заказали себе ружья одинаковы, через несколько минут получили ружья, пошли на охоту.

Идут — лежит заяц. Они намечаются его бить, заяц им отвечает: «Не бейте меня, я вам пригожусь!»

Идут дальше — лежит лиса. Намечаются они бить, лиса им говорит: «Не бейте меня, я вам пригожусь!»

Они прошли — лежит волк. Они намечаются бить, он человеческим голосом говорит: «Не бейте меня, хлопцы, я вам пригожусь!»

Идут они дальше — лежит медведь. Они опять намечаются бить, он человеческим голосом говорит: «Не бейте меня, хлопцы, я вам пригожусь!»

Идут дальше — лежит лев. Они намечаются опять бить, человеческим голосом лев говорит: «Не бейте меня, хлопцы, я вам пригожусь!»

Идут дальше — лежит тигра. Они намечаются бить, она человеческим голосом говорит: «Не бейте меня, хлопцы, я вам пригожусь!»

Идут дальше — лежит сокол. Они намечаются бить, сокол отвечает: «Не бейте меня, я вам пригожусь!»

И вот они так бродили по лесу. Какие бы звери ни были, все им отвечали: «Пригодимся!»

Воротились они домой. Двенадцать дней побыли дома, и пошли они по той же дороге свою охоту собирать. Собрали они зверье и всех своих соколов и разных понятных птиц, пошли они на охоту. Шли-шли и пришли: две дороги. На одной дороге написано: «Богатому быть», а на другой дороге — «Смерти быть». Они

поконалися. Михаил Водычу досталось — «Богатому быть», а Иван Водычу досталось — «Смерти быть».

Вот они так согласились: охоту поделили одинаково, ружья поделили одинаково. Сами они — одно лицо — нельзя разгадать их.

«Ну, брат, я по той дороге пойду, ты по этой. Если ты будешь в умерших, — говорит Михаил Водыч на Иван Водыча, — то мое ружье почернеет. Я тебя буду по этому отыскивать».

А если Иван Водычево ружье почернеет, то Михаил Водыча не будет в живых.

И распростились, пошли по разным дорогам: этот со своей охотой, Михаил Водыч, а Иван Водыч со своею.

Шел-шел Иван Водыч и, вот тебе, пришел — в поле стоит кабак. Целовальник говорит: «Зачем ты сюда зашел? Тут, — говорит, — Змей Горыныч поел всех людей». — «А что он за такой?» — «Ныне, — говорит (целовальник), — царскую дочь повели».

А у них там такая башня сделана. Отведут туда такого человека, он его съедает.

Потом (Иван Водыч) говорит: «Да во сколько ж он часов прилетает?» — «В двенадцать часов».

Вот он выпил винца. «Дай, — говорит, — я пойду погляжу на него». Взял он свое ружье и пошел туда. Приходит туда, царская дочка к смерти убрана. «Эх, добрый молодец, зачем ты сюда зашел?» — «Змей Горыныч прилетит, меня съест и тебя не помилует». — «А что он за таков? Подавится! Слезай сюда, поговорим с тобой».

Они минут пять поговорили — глядь, Змей Горыныч летит. Там мост недалеко. Он (Иван Водыч) стал под мост с своим оружием и стоит ждет.

Подлетает (Змей Горыныч): «Русь-кость пахнет!» Иван Водыч отвечает: «Что за русь-кость пахнет?» Он (Змей Горыныч) трехголовый: «Что мы с тобой драться будем, аль мириться?» Иван Водыч отвечает: «Не за тем шел, чтоб мириться, а за тем, чтоб драться!»

Махнул саблей — две головы ему сразу сшиб, в другой раз махнул — и последнюю снял, третий раз махнул — и всего его смял. Изрубил его на мелочь, поднял премогучий камень и туда его кости положил. Подходит он к царской дочери, берет за руку и ее ведет. Распроцался на том месте, на мосту. Отдала ему заметку, платочек носовой.

Где ни был Чугункин цыган, ехал с бочкой за водой. Ковырнул бочку: «Садись, царская дочь, повезу тебя». Рад этому счастью. Везет ее и выпрашивает: «Как ты жива осталась?» — «Да, — говорит, — добрый молодец явился, что меня отстарал». Он ей угрожает: «Скажи я тебя отстарал, а то все равно я тебя сейчас исхищу».

Царская дочь побоялась смерти и заклятье дала, что так и скажет.

Мать с отцом увидели, что везет живое дитя, свою дочь: «Ах,

дитятко, как осталось?» Чугункин цыган говорит: «Я ее отстарал». Там ему почет, уваженье.

Приходит вечер, другой сестре достается ехать туда. Эх, Катя плачет: «Большая сестра жива осталась, а мне идти на смерть, на съедение».

Так же убрали ее, на то же место посадили. Приходит Иван Водыч: «Здравствуй, Екатерина прекрасная!» — «Здравствуй, здравствуй, добрый молодец! Зачем тебя сюда бог занес?» — «Вот я именно из-за тебя». — «А что ты слышал про меня?» — «Да, я слышал, хочу, — говорит, — отстарать тебя». — «Ах, кабы бог послал, — Катя говорит, — я бы твоя невеста была». — «Ну, это тогда видно будет», — Иван Водыч сказал.

Только они проговорили, другой летит Змей Горыныч. Этот о шести головах. Иван Водыч отправился опять под мост.

Подлетает он к мосту: «Русь-кость пахнет!» — «Что за русь-кость пахнет?» — «Что мы — драться или мириться?» — «Не за тем, — говорит, — шел, чтоб мириться, а за тем шел, чтоб драться!»

Как махнул — у того сразу три головы слетели, (другой раз) махнул — еще три слетели. Третий раз — всего порубил. Приподнял премогучий камень и туда его кости поклат. Подходит он к Кате и говорит: «Пойдем, — говорит, — со мной».

Подхватил ее за руку. Поблагодарила она Ивана Водыча и кольцо ему подарила свое именное. Иван Водыч отправился к целовальнику, выпил водочки и лег спать.

Она идет, Чугункин цыган опять за водой едет. Сваливает тем же оборотом бочку, сажает опять на дроги Катю, другую царскую дочь. «Ну, как же ты осталась?» Она ему рассказала: так-то и так-то. Он и Кате угрозы дал: «Скажи, что я тебя отстарал, а то все равно исхищу». Ну, и Кате не хочется умирать, заклятье дала: «Скажу, что ты отстарал».

Потом обрадовались ее отец и мать, стали цыгана угощать. Идет ему почет.

На третью ночь последнюю дочь-красавицу везут на то же место. Собирается Иван Водыч идти в то же место и приказывает целовальнику: «Станови ты стакан перед собою с водою. Как стакан закипит, ты выпускай охоту мою».

Вот он (Иван Водыч) пришел: «Здравствуй, красавица!» — «Здорово, добрый молодец! Зачем тебя сюда бог занес?» — «Да именно из-за тебя, отстарать тебя». Она: «Кабы бог дал, я бы твоя невеста была». — «Ну, слезь сюда, поговорим с тобою».

Слезла она с башни. Он привязал камень трехпудовый против себя и под этим камнем сели вдвоем. «Ну, — говорит Иван Водыч, — поищи меня. Если я засну, ты меня разбуди тогда. Вот, — говорит, — когда Змей прилетит, а ты меня не разбудишь, то отруби камень на меня».

И вот Змей налетел. Вот она будила-будила его, никак не разбуждает. И жалко ей стало камень рубить, отвязать его (боится — убьет) и слезно заплакала. Капнула слеза и на щеку попала.

Вскочил Иван Водыч — горячая ее слеза была. «Ах, — говорит, — сожгла меня! Ну, — говорит, — ничего!»

Махнул рукой и побежал под мост. Налетает Змей о двенадцати головах: «Русь-кость пахнет!» Иван Водыч отвечает: «Что за русь-кость пахнет? Сам Иван Водыч!» — «Слыхал, слышал, — говорит, — про сукина сына Ивана Водыча. Я с ним поборюсь!»

Этот махнул. Иван Водыч шесть голов долой. Змей махнул хвостом — шесть голов выросли. Он (Иван Водыч) в другой раз махнул — опять шесть голов слетели. Он (Змей Горыныч) махнул хвостом — опять шесть голов на нем. Третий раз махнул (Иван Водыч) — шесть голов сшиб и саблю перешиб. Забирает он (Змей Горыныч) его руку в рот.

А этот целовальник сидел-сидел и уснул. Стакан кипел-кипел, лопнул и в щеку попал ему. «Ах, — говорит, — я проспал!» А его (Ивана Водыча) охота была заперта за двенадцатью дверями. Уж шесть дверей прогрызла охота, ногами бьет, зубами скребет, голосом ревет. Выпустил целовальник охоту. Налетела она на Змея Горыныча, всего растерзала на мелочи, выручила Ивана Водыча из неволи. Немного он ему руку помял. «Ну, — сказал Иван Водыч, — это ничего, заживет!»

Собрал его (Змея) кости и под могучий камень опять положил к этим братьям его.

Полотенце Марья-царевна с себя сняла и руку ему перевязала и свой именной перстень отдала. Вот он пошел домой, выпил водки и лег спать. А целовальнику сказал никому водки не давать.

Едет Чугункин цыган тем же образом, как вчера. Увидел царскую дочку Марью-царевну. Сваливает бочку и сажает ее на телегу. «Ну, как ты жива осталась?» — «Да, — говорит, — отстарал меня добрый молодец». — «Ну, — говорит, — говори, что я, а то все равно смерть твоя!» Та запугалась, Марья-царевна, заклятье дала: «Скажу ты!» А Марья-царевна была у них лучше всех, красивой всех. Он говорит: «Я женюсь, — говорит, — на тебе!» — «Ну, что ж, пойду за тебя замуж!»

Вот привез, рады отец с матерью — третью дочь отстарал. Почет ему, уваженье. А цыган радуется, растет, что ему почет идет. Собирается цыган на Марье-царевне жениться, как по согласию отец с матерью отдают. И, вот тебе, к вечеру свадьбу делать, венчать цыгана с Марьей-царевной. Все собрались, теперь за водкой в кабак посылают. А целовальник водки не дает. (Царь говорит): «Почему так, не дает водки?» Посылает слуг: «Скажи, царь велел!» А целовальник говорит: «У меня есть свой царь!»

Да, приезжает слуга, так и говорит. И-их, царь рассердился: «Что же это за царь?» Взял саблю с собой, собирается сам ехать. А дочери-то уж подчуяли, в чем дело-то. «Папенька, мы с вами поедем!» — «Ну, поедем».

Приехали туда, он спрашивает: «Где этот царь?» — «Вот, — говорит, — спит-лежит».

А Иван Водыч уснул богатырским сном. Тогда девушки приступили и узнали его. «Ах, папенька, этот самый, какой нас спас!»

Узнал царь на его руке своей Марьи-царевны полотенце. А тут подходит одна, вынимает платочек из кармана: «Это,— говорит,— батюшка, мой именной платочек». А другая говорит: «Ах, батюшка, это мое именное на нем кольцо». Третья говорит: «Это мой золотой перстень».

И не могут они его разбудить. Привезли они оружие, стали они с оружия бить, чтобы его разбудить. Проснулся Иван Водыч — народ толпой стоит. «Ах,— говорит,— что такое, народ стоит?» — «Народ за водкой на свадьбу приехал». — «Кого,— говорит,— женить?» — «Чугункина цыгана». — «А за что, как?»

Стал государь свои речи объяснять, что вот он отстарал его детей. Иван Водычу хочется у него спросить, как он отстарал их. Поехали они на то место, где он боролся со змеями. Чугункин цыган показывает: «Я,— говорит,— их тут порубил и под этот вот камень положил». — «Ну-ка,— говорит Иван Водыч,— подними поглядеть на кости».

Тот (цыган) вертелся, вертелся,— не то поднять, он взглянуть на него (на камень) не может. Тот царь глядит, что неправда цыгана, это он врет.

Поднимает Иван Водыч камень, а царь и смотрит, сколько ж там змеиных голов, сколько костей! И царь с ужаса побелел. Ухватил Иван Водыч цыгана за вищонки и положил его туда, к змею, и камнем привалил.

Тогда царь уверил Иван Водыча, что дело все его, что отстарал Иван Водыч всех троих. Тогда они не стали цыгана бояться, стали к Иван Водычу ласкаться.

Иван Водыч говорит: «Я вашу дочь, Марью-царевну, за себя возьму!» Благословили ее отец и мать и повезли ее венчать. И вот перепенчались они.

Ни мало, ни много пожили они. Пошел Иван Водыч со своими зверями на охоту. Ходил-ходил по лесу, попался ему золотой заяц. Он его отпустил. Ходили-ходили и они по лесу и до темна их довело. Обночились они там ночевать, Иван Водыч со своей охотой. Развели огонек, он обогревается, поджаривает ветчинки на ужин, а охота кругом сидит. Вот тебе, идет старая старушка: «Добрый молодец, привяжи свою охотку, а то я боюсь! Пусти-ка согреться!» — «Иди, бабушка, охота моя тебя не тронет!» — «Нет, я боюсь, на поясок свяжи (охоту), чтобы она не ушла, меня не тронула».

У него недоразумение вышло, взял да связал. Она закаменела, вся его охота. А эта самая яга-колдунья, Змея Горыныча мать. Набросилась она на него и всего его изгрызла, изрезала на куски, посолила и в коробок (потом) закопала.

Вот брат глядит, Михаил Водыч,— почернело его ружье. Слезно заплакал и пошел он искать. Приходит он в это царство к целовальнику: «Здравствуй!» — «Здорово!» Он (целовальник) называет его Иван Водычем, не узнал: «Что же ты, брат, давно не показывался? Как женился, так и заспесивелся!»

Тот в голову взял, Михаил Водыч, что он его не узнал. А их личности разгадать нельзя — один в один, охота одна в одну, все зверство и птица. Приходит он к его тестю (Ивана Водыча) и к его жене. Та обрадовалась, ведь сколько не видала она его. Они его встретили, угощают, он все невесел. Она его называет Иван Водычем, обнимает, целует его. Нет не так, — все вздыхает. Он говорит, говорит, а все же не прилежно (не ласкает, как муж ласкал). А не сказывается, ее не пугает, что мужа в живых нет; он ее не пугает.

Вот ложатся они спать. Он не раздевается и не разувается. Она его там называет: «Ваня, Ваня», а он отвернулся к стенке лицом, Михаил Водыч, вздыхает и слезно плачет. Она у него спрашивает: «Ай тебя кто обидел, ай тебя кто зашиб, или ты чего из охоты потерял?»

Он все ничего не говорит, только плачет и плачет. На утро поднимается, поел — угостили они его — и пошел на охоту себе.

Ходил-ходил по этой тропе. Этот заяц золотой попался опять и почти до этого места довел, где брат лежит его. Обночился он там ночевать со своей охотой. Развел он огонек, вынул из сумки ветчинки, жарит ужин и сидит греется со своей охотой. Вот тебе, является к нему старушка: «Здравствуй, добрый молодец!» — «Здорово, здорово», — невесело Михаил Водыч отвечает. — «Можно у тебя обогреться?» — «Да можно». — «На-ка поясочек, свяжи свою охоту, я боюсь». — «Иди, иди, не бойсь, моя охота не тронет», — так Михаил Водыч ей грубо отвечает. — «Нет, милый человек, на поясочек свяжи».

Взял он у нее поясочек и бросил его в огонечек. Набросилась было бабка эта на Михаила Водыча. Ухватил ее лев поперек, медведь подбежал держать ее. «Ох, Михаил Водыч, бросьте меня!» — «Скажи, где брат мой?» — «Скажу и доведу!» — «Ну, веди меня».

От этого места десять сажен прошли и всю закаменелую его охоту нашли. «Говори, старый черт, чем ее воскресить, эту охоту?» — «На-ка пузыречек, сбрызни ее».

Взял он пузыречек, сбрызнул охоту, встряхнулася, вскочила охота: и лев ногами бьет, сам ревет, и вся охота — нету их хозяйина.

«Говори, старый черт, где брат мой?» — «Ох, бросьте меня, я покажу, где он закопан!» — «Нет, не брошу, а веди!»

Довела, откопали, как живой был, его склади, охота его языком слизала. Все рубчики и все раны позализанные, как посшиты. «Как, говори, воскресить его, старый дьявол?» — говорит Михаил Водыч. На ту пору другая колдунья-сорока летела. «Вот поймайте сороку».

Сокол вдруг прямо кинулся и поймал сороку. Над ним (Иван Водычем) сороку разорвал и кровью его сбрызнул.

Иван Водыч встал и говорит: «Ах, брат, я проспал!» — «Да, — говорит, — брат, проспал бы ты, проспал!»

А эту старушку изрубил, всю на мелочь разорвал и тут же ее на этом месте закопал.

Идут они с братом, с Иваном Водычем. И хвалится Иван Водыч Михаилу Водычу, говорит: «Брат, я женился!» Михаил Водыч говорит: «Я у вас был, твою жену видел, с ней спал!»

Не стерпел Иван Водыч, ревность взяла, и срубил голову брату. Охота окружила Михаила Водыча и ревет, а Иван Водыч до двора идет. Идет он домой к своей жене молодой. Ну, как от оскорбления Михаила Водыча жена невесело его встречает. Поужинали они, постановил он свою охоту и во светлицу к своей жене молодой. Как он ее давно не видал, рад ей, стал ее обнимать и целовать и ласкать. Ну, как она обиженная, суровым взглядом на него смотрит. Легли спать, он у нее спрашивает: «Что ты так на меня осерчала?» Она ему отвечала: «Как я тебя в анадышней ночи ласкала! Ты от меня отвернулся, не стал со мной говорить ничего. Я у тебя по доброй совести спрашивала, кто тебя обидел, или что у тебя украли, или у тебя из зверей кто пропал, а ты то ли дело весь вечер прокричал. Плачешь и плачешь, ничего мне не отвечаешь!»

Иван Водыч и загоревал: как он (Михаил Водыч) грустно ночевал!

На утро поднимается, опять идет со своей охотой туда, где брат лежит. Вот тебе, ворон летит насупротив мертвого брата. Он сокола послал поймать ворона. Ворон соколу отвечает: «Не губи меня, я тебе пригожусь!» — «Ну, скажи мне, помоги беде моей!» — «Дай я помогу!»

Полетел он в лес, нашел дубовое яблоко, принес он Иван Водычу. Иван Водыч Михаил Водычу голову приложил и это яблочко пожал. От этого соку Михаил Водыч встал.

И пошли они оба до двора. Пришли они домой — не угадает жена, какой ее муж и к какому подойти: разговор у них один, личность одна. Потом она его угадала: на мизинце именно кольцо ее. Поженились они оба. Михаил Водыч (женился) на бóльшей, какую Иван Водыч первую отстарал. И дал царь обоим зятьям по государству, разделил их. Вот когда они делились и женились, я там была, мед пила, по губам текло, а в рот не попало.

А живут хорошо, письма мне шлют, только они до меня не доходят.

МАРЬЯ-ЦАРЕВНА-ЛЯГУШОНОЧКА

У царя Микидона было три сына и все неженатые. Вот они просят: «Батюшка, жени нас». — «Нет, дети, вы сами уж взрослые, ищите себе невесту. Я тогда могу свадьбу сыграть, бал собрать, на пир гостей созвать».

Те ребята собрались обдумливать себе невесту, где какую кому свататься, и придумали: «Давайте мы себе поделаем стрелы».

Поделали они стрелы, и такой у них уговор: куда попадет стрела ихняя, там и ихняя невеста.

Вот первый брат натянул свою стрелу-луч и выпалил стрелу. Попалась стрела в государский дворец.

Другой брат натягивает свой луч и выпускает стрелу. Попала его стрела, и пошел он разыскивать свою стрелу в княжецком дворцу.

Потом заряжает свою стрелу, наставляет свой луч Иван-царевич. Выпаливает свою стрелу прямо в речку. Пошел он ее отыскивать и нашел свою стрелу в речке. И заплакал Иван-царевич. Плачет Иван-царевич, и по речке раздаются волны. Раздаются волны, в зубах несет она его стрелу, Марья-царевна-лягушонка, и говорит: «Квк-квк! Что Иван-царевич, вы плачете?» — «Ну, — говорит, — как же не плакать, все мои братья невестьев нашли, а мне, — говорит, — невесты нет...» — «Ну, да что же, буду и я твоя невеста».

Ну, хоть и не нравится Ивану-царевичу, а судьба довела. Приходит к отцу, объявляет отцу, что у меня невеста есть. Хотя соестно сказать, что лягушонка невеста, ну, все же сказал.

Те братья хохотом принапонились. Подняли брата на смех. Вышел отец и говорит: «Полно вам грохотать, пора за дела браться». Первому брату, большому сыну, приказал утирку принести. И второму так же, по утирке им. И Иван-царевичу велел утирку принести.

Да, пошли они, заказали своим женам, что батюшка требует от вас по утирке в подарок.

Приходит Иван-царевич к речке и слезно плачет. Плывет его лягушонка: «Ква-ква! Что, Иван-царевич, плачешь?» — «Как же мне не плакать? Мой батюшка приказал утирку принести, где я ее возьму?» — «Ну, ложись спать, утро мудренее вечера».

Там палатка выстроена прекрасная, лег он спать в этой палатке. Выходит Марья-царевна прекрасная, махнула рукавом: «Собирайтесь, мамки, няньки, ткать утирку, какой батюшка мой утирался».

Те собрались, подали ей такую утирку, лучше, чем батюшка утирался, разными морозовыми цветами. На утро поднимается Иван-царевич и несет своему отцу родному утирку.

Те подали утирки. Одна хороша утирка у старшего сына, у середнего — еще лучше. А Иван-царевич подал утирку — и нельзя описать: красивой всех и лучше всех!

На другой день задает он им, чтобы принесли все по скатерти. Большой брат пошел своей заказывать, середний своей, а Иван-царевич опять заливается слезьми...

Раздвоились на речке волны, плывет лягушонка, спрашивает: «Ква-ква, Иван-царевич, что плачешь?» — «Как же не плакать, батюшка приказал мне принести скатерть, а где я ее возьму?» — «Ну, Иван-царевич, ложись спать, утро мудренее вечера».

Лег он спать, выходит Марья-царевна прекрасная, Василиса, махнула рукавом: «Мамки-няньки, собирайтесь сюда ткать ска-

терть Ивану-царевичу в точности такую, как у моего батюшки на столе».

Выткали они скатерть — такая скатерть прекрасная: по краям узорами — лесами, посередине — морями.

На утро встал Иван-царевич, взял под мышку и пошел. Собрались братья. Стал отцу бóльший брат подавать — такая же красота, так хороша! Отец радуется. Подал другой сын — еще лучше. Бóльший брат на Иван-царевича говорит: «А ты что от своей лягушонки принес?»

Подает он отцу, Иван-царевич, скатерть — какая же красота выткана: и морями, и лесами, и звездочками, и месяцами, и кораблями! Невозможно вздумать и невозможно сказать, не видал он отродя таких скатертей в своей жизни.

Потом он им дает такое приказание, сказывает-приказывает, чтобы испекли по пирогу. Эти пошли к женам заказывать. Иван-царевич опять пришел к речке, заливаётся: «Где я,— говорит,— батюшке пирог возьму?»

Раздается волна по речке, плывет лягушонок: «Ква-ква! Что плачешь, Иван-царевич?» — «Вот мой батюшка приказал по пирогу принести в подарок. Братья мои пошли женам заказывать, а я где буду брать?» — «Ну, Иван-царевич, ложися спать, утро мудренее вечера».

Тот лег спать, вышла прекрасная Василиса, махнула рукавом: «Собирайтесь, мамки, няньки, пеките мне пирог, какой мой батюшка едал». Испекли пирог. До того пирог вышел воздушен — всякими цветами алыми, какие только бывают, все, все уставлены на пирогу!

Просыпается Иван-царевич, завертывает она ему пирог, несет он отцу в гостинцы.

Приносит бóльший брат — до того пирог хорош. А середний — и того лучше. Бóльший брат на Ивана-царевича говорит: «А ты от своей лягушонки, должно, не принес и скорки».

Вынимает Иван-царевич из-за пазухи пирог, связанный в салфетке. Салфетка блестит — таких не видал. А развязал он пирог — отродяся таких во всем свете не было, еще лучше всех!

Теперь отец приказывает им: «Надо собрать бал, ваших жен посмотреть».

Эти пошли своим женам заказывать убираться завтрашний день на гульбу.

А Иван-царевич призадумался, пошел к речке. Сел и обдумливает: «Эти жен привезут, ну, я кого?»

Плывет лягушонка по речке, и раздается волна: «Квак-квак, Иван-царевич, что ты слезно плачешь?» — «Как же, батюшка приказал нам завтрашний день с женами приезжать на бал. А я с кем приеду, кого я покажу?» — «Иван-царевич, ложись спать, утро мудренее вечера».

На утрие собираются они. Вынимает она ему костюмы, галстуки — таких ни на ком не было. Как она его нарядила!

Первый брат приехал с своей женой — разукрашен, разодетый. Там их слуги встречают, разуваяют, раздевают, в стулья сажают. Та сноха приехала роскошно одета, та — еще лучше. А Иван-царевич идет один. Когда он пошел, она его провожала и ему приказала: «Тебе будут спрашивать: «Где твоя жена лягушонка?» А она, кажись, скоро приедет».

Те братья встречаются и спрашивают: «Одет-то хошь хорошо, но хоть бы ты свою лягушонку в коробку принес». *(На смех поднимают.)*

Вот поднялся вихорь, и пыль столбом, и конный топот. Лягушонка едет в карете, все стонет да гремит. У коней ее из-под копыта огонь брызжет, из ноздрей дым валит. Карета ее в золоте убрана, сама в драгоцени вся наряжена.

Братья Иван-царевича спрашивают: «Что за такая поднялася гул?» — «Это моя лягушонка в коробочку плывет».

Подъезжает к царскому дворцу. Не ихние прислуги с нею, а свои санные девки, каждая убрана — невозможно на нее глянуть. Все убраны — какая красота, какая чистота! Подскакивает Иван-царевич ее ссаживать, берет под руку. Ее прислуги ведут, за ней хвост несут. Он с ней под ручку к отцу подходит — отец сроду не видал такой красоты.

Пошел у них пир на весь мир. Столы этими скатертями убраны, утирки им на руки поданы.

Марья-царевна недопьет и в рукав льет. Те снохи глядят и себе так же: не допьют и в рукав льют. Мясо она недоедает и мослы в рукав складает.

По окончании всего пиру пошла у них танция. Махнула правым рукавом — вода в комнату полилась, море, поплыли гуси и лебеди, стали прекрасные скирды по берегам. Махнула другим рукавом — полетели птички, запели пташки. И так гости заслушались, разочаровались — добре хорошо. Марья-царевна такую беседу проводит. А Иван-царевич растет, на Марью-царевну не нарадуется — какая же она красота!

Пошла бо́льшая сноха также плясать-танцевать. Махнула правым рукавом — всего свекра щами залила, махнула другим рукавом — лоб прошибла мослом. Середняя сноха за ней поспешила и тоже ему по уху мослом ввалила.

Рассердился царь, прогнал их, Иван-царевича проводил с добрыми делами.

Этот Иван-царевич вперед убежал и взял ее шкурочку сжег, Марья-царевны, лягушачью.

Тут же это время приехала она: «Ах, Иван-царевич, что вы сделали, вы бы немного повременили, я бы была ваша жена».

На тот грех Кощей-бессмертный и унес Марью-царевну. Заплакал Иван-царевич опять и пошел невесел, головушку повесил.

Идет старый старичок, встретился ему навстречу: «Что плачешь, Иван-царевич?» — «Вот Кощей-бессмертный унес у меня невесту». — «Я тебе дам клубочек, куда клубочек покатится, туда ты и иди», — говорит тот старичок.

Теперь идет он, клубочек катится — два черта дерутся. Подходит: «Что вы деретесь?» — «Да вот мы делим вещи». — «Какие же вещи?» — «Дубинка-самобивка, шапка-невидимка и ска-терть-самобранка». — «Ну, теперь я вам их поделю».

Связал им сорокаметровую оборку. «Кто скорей до конца добежит, тот и получает вещи». Они схватились за эту оборку и перехватывались, пока Иван-царевич не ушел с теми вещами.

А клубочек все катится. Прикатился клубочек под дубочек. Под этим дубочком стоит сундучочек. Откопал он этот сундучочек, там лежит заяц. Вот он разорвал зайца — в нем утка. Он ее разорвал — в ней яйцо. В этом яйце Кощея-бессмертного смерть.

Подходит он к Кощею-бессмертному дворцу. Там стоят львы, там стоят тигры, ревом ревут и проходу Иван-царевичу не дают. Надел он шапку-невидимку, пустил дубинку-самобивку. Шапка-невидимка в дом его пустила, дубинка-самобивка зверей его покрушила.

Вошел он в дом — доброе разукрашено хорошо дом у Кощея-бессмертного. Сидит Марья-царевна во светлице. Как она царевича увидела и без памяти стала.

Кощей-бессмертный учуял: «Это кто же пришел?» Набрасывается в дверь и чуть-чуть Ивана-царевича не задавил. Иван-царевич яйцо раздавил и его душу загубил.

Тогда Иван-царевич свою царевну за руку брал, в правую щеку целовал.

Я там была, их сустрявала. А когда чай-то пила, по губам тепло, а в рот не попало. Вот и сказке конец.

ИВАН-ДУРАК

Жили-были старик со старухой, у них было три сына: два умных, третий дурачок. Этот все в золе лежал. Вот когда отец умирал, то приказывал: «Сынки, вы меня по ночке откараульте».

Вот они поконались, кому вперед караулить. Досталось большшему брату караулить. Он говорит: «Иван, иди покарауль за меня».

У этого нет отказа, у Иванушки. Берет дубинку на плечо и идет на могилку. Бу-ух об отцову могилу дубинкой! Спрашивает отец: «Кто пришел?» — «Батюшка, я!» Выводит он ему козу-золотые рога: «Пусти,— говорит,— в поле, она тебе пригодится».

На утро середнему брату идти караулить. «Иванушка, иди за меня».

Наваливает дубинку на плечо, идет на могилку. Бух об могилку! Спрашивает отец: «Кто там?» — «Батюшка, я!» Выводит ему свинку-золотую щетинку: «Пусти,— говорит,— в поле, она тебе пригодится».

Потом идет он караулить за себя. Наваливает дубинку — бух об могилку! Отец спрашивает: «Кто там?» — «Батюшка, я!» Выводит он ему коня,— золотая грива, золотой хвост у него: «Пусти,

Иван, в поле, он тебе пригодится». Когда он да будет нужен, свистни, крикни своим тонким громким голосом: «Стань, конь, передо мной, как лист перед травой». В ухо влезь, в другое вылезь, станешь кровь с молоком».

Вот у царя дочь засидела. Царь сделал башню и посадил дочь туда. Объявил: «Кто достанет мою дочерю поцеловать, тот ее за муж возьмет». Пусть слепой, пусть хромой, и нищим не гребует, лишь бы схитрил.

Вот братья убираются идти на эти смотры. Иванушка говорит: «Братья, возьмите меня с собой». Они говорят: «Дурак, куда тебе, тебя там задавят».

Братья его не взяли. Он свистнул, крикнул своим тонким громким голосом: «Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!»

В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком и полетел он к этой башне. Летит, а у коня из ноздрей дым валит, из-под копыта огни брызжут, изо рта огонь пышет, под золото седло, на уздах серебро. Разлетелся, чуть-чуть не поцеловал, тыщи великие народу помял.

Пустил опять в поле. Обмотал голову утиркой и опять лег в назол. Приходят братья и рассказывают: «Ну, какой-то был королевич из иных земель. Отродя с роду не видали, какие долго прожили, этакого господина». — «То-то я-то, братья!» — «Сиди, дурак, а то тебя свяжут. Знаешь, там сколько народу подавило? А ты, вот в золе копаешься».

Другой день подходит, братья собираются опять смотреть. «Братья, возьмите меня с собой». — «Сиди, дурак, там тебя задавят».

Братья ушли. Выходит он в поле, свистнул, крикнул своим тонким громким голосом: «Стань, конь передо мной, как лист перед травой!»

В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком, полетел туда. Тут стали пространство давать, ожидают. Конь бежит, из ноздрей дым валит, изо рта огонь пышет, из-под копыта огнем брызжет. Чуть-чуть он ее не поцеловал, еще ближе.

Приходят братья оттуда и говорят: «Ну, нынче еще ближе, чуть-чуть не поцеловал». — «То-то я-то!» — «Сиди, дурак, тебя свяжут. Нешто мыслено такой убор? Где ты его возьмешь?»

Сам (Иван) в золе скрылся.

На третий день убираются опять братья идти. «Братья, возьмите меня с собой». — «Сиди, дурачок, а то тебя там задавят».

Выходит в поле, свистнул, крикнул своим тонким громким голосом: «Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!»

В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком. Снова здорово опять полетел. Тут уж стоит народ, ожидает.

Поцеловал он ее, и перстень она ему свой отдала. До тех пор Марья-королевна рада была, из иных государств себе жениха дождала.

Ищут жениха — нигде не находится. Вот у этих братьев спрашивают: «Нет ли у вас кого, не проживает ли кто?» Эти отказываются: «Нет, у нас нет никого». Бóльший брат говорит: «Уж не наш ли Иван?» Посмотрели — на нем кольцо и печать на лбу.

Ну, что делать, Марья-королеву венчать надо. Перевенчали их. Там еще свояки из иных государств. Позвали его (Ивана) на охоту. Эти на быстрых конях поехали, а дурачку дали плохонькую лошаденку. Он выехал в поле, пришиб эту лошаденку, сдернул с нее шкуру: «Сороки, вороны, свежее мясо!»

Наловил галок и ворон через мешок. Принес в хоромы, распустил своих ворон.

А свояки его приехали с охоты: «Ну, — говорят, — мы там таких видели пречудных зверей: свиная-золотая щетинка и коза с золотыми рогами». — «То-то моя скотинка!» Те на него: «Сиди, — говорят, — дурак!»

На утро убираются. Ему дали плохонькую лошаденку, а те поехали опять на прежних лошадях. Сдернул он с нее шкуру и опять: «Сороки, вороны, свежее мясо!»

Наловил их целый мешок. Пустил в дом их.

На третий день убираются они опять ехать. Иван вышел в поле, свистнул, крикнул своим тонким громким голосом: «Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!»

Собрал свою эту охоту. Эти его свояки по два дня гоняли за козою и свиньею и то не поймали. Он собрал свою охоту и ведет. «Что ж я с вас возьму? С руки по пальцу, из спины по ремню». (Коня не продал, это он только свинью да козу.)

Приехали они, собрались обедать, царь и говорит: «Что ж ты, Иванушка? Видишь, эти зятья привели с охоты, а ты что ж?» — «Батюшка, то-то я-то им продал». — «А сколько ты с них взял?» — «Из руки по пальцу, из спины по ремню».

(Они в перчатках сидят едят.)

Осерчал его тесть на тех зятьев, осерчал и их прогнал.

Вот жена его и видит, что он такой мудрый. Легли спать, она и спрашивает: «Иванушка, мне стыдно перед батюшкой, не мучай ты меня, открой мне свою мудрость».

Потом он вышел на утро в поле. Свистнул, крикнул тонким громким голосом. В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком. Выбросил он то, за что продал им, из кармана, приехал к жене на коню. Такой красавица и умный стал. И посейчас он умный. Я у них была, чай пила, такие они славные люди.

ЗАМОРОЖЕННАЯ ДЕВОЧКА НАТАША

Отец ее женился. У старика дочь Наташа, а у старухи дочь Маша. Наташа такая была угодливая. Куда бы ее ни послали, она как шар катит. Все ее люди в глаза мачехе хвалят. Ну, а про Машу никто никогда хорошего слова не скажет. Вот возненавидела мачеха Наташу: «Во чтоб ни стало вези, старик, ее в поле, заморозь!»

Старику хоть и жалко дочку, а послушать жену надо. «Ну,— говорит,— дочка Наташа, убирайся, я тебе повезу к бабушке».

Он ее завез в лес, в чащу, снял с нее зипунишко и уехал. Осталась Наташа под зеленым дубочком одна.

Подгрела она этот снежок — зеленая травка под ним. Обернула она ножки свои в рубашонку и сидит поджавши ножки на зеленой травке. Подошла ночь. Идет Мороз Красный нос. Об дерева пощелкивает, руками похрустывает: «Девочка Наташа! Я Мороз Красный нос!» — «Стало быть, тебя господь принес!» Понравились ее речи Морозу. «Тепло ли тебе, девочка?» — «Ах, тепло, Морозушко, тепло, батюшка!»

Идет другой Мороз, пощелкивает, похрустывает: «Девочка Наташа! Я Мороз Синий нос! Я к тебе пришел». — «Стало быть, тебя господь принес!» Еще пуще нравится Морозу.

Теперь идет Седой Мороз, лихой Мороз. Ветки заиндевели, лопаются, деревья лопаются: «Девочка!» Откликается: «А?» — «Я Мороз Седой к тебе пришел!» — «Стало быть, тебя господь принес!» — «Тепло ли тебе, девочка?» — «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка!»

Этому еще лучше понравилась девочка Наташа. Приходит старший Мороз домой, заставил своих прислуг накласть ей добра: пальто ей, шаль ей, сапоги с калошами теплыми... Принесли, обули, одели. Сундук добра привезли. И сидит девочка Наташа на сундуку под зеленым дубком.

Встает мачеха рано. Сготовила она блинов Наташу хоронить. Запряг отец двух коней. Приезжает (похоже, как он к бабке поехал, от соседей от своих) — она сидит такая красавица, румяная, наряженная. А мачеха блины спешит пекет на похороны.

А он поставил сундук в сани. Села Наташа на сундук, и повез он ее. А мачеха одно — пекет спешит блины. Любимая Наташина собачка бегает по горнице да: «Тяв-тяв, кони весело идут, Наташе воз добра везут!» Мачеха отвечает: «Цыц, Жучка, на блин, скажи: «Наташа замерзла, кони унывно идут, Наташу мертвую везут!» Собачка одно продолжает: «Тяв-тяв, кони весело идут и Наташу живые везут!»

Глянула мачеха на двор, въезжает Наташа с сундуком. Такая веселая, убраная, и воз добра с сундуком. Принесли сундук в избу, кинулась мачеха в сундук, стала наряды разглядывать, персидские ковры выкладывать. Какие же эти ковры! На них морозовые цветы, на загляденье! Ах, мачеху зависть взяла!

Поела блинов Наташа и ходит весела.

Встает рано мачеха: «Вези Машу мою на то место!»

Запряг старик лошадей, повез Машу на то место. Снял с нее зипунишко и поехал домой. Приходит ночь, она дрожит сидит и кричит, совсем замерзает. Вот тебе, идет Мороз Красный нос, по деревьям пощелкивает, по снегу похрустывает: «Я, девочка Маша, к тебе пришел, Мороз». Она отвечает ему: «Черт тебя принес!»

Мороз рассерчал и ударил ее в лоб. Вытянулась эта Маша вдоль снега и замерзла.

Встает мать родная рано и с нетерпением блины запекает: «Ступай, старик, поскорее!» Тот запряг коней, она ему кричит: «Стегай-ка веселее!»

Приехал старик — Маша лежит закоченелая. Уныло он ее поднимает и на сани сажает, зипунишком покрывает. И повез ее. Собачка бегаёт по избе: «Тяв-тяв, кони невесело идут, Машу мертвую везут!» — «Цыц, Жучка, на блин съешь, скажи: «Кони весело идут, воз добра везут!» Одно Жучка продолжает: «Тяв-тяв, кони невесело идут и Машу мертвую везут».

Глянула на двор мачеха — въехал старик унылый. Она выско-чила к ней — мертвую Машу обняла. Ну, тут и крику задала!

Стали Машу хоронить, она сама себя бранит: «Ах, дура я, заморозить дитя прогнала!» А люди говорят: «Не делай зло людям, а зло все себе».

Вся.

СИРОТКА-ДЕВОЧКА

У девочки мать померла. Женился отец — стала у нее мачеха с тремя девочками: девочка Одноглазка и девочка Двухглазка, а третья девочка — Трехглазка. Вот посылает она их с этой девочкой-сироткой коров стеречь. Дает она им по кошелке намык, по кошелке веретен. Пригнали они в поле коров пасти. Сиротка говорит: «Давай я тебя поищу, сестрица!»

Легла она к ней на колени. А она не столько ищет, сколько баюкает ее:

Усни, усни, глазок,
Усни твердо, глазок!

Уснула Одноглазка. Подходит она к своей корове, вываливает намыки и веретена, и она их поела. Через час они вышли у нее все початками (попряденные уж).

Эта Одноглазка проспала до вечера. Подходит она, ее будит: «Вставай, сестрица, погоним корову домой!» Она глядит, что ее попряжены. «Ой, — говорит, — ой, меня мама будет ругать, что я ее (пряжу) не попряла!»

Пригоняет домой, отдает мачехе намыки свои початками, все попряденное. Одноглазка свои намыки назад унесла. Принялась ее мать бить родная: «Что ты поленилась, не напряла?»

На утро она провозжает с ней Двухглазку стеречь корову. Она говорит: «Ложись, сестрица, поищу, давай искаться!» Не столько она ее ищет, сколько баюкает:

Усни, усни, глазок,
Усни, другой!

Уснула та Двухглазка, подошла она к своей корове; вывалила она свои намыки и веретена. Поела корова намыки и веретена.

Проспала эта Двухглазка до вечера. Подходит сиротка, будит: «Вставай, сестрица, погоним домой!»

Видит, что ее попрядены початками: «Ой, ой, меня мать будет ругать, что я не попряла».

Приходят они домой. Мать видит, что не попряденные намычки. А сиротку хвалит, дочерю бьет и ругает.

На утро Трехглазку с ней стеречь корову посылает (те переменяются, а она все нет). Пригнали они стеречь, и по кошелке намык, по кошелке веретен. Говорит Трехглазка: «Давай прясть!» — «Нет, говорит, попрядем, день велик, ложись, я тебя поищу».

Она легла поискаться. Не столько ищется, сколько баюкается:

Усни, глазок,
Усни другой!

А про третий позабыла.

Теперь вываливает она намыки корове. Она их поедает, той же минутой (выбрасывает) прямо початками. Эта сиротка спешит, покладает, а эта все одним глазом смотрит. Она стала ее бранить: «Вот мать бьет нас ни за что! А ты тоже сама не прядешь, а корове есть даешь. Трава,— говорит, сырая,— тебя корова вызоляет».

Приходит матери сказывает: «Она,— говорит,— сама не пряла, а ей корова поедала!» Рассердилась мать на падчерицу, сказала, что у нее корова прядет.

Приехал муж с поля. «Резать корову Нинину!»

А мать умирала и приказывала, чтобы корову не резать, а чтоб была корова Нинина. «Ежели по злобе зарежут, то и кости не гложи, а собери их, кости, и в святой угол положи!»

Было жалко долго резать отцу корову, но возненавидела махеча Нину.

Вот уже зарезали корову, варят мясо и едят. Нина только знает — плачет, сидит у святого угла. Собирает кости от ней и в святой угол закапывает. Потом окончили они всю корову, поели. Зарыла она кости в святом углу. Выросла на ней яблонька, на том месте. На ней яблочки краснобокенькие, однобокенькие и разного цвета. Поехал отец в город, нарвал этих яблочков продать. И спрашивает: «Чего, Нина, тебе купить?»

Все сестры говорят: какой платок, какой полсапожки, а третьей сарафан. Четвертая, сиротка, говорит: «Купи мне, папаша, золотое блюдце и серебряную ложку!»

Потом он привез всем подарки и сиротке золотое блюдечко и серебряную ложечку.

Едет барин и видит яблоньку — дюже красиво! Под ней играли девчата. Попросил он яблочко. Прыгнула Одноглазка, хотела достать — она выше поднялась. Прыгнула Двухглазка — она еще выше. Прыгнула Трехглазка — и совсем не могла достать. Выхо-

дит Нина со своим золотым блюдечком и серебряной ложечкой: «Опустись, яблонька, сюда!»

Она нагнулась, опустилась яблонька, скатились яблочки, подносит она барину. По блюдцу серебряная ложечка яблочко катает, всякие города выставляет, и моря, и реки, и корабли, и леса. Заинтересовало его, что так в блюдце все видно, что есть на свете делается. Он и спрашивает у нее имя и фамилию. «Я,— говорит,— есть Нина Ивановна!»

Такой барин красивый, а Нина еще красивее. Попрощался он с Ниной и поехал домой. Приезжает и матери заявляет: «Я себе невесту нашел!»

Ну, тогда господа были вольны над нами, где захотят себе невесту взять, то и возьмут. Поехал барин за невестой. Потом он привез невесту, повенчался с ней и пожил, и прижили они себе дитя. Вот ей соскучилось на свою родину проведать. Приезжает она к своей мачехе — дюже разубрата, дюже богатая. Мачеха ее взяла да испортила. Отняла у ней и руки и ноги, и сделала она из нее голубя. Эта (жена барина) поднялась — улетела. Она (мачеха) нарядила в ее платье Двухглазку. Ну, нарядила она Двухглазку свою в ее платье и проводила. Тогда господа завешивались этими дымками. Барин ее не узнал, за жену принимал. А дите ее все кричит и кричит. Она утром поднимется, уберет этого дитя, идет в поле. Летят табун голубей: «Рысь молода, рысь хороша, покорми своего дитя!» Отвечает одна: «Рысь молода, рысь хороша не в нашем табуне!»

Летят табун еще голубей. Она опять теми же словами говорит: «Рысь молода, рысь хороша, накорми своего дитя!» Ей и опять табун отвечает: «Рысь молода, рысь хороша не в нашем табуне!»

Выходит она третьему табуну наперед: «Рысь молода, рысь хороша, накорми своего дитя!»

Барин заметил это дело. Как она сходит с дитем, так дите молчит. Как на ране заря, кричит его малое дитя. Потом заметил он, что такое дело. Увидел, опустилась Нина к своему дитя, взяла его, а крылышки положила отдаля. Он подкрался, положил эти крылышки и их попалил.

Когда он их палил, она говорит: «Что, сестра, палью воняет?» Она отвечала ей: «Барин свиной палит!»

Он ударил по крылу топором и сделались крылья веретеном. Веретено это переломил, впереди себя Нину постановил. А эту Двухглазку к хвосту лошади привязали да по полю растерзали. А теперь они в хорошем виде со своей женой живут. Хоть немного пострадала, но зато теперь другой свет увидала.

Я у ней была, мед пила, по губам текло, да в рот не попало. Вот и басне конец.

ЗОЛОТОЙ ПЕРСТЕНЕК

Вот было у старухи Акулины три девицы. Одной было двадцать три года, другой было двадцать первый, третьей — девятнадцать. И нечаянно они у матери, у Акулинушки у этой, оглядели золотой перстень. И вот они просят его: та просит — мне, другая — мне. А ей бы хотелось, матери, отдать самой споследней дочери. Она так обдумала, что будут эти две обижаться, и сказала: «Подите вы в лес. Кто больше ягодки мне нарвет из вас из трех, той перстень отдам».

Вот они ходили-ходили по лесу. Эти две ходят вместе, а эта — одна, меньшая. И вот они сошлись. «Давай, сестрицы, поглядим, у кого больше ягодки».

Поглядели — у меньшей больше всех. Они отошли за куст и говорят: «Давай ее уьем, а ягоду поделим. А перстень будем носить вместе — когда ты неделю поносишь, а когда и я».

Они ее убили и вырыли могилку на тростнике (просто вот на таком месте на слабом), и ее закопали.

Приходят они домой, спрашивает мать: «Где же Маша?» Они сказали: «Она вперед нас ушла».

Ну, мать загоревала. Она не подумала, что они ее убили-то. Думает, аль заблудилась она, аль звери ее съели. И горюет, и горюет. Ну, дело до весны идет — Маши все нет.

Идет старый старичок и сел на бугорочку отдохнуть. Глядит — прекрасная былиночка выросла на этом бугорочке. Он вынул ножичек, разохотился, сделал дудочку и в нее подул. Она человеческим голосом заиграла:

Поиграй, поиграй, дедушка,
Поиграй, поиграй, родимый.
Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягоду,
За золотой перстенок.

Вот он пришел в деревню. Их двор крайний был: «Пусти-те, — говорит, — меня ночевать».

Они пустили его ночевать. «А у меня, — говорит, — есть интересная дудочка». — «А ну-ка, дедушка, сыграй», — сама мать говорит. Да, вот он заиграл в дудочку, она опять также:

Поиграй, поиграй, дедушка,
Поиграй, поиграй, родимый.
Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягоду,
За золотой перстенок.

Отец говорит: «Дай-ка, я сыграю». Он ему подал. Подал ему, он подул в дудочку, она заиграла:

Поиграй, поиграй, батюшка,
Поиграй, поиграй, родимый.

Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягодку,
За золотой перстенок.

Эти девки догадались. И мать слышит, что это такое дудочка играет. «Дай-ка, — говорит, — я поиграю». А дудочка:

Поиграй, поиграй, матушка,
Поиграй, поиграй, родимая.
Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягодку,
За золотой перстенок.

Теперь мать говорит на дочь на бóльшую: «Возьми-ка дудочку, поиграй-ка ты». Та взяла ее подула. А дудочка:

Поиграй, поиграй, сестрица,
Поиграй, поиграй, лиходейка,
Поиграй, поиграй, душегубка.
Вы меня убили,
Гашником задушили,
В могилу закопали,
Чеботами прибивали.

Ну, отец говорит: «А где ты ее срезал? Ты заметил, где срезал?» Старик говорит: «Заметил». — «Ну, пойдем туда».

Взяли лопату, откопали ее, она лежит, как все равно живая, задушена гашником. В крови вся, как была. Мать, как глянула, обмерла. А отец набрал смелости, двух коней настегал, да к хвосту их привязал, обеих дочерей, и наладил по срубленным по пенькам их. До тех пор лошади мчались, пока их кости разметали: где рука, где нога оторвалась, в поле осталась. А эту взяли оттуда, гроб сделали и в могилку поставили, закопали, как следует погребенье отслужили.

Вся.

ДАНИЛА

Умирала мать, оставались у нее сын и дочь. Она сыну кольцо дала и приказала: «Вырастешь, сыночек, выбирай ты в невесты кому кольцо годится».

Вот он задумал жениться. Какой барышне ни давал, все кольцо не годится. Ну, и вот он призадумался и говорит: «Вот, сестрица, кому ни давал кольцо, все не годится». Она говорит: «А что за твое кольцо? Дай-ка я погляжу». Дал он кольцо, оно ей на руку годится. «Ну, теперь, сестрица, я тебя замуж беру». Она закричала и говорит: «Что ты, братец, такие глупости думаешь!» — «Нет, ни за что, а беру!» Сестра одно кричит: «Не пойду!»

Сидит она на пороге и плачет. Идет старушка: «Что ты плачешь, девушка?» — «Да как же, несчастье у меня такое...» — «А что такое?» — «Брат хочет на мне жениться. Сейчас велит к венцу со-

бираться». Она говорит, старушка: «Принеси ты мне его четыре рубахи старых». Принесла она ей четыре рубахи старых. Старушка сделала куклы из рубах и говорит: «Расставь их по углам и собрайся к венцу».

Она расставила и затворилась в своей комнате. Куклы перекукаются:

Ку-ку, Даниил,
Ку-ку, говорил:
«Брат сестру
За себя возьму».
Расступись земля,
Провались сестра!

До колен сестра провалилась. Приходит брат и спрашивает: «Собралась, сестра?» Она говорит: «Только обулася».

Куклы опять перекукаются:

Ку-ку, Даниил,
Ку-ку, говорил:
«Брат сестру
За себя возьму».
Расступись земля,
Провались сестра!

До пояса сестра провалилась. Подходит брат к двери и спрашивает: «Собралась, сестра?» — «Платье уже надела».

Третий раз куклы перекукаются:

Ку-ку, Даниил,
Ку-ку, говорил:
«Брат сестру
За себя возьму».
Расступись земля,
Провались сестра!

И загремела, вовсе провалилась. Подходит брат ко двери, отзывает. Сдернул он с крючьев дверь, глянул — никого нету, одна проваленная ямка. Брат и загоревал: «Не рок, говорит, — на ней и жениться!»

Провалилась она туда, там такое селенье. Приходит она к баба-яге. Там сидит одна девушка-красавица, в точности как она. «Ах, ты, красавица, — называет Данилову сестру, — зачем ты пришла? Съест тебя баба-яга».

Дала она ей иголку с ниткою, какую вышивала ширинки. Воткнула та в макушку и сделалась сама иголкой. Та взяла ее да и в веник заткнула.

Прилетела баба-яга: «Русь-кость пахнет!» — «Ух, — говорит (красавица), — по Руси летала и Руси набралась!»

Она ягу накормила, напоила и спать положила. А сама в побег с этою девкою. Взяли щетку, и взяли гребенку, и взяли утирку и побегли.

А яга учуяла, что они убегли, и в погон за ними. Она набегает. Кинули они гребенку — лес непереходимый. Потом она лес этот подгрызла и опять нагоняет их. Кинули они щетку — и неугасимый камыш. Бежит яга к камышу этому и опять грызет. Вот чу-

ют они — опять набегает вон. Зажгли, кинули утирку, — она не могла через нее перелететь. И убегли эти девки.

Приходят они к Данилу. Лицо в лицо они схожи, на них кольца обои одинаковые. И вот тебе, Данила ходит, любит, а не знает, какая его невеста, какая сестра.

Приходит он к повару: «Как бы нам узнать, какая моя сестра, какая невеста?» Повар ему сейчас объяснил: «Режь-ка ты, — говорит, — поросенка».

Зарезали поросенка и вынули из него пузырь, налили кровью. И говорит он (повар): «Подвяжи ты его себе под мышками и сядь подле их». А он ему допреж сказал: «Как, — говорит, я к тебе кинуся, ты маленько приподними руку. Я пырну тебе в пузырь, а ты падай скорей».

Сел он подле них и разговаривает. Идет повар с ножом и ворчит на него: «Долго ли ты будешь меня мучить? Что ты мне не выдаешь вовремя все, чего мне нужно стряпать?» — «Извиняюсь, повар, перед тобою. Сейчас пойду все выдам!» — «А час да час, а у меня время проходит!»

Подбегает, вроде как раскипятился, пырнул ножом. Данил вроде отшатнулся и упал, кровь пошла. Ах, сестра к нему кинулась, обняла его: «Какой повар злой, ни за что брата зарезал!»

Тот повар ухватил сестру, а Даниил невесту вскочил. И вот, тебе, они повенчались с этой невестой. Когда у них была свадьба, открыли они пир на весь мир. Я у них была и чай пила, ну, по губам текло, а в рот не попало. Вся.

Вот как Данил женился на славу.

ВОРОБЬЮШЕК

Престарелая девка по кухаркам ходила, прижила себе дитя. И умирать стала и приказывала, дала сыну патрет свой: «Женись, дитя, и бери жену, чтобы была похожа на меня». И ему свой патрет отдала.

Вот он задумал жениться и с патретом поехал по селам выбирать себе невесту. Ездил-ездил и не нашел себе невесты. Уехал в иностранное государство. Пришел он в гостиницу и увидел уборщицу, похожую на его мать. И он стал ей говорить о своем замужестве-свадьбе. Она ему говорит: «Как же? Я ведь постаре тебя!» — «Ну, нужды нет, мне мама приказала. По патрету маминую ты джоже похожа на нее».

Поженились.

Она ему постряпает кушанье, его потчует, а сама не ест. Не раз он замечал, что она ночью уходит тихонько от него. И вот он ночью лежит и слышит: она поднимается и идет. Он тихонечко встает и себе за нею надзирает. Приходит она на могилу, раскапывает мертвеца и ест она его, подлеца. И наелась она мертвеца, закапывает опять. Тот муж выпугался, нагладелся таких чудес, что с ним не встречалось никогда. Себе на уме думает: «Какая это со мной беда?»

Прибегает без памяти до двора, ложится спать тихонько, притаил он свой дух. И приходит его жена и ложится рядом она сама.

На утро он встает и есть заставляет. «Ах, я стряпала, накушалась, не хочу!» — «Нет, брешешь ты, такая тварюга, ты ходишь есть к мертвецу!» А она схватила прут, его стегнула и сказала: «Не будь ты моим милым мужем, а будь ты псом!»

Вдруг перевернулся он, стал псом. Она его настегала и прогнала. Вышел кобель, завыл и пошел. Вышел на поле, пастушок его увидал, к себе его приласкал и хлебушка ему кусок дал. Он так с ним ласково ходил и скотину его пасил. Никогда пастух его не заставлял, а все он скотину перенимал и на него одного свое стадо оставлял.

Всегда собачка оставалась строго разумная и глядела за скотиной. Часто пастух хвалился своей разумной собачкой.

Там лавошник был, часто лавку обворовывали. И у пастуха эту собачку попросил: «Пастушок, дай мне свою собачку покараулить на ночку, я тебе заплачу, отдам селедок бочку!»

Тот отдал собачку на ночку, взял селедок бочку.

Запил лавочник ворота, велел ей сидеть караулить у двора. Так собачка караулила, лает, никого не пропускает. Вдруг воры приехали. Она видит, что с оружием, притаила свой дух, а видит воров двух. Они дверь ломают, добро на воз спокладают. Они увязали, отъезжают, она вслед глядит, замечает. Они едут, она бежит следом. Один глядит и дрожит: «Кто-й-то за нами бежит?» — Другой нагнулся и говорит: «Это собачка бежит».

Кинул хлебушка, она его есть не стала, а бежать-то от них чуточку отстала. Один из них пригнулся и говорит: «Кто-й-то бежал?» А другой говорит: «Это я собачку приласкал».

Вот они в лес приехали и это все позакопали. Собачка эта лежала и всю ихнюю проделку замечала. Когда они тронулися ехать, она в сторону за куст. Отъехали от этой ямы, она обнюхала и побежала.

Хозяин лавки хватился и так заторопился: «Вот хваленая собачка: какая-то душа лавку обокрала и собачка туда же пропала!»

Не дорого он об добром горевал, а как за собачку мне отвечать.

И только он проговорился, и тут его кобель явился. Хозяин с ним заговорил: «Где ж ты так пробыл?»

А кобель со слезами перед ним завыл. Взяло его горе, тащит он его за полы. Тот народ собрал, и пошли. Кобель впереди бежит, они следом.

Шли-шли — никакого следа нет. А кобель все ласкается и бежит и за полу хватает, тащит.

Вот хозяин остановился. Тот кобель поласкался и бежать. Побег, разрыл и ленту алую оттуда смыл. Подбегает и дает хозяину. Тот свое добро узнал, шибко с народом туда к этой яме побежал. Вот они на след напали, яму эту раскопали, добро все забрали, тем же оборотом на воза покляли, домой его привезли.

Расхвалили собачку и ославили. Ну, пастух собачку опять к себе взял.

У царя пропали два дитя. Вот он прослышал эту собачку и налаживается в эти путя: «Поеду, попрошу собачку!»

Уж третья у него скоро будет беда, ожидает он этого всегда: скоро жена родит у него.

Привез он эту собачку и постановил сторожем у дверей. А она такая строгая собачка, не пропускает никого из людей к царице в комнату.

И вдруг у царя царица родила. Змей-волшебник это узнал, прилетел и дитя у него взял. Где собачка ни была, Змея не упустила во дверях, села Змею на спину и стала она ему шею грызть, как глину.

Вот Змей бежит, больно стало шее, дрожит... Больно стало ему спину, и он дитя кинул. И вдруг соскочила собачка, ухватила за пеленку дитя и на дорогу поволокла.

Рассвелосо. Хватился царь, хваленой собачки нет, и дитя пропало. «Эх, жена, не спасли мы дитя, и пропала наша собачка. Вот нам горе, пропало у нас теперь трое...»

Вдруг они так говорят, к ним народ валит. К ним народ валит, им об этом заявить: «Дитя кричит, перед ним собачка лежит».

Вот быстро от радости царь вскочил, свою тройку в карету заложил, шибко погнал лошадей и вот наскочил: дитя кричит, собачка сидит. От радости он подскочил, собачку с дитем в руки схватил и в карету посадил.

Тут встречает царица, так рада, поглядеть дитя надо. Посмотрела его смело, обняла и поцеловала: «Спасено мое дитя через собачку».

Тут собирается царь кстить, собрал пир на весь мир. Перекстили, а собачку в вышки усадили, стали гостей угощать. Собачке наливали водки, стали давать. Собачка пила водку, как человек, лапчкою, и закусывала. Один из гостей пригляделся: «Вы об этой собачке что знаете? Это не собачка, а человек...»

У нее слезы засыпались из глаз, у этой собачки.

И вот один из гостей тихо сказал царю: «Надо завтра пожарче баню натопить и в бане веником ему бока проколотить».

Вот они баню натопили, поддали жару и веником ему по бокам колотили, и вдруг сделался человек. В бане парен, и сделался он парень.

Царь обрадовался: «Будь ты у меня вторым сыном!» — «Нет, я не останусь, я пойду отめщу своей сучаре жене!»

Приходит он к ней туда. Только входит на крыльцо, она его прямо стегнула розгами и сказала: «Не будь ты моим милым мужем, а будь ты воробьем!»

Вдруг полетел воробьюшек на поле. Летел-летел и залетел к Змею-волшебнику. Там ребяташки царские ловят пленками птичек. И попался этот воробьюшек. Стали ребяташки этим воробьюшкам головы рвать. Всем порвали, а этот последний остал-

ся. Вдруг он человеческим голосом им оказался: «Не рвите мне голову, я вам пригожусь!»

С испугу мальчик бросил его об зёмь. Он сделался молодцом. «Ах, куда ж нам его деть?» А другой глядит и говорит: «Нам его нужно в конник положить».

Вот мальчик глядит, что ихний Змей Горыныч волшебник летит. Вот прилетел: «Русь-кость пахнет!» — «По Руси летал и Руси набрался, папенька!»

Вот он (Змей) пообедал и лег спать. Вдруг из конника они парня выпустили, и он стал по шкафам шукать. Нашел он усыпальную книжку, стал ее читать, а Змей-волшебник стал засыпать. Он читает, а Змей засыпает. Поглядел еще книжки, полюбились ему книжки и взял он их под мышки и стал ребятишек звать, чтобы домой удрать. Стал он им говорить и на улицу манить: «Вот вы тут живете, округ дома ходите, а ничего не видите хорошего. Говорила нам Галя, пойдемте поглядим хорошего подале».

Вот они спольстились пойти посмотреть. Пошли они по усыпаным стежкам, по зеленому лесу, по дорожкам. Так он их повел, речьми их завлек, так они не видали, как от двора отходили все дале и дале. И стали умариваться: «Что ж мы, скоро дойдем?» Он говорит: «Сейчас, сейчас!»

Перешли они в свой государственный лес. Там пошли стежки, прекрасные дорожки, песочком усыпанные. Усыпаны песочком, разряжены цветочком. Там пахнющие цветы и мяты. Там они идут и радуются, цветочки рвут и нюхают, подходят к своему дому. Там беседки, на беседках завеси узорчатые, все лавочки коврами уборчатые. Там букетами цветы цветут, и сидят красные девушки песенки поют.

Там вдруг они увидали этого парня с царскими детьми, к ним подбежали, под руки их взяли, отворить двери просили, к царице детей ее подносили.

Царица детей увидала, быстро к ним подбежала, так их обнимала, сладко их целовала: «Ах, несчастные мои дети, кабы не он, где бы мне вас поглядеть?»

Теперь царь парнем увлечен, дети его приведены. Вот царь этому парню и сказал: «Оставайся ты у меня старшим правителем!» — «Нет, не остануся, я пойду своей сучаре отmeshу!»

Взял книжку под мышку и пошел. Приходит. Выскакивает жена его на крыльцо. Он управился, вперед ее стегнул и сказал: «Не будь ты моей милой женой, будь ты серою кобылою!»

Вдруг сделалась серая кобыла. И тут ему сделалось мило, когда побежала его серая кобыла. Он ее догнал и обратал, заперг в плуги и ее по пашням погнал. До тех пор гонял, пока шесть десятин запахал. И она приустала и в плугах упала. Он ее к коню к хвосту привязал и по пенькам погнал. До тех пор гнал, пока ее кости поломал.

Приехал к царю и похвалился: «Ну, я ее, сучары, кости по пенькам размотал!»

Тут царь его женил. Был там пир. Я была, танцевала да ногу сломала, и не доглядела этой свадьбы, не до того было, так меня водка с ног сбила.

ДЕВИЧЬИ ВЕЧЕРУШКИ

Вот одна прежде была у девок вечерушка. И заспорили девки: кто из них смелее. Вот одна девка говорит: «Ничего не боюсь». — «А если, — говорят, — не боишься, пойди крест с могилы принеси».

Идет она на могилу, огонек в церкви горит. Они зарезали караульщика, живорезы, и в церкви обирают. И лошадь с мешками у церкви стоит. Захватила она лошадь и крест с ней и лошадь увела. Вышли живорезы — лошади нет. Что делать? Нужно искать. Убрались они побирушками, пошли лошадь искать.

Они, эти девки, на вечерушках пропили деньги, а лошадь осталась у этой девки. Вот тебе, у нее находится лошадь. Ходил-побирался молодой человек, увидел эту лошадь и стал спрашивать, присватываться. Присватал ее и, вот тебе, — сговор делать.

Она собрала девок, попили, погуляли, и пошла она его провожать. Идет она, его провожает, он все затягивает ее далее и далее. Пришли уж они — в лесу мост. Вот она видит, что так нехорошо, отвилънула, а сама пустилась бежать да бежать. Они погнались, погнались, — не нагнали, упустили. И вот на мост взошли, говорят: «Зачем нам ее было пускать, убить бы ее, зарезать».

А она все спешит. Потом она поднялась да за ними следом, а они не видят. Они подняли куст, да под куст. Она подождала, когда все улеглись, да сама под куст. Прошла она мимо, никого не затронула, прямо к кладовой. Взяла два пальца с кольцами. А их в ряд лежат двенадцать человек. Потом она пошла оттуда, зацепила одного ногой.

Он спрашивает: «Кто это ходит?» А она: «Это невинная душа». На середине зацепилась за другого, и этот спрашивает: «Кто это толкает?» — «Молчи, это невинная душа».

Проходит она и третьего зацепила, крайнего самого. А он так же спрашивает: «Ктой-то это?» — «Молчи, — говорит, — это невинная душа».

Вот приехал жених, ничего не знает, что она у них была. «Нужно, — говорит, — свадьбу делать». — «Ну, давай свадьбу делать».

Они (родные невесты) заявили в милицию — пригнали полк солдат. Посадили жениха с невестой за стол и они (товарищи жениха) говорят: «Что такое? (окружили, атаковали избу). Ай мы, — говорят, — живорезы какие?» Невеста говорит: «Конечно, живорезы. Ты, — говорит, — чуял, как я у вас была, по ногам-то ходила?» — «Чего же ты, — говорит, — видела?»

Она выскочила из стола да кинула ему эти два пальца. Он как пустит ей вслед кинжалом! Прямо в дверь он попал.

Переловили их, открыли этот куст, а в нем — сколько же резаных людей, пальцы с перстнями, золотыми кольцами! Им было некогда сымать, они только били да рубили.

Ну, их и самих всех перестреляли.

С тех пор этих живорезов нет.

КАК ГАРМОНИСТ К ЧЕРТЯМ ХОДИЛ

Вот был такой знаменитый гармонист. Как Анна Куприянова славила сказками, так и он с гармонью. Хорошо играл! Вот брали его по простым беседам везде, как он ославленный, по купцам и по царям он игрывал. Дюже везде восхваленный был. Где ни поиграет, хвалят везде да все в ладушки щелкают. Он и говорит: «Везде я был, во всем белом свете, только у чертей не был!»

Вот тебе, является человек на коне в двенадцать часов ночи. И взяли его. Играл-играл он. Там убрата комната, завеси хорошие, и барыщни убраты хорошо и кавалеры. И играл он до тех пор, пока запотел. Вот тебе, плясали они и не видели, как он завесью утерся. И вдруг он видит, что эти завеси удушельники, утопленники, передратые ихние кожи висят, присыпальники на фартуках у чертей. Удавленник на штанах у черта, прямо шкура снята и надета. И утопленники.

Вот он играл-играл и говорит: «Пора домой!»

Вот они подвели к вороху деньгам и к вороху углей. Вот если бы он не утерся и взял бы деньги углями, а как он утерся, то он видит: эти деньги, а эти уголья. Вот, значит, они подвели к уголю и деньгам. На уголь показывают — деньги, а на деньги — уголь.

Он почесался-почесался и говорит: «Мне деньги так не требуются, как уголь». И насыпал. А заместо угля денег полны карманы.

Подали ему вместо кареты удушельника-человека, вместо коня — утопленника-человека. И обоих он их знает, они недалние, ихнего села. Подъезжает он к деревне и, смелости набрался, говорит: «Костя, это ты?» А Иван вместо коня отвечает: «Почему ты нас знаешь?» — «Да вижу!» Вот они слезами залились: «Только нам встреча с тобой одна, а то нам мука вечная и бесконечная здесь».

Тот малый страсти набрался и гармонью свою побил, и теперь не играет: боится — черти разорвут.

ПРО ВОЛШЕБНИЦУ-ДЕВКУ

Девка приказывала жениху читать над ней, как умрет. Вот он читал-читал над ней до двенадцати часов. И вот она поднимается. Он испугался да псалтырем по лбу ударил. Она опять уснула.

На другую ночь он идет и горюет. Встречается старичок: «Возьми, — говорит, — ты мерку маку».

Вот приходит полночь, и чуёт он — они летят (черти слетаются). Скочил он на печку, высыпал мерку маку, а сам псалтырь все читает.

И их налетели через избу черти: и косые, и хромые, и глаза драные. Вот тебе кочета закричали, они все убежали, не дали съестъ этого малого.

На третью ночь дюже идет-плачет. Опять старичок встречается и говорит: «Ты теперь две мерки принеси песку».

То было много чертей, а то вдвое больше налетело. Песок считают, собирают, еще остальные брус подгрызают (он на брус читает). Вот тебе,—брусу повалиться, кочета — ку-ка-реку! — и пропали черти.

Вот ее стали хоронить, осиновый кол отесали. Стали хряшки бить, прямо кровью обдала весь кол и застонала.

Потуда колдунья эта ходила.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗУБЫ

Вот девки ходили по улице, играли, а там была пустая изба. В этой пустой избе черт на потолке — железные зубы. И, вот тебе, когда бы ни зашли они в эту избу, всегда там гармонист играет в гармонь до того-то хорошо.

Вот раз они туда зашли, два зашли, какой человек играет — и не знают. Вот в третий зашли они туда. Соседняя девчонка с маленьким ребеночком тоже туда забегла. Ей некуда деться, она залезла на печку и сидит глядит.

Они в гармонью заиграли, девки заплясали. А она видит между брусьев, что это черти. Они не в гармонью играют, а маленького ребеночка тащут (он присыпальник, ребеночек-то).

Она выскочила да бежать. Прибегла домой и говорит: «Мама, мама, там черти с железными зубами играют, а девки наши пляшут».

Они кинулись туда, а двери заперты. Кинулись двери отворять, они (девки) шумят: «Бока у нас болят!» Они кинулись потолок разбирать, а они шумят: «Виски у нас болят!»

А черти девок передрали да к потолку за косы привязали. Матери пришли, покричали, покричали, так дверь не отворили и окна не откупорили.

Так они все и погибли.

ПРО КЛАД

Один богатый мужик понес деньги хоронить в лес, набрал корчажку. А в лесу ходил один бедный человек, хотел себе дровишек собрать. А богатый думает, что там никого нету. Он принес их хоронить туда, вырыл ямку и давай заклинять: «На сто годов людных...» А бедный стоит за кустом да говорит: «На сто голов куриных...»

Бедный опять другой раз говорит, до трех раз так-то. А богатый мужик думает: «Знать, это мой хозяин доможил!» «Ну, пусть,— говорит,— по-твоему будет». А себе думает: «Откуда им взяться-то, курам-то здесь?»

Бедный взял принес пенек, положил на это место и давай им головы рубить, курам-то. Схватил, выкопал эти деньги, все пораздал и себе немного оставил.

Пошел этот самый чародей, какой деньги-то заклинал, а их там нету. Взял он да на этом месте и удавился.

СТАРУХА-ГАДАЛКА

Старуха ничего не знает, муж ее всегда ругает: «Прочие старухи чем-то занимаются, лечат и гадают, все-таки кормятся, а ты, старая, ничем...»

Обдумала старуха такое средство: «Вот пойдут ребята, а я их зазову, вином напою и пирогами накормлю».

Вот она ребят с гармонью зазвала, напоила и накормила. Ребята сидят и дивуются, за какое дело это пируется. Она им говорит: «Идите вы по улице, играйте, а сами все-таки делишки замечайте. Где плохо лежит, там нужно стащить».

Вот ребята шли-играли и эти все дела слушали-замечали. И вот у одной бабы стащили сундук и полушубок. За ригу занесли и в солому закопали. А какая их поила, кормила, ее зовут Устинья.

На утро эта Марья, у какой стащили баба, встала и громко закричала: «Ах, меня обворовали. Куда все это подевали?»

А из этой шайки малый давишний ходит, глядит, сказать бабе хочет: «Марья, я как знаю, бабушка Устинья хорошо гадает».

Эта Марья побежала: «Бабушка Устинья, погадай-ка мне». — «Да я было никому не гадала». Эта закричала: «Да я, если добро ворочу, то я тебе дорого заплачу».

Ну, бабушка Устинья назначила на четверть водки и на пуд муки, а на остальное гуся.

Она (бабушка Устинья) ей налила в блюдо воды и сама глядит туды. Глядит в блюдо: «Если, — говорит, — заплотишь, то скзывать буду». Вот Марья говорит бабушке Устинье: «Заплачу». — «Ну, иди скорее, за ригой все твое добро лежит. А то вор глядит, переворовать хотит».

Вот сколько она гадала, прославилась она себя.

У царя пропали деньги, унес их лакей, и повар, и кучер, схоронили их. Вот посылает царь за этой гадалкой.

Лакей с поваром говорят: «Ах, как бы нам ее испытать?» А лакей говорит: «Надо, говорит, — яиц кошелку накласть».

Наклали кошелку яиц, в тарантас в сиделку положили. Приезжает кучер за бабушкой-гадалкой. Бабушка-гадалка загоревала: «Ведь ехать к царю, а не к простому, я там пропаду». Подбирает свою юбочонку, полезла на тарантасе и приговаривает: «Садись-ка, бабушка, на яйца». А кучер говорит: «Стой, стой, бабушка, это тебе царь прислал подарки. Погоди садиться, не подави».

Привез ее кучер, а там уж повар стготовил кушанье: изжарил утку и ворону. Лакей ему и говорит: «Понесь-ка вперед ворону. Что она, угадает или нет?»

Вот только взял повар ворону, она (бабушка Устинья) глядит по верхам и говорит: «Ах, ворона, ворона, зачем залетела в чужие хоромы?» Это она на себя говорит. Бежит лакей и говорит: «Постой, постой, бабушка, не то кушанье подал».

Вот они (воры) глянули друг на друга и говорят: «Угадала. Вот уж два дела угадала».

Подал лакей утку, она сидит кушает, а под дверью лакей стоит, слушает. Ей там и есть-то не хочется. Она сидит ест и сама себя бранит полегонечку.

Велось это время до кочетов. Первые кочета закричали, а лакей все стоял и слушал. Она, как крикнул кочет, и говорит: «Один есть». Тот быстро от двери побежал, аж задрожал. Прибегает к повару, говорит: «Угадала, что я слушал стоял».

Тот повар под дверь себе слушать побежал. А старуха беспреестанно гонит, все себя бронит. Ну, только они от нее отзываются, а что бурчит — не разберут.

Другой кочет закричал, громко она шумнула: «Дождалась и другого!» Пуще повар испугался и побежал. Прибегает: «Угадала!»

Собирается идти слушать кучер под дверь. Стоял, слушал до тех пор кучер, всего себя измутил. И вот кочета закричали: «Вот и третий был!»

Кучер побежал от дверей, как все равно по воде поплыл. Прибегает к лакею и к повару, много у них между собой явилось разговора. «Ну что ж, пойдем ее просить. А ну-ка она нас докажет, тогда все наше дело замажет».

Так решились просить. Отворили дверь и бросились к ней в ноги кланяться. «Стойте, не кланяйтесь, я вашей беде все помогу. Я это все раньше знала, принесите мне покушать сала».

Сейчас повар кучера за бородку, подмазали сковородку, все это справили, ветчинки нажарили, старушку угостили. Собираются ее угостить и надеются, что она их спасит.

Она у них насмелилась об этом деле спросить: «Кто был в этом деле, куда деньги дели?» — «Они, — говорят, — у нас в конюшне в навозе».

Сидят ждут отрады на морозе.

Вот царь встал и старушке сказал: «Ну, старушка, как гадала, про мою пропажу узнала?» — «И-и, батюшка, я давно знала. Когда вы спите и бредите, вы сонный вскочили и с собой шкатулку захватили. Когда вы лошадей-то глядели и шкатулку обронили». — «Да, да, правда, на меня, бабушка, лунатик находит». — «А кучер-то рано встал, и конюшню подметал и шкатулку твою не видал. И вот она теперь лежит в навозе».

Схватил царь вилы, раскопал — она там.

Эту старушку деньгами наградил, и воз хлеба насыпал, и домой проводил.

Старушка видит — нехорошее дело. Взяла свой домишко гашишком облила и подожгла. Дом-то сгорел. Кто приходит к ней погадать, она сумела так отказать: «Теперь погорели мои книги, не по чем мне гадать».

Сумела всем отказать. А сама хорошо зажила, чаек попивает, булочки поедает. Как она мне такая подруга была, я у нее в гостях была, медом угощалась, из стакана-то пила, по губам текло, а в рот не попало.

ПОПУГАЙ

Вот был поп в селенье. Алхирей проверял церкви. Приехал в церкву, ну — не мужик, а хорошо обедню отслужил. Ну, поп был не скуп, позвал алхирея в гости. Сели они, пообедали, и запел поп «Херуимскую». А у него был добрый попугай, с ним рядом «Херуим» подпевал. Ах, полюбился алхирею попугай: «Ах, ты, батюшка, мне его отдай!» — «Ну, так что ж, я не буду продавать ни за грош, а время наберу и так тебе привезу, подарю».

Собирается поп ехать говеть: «Куда ж мне попугая с собой взять-деть?» Сделал клеточку, посадил его на веточку, нес его не трёс, ну, с собой попугая повез.

Довез его до парома и держит на руках его, как дома. Паромщики ребята молодые. Был дядюшка Ярем, погнал на тот бок паром. Был Ярем не дурак, изругался: «Твою так! Тяни так тяни, твою туды».

Приехал поп к алхирею, принес попугая. Ох, он этому попугаю рад. Пошли, отслужили обедню, пришли пообедали, и ходит алхирей по своему дому, запел «Херуимскую». А попугай не выносит из уст, натвердил это слово, и на алхирея говорит: «Тяни, тяни, твоя так!»

Тот алхирей рассердился, выгнал попа в шею со всем своим попугаем. И не стал никогда к нему ездить в гости.

При этом деле я была, такие спотехи слыхала.

ЛГУН

Вот был лгун. И все-то он ходит лжет. Вот однажды мужики молотят рожь, а туча находит. Вот этому лгуну хочется, чтобы они помочили всю рожь. Бежит он шибко, один из них и спрашивает: «Лгун!» — «А?» — «Куда бежишь? Аль лгать?» — Он говорит: «Некогда лгать, бежит рыба на гать, а я бегу ее собирать».

Побросали они цепи да за ним. До реки добежали, а тут полил дождь, помочил всю их рожь. Прибежали они оттуда и ругаются: «Вот окаянный измыслился нас обмануть!»

ТРУСЛИВЫЙ ВАНЯ

Трусливый Ваня лежал на печке. А там были пироги (сейчас пойдет ему событие). Они все пыхтят и пыхтят, пшыкают, всходят. Ваня прислушался: «Ах, домовый меня страшает».

А там, когда баба выметала избу, и постановила кочережку. «Ах, — Ваня думает, — враг меня пугает». Кинулся Ваня бежать, наступил на кочережку, ударила она его по лбу. Ай, упал Ваня на пол и закричал: «Караул, меня домовый убил!»

Вскочил Ваня да бежать. Хлопнул дверь, а у него нога разулась, прихватил дверью: «Ой, караул, батюшки мои, спасите меня! Домовой держит меня».

Прибежал народ, поглядели — она, дверь, держит; на печке посмотрели — они, пышки, стоят.

Ваня сам не в себе, трусится, выпугался. Хоть бы он и не бегал, так не было ничего.

КАК МУЖИК ВЕЗ ВОРОНУ В ГОРОД ПРОДАВАТЬ

Хитрый мужик, денег у него нет на свою нужду. Он с бабой думает, как где денег нам взять. «И-и-и, баба, погоди, я удумал!»

Делает садок. Она спрашивает: «На что?» — «За деньгами ехать!» Она ему усмежается, что за деньгами с садком ехать.

Поймал он ворону, посадил в садок. Привез в город и стоит кричит: «Кто в городе не бывал, такое чудо не видал? Вот я привез!» Окружил его народ. Одна барыня спрашивает: «Сколько за погляденье?» — «Да рупь!» — «У-у, — говорит, — да это ворона!» — «Ты, — говорит, — сама ворона, рупь мне отдала!»

Подается с этого места и там так-то кричит. Набрал денег много и свою нужду всю исполнил. Теперь у мужика нужды нет.

УДАЛАЯ БАБА

У нас по мосту-мосту,
По калиновом мосту
Шел-шел мужик,
Конопляный шлык.
А под шеей платок,
Под паневой лохмоток.
Несет трость во руках —
Опирается,
Он своей шельмой женой
Выхваляется:
«Как моя шельма жена
Мастерица хлебы печь!»
Поставила она хлебушки
Во худом горшку,
Чуть на донышку.
Три недели хлебы кисли
И то не выкисли!
На четвертую неделю
Стали хлебы выкисать,
А на пятую неделю
Стали хлебушки валять.
По подлавочью валяли,
На печи в углу сажали,
В коробок их загребали.
Загребли их в коробок,
Повезли их в городок.

Никто хлебушки не купит,
Никто даром не берет.
Подошла свинья Устинья,
Стала хлебы торговать,
Торговала, торговала,
И все рыло обмарала —
Три недели прохворала.
На четвертую неделю
Свинья скорчилась,
А на пятую неделю
Совсем кончилась...
Три недели баба хату не мела
И много сору набрала.
Много сору набрала,
По самые лавки,
По красны окошки.
Приехали гости.
Взяли все по горсти.
Лопата раскудахталася,
Помело-то раскувекталося,
А наша добрая жена
Много вина пожрала,
Она пьяная свалилась у окна,
Наварила толокна.
Ее суп-то остыл,
За косы муж по улице тащил.
Он бил ее и приказывал:
«Не губи-ка все добро,
Не выкидывай в окно».
Он на горло наступил,
Паршиву жену задушил.

Комментарии

В комментариях приняты следующие сокращения:

Барсов, I, II, III — Барсов Е. В. Причитанья Северного края. — М., 1872—1885. Т. 1—3. (Т. 3: Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885. № 3).

Господарев — Сказки Филиппа Павловича Господарева /Запись текста, вступ. статья, примеч. Н. В. Новикова. — Петрозаводск, 1941.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. — М., 1904. Т. I.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — 2-е доп. изд. /Подгот. Е. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. — М.: Наука, 1977.

Коргуев, I, II — Сказки Карельского Беломорья. Т. I: Сказки М. М. Коргуева, кн. 1—2 /Записи, вступ. статья и коммент. А. Н. Нечаева. — Петрозаводск, 1939.

Куприяниха — Сказки Куприянихи /Записи сказок, статья и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. — Воронеж, 1937.

Ляцкий — Ляцкий Е. А. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895.

Магай — Сказки Магая (Е. И. Сорокикова) //Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. — Л., 1940.

ЗЗ — М. [Семевский М. И.] Сказочник Ерофей /Отечественные записки, 1864, № 2. С. 485—498.

Рус. ск. Вост. Сиб. — Русские сказки Восточной Сибири /Сборник А. Гуревича. — Иркутск, 1939.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым /Под ред. А. Е. Грузинского. — 2-е изд. — М., 1909. Т. I.

И. Г. Рябинин-Андреев — Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева /Подгот. текста А. М. Астаховой. — Петрозаводск, 1948.

П. И. Рябинин-Андреев — Былины П. И. Рябинина-Андреева /Подгот. текстов, статьи и примеч. В. Г. Базанова. — Петрозаводск, 1939.

Сказки Заонежья — Сказки Заонежья /Сост. Н. Ф. Онегина. — Петрозаводск, 1986.

Ук. — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка /Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л.: Наука, 1979.

Чистов, 1981 — И. А. Федосова. Избранное. /Сост., вступ. статья и коммент. К. В. Чистова. — Петрозаводск, 1981.

В большинстве фольклорных сборников собиратели старались отразить диалектные особенности речи сказителей. Последовательное воспроизведение фонетической стороны текстов исполнителей, важное для научного изучения народной поэзии, как правило, затрудняет восприятие устнопоэтических произведений и мешает рядовому читателю должным образом оценить художественные достоинства сказок, былин и плачей. В связи с этим в настоящем издании произведена определенная литературная правка текстов: в дореволюционных записях сделан перевод слов на новую орфографию; в отдельных местах предложено иное расположение знаков препинания; сняты многие особенности передачи речи сказителей, возникшие в результате попытки зафиксировать ее фонетически точно. Однако наиболее яркие черты диалекта сохраняются (например, «цоканье»

у М. Д. Кривополеновой или «иканье» у И. А. Федосовой). Оставляются без изменений также особенности спряжения и склонения, лексика, характерная для того или иного говора.

В комментариях даются ссылки на первоисточник. При комментировании былин и исторических песен учитываются различные точки зрения в истолковании того или иного сюжета. Изложение основных направлений в современном эпосоведении читатель может найти в следующих книгах: Пропп В. Я. Русский героический эпос.— М., 1958; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи.— М., 1963; Анкин В. П. Русский богатырский эпос.— М., 1964; Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь.— М., 1969; Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование.— М., 1971; Селиванов Ф. М. Поэтика былин.— М., 1977; Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора.— Л., 1982. Рекомендуем также читателю обратиться к исследованиям Б. Н. Путилова «Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков» (М.— Л., 1960) и В. К. Соколовой «Русские исторические песни XVI—XVIII вв.» (М., 1960).

В комментариях к сказкам даются ссылки на фундаментальный указатель сказочных сюжетов «Восточнославянская сказка». В нем даны сведения обо всех русских, украинских и белорусских сказках, опубликованных до 1979 года.

При комментировании причитаний приводятся обобщенные описания обрядов, при которых исполнялся тот или иной плач.

КИРША ДАНИЛОВ

Волх Всеславьевич. КД, № 6. Былина отразила в себе древнейшие языческие представления и тотемистические верования: герой рождается от союза его матери со Змеем и обладает способностью оборачиваться в разных животных. Имя «Волх» связано с древнерусским словом «волхв» — колдун, кудесник. Некоторые исследователи полагают, что в образе Волха Всеславьевича воплотились воспоминания о князе Всеславе Полоцком, герое «Слова о полку Игореве» (XI в.), который, согласно легенде, родился от «волжования». Индейское царство в былине представляет собой некую условную эпическую страну и не имеет никакого отношения к реальной Индии. По всей вероятности, на создание образа «Индей» в русском эпосе повлияло византийское литературное произведение «Сказание об Индии богатой», известное на Руси с XIII в.

Добрыня и Маринка. КД, № 9. Классический былинный сюжет о молодости одного из главных героев русского эпоса. В науке существуют устойчивые представления относительно исторических прототипов главных действующих лиц былины. Добрыня Никитич традиционно связывается с дядей князя Владимира Святославовича Добрыней (X в.). По мнению некоторых ученых, в образе Маринки сказались народные представления о Марине Мнишек (1588—1614), жене самозванцев Лжедмитрия I, а затем Лжедмитрия II. Былина отразила некоторые суеверные обряды и обычаи Древней Руси. Например, в ее текст включен любовный заговор (присуха); в магии колдовства придавалось большое значение следу человека, о чем и свидетельствует былина. Добрыня и Маринка венчаются «круг раковитоа куста»: эта эпическая формула, находящая себе параллель в известной поговорке, подтверждает сведения о том, что деревья и кусты играли у древних русичей определенную роль в языческих брачных обрядах.

Добрыня купался — Змей унес [Добрыня и Змей]. КД, № 48. Классический героический сюжет русского эпоса, повествующий о главном подвиге Добрыни Никитича. Действие разворачивается на Сафат-реке (Израй, Пучай-реке), которая в христианской мифологии имеет значение священной реки. В образе Сафат-реки прослеживаются также древние языческие представления о месте, где обитает фантастический Змей — персонаж фольклора многих народов. Герой побивает Змея «шляпой земли греческой» — монашеским головным убором. Победа Добрыни над Змеем с помощью монашеского колпака, по мнению ученых, в художественной форме отразила принятие Русью в 988 г. христианства. Известно, что исторический Добрыня сыграл большую роль в крещении жителей Новгорода

в 989 г. По его приказу был свергнут в р. Волхов языческий идол Перун, с которым впоследствии народная легенда связала образ Змея.

Добрыня чудь покорил [Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича на жене Добрыни]. КД, № 21. Одна из самых популярных былин киевского цикла, разрабатывающая сюжет мирового фольклора «муж на свадьбе жены» (ср. «Одиссея»). В варианте Кириши Данилова четко прослеживается осуждение князя Владимира, просватавшего Настасью Никулишну за Алешу Поповича, названного брата Добрыни. В этом сюжете древний образ богатыря Алеши Поповича подан в дегероизированном плане. См. былинку сказителей Рябининых «Добрыня и Василий Казимиров».

Сорок калик со каликою. КД, № 24. Эпическая песня, относящаяся к жанру духовных стихов. Герои песни — калики переходящие, совершающие паломничество по «святым местам». Их аскетичный дух и высокие моральные качества противопоставлены распущенным нравам княжеской среды. В старине осуждается не только сластолюбивая княгиня Апраксеевна, но и Алеша Попович, обрисованный здесь как угодливого придворный, готовый на всевозможные низкие услуги. Добрыня в отличие от Алеши Поповича представлен как богатырь, владеющий «веществом», умеющий вести трудные и деликатные переговоры.

Иван Гостиной сын. КД, № 8. Былина киевского цикла о состязании князя Владимира с богатырем. Иван Гостиной сын (то есть сын «гостя» — заезжего купца) одерживает победу в споре с киевским князем, посрамляя его: князь с княгиней от страха перед жеребцом героя «печален стал, по подполью наползалися». Из текста былины следует, что князь хочет отказаться от обязательств по закладу, объявляя поруки «простыми», то есть пустыми, потерявшими силу. Но владыка черниговский, поручитель Ивана Гостиного сына, велит захватить корабли на Днепре, которые выиграл по условиям спора герой, и прибавляет еще, что «князь-де и бояра никуда от нас не уйдут».

Высота ли, высота поднебесная [Суровец — суздалец]. КД, № 58. Уникальный былинный текст, не имеющий других вариантов. Обращает на себя внимание зачин былины, описывающий красоту русской земли. Упомянутый в былине город Покидыш скорее всего является искаженным именованием сказочного Китежа.

Щелкан Дудентевич. КД, № 4. Старейшая историческая песня, рисующая события 1327 г., когда тверичане восстали против ненавистного ордынского баскака Чолхана. Песня сатирически обрисовывает порядки в Золотой Орде, одновременно рассказывая о тяготах татарского ига на Руси. Упомянутый в старине Азвяк — это хан Узбек, правивший в Орде с 1313 по 1342 год; Борисовичи, как предполагают ученые, — тверской тысяцкой и его брат, сыгравшие определенную роль в восстании жителей Твери.

Михайла Скопин. КД, № 29. Историческая песня о смерти видного военного деятеля начала XVII в. Михайла Васильевича Скопина-Шуйского. Старины довольно точно излагают события того времени. Так называется дата «сто двадцать седьмой год, седьмой год восьмой тысячи» — по старому летосчислению это 7127 (то есть 1619) год. Здесь сказитель несколько ошибся: действие относится к 1609 г., когда Литва «облегла» Русь «со все четыре стороны». За образами «литвы», «сорочин», «черкас» и т. д. скрываются в данном случае воспоминания о польских интервентах и сторонниках Лжедмитрия II, противопоставивших себя царю Василию Шуйскому. В 1609 г. Василий Шуйский послал Скопина в Новгород, где тот, вступив в переговоры со шведским королем Карлом IX, договорился о военной помощи шведов России в борьбе с польским нашествием и Лжедмитрием II. Согласно договору, в 1609 г. в Новгород прибыл шведский отряд под командованием Якова Понтуса Делагарди (в песне — Митрофан Фунтосов). Войска Скопина совместно с союзным шведским отрядом освободили от интервентов и приверженцев Лжедмитрия II несколько крупных городов и сняли блокаду Москвы. По случаю побед Скопин был вызван в Москву для воздаяния ему почестей. Как свидетельствуют современники, 23 апреля 1610 г. Скопин был отравлен женой царского брата Дмитрия Шуйского (дочерью Малюты Скуратова) на крестинах сына князя И. М. Воротынского. Тайной причиной отравления Скопина было, по-видимому, то, что Василий Шуйский подозревал Скопина, своего племянника, в намерении захватить царский престол.

Князь Роман жену терял. КД, № 51. Распространенная баллада об убийстве мужем своей жены.

Про гостя Терентиша. КД, № 2. Скоморошина. В русской традиции сюжет об обманутом муже и скоморохах (музыкантах, рабочих), помогающих мужу разоблачить неверную жену, воплотился как в песенной, так и в сказочной форме. (См. сказки: Ф. П. Господарева «Музыкант» и М. М. Коргуева «Солома, ты, солома».)

Из монастыря Боголюбова старец Игренищо. КД, № 46. Скоморошина, юмористически и сатирически описывающая монастырские нравы. Старец Игренище, собирающий милостыню, крадет у богатого купца служанку («поваренну девушку»). Упомянутые «ребята десятильниковы» — это десятильники, государственные сборщики пошлин с монастырей и церковей.

Чурилья-игуменья. КД, № 57. Уникальная песня-скоморошина. Лукавая насмешка над монастырскими нравами здесь сочетается с явным сочувствием Стафиде Давыдьвене, ловко нарушающей монастырский устав.

Агафонушка. КД, № 27. Скоморошина. Первая часть песни (до стиха «Кишкою брюхо пропорано») представляет собой пародию на героическую былинку. Пародируя известные эпические мотивы (прославление красоты русской земли — см. былинку «Высота ли высота поднебесная» Кирши Данилова, идеализированное описание роскошной одежды богатыря — см. былинку И. Г. Рябинина-Андреева «Боярин Дюк Степанович»), сказитель рисует шуточную картину драки свекра со снохой. Вторая часть песни является типичной небывальщиной.

Ох, в горе жить — некручинну быть. КД, № 55. Лирическая песня, отдельные стихи которой навеяны древнерусской «Повестью о Горе-Злочастии».

ЕРОФЕЙ СЕМЕНОВИЧ

33, с. 486—487. Анекдот с ярко выраженной социально-обличительной направленностью против помещиков и старост — главных угнетателей крепостной деревни России.

33, с. 486. Характерный для творчества Ерофея Семеновича анекдот о мужике и барине.

33, с. 489. Данный сюжет, обличающий положение, при котором право всегда оказывается на стороне сильных, является примером русской народной басни.

33, с. 489—490. Ук. 555. Динамично изложенная сказка о старике и березе представляет собой вариант к пушкинской «Золотой рыбке». В русской традиции в качестве волшебного существа, выполняющего все желания старика и его жены, а потом наказывающего их, выступает обычно дерево или птичка, сидящая на нем. Золотая рыбка А. С. Пушкина заимствована поэтом из западных вариантов сказок братьев Гримм.

33, с. 493—496. Ук. 613. Распространенный в восточнославянской сказочной традиции сюжет о Правде и Кривде. В тексте Ерофея Семеновича отразились многие суеверные представления русских крестьян XIX века: вера в росу, которая может исцелить любую болезнь; боязнь вслух произносить слово «черт» или «водяной». Сказитель в своем рассказе нечистую силу, ставящую себе целью погубить души людей, никак не называет: он говорит о них просто «они» («И много их к челну собралось»).

33, с. 490—491. Сказка утверждает извечные представления русского крестьянина о нравственности и правде: по-настоящему «спасется» (то есть истинно праведен) не тот, кто много молится богу, а тот, кто много работает и всегда готов помочь другим.

СКАЗИТЕЛИ РЯБИНИНЫ

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Рыбников, № 4. Былина записана в 1860 г. от Т. Г. Рябинина. Это один из самых распространенных сюжетов русского эпоса, повествующий о первом подвиге Ильи Муромца, обеспечившем герою почетное место среди киевских богатырей. В основе былины лежат древние мифологические представления восточных славян. Противник богатыря Соло-

вей-разбойник Одихмантьев сын — персонаж, сочетающий в себе черты фантастической птицы, чудовища и человека. Он обитает у речки Смородинки (от слова «смрад») — мифологической реки, являющейся границей между человеческим и иным миром. (См. былинку «Илья Муромец и Соловей-разбойник» другого представителя династии Рябиновых — П. И. Рябинина-Андреева.)

Илья Муромец и Идолище. Рыбников, № 6. Былина записана от Т. Г. Рябинина. Стáрина повествует об одном из подвигов Ильи. Сюжет реализуется в двух версиях: по одной из них богатырь освобождает от Идолища Киев и князя Владимира, по другой — Царь-град и царя Константина. (См. былинку М. Д. Кривополеновой «Илья Муромец и чудище проклятое», а также вступительную статью на с. 7—8.) В русском эпосе данный сюжет прикреплен также к имени Алеша Поповича («Алеша Попович и Тугарин Змей»). В образе Идолища поганого соединились черты врага Руси, татарского хана, и антропоморфного чудовища огромных размеров. Само имя — Идолище (идол) — связывает этот персонаж с языческой мифологией.

Илья, Ермак и Калин-царь. Рыбников, № 7. Текст записан от Т. Г. Рябинина. Былина отражает эпоху монголо-татарского ига на Руси. Враг Киева, согласно стáрине, одновременно и татаре, и «Литва поганая» — собирательный образ восточных и западных противников средневековой Руси XIII—XIV вв. Калин-царь угрожает Киеву, князь Владимир по совету богатырей откупается от него золотом и серебром, что соответствовало реальным отношениям русских княжеств с Золотой Ордой. В центре былины находится бой Ермака Тимофеевича с врагами. Долгое время ученые предполагали, что прообразом былинного Ермака является известный покоритель Сибири (XVI в.). С. Н. Азбелев недавно выдвинул гипотезу, по которой в основе сюжета лежат события 1378 г., когда на реке Воже, близ Рязани, произошла первая успешная для русских битва с войсками Мамаю. В этом сражении участвовал некий Ермачок, сыгравший в нем решающую роль, но погибший, как и эпический герой.

Илья Муромец и дочь. Рыбников, № 5. Текст записан от Т. Г. Рябинина. Былина является боковой версией распространенного сюжета «Илья Муромец и Сокольник». В основной версии герой бьется с богатырем-нахвалящиком, который оказывается его сыном. В быльке Т. Г. Рябинина противником Ильи Муромца является его дочь. Сюжет о бое богатыря с сыном известен иранскому, древнегерманскому, кельтскому и другим эпосам. Причина столкновения героев, видимо, кроется в том, что сын — представитель «чужого» мира, он принадлежит материнскому роду. Брак богатыря с его матерью был временным, ненастоящим. В русских былинах, являющихся поздней модификацией данного сюжета, на первый план выдвигается другая причина боя: сын (дочь) мстит Илье Муромцу за то, что он (она) рос «заугольником», безотцовщиной.

Добрыня и Василий Казимиров. Рыбников, № 8. Текст записан от Т. Г. Рябинина. Былина отражает события 1480 г. — свержение татарского ига. Добрыня отправляется в Орду вместе с Василием Казимировым с данью, но вместо платы дани побивает врагов. По мнению С. Н. Азбелева, в данном сюжете напластовались воспоминания о разных событиях русской истории. Перед Куликовской битвой 1380 г. русский посол Захарий Тютчев побывал у хана Мамаю с дарами и, возвращаясь в Москву в сопровождении татарских князей, полонил их, то есть вел себя аналогично былинным героям. XV век наложил свой отпечаток на былинку. К событиям 1480 г. — «стояния на реке Угре» русских и татарских войск и прекращению уплаты дани Русью Золотой Орде — был причастен популярный новгородский посадник Василий Казимир, проводивший активную политику присоединения Новгорода к Москве. По всей вероятности, оба эти факта (Захарий Тютчев и Василий Казимир) наложились на не дошедшую до нас былинку о поездке Добрыни за данью, в результате чего и родилась былина «Добрыня и Василий Казимиров», воспевающая достоинства и доблесть русских воинов.

В тексте Т. Г. Рябинина главное место занимает Добрыня, выходящий победителем во всех состязаниях с королем Бутеяном Бутеяновичем. Сюжет «Добрыня и Василий Казимиров» здесь контаминируется с былинкой «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича на его жене». (См. былинку Кириши Данилова «Добрыня чудь покорил».)

Дунай-сват. Рыбников, № 9. Текст записан от Т. Г. Рябинина. Былина отражает реальные династические браки киевских князей и московских царей с ино-

земками. В фольклористике делались попытки возвести сюжет старины к жень-бе князя Владимира Святославовича (X в.) на полоцкой княжне Рогнеде или греческой принцессе Анне. Однако данные гипотезы маловероятны. Былина делится на три части: Дунай сватает невесту для Владимира; встречает в поле богатыршу и женится на ней; спорит с женой и убивает ее. В заключительном эпизоде былины — самоубийстве Дуная и образования из его крови реки — отразились мифологические представления о происхождении р. Дунай, а также следы культа этой реки у всех славян.

Вольга и Микула. Ляцкий, № 1. Текст записан от И. Т. Рябинина. Сюжет былины хорошо известен советскому читателю благодаря тому, что данная старина включена в школьную программу. Однако в народном репертуаре «Вольга и Микула» является малораспространенной былинной. Вариант Рябининых — один из самых полных и ярких в художественном отношении. Былина противопоставляет князю Вольге Святославовичу, выехавшему за данью, оратая (пахаря) Микулу и воспевает крестьянский труд последнего.

Боярин Дюк Степанович. И. Г. Рябинин-Андреев, № 7. В былине отразилась историческая ситуация XII—XIII вв., когда Киевское княжество потеряло свое былое могущество. По силе и богатству в этот период его превосходили Галицко-Волынские земли. Галицкое княжество достигло своего расцвета при Яро-славе Осмомысле (1153—1187), герое «Слова о полку Игореве». В 1199 г. произошло объединение Галицкого и Владимир-Волынского княжеств. Галицко-Волынский князь Даниил Романович укрепил свои владения и в 1245 г. захватил киевский престол.

Воспеваемое в былине богатство боярина Дюка Степановича из «Галичии проклятой», «славна Волын-города» является отражением реального соперничества Галицко-Волынских земель с разоренным междоусобицами и татарским нашествием Киевом. Можно предположить, что данный эпический сюжет родился в Галицко-Волынском княжестве.

Илья Муромец и Соловей-Разбойник. П. И. Рябинин-Андреев, № 2. (См. комментарий к былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» Т. Г. Рябинина на с. 452—453.)

Как было у вдовки у распашеньки девять сыновей, одна дочь. П. И. Рябинин-Андреев, № 9. Широко распространенная трагическая баллада о братьях-разбойниках и их сестре.

Про Ивана-настушка. Сказки Заонежья, № 1. Ук. 465 А. Текст записан в 1937 г. М. А. Ивановой от П. И. Рябинина-Андреева. Волшебно-фантастическая сказка. Сюжет широко распространен в восточнославянской традиции.

Про святого голубя. Сказки Заонежья, № 4. Ук. 1837. Текст записан в 1937 г. М. А. Ивановой от П. И. Рябинина-Андреева. Антиклерикальная бытовая сказка.

Как мужик в рай ходил. Сказки Заонежья, № 10. Ук. 752 С*. Собственно-ручная запись 1938 г. М. К. Рябинина-Андреева. В указателе «Восточнославянская сказка» зарегистрирован всего один вариант этой сказки. Текст М. К. Рябинина-Андреева представляет собой яркую сатиру на религиозные воззрения о христианских святых. Сказитель рисует разгульную и несправедную жизнь святых и полную беспомощность бога, не способного наладить порядок в небесах.

Саваоф — одно из имен бога в иудаистической и христианской традициях. *Петр* — по христианским преданиям, один из двенадцати апостолов, которому бог вручил ключи отрая; на иконах Петр всегда изображается с ключами. *Кирилл и Мефодий* — славянские просветители, первые переводчики богослужебных книг на славянский язык (IX в.). *Мария Магдалина* — женщина из Галилеи, последовательница Иисуса Христа. *Михаил* — архангел, то есть «великий ангел», по христианским верованиям, «ангел предстояния», стоящий вместе с Гавриилом перед тронном божьем и молящий бога о прощении рода людского. *Микола* — христианский святой, особо чтимый на Руси («Никола — русский бог»). Весенний Никола праздновался 9 мая (по ст. ст.), а зимний — 6 декабря. С этими днями, как, впрочем, и с другими, было связано множество примет и поговорок («На Руси два Николы: теплый да голодный, сытый да холодный»; «На вешнего голодного Николу не до разносолу»; «Не покорми о Николин день голодного — сам наголодаешься»; «На Николу выгоняй лошадей на починку, на ночной подножный корм»; «Никола зимний лошадь на двор загонит, вешний откормит на траве»). *Георгий-победоносец* — свя-

той, воин-мученик, с чьим именем фольклорная традиция связала мотив змеборства и языческую обрядность весенних скотоводческих и земледельческих культов. Отмечался 23 апреля («Егорий Храбрый — зиме ворог лютый»; «Заегорит весна, так и зябкий мужик шубу с плеч долой»; «Юрий на порог весну приволок»). *Алексей, человек божий* — святой, сын знатного римлянина (V в.), долгое время жил пустынником, затем неузнанный возвратился в родной дом и терпел пренебрежение от родных. Празднуется 17 марта («Алексей человек божий — с гор потоки»; «Алексей пролей кувшин»; «Алексей человек божий зиму зимскую на нет сводит»). *Василий-капельник* — народное прозвание священномученика Василия, епископа херсонесского, жившего в царствование Диоклетиана (III в.). Празднуется 7 марта. *Авдотья-плющица* — праздновалась 1 марта («Авдотья-плющица снег плющит»; «С Евдокеи плющицы первые оттепели»; «Евдокея красна и весна красна»). *Илья-пророк*, предсказавший появление на земле Христа, богочеловека. Отмечается 20 июля («Пророк Илья лето кончает — жито зажинает»; «С Ильина дня ночь длинна и вода холодна»; «Илья-пророк разъезжает по небу в огненной колеснице»). *Варвара-великомученица* — христианская святая, день которой отмечается 4 декабря («Трещит Варюха — береги нос и ухо»; «Придет Варвара — заварварят и морозцы»). *Дева Мария* — богоматерь, земная мать Иисуса Христа. *Егорий осенний* — осенний Георгий отмечался 26 ноября («Егорий замостит, а Никола загвоздит», то есть покроет реки льдом).

И. А. ФЕДОСОВА

Рассказ Федосовой о себе. Барсов, I, с. 314—321. Это самая первая в истории русской фольклористики автобиография сказителя.

Плач о старосте. Чистов, 1981, с. 31—36 (первоисточник — Барсов, I, с. 282—288). Плач возник на основе факта, имевшего место в августе — сентябре 1867 г. в д. Кузаранда. Здесь произошло столкновение крестьян с мировым посредником коллежским секретарем П. П. Дротаевским из-за увеличения размеров подати. Староста, заступившийся за «общество», был арестован, потом выпущен из тюрьмы, но умер по дороге домой. Судя по тексту И. А. Федосовой, мировой посредник тайно расспрашивал наивных детей, не продавали ли крестьяне хлеб до уплаты податей («Вопотай у недоростков он выведывает, Уже нет ли где корыстного делишечка»). Сказительница свидетельствует, что старосты своим имуществом отвечали перед властями за исправный сбор подати («Хоть своей казной теперь да долагайте-тко»). В плаче имеется отрывок, идеализирующий старые справедливые новгородские времена и предрекающий появление «скрозекозных судей». В публикации Е. В. Барсова этот эпизод отсутствует. Собиратель напечатал данные строки отдельно в предисловии ко II тому «Причитаний Северного края» (С. XII). Текстологическая реконструкция предложена К. В. Чистовым.

Плач о писаре. Барсов, I, с. 288—293. Как и в «Плаче о старосте», здесь И. А. Федосова рисует образ народного заступника. Однако главной темой этого причитания становится легенда о происхождении Горя, которое властвует над крестьянами. Легенда использована в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (гл. «Бабы притча» из части «Крестьянка»).

Плач о рекруте женатом. Барсов, II, с. 95—180. Рекрутчина в царской России была страшным горем, постоянно угрожавшим крестьянской семье. До военных реформ 1860—1870-х гг. солдатская служба длилась 25 лет. Крестьянин на долгий срок (а часто и навсегда) отрывался от жены и детей. Хозяйство его неизбежно приходило в запустение, а семья, оставшаяся без мужских рук, была обречена на нищенское существование. Военные реформы Александра II (отмена некоторых видов телесного наказания солдат, сокращение срока службы до 15 лет) практически ни-

чего не изменили для крестьян. Напротив, сокращение срока службы привело к учащению рекрутских наборов — они стали почти ежегодными.

Длительное существование системы рекрутства сформировало в русском фольклоре особый обряд — рекрутский. После объявления рекрутского набора община должна была провести жеребьевку: какой семье поставить на царскую службу солдата. Затем в семье, которой выпал жребий, решалось, кто из сыновей пойдет в рекрута. Часто родителями заранее было предreshено, кому из сыновей в случае «худого жребья» идти в солдатчину. Богатые семьи иногда откупались от рекрутства: за определенную плату нанимали охотника идти в солдаты вместо члена их семейства. В доме рекрута собирались «печальный пир». Мать, жена, сестры рекрута начинали причитывать, плачем выражать свое горе. Часто в дом приглашалась воялица. Несколько дней длился разгул рекрутов, гулявших со своими сверстниками. Далее следовало прощание рекрута с родными: он ездил в гости к своим родственникам, иногда в сопровождении плачеи. Затем следовало последнее прощание с родным домом, благословение родителей и отъезд. Рекрутов обычно провожали всей деревней до определенного, традицией сложившегося места.

И пораздумаюсь девóчьим своим разумом. Барсов, III, с. 20—24. Свадебный обряд, знаменующий переход девушки в новое состояние, в другую семью, сопровождался многочисленными песнями и причитаниями. Во время всех основных моментов обряда (сватовство, стовор, баня, приезд жениха в день венчания, свадебный стол, бужение молодых) звучали лирические, величальные, скромные песни и причитания. Невеста и ее родственницы начинали причитывать на стоворе (в день окончательного согласия обеих сторон на брак) и голосили на протяжении всего времени (иногда на протяжении нескольких недель) до отъезда к венцу. Если невеста не умела «выть», то приглашалась специальная причетчица. Тема «девичьей воли», развиваемая в данном тексте, является одной из центральных в русских свадебных плачах.

Уж я что же сижу, девушка, одумалась. Барсов, III, с. 106—115. Баня — один из главных моментов предвенечной обрядности. В бане происходило ритуальное мытье невесты вместе с подругами и прощание ее с девичьей жизнью.

М. Д. КРИВОПОЛЕНОВА

Илья Муромец и чудище проклятое в Царе-граде. Григорьев, № 76. (См. былинку сказителей Рябининых «Илья Муромец и Идолище», а также вступ. статью на с. 7—8.)

Соловей Будемерович и Запава Путевисна. Григорьев, № 88. Новеллистическая былина киевского цикла. Произведение проникнуто свадебными мотивами: героя зовут Соловей (в обрядовых песнях соловей является символом жениха), он строит терема в саду у своей невесты (сад также относится к брачной символике). Прослеживаются в былинке и сказочные элементы: постройка трех теремов за одну ночь может быть приравнена к выполнению Иваном-царевичем трех трудных задач, данных ему фантастическим противником. (См. сказку Е. И. Соровикова «Волшебное платье».) Существует предположение, что в старине отразилась воспоминания о женитьбе норвежского короля Гаральда на дочери Ярослава Мудрого Елизавете (40-е гг. XI в.). Гаральд был известным певцом-скальдом, ему довелось участвовать в походах как на земле, так и на море.

Путешествие Вавилы со скоморохами. Григорьев, № 85. Уникальная былина, зафиксированная только на Пинеге. В этом произведении скоморохи рисуются

святыми людьми, искусство служит им для наказания зла и утверждения добра. В былинах четко реализуются демократические устремления русского крестьянства: скоморохи побеждают злого царя Собаку и возводят на престол Вавилу, проство пахара.

Иван Грозный и его сын. Григорьев, № 79. Историческая песня XVI в., в которой отразились сложные отношения Ивана IV с его сыновьями Иваном и Федором (см. роман А. К. Толстого «Князь Серебряный»). В варианте М. Д. Кривополеновой конфликт между царем и царевичем происходит из-за того, что последний посмел упрекнуть царя в протитии «горячей крови». В старине царевич именуется Федором, что, вероятно, является свидетельством памяти народной о Федоре Ивановиче, втором сыне Ивана Грозного от брака с Анастасией Романовой (1557—1598), ставшем после смерти отца с 1584 г. царем всея Руси. В песне упомянут «Скорлутка вор, Скорлатов сын» — Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский (Малюта), известный своею жестокостью глава опричников; а также «Микита Родомановиц» — Никита Романович Захарьин-Юрьев, брат Анастасии Романовой.

Кострюк. Григорьев, № 80. Историческая песня XVI в., отразившая воспоминания о втором браке Ивана Грозного (на Марии Темрюковне, дочери кабардинского князя, 1561 год). Известно, что брат Марии Матрюк ненадолго приезжал в Москву. Народ был недоволен женитьбой царя на иноземке. В варианте М. Д. Кривополеновой сатирически обрисовывается хвастливый Кострюк Демрюкович, оказавшийся женщиной, сестрой новой царицы.

Небылица в лицах. Григорьев, № 87. Скоморошина. Коронный номер М. Д. Кривополеновой, исполняемый ею на всех своих городских концертах. Припев обычно подхватывал весь зал.

Ф. П. ГОСПОДАРЕВ

Солдатские сыны (Иван и Роман). Господарев, № 2. Ук. 303. Широко распространенный в восточнославянской сказочной традиции сюжет. Это одна из самых любимых сказителем сказок. Он рассказывал ее с соблюдением всей сказочной обрядности. Для варианта Ф. П. Господарева характерна ярко выраженная антипомещичья направленность сказки. Герои — сыновья солдата, сданного в рекруты вне очередь, — противопоставляют себя барину. Проявление ими богатирской удалости становится для помещика моментом социальной расплаты. Эти мотивы для данного сюжета уникальны и встречаются только в тексте Ф. П. Господарева. (См. сказку А. К. Барышниковой «Иван Водыч и Михаил Водыч».)

Про глупого Омелю. Господарев, № 10. Ук. 675. Распространенная волшебнo-фантастическая сказка. У Ф. П. Господарева, как и в других его сказках, появляются яркие антибарские тенденции (см. диалог Омели с боярином о праве рубить лес).

Об золотом кольце. Господарев, № 13. Ук. 560. Распространенная волшебная сказка. Сюжет характерен для репертуара Ф. П. Господарева: здесь антагонизм героя и его жены возникает на основе социального неравенства.

Княгиня. Господарев, № 31. Ук. 969 С*. Сказка известна в единственном варианте Ф. П. Господарева. Возможно, перед нами пример индивидуального творчества сказителя, искусно соединившего многие традиционные мотивы.

Беззаботный монастырь. Господарев, № 54. Ук. 922. Популярнейшая сказка мирового фольклора. В варианте Ф. П. Господарева сюжет прикреплен к имени Петра I.

Петр Великий и кузнец. Господарев, № 55.

Помещик и бедный мужик. Господарев, № 34. Ук. 901. Распространенный сюжет мирового фольклора, легший в основу комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

Барин-драчун. Господарев, № 32. Ук. 1572 С*. Для творчества Ф. П. Господарева характерны сказки, в которых умный и ловкий мужик (цыган) проучает барина (попа). Данный сюжет в восточнославянской традиции зафиксирован в единственном варианте.

Про цыгана и про попа. Господарев, № 45. Ук. 1736. Популярная в русской традиции новеллистическая сказка.

Музыкант. Господарев, № 56. Ук. 1360 С. (См. скоморошину Кириши Данилова «Про гостя Терентишша» и сказку М. М. Коргуева «Солома, ты, солома».)

М. М. КОРГУЕВ

Козарин. Коргуев, II, с. 463—472. Уникальная контаминация двух былинных сюжетов: «Добрыня и Змей» (в роли Добрыни выступает Козарин — см. былинку Кириши Данилова «Добрыня купался — Змей унес») и «Козарин». В основе сюжета о Козарине, как показали исследования Б. Н. Путилова, лежит древний, широко распространенный в мировом фольклоре мотив инцеста. Родители Козарина «на руки не брали», потому что им было предсказано, что он вступит в брачную связь со своей сестрой. Однако в русской традиции причина странного поведения родителей героя забывается. На первый план в былине выступают позднейшие исторические напластования: Козарин является богатырем, защитником русских людей от татар. Некоторые исследователи полагают, что в былине отразился факт, имевший место в 1106 г., когда русский воевода Козарин отбил у половцев русский полон.

Илья Муромец. Коргуев, II, № 39. Ук. — 650 С*. Сказка представляет собой пересказ былинных сюжетов «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ссора Ильи с князем Владимиром», «Илья Муромец и Калин», «Илья Муромец и Идолище», «Илья и Сокольник», «Илья и Святогор». Трансформация былины в сказку — довольно распространенное явление на позднем этапе жизни эпоса. Изложение былинных сюжетов в форме сказки характерно для лубочной литературы. Однако вариант М. М. Коргуева, помимо возможного влияния лубка, несомненно, несет на себе печать знания сказителем песенного эпоса.

Не-мал человек. Коргуев, II, № 44. Ук. 301 Д*, 318, 667. Сказка является пересказом широко распространенной в многочисленных переизданиях второй половины XIX — начала XX вв. лубочной повести «Португей-прапорщик», в свою очередь, созданной анонимным автором на основе фольклорных мотивов.

Аленькой цветочек. Коргуев, II, № 42. Ук. 425 С. Популярный сюжет мирового фольклора, хорошо известный читателю по литературной обработке С. Т. Аксакова. Определенные текстовые совпадения указывают на то, что М. М. Коргуев знал сказку С. Аксакова в чтении или в пересказе.

Иван Сосновиц. Коргуев, I, № 11. Ук. 301 А, В. Широко распространенная волшебнo-фантастическая сказка. Текст является характерным для творчества М. М. Коргуева примером «долгой» сказки.

Упрямая жена. Коргуев, II, № 69. Ук. 1365 А. Распространенная анекдотическая сказка.

Солома, ты, солома. Коргуев, II, № 68. Ук. 1360 С. (См. скоморошину Кириши Данилова «Про гостя Терентишша» и сказку Ф. П. Господарева «Музыкант».)

Коза-нирѣза. Коргуев, II, № 77. Ук. 212. Популярная детская сказка о животных.

Как три брата пошли полесовать. Коргуев, II, № 72. Ук. 1225. Анекдотический сюжет, входящий в цикл рассказов о пошехонцах.

Про Чапая. Коргуев, I, № 1. Произведение представляет собой довольно распространенную в 1930-е гг. и поощряемую искусственно собирателями попытку облечь в фольклорную форму сказки или былины новое содержание. М. М. Коргуев в сказке «Про Чапая» использует традиционные мотивы «кольца-талисмана», «битвы героя с врагом», употребляет сказочные формулы. В целом данную новацию сказителя можно признать удачной, однако эта сказка, как и другие подобные ей, не получила распространения в народной традиции.

Е. И. СОРОКОВИКОВ-МАГАЙ

Любитель сказок. Магай, № 25-а. Ук. 664 В*. Текст записан в 1927 г. М. К. Азодовским. Эту и следующую за ней сказку сказители часто исполняли в качестве своеобразной прелюдии к длинной классической волшебной сказке, как бы испы-

тывая терпение слушателей, поддразнивая их и раззадоривая интерес к повествованию.

Сказка. Рус. ск. Вост. Сиб., с. XIII—XIV. Ук. 1376 В*. Текст записан в 1936—1939 гг. А. Гуревичем. (См. сказку «Любитель сказок».)

Буй-волк. Магай, № 1-а. Текст записан в 1925 г. М. К. Азадовским. Сказка соединяет в себе несколько мотивов, которые в подобном сочетании не встречаются больше ни у одного сказителя. Произведение записывалось от Е. И. Сорокикова трижды (1925, 1936—1937, 1938 гг.). Два варианта, представленные в сборнике (см. сказку «Буй-волк и Иван-царевич»), дают читателю возможность наглядно увидеть творческую лабораторию знаменитого сказителя. Подробнее о сказке см. во вступ. статье на с. 10.

Буй-волк и Иван-царевич. Магай, № 1. Текст записан в 1938 г. Л. Элиасовым. (См. сказку «Буй-волк».)

Волшебное платье (хороший охотник). Магай, № 4. Ук. 313 А, В, С. Сказка записана в 1938 г. Л. Элиасовым. Вариант широко распространенной волшебно-фантастической сказки.

Иван-царевич и Алихон-богатырь. Магай, № 6. Ук. 315. Текст записан в 1938 г. Л. Элиасовым. Распространенный сюжет.

Серебряные шевяки. Магай, № 14-а. Ук. 1539. Текст записан в 1925 г. М. К. Азадовским. Популярный анекдотический сюжет.

Волк, пес и кот. Рус. ск. Вост. Сиб., № 19. Ук. 100, 117*. Текст записан в 1938 г. А. Гуревичем. Популярная детская сказка.

Сактахи Мэргэн. Магай, № 34. Текст записан в 1927 г. М. К. Азадовским. Бурятская сказка. Пример взаимообогащения устной поэзии двух народов.

Почему хвост у ласточки раздвоенный. Магай, № 37. Текст записан в 1927 г. М. К. Азадовским. Бурятская сказка, в которой разрабатывается широко распространенный в мировом фольклоре мотив объяснения происхождения различных птиц и животных.

А. К. БАРЫШНИКОВА

Иван Водыч и Михаил Водыч. Куприяниха, № 11. Ук. 303. (См. сказку Ф. П. Господарева «Солдатские сыны».) В отличие от Ф. П. Господарева А. К. Барышникова не акцентирует в своем повествовании социальные мотивы. Ее сказка динамична, она намного короче текста Ф. П. Господарева, вся построена на диалогах героев.

Марья-царевна-лягушоночка. Куприяниха, № 25. Ук. 402. Популярнейший волшебно-фантастический сюжет русской сказочной традиции.

Иван-дурак. Куприяниха, № 6. Ук. 530 А. Популярнейший сюжет русской традиции.

Замороженная девочка Наташа. Куприяниха, № 24. Ук. АА 480*В. Популярная восточнославянская сказка, характерная для женского репертуара.

Сиротка-девочка. Куприяниха, № 2. Ук. 511, 409. Широко распространенная русская волшебная сказка. У А. К. Барышниковой в конце рассказа наблюдается смешение двух разных версий этой сказки. Мачеха-колдунья обращает героиню в голубя, подменив ее своей дочерью Двухглазой. Двухглазка, чтобы накормить плачущего дитя героини, вынуждена останавливать табун голубей, но обращается она к сестре не как к голубице, а как к рыси: «Рысь молода, рысь хороша, накорми своего дитя!» Здесь на текст А. К. Барышниковой наложилась версия, по которой мачеха превращает девушку в рысь.

Золотой перстенок. Куприяниха, № 18. Ук. 780. Популярная русская сказка. Сюжет принадлежит к редким для традиции волшебных сказок повествований с трагическим концом.

Данила. Куприяниха, № 12. Ук. 313 Е*. Сказка разрабатывает мотив инцеста. (См. былинку М. М. Коргуева «Козарин».)

Воробьюшек. Куприяниха, № 16. Ук. 449.

Девичьи вечерушки. Куприяниха, № 45. Ук. 955. Вариант популярного восточнославянского сказочного сюжета, легшего в основу сказки А. С. Пушкина «Жених».

Как гармонист к чертям ходил. Куприяниха, № 10. Ук. 475.

Про волшебницу-девку. Куприяниха, № 4. Ук. 307. Вариант распространенной восточнославянской сказки. В русской литературе сюжет использован Н. В. Гоголем в «Вие». Текст А. К. Барышниковой очень лаконичен, лишен всех черт сказочной обрядности. По своему характеру он приближается к суеверным рассказам (быличкам).

Железные зубы. Куприяниха, № 8. Быличка, отражающая суеверные представления русского народа. Варианты см.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири /Сост. В. П. Зиновьев.—Новосибирск: Наука. 1987.

Про клад. Куприяниха, № 43. Сказка-быличка. (См. сказку «Железные зубы».)

Старуха-гадалка. Куприяниха, № 51. Ук. 1641. Распространенная анекдотическая сказка.

Попугай. Куприяниха, № 38. Ук. — 1750 В*. Сказка-анекдот. Сюжет известен только в исполнении А. К. Барышниковой.

Лгун. Куприяниха, № 58. Сказка-анекдот. Ук. 920 В.

Трусливый Ваня. Куприяниха, № 59. Сказка-анекдот. Ук. 1318 В.

Как мужик вез ворону в город продавать. Куприяниха, № 60. Сказка-анекдот.

Удалая баба. Куприяниха, № 70, с. 222—224. Стихотворная присказка.

Поддержка

Т. Г. Иванова. Сказители 3

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗИТЕЛИ

Кирша Данилов

Волх Всеславьевич	16
Добрыня и Маринка	20
Добрыня купался — Змей унес	25
Добрыня чужь покорил	28
Сорок калик со каликою	32
Иван Гостиной сын	40
Высота ли, высота поднебесная	43
Щелкан Дудентевич	44
Михайла Скопин	47
Князь Роман жену терял	51
Про гостя Терентиша	53
Из монастыря Боголюбова старец Игреницо	57
Чурилья-игуменя	59
Агафонуска	61
Ох, в горе жить — некручинну быть	63

Ерофей Семенович

Сказка	67
Сказка	67
Сказка	68
Сказка	68
Сказка	68
Сказка	71

Сказители Рябинины

Илья Муромец и Соловей-разбойник	79
Илья Муромец и Идолище	84
Илья, Ермак и Калин-царь	86
Илья Муромец и дочь	92
Добрыня и Василий Казимиров	99
Дунай-сват	118
Вольга и Микула	125
Боярин Дюк Степанович	129
Илья Муромец и Соловей-разбойник	141

Как было у вдовки у распашеньки девять сыновей, одна дочь	147
Про Ивана-пастушка	149
Про святого голубя	154
Как мужик в рай ходил	155
И. А. Федосова	
Рассказ Федосовой о себе	163
Плач о старосте	167
Плач о писаре	172
Плач о рекруте женатом	175
И пораздумаюсь девочьим своим разумом	237
Уж я что же сижу, девушка, одумалась	240
М. Д. Кривополенова	
Илья Муромец и чудище проклятое в Царе-граде	250
Соловей Будемерович и Запава Путевисна	254
Путешествие Вавилы со скоморохами	260
Иван Грозный и его сын	265
Кострюк	267
Небылица в лицах	271
Ф. П. Господарев	
Солдатские сыны (<i>Иван и Роман</i>)	275
Про глупого Омелю	294
Об золотом кольце	297
Княгиня	301
Беззаботный монастырь	307
Петр Великий и кузнец	308
Помещик и бедный мужик	308
Барин-драчун	311
Про цыгана и про попа	312
Музыкант	314
М. М. Коргуев	
Козарин	320
Илья Муромец	327
Не-мал человек	339
Аленькой цветочек	344
Иван Сосновиц	347
Упрямая жена	359
Солома, ты, солома	360
Коза-нирѣза	362
Как три брата пошли полѣсовать	364
Про Чапая	364

Е. И. Сороковиков-Магай

Любитель сказок	371
Сказка	372
Буй-волк	373
Буй-волк и Иван-царевич	384
Волшебное платье (<i>хороший охотник</i>)	390
Иван-царевич и Алихон-богатырь	399
Серебряные шевяки	406
Волк, пес и кот	410
Сактахи Мэргэн	411
Почему хвост у ласточки раздвоенный	412

А. К. Барышникова

Иван Водыч и Михаил Водыч	417
Марья-царевна-лягушоночка	423
Иван-дурак	427
Замороженная девочка Наташа	429
Сиротка-девочка	431
Золотой перстенек	434
Данила	435
Воробьюшек	437
Девичьи вечерушки	441
Как гармонист к чертям ходил	442
Про волшебницу-девку	442
Железные зубы	443
Про клад	443
Старуха-гадалка	444
Попугай	446
Лгун	446
Трусливый Ваня	446
Как мужик вез ворону в город продавать	447
Удалая баба	447
Комментарии	449

Русские народные сказители / Сост., вступ. ст., вводные
Р 89 тексты и ком. Т. Г. Ивановой; Ил. М. Ф. Петрова.— М.:
Правда, 1989.—464 с., ил.

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлено творчество таких сказителей, как Кирша Данилов (XVIII век), династия Рябиновых (1860—1930), М. Кривополенова (XIX в.) и других, оставивших неповторимый след в культуре нашей страны. В книгу включены сказки, былины, скоморошины.

Р 47020100000—1795
080(02)—89 1795—89

84 Р

Литературно-художественное издание

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗИТЕЛИ

Составитель

Иванова Татьяна Григорьевна

Редактор

С. А. Суркова

Оформление художника

В. В. Еремина

Художественный редактор

Г. О. Барбашинова

Технический редактор

Е. Н. Щукина

ИБ 1795

Сдано в набор 24.10.88. Подписано к печати 30.03.89.

Формат 360×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 29,00. Усл. кр.-отт. 29,50. Уч.-изд. л. 27,46.

Тираж 300 000 экз. (1-й завод: 1-100 000 экз.) Заказ № 4297.

Цена 2 р. 30 к.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии издательства Куйбышевского обкома КПСС.
443086, г. Куйбышев, проспект Карла Маркса, 201.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».

125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.